

Международный альманах Традиции и Революции
International almanac of Tradition and Revolution

INTERTRADITIONALE (1) – 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. DECAPITATIO	
• М. Борозенец «Просветление после Просвещения»	4
• О. Фомин «Денница-капитал и его отчуждение»	19
• М. Журкин «Империя золота»	36
• И. Хаськович «Время продавца»	61
«Брендология и брендомания»	70
• А. Елисеев «Магия Капитала»	77
• К.Р. Болтон «Циклическая парадигма Традиции»	103
2. TABULA CASTA	
• О. Фомин «Тернерная модель и символы социальной стратификации в традиционном обществе»	118
• В. Карпец «Царское место»	159
• М. Журкин «Философия жрецов»	168
• А. Игнатьев «Сословия и касты в мусульманском мире»	178
• М. Борозенец «Археократия и сословия в условиях Глобализации»	193
«От археомодерна к археократии»	215
3. NON TRANSIT TRADITIO	
• Матжиои «Примордиальная традиция»	231
• Ф. Шуон «Понятие эзотеризма»	240
• А. Бхайрав «Корни шива-шактизма»	258
• О. Фомин «Атомная метафизика»	276
• S. Polarstern «Метафизика Иного»	288
• А. Волынский «Археогнозис»	310
5. POST SAECLUM	
• А. Бовдунов «Эмиль Чоран: Философия агонии»	322
• Т. Саутгейт «Революция vs. Реакция»	335
• А. де Бенуа «Эрнст Юнгер и Новые Правые»	343
• Е. Семеняка «Человек особого типа в консервативной революции»	351
6. INTER ALIA	
• В. Чередников «Эмпирический традиционализм»	363
«Симпатия к Левиафану»	368
«Только для сумасшедших»	378
• О. Фомин «Демография больших пространств»	384
• О. Гуцуляк «Теплый закат»	392
• Т. Саутгейт «Преступая внешние пределы»	413
• М. Медоваров «Инклинги и тайные общества»	421
7. APPENDIX: FAQ - Интертрадиционал	436

CONTENTS

1. DECAPITATIO	
• M. Borozenec «Clearing after the Enlightenment»	4
• O. Fomin «Lucifer-Capital and His Alienation»	19
• M. Zhurkin «The Empire of Gold»	36
• I. Khaskovich «The Time of Merchant»	61
«Brandology and Brandomagic»	70
• A. Yeliseyev «Magic of Capital»	77
• K. Bolton «The Traditionalist Cyclic Paradigm»	103
2. TABULA CASTA	
• O. Fomin «Ternary Model and Symbols of Social Stratification in the Traditional Society»	118
• V. Karpets «Place of the Tsar»	159
• M. Zhurkin «Philosophy of the Priests»	168
• A. Ignatyev «Estates and Castes in the Muslim World»	178
• M. Borozenec «Archeocracy and Estates in the State of Globalization»	193
«From Archeomodernity to Archeocracy»	215
3. NON TRANSIT TRADITIO	
• Matgjoii «The Primordial Tradition»	231
• F. Schuon «Meaning of Esotericism»	240
• A. Bhairav «Roots of Shiva-Shaktism»	258
• O. Fomin «Atomic Metaphysics»	276
• S. Polarstern «Metaphysics of the Other»	288
• A. Volynsky «Archeognosis»	310
5. POST SAECLUM	
• A. Bovdunov «Emil Cioran: Philosophy of Agony»	322
• T. Southgate «Revolution vs. Reaction»	335
• A. de Benoist «Ernst Jünger and the New Right»	343
• E. Semenyaka «Man of the Distinct Type in the Conservative Revolution»	351
6. INTER ALIA	
• V. Cherednikov «Empiric Traditionalism»	363
«Sympathy to Leviathan»	368
«For the Insane Only»	378
• O. Fomin «Demography of Big Spaces»	384
• O. Gutsulyak «The Warm Decline»	392
• T. Southgate «Transcending the Beyond»	413
• M. Medovarov «Inklings and Secret Societies»	421
7. APPENDIX: FAQ - Intertraditionale	436

М. Борозенец

ПРОСВЕТЛЕНИЕ ПОСЛЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

1. «Что внизу, то сверху, и что сверху, то внизу»

Вы чувствуете? Под нашими ногами неслышно шевелятся громадные тектонические плиты, неощутимо передвигая дремлющие туши континентов в бассейне океана. По всей поверхности планеты и в ее пульсирующих недрах неумоимо текут воды, осуществляя круговорот жизни во всех ее разнообразных формах. Воды насыщают почву и переполняют океаны, которые пенящимися пастями набрасываются на берега, отвоевая песчинку за песчинкой. Время от времени из самого сердца земли прорывается сокровенный огонь, и властно осаждают безутешные поползновения моря. Клубящийся пар, рождающийся в средоточии воды и огня, уносится вверх, в синее небо, где за берегами верхних вод продолжается все то же противостояние в образах вещества и пустоты, света и хаоса.

Мироздание находится в непрерывном движении. Его постоянное обновление – лишь проявление неизменной Вечности, которая зиждется на принципе, что всё запечатлевается в противоположностях, которые самотождественны. Посреди этого парадокса неуверенно стоит Человек и время от времени пытается набросить на него упряжь своих логических построений, чтобы не только разглядеть и познать эту Истину во всех эфемерных формах, но и подчинить ее своей самонадеянной воле, и заставить служить нелепому гордому разуму.

Осознает ли этот слишком человеческий человек, как перед его глазами разворачиваются века и эпохи, как тектонические плиты истории наползают друг на друга, дробят устои и законы, поглощают

народы и целые цивилизации? На сломках этих плит прорастают герои и пророки, проникают своими откровениями в человеческую массу, будоражат ее покой, мутят ее стоячую затхлую воду, пока она вдруг грязно-кровавыми потоками не проливается за край и не затопляет континенты, заставляя их на миг пробудиться от древнего сна и обратить внимание на существ, копошащихся на поверхности. Огонь остужает кипящую кровь. Толпа закрывает глаза от нестерпимой вспышки и замирает лишь на миг, чтобы оправиться от истощения сил, как мятежники сами садятся на трон и превращаются в тех же тиранов. Так на смену одним формам приходят противоположные им, которые устремляются в будущее за счет отрицания прежних форм, чтобы в каком-то завтрашнем дне снова сойтись в бою со своей противоположностью, сменившей ветхие маски на новые.

«Что внизу, то сверху, и что сверху, то внизу» – гласит древняя алхимическая мудрость, адепты которой, герметики, тайно несли ее через долгие века христианского Средневековья в поистине герметической изоляции. И только к концу этой эпохи они вышли наружу, когда уже сами церковные образы стали подобны холостым идолам, которым христианская вера однажды себя противопоставила. Замерцав волшебной зарей Ренессанса, новая историческая вежа явила себе во всей красе в эпохе Просвещения, когда формы реанимировались магией учёных, подобно монстру Франкенштейна.

2. Культ Земли против культа Неба

Понимая Историю как всеобъемлющую сферу, ее природу можно изобразить как диалектику противостояния Центра и Периферии. Если Центр утрачивает способность сохранять контроль над Периферией, то она перехватывает инициативу и восстает против центральной тирании и ее консолидирующего принципа. В такие неспокойные времена Центр обычно пытается совладать с ситуацией, и потому прибегает к радикальным мерам, чем только подпитывает противостояние. Наконец, Периферия низвергает власть Центра и упраздняет его закон, «разрубает узел», но не останавливается на этом и продолжает рубить и отвергать. Периферийное дробление продолжается до тех пор, пока в этом хаосе не возникают узлы некоей новой сети, то есть предпосылки к рецентрализации и реставрации системы. С другой стороны, не имея адекватного противостояния себе, Центр постепенно вбирает в себя концентрические круги и естественно

разрастается до тех пор, пока сам вдруг не становится Периферией, точно так же не в силах противостоять этому.

Так, в первые века нашей эры христианство, эзотерическое учение среди тайных общин средиземноморского ареала, выходит из пещерного сумрака на свет и становится новой социологической программой Европы, подчиняющей себе разрозненные языческие племена. Христианство провоцирует мировоззренческие и государственные преобразования, и становится идеологией элиты новых европейских держав. Сакральное перемещается из священных рощ и капищ, с берегов рек и вершин гор – в каменные храмы городов. Город (огороженное место, крепость, твердыня¹) становится сакральным Центром, где обитает элита ревнителей новой религии – феодальная аристократия. Простонародное язычество (погань, от лат. pagus «деревня») вытесняется на Периферию новой христианской эпохи, и продолжает существование как примитивные суеверия, а также в виде разнообразных эзотерических течений в рамках доминирующего экзотерического монотеизма.

Европе в данную эру выпала участь быть исторически активным местом на планете – тектонические плиты истории двигаются там заметно быстрее, чем в других частях света. Новая парадигма европейской истории, породившая современную западную цивилизацию, начала пробиваться на поверхность в 15-16 вв., когда Католицизм переживал серьезный кризис, превратившись из пассионарного культа Неба в паразитирующую систему догматов, отчужденных как от человека, так и от Бога. Бастион Ватикана был атакован сразу с нескольких сторон: культура и искусство переживали «Возрождение», переоткрывая для себя «языческие» идеалы Античности; наука, все более пренебрегавшая предписаниями Церкви, пришла к выводам, прямо противоположным ее догматам; смелые мореплаватели открывали неизвестные доселе земли и народы, стихийно расширяя границы мира. Католицизм из последних сил попытался противостоять своему краху, обратившись к инквизиции, но это только ускорило его падение, вызвав ответную волну Реформации, которая перемолола пол-Европы.

Новое Время рождалось в огне и крови, и соответствовало своему имени – оно пришло как отторжение всего прежнего, старого, пытаясь фанатически перекроить все традиционные устои Бытия, включая

1) «Сад» (Эдем) в индоевропейских языках часто выступает синонимом «града» (напр. лат. «hortus» – сад). Сад и Град предполагают принцип «огороженного места» (ср. «город» и «огород»). Социальная функция христианства заключалась прежде всего в урбанизации.

даже понимание времени как такового². Становление Нового Времени осуществлялось не иначе как последовательное «отзеркаливание» средневековой христианской эпохи и ее принципов. Это было наиболее очевидно выражено на примере Науки, идеологической твердыни Модерна, которая решительно отделилась от Церкви, и стала расти в отрицании церковных предписаний. Если Церковь воспринималась не иначе как «сон разума», то ее новоиспеченный антипод Наука была «светочем», пробуждающим от этого сна. Церковь постулировала постоянное присутствие Бога и себя как высший социальный орган, свидетельствующий о Его присутствии; в то же время Наука в лице деистов провозгласила, что, согласно Библии, Бог как Небесный Архитектор создал мир за шесть дней, почил на седьмой, а этот день продолжается до сих пор. Взять на себя обязанности «отдыхающего Бога» должна Наука, избранный штат специалистов, ответственный за обслуживание этого сложного механизма. Для этого специалистам вменялось как их священный долг познание всех секретов Мироздания.

Отметим, что научное понимание Мироздания как Механизма, то есть искусно сформированной материи, было обусловлено тем же отрицанием Церкви и ее «умозрительной сферы души и духа», и потому развивалось в одном определенном направлении – материальном, количественном. Новая антитрадиционная Наука стала таким новым воплощением древнего культа Земли, противопоставив себя христианской Церкви как культу Неба.

3. Университет как «просвещенное язычество»

Все глубже удаляясь в материю, новые пророки культивировали ее и воспевали философскими концепциями подобно жрецам вуду, заклинающим вещество на безоговорочное подчинение. Первым делом материальные законы были применены к небесной механике, что дало ученым право перетрактовать Вселенную и ее принципы с материалистических позиций. Тем самым Церковь лишалась права на космологию, то есть внешний мир, сохраняя лишь ведомство за делами внутренней души, которая тут же была провозглашена учеными как антинаучная фикция. Впрочем, через несколько столетий, после за-

2) О смене парадигм Сферы (манифестационизм, цикличность, холизм) и Луча (креационизм, линейность, фрагментарность) см. А.Г. Дугин «Эволюция парадигмальных оснований науки» (2002)

пуска психологии, у Церкви отберут и это, обрекая ее на бутафорное существование.

Все сакральные науки, ютившиеся в тени христианских монастырей, нашли открытое применение в новом храме Науки, но в несколько модифицированном виде. Вся умозрительная составляющая была отвергнута как «традиционный мусор», оставляя лишь вещественно-количественную сторону. Следует заметить, что материалистические науки начали зарождаться еще со времен Аристотеля, но всегда имели статус «альтернативных», побочных течений, и лишь с эпохой Модерна ситуация радикально изменилась. Так алхимия стала химией, астрология – астрономией, магия и теургия – профанной физикой и механикой. Из математики были удалены нумерология, мистицизм чисел и сакральная геометрия. Подобно алхимикам, Великое Делание которых заключалось в очищении вещества от примесей с последующим преобразованием в золото, Наука провозгласила всеобщую реформацию знания через очищение от примесей суеверия и, следовательно, преобразование в единственно возможную, самую наиправдивейшую Истину.

Жрецы нового культа утвердили новый Миф старым испробованным путем классического пророка – они просто объявили все, что было до них, ересь, недостойной «серьезной науки». Магистралью отзеркаленных ценностей, способствовавших утверждению Науки, стала научно обоснованная инверсия концепции Регресса в концепцию Прогресса. Христианство, как и подавляющее большинство других религиозных концепций, проповедовало Золотой век человечества в прошлом, а развертывающуюся историю истрактовывало как последовательное отпадение от принципа, которое неминуемо достигнет своей крайней точки – Конца Света. Наука провозгласила это все «примитивными суевериями», предложив революционную концепцию, прямо противоположную традиционной – Золотой век человечества находится в будущем, так как низшие формы жизни развиваются в высшие. Это был основополагающий постулат Нового Времени, который будет намного позже аналитически обоснован Спенсером и Дарвином. Несмотря на призыв адептов нового культа к эмпирическому анализу, это откровение воспринималось первыми учеными на чисто интуитивном уровне и утверждалось с откровенно религиозным фанатизмом. Их вера побуждала даже фальсифицировать

результаты различных опытов, дабы они вписались в сенсационные схемы, что убедительно доказывают сегодня многие истории науки³.

Иными словами, Наука утверждалась вопреки Церкви, при этом оперируя тем же схоластическим инструментарием, в чем всецело была ее преемницей. Отвергая Церковь, Наука претендовала на то же самое место под солнцем, на ту же самую высокую роль в жизни общества. Становление Науки нельзя оценивать иначе как последовательный захват церковных территорий, как разрушение «мнимого» качества посредством культивируемого количества. Супрарациональные положения Церкви, само собой, были несовместимы с прокрустовой логикой Науки, и потому безжалостно высмеивались, лишая Церковь легитимности и вообще места в «просвещенном» обществе.

Наконец, Церковь оказалась вытесненной на периферию Науки, тогда как Наука целиком заняла место Церкви в секулярной, казалось бы, Европе. При этом структура каждого учебного заведения до боли напоминает структуру духовных семинарий. В рамках Науки чтятся свои догматы и авторитеты, существует своя иерархия и ритуалы, там преобладает характерные для духовенства косность, рефлексивность и нетерпимость к дерзким идеям. Наконец, открытия ученых, во всяком случае санкционированных академическим сообществом, воспринимаются сегодня также как откровения пророков в традиционном обществе – перед ними благоговейно массы и им верят безоговорочно.

4. Масоны и массы

Словно воплотив древний космогонический миф, Дух Модерна родился из расколотого надвое яйца – в символическом разделении Церкви и Науки, и их ведомостей: первой – духовные вершки, второй – телесные корешки. Прикладной доктриной этой эпохи и вообще всего Нового Времени стал «либерализм» – «освобождение», то есть «сбрасывание ига» Традиции везде где только можно – в обществе, культуре, политике. Выпорхнувший на волю «джинн освобождения», до боли напоминающий того самого дерзкого ангела, преобразил так радикально статус отдельного сословия, что термин «либерализм» превратился в его основополагающий принцип и даже синоним. Более того, при более близком рассмотрении становится ясно, что вся эпоха

3) См. П. Фейерабенд «Против метода» (Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge, 1975); Т. Кун «Структура научных революций» (The Structure of Scientific Revolutions, 1962)

Модерна по сути является историей торжественного становления этого сословия, а Наука в ней лишь сыграла роль «духовного органа», легитимировавшим новую власть, осмелившуюся на полное перекаивание Мироздания.

Это было сословие ремесленников и торговцев, которые до того времени зависели напрямую от Церкви, препятствовавшей всякому самостоятельному росту⁴, или же от Государства, где войны традиционно правят «представителями третьего сословия». Взав «освобожденными» руками на вооружение откровения нового оракула – Науки, торговцы стали неутомимыми практиками «материальной доктрины», в результате совершив фундаментальный переворот всех ценностей («Качества») в знаки денег («Количества»). С торговцами, быстро подмявшими под себя «одноклассников» – ремесленников и земледельцев, стали вынуждены считаться все – ученые и священники, князья и короли. Это была поистине успешная кампания, которая преобразила человеческое восприятие мира и его истории через единую финансовую призму. В конце концов, покупая и перекупая, экономика смогла убедить всех, что Мироздание во всех его проявлениях – лишь многоэтажная надстройка над незыблемым фундаментом товарно-денежных отношений.

Падение престижа Ватикана, который играл роль сдерживающего центра Европы, вернуло «просвещенное человечество» в хаотическое состояние «войны всех против всех»⁵. Адам Смит, один из основополагающих идеологов либерализма, трактовал это так: «Человек человеку – волк. Человек – это хищник, и все его попытки терпимости и сострадания – это лишь уловки хитрой эгоистической природы. Торговля – вот оптимальное поле для бескровной сублимации этих агрессивных комплексов. Там позволено все, чего не запрещает контракт»⁶. Стоит ли упоминать, что появившаяся позже теория Дарвина о происхождении видов всецело повторяла эти положения на биологическом уровне⁷...

4) В европейских городах никакое здание не могло быть выше самой высокой церкви, символизирующей довленье Духа над Материей.

5) См. Т. Гоббс «Левиафан» (Leviathan, or the Matter, Forme, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil, 1651)

6) См. А. Смит «Исследование о природе и причине богатства народов» (An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations, 1776)

7) См. Ч. Дарвин «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (On the Origin of Species by Means of Natural Selection,

Христианство, пропущенное через призму Модерна и инициацию новой Науки, стало дробиться на многочисленные протестантские секты, выхолощенные от всякого мистицизма до голого рационального уровня «протестантской этики»⁸. Общество проходило некое Великое Делание, очищающее его добродетельный труд от «традиционных суеверий» и прочих древних мифов, которые как в воронку стекали за кадр этой программы – в тайные твердыни масонских лож, операторов этого цивилизационного процесса. Масоны и родственные им течения (иллюминаты, розенкрейцеры и др.) стали инициатическим «банком сакральных данных», которым уже не было места в реформированной (расколдованной, разочарованной) Европе, а именно – новым эзотерическим Центром посреди экзотерического протестантства, где догматический либерализм практически отождествлялся с секуляризмом. «Освобождая» Европу от традиционной иерархии, либеральные масонские революционеры стремились превратить общество в сплошную массу, которой будет управлять новая элита наместников «отдыхающего Бога», подкованных в устройстве механизма Мироздания.

5. США и гонка Количества

Желание приобщиться к масонской элите и участвовать в гонке Количества стало катализатором технического развития и массового производства. Туда одна за другой втянулись все европейские державы, открыв эпоху колонизации с прикладной эксплуатацией мира «просвещенной Европой». Наконец, неизведанный континент, названный первопроходцами не иначе как «Новый Свет», стал идеологическим противником Старого Света и его «архаической» страсти к всеобщей централизации, трактуемой либералами не иначе как насилие, «тоталитаризм». Новый Свет стал обетованной землей адептов Нового Времени. Его отцы-основатели, ориентируясь на Великого Архитектора деистов, восприняли весь Северо-Американский континент как фундамент для создания нового Механизма небывалых масштабов, где государственной идеологией станет вера в абсолютную свободу, какой бы утопической она не казалась массам населения. Автохтоны Америки воспринимались как «помеха» для реализации

or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life, 1859)

8) См. М. Вебер «Протестантская этика и дух капитализма» (Die protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus, 1905).

грандиозного проекта, незначительная и легко устранимая.

Отметим, что провозглашенный в 1789 «Билль о правах» охватывал только представителей «освобожденного» сословия и ни в коей мере не касался цветных рабов, задействованных в производстве как неотъемлемая часть новой экономической политики. В массовом производстве нет производителя как творческой единицы, все творчество здесь сводится к управлению производственными и товарооборотными потоками. Поэтому рабовладение органически присуще именно такому образу производства, где продукт неизбежно отчужден от производителя, превращенного в равнодушную машину. Даже сегодня, когда, казалось бы, рабочие фабрик и заводов уже никак не ограничены в своих правах, они продолжают это рабство в завуалированной форме – довольствуясь мизерными зарплатами как низший социальный элемент, они вынуждены держаться за свою цепь, чтобы обеспечить семью. Завтра на их место придут роботы как новый класс рабов, потому что при всем своем желании свободы, человек никогда не сможет освободиться от собственной воли к власти⁹.

Итак, Соединенные Штаты Америки стали первым проектом Модерна государственного уровня. Их возникновение не могло не повлиять на Старый Свет, вот уже несколько веков подтачиваемый социальными катаклизмами. Пока США проходили сложный этап становления независимой державы, во Франции грянула Революция. До сих пор за всю историю планеты не найдется аналога, который унес бы такое количество человеческих жизней в процентном соотношении к общему населению. До сих пор символом этого периода, получившего название Великого Террора, остается гильотина – незамысловатый механизм, отрезавший «просвещенную» Современность от «мрака» Традиции в виде голов французской аристократии.

Заокеанский либерализм бесцеремонно всколыхнул патриархальный покой всех европейских монархий, которые вынуждены были принять парламент как орган государственного управления. Провокации либерализма на этом не кончились – поставленные им проблемы и ориентиры вынуждали европейские государства к стихийному преобразованию в соответствии с диктуемыми им новыми экономическими условиями. Наконец, грянул XX век, представив миру во всей красе старосветские проекты социальных утопий, призванные пресечь беспредел торговцев и озверение человека в гонке Количества.

9) См. Ф. Ницше «Воля к власти» (Der Wille zur Macht, 1886-1888)

6. Заговор Пентаграммы

В либеральных исследованиях социалистических теорий, и коммунизма в частности, последний зачастую отождествляется с фашизмом в единой концепции «красно-коричневого тотали-таризма». Но так ли это?

Марксистская теория проистекает из либеральной и считает себя логическим выходом из кризиса, неминуемого в либеральной экономике. Марксисты также поклоняются Науке с ее материалистическим мировоззрением, количественным анализом и истинной эмпирического опыта. Они так же считают Декарта, Бэкона и Дарвина пророками, и самого Маркса – последним из них. Но самое главное – коммунистическая социальная утопия строится на базе оккультных идеалов «свободных камешников».

Теория Маркса предполагает дальнейшее развитие мasonicкой алхимии, экстраполированной на общество, и постулирует ее следующую фазу всецело в соответствии с традиционной доктриной элементов. За первоэлементами Огня (воины, аристократия) и Воды (жрецы, духовенство) идет элемент Воздуха как синтез Огня и Воды. Его сила – комбинация и бесконечное разнообразие форм, что успешно практиковало и продолжает практиковать освобожденное третье сословие, рафинировав формы до чистой эссенции – Капитала. Но за Воздухом грядет элемент Земли – зона абсолютного смешения, которое в свою очередь затвердеет и создаст фундамент для нового цикла. Карл Маркс предвидел абсолютное смешение Капитала, и потому предрекал переход власти от торговцев, «жрецов Воздуха», к проекции Земли – пролетариату, человеческому гумусу, обездоленным и угнетенным мира сего.

«Свобода, Равенство, Братство» – этот масонский лозунг был впервые озвучен Французской революцией, и предполагал эти идеалы для новой элиты. Век спустя он прозвучит снова в России, но уже для всех, дабы «кто был ничем, тот станет всем». «Из глубины сибирских руд» прорвалась столь долго сдерживаемая российской монархией революционная волна, чтобы масонские чайняки наконец воплотились в реальность в самом центре континента. Причем наравне с равенством всех людей предполагалось равенство человека и Бога. Коммунисты с новым воодушевлением взялись за уничтожение религии и духовенства, иронически называя себя «красными дьяволами», и даже стилизуясь под классический образ Мефистофеля. Проект Просвещения подходил

к своему логическому завершению – десакрализация христианства как культа Неба несли с собой обожествление Матери.

«Знаки и символы управляют миром, а не слово и не закон», как говорил Конфуций. Символом коммунизма стала Пентаграмма, один из самых мощных магических символов, дарующий высшее знание и власть над элементами. Пентаграмме была предначертана победа над Свастикой в Великой Войне – она присутствовала в символике всех держав-победителей – СССР, США, Великобритании, Китая и др. В Китае Коммунистическая партия называется «Гунчаньдан», что с китайского переводится буквально как «Партия Общего Дела», прямо отсылая к даосской алхимической традиции «Великого Делания» – «Несколько лет упорного труда – десять тысяч лет счастья».

Если марксистские идеи были развитием масонского либерализма, то фашизм был попыткой его преодоления и утверждения иных символов. Итальянский и германский фашизм были последним шансом спасения «национального государства», общей матрицы европейских держав, в преддверии заключительной фазы Великого Делания Европы – всеобщего смещения в тотальный коммунизм. Но любопытно, что как коммунистические Россия и примкнувшие к ней государства, так и противостоящие ей державы фашистской Оси были солидарны в преодолении либеральной парадигмы. Либеральному взгляду на человека как на «просвещенного эгоистичного хищника» Старый Свет противопоставил проект «нового человека», наследующего традиционные принципы общественности и социальной ответственности. Эти ценности рассматривались как архетипические для Старого Света.

Либеральная Периферия была поставлена перед угрозой новой централизации. Проект социализма, в какие бы альтернативные формы он не выливался – фашизм, коммунизм, социал-демократия – свидетельствовал об одном: эта «архаическая» страсть к централизации была прямой наследницей традиционных форм власти, теократии и аристократии (монархии).

7. Конспект западно-европейской цивилизации

Если попытаться взглянуть на историю западно-европейской цивилизации через призму диалектики Центра и Периферии, мы получим следующую схему.

1. Предисловием к западно-европейской цивилизации был авраамический креационизм. Иудейская община стала бастионом монолатрии¹⁰, воздвигнутым посреди разнообразных языческих пантеонов. Этот Центр основывался на патриархальном Законе, предназначался только для «избранных» и противостоял враждебной Периферии в лице языческого матриархата. Следует заметить, что в эту эпоху общеевропейский культ Великой Матери уже пережил свой кризис, вызванный напором кочевых ариев, и раскололся в разрозненные «мужские пантеоны». Поэтому процесс патриархализации был начат еще до евреев, но именно они взяли мужское начало за основу космогонии и сoterиологии своей религии.

2. На смену иудаизму и его Закону для избранных приходит христианство как религия Благодати, открытая для всех. Будучи поначалу эзотерическим течением как в иудейской среде, так и в подпольях языческого Рима, христианство, наконец, выявляет свою вселенскую природу и охватывает всю Европу.

3. В христианской среде возникает новый Центр – Ватикан, который позиционируется как «Новый Иерусалим». Католики, как «новые иудеи», смещают акцент внимания с Нового завета обратно на Ветхий, противопоставляя себя, как «истинных ревнителей веры Христовой», недобитому европейскому язычеству вкупе с восточной православной церковью, где интегрированные языческие элементы всегда играли существенную роль. При этом древний культ Великой Матери все заметнее пробивается сквозь христианскую догму в форме почитания Богородицы.

4. Ренессанс, Реформация и Просвещение. Беспрекословный авторитет католической Церкви погран общеевропейским народным восстанием, требовавшим лишения Ватикана монополии на веру и возвращения ее «ко всем и каждому». Отвоеванное право свободно мыслить также освобождает язычество, обретая форму материалистической науки. Подменяя патриархальный Закон Божий матриархальным Законом

¹⁰ Монолатрия (греч. *μόνος* – один, греч. *λατρεία* – культ) – система представлений в политеизме, основанных на вере во множество богов с одним богом-лидером, доминирующим в силу различных причин над остальными. Следы монолатрии можно найти практически во всех существующих религиях. «Первоначально израильтяне и окружающие их племена, по-видимому, мало чем отличались друг от друга в религиозном отношении. Яхве на первых порах почитался лишь как племенной бог, покровительствовавший детям израилевым, но при этом не отрицалось существование и других богов, и их почитание было обыденным явлением... Это со всей очевидностью вытекает из различных текстов ранних пророков.» Б. Рассел, «История западной философии».

Природы, она, по сути, восстанавливая культ Великой Матери. На смену Вере, как консолидирующему Центру, приходит Знание (десакрализованный гнозис), тогда как христианство начинает растекаться и дробиться в различные протестантские деноминации и секты.

5. Во все набирающей силу либеральной среде, сметающей традиционные преграды, тотчас же образуется новый Центр – масоны, иллюминаты, розенкрейцеры и другие тайные общества. Посреди освобожденного знания они позиционируют себя хранителями тайного знания и исполнителями божественного Провидения. Иудейская доктрина избранности перезагружается еще раз – масоны охотно используют еврейские мифологемы, ритуалы и элементы оккультизма в создании собственного учения.

6. На смену масонству и его избранности приходят разнообразные социал-революционные движения, все деятели которых были так или иначе связаны с масонскими кругами. Эти движения направлены на радикальное переустройство мира. «Закон Природы» трактуется как «Благодать Природы» согласно тому же масонскому пониманию Провидения, раскрывающего свой промысел в процессе истории (эволюция). Коммунисты, к XX веку вобравшие в себя большинство революционных организаций, были по сути такой же вселенской концепцией, как и христианство, но уже рассчитанной в координатах секулярного и матриархального Модерна как материалистическое («просвещенно-языческое») учение.

Таким образом, под нечетными номерами мы имеем фазы централизации (эзотеризации), обусловленной противостоянием Периферии. Четные номера маркируют этапы экспансии Центра (экзотеризации) вплоть до слияния с Периферией.

8. Потоп и скважина Постмодерна

При ближайшем рассмотрении становится ясно, что США и СССР никогда не были противниками, но партнерами, превратившими всю планету в единую шахматную доску¹¹. Сделав противостояние Центра и Периферии планетарным явлением, они втянули все страны мира в свою алхимическую игру, чем создали предпосылки для текущей

11) В масонских храмах пол традиционно выкладывается черно-белой «шахматной доской», символизирующей диалектику Мироздания. Наиболее известная книга пропагандиста мировой гегемонии США З. Бжежинского также называется «Великая шахматная доска».

ныне Глобализации. Превращение народов и цивилизаций в массы, внимающие иконам телевизора и компьютера, подобно сотворению Потопа, который должен смыть последние следы прежнего цикла, чтобы начать новый. Капитал и культ количества, материалистическая наука и количественный анализ, отмена иерархий и различий во всем – в правах, в полах, в расах – это все формы Потопа.

Масонство уже давно утратило свой эзотерический статус, превратившись в массовое явление. Обращение к Востоку в поисках тайной доктрины, начатое учеными-масонами еще в 18 веке, кульминировало в течение 19 и 20 вв. в форме теософии Блаватской, антропософии Штейнера, учений Гурджиева, Рериха и Успенского, и различных иных спиритуалистических и оккультных организаций, превратилось ныне в популярное движение Нью-Эйдж, где мистические символы перемешаны в один пошлый калейдоскоп. Сегодня мир переживает следующий этап упоения Востоком в виде китайского оккультизма, от гороскопов до фэн-шуй. Так, масонский "Drang nach Osten" на другом конце континента встретил верного союзника в лице Китая с традиционной даосской пентаграммой, который показал, каких метафизических высот может достичь кропотливый материализм.

Видит ли вперившийся в экран, как перед его глазами разворачиваются века и эпохи, как тектонические плиты истории наползают друг на друга? Или же, погруженный в Матрицу, он даже не задумывается, что именно количество Модерна породило мнимое, виртуальное, но качество Постмодерна. Что Интернет основан на системе безличных денежных переводов международной финансовой сети. Что «компьютер» означает «счѣтчик». Что за фантастическими формами виртуального мира стоят разнообразные комбинации 0 и 1, тех са-мых Центра и Периферии, и нет исхода из этой диалектики. Что, в конце концов, значок Windows – «окна в новый Новый Свет» – тот самый модифицированный символ элементов.

Что ожидает мир в грядущем веке и тысячелетии? Будет ли Великое Делание масонов доведено до конца и Мировое Правительство явит себя во всей красе на радость конспирологам? Или же, раскрыв все свои тайны и став популярным сюжетом прессы и масскультуры, они утратили право быть хранителями курса истории? Грядет ли посреди оккультных обломков современного просвещенного языка новое религиозное сознание, Мировым Древом устремляющееся в глубины Космоса в поисках Создателя? Казалось бы, вместо того, чтобы упиваться

выдуманной самим же человеком схоластикой потустороннего, не мешало бы пристальней посмотреть на окружающую нас реальность, секреты которой еле-еле приоткрыты. Но мы с какой-то врожденной одержимостью ищем пути в Небо, будто доказывая, что все наши науки, религии, искусства, культуры и цивилизации – просто сублимированный инстинкт вечного возвращения домой...

Наконец, останется ли Наука служанкой экономики или же, нащупая точки соприкосновения с Церковью, займет положенное ей место владычества дум? Быть может, от материалистической науки в конце концов отколется обновленная наука Традиции, точь-в-точь, как сама Наука однажды отделилась от Церкви. Пока ясно одно – все тайны «Просвещения» раскрыты, и мы снова блуждаем во мраке. Наверное, мы уже слишком глубоко проникли в мистерии Материи, чтобы пытаться найти путь обратно, и теперь нам лишь остается узреть свет в конце тоннеля, и обрести Просветление после Просвещения.

О. Фомин

ДЕННИЦА-КАПИТАЛ И ЕГО ОТЧУЖДЕНИЕ

Предварительные замечания

История бытия включает в себя историю отчуждения и трансформации капитала. Наша работа посвящена преимущественно последней его трансформации, а именно трансформации в систему имиджей, или так называемой «виртуализации действительности».

Сразу же стоит оговориться, что настоящее рассмотрение носит неспециальный характер, поэтому мы по возможности постараемся обрисовать историю отчуждения капитала в общих чертах, заострив наше внимание лишь на актуальной стадии отчуждения¹. Мы также не будем проводить жесткий терминатор между деньгами и собственно капиталом, поскольку в метафизической (а не экономической) оптике второе обнаруживает себя в истории бытия как качественная трансформация первого.

В последовательности отчуждения капитала от Изначального Принципа мы прослеживаем пять основных этапов:

1. Отчуждение денег от Принципа.
2. Трансформация денег в капитал и капитализация реальности.
3. Глобализация капитала.
4. Трансформация капитала в систему имиджей.
5. «Капитализация Принципа».

Еще раз отметим, что наша работа скорее философско-эзотерическая, нежели сугубо экономическая, поэтому и сосредоточиться мы собираемся на том, о чем прежде было мало говорено экономистами. Также нелишним будет добавить, что речь здесь пойдет исключительно об истории отчуждения применительно к западной цивилизации, в силу того, что на текущий момент последняя является реально доминирующей в мире.

¹ Наше понимание этого гегелевского термина расходится с марксистским. Для нас отчуждение – прежде всего удаление от духовного принципа, тогда как для Маркса это превращение продуктов и результатов человеческой деятельности в силу, враждебную человеку.

1. Отчуждение денег от Принципа

История бытия предполагает непрерывное становление, последовательную эманацию из непроявленного Принципа в проявленное. Разумеется, это касается всех сфер бытия, в том числе и денег.

На ранних этапах истории человечества (и даже вплоть до окончания Средневековья) деньги и золото являли собой субститут Нетварного Золота Духа. Показательно, что о банкнотах тогда речи идти не могло. И дело здесь не в «товарно-денежных отношениях», и даже не в отсутствии достаточной технической базы для выпуска подобных банкнот. Требовался качественный переворот в сознании, чтобы монеты и золото стали замещаться бумажным субститутотом. Однако подобное замещение было детерминировано постепенно нарастающей долей псевдоинициативского в жизни традиционного общества. Первоначально деньги (монеты, золото) несли исключительно сакральную функцию. На путях экономического роста общества и перехода от модели «товар – товар» к модели «товар – деньги – товар» деньги становятся носителем как сакрального, так и экономического. Но говорить здесь о синтезе, или «симбиозе», было бы неправильно. Поскольку совершенно очевидно, что перед нами как раз именно переходная стадия. И – наконец – введение бумажных денег приводит к отделению экономического от сакрального. Таким образом, экономическое, с точки зрения Традиции, оттесняется в сферу профанного.

Изначально же деньги, вернее, монеты – традиционный предмет, используемый в сакральных ритуалах, чья символика восходит к мандале, магическому кругу². Замечательный ученый, пытавшийся примирить в своих исследованиях профаническую психологическую науку и традиционализм, Карл Густав Юнг в «Комментарии к “Тайне Золотого Цветка”» замечает по этому поводу следующее: «Мандала значит “круг”, а более специально – “магический круг”. Мандалы не только широко распространены на всем Востоке, но в изобилии засвидетельствованы и у нас в Средневековье. Для христианства они подтверждаются в особенности ранним Средневековьем, когда их изображали преимущественно с Христом в центре и с четырьмя евангелистами или их символами в ключевых точках. Это представление, безусловно, очень древнее, ведь и египетский Гор с его четырьмя сыновьями изображался именно так. (Гор и его четыре сына, как известно, близко связаны с Христом и

2) Хотя, разумеется, известны монеты древности также и других форм. Но здесь в каждом отдельно взятом случае стоит задаться вопросом: изначально ли такая форма монет? в какой период она возникла? Какая необходимость вызвала ее к жизни?

четырьмя евангелистами.) <...> Такие мандалы можно видеть и в культурных рисунках на песке у пуэблос. <...> Золотой Цветок – это свет, а свет небес есть дао. Золотой Цветок – символ мандалы <для себя отметим, что золото, – кстати, символ завершения алхимического Великого Делания – изначально сакрально, так как является символом Великого Единого, символом богопомазанности царской власти – О.Ф.> <...> Эта символика относится к разновидности алхимического процесса очищения и облагораживания; тьма порождает свет, из “свинца водяной местности” вырастает благородное золото, бессознательное становится осознанным в качестве процесса жизни и роста. (Полнейшей аналогией выступает индийская кундалини-йога.) Таким образом происходит объединение сознания и жизни. <...> Древнейшее из известных мне изображений мандалы – палеолитическое так называемое “солнечное колесо”, недавно обнаруженное в Родезии». От себя заметим, что в Индии металлические пластинки с нанесенными на них сакральными знаками – так называемые янтры – до сих пор используются для концентрации сознания. В Древней Греции монета – «проходной билет» на Элевсинские мистерии³. Как видно из всего вышеприведенного, никакой экономической функции в первоначальном бытовании монеты мы решительно не обнаруживаем, что становится ясно даже из поверхностного соприкосновения с предметом нашего рассмотрения. Слияние сакральной функции с экономической по всей видимости обусловлено холистской интенцией, стремившейся всё подчинить сакральному, всё вовлечь в его сферу (подобная мотивация вообще характерна для традиционного, принципиально не-профанного сознания).

С точки зрения метаязыка современности (модерна) в эпоху традиционного социума, которую принято называть феодализмом, наука представляла собой «эклетицизм набор сведений о природе и человеке». Однако эклетицизм науки традиционного социума предстает лишь в оптике метаязыка современности с ее доминацией разделенного труда. На самом же деле наука была иерархической лестницей единого холистского знания. Вплоть до XIII в., когда начинается складываться ощущение неустойчивости представлений о мире и человеке (в это время создаются разного рода «энциклопедии» весьма эклектичного характера, куда «скидываются» знания из всех областей науки, в том числе и о том, что мы можем условно назвать «экономикой», хотя такого

3) В последнем случае, правда, перед нами уже переходная стадия. Во всяком случае мы не можем с твердой уверенностью настаивать на том, что когда-либо монета использовалась только как пропуск на Элевсинские мистерии. Но это весьма вероятно, учитывая аналогичное использование в случае индуизма и кельтских мистерий.

слова тогда еще не было), итак, вплоть до XIII в. ученый являлся одновременно и физиком, и астрологом, и врачом, и экономистом (причем внутренне не разграничивая эти отнюдь не смежные для современного сознания предметы). Эта холистская тенденция принципиально противопоставлена всему профанному, хаотическому и внеиерархическому. Вершина иерархической лестницы – Бог, Перводвигатель, Принцип, учредивший изначальный закон. Этот закон – автократического характера. Он не может быть подвергнут критике или, скажем, упразднен. Монарх в этом случае осознавался как сакральное связующее звено, посредством которого передаются не только закон, но и благодать от Бога к народу⁴. Всё общественное и «экономическое» сознание Средневековья базировалось на этом принципе.

Отождествление традиционным сознанием экономического «преуспеяния» с сакральным статусом видно из сравнения таких слов как богатство и Бог. Если наш пример покажется натянутым, то в качестве дополнительного аргумента можно привести аналогичное соотношение в латинском языке: dives (богатство) и Deus (Бог). Отсюда ясно, что современные экономические представления об экономическом же фетишизме не более чем продукт смешения причины и следствия. Самые сакральные предметы сделались деньгами именно в силу того, что они принципиально защищали хозяйствующего субъекта от контринициативных влияний, так как экономика, изначально оперировавшая с реальными товарами, то есть предметами отчужденными от Непроявленного Принципа, являла собой работу близ «инфрателесного дна» мира. Здесь мы вновь позволим себе привести довольно обширную цитату по этому поводу из фундаментального труда великого французского традиционалиста Рене Генона «Царство количества и знамения времени», а в частности из главы «Вырождение денег»: «...древние монеты были буквально все покрыты традиционными символами, выбравшимися из тех, которые представляли особенно глубокий смысл; именно это можно отметить у кельтов, у которых символы, изображенные на монетах, могут быть объяснены лишь при соотнесении их с теоретическими познаниями, свойственными друидам, что, впрочем, предполагает прямое воздействие последних на эту область; и разумеется, то, что верно в этом отношении для кельтов, также верно и для других народов древности, принимая во внимание, естественно, собственные качества их традиционной организации соответственно. Это в

4) Вспомним, что в романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» Грааль оказывается в тесной связи со Святым Духом и с принципом царства.

точности согласуется с отсутствием профанной точки зрения в строго традиционных цивилизациях: деньги, там, где они существовали, не могли быть профанной вещью, какой они стали позже. <...> Добавим, что до самого последнего времени еще можно было найти следы этого понятия в девизах, носящих религиозный характер, которые, конечно, уже больше не имели собственно символической ценности, но были по меньшей мере как бы напоминанием о традиционной идее, более или менее непонятной отныне; после того, как в некоторых странах они были отодвинуты на “край” монет, на их “ребро”, эти девизы сами в конце концов полностью исчезли, и действительно, не было никакой причины им оставаться с того времени, так как деньги перестали представлять собою что-либо иное, кроме знаков исключительно “материального” и количественного порядка. Факт контроля со стороны духовной власти над деньгами, в какой бы форме он не осуществлялся, не ограничивался исключительно только античностью, есть признаки, показывающие, что контроль существовал еще в конце Средних веков, то есть пока там была еще традиционная цивилизация. Иначе никак нельзя, действительно, объяснить того, что некоторые правители этой эпохи обвинялись в том, что они “поддельвали монеты”; если их современники считали это преступлением, то отсюда следует заключить, что у них не было свободного права чеканить монеты и что, меняя их по своей собственной инициативе, они превышали права, признаваемые за светской властью. <Здесь имеется сноска, содержащая весьма показательный пример. – О.Ф. «Смотри: “Духовное владычество и светская власть”, с. 111, где мы более подробно останавливаемся на случае с Филиппом Красивым и где мы утверждаем возможность достаточно тесной связи между разрушением Ордена Тамплиеров и подделкой денег, что становится без труда понятным, если предположить как нечто очень вероятное, по крайней мере, что Орден Тамплиеров среди прочих функций тогда осуществлял духовный контроль в этой области; мы больше на этом не будем останавливаться, напомним только, что именно с этого момента начинается современное отклонение в собственном смысле слова, как у нас есть основания считать».> В любом случае такое обвинение, очевидно, было бы лишено смысла; проба монеты тогда имела бы совершенно конвенциональное значение, и вообще, было бы не важно, если бы монету чеканили из любого металла или даже заменяли простой бумагой, как это делают по большей части в наши дни, так как это не мешало бы продолжать придавать ей точно то же самое “материальное” использование». Что касается прагматической стороны вопроса, то здесь современные экономисты замечают

обычно следующее: сакральные монеты, пентакли, мандалы, янтры были наиболее удобны для их применения в качестве всеобщего эквивалента в силу своей портативности, однородности, делимости и сохранности. В принципе, эти критерии в большой степени относятся к золоту, но также в значительной мере они относятся и к монетам. В связи с этим у нас, однако, возникают два вопроса. Во-первых: как мы можем говорить об однородности монет, когда они были неодинаковы по изображенным на них символам. Во-вторых: делимость каждой отдельно взятой монеты представляется современному сознанию весьма сомнительной. Экономисты ответили бы на эти вопросы совершенно в духе «царства количества». Однако мы хотели бы заострить внимание на качественном аспекте. Что касается первого из тех вопросов, которые могут быть здесь заданы, то хорошо известно, что монеты были неоднородны по изображенным на них символам, однако эти символы (по крайней мере для современного количественного сознания) олицетворяли стоимость каждой отдельно взятой монеты. Однако при этом ни символ в точности не повторял другой. Таким образом двух одинаковых монет не могло быть по определению. Это касается символа. Что же до второго, то здесь можно привести пример, упоминаемый в раннесредневековой поэме «Беовульф», где конунг называется «дробителем гривн». Здесь имеется в виду то, что конунги, одаряя свою дружину, ломали монеты и затем раздавали их в качестве своеобразного причастия, как мы наглядно показываем это в нашей работе «Танатология Беовульфа». Учитывая, что конунг, ломая гривны, разделял их неровно, то получившиеся «монеты» не имели одинаковых веса, формы и размера. Приведенная цитата из Генона указывает на характер отношения сакрального общества к деньгам и их самоочинному, не побоимся даже этого слова, узурпаторскому печатанию. Мы же от себя добавим, что подобная оценка данного явления отражена и в поздней средневековой литературе. Так, например, в «Комедии» Данте фальшивомонетчики находятся в одном из самых нижних и страшных кругов ада. Характерно и то обстоятельство, на которое указывает Рене Генон в своем фундаментальном труде «Царство количества и знамения времени» в главе «Вырождение денег»⁵: всё, что касалось монетопечатания находилось под строгим контролем жреческого сословия. Подобное обстоятельство предполагало передачу «духовных влияний» посредством денег. Чрезвычайно важным представляется нам то, что монеты одинакового количественного достоинства (особенно в древнейшие времена) значительно отличались друг от друга качест-

5) Генон Рене. Царство количества и знамения времени. – М.: Беловодье, 1994. С. 110-116.

венно. Таким образом, мы обнаруживаем здесь тотальное отличие от современного, сугубо количественного, «экономического» понимания. Из древних эпосов мы знаем о метафизической роли денег в древнейших обществах⁶. Конунги, раздававшие своим воинам на пирах награды, ломая гривны, будучи проявленным воплощением непроявленного Принципа, таким образом, «причащали» Принципу тех, кто стоял ниже на иерархической лестнице проявления. То, что древние монеты были буквально-таки испещрены инициатическими символами для специалистов не секрет. И, разумеется, хотя бы поверхностно ознакомившись с мировоззрением традиционного общества, становится ясным, что нанесение упомянутых знаков являлось отнюдь не исключительно «орнаментальным».

Однако уже на этом этапе мы обнаруживаем отпадение денег от того, что традиционное общество считало своим Принципом и Перводвигателем. Впрочем, негативность такого отпадения отчасти компенсировалась той функцией, которая была возложена на деньги, а именно функцией связи с Принципом.

2. Трансформация денег в капитал и капитализация реальности

Началом следующего этапа в отпадении денег от Принципа следует считать разгром Ордена Тамплиеров (который контролировал монетопечатание) Филиппом Красивым в связи с тем, что Генон называет «подделкой» денег. С этого момента акцент в восприятии денег начинает переноситься с качественного на количественное. С идеального на материальное.

Нарастающая десакрализация денег есть неосознанный страх профанного прогрессистского общества перед забытым неизвестным. С другой стороны, это общество ныне не может обойтись без денег. Деньги – посредник между товаропроизводителями в обществе разделенного труда. Бумажные деньги, полностью утратившие свое сакральное значение, являются отражением процессов, происходящих в современном обществе. Принято считать, что идея бумажных денег восходит к сознанию порчи и стирания монет. Хотя решительно непонятно, почему в качестве материала для новых денег была избрана гораздо более скорпортящаяся бумага. Идея возникновения бумажных денег из векселя, долгового обязательства кажется более резонной. Но эта идея скла-

6) См. об этом «Танатологию Беовульфа».

дывается в результате осознания абстрактной «денежности», чистой количественности, сопряженной с развитием банков, и в очередной раз выказывает отделение экономической жизни от сферы сакрального.

Возникновение бумажных денег запечатлело следующий этап в этом бесконечном отпадении. Бумажные деньги, поначалу бывшие своего рода документом, подтверждавшим, что их владелец в любой момент может получить в банке эквивалент золотом или монетами, всё ещё сохранявшие «напоминание» об изначально качественном происхождении денег, постепенно утрачивали такую роль и становились их откровенным субститутом.

Гораздо серьезнее тот сдвиг в сознании, который окончательно сместил акцент с качественного на количественное. Различные исследователи, в том числе и экономисты, по-разному описывают возникновение феномена капитала. Мы не будем здесь вникать в собственно экономический смысл такого переворота, попытаемся вскрыть лишь его суть применительно к метафизике. Дело в том, что по большому счету в ходе этого переворота сама реальность была осмыслена как нечто сугубо количественное. Разумеется, корни это переворота следует искать в Просвещении, возведшем рацию в «Принцип». Рацию же по самой своей природе материалистично и количественно, а следовательно, может оперировать лишь понятиями одного с ним порядка. Реальность, выражаясь словами Генона, более «уплотнилась», «отвердела». Представление о средствах производства как о капитале, конечно же, стало возможным лишь учитывая достижения научно-технической мысли. Машина «стоила». Соответственно «стоил» и труд. Маркс, выявивший противостояние труда и капитала, подразумевал то, что оба они стремятся окончательно поглотить друг друга. Однако в связи с тем, о чем идет речь, представляется наиболее важным даже не это обстоятельство, а само отчуждение, которое не просто трансформировало реальность в средства производства, но придало ей чисто количественный статус. Реальность стала оцениваться «количественно», денежно. Отчужденные бумажные деньги стали свободно конвертироваться в отчужденную реальность. Таким образом, начался тот процесс, для которого мы не находим иного обозначения, кроме как «капитализация реальности».

В довершение следует добавить, что этот процесс был во многом обусловлен окончательным перевесом в пользу дигитального мышления, на котором основывалась тогдашняя математика. Аналоговое мышле-

ние, для которого «два яблока были не равны, поскольку это два разных яблока» (а следовательно, операция $1+1$ – абсурдна), постепенно было полностью упразднено. Дигитальное мышление, заигравшись в «условные тождества двух разных яблок по принципу подобия», продолжило свои манипуляции над реальностью, не беря качество на учет.

Весь подспудный контринициатический магизм дигитального мышления легко проиллюстрировать следующим примером. Как нам милостно объяснил Фрезер, магия, по крайней мере большая ее часть, основана на идее подобия. Дескать, маги, совершая определенные действия с предметами, считали, что тоже самое произойдет и с предметами, на которые те предметы похожи. Фрезер замечает по этому поводу, что мысль, конечно, двигалась в правильном направлении, но было много ошибок в причинно-следственных связях. Стало быть, условное подобие еще не есть, по Фрезеру, тождество. Одно неравно другому, А не равно В. Но почему же тогда для метаязыка современности настолько очевидно, что двоицу можно получить путем сослагания одного с другим или путем деления одного напополам? Что лежит в основе этих представлений? Всё тот же магизм, только с обратным знаком. Попробуем представить себе саму аксиоматику процесса сослагания. Допустим, опять-таки, у нас есть одно и еще одно яблоко. Сколько их будет «вместе»? «Два» – логичный ответ в рамках метаязыка современности. Но для метаязыка традиции это неочевидно. Для того, чтоб яблок стало «два», эти яблоки должны быть тождественны. Но яблоки, и это свойство материи, не тождественны, а подобны друг другу. Их тождество геометрично, а не арифметично, то есть они тождественны эйдетически, а не по воплощению. Яблоко – это и кожура, и семечки, и мякоть. Почему мы берем одно за целое? Можно возразить, что это абстракция и мы оперируем лишь с интеллектуальными подобиями реальных объектов. Разумеется, это возражение можно принять. Но как принять конвертируемость этих интеллектуальных подобий в реальные объекты? Как может летать самолет? а как могут стоять небоскребы? В основании любой теоремы лежат аксиомы. Аксиома есть утвердительный акт веры. Пока мы находимся в конвенциональном смысловом поле метаязыка современности – самолет летает, а небоскребы стоят. Но как только начинаются сколько-нибудь глобальные изменения в конвенциональном смысловом поле – самолет падает, а небоскребы рушатся. Аксиома мифологична. А миф есть всё. Такие отношения подразумевают то, что современная наука в своих основаниях тождественна симпатической (а именно, гомеопатической) магии.

Можно, конечно, сколько-угодно говорить о том, что магия основывается на ложной причинно-следственной связи. Но, обратившись к такому толкованию, мы снова столкнемся с принципом подобия. Какой вывод? Любые системы, основывающиеся на рационально неразложимых аксиомах, по меньшей мере равноценны. На наш же взгляд, когда речь заходит о метаязыке современности, то мы сталкиваемся с грубой, «сатанинской» подделкой метаязыка традиции. А поскольку эта подделка есть подделка всего Бытия, то в том числе она является и подделкой денег.

3. Глобализация капитала

В то время, когда крылатая фраза «за деньги всё покупается» успела сделаться трюизмом, стало очевидным противоречие между качеством реальности и количеством капитала. Разумеется, понятие «качественности» реальности было уже весьма трансформировано. «Качественность» реальности утратила свою метафизическую составляющую и приобрела почти «количественный» оттенок, став обозначением скорее конфигурации, нежели принципиальной значимости. Но, тем не менее, «качественность» реальности продолжала сохранять некое качество, сугубо враждебное капиталу. Она стала своего рода неусвояемым остатком, мешавшим тотальному торжеству капитала, его глобализации. Таковым остатком была географическая, национальная, религиозная, наконец, половая самоидентичность. Более того, даже оставшаяся непреодоленной до конца социальная самоидентичность. Над разрешением этого противоречия бились Карл Поппер, автор «библии» либералов «Открытое общество и его враги», а также его последователи, так называемые глобалисты (или мондиалисты) Френсис Фукуяма и Жак Аттали.

Нам приходится задержаться на этом, как мы и обещали, кое-что конкретизировав. Мондиалисты в своих трудах провозглашают конец истории. Главная книга Фукуямы так и называется. Если упростить его мысль до предела, то мы, как уже отмечал известный в интеллектуальных кругах леворадикалов Александр Тарасов, обнаружим старую гегелевскую идею о «духе, познающем самого себе», что, в общем-то, предстает в человеческой оптике как история. Согласно же Фукуяме, «дух познал себя окончательно» и наступает конец истории, что выглядит в мондиалистском прочтении не как нечто эсхатологическое и тем паче негативное, а как окончательное примирение противополо-

ложностей, торжество энтропии. В трудах Жака Аттали (члена влиятельной организации, называемой иногда «теневым мировым правительством», Бильдельбергского клуба), таких, как, например, «1492» и «Линии Горизонта»⁷, картина постисторического мира обрисована конкретнее. Основной пафос книги «Линии Горизонта», несущей скорее футурологический, нежели собственно экономический характер, заключается в своего рода «провозвестии» грядущего торгового строя, «порядка Денег», который должен прийти на смену «Сакрального порядка» и «порядка Силы». Но ключевой момент даже не в этом, а в идее гомогенизации реальности, планетарной равномерности, которая, на его взгляд, должна снять географические, национальные, религиозные, социальные и даже половые (учитывая современные научно-технические достижения в области геномной инженерии) противоречия и дихотомии. Мондиалистская унифицированная, однородная реальность будет более удобна для операций. Она призвана стать абсолютным эквивалентом денег. Совершится инверсия: ранее деньги означали подобие мира, теперь же мир станет подобием денег. Разумеется, в такой ситуации человек смыслится не более (или не менее), чем товаром. Если считать отчужденную количественную реальность означаемым, а деньги знаком, то, соответственно, возникает и мысль о «чистом количестве», об означаемом. Аттали говорит о «возможности оторваться от пространства». Как мы понимаем речь здесь идет даже не столько о возможности с одинаковым успехом заниматься финансовой, торговой и хозяйственной деятельностью в любой точке мира, сколько о виртуализации реальности, о чем будет говорено в последующей главе.

Не так давно в Японии была осуществлена опытно-конструкторская разработка виртуального человека. Ее результатом явилась хорошенькая азиатка, которой нет в реальности (она всего лишь файл). Ее лицо было составлено из ста лиц лучших фотомоделей мира. Эту женщину уже используют в телевизионной рекламе. Был для нее сконструирован также и голос (разумеется, явившийся синтезом голосов популярнейших певиц). Был даже выпущен в свет компакт-диск, где эта виртуальная женщина задействована в качестве исполнительницы шлягеров. К чему всё это приведет – не нам и не вам объяснять. Вопрос конектора между человеческим мозгом и компьютером – вопрос ближайших десятилетий. Соответственно отпадает всякий онтологический смысл смерти и особого традиционного процесса умирания: лю-

⁷ См. подробнее на эту тему досье в № 2 журнала «Элементы».

бой желающий после своей физической смерти может быть сохранен в виде виртуального человека. Разумеется, такой потребитель будет наиболее экономен (ведь всё, что ему требуется – подновляемая время от времени ЭВМ да энное количество киловатт-часов, что не проблема: космические сырьевые разработки, а также использование внутреннего тепла Земли, океанских приливов и отливов позволят производить электроэнергию в необходимых объемах). В такой ситуации будет выгоднее физически умереть, чтобы обрести полноценную прекрасную жизнь в недрах интернета. Современные ученые, в частности, многие психологи, утверждают, что все эмоции, все чувства, всю «духовность» можно свести к простейшим сигналам, поступающим в человеческий мозг. Что же, виртуальный человек вполне сможет усладиться этими импульсами: и неслыханными эротическими наслаждениями – наваждениями суккубов и инкубов, – и гипертрофированными вкусовыми ощущениями самой богатой гаммы, и властью, и чувством славы. Всем, чем угодно. Виртуальный человек будет количественно вечен. В случае же усталости от такого бытия, можно стереть файл. А можно и не делать этого: достаточно подтереть лишь ненужные воспоминания – и всё по новой. Правда, на смену человеку придет парк компьютеров. Зато будет очень экономично. Капитал станет абсолютно тождествен самому себе.

Отчуждение денег достигло уже таких масштабов (планетарная денежная масса уже давно не обеспечивается ни только золотым запасом, но и «природными и рукотворными богатствами, обладателем которых является человечество»⁸, на сегодняшний день это соотношение достигло уж 1:25), что сами деньги постепенно превращаются в чистую абстракцию. Генон еще в начале века писал об этапе «растворения», который должен последовать за этапом «отвердения» (то есть на смену «материализму» должна прийти новая «духовность», но уже как «антидуховность»). В каком-то смысле абстрактные, «виртуальные» денежные массы на сегодняшний день являются наиболее количественными, предельно сжатыми и однородными (каждая единица тождественна другой, поскольку отсутствует в той же степени, что и другая). Тут следует четко установить, что такого рода абстракция не есть «духовное» (или, тем паче, Принцип) на том только основании, что ни то, ни другое «нельзя пощупать». В некотором отношении эта абстракция представляет собой антиполюс по отношению к Изначальному Принципу. Впрочем, о последнем речь пойдет в следующей главке, посвя-

8) См. Калаич Драгош. Символика доллара. // «Евразийское вторжение», №5.

щенной преимущественно феномену медиократии.

4. Трансформация капитала в систему имиджей

Последнее перевоплощение капитала выглядит наименее объяснимым, поскольку мы сами являемся его свидетелями и нам, как действительно вовлеченным в процесс этой трансформации сознания, трудно взглянуть на происходящее со стороны. Однако уже и теперь у нас имеется достаточно возможностей разобраться в этом уникальном процессе. К сожалению, мы слишком привыкли верить собственному восприятию мира и для нас «виртуализация» реальности является не объективным фактом сегодняшней действительности, а своего рода метафорой, подразумевающей процесс, ни в коей мере не затрагивающий нас, как «субъектов». Однако в данной ситуации уместнее было бы говорить о субъектности самой виртуальной реальности, объектом которой постепенно становится каждый из нас.

Теперь мы подходим к самому важному, к тому ради чего собственно и была написана эта статья. А именно: феномену медиократии.

Философ, деятель французской революции 1968 г., возглавивший ситуационистский интернационал, Ги Дебор в своей более чем значимой работе «Общество спектакля» произвел серьезное вскрытие современной реальности, обнаружив ее катастрофическое отчуждение от реальности подлинной. Общество спектакля – это наше актуальное общество, черты которого начали проявляться уже в то время. Ги Дебор различал два типа общества спектакля: тоталитарное и дифференцированное. Он не строил иллюзий по поводу государств, избравших социалистический путь развития. Однако признавал тоталитарное общество спектакля более «ограниченным», а следовательно, отчасти и более «мягким», что может показаться парадоксальным. Куда как эффективнее оказалось общество дифференцированного спектакля, за которым в силу его гибкости и осталась победа. Общество дифференцированного спектакля в буквальном смысле слова «тотально», поскольку втягивает в себя наибольшее число самых различных пластов реальности, не оставляя никаких «гетто». Согласно Ги Дебору, капитал претерпел превращение в дифференцированную систему имиджей. И идеалом такого общества постепенно становится обладание именно имиджами, заменяющими реальность. Не жизнь, но иллюзия жизни. Даже не потребление товара, а потребление рекламы. Рекламы в самом

широком смысле слова. Рекламой становится тотально вся отчужденная реальность. Феномен «дорогих» журналов состоит как раз именно в этом. Их читатель или, точнее, «разглядыватель» покупает такой журнал руководствуясь желанием «приобщиться» этой реальности. Сюда же отнюдь не сходятся и многочисленные шоу. Ги Дебор шел еще дальше. Он утверждал, что и революция превращается не более чем в имидж.

Как справедливо замечал Аттали, возможность перехода к новому мировому порядку была обеспечена изобретением в 1969 г. в США микропроцессора. Начиная с этого события, реальность всё более отчуждалась от самой себя. За интернетом будущее – это очевидно. Так же, как и то, что акценты реальности всё более будут смещаться в направлении «виртуализации». Будущим поколениям в буквальном смысле слова придется жить в «виртуальном мире». Уже сейчас создаются виртуальные города, всё более заселяемые виртуальными жителями. Вопрос переходника между человеческим мозгом и компьютером – действительно вопрос ближайших десятилетий. Разумеется, виртуальная жизнь более экономична и, как утверждают самые различные футурологи, более «гедонистически полноценна». Эта жизнь способна «подарить» не только бессмертие «в виде персонального файла», но и абсолютное «антидуховное» наслаждение, реализующееся в самых различных «более специализированных» наслаждениях, конфигурируемых по желанию «виртуального гражданина». И здесь мы, разумеется, видим абсолютный полюс по отношению к изначальному полюсу Принципа. Тотальную апостасию и то «растворение», которое, как предсказал Генон, наступит после предельного «отвердения».

Когда речь заходит о медиократии как о «четвертой власти», необходимо не забывать, что это не более чем фальсификация самих медиократов, являющихся на сегодняшний момент практически нераздельными властителями мира. Не стоит лишним раз уточнять, какого рода организации являются реальными субъектами медиократии. Это и так более менее всем ясно. Понятие «четвертой власти», внедряемое в сознание масс, является не более чем «ходом от обратного», отвлекающим маневром, лишь одним из тактических приемов конспирологической «игры в объективность». Не стоит говорить и о реальных разработчиках такой программы, и о так называемом «зомбировании». Последнее не более чем имманентно самому обществу дифференцированного спектакля. Власть СМИ в самом широком смысле представляет собой сложнейшую систему намеков и эквивалентов, отследить реальный вектор действия которой представляется практически невозможным. Тем

более что никакого «реального вектора» в действительности не существует, существует лишь возрастающий в геометрической прогрессии объем информации, упраздняющий, «обесмысливающий», «обезыдеивающий» любую деятельность. Уже давно навязывается не сама информация, а представление о необходимости обладания ею.

Ситуация постмодерна – это не «состояние литературы», как наивно думают некоторые и даже уже не «состояние культуры», а само состояние реальности, постмодерн вписан в действительность и является ею. Однако СМИ в этой ситуации – всего лишь техническая деталь, не стоит демонизировать гильотину, они всего только передатчик, транслятор имиджей, подменяющих собой подлинную реальность. Причина глубже и относится к области метафизического.

5. Поиск субъекта капитализации действительности

Когда мы говорили о капитализации действительности, мы прежде всего намекали на объектность последней. Обычно принято рассматривать действительность как субъект. На это указывает и этимология самого слова, являющегося калькой с соответствующего немецкого понятия. Действительность – позднее изобретение человека, лишь отчасти семантически накладывающееся на понятия «реальность», «существование» и более традиционное понятие «явь». Хотя в последнем случае само понятие «понятие» становится бессмысленным. Итак, действительность – преимущественно субъектное понятие, возможное и с тотальной необходимостью допустимое в креационистском и механицистическом космосе. Понятие «действительности» детерминируют материалистически-рационалистические представления о бытии как о том, что непременно образом действует. Если же оно лишено действительного бытия, то не является таковым. Закрепление подобных представлений соответствует тому, что Рене Генон называл в «Царстве количества и знамениях времени» – «отвердением космоса». Вслед за «отвердением космоса», соответствующим профанации, десакрализации и повсеместному распространению псевдоинициации, как полагал Генон, должно наступить нечто гораздо худшее. И этот последний процесс, завершающий космическое становление, за которым с фатальной неизбежностью следует финал, конец мира, Генон называл «растворением». Этот период отождествлялся им с переворачиванием символов, «сатанизацией» и повсеместным торжеством контринициации, то есть с тем, что христианская традиция именует приходом Антихриста.

В случае капитализации действительности мы сталкиваемся со смещением понятия «действительность» из области субъектного в область объектного. И вправду, то, что можно «капитализировать», является отнюдь не субъектом, но объектом, на который направлено действие. Таким образом, мы можем здесь наблюдать вырождение понятия «действительность», которое само по себе является вырождением.

Однако если мы говорим о действительности как об объекте, то ментально встает вопрос о субъекте, направившем действие – «капитализацию» – на «действительность».

Во второй половине XX в. таким субъектом стал PR. «Паблик рилейшнз» не есть просто общественные отношения, общественные связи. Любое понятие помимо изначальной семантики обладает коннотацией, то есть приобретает семантический ореол того контекста, в котором оно употребляется. PR – понятие специфически экономическое. Негласно PR определяется как своего рода завуалированная реклама товара. А «товаром» в современном смысле этого слова является всё. То есть не только предметы и услуги, но также идеи и сам человек. В религиозных дефинициях это можно было бы назвать «поклонением золотому тельцу», так как конечная точка этого процесса – капитализация Бога. А точнее, узурпация, так как Бог не может быть капитализирован, могут быть капитализированы лишь представления о нем. Таким образом, трансформации капитала представляют собой иллюзорный путь от Бога-богатства к «Богу-капиталу».

PR, будучи экономической реальностью, обнаруживает свое тождество с языком. Александр Дугин уже намекал на это в своей статье «Экономика как язык». Однако такой язык в строгом смысле не является языком. Он становится, по Генону, «перевернутым символом».

Деятельность пиарщиков подразумевает активное участие в презентациях, конференциях, пресс-конференциях, семинарах, агитацию и любые подобные мероприятия. Сам по себе PR и является «завуалированной рекламой». Но помимо этого PR'a есть еще и так называемый «черный» PR, направленный на дискредитацию и конечную дисквалификацию конкурентов.

Если довести мысль о PR'e до конца, то мы поймем, что в современном мире, строго говоря, любая речевая деятельность является PR'ом. Таким образом, обнаруживается расслоение не только по вертикали на «белый» и «черный» PR, но и по горизонтали – на PR осознанный и PR

неосознанный. Вычленив эти составляющие, мы можем говорить о четырех PR'ах: PR'e «белом» осознанном; PR'e «черном» осознанном; PR'e «белом» неосознанном; и PR'e «черном» неосознанном.

Весь ужас подобного осмысления настоящего положения вещей обнаруживается в невозможности принятия ни одного из перечисленных образа действий без опасности подвергнуть себя процедуре, именуемой в христианских дефинициях «принятием печати Антихриста». Ибо любое наше мнение по поводу чего бы то ни было происходящего в мире становится PR'ом, осознаем мы то или нет.

Однако возможный вектор поиска тотального продиводействия современному миру мы видим в семантической революции и лингвистическом терроре. Капитал необходимо привести к абсурду, показав его несуществование. Последнее обстоятельство предполагает необходимость обратить наше внимание на то, что мы говорим и на то, что мы думаем. «Познай говорящего в речи», – утверждают Упанишады.

М. Журкин

ИМПЕРИЯ ЗОЛОТА

В истории человечества чаще всего происходит так, что цивилизация, созданная жреческой кастой, в определенный момент становится объектом узурпации власти другой касты – воинами. Возникает новый тип общества – цивилизация меча. Этот процесс неизменно приводит к возникновению государств, как мегамашин насилия, угнетения и эксплуатации. Под властью воинов чаще всего складываются огромные полиэтнические империи, военно-бюрократические системы и восточные деспотии, которые в период своего кризиса способны распасться на более мелкие единицы военно-феодалного типа.

Но не всегда власть от жрецов переходит к воинам. Порою, в редких случаях, власть переходит непосредственно к касте собственников – обычным соплеменникам, обладающим наследственным имуществом, и неразрывно связанным с ним гражданским правом, что приводит к складыванию социальной системы совершенно иного свойства – цивилизации золота. Где и как это происходило?

Образованию государств, как правило, предшествует фаза развитой цивилизации – жреческой формации или кастового общества. Для этой стадии характерно нарушение социального монолита первобытного общества, выделение из массы соплеменников новых социальных групп – культовой прослойки (жречества), касты воинов (кшатри-ев) и касты собственников – владельцев имущества (вайшья) и их ритуальное обособление друг от друга. Этот процесс носил, как правило, культовый характер и мифологическое объяснение, поскольку основная власть находилась еще в руках теократической прослойки – жрецов. И данное социальное разделение приобретало, естественно, ритуальный оттенок, соответственно, закрепляясь обычаем не в виде государственных сословий и имущественных классов, а в виде традиционных каст.

В исторической науке подобную стадию часто называли «эпоха разложения родового строя», нисколько не заботясь о том, что это разложение у многих народов порою проходило многие века, а переход к фазе государства так и не наблюдался.

Все факты говорят о том, что в данном случае мы имеем некий самостоятельный тип общества, отдельную формацию, которую можно

охарактеризовать как жреческую цивилизацию.

Этой стадии общественного развития присуще правление культовой прослойки (жрецов). Данная общественная формация в политическом устройстве может быть обозначена как теократия. Как правило, для данной стадии характерно наличие крупных человеческих поселений в виде городов-храмов, верховную власть в которых представлял, чаще всего, некий тип правителя: царя-жреца (верховного жреца) как живого символа единства народа и культа. Он служил объектом поклонения, и власть его опиралась исключительно на религиозную веру, силу обычая и традиции.

Данная замкнутая и самодостаточная структура общества порою могла существовать многие века без существенных модификаций, украшая себя плодами культуры, мифологии, традиций и знаний, создаваемых жреческой кастой.

Но ни что на земле не вечно. И таковые теократические системы с течением времени приходили в упадок и исчезали, оставляя после себя заброшенные города-храмы, подобно цивилизации Майя.

Либо власть в них узурпировалась низшими кастами, вследствие вырождения жречества, и начиналась уже другая история – несовершенных, дисгармоничных и уродливых обществ, основанных на насилии и эксплуатации – то, что мы определяем сейчас как государства, история которых продолжается и по сей день.

В данном исследовании нас более всего интересует генезис и развитие тех систем, которые создает каста собственников, поскольку эта формация является правящей в нашу эпоху, а ее социальные отношения доминирующими. Когда же именно на исторической сцене появляется каста собственников?

Для того, чтобы понять это, необходимо дать определение частной собственности. Очевидно, ею является не всякая личная собственность, а только та, что дает своему обладателю (отдельному полноправному индивиду – частному лицу с неотчуждаемыми правами) возможность материального обеспечения своего существования и поддержание полноправного статуса в обществе. В общем, это капитал, то, о чем писал Карл Маркс – собственность, которая приносит прибыль, и может быть представлена в виде чего угодно – земли, скота, имущества, денег, ценностей и т. д.

Очевидно, что крестьян всех традиционных обществ нельзя назвать собственниками в полной мере, поскольку основное средство их производства – земля, принадлежало всегда всей родоплеменной общине. Отдельный индивид, как собственник земли и прав на нее, в системе экономических отношений не фигурировал. Ежегодно совершался передел земельных владений общины, обрабатывалась она совместно, и место частной собственности в этой системе отношений отсутствовало.

Само понятие частной собственности неразрывно связано с торговлей, и своеобразным тестом на нее в обществе является появление такой системы отношений, как ростовщичество и ссудный процент. Судя по материалам археологических исследований, торговля всегда сопровождала человечеству. Даже в каменном веке у большинства культур прослеживаются следы меновой торговли. Кремень – камень, пригодный для изготовления орудий труда – при раскопках находили в поселениях разных племен, иной раз за тысячи километров от мест его добычи. Это являлось прямым следствием менового обмена, в котором участвовала целая цепочка племен. В эпоху бронзового века многие этносы уже пользовались бронзовыми орудиями, но не умели обрабатывать металл сами. Изделия были покупными.

Однако наличие торговли и обмена в традиционных обществах почему-то автоматически не приводило к появлению частнособственнических отношений и социальному расслоению. Ростовщичество также не наблюдалось. Почему? Потому, что торговля там являлась коллективным, а не частным видом деятельности, в ней участвовало всё племя, и выгода от нее распространялась на всех соплеменников соответственно.

В более развитой системе – жреческой цивилизации, основным участником торговых отношений и обмена стал храм. Поскольку только город-храм был крупным аккумулятором материальных ресурсов (за счет ритуальных приношений и прибыли с храмового хозяйства). Жрецы в этом типе общества неизменно монополизировали столь выгодную сферу деятельности, как торговля, внося в нее некий элемент порядка и систематизации.

В развитой культуре шумеров, с их многочисленными городами-храмами, торговлей ведали специальные храмовые служители – тамкары. Прибыль от этой выгодной сферы укрепляла власть и богатства храма и статус жрецов, но опять же не приводила к

образованию такого института, как частная собственность. Доходы от торговли принадлежали всей храмовой корпорации.

В некоторых исключительных случаях право на торговлю выходило за рамки храма и попадало в руки к простым соплеменникам – именно здесь и следует искать генезис касты собственников и частнособственнических отношений.

Где и как это могло происходить? Естественно подобное явление могло наблюдаться только на путях наиболее крупных торговых маршрутов, караванных путей и морских портовых факторий, где торговля стала постепенно составлять основную и наиболее прибыльную отрасль деятельности. Логично предположить, что в столь выгодных для торговли местах она выходила за рамки храмового хозяйства и втягивала в свою орбиту и простых соплеменников. Прибыль от нее получалась здесь уже отдельным лицом торговца, под свой страх и риск пускавшего в торговые предприятия, и соответственно распоряжаться прибылью мог уже отдельный человек.

Появление в экономике новой структурной единицы – отдельного индивида и его самостоятельной экономической деятельности, привело к революционным последствиям для любого общества, где этот процесс происходил. И эта революция, начавшись со сферы экономики, неизменно распространилась и на другие сферы общественной жизни тех народов, которые оказывались вовлеченными в орбиту торговой экономики.

Именно в таких местах появляется новая система отношений – ростовщичество, ссудный процент и частная собственность. Историк возразит, что и во многих восточных деспотиях – с точки зрения нашей теории общества касты воинов, существовало ростовщичество. Да, совершенно верно, кодекс Хаммурапи, и многие другие документы Древнего Востока, добытые археологией, говорят о расцвете там ростовщических отношений, ссудного процента и долгового рабства. Причем государство – военно-бюрократическая система – с этими явлениями яростно боролось, поскольку имущественное расслоение и разложение традиционной общины подрывало экономической базис государственной власти, уменьшая количество податного населения.

Ростовщичество не есть признак господства касты собственников. Оно есть признак самой этой касты, и появляется как социальное явление везде, где складывается данный социальный слой. Там, где существует

социальная прослойка, основой существования которой является частная собственность, неизменно возникает и ссудный процент, даже в тех случаях, когда верховную власть в этом обществе удерживают представители других каст, например бюрократия (кшатрии), как это было в цивилизациях востока.

Самое интересное заключается в том, что и общественная система собственников зачастую пыталась ввести ростовщичество в некие рамки, главным образом из-за его следствия – долгового рабства. Поскольку закабаление значительной части общинников грозило потерей обороноспособности для народа, где этот процесс происходил. Поэтому в античных полисах, чаще всего бывших торговыми факториями, законодательно запрещалось порабощать граждан за долги. Выход был найден в покупке рабов-иноплеменников и расцвете частнособственнического рабства, становившихся ярким признаком обществ формации собственников.

И не сложно заметить, что подобное частнособственническое рабство тесно связано с историей античности (Греция, Рим) – то есть тех государств, на основе истории которых Карл Маркс выделил особую рабовладельческую формацию.

Рабство существовало и на Востоке – цивилизации воинов. Но там оно существовало либо в форме патриархального рабства (включение рабов в семью на правах низших членов), либо в виде государственного рабства (здесь рабы превращались во что-то вроде низшего сословия). В любом случае, в восточном «кшатрийском» обществе раб не лишался некоего юридического статуса и представления о нем, как о человеке.

Частнособственническое рабство – при котором раб лишается статуса человека и превращается в одушевленное орудие труда (как скот), характерно только для цивилизации собственников. Из вышесказанного можно сделать вывод: то, что мы называем кастами, а именно, три доминирующих слоя любого из обществ, использующие для своего господства какую-либо из трех возможных видов власти (духовную власть, силу золота или насилие) в полной мере обособились друг от друга только с падением жреческой цивилизации.

Массы общинников в изначальной (жреческой) формации еще не были собственниками в полной мере – индивид, его независимая экономическая активность, собственность и индивидуальные права не являлись еще отдельным институтом общества. Каста воинов тоже

еще не представляла собой замкнутого аристократического сословия. Иерархия жрецов также не была жестко отделена от соплеменников, как отдельная культовая прослойка. Доступ туда был ограничен лишь наличием или отсутствием способностей присущих жреческой касте у того или иного индивида.

Именно замыкание и обособление каст друг от друга приводило к необратимым социальным последствиям. Появление закрытой элитной прослойки, претендующей на островную власть, пусть даже и составлявшей ничтожный процент от всей общины, приводило к полному изменению всей структуры общества и отношений внутри него.

Точнее, сами касты перестали быть таковыми в ритуально-традиционном смысле, характерном для формации жрецов, превращаясь либо в сословия (при господстве воинов), либо в имущественные классы (в условиях формации собственников). Сама же жреческая каста слилась с этими социальными слоями и рассталась с абсолютной властью, но сохранила свою культовую сферу деятельности. Жрецы просто перешли на службу другим кастам.

Таким образом, складывание государства, как общности нового типа, основанной на терроре и эксплуатации, одновременно было и фазой деградации традиционных каст, их замыканием и самоизоляцией, и, как следствие, превращением со временем в сословия, либо имущественные классы.

Складывание касты кшатриев – воинственной сплоченной и агрессивной общности, напоминающей банду во главе с вождем (по отношению к общей численности всей общины такая группировка могла быть ничтожна) у одного из племен, приводило к аналогичному процессу у соседних – чтобы защищаться от первых. Это явление хорошо иллюстрируется цитатой из одного фильма: «Чтобы защититься от дракона, нужно иметь своего собственного». В этом случае начинался процесс, схожий с эффектом «домино» – явление, которое можно охарактеризовать как «революция кшатриев». Повсеместно у соседствующих народов складывались воинственные банды, которые помимо бесконечной войны друг с другом и набегами на соседей захватывали власть и среди своих соплеменников, подчиняя сначала их, а затем и соседей (где удавалось). Так возникала прослойка военной знати.

С собственниками происходил аналогичный процесс. Сама численность

крупных имущественных воротил, владельцев земель, стад, судов, мастерских, рабов и т.д., ведущих торговлю и дающих деньги под процент, могла быть очень невелика по сравнению с численностью остальных соплеменников. Но частнособственнические отношения, транслируемые этой прослойкой, полностью подчиняли себе жизнь, экономическую деятельность, мораль и ценности остальных ее соотечественников. Сила частной собственности и стремление к прибыли подобны всепроникающей воде. Она просачивается везде, и повсюду оставляет свой отпечаток. Даже сохраняя многие традиционные институты общества, частная собственность способна полностью подменить их суть.

Допустим, совет старейшин – это форма власти, существующая в любом традиционном (жреческом) обществе. В условиях власти собственников он претерпевал существенную трансформацию, превращаясь постепенно в коллегиальный орган правления наиболее богатых граждан. Этот процесс происходил тем более незаметно, что богатый торговец мог быть одновременно и главою родового клана. Но принцип получения власти становился уже иным – не родовой статус, прежде всего, а богатство давало право на власть. Так же вопрос обстоял и с вооруженными силами – формально, как и в условиях первобытного общества, основу войска составляло ополчение всех соплеменников. Но только зажиточные граждане теперь могли позволить себе купить полное военное снаряжение и, отрываясь от дел, участвовать в военных походах. Соответственно и вопрос о власти отпадал автоматически: кто защищает общину, тот и имеет право на власть – не только рабы, но и бедняки, зависимые категории населения естественно отменяются и выпадают из гражданской общины.

Наличие собственности становится критерием права. Оружие, а значит, и основная власть, оказывается в руках не племенного ополчения и не родовой знати, а граждан – владельцев. И даже если в развитых гражданских полисах – например, в Афинах, формально (де-юре) власть принадлежала всем гражданам, то де-факто ею распоряжалась лишь узкая прослойка наиболее влиятельных и богатых граждан, вовлекавших бедняков за подачки в свою политическую борьбу лишь как инструмент. Плавно меняются и функции жречества. Храмы, хранящие большие богатства становятся чем-то вроде банков. Они совершают крупные кредитные операции, дают деньги под проценты. Жрецы, вовсе не освобождаясь от культовых функций, в то же время превращаются в подобие того, что много веков спустя станет

называться финансовой элитой.

И тут естественно читатель может заметить, что всё здесь описанное более всего подходит для характеристики полисов древней Греции и того, что в более широком понятии называется античным обществом. Совершенно верно – формация собственников очень напоминает классические черты античных полисов Средиземноморья и городов-государств Эллады. Здесь отчетливо видны все элементы, присущие этому типу общества – собственность и гражданское право, частнособственническое рабство и армии гражданского ополчения, правление коллегиальных органов (то, что сейчас называется представительной властью), а также развитая торговля и финансовая деятельность. То, что цивилизация античной Греции представляет собой формацию собственников – бесспорно. Наша задача состоит в том, чтобы доказать, что не только в Греции существовала общественная формация собственников, но подобный тип общества складывался также и у многих народов, далеких исторически и географически от античных культур.

Более того – зарождение капитализма и расцвет современной западной цивилизации напрямую связан с обществом касты собственников и представляет собою одно из звеньев исторической цепи развития данного типа цивилизации. Задача состоит в том, чтобы проследить следы формации собственников в наиболее ранних своих проявлениях и, следовательно, выявить общие закономерности этого типа общественного устройства. Ключевая задача здесь – найти первый очаг возникновения.

Окидывая взглядом историю человечества для того, чтобы найти место первого зарождения кастовой формации собственников, выясняем, что она – явление более позднее, чем другие кастовые формации. Древние цивилизации Египта, Месопотамии, Китая и Индии можно в наиболее ранних своих формах отнести к жреческим культурам городов-храмов, большинство из которых затем, вследствие кризиса или внешних вторжений перешли к стадии воинских формаций – военно-бюрократических царств и империй. Ни в IV, ни в III тысячелетиях до н.э. – эпохи расцвета древнейших цивилизаций, возникновения новой общественной формации собственников не прослеживается. Хотя сама эта каста, судя по материалам древних законодательств, уже появляется.

Большой соблазн возникает отождествить первое общество данного типа с минойской цивилизацией Крита и шире – с крито-микенской

культурой. Действительно, цивилизацию древнего Крита (первую из развитых в Европе), до сих пор еще неразгаданную и загадочную, многие ученые считают колыбелью античной, а значит, и современной европейской цивилизации. До сих пор не расшифрована полностью письменность критян, спорными также являются этнические и культурные истоки данной цивилизации. Логично предположить, что древний Крит, неразрывно связанный с морем, а значит, с торговлей, являлся предтечей античной культуры, и его, следовательно, можно отнести к первой в истории формации собственников. Много фактов говорит в эту пользу.

Во-первых, сами греки называли империю Крита талосократией, «властью моря». Именно мореплавание наиболее благоприятно для торговой деятельности. Во-вторых, прослеживаются обширные торговые связи критской культуры со всем Средиземноморьем, особенно с Древним Египтом. На египетских фресках критяне часто изображались в виде послов, приносящих дары фараонам. В-третьих, древний миф о Тезее, убившем Минотавра, живущего в Лабиринте критского царя Миноса, дает нам сведения о том, что критяне вывозили с материковой Греции рабов в виде дани. Именно в таком качестве им нужны были афинские юноши и девушки. Вот вам и следы развитого рабовладения, свойственного цивилизации собственников.

Косвенно данные о развитой торговле подтверждает археология. При раскопках одного из критских дворцов была найдены остатки мастерской по изготовлению колесниц. Но проблема в том, что ландшафт острова очень горист и в большей своей части абсолютно не пригоден для езды на колесницах. Возникает вопрос: для чего их делали? Вариант – только на экспорт, скорее всего в Египет, с которым у критян были особо прочные торговые связи. Вот вам и следы товарного производства. Стало быть, древний Крит можно отнести к торговой цивилизации – формации собственников, а следовательно, и микенскую культуру материковой Греции, во многом дочернюю Криту. Не зря же ахейцев называли – народами моря. Но определенно в этой схеме не всё гладко. Есть поводы для некоторого сомнения.

Попробуем взглянуть на социальное устройство острова под другим углом зрения. Прежде всего, древний Крит известен своими грандиозными дворцовыми комплексами. Крупные поселения острова существовали в виде больших зданий, вмещавших в себя ряд помещений совершенно разного назначения – культовые и церемониальные залы,

жилые помещения, хозяйственные постройки, мастерские и кладовые. Все эти помещения располагались под крышей одного грандиозного сооружения, разраставшегося как грибница с течением веков. Наиболее известен дворец города Кносса, связываемый мифами с легендарным царем острова – Миносом. Предание сохранило воспоминание о подобных дворцах в виде легенды о Лабиринте – здании с множеством запутанных коридоров и залов, из которых человек без посторонней помощи не может выбраться. Чужак обречен там блуждать, пока не погибнет в лапах Минотавра – монстра стелом человека и головой быка, чудовищного сына царя Миноса, которого тот кормит человеческими жертвами. Помимо Кносса, подобные дворцовые комплексы найдены и в других пунктах острова – Фесте, Малии, Закро.

Очевидно, что подобные сооружения дворцового типа абсолютно не напоминают торговые фактории свободных граждан. Более походят они на поселения, которые создает каста воинов – замки и укрепленные городища, внутри которых концентрировались хозяйственные помещения и мастерские для снабжения жителей поселения всем необходимым. Подобная система подразумевает централизованное управление царским хозяйством, со всеми его атрибутами – зависимым населением, живущим вокруг дворца, прослойкой бюрократии, ведающей учетом и распределением, наличием дворцовых рабов, как особого сословия лишенных имущества, живущих и работающих при большом хозяйстве.

Стало быть, древний Крит походит более на классическую восточную деспотию – цивилизацию касты воинов, военно-бюрократическую систему, подобную другим культурам древнего Востока. Но факты опровергают и эту теорию. Минойская цивилизация выделяется своей яркой и самобытной культурой. Многочисленные фрески и росписи, дошедшие до нас благодаря археологии, дают нам представление об искусстве древних критян.

Помимо невероятного эстетизма, лиризма и пластичности это искусство потрясающе миролюбиво. Невероятной красоты изображения природы, цветов, морских обитателей, изящных и стройных человеческих фигур дают представление об очень высокой технике художественного мастерства, достигнутой мастерами острова. Но главное, – какие сцены изображают эти фрески?

Искусство других древних цивилизаций Востока, чаще всего прославляет власть государства, а стало быть, касты воинов. Сцены

войны, царской охоты, вереницы послов других народов и данников, пышные придворные церемонии и казнь врагов – вот главный его мотив. Ничего этого нет в искусстве Минойской цивилизации: сцены насилия, изображения воинов и оружия отсутствуют. Основной мотив изображений – культовый. Взгляду зрителя представлены многочисленные религиозные церемонии – процессии с цветами и плодами (праздник урожая) в сопровождении жрецов, мужские и женские божества, а также «тавромахия» – спортивные игры с быком, одним из главных божеств острова, носящие явно культовый характер. Да и сами дворцы вовсе не напоминают укрепленные замки. Они абсолютно лишены каких-бы то ни было оборонительных сооружений. Стало быть, обитателям дворцов никогда никто не угрожал – они не боялись восстаний покоренного населения и нападений из соседних дворцов. Это вовсе не крепости – поселения касты воинов.

Всё говорит о том, что это города-храмы, культовые центры острова, с сопутствующим им, как правило, храмовым хозяйством. Да и греческий миф о Тезее подтверждает это предположение. Лабиринт, в котором царь Минос приносит человеческие жертвы Минотавру, более всего напоминает храм с культом зооморфного божества – быка, следов поклонения которому на острове сохранилось столь много. Да и собственно дань афинян критскому царю вовсе не похожа на классический захват рабов. Миносу должны были присылать знатных юношей и девушек для жертвы Минотавру. Хотя не факт, что именно для человеческих приношений. Это напоминает скорее институт заложничества – дети знати подчиненных народов присылались на остров в знак подчинения. Естественно они жили при храме, возможно, посвящались в жрецы, то есть символически приносили свою жизнь в жертву богу-быку, а не буквально.

Стало быть, царя Миноса вряд ли можно отождествить с классическим восточным деспотом, венчающим своей обожествляемой персоной громадную военно-бюрократическую машину. Здесь перед нами предстает уже знакомая нам по культурам многих древнейших народов фигура царя-жреца, или просто верховного жреца – живого бога, олицетворявшего своей персоной весь народ и бывшего символом его процветания и благополучия. Подобный царь-жрец порою бывает похож на восточного деспота, поскольку те тоже любили украшать себя ритуальными титулами и обожествлять свои персоны. Но коренное отличие царя-жреца заключается в том, что его власть имеет фундамент не в виде государственной машины принуждения, как у

владык касты воинов, а базируется сугубо на жреческой форме господства – духовной власти и силе многовековой традиции. Царя-жреца не боялись – ему поклонялись, его почитали, любили, в него верили. Сам он ни чем не правил – его задача заключалась в том, чтобы быть – самим фактом своего существования поддерживать культ и традиции. Реальная власть находилась в руках жреческой корпорации, правившей коллегиально.

Действительно, образ царя Миноса, судя по дошедшим до нас мифам, более ассоциируется с культовой властью. Не зря предание древних греков говорит о том, что после смерти он стал одним из судей в загробном царстве. Здесь прослеживается очевидная связь этой фигуры с погребальным культом. Скорее всего, Минос вообще не был даже каким-то отдельным человеком. Это, как часто бывало в таких случаях, имя нарицательное – функция бога на земле, роль которого играл отдельный человек, а после его смерти Миносом назначался следующий (путем выборов или по ритуальному жребию). Если провести аналогии с нашим временем, то образ царя-жреца более подходит для таких ритуальных фигур, тем не менее имеющих огромную власть над своими почитателями, как Далай-Лама или Папа Римский.

Таким образом, древний Крит был типичнейшей теократией – жреческой формацией. Этой цивилизацией правили жрецы и именно поэтому громадные дворцы Крита не защищены оборонительными укреплениями – храмовые комплексы одного и того же культа не станут воевать друг с другом. Да и бояться восстаний угнетенного населения им было не за чем – население никто не угнетал. Набожные поселяне и паломники сами спешили принести дары своему богу, особенно в дни ритуальных праздников. И делали это не «из-под палки», а с энтузиазмом и религиозным рвением, поскольку верили, что с благополучием богов неразрывно связано и их благополучие – урожай, хорошая погода, счастье и т.д., причем не только в земной жизни, но и загробной.

Беспристрастная археология отметила большой контраст между уровнем жизни и материальной культурой жителей критской деревни и обитателей дворцов. Это и понятно – обычное земледельческое население жило так же, как и в доцивилизационную эру – близко к природе, просто и аскетично.

Жреческие же корпорации, управлявшие крупными централизованными хозяйствами, аккумулировавшие прибавочный продукт

острова, ведущие широкую международную торговлю, жили действительно, как полубоги.

Следовательно, цивилизацию древнего Крита нельзя причислить к формации собственников. Это классическая жреческая теократия, наиболее ранний тип цивилизации, где правит жреческая каста. А как же микенская материковая Греция – цивилизация ахейцев бронзового века? Ведь она по материальной культуре очень близка к минойской цивилизации Крита: и искусством, и материальным бытом, слоговым письмом. Можно сказать, ахейцы были культурной провинцией критян. Стало быть, и у них существовала жреческая цивилизация?

Но факты опровергают это утверждение. Города-государства ахейцев материковой Греции – это, прежде всего, укрепленные цитадели, порою сложенные из циклопических блоков, напоминающие замки. Захоронения их царей и правителей-басилевсов полны оружия и военного снаряжения. Да и искусство микенской цивилизации, похожее по стилю на критское, предельно отличается от него по смысловому содержанию. Прежде всего, там изображались батальные сцены, вереницы воинов и колесниц, сцены царской охоты. Очевидна воинская (кшатрийская) составляющая этой цивилизации. Более того, исходя из современных знаний об этой цивилизации, у нее были все предпосылки перерастания в классическую восточную деспотию. Царь Микен Агамемнон смог объединить большинство городов-замков под своей властью, создав этим самым некую протоимперию, и даже предпринял совместный морской поход подвластных себе владык на город Трои, на другой берег Эгейского моря.

Величайший греческий эпос «Илиада» живописует нам типично воинско-рыцарскую этику вождя касты воинов древнейшей Греции в этой войне. Удивительно, но система их этических и моральных ценностей и отношения между владыками – предводителями дружин, описанная в Илиаде очень напоминает феодально-аристократическую. Феодализм, как наиболее воинственная стадия развития цивилизации кшатриев, вообще типичен либо для начального периода образования империй (когда они только складываются в хаосе войн и стычек), либо для их конечной стадии (когда они распадаются в ходе междоусобных войн). Поэтому отношения, похожие на феодальные, встречаются зачастую в эпохи, ужасно далекие от европейского Средневековья.

Классическая феодальная раздробленность наблюдалась в Китае династии Джоу (I тысячелетие до н.э.). Египет Среднего Царства по-

хож на феодальную федерацию так же, как и микенская Греция и ряд других древнейших обществ. Стало быть, микенская Греция – классический пример кастовой формации воинов. Но Микены так и не созрели в полноценную восточную деспотию. Сам изрезанный и островной ландшафт Греции препятствует там установлению прочной центральной власти. Помимо того, вторжение варваров-дорийцев привело к гибели этой цивилизации бронзового века.

На материалах истории Крито-Микенской цивилизации можно сделать любопытный вывод. По культурным параметрам древний Крит и Микенская Греция были одной цивилизацией, а вот общественные системы у них существовали разные. У критян правила каста жрецов, в материковой Греции под властью Микен – каста воинов. К наиболее ранним прототипам торговой цивилизации можно отнести города финикийцев (народа торговцев, мореплавателей и пиратов) в восточном Средиземноморье. Действительно, их поселения уже по всем параметрам напоминают классические торговые фактории, что является в науке общепризнанным фактом. Но встречался ли прототип подобного общества еще раньше? Где самое первое место возникновения на карте кастовой формации собственников-протокапитализма?

Удивительно, но подобным типом государства была древняя Ассирия. Читатель может удивленно спросить: «Древняя Ассирия известна, как предельно милитаристическое и агрессивное государство. Разве там правили торговцы?» История Ассирии занимает где-то полтора тысячелетия и делится на три периода – раннеассирийский, средний и поздний. За столь продолжительное время эта культура несколько раз меняла свои формы. Но исток ее – город Ашшур, действительно возник, как торговая фактория.

Очаг древнейшей цивилизации Месопотамии – государство Шумера и Аккада – было бедно древесиной и полезными ископаемыми. Всё это доставлялось с верховий рек Тигр и Евфрат, и предгорий, где лес был в изобилии, так же, как и залежи металлов. Издревле здесь возникали торговые фактории. Одна из них – город Ашшур, первые упоминания о котором относятся к границе II и III тысячелетий до н.э. Этот город стоял на пересечении важных торговых путей из Месопотамии в Сирию и Иран, быстро рос и богател. Население там менялось, вливались новые этнические волны – хуриты, аккадцы, амореи, арамеи, однако в целом преобладала семитская раса и шумеро-аккадская культура.

Тип общества населения Ашшура неизменно сохранялся – в городе правила имущественная олигархия богатых купцов. Подобно крупной фирме, купцы города основали еще множество филиалов – дочерних поселений и факторий от северной Месопотамии до Малой Азии, над которыми сохраняли свой контроль и патронат. Могущество и богатство этого центра ближневосточной торговли было велико: будучи не государством, а всего лишь городом, Ашшур вступал в дипломатические переговоры с другими державами, фараонами Египта – приносил им богатые дары. Даже двери дворцов и храмов города украшались золотом и серебром, настолько он был богат. Интересно, что эквивалентом обмена в торговле у ашшурцев выступало не золото или серебро, а свинец. Общественное устройство города, судя по дошедшим до нас источникам, носило следы явного разделения властей. Царская власть изначально отсутствовала, во главе города стоял ряд выборных должностных лиц. Во-первых – лиму, по правлению которого датировались годы. Владелец данного поста заведовал экономикой города – казной, давал деньги в рост, руководил тамкарами (торговыми агентами города). Далее – укуллум; в его ведении находились суд, земельные вопросы, административные должности. Порою он же был шишакумом – ритуальным правителем города, отвечавшим за соблюдение обрядов, храмовое хозяйство, общественное строительство. Власть администраторов формально ограничивалась народным собранием, но реально находилась в руках олигархии, название которой можно перевести как «великие».

Пред нами классическая полисная система управления городом – гражданской общиной. Ассирийский Ашшур можно смело признать древнейшим очагом торговой цивилизации, существовавшим в таком качестве большую часть II тысячелетия до н.э. Но сохранять эти формы на протяжении всей своей истории ассирийцам не удавалось. В окружении государств-деспотий Древнего Востока у них всегда имелся соблазн пойти по воинскому пути, то есть прямой экспансии и военных захватов. И как только государства Ближнего Востока ослабевали, в Ашшуре неизменно складывалась военная группировка, начинавшая войны с соседями.

Первым подобным политиком-милитаристом был правитель Шамшиадад – он вел обширные завоевания, пытался установить свою деспотическую власть, принял титул «царь множеств», подобно царям Вавилона. Он также создал слой лично зависимых от себя воинов: «склоненных лиц», помимо традиционного военного ополчения. Но

первая революция воинской касты внутри ассирийского общества закончилась неудачей. Шамшиадад был разгромлен царем Вавилона Хаммурапи. Ассирия подчинилась Вавилону. Далее город Ашшур подчинялся более сильным державам Востока на протяжении долгого времени и занимался только торговлей, порою, правда, поднимая голову, и с разной степенью успешности пытаясь терроризировать соседей. Пик военной экспансии Ассирии выпадает на позднеассирийский период, приходящийся на IX–VII вв. до н.э. Тогда с этим государством произошли крупные и интересные метаморфозы.

Вакуум власти на Ближнем Востоке после ослабления или падения крупных империй дал Ассирии возможность вновь поднять голову, причем так высоко, как никогда. Внутри государства складывается сильная военная партия, создается массовая и во многом передовая для своего времени армия. Человеческая цивилизация тогда только вступила в период раннего «железного века», но ассирийцы уже широко используют оружие из железа, а также ряд других новшеств. Между прочим, ими, наряду с тяжелыми колесницами, впервые широко применяется верховая кавалерия: хотя седло и упряжь тогда были еще несовершенны и всадника часто прикрывали пешие воины, чтобы его в бою не спихнули с седла. Широко также применяется ассирийцами взаимодействие между тяжелой и легкой пехотой. Последнюю часто сопровождали в сражении специальные щитоносцы. На высоте была и осадная техника, существовали саперные части для штурма крепостей и строительства переправ через водные преграды.

Вообще зачастую торговые цивилизации, где правит элита из крупных собственников, способны создавать гораздо более совершенные и технически более оснащенные армии, чем государства, где правит каста воинов. Хотя, казалось бы, это парадокс. Общая косность и застойность военно-бюрократических систем распространяется там порою и на вооруженные силы. Касте же собственников, напротив, свойственно быстро перенимать и практически применять все новейшие достижения своего времени.

Ассирийские цари в ходе ряда победоносных войн подчиняют себе весь Ближний Восток, то есть известные им страны, создав тем самым первую в истории человечества «мировую империю». Но характер завоеваний ассирийцев, равно как и их империя, были весьма специфичны. Во-первых, войны их носили крайне жестокий характер. Ассирийцы не просто завоевывали соседние страны, – они разоряли их,

уничтожали города, истребляя всё, что способно сопротивляться. Их нашествия оставляли после себя пустыню, а цари Ассирии хвалились в своих победных надписях и дворцовых рельефах тем, сколько тысяч людей они истребили. И не просто убили, а замучили – посадили на кол, сожгли и т.д., сколько глаз выкололи, рук и ног отрезали. Как таковых, покоренных областей они к своему государству изначально не присоединяли, не сажали своих наместников, не облагали налогами. Либо полностью их разоряли, либо страхом нашествия заставляли более мелких владык приносить богатые дары и дань.

Подобная поверхностная и жестокая экспансия Ассирии выдает то обстоятельство, что это государство не было классической империей, создаваемой кастой воинов – военно-бюрократической системой. Это первая известная в мире колониальная империя, создаваемая кастой собственников-торговцев. Особенность ее в том, что покоренные области и их правящий класс не присоединялись к метрополии, как равные провинции, а служили всего лишь объектом финансовой эксплуатации. В данном случае безудержного грабежа и вымогательства. Завоевания здесь становятся всего лишь коммерческим предприятием. Отсюда такая хищническая жестокость – стремление как можно больше прибыли выжать за короткое время. Ассирия превратилась в большое пиратское гнездо, терроризировавшее районы древнейших цивилизаций, государство-паразит, хищный гибрид и аномалию цивилизации.

Внутри государства тоже не утихала борьба партий – военная группировка противостояла торгово-жреческой. В конечном итоге эта борьба вылилась в то, что эти партии разделились на два разных города. Самоуправляемый город Ашшур остался центром торговой олигархии и вставшего на ее сторону жречества (стал, по сути, государством в государстве). Военная же партия, во главе с царем, основала новую столицу Ниневию – крепость и громадный военный лагерь, которую современники называли: логовом львов и городом крови. Но, несмотря на свирепость завоеваний, борьба покоренных народов против Ассирии не затухала. Постоянно возникали коалиции царств и народов, чтобы свергнуть ее ненавистное владычество. Войны не утихали. Ассирийские цари чувствовали, что загнали себя в тупик крайнего милитаризма, и земля горит у них под ногами.

Последние из них пытались изменить государственную политику и даже переходили на сторону торгово-жреческой партии. Отсюда

некоторая противоречивость их поступков. Так, царь Синахериб разрушил Вавилон – древнюю и почитаемую тогда всеми культурную столицу Междуречья – в 689 г. до н.э. Его сын Ассархаддон восстановил и отстроил город заново. Последние цари Ассирии пытались, подобно другим восточным царствам, вводить на покоренных землях наместничества, привлекать часть элит покоренных народов на свою сторону. Но это уже не помогло. Ненависть к завоевателям уже укоренилась во многих поколениях. Народы почти всей известной тогда ассирийским царям ойкумены объединились против ее владычества. Ассирия пала, Ашшур и Ниневия были разрушены.

Так закончилась история первой колониальной империи в мире, став предостережением всем последующим. Древняя Ассирия оставила потомкам тип совершенной военной организации, заимствованной затем целиком персами – империей Ахеменидов, которая уже была классической восточной деспотией и военно-бюрократической империей касты воинов. А также образцы своего искусства, потрясающие своим абсолютно естественным и непринужденным зверством. Штурмы крепостей, вереницы связанных пленников, посаженные на колья люди, горы отрезанных рук и голов, пиры царей под деревьями, украшенными отрубленными головами их врагов, охоты на львов, где яростные животные изображены с потрясающе выразительной пластикой ярости и смертельной агонии – всё это с простотой, но величайшей выразительностью передают сохранившиеся до нас барельефы дворцов Ниневии.

Удивительно, но более всего древняя Ассирия и ее судьба напоминает историю нацистской Германии. Германия перед началом Второй Мировой войны, также была обществом целиком капиталистическим. Но внутри нее созрела своя «партия войны», как союз армии, имперской бюрократии и нацистской партии Гитлера. Приход последней к власти также вылился в хищническую агрессию. Причем схема господства Третьего Рейха в Европе была аналогична древней Ассирии на Ближнем Востоке. Многие европейские страны были либо союзниками нацистов, либо покорены ими. Последние просто безжалостно экономически эксплуатировались. Зачастую местному населению устраивался форменный геноцид, с целью полностью подавить и поработить его. Ни о каком включении в империю завоеванных территорий речи и не шло. Разве что только после освобождения этих земель от коренного населения для немецких колонистов. Но Третий Рейх все-таки не был классической военно-бюрократической империей касты воинов, таким

был сталинский СССР.

Гитлеровская Германия – это пример капиталистической, собственной колониальной империи, зашедшей в тупик крайней милитаризации. Как и в случае Древней Ассирии, против этого государства-монстра объединились народы. Несмотря на запоздалые попытки Германии измениться в конце войны, то есть стать классической военно-бюрократической империей, выразившиеся в социализации экономики, привлечении военных элит разных стран на свою сторону, было уже поздно. Тупиковое ответвление цивилизации было растоптано соседними империями, а память о нем, подобно памяти о древней Ниневии, «логове львов», проклята.

Но с гибелью Ассирийской державы колониальные империи на Ближнем Востоке до конца не исчезли. Новоавилонское царство халдейской династии, наследовавшее ей во многом, по структуре было очень похоже на колониальную державу. Единственное отличие заключалось в том, что если в Ассирии военная партия длительные периоды была главенствующей и правящей, то в Вавилоне она изначально была подчинена имущественной олигархии богатых торговых городов и могущественному жречеству, бывшему на ее стороне. Власть царю вручалась жрецами ежегодно, после прохождения им специальной унижительной церемонии, подчеркивающей его подчиненное положение. Целый ряд богатых торговых городов Междуречья во главе с крупнейшим и богатейшим Вавилоном были самоуправляемыми городскими общинами, и царская власть на них не распространялась. Царю оставались для правления только завоеванные территории и армия, большая часть состоящая из солдат-наемников.

В этот период город Вавилон достигает своего максимального расцвета. Это первый город в истории человечества, который в ту эпоху достигает численности в один миллион человек. Кроме него за весь период Древнего мира подобной населенности смог достичь только императорский Рим. Вавилон той эпохи – гигантский мегаполис, центр международной торговли, государство в государстве, окруженный колоссальной крепостной стеной из сырцового кирпича и украшенный красивейшими храмами – зиккуратами. Крупнейший из них – знаменитая Эттеменанки – вавилонская башня, посвященная главному божеству города Бэлу-Мардуку. Уже тогда жрецы Вавилона провозглашали этого бога единственным существующим, а прочих богов лишь его эманациями. Вавилон был главным городом вселенной.

Его бог уже претендовал на то, что бы стать единственным в ней.

Особенность социальной структуры Вавилона заключалась в том, что правившая в нем финансовая олигархия была неразрывно связана со жречеством. Храмы были не чем иным, как крупными фирмами и банками, проворачивавшими масштабные сделки, дававшими деньги под проценты, владевшими крупной недвижимостью: землями, ремесленными мастерскими, торговыми лавками. По сути, жреческие корпорации Вавилона, были одновременно и финансовыми. Но наряду с собственностью храмов, найденные археологией документы (клинописные таблицы) доказывают существование там развитой частной собственности и имущественного права. Множество юридических сделок, торговых договоров, свидетельств о покупке частными лицами недвижимости, имущественного сутяжничества – всё это сохранило для нас время, поскольку документы в виде глиняных таблиц устояли перед его разрушающей силой. Существовали в Вавилоне и целиком частные, не-храмовые крупные финансовые организации: например, торговые дома семейств Эгиби и Мурашу, бывшие очень влиятельными.

Из всего выше перечисленного многие ученые уже сделали вывод о том, что структура общества Вавилона халдейской династии (позднеавилонское царство) была аналогична полисной структуре античных обществ. Как и ассирийский Ашшур, древний Вавилон был самоуправляемым городом – государством в государстве внутри своего же царства, где правила имущественная олигархия, тесно переплетная со жреческой прослойкой. Удивительно, но подобное – «особое» положение Вавилона в ту древнюю эпоху, очень похоже на статус современной Москвы внутри государства Российская Федерация. Будучи столицей громадной империи, этот город – громадный финансовый и экономический центр, одновременно похож на какое-то отдельное государство, отличное от остальных территорий своей же страны по уровню жизни, правовому и экономическому статусу.

Но продавшееся власти золота жречество и погубило Вавилон. Могущественные цари этого государства Набопаласар, Набуходоносор, Набонид тяготились своей зависимостью от корыстных служителей культа. Последний даже пытался восстать против них – перенес свою ставку из Вавилона в один из небольших городков, видимо, чтобы избавиться от ежегодной церемонии передачи царского титула. Пытался царь Набонид провести и религиозную реформу,

противопоставив культу вавилонского Мардука, культ бога луны Сина. В отместку жреческая олигархия вступила на путь прямого предательства Набонида и его сына, полководца Валтасара. Они сдали Вавилон вторгшемуся врагу – царю персов Киру в 538 г. до н.э. Измена, созревшая среди торгашей Вавилона, сделала ненужной циклопические оборонительные стены этого великого города.

Персидская империя изначально, по своей модели, ничем не отличалась от ассирийской. Но поскольку персы были хоть и воинственным, но гораздо более отсталым в развитии и малочисленным народом, чем покоренные ими страны, то колониальную империю им построить не удалось. Они вынуждены были идти на компромисс с элитами покоренных народов, привлекать их к управлению, создавать бюрократическую систему, налаживать систематическое налогообложение подданных. Персидская империя Ахеменидов – это уже классическая военно-бюрократическая система, создаваемая кастой воинов – которая сложилась там из отдельного этноса – персов. Подобное явление часто наблюдалось и в других империях, когда правившая элита одновременно была и отдельным народом, порой гораздо более диким, а следовательно, и воинственным, по сравнению с покоренным им населением.

Характерно, что персы оставили неприкосновенной внутри своей империи касту собственников. Города – торговые и финансовые центры, как Вавилон, и ряд других пользовались у них по-прежнему правами самоуправления. То есть являлись как бы государствами в государстве – олигархическими полисами внутри империи. Интересно, что евреи, которым персидские цари разрешили вернуться из вавилонского плена, и вновь отстроить город Иерусалим и храм, стали, подобно другим торговым центрам Междуречья, также самоуправляемой храмовой общиной. Там также безраздельно правила имущественная олигархия, неразрывно связанная со жречеством. Храмовый комплекс Иерусалима, так же, как храмы Вавилона, представлял собой что-то вроде банка. Через многочисленные еврейские общины на Ближнем Востоке, бывшие одновременно как бы его дочерними фирмами, храм вел торговые и финансовые операции.

Таким образом, мы пришли к выводу, что возникновение касты собственников и первые очаги ее господства, как и многие другие новшества человеческого общества, связаны с Месопотамией, этой истинной колыбелью культуры и цивилизации, во всех своих проявлениях: как

блестящих, так и зловещих. Отличительной чертой древнейших очагов собственнической формации в древнейшем районе цивилизации – Месопотамии и на Ближнем Востоке было то, что имущественная олигархия там выделилась непосредственно из жреческой прослойки и в значительной мере долго сохраняла с ней корпоративную связь. Жрецы древнего Вавилона – это классический пример слуг «золотого тельца», употребивших свои дарования и власть на служение богу финансового могущества.

Но определенно, что расцвет «цивилизации золота» – торговли и собственности, связан с бассейном Средиземного моря, выступавшего не только как одна из колыбелей культуры, но и в качестве самой удобной торговой коммуникации. Изрезанность берегов, наличие множества удобных островов и бухт, соседство с благоприятными природными ландшафтами и мягкий климат – всё это предопределило роль Средиземного моря как моста торговли и взаимодействия культур. И именно в этом регионе правление касты собственников в эпоху древнего мира достигло своего зенита в облике цивилизации античности. Но Эллада и ее полисы не явились новшеством. Им целиком предшествовали торговые фактории финикийцев – самоуправляемые города-государства.

Финикийские города Угарит, Арвад, Тир, Сидон, Библ были факториями, неразрывно связанными с морской торговлей. Помимо торгового посредничества, развито было в них и ремесло – изготовление изделий из стекла, окраска тканей пурпуром морских раковин. Умелые мореходы, торговцы и пираты – финикийцы обогатили человеческую культуру целым рядом достижений: например, изобрели алфавит – удобный способ скорописи, необходимый касте собственников, взамен громоздкой ритуально-мистической иероглифики жрецов. Первыми они ввели многовесельные палубные суда – финикийское слово «галера» вошло во все языки.

Особый признак формации собственников: финикийцы широко использовали частнособственническое рабство. Собственно они стали первыми массово использовать рабов в качестве гребцов на судах. Торговля у них шла рука об руку с пиратством. И по всему Средиземному морю они получили дурную славу охотников за людьми и работниковцев. Вообще финикийцы были неразрывно связаны с морем, даже их города чаще всего находились на небольших прибрежных островах. Под защитой сильного флота они были неприступны для

сухопутных армий. Подчиняясь формально ближневосточным империям, города финикийцев оставались, как и прочие гражданские общины и торговые олигархии, самоуправляемы. Финикийцам сопутствовал и другой яркий признак цивилизации собственников – торговая колонизация. Их города основывали массу торговых факторий по всему Средиземноморью, дублировали экономику и общественное устройство своих «материнских» поселений, сохраняя с ними связь, подобно филиалам фирм с центральными корпорациями. Хотя некоторые из колоний, например, Карфаген, затем превосходили по масштабам своих основателей.

Общественное устройство финикийцев в целом было типично для торговых гражданских общин. Характерно, что отдельным народом (нацией) финикийцы себя не считали, признавая себя только гражданами того или иного города. Хотя в некоторых старых финикийских городах и сохранялась власть царей, но очевидно, что реальной власти они не имели, будучи скорее ритуальными фигурами – своеобразным пережитком царя-жреца первобытной древности. В дипломатических договорах с Египтом, как правило, упоминается не царь, а «народ» того или иного города. Несомненно, что подобно другим крупным ближневосточным центрам, в экономике финикийских городов большую роль играло храмовое хозяйство города, хотя явно меньшую, в отличие от Вавилона и других центров Междуречья. Частная собственность у финикийцев, очевидно, преобладала над экономическим могуществом храмовых корпораций.

Особенно выражено структура торговой и собственнической цивилизации проявляется в самом крупном и могущественном городе финикийцев – Карфагене, выросшем из небольшой торговой колонии на побережье современной северной Африки, в районе, где сейчас находится Тунис. Этот город интересен тем, что он смог выйти за рамки просто торговой фактории и превратиться в крупную колониальную империю, претендовавшую на господство во всем западном Средиземноморье. Карфагеняне сумели подчинить себя целый ряд племен северной Африки, Испании, островов Средиземного моря – Балеарских, Сардинии, Сицилии, Корсики; содержали многочисленный военный флот и профессиональную армию из наемников. Не ограничившись одной лишь посреднической торговлей, это государство стало первым в мире классическим рабовладельческим. Именно карфагеняне стали первыми использовать труд рабов в товарном сельском хозяйстве. Тип землевладения в виде крупных

латифундий, поставляющих продукты земледелия на городские рынки и обрабатываемых с помощью массового применения рабского труда – это тоже изобретение Карфагена.

Практику рабовладельческих латифундий после победы в Пунических войнах заимствовали римляне. Они даже специально перевели на латинский язык научный трактат карфагенского плантатора Магона об организации подобных хозяйств и способах наиболее рациональной их эксплуатации. По общественному устройству Карфаген был классической олигархической республикой. Хотя там формально сохранялось народное собрание, но реальной власти оно не имело. Власть была в руках совета, состоящего из наиболее крупных торговых и имущественных воротил. Этот коллегиальный орган выбирал из своего состава должностных лиц – суфетов – на определенный срок и распределял между ними властные полномочия.

Подобно многим имущественным олигархиям поры своего расцвета, Карфаген уже не нуждался в военной службе граждан-ополченцев. Соответственно, не играли большой роли городские низы и в политике, поскольку не представляли вооруженной силы. Армия состояла целиком из наемников, под командованием полководцев из знати города. Подобно другим обществам формации собственников армия эта была во многом технически передовой для своего времени – широко использовались боевые слоны, тяжелая пехота по греческому образцу, легкая и мобильная кавалерия африканцев, не говоря уже о самом совершенном военном флоте. Но морально армия была не очень устойчива, как и всякая армия наемников – дралась, пока платили, часто наемники поднимали бунты.

В духовном плане и финикийцы, и карфагеняне мало чем отличались от нации, от которой они вели свое происхождение – семитских народов Ханаана. Религия их была таким же классическим язычеством – поклонение Ваалу и Астарте с обостренной чувственностью – оргиастическими обрядами и кровавыми человеческими жертвами. Словом, наиболее могущественное государство древних финикийцев – Карфаген структурно являлось античным обществом, хотя культурно было совершенно непохоже ни на древних греков, ни на римлян.

В заключение можно сделать вывод: вопреки устоявшемуся мнению о том, что города – гражданские общины, где правила имущественная олигархия, есть признак античной цивилизации, можно заметить, что формация собственников проявляет себя в истории гораздо древнее.

Первые очаги кастовой формации собственников появляются впервые на Ближнем Востоке, на рубеже II и III тысячелетия до н.э.

Истоки ее, так же, как и других общественных систем, проистекают из древнего Междуречья – этой колыбели человеческой цивилизации во всех ее формах. Если города-храмы древних шумеров можно отнести к жреческой – культовой цивилизации, государство Саргона Аккадского – классическая империя касты воинов, то Ассирия – древнейшая торговая фактория Ашшур – это первое проявление в истории общественной формации собственников – имущественной олигархии. Ассирийская же держава – первый пример колониальной (экспансионистской), а не воинской (военно-бюрократической) империи. Более того, каждая из культур – цивилизаций, которые создает человечество, способна, в зависимости от исторических условий, менять свою кастовую структуру. Нет изначально народов агрессивных, завоевательных, как и нет наций только торговых. Всё зависит от того, какая властная элита (каста) захватывает там основную власть, заставляя всех остальных соплеменников подражать себе – быть либо лукавыми торговцами, либо храбрыми воинами, либо созерцательными мистиками. Человечество в целом одинаково, и делится в первую очередь не на государства, народы, этносы, племена, государства, а на социальные страты – касты, определяемые по отношению к той или иной форме власти, типологии господства и подчинения.

И. Хаськович **ВРЕМЯ ПРОДАВЦА**

Всеобщее убеждение в том, что миром правят деньги, безнадежно устарело. В наше время образ жизни большинства людей, не зависит от их достатка. Все одинаково просиживают вечера у телевизора и проводят выходные в гипермаркетах, и все одинаково не властны даже над своими вкусами: все покупают то, что им продают, а вездесущая индустрия кредитования делает все, чтобы их покупательная способность минимально зависела от достатка

Мы живем в мире продавца. Марксова схема классического капитализма, в котором спрос определяет предложение, уже давно не работает. Делющие деньги люди устали привязывать успешность своего дела к капризам покупателя, которому сегодня нужно не то, что было вчера, поскольку то, что было вчера, у него уже есть. Кроме того, за последние два века производитель по горло наелся постоянными кризисами репродуктивности, неизбежно возникающими в результате насыщения объективно имеющегося спроса.

Поэтому покупателя переформатировали в потребителя, который стал потреблять не то, что ему нужно или хочется, а то что необходимо сбыть продавцу. Чтобы заслужить право быть продаваемым, товар должен стать брендом, то есть в большой степени дематериализоваться. Ведь товар покупают, чтобы им пользоваться, соответственно, до тех пор, пока купленная вещь выполняет свои функции, нет и необходимости приобретать взамен ее новую и уж тем более еще одну такую же. Совсем иными оказываются отношения потребителя и бренда, ибо, покупая бренд, мы приобретаем не вещь, а некий полуматериальный комплекс новых ощущений и возможностей, например, какой-нибудь телевизор марки «X» с турботелескопическим передатчиком, все прелести которого невозможно ощутить обычной человеческой «чувств пятерницей» или «ощущение небывалой свежести». А чувства, эмоции и ощущения проходят, как известно, довольно быстро, тогда как выработанная многолетней практикой необходимость постоянно их испытывать остается. В результате человек снова идет за покупками. К тому же людям свойственно стремление делиться своими впечатлениями, на чем беззастенчиво паразитирует огромная индустрия подарков.

Однако тотальный брендинг всего и вся, когда уже нет просто майки или утюга, которым глядят майку, а есть Nike и Bosch, что, очевидно, совсем не то же самое, что Adidas и Philips, стал лишь одним из этапов эволюционного процесса всеобщей дематериализации, приведшим к формированию современного строя общественных отношений, который лишь по привычке до сих пор называется капитализмом. В лучшем случае, можно говорить о пост-капитализме, хотя и этот термин отражает лишь хронологическую преемственность, при этом практически не выражая сущность нового строя.

Всеобщее убеждение в том, что миром правят деньги, безнадежно устарело, особенно в обществе, три четверти которого, начиная с самых богатых его членов, погрязли в долгах.

В наше время нет как раз нет ничего более нематериального, чем деньги. И дело не только в том, что большинство современных валют ничем не обеспечены, кроме золотовалютных запасов, хранящихся в долларах, которые, в свою очередь, вообще ничем не обеспечены. Суть в том, что сегодня наличие у человека состояния практически любого размера далеко не всегда предполагает соответствующую долю его влияния на происходящее.

В обществе классического капитализма между фабричным рабочим с зарплатой 2 франка в неделю и «уважаемым буржуа» с состоянием в несколько тысяч франков действительно лежала пропасть. Они обладали принципиально разным набором прав и возможностей и вели радикально отличный друг от друга образ жизни.

Конечно, помимо всего прочего, здесь сказывалось наследие традиционного общества с его жесткими сословными границами, однако, главным мерилom был достаток и накопивший каким-то образом некоторое состояние человек из низов довольно безболезненно влиялся в общество более высокого ранга. Классической иллюстрацией такого положения дел может служить роман «Граф Монте-Кристо», в котором практически все представители «высшего общества» являются разбогатевшими выходцами из низов. К деньгам при желании или необходимости прилагались приобретаемые за них чины и титулы. Обратной стороной такого положения дел было то, что потеря состояния вела к полному выпадению из жизни общества. Отсюда, например, одержимость многих героев Достоевского из обедневших дворянских родов стремлением любым образом не просто найти деньги, чтобы не умереть с голоду или выбраться из нищеты, а непременно

приобрести «капитал», ибо человек без денег в мире классического капитализма действительно никто и ничто, независимо от своего происхождения, способностей и талантов. Из всех способностей значимы только те, которые способствуют сколачиванию мало-мальски достаточного капитала.

Но с той «золотой» поры развитого капитализма утекло огромное количество воды, времени и денег. В наше время образ жизни подавляющего большинства людей, проживающих в странах «золотого миллиарда», куда, вместе со всем остальным человечеством так стремится, жертвуя ради этого своими природными богатствами и остатками самобытности, Россия, практически не зависит от их достатка. Все одинаково просиживают вечера у телевизора и проводят выходные в гипермаркетах, и все одинаково не властны не то что над своей судьбой, но даже над своими вкусами и предпочтениями: все покупают то, что им продают, а вездесущая индустрия кредитования делает все, чтобы их покупательная способность минимально зависела от достатка. По большому счету неважно, сколько у человека денег, важна только его покупательная способность. Пока человек жив, независимо от того, есть у него на это деньги или нет, он должен не останавливаясь потреблять.

В определенном смысле богачи значительно менее интересны современному миру, потому что у них уже вроде все есть, и на них надо тратить дополнительные усилия, чтобы объяснить им, что то, что у них есть, это на самом деле ничто, всё это уже давно устарело и требует срочного обновления. С простыми людьми гораздо проще, у них еще нет всего того, что есть у богатых мира сего, и осталось только объяснить им, что все это (или хотя бы его подобие) у них непременно быть должно. Роль богачей сводится к тому, чтобы служить ориентирами в бесконечной гонке потребления.

При этом, в основе современного экономического устройства, как и во все времена, лежит банальная эксплуатация, с той только разницей, что в наше время эта эксплуатация носит не столько классовый, как прежде, а международный характер, когда одни страны обеспечивают себя за счет ресурсов и труда населения других стран. Однако, принципиальное отличие от предыдущих эпох состоит в том, что в наше время те, кто должны бы по классической марксовой схеме считаться эксплуататорами, сами постоянно подвергаются жесточайшей эксплуатации, ибо потребление стало теперь такой

же тяжелой и обязательной работой, как и производство. При этом на эксплуатируемых, в свою очередь, падает двойная нагрузка: они обязаны и производить как можно больше, и потреблять настолько, насколько им хватает собственных и заемных средств.

Выглядит это приблизительно следующим образом. В Китае на заводе, работающем на русских энергоносителях, собираются, например, телевизоры транснациональной корпорации с условным названием «Пони», а потом эти телевизоры продаются и русским, и китайцам, и американцам и вообще по всему миру. Так или иначе, победа – результаты труда и прибыль от их реализации – всегда остается за продавцом, то есть, в данном случае за компанией «Пони». Схема очевидна, задача только продавать и ничего не покупать, и уж ни в коем случае не производить.

При этом важно помнить, что продается не столько сам телевизор, сколько имя «Пони», поскольку собственно к устройству приема телевизионного сигнала компания имеет весьма условно отношение, так как сделано оно на безымянной китайской фабрике, где на соседнем конвейере собираются принтеры основных конкурентов «ХЗ», а технологии разработанными анонимными европейскими, американскими или скорее всего азиатскими аутсорсинговыми фирмами средней руки. Корпорацию «Пони» в данном случае нельзя назвать даже посредником, ибо даже реализацией продукции занимаются многочисленные дистрибьюторы и ритейлеры. Сама «Пони» только продает и продает только свое имя, почти магическим образом объединяющее в единое кольцо производства-потребления все эти разрозненные фирмы и людей в разных концах света.

Создана (хотя еще и не доведена до полного совершенства) система, в которой покупатель не может не покупать, в любой мало-мальски продвинутой компании вам скажут, что не существует плохих товаров, существуют только плохие менеджеры по продажам. Соответственно под такое положение вещей формируется и мировой политический рынок, правила поведения на котором диктуют страны-продавцы. Однако далеко не каждая страна у которой действительно есть, что продать, может считать себя продавцом, поэтому, если кто-нибудь решил, что речь идет об энергоносителях или еще о чем-то столь материально-приземленном, он ошибся так же жестоко, как российские власти.

Основным инструментом современной политики являются все те же

бренды, а основным ее содержанием стала борьба за право обладать этими брендами и распоряжаться ими по своему усмотрению. Идеальной, конечно, считается ситуация, в которой удастся заставить других платить за использование тех брендов, права собственности на которые удалось доказать. Но это удастся очень немногим, точнее почти никому, кроме США.

Ключевым брендом стало понятие «демократия». Наивно полагать, вслед за Брокгаузом и Ефроном, что нынче под этим термином, как и сто лет назад, подразумевается «государственная форма, в которой верховная власть принадлежит всему народу» или хотя бы вид государственного устройства, «где народ доверяет свою власть избираемым им представителям, образующим парламенты или иные органы власти». В современном мире это понятие практически полностью утратило какой-либо конкретный политологический смысл и стало типичным брендом, обозначающим все хорошее и правильное в противовес тому, что «недемократично», то есть плохо и почти противоестественно.

В свою очередь, разработанный российской властью концепт «суверенной демократии» – это наша заявка на право самостоятельно пользоваться брендом. Однако нужно понимать, что мы никогда не будем считаться полностью законными его владельцами, в нас всегда, и не без оснований, будут подозревать пиратов, а нашу «суверенную демократию» считать контрафактным товаром чем-то вроде сигарет «Weston» или магнитолы «Parasonic».

Именно поэтому юрист Дмитрий Медведев в свое время со скепсисом отнесся к понятию «суверенной демократии», заявив, что «гораздо более правильно говорить о подлинной демократии или просто о демократии при наличии всеобъемлющего государственного суверенитета». «Если же к слову «демократия» приставляются какие-то определения, – добавил тогда еще просто первый вице-премьер, – это создает странный привкус». Совершенно верно, своим чутьем юриста-цивилиста и специалиста по гражданскому праву будущий российский президент быстро уловил в этой идее запах контрафакта, подтвердив, таким образом, что у бренда «демократия» уже есть законный правообладатель и со стороны России бессмысленно предъявлять какие-то права на его самостоятельное использование.

Но также очевидно, что такой подход делает неуместными и разговоры о суверенитете, поскольку оставаясь «демократической страной»,

Россия пользуется тем, что ей не принадлежит, а лишь предоставлено во временное пользование на определенных условиях. Говоря языком коммерческих операций, который является наиболее адекватным способом описания современных политических (и не только) процессов, российская демократия – это самый заурядный франчайзинг, то есть, если следовать определению «Современного экономического словаря» – «смешанная форма крупного и мелкого предпринимательства, при которой крупные корпорации, «родительские» компании (франчайзеры) заключают договор с мелкими фирмами, «дочерними» компаниями, бизнесменами (франчайзи) на право, привилегию действовать от имени франчайзера. При этом мелкая фирма обязана осуществлять свой бизнес только в форме, предписанной «родительской» фирмой, в течение определенного времени и в определенном месте. В свою очередь франчайзер обязуется снабжать франчайзи товарами, технологией, оказывать всяческое содействие в бизнесе». Точнее, пожалуй, и не скажешь. Естественно, что в такой ситуации России продавать нечего, кроме своих энергоносителей, за которые можно получить только деньги, которые уже почти ничего не стоят и дают возможность только покупать еще больше.

Тогда как настоящий продавец продает, не ресурсы, не нечто вещественно-материальное, а собственную необходимость. Те же Соединенные Штаты представляют собой страну, промышленность которой уже несколько десятилетий находится в состоянии перманентной депрессии, а нелепость устройства американской экономики очевидна даже руководству Федеральной Резервной Системы. Более того: среди крупнейших мировых брендов (а, еще раз подчеркнем, только бренд и представляет собой хоть сколько-нибудь ценный актив в современном мире), едва ли десятая часть будет американской, однако, настоящему продавцу ничего этого и не надо.

США уже давно продают всему миру не просто основной бренд современности – демократию – и даже не пресловутый американский образ жизни, ставший всеобщим, а условия, при которых только и возможно существование этого образа жизни. Говоря языком маркетинга, США продают на мировом политическом рынке уже не бренды, а тренды, что значит, что именно там определяют как, с кем и зачем в ближайшее время будет принято есть, пить, развлекаться, воевать и торговать. Лауреат нобелевской премии, Клайв Грейнджер, классик современной экономической науки, писал, что «большинство макроэкономических временных рядов характеризуются тем, что состоят из тренда (базо-

вой тенденции) и волатильности (случайных колебаний вокруг тренда)». Таким образом, США продают всему остальному миру само время, в котором мы живем, эпоху, которую мы считаем нашей, эон. Действия всех остальных государств в этих условиях становятся лишь волатильностью, случайными колебаниями вокруг тренда. Слова группы Rammstein «We all living in America» в таком случае превращаются из меткой метафоры, в четкое онтологическое определение нашего времени.

Сама мировая система устроена так, что не следующий этим трендам полностью выпадает из общей реальности и становится изгоем как, например, Северная Корея, однако, мало осталось на свете стран, население которых настолько свободно от заражающего (можно сказать, и поражающего) действия глобальных трендов, чтобы смириться с положением изгоев, ради каких-то высших или иных идеалов. Тот же СССР проиграл холодную войну в тот момент, когда его граждане захотели «Кока-колы» и «фирменные» джинсы и стали готовы ради этого пойти на самые решительные жертвы.

Однако для того, чтобы быть истинным хозяином положения, США должны были бы быть, что называется, над схваткой, в то время как они не просто включены в мировую систему потребления, но являются ее ключевым элементом. Как известно, Соединенные Штаты – крупнейший мировой потребитель, и простые американцы подсажены на иглу беспрестанного и все возрастающего потребления значительно сильнее жителей других стран. Но даже самый главный покупатель не может править в мире продавца, напротив, именно его положение наиболее уязвимо, ибо стоит ему перестать покупать столько, сколько раньше, и он станет уже не нужен, ему закроют кредит и лишат возможности быть потребителем, он станет никем, и имя его будет «никак».

США являют собой лишь образ главного продавца для внешних и, как это бывает с любым образом, являя, они одновременно и скрывают его от посторонних глаз, отвлекая на себя все внимание. Всем, кто хоть немного этим интересовался, хорошо известно, что уже давно реальная власть в США принадлежит транснациональным корпорациям, вроде той самой условной компании «Пони», о которой мы говорили несколько выше. Именно эти ТНК, главные брендообладатели, и занимают в современной экономике место тех, кто всегда продает и почти никогда не покупает. Покупка продукции у своих поставщиков не

может считаться таковой, ибо предварительно ТНК им продали право быть их поставщиками, что практически равно для них праву вообще быть.

Парадокс ситуации в том, что ТНК не нуждаются в производителях своей продукции, так как на их месте всегда может оказаться кто-то другой, желающий каждый день стучаться в двери крупнейших брендообладателей сотнями, более того правительства многих стран мира отчаянно борются, чтобы те или иные товары, которые, напомним, потом будут покупать у ТНК жители их же стран, производились именно у них, а не где-нибудь еще. Но еще раз стоит подчеркнуть, что без поставленного на эту продукцию значка, символизирующего тот или иной бренд, все это лишь продукция первичной переработки – такая же, как лес или нефть.

Однако возникает очевидный вопрос: если эти ТНК столь могущественны, кому они, собственно, принадлежат? На этот вопрос тут же возникает очевидный ответ: собственно говоря, никому. Большинство ТНК являются Открытыми Акционерными Обществами, акции которых принадлежат огромному количеству акционеров. Те ТНК, которые таковыми не являются или в которых львиная доля собственности принадлежит небольшому количеству лиц, как например Microsoft, составляют редкие исключения, и в будущем, после смерти их нынешних владельцев, их ждет та же судьба, что и остальных. Они тоже станут своего рода общественной, то есть фактически ничьей, собственностью. Однако не стоит торопиться с выводами.

Во всем мире большинство мелких акционеров, основная часть которых – самые обычные граждане, участвующие в биржевых спекуляциях для того, чтобы получить дополнительный доход, доверяют управление принадлежащими им акциями специализированным управляющим структурам. Среди этих структур не только собственно инвестиционные компании, но и банки, и частные, и государственные пенсионные фонды. Если посмотреть, кому, в свою очередь, принадлежат все эти управляющие структуры, то мы увидим, что и они являются акционерными обществами, правда, их акции принадлежат уже гораздо меньшему количеству акционеров.

Таким образом, выстраивается своеобразная пирамида акционеров и управляющих компаний, весьма похожая на ту, что изображена на американских долларах, на вершине которой после довольно долгих изысканий, пыливый исследователь обнаружит небольшое

количество одних и тех же фамилий, корни капиталов и власти которых уходят как минимум в глубокое Средневековье. Это будут потомки тех, кто создавал (а может, просто постепенно являл миру) свои богатства на заре средневекового ростовщичества, тех, кто за контроль над средиземноморскими торговыми путями продал слабеющую Византию туркам, а орден тамплиеров – французскому королю Филиппу Красивому и папе Клименту V за право ведения ростовщической деятельности на территории Франции. Тех, кто позже поддержал Англию в борьбе против Испании, вложив свои деньги в только зарождавшиеся британские колониальные торговые синдикаты, и так далее и тому подобное.

На протяжении всего времени своего существования эти люди умели только продавать и давать кредиты, и теперь мы все живем в мире продавца не потому, что такова объективная реальность, а потому, что эта реальность упорно и планомерно в течение нескольких столетий, в науке именуемых обычно эпохой Модерна или Новым Временем, создавалась самими продавцами. И современная реальность удобнее всего описывается именно экономическими терминами именно потому, что она создана людьми, испокон веков мыслящими в категориях прибыли и процента.

И. Хаськович

БРЕНДОЛОГИЯ И БРЕНДОМАГИЯ

Бренд как проблема

Можно ли заставить бренд явиться тем, чем он не хочет казаться? Именно явиться, а не быть, поскольку быть бренд хочет всем, такова его функция, природа и миссия. Проблема в том, можно ли вынудить бренд явиться той своей стороной, которую условно можно было бы назвать подлинной? На самом же деле это его составляющая, которую не хочет показывать ни он сам, ни те, кто его создали. Ведь став явной, эта сторона лишит бренд возможности достичь той цели, для которой он предназначен.

В другом разрезе этот вопрос можно сформулировать следующим образом. Возможна ли настоящая брендология, разрушающая чары брендوماгии, ибо итог любого серьезного анализа, независимо от субъективной цели аналитика, сводится к разрушению очарования магической таинственности явления и превращения волшебства в ловкость рук.

Парадокс задачи состоит в том, что необходимо заставить явить свою тeneвую сторону тому, что само предназначено заставляя и затемнять. Ведь бренд – это прежде всего означающее, заставляющее свое означаемое, и отражение, затемняющее свое отражаемое.

Используем для начала самый простой и очевидный пример, в рамках которого использование термина «бренд» не будет вызывать ни сомнений, ни тем более подозрений. Всем более или менее известно, что такое телевизор и для чего он нужен. Любому человеку легко определить видовую принадлежность этого понятия и контекст, в котором оно используется. Однако в тот момент, когда перед нами предстает теле-визор, помеченный брендом Sony, это уже не просто устройство для передачи изображений, а частное проявление глобального бренда. И это проявление обладает своим собственным набором коннотаций и, соответственно, позиционирует себя в окружающей реальности уже совершенно другим способом, что, кстати, с обещо-руживающей откровенностью и заявляет бренд Sony в своем слогане «It's a Sony».

Бренд как магия

Таким образом, мы видим, что бренд в данном случае фактически переопределяет то понятие, к которому он прикреплен. И задачей бренда оказывается – заново явить явленное и переоткрыть открытое. Телевизор как вещь уже явлен, как понятие – определен, как научно-техническое открытие – открыт, но бренд, маркируя эту вещь, перематрирует ее во всех этих трех аспектах, представляя нам ее чем-то иным. И пока механизм этого перематрирования остается скрытым от постороннего наблюдателя, у него создается ощущение, что над вещью произведено некое магическое действие: вот была одна вещь, и вдруг, после прибавления волшебного слова, она уже совершенно другая. В общем: «Philips – изменим мир к лучшему».

Ведь что такое, как не магия, отсутствие видимой связи между последовательностью действий и их последствиями, при том, что наличие такой связи несомненно, и магия бренда тут не исключение. Как только эта связь становится выявленной, магия разрушается и становится своей противоположностью – технологией, действие которой понятно любому, кто обладает соответствующим этой технологии набором знаний. Это, в общем-то, не значит, что магия ставшая технологией перестает быть действенной, просто меняется характер этой действенности.

За магией всегда стоит непроявленное, возможность управлять которым дает тому, кто им обладает, некую власть. Владение технологией, напротив, доступно каждому, у кого есть инструкция по эксплуатации, делающая явной связь между действиями оператора (заменяющего в технологическом управлении мага) и их результатом. Разница еще и в том, что маг как бы предназначен к выполняемому им действию, а оператором может быть любой случайный пользователь. Вызвать дождь, совершив ритуальный танец, способен только шаман, хотя даже он может не знать, какая связь между его танцем и дождем. В то же время любой может повернуть кран и включить душ.

В бренде эти два подхода смешаны, он технологичен по своему происхождению и применению (любая книга по маркетингу – не более чем инструкция по применению бренда), но хочет производить магическое впечатление. Одно из стремлений бренда – вернуть магию в технологический мир, маркировать и присвоить ее себе, давая власть тем, кто этим брендом владеет. Отсюда масса вещей – от твoroжков до мясорубок, – маркированных как «чудо».

Показательным примером подобного рода является и бренд «политтехнолог», для которого даже наличие в самом слове корня «техно» не является препятствием для собственного продвижения. Способность «таинственных политтехнологов» своим якобы неизвестным искусством воздействовать на мнение людей по тому или иному вопросу нередко представляется СМИ как нечто поистине магическое, как дар, которым обладают немногие. На самом деле речь идет о нескольких нехитрых гуманитарных технологиях, использование которых к тому же требует чаще всего серьезных финансовых вложений, и информация о которых вполне общедоступна.

В общем, бренд стремится привнести иллюзию магического в мир, который давно закрыл себя от подлинной сакральности. Это дает бренду возможность принести символический капитал своему владельцу, который потом неизбежно конвертируется во власть. Одновременно бренд – это ответ на потребность в чудесном – там, где чудесное невозможно по определению и всё сделано для того, чтобы оно было невозможно.

Вернемся, однако, к замещающей природе бренда. Бренд – это очевидное насилие над тем, с чем он работает. Бренд «заставляет» явление в обоих смыслах этого слова. Во-первых, вынуждает явление быть тем, чем оно до этого не было и не собиралось быть, а во-вторых, он загораживает явление, подобно тому, как мебелью заставляют пустое пространство квартиры или дома. Проблема в том, что пространство, занимаемое брендом, уже заставлено, и бренд врывается в него насильно, закрывая от взора стороннего наблюдателя всё, что здесь было до него.

Бренд как желание

Из вышесказанного видна первая из возможных характеристик бренда. Он представляет собой замещающую реальность, стремящуюся не просто заместить, но изменить реальность, предшествующую себе. Цель этой операции понятна: продать маркированную реальность, продать ее в большем количестве и за большую цену, чем она могла бы продаться, оставаясь самой собой. Цель бренда – заставить хотеть овладеть им через приобретение маркированных им вещей.

Однако важный момент состоит в том, что бренд, который заставляет всех стремиться его приобрести, купить невозможно, можно заполучить лишь брендированную им вещь. Последствием этой операции

является неудовлетворимое желание обладать брендом, при том, что это невозможно и именно недостижимость бренда делает процесс приобретения помеченных им вещей теоретически бесконечным. Бренд стремится к тому, чтобы им желали овладеть, но при этом устроен так (явно неслучайно), что сам – через маркировку потребляемых под его именем вещей – обладает теми, кто стремится его купить.

Конечно, на самом деле бренд может быть продан, мало того – это происходит постоянно, но для этого бренд нужно из фантазматической реальности сделать сначала вещью, а затем товаром. Кроме того, при покупке бренда покупается даже не он сам, а сумма прав на него, то есть в конечном итоге права на извлечение капитала из его действия.

Итак, бренд – это не просто замещающая реальность, но это желаемая и принципиально никогда не удовлетворяющая это желание реальность. Иначе говоря, бренд эротичен, однако он и здесь замещающе-эротичен, ибо бренд не создает нового желания, но переключает на себя уже существующие. Этим, кстати, можно объяснить любовь рекламщиков к полуобнаженным красавицам: желание, возникающее у среднестатистического мужчины при виде этих красавиц, переключается на рекламируемый бренд, а сами девушки становятся такой же его частью, как продаваемый брендом товар. Эротичность девушек, так же, как и вызываемые ими сексуальные желания и грезы, становятся полной и безраздельной добычей бренда. Фактически бренд заставляет девичью красоту отдаться себе, деля вид, что, напротив, предлагает ее другим.

Вообще действие бренда заключается в том, чтобы забирать ресурсы (красоту, деньги, время, в общем, всё, что попадет под руку), а отдавать фантом. К тому же бренд забирает по одной цене, а продает по другой, подобно тому, как бензин стоит дороже нефти-сырца. Даже в случае покупки брендированного товара, имеющего вполне осязаемую материальную составляющую, потребитель платит дважды. Покупая сковороду Tefal, мы платим за посуду и за «идеи, без которых не обойтись».

Бренд как власть

При таких раскладах неудивительно, что бренд являет собой стремление к власти и контролю: власти над желаниями и контролю за продажами, а через продажи к достижению еще большей власти.

Всё это в современном сознании маркировано брендом «успех». Без успеха бренд просто сводится к набору случайно созданных понятий, эмоций и образов.

Стремление к контролю и власти в бренде тотально. Успех должен быть безоговорочным и поддерживаться максимально долго. Здесь заключена решающая разница между успехом и такими мериллами достижений традиционного общества, как слава, богатство и могущество. Воинская слава – вечна, даже если о ней больше никто не помнит, удостоенный ее всё равно пирует в Вальгалле. Богатство видимо и явно в роскоши и великом расточительстве, оставляющем после себя дворцы и пирамиды. Могущество меняет ход истории. Успех же существует только здесь и сейчас, он невозможен без постоянного подтверждения, за ним не стоит ничего, кроме постоянного требования внимания и желания достичь, коррелирующего с желанием остальных видеть успешного и обладать им.

Но, очевидно, что такое обладание недостижимо. Таким образом, успех состоит именно в том, чтобы быть брендом, который все хотят, все покупают, но которым никто не может овладеть, кроме того, кому принадлежат права на получение приносимых брендом доходов. Собственно говоря, медиа-персонажи, не сходящие с экранов телевизоров и страниц газет, представляют собой частные случаи бренда «успех», так же, как и современные политики и большинство общественных деятелей. А в последнее время этот список пополнили и религиозные лидеры. Первым из них пошел по пути брендинга, пожалуй, Далай-лама, за которым потом потянулись и многие другие.

В то же время самые могущественные люди в этом мире абсолютно неуспешны. Их никто не знает и никто не хочет, чтобы они существовали вообще – поскольку это разрушает чарующую «естественность» формируемой брендами реальности. Но они и не стремятся под свет софитов – продавцы брендов не хотят сами ими становиться, поскольку это оборачивается потерей могущества, ибо сокрытое управляет открытым, а не наоборот.

Стоит ли после этого кого-то убеждать в том, что брендом может быть не только всем широко известная торговая марка, а всё что угодно, например, политический концепт, философская система или религиозное учение?

Там, где всё имеет свою меновую стоимость и потребителю за всё прихо-

дится платить, в условиях жесткой конкуренции лучше продается то, что скрывает свою настоящую внешность, выставляя на обозрение вместо нее искусно сконструированный фантом, предлагающий потребителю нечто совсем иное, нежели то, что последний в итоге получит.

Важнейшей характеристикой бренда является его сконструированность. Бренд никогда не возникает сам по себе, бренд не может родиться, появившись сам из чего-то, что было до него, бренд всегда кем-то и для чего-то создан. Насколько иррациональным может оказаться воздействие бренда на окружающую реальность, настолько всегда принципиальна и рациональна причина, породившая его. За брендом всегда стоит чья-то воля, независимо от того, говорим ли мы о бренде бытовой техники или о политическом бренде вроде «демократии».

О каком бы бренде ни шла речь, он всегда создан и продвигается с целью извлечения, и под этим совершенно не обязательно может подразумеваться коммерческий доход. Капиталом могут оказаться деньги или успех, но, в конечном счете, это всегда власть, подобно тому, как за любой валютой всегда стоит золото, даже если это якобы ничем не обеспеченный доллар.

У любого бренда всегда есть владелец, он всегда кому-то принадлежит и принадлежит только тому, кому принадлежит – и более никому иному. И сказанное абсолютно не противоречит тому, что брендом невозможно обладать. Это невозможно для того, на кого направлено действие бренда, тому, кого принуждают желать этот бренд. Настоящий хозяин бренда не тот, кто его покупает, а тот, кто его продает. При этом можно еще раз напомнить, что многочисленные продажи маркированных брендом товаров (т.е. фактически самого бренда) никаким образом не влияют на принадлежность самого бренда. Напротив, чем успешнее продажи бренда – тем больше власть над ним его хозяина.

Брендология

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, как функция, бренд представляет собой замещающую реальность, как цель – недостижимый, но постоянно желаемый эротический идеал, как средство – соблазняющий потребителя фантом, как орудие – инструмент извлечения капитала, конвертируемого во власть.

Сам же процесс брендинга стремится выглядеть как цепь магических

действий, для произведения которых необходима причастность к миру избранных, обладающих эзотерическим знанием и сакральной властью.

Теперь, возвращаясь к поставленному вначале вопросу, спросим себя, что со всем этим способен сделать анализ, который можно условно обозначить как брендология? Можно до бесконечности разоблачать власть брендов и стоящий за ними обман, но такая публицистичность будет также работать на брендинг: антиреклама тоже реклама, отрицательные коннотации тоже коннотации, поглощая которые бренд только растет, подобно водяному матрацу, которому всё равно, насколько чистой водой он наполнен.

Не менее сомнительной представляется попытка разоблачения тех сил и лиц, что стоят за формированием брендированной реальности. Это удел конспирологии, которая давно уже является своего рода «служанкой брендинга», поскольку «сформулированное тайное» – одна из основ бренда.

Брендология может быть только прикладной дисциплиной, задачей которой должно стать создание своего рода инструкции по эксплуатации к брендированному миру, превращению его из магического в технологический. Необходимо попытаться сделать этот мир доступным и понятным для всех, кто этого пожелает, снять с мира брендинга покров таинственности и манипулятивности.

Вопрос ведь даже не в том, потреблять или не потреблять, поддаваться или не поддаваться магии брендов, и даже не в том, чтобы разоблачать. Проблема в том, чтобы немного подвинуть, отстранить бренды, чтобы превратить их из тотальной реальности, которой стремится стать брендированный мир, в ее элементы. В конечном счете, речь должна идти о попытке деприватизации окружающего нас мира, присвоенного себе продавцами брендов.

Для этого необходимо, прежде всего, дать себе отчет во многих совершенно разных вещах и подвергнуть сомнению очевидность многого из того, что не вызывает сомнения. Необходимо признать, что многое из того, что всегда казалось нам безупречным в своей откровенности, включая самые, казалось бы, базовые понятия – такие, например, как «Бог», «свобода» или «семья», – уже давно представляют собой не то, за что они себя выдают. Ценности являются активно формируемыми на наших глазах брендами и, соответственно, принадлежат уже не нам, а небольшой группе брендократов.

А. Елисеев МАГИЯ КАПИТАЛА

«Жил отважный Капитал,
В дальних банках обитал,
И не раз он попирал идеал,
Но однажды дед седой,
Потряса бородой,
Доказал, что Капитал совсем худой:
И в труде,
И в бою
Он присваивает долю не свою...»

(М. Успенский. «Кого за смертью посылать?»)

1. Вещественное, слишком вещественное

В данной очерке будет дана попытка осмыслить мистическую сущность капитала и капитализма. Поэтому политэкономическая его трактовка интересует нас, как говорится, постольку поскольку. Все определения капитала, данные в научных исследованиях и словарях, не могут нас удовлетворить, хотя и способны наметить какие-либо ориентиры. В целом же все они грешат приземленностью и выводят капитал из общественных отношений. Капитал здесь представляется чем-то вполне вещественным. Так, в словаре В. Даля читаем: «КАПИТАЛ м. денежное имущество, богатство в деньгах; наличные деньги, наличность; истинник». А вот определение, данное «Современным экономическим словарем»: «КАПИТАЛ... в широком смысле это всё, что способно приносить доход, или ресурсы, созданные людьми для производства товаров и услуг. В более узком смысле это вложенный в дело, работающий источник дохода в виде средств производства...»

Несколько более сложное представление о капитале составил К. Маркс, подчеркнувший отличие капитала от вещи. «...Капитал, – писал он, – это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер». Опираясь на этот подход, «Большая советская энциклопедия» просвещала читателей следующим образом: «Капитал (нем. Kapital, франц. capital, первоначально – главное имущество, главная сумма, от лат. capitalis – главный) – экономическая

категория, выражающая отношения эксплуатации наемных рабочих капиталистами; стоимость, приносящая прибавочную стоимость. К, сосредоточенный в руках капиталистов, служит средством присвоения прибавочной стоимости; представляет собой историческую категорию, т.е. свойствен определенной общественно-экономической формации.

Тут уже капитал выступает как некая абстракция, а его рассмотрение происходит на стыке политэкономии и философии. Причем, что характерно, у основателя «научного социализма» иногда отчетливо звучат этикие мистические нотки. В свое время А. Чадаев представил любопытнейшее прочтение Маркса: «Капиталы – это такие особые паразитические существа, чья цель существования – расти неограниченно и бесконечно. Их рост происходит посредством превращения денег в товар и обратно в деньги, но сами они – не деньги и не товар, а нечто другое, особенное и невыразимое. Изначально они еще не обладают собственной волей и витальностью – но они обретают их, поселяясь в душу человека – капиталиста, который сам первая жертва капитала». Буквально: «...капиталист, т.е. как олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал» («Конспирология марксизма»).

От этой цитаты начинают бегать мурашки по коже. Человек, ставший вместилищем чего-то внечеловеческого – это уже сюжет для фильма ужасов. Но все равно, даже и у Маркса капитал – это слишком очевидное и вещественное, великолепно «просчитываемое» на рациональном уровне. А между тем, сама капиталистическая экономика действует в режиме хаоса, не случайно же говорят о «невидимой руке рынка». Причем сами адепты капитала относятся к ней, как к некоему божеству. Так не пора ли копнуть глубже?

2. Периферия бытия

Копнуть придется не просто глубоко, но очень глубоко – в ту область, которая находится ниже сугубо вещественного уровня. Очевидная, плотно-вещественная реальность, которая окружает нас, – это вторичная материя (*materia secunda*). Но есть еще и первичная материя (*materia prima*), созданная в начале всех начал. Это именно о ней пишется в самом начале «Книги Бытия»: «Земля была безвидна и пуста, и Дух Божий носился над водой». Можно также отождествить эту первоматерию с изначальным хаосом, о котором говорят языческие мифы. Первоматерия – это небытие (греч. «меон»), понимаемое как нечто

до-вещественное, лишенное каких-либо качественных определений.

В то же самое время *materia prima* есть не только и даже не столько небытие, сколько недобытие. Православные богословы предостерегают от смешения ее с Ничто, из которого (*ex nihilo*) была сотворена вся реальность. Первоматерия – это «меон», тогда как ничто – это «укон» («*nihil*») – выражение отсутствия какого-либо бытия до творения. Его даже нельзя представить себе абсолютной Пустотой, находящейся вне Бога. «...Нельзя объективировать первичное “ничто”, – писал В. Лосский. – *Nihil* здесь просто означает то, что “до” сотворения ничего “вне” Бога не существовало. Или, вернее, что эти “вне” и “до” абсурдны, если они обусловлены именно сотворением. Пытаться мыслить это “вне” значит столкнуться с “ничто”, то есть с невозможностью мыслить» («Догматическое богословие»).

Первоматерия представляется как «универсальная субстанция», «чистая возможность» и «абсолютно неразличимая и недифференцированная потенциальность» (Р. Генон). Вот из этой-то потенциальности и сотворены все «вещи» мира, перешедшие из возможности в реальность. Вообще же, в первоматерии заключена возможность абсолютно всего качественно определенного.

Именно это и позволяет говорить о некотором сходстве первоматерии с Абсолютом. (У язычников материя в виде до-космического Океана есть нечто совечное богам.) В известном смысле, Первоматерия – это некий «низший абсолют», являющийся зеркальной противоположностью Абсолюта.

Нужен этот «абсолют» для того, чтобы человек имел возможность выбора. Не будь внутри нас некоего «абсолютного» дна – мы не имели бы возможности двигаться от Бога в противоположную сторону. Но, не имея такой возможности, человек был бы обречен двигаться только к Богу, выступая как некая безвольная марионетка.

Имея возможность выбора, человек может обратить ее во зло. Собственно говоря, зло и есть движение к небытию (оно же – недобытие, оно же – не-сущее). Св. Григорий Нисский писал: «...Ум, уклонившись от стремления к истинному добру, обратился к не-сущему, признав, по лукавому внушению обольстителя и изобретателя зла, добром противоположное добру...»

Из всего этого логичным было бы предположить, что силы зла (под-

ривные силы) должны быть устремлены именно к меональному небытию, к хаосу, к первоматерии. Судя по всему, эти силы воспринимают дно онтологии как источник могущества, который способен дать власть над миром и, более того, открыть двери в иные измерения. И тут уже налицо магическое взаимодействие с первоматерией, которое, само собой, происходит при активном участии инфернальных сущностей.

Именно эта магия и сообщает могущество пресловутым «акулам капитала». «Невидимая рука рынка» действует в результате применения магических практик, которые воздействуют на воды изначального хаоса. Показательно, что сам капитал с его ликвидностью, символически ближе всего именно к стихии воды. Показателен и образ капитала, переливающегося из одной точки мира в другую; капитала, размывающего национальные границы.

Кстати, не случайно капитализм создавался усилиями «морских» сообществ. Еще К. Шмитт указывал на связь капитализма и морской стихии. История демонстрирует эту связь со всей очевидностью: Венеция, Голландия, Англия и США – все эти оплоты торгового строя теснейшим образом связаны с морской экспансией и морской торговлей. В то же время континентальная Россия упорно сопротивлялась капитализму на протяжении всей своей истории. Она позднее, чем какие-либо другие европейские страны пошла по пути капитализации, причем довольно-таки быстро свернула с него в 1917 г.

Итак, напрашивается только один вывод. Капитал, «воплощающийся в капиталисте», есть результат магического взаимодействия с небытием. Иначе говоря, капитал есть символ небытия и его экспансия в нашем, плотно-вещественном мире. В более же широком смысле, небытие это и есть капитал, ведь символ реально содержится в себе символизированное, хотя и не тождественен ему. При этом сам капитал представляет собой некий реально существующий уровень материи, который находится на периферии нашего мира, и который возник в результате длительных магических экспериментов по воздействию на небытие. Этот уровень невидим, что придает накоплению капитала характер своего рода «духовного делания». При этом биржи, заводы, банки, деньги и т.д. являются некими индикаторами, показывающими, насколько глубоко тот или иной магнат погрузился в реальность самого низшего уровня материи. И показательно, что чем большим ресурсом располагает магнат, тем более он от него зависит. Человеческая личность, какой бы одаренной она ни была, имеет некие пределы. Рано

или поздно наступает момент, когда объем накопленного возрастает настолько, что личность теряет возможность контролировать свою же собственность. И тогда богатство подчиняет себе личность, растворяет ее в небытийном хаосе капитала. Сам капитал становится в некотором роде разумным – подобно тому, как бывает «разумным» компьютер. А капиталист становится в некотором роде компьютером, который «просчитывает» дальнейшую стратегию накопления. Это и есть одержимость капиталом, о которой писал Маркс. Вот почему необходимо ограничение капиталов. И в этом требовании нет ничего специфически левацкого – напротив, оно основано на типично традиционном представлении об ограниченности человеческого. Один человек не может брать на себя непомерный груз контроля над гигантскими ресурсами. (В связи с этим уместно провести разграничение между «предпринимателем» и «капиталистом». Первый сам владеет собственностью, в то время как второй не только владеет ею, но и подчиняется ей).

Хотя есть исключение, которое делается для Царя. В традиционной оптике Царь символизирует Бога и является Его наместником на земле. Поэтому он реально может управлять огромными территориями и владеть несметными богатствами, сохраняя в то же время свою самостоятельность. И в качестве единственного субъекта господства Царь ограничивает власть и собственность всех остальных – для общей пользы. Понятно, что магнаты, одержимые капиталом, стремятся ликвидировать или ограничить власть Царя, заняв его место. И если Царь является носителем высших влияний, то плутократы проводят влияния низшие. (При этом имеет место некая пародия на Царя. Часто воротил крупного бизнеса именуют «королями») – нефти, угля и стали и т.д. Говорят и о коммерческих «династиях».

3. Аскеты наоборот

Разумеется, мы далеки от мысли приписывать капиталу и его адептам творческую активность, равную Божественной. Творить «вещи» непосредственно из первоматерии способен лишь Творец. Однако же маги капитала способны получать из взаимодействия с небытием некую важную информацию, дающую им преимущество перед конкурентами-«профанами». Более того, можно оказывать воздействие на других людей.

Выше мы представили небытие как дно онтологии. Но его можно сравнить и с онтологической периферией. Первомаатерия «находится» во всех вещах мира. Поэтому, проникая туда мысленно, можно смотреть на эти вещи с их, так сказать, изнаночной стороны. А можно и каким-то образом воздействовать на них – получая информацию или подчиняя волю человека, незащищенного свыше, открытого для магии.

Конечно, полная проницаемость здесь недостижима, но многое увидеть можно. И не только увидеть, но и предугадать, и даже воздействовать. Не исключено, что наиболее продвинутые адепты магии капитала способны даже преодолевать определенное пространство, используя изнаночные «коридоры». Вот, что сообщается в свode «Джон Рокфеллер (John D. Rockefeller). Страницы биографии»: «Рокфеллер отличался феноменальной грубостью по отношению к сотрудникам. Подчиненные его смертельно боялись. Ужас, который он внушал, носил мистический характер – его собственный секретарь уверял, что никогда не видел, как Рокфеллер входит и выходит из здания компании». (К слову, в фантастической литературе часто описывают космические перелеты, осуществляемые через некое «подпространство»).

«Акул капитализма» частенько представляют такими сверхчеловеками, которыми скопили свои капиталы в результате напряженного труда и гениальных догадок. Это, вне всякого сомнения, всего лишь реклама. На самом деле, головокружительные взлеты магнатов нельзя объяснить рационально и вне мистического подтекста. Опять-таки, обратимся к биографии Рокфеллера: «26 сентября фирма “Хьюитт энд Таттл” взяла его на работу помощником бухгалтера – этот день Рокфеллер будет отмечать как свое второе рождение. То, что первую зарплату ему выдали лишь через четыре месяца, не имело ни малейшего значения – его пустили в сияющий мир бизнеса, и он бодро зашагал к заветным ста тысячам долларов. Джон Рокфеллер вел себя так, как мог бы вести влюбленный: казалось, что тихий бухгалтер находится в состоянии эротического безумства. В порыве страсти он дико кричит в ухо мирно работающему коллеге: “Я обречен стать богатым!” Бедняга шарахается в сторону, и вовремя – ликующей вопль повторяется еще два раза... Рокфеллеру повезло – южные штаты объявили о выходе из Союза, и началась гражданская война. Федеральному правительству понадобились сотни тысяч мундиров и винтовок, миллионы патронов, горы вяленого мяса, сахара, табака и галет. Наступил золотой век спекуляции, и Рокфеллер, ставший совладельцем брокерской фирмы со стартовым капиталом \$4000, сделал неплохие деньги». (Слова о

«втором рождении» – это не метафора. «Второе рождение» означает некую инициацию, посвящение в какие-то учения и обретение иного бытийного статуса.)

Очевидно, что это миф. Простой и тихий бухгалтер способен стать миллионером с такой вот скоростью благодаря своей личной энергии и благоприятному стечению обстоятельств? Нет, поверить этому решительно невозможно. Здесь неуместно какое-то рациональное объяснение, здесь лишь некое чудо.

Не менее загадочно и обстоятельство возникновения могущественной коммерческой династии Ротшильдов. «В 1775 г. двадцатилетний Мейер Ротшильд открыл собственное дело по торговле антиквариатом и медалями, – сообщают С. Кугушев и М. Калашников. – И сразу же оказался в самых доверительных отношениях с наследным принцем Вильгельмом – будущим курфюрстом Гессенским Вильгельмом Первым. Как пишет Генрих Шнее, именно торговля монетами сблизила Мейера с его высоким патроном. И тут возникает сразу несколько вопросов. Как мог еврей из бедной семьи познакомиться с будущим курфюрстом? И что за монеты он смог предложить в коллекцию принца, чтобы сразу покори́ть Вильгельма, стать для него, если не другом, то близким товарищем? И откуда скромный юноша из гетто взял столь редкие монеты? Конечно, можно списать всё, вслед за Шнее, на ум, трудолюбие и поворотливость Ротшильда. Но таких в еврейской среде Германии было ой как много. А Ротшильд состоялся только один» («Третий проект: точка перехода»).

И нечто совсем уж непонятное произошло с сыновьями Ротшильда: «Несмотря на то, что номинальным главой семейства выступал Амшель (во Франкфурте), реальным лидером клана быстро стал Натан, основавший Ротшильд-банк в Лондоне. Здесь-то и кроется самое удивительное. Натан приехал в Англию в 1798-м и занялся скупкой товаров для нужд отцовского бизнеса. В 1804-м он создает существующий по сию пору банк “Натан Мейер Ротшильд и сыновья”. А уже через несколько лет берет на себя операции по финансированию и снабжению английской армии Веллингтона в Испании, ведущей войну против наполеоновских войск. Самое поразительное – он ведет их через своего брата Джеймса и его банк в Париже! И совсем невероятное заключается в том, что всё это было известно наполеоновским властям, но они не оказали никакого противодействия семейке! А ведь что стоило могущественному императору прихлопнуть парижский

филиал Ротшильдов, аки муху!.. Здесь впору говорить либо о мистике, либо о потешительстве великого полководца» («Третий проект: точка перехода»).

Да, безусловно, речь идет именно о мистике. Точнее сказать – о магии, которая может сделать безумцами и самых умных людей – если они отвернулись от Бога и потеряли защиту свыше. То же самое безумие охватило и Гитлера, допустившего войну на два фронта. Не случайно же фюрера называют «бесноватым» – он явно вел себя сходным образом. И подобно Наполеону, наци номер один также заигрывал с мировой плутократией, думая использовать ее в своих интересах. Однако на самом деле нацистский лидер открылся для магического влияния и повел Германию в пропасть.

Рокфеллеры и Ротшильды творили некое чудо, позволившее им подняться на самую вершину финансовой пирамиды мира. Само собой, тут имеется в виду магическое чудо низшего порядка, которое отлично от чуда Божественного. Маги капитала идут путем контринициации, пародируя религиозные практики, в том числе и аскезу. Вот как вел себя Рокфеллер в самом начале своей бизнес-карьеры: «Рокфеллер не пьет (даже кофе!) и не курит, не ходит на танцы и в театр, зато получает острое наслаждение от вида чека на четыре тысячи долларов – он всё время вынимает его из сейфа и рассматривает снова и снова. Девушки зовут его на свидания, а молодой клерк отвечает, что может встречаться с ними только в церкви: он ощущает себя избранныком Божьим, и соблазны плоти его не волнуют».

В процессе такой вот инициации «навыворот» (контринициации) происходит продвижение человека к недобытию. И оно сопровождается воистину чудовищными трансформациями – прежде всего, на внутреннем, душевном уровне. Но эти трансформации проявляются и на уровне внешнем, телесном. Вот, опять-таки, пример из биографии Рокфеллера: «Под конец жизни он стал похож на людоеда. Рокфеллер захворал алопецией, и у него выпали все волосы на теле. Без бровей, ресниц и усов он стал по-настоящему страшен: окружающие шарахались – казалось, что им навстречу шагает смерть».

Конечно, было бы неверным сводить всё к магии. Действуя на иррациональном уровне, плутократы успешно задействуют и вполне рациональные рычаги. Вот только и здесь всё упирается не в «деловую сметку», «свободную конкуренцию» и прочие мифы капитализма. Как раз наоборот, капитализм делает главную ставку на такие механизмы,

которые нельзя отнести к рыночным. Известный американский социолог И. Валлерстайн утверждает: «Свободного рынка никогда не существовало и не могло существовать в рамках капиталистического мира экономики. Гипотетический свободный рынок – интеллектуальная конструкция, выполняющая такую же интеллектуальную функцию, как и понятие движения без трения, функцию стандарта, сравнением с которым измеряют степень отклонения. Капиталисты скорее стремятся максимизировать прибыль на мировом рынке, используя повсюду, где это только выгодно и где они в состоянии создать их, легальные монополии и/или иные формы ограничения торговли». Исследователь А. Ваджра, цитируя этот отрывок, весьма уместно обращает внимание на довольно-таки откровенное признание Д.Д. Рокфеллера: «Конкуренция – это грех». А далее Ваджра приводит пояснение этой мысли, сделанное конспирологом Э. Саттоном: «Старый Джон Рокфеллер и его собратья, капиталисты XX в., были убеждены в абсолютной истине: ни одно большое состояние не могло быть создано по беспристрастным правилам *laissez-faire*. Единственно верный путь к достижению крупного состояния – монополия, вытесняйте конкурентов, уменьшайте конкуренцию, уничтожайте *laissez-faire* и, прежде всего, добивайтесь государственной защиты вашего производства, используя податливых политиков и государственное регулирование. Этот путь дает огромную монополию, а законная монополия всегда ведет к богатству» («Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии»).

Что же касается свободного предпринимательства, то оно возможно только на определенном уровне, когда владелец адекватен своей собственности и действительно способен управлять ей – без магии и без монополий.

4. От берега – к идолу

Капитализм произрастает из рынка, товарно-денежных отношений. Это очень тревожная и опасная сфера человеческой деятельности, которая представляет собой периферию плотно-вещественного мира. Любой участник рыночного обмена как бы находится в пограничном районе, причем речь идет о границе с небытием. Здесь очень легко переступить черту и попасть под магическое очарование первозданной бездны, вобрать в себя ничтожащий хаос. Сама рыночная периферия весьма активна – в силу того, что является проводником хаоса. Более того, стараниями разного рода магов она приобретает черты центра земного

бытия и выдается за таковой. К примеру, экономический детерминизм, общий для либерализма и коммунизма, направлен именно на то, чтобы выдать периферию за центр. В то же время сторонники Традиции ставят во главу угла не экономику с ее неизбежной фиксацией на обмене, но именно политику с ее фиксацией на власти. С точки зрения правого, традиционалиста – власть есть нечто неизменное, передающееся из рода в род – по наследству (монархический принцип). В то же время для сторонника Модерна (либерала или марксиста) власть выступает как политическое продолжение рынка и обмена. Отсюда и требование постоянной смены носителей власти.

Рынок и присущий ему обмен принципиально неустраимы, ибо они (так же, как смерть, например) выражают поврежденное состояние этого мира. Люди отчуждены друг от друга, вот почему они вынуждены вступать в отношения обмена. При этом становится очевидным состояние отчуждения от Творца, которое и символизирует сам обмен.

Взять, к примеру, самый простейший, натуральный обмен – скажем, обмен яблока на гвоздь. Некто ковал гвоздь, а другой некто выращивал яблоко. Оба они в процессе обмена прощаются со своим творением, отчуждают их от себя. Иначе говоря, даже в этом случае происходит символическое отчуждение творения от Творца.

Но и это еще не всё. Для каждого участника обмена качественная особенность вещи – «самобытность» яблока и гвоздя – перестает быть чем-то важным само по себе. Важным становится то, что находится по ту сторону самых разных качеств, что как бы всё уравнивает и делает подвластным обмену. Иными словами, на первый план выходит количество.

Но абстрактное количество нуждается в некоей конкретизации, для чего и потребны деньги, которые становятся его зримым и материальным символом. В древности денежное обращение выполняло, прежде всего, сакральные функции. «Изначально... деньги, вернее монеты – традиционный предмет, используемый в сакральных ритуалах, чья символика восходит к мандале, магическому кругу, – пишет О.В. Фомин. – ...В Индии металлические пластинки с нанесенными на них сакральными знаками – так называемые янтры – до сих пор используются для концентрации сознания. В Древней Греции монета – «проходной билет» на Элевсинские мистерии... Никакой экономической функции в первоначальном бытовании монеты мы решительно не обнаруживаем... Слияние сакральной функции

с экономической, по всей видимости, обусловлено холистической интенцией, стремившейся всё подчинить сакральному, всё вовлечь в его сферу...» («Денница-капитал и его отчуждение»).

От себя добавим, что в традиционном обществе деньги рассматривались как некий оберег, защищающий человека от экспансии небытия. Отсюда и круглая форма монеты, ведь окружность – это бережная граница. (Достаточно вспомнить Хому Брута, рисующего круг мелом.) Монета указывала человеку на то, что обмен ограничен (круг – граница), и его нельзя возводить в абсолют¹.

В современном обществе деньги перестают быть оберегом. Сначала они становятся бумагой, что уже есть проявление некоего утончения, виртуализации (как формы идеализации). Потом возникают «виртуальные деньги», которые уже есть практически полная абстракция. Таким образом, обмен конкретных вещей воспринимается как некое таинство, которое воплощается в чем-то «духовном». Деньги воспринимаются как незримые, «духовные», «ангелические» сущности, выступающие посредником между божественным капиталом и людьми. А на зримом своем уровне (банкноты, монеты, карточки и т.д.) они являются совокупностью идолов, обильно смазанных кровью.

5. Равенство как орудие небытия

Важнейшим, если не центральным, моментом магии Капитала является эгалитаризм. Жрецам накопления нужно свести все вещи к одному знаменателю – с тем, чтобы обосновать возможность всеобщего и тотального обмена. Именно с этой целью на рынок идей была вброшена идея политического равенства, которая увлекла за собой столько наивных мечтателей. Эгалитаристы заявили о том, что все люди равны, а, следовательно, все они могут решать важнейшие политические вопросы, связанные с управлением целыми государствами. Тем самым

1) Восточные славяне верили, что если в рот умершему оборотню не положить монету, то он станет упырем. Сам же оборотень, как очевидно, есть один из наиболее зловещих символов тотального обмена – в процессе оборотничества человек превращается в животное, и наоборот. В результате он становится чем-то средним между человеком и животным. Вампир же заходит еще дальше – он становится мертвецом, а потом возвращается из мира в мертвых – как не-живое и не-мертвое (обменивая смерть на жизнь). Капитализм как раз и основан на оборотничестве и вампиризме. Маги Капитала стремятся обратить все в товар, подлежащий обмену, и они же наделяют мертвые богатства и средства производства чертами живого существа. При этом капитализм относится к окружающей реальности как к своей жертве, из которой надо высосать как можно больше жизненных соков.

признавалась возможность и необходимость менять власть, ведь ее носители равны друг другу, и никто из них не обладает какими-либо исключительными отличиями. Сама смена нужна и для того, чтобы еще раз подчеркнуть главенство обмена и облегчить накопление капитала. На демократическом Западе выборы, в ходе которых и происходит смена власти, устроены так, что требуют огромных денежных затрат. Поэтому и победить на них могут только ставленники Капитала.

Возникает вопрос: не если все вещи равны и могут быть сведены к одному общему знаменателю, то чем же является этот самый знаменатель? Здесь всё очевидно. Достаточно предположить (чисто гипотетически), что «вещи» абсолютно равны друг другу, не отличаясь ничем. Тогда они должны совпадать в одной точке пространства и в одной точке времени, поскольку различия в месторасположении и длительности есть важнейшие проявления неравенства одного другому. Но в этом случае все «вещи» должны быть сведены к одной, существовать как нечто одно. Причем это одно не может иметь и внутренних различий, ведь тогда будет существовать неравенство целого и части, а также одной части и другой. Итак, перед наблюдателем возникает нечто сугубо единственное и лишнее какой-либо структурности. Проще говоря – небытие.

Таким образом, эгалитаризм утверждает первенство небытия (недобытия), которое выступает божеством плутократов. Именно ему и уподобляется общество Модерна, внутри которого происходит ликвидация всех качественных различий. Начальным этапом этой ликвидации является упразднение сословий, региональных ассоциаций, ремесленных цехов и других институтов, обеспечивающих многообразие внутри наций. На место человека Традиции, принадлежавшего сразу же к нескольким социокультурным мирам, становится человек Модерна, который живет в одномерном, плоском мире тотального количества. Смешение различных социально-психологических типов ведет к образованию однородного общества, в котором все чрезвычайно похожи друг на друга – право-субъектностью и стилем жизни. При этом социальное смешение неотвратимо ведет к смешению этническому, ведь нация, ставшая однородной внутри себя, теряет «чувство дистанции» вообще и легко расстается со своими отличительными признаками. Более того, «на повестку дня» встает половое смешение. Таким образом, маги Капитала ведут в небытие целые социальные и национальные коллективы.

6. Эгалитаризм против эгалитаризма

Между тем, надо иметь в виду, что эгалитаризм эгалитаризму рознь. Одно дело – либеральное равенство и совсем другое – социалистическое уравнение. Возьмем, к примеру, коммунистов. Как радикальные и честные сторонники Модерна, они требуют дополнить политическое равенство равенством социально-экономическим. Но это совершенно не входит в планы магов Капитала. Отрицая политическое неравенство, они стоят за неравенство экономическое, которое затрагивает сферу количества. Им нужно, чтобы капитал сосредотачивался в нескольких, немногочисленных центрах². Тогда он сильнее «выражает» хаос и надежнее подчиняет своих же собственных хозяев. Социализм же при своем возникновении потребовал ограничить концентрацию капитала и даже обобществить сам капитал. А это было невыполнимо без ограничения прав собственников – в том числе, и политических.

Классик русского традиционализма К.Н. Леонтьев утверждал, что коммунистические порывы будут нарастать, «пока не ограничат надолго прямыми узаконениями и всевозможными побочными влияниями как чрезмерную свободу разрастания подвижных капиталов, так и другую, тоже чрезмерную свободу обращения с главной недвижимой собственностью – с землей, то есть свободу, данную теперь всякому или почти всякому продавать и покупать, накоплять и дробить поземельную собственность. Коммунизм, думая достигнуть полного равенства и совершенной неподвижности путем предварительного разрушения, должен неизбежно, путем борьбы своей с капиталом и попеременных побед и поражений привести, с одной стороны, действительно к значительно меньшей экономической неравномерности, к сравнительно большему противу нынешнего экономического уравнению, с другой же, к несравненно большему противу теперешнего неравенству юридическому, ибо вся история XIX в., освещенная с этой стороны, и состояла именно в том,

2) Процесс концентрации капитала сопровождается его обезличиванием и порабощением самих владельцев. «На протяжении столетий олигархические династии, как некие жреческие касты, преданно служат своим богам – фондам, – пишет А. Ваджра. – А так как деньги можно накапливать бесконечно, то для этих семей служение фондам становится смыслом жизни, причем на протяжении целого ряда поколений. Таким образом, эти родовые кланы становятся живыми придатками фондов. Как говорит американский экономист и общественный деятель Линдон Ларуш: «Семья уже не владеет реально фондом. Фонд владеет семьей, как, например, в случае семьи Тюрн унд Такис в Европе. Это фонд, а принц – всего лишь наследник фондов. Вы можете наблюдать это во всем мире: корпорации, богатые семьи создают фонды. Например, семья Рокфеллеров. У нее нет больших денег. Есть миллионы, но не миллиарды. Миллиарды заключены в фондах. Таким образом, мы имеем здесь безжизненную коллекцию мертвых душ» («Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии»).

что по мере возрастания равенства гражданского, юридического и политического увеличивалось всё больше и больше неравенство экономическое и чем больше приучается бедный нашего времени сознавать свои гражданские права, тем громче протестует он противу чисто фактического владения капиталом, никакими преданиями, никаким мистическим началом не оправданного. Коммунизм в своих буйных стремлениях к идеалу неподвижного равенства должен рядом различных сочетаний с другими началами привести постепенно, с одной стороны, к меньшей подвижности капитала и собственности, с другой – к новому юридическому неравенству, к новым привилегиям, к стеснениям личной свободы и принудительным корпоративным группам, законами резко очерченным, вероятно даже к новым формам личного рабства или закрепощения...» («Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения»).

Иначе говоря, в политическом плане социалисты выступали как бессознательные (по большей части) противники западной, либеральной демократии. В то же самое время они стремились соединить несоединимое – социальное равенство и политическую демократию. Отсюда и термин – «социал-демократия», которым пользовались и пользуются многие сторонники социализма. В конечном итоге, большинство социалистов выбрало демократию, что привело к фактическому отказу от социализма в пользу либерализма (в его левой, социал-реформистской версии).

Тем не менее, пророчество Леонтьева сбылось в России, слабо затронутой развитием капитализма. Здесь победа коммунистов-радикалов (большевиков) привела к построению сталинского «военно-феодалного» социализма, что надолго затянуло процесс образования мировой торговой республики. (Сегодня этот процесс именуется глобализацией.) Экономический эгалитаризм ударил по эгалитаризму политическому, и змея Модерна больно укусила себя за хвост.

7. Эгалитаризм без эгалитаризма

Правым также придется взять на вооружение экономический эгалитаризм, если только они хотят сделать что-то серьезное, а не «заниматься консерватизмом». В области политики (а это область, прежде всего, качества) необходимо автократическое и аристократическое неравенство. А в сфере экономики (как в сфере, преимущественно,

количественной) потребно именно что равенство. Конечно, речь идет о равенстве приблизительном (политический эгалитаризм тоже весьма приблизителен и заключается, скорее, в равенстве возможностей). И уж, само собой, нет и речи ни о какой уравниловке в плане доходов. Необходимо не только обобществить крупный капитал, но и децентрализовать его, создав совокупность небольших общин (артелей), находящихся в собственности трудовых коллективов. В СССР коммунисты не столько обобществили капитал, сколько огосударствили его, сосредоточив гигантские промышленные ресурсы в руках крупных бюрократических структур. (Отсюда, кстати, и та легкость, с которой произошла либеральная революция 1991 г., приведшая к беззащитному и крупномасштабному «распилу» общенародной собственности.) Иными словами, в вопросе об организации собственности, коммунисты действовали примерно так же, как и капиталисты.

Впрочем, это было во многом обусловлено требованием форсированной индустриализации, которая предполагала сосредоточение ресурсов в нескольких «прорывных» центрах. Индустриализм, который есть порождение капитализма, еще не был исчерпан, вот почему он требовал типично капиталистических форм организации. Сегодня же, в условиях вызревания постиндустриального (информационного) общества, возникла уникальная возможность перехода к совсем иной модели организации промышленного производства. Автоматизация позволит производить гигантскую по объему работу, имея в распоряжении небольшой коллектив тружеников, которые в то же время являются собственниками всего предприятия. Современная экономика характеризуется весьма драматическим сосуществованием гигантских разветвленных промышленно-финансовых структур и множества мелких (средних) предприятий. Социально-экономический эгалитаризм, сопряженный с мощнейшим рывком в области научнотехнического развития, станет таким порядком, при котором взаимодействовать будет множество примерно равных (по объему) мелких общин-предприятий³. А автократия (самодержавная монархия), прямо вытекающая из политического неравенства, будет всемерно сдерживать поползновения различных протолигархов, пытающихся захватить собственность трудящихся⁴. По сути, эгалитаризм в рамках

3) К слову, на Западе уже хорошо известен феномен «виртуальных корпораций», которые представляют собой коллективы собственников-сотрудников. Их креативность настолько высока, что они не зависят от рыночной конъюнктуры, но, напротив, во многом ее же и формируют.

4) Коммунисты, как люди Модерна, декларировали свою приверженность демократии. На практике это выразилось в так называемой «коллективности», которая, при Хрущеве и Брежнев,

такой модели перестает быть эгалитаризмом, но становится условием, необходимым для осуществления политического неравенства.

Возникает вопрос о судьбе частной собственности – не поступят ли с ней по-коммунистически? Разумеется, коммунистическое отрицание частника не нужно и вредно. В условиях политической автократии, экономического эгалитаризма и постиндустриальной децентрализации мелкая трудовая частная собственность сохранится и будет практически неотличима от мелкой коллективной. Иными словами, произойдет не отмена частной собственности, но ее «снятие» – интеграция в собственность общественную (без потери самостоятельности).

При этом экономика станет во многом натуральной (естественной), то есть ориентированной на потребление самими же производителями. Научно-техническое развитие, свободное от плутократических оков, позволит производить множество нужных вещей, так сказать, на дому. Один только синтезатор пищи сделает возможным существенно сократить сферу обмена. Что же до производства, то оно станет производством не столько товаров, сколько идей, образов и смыслов.

8. Забывчивая Мышь

Магия Капитала, однако, не исчерпывается работой с темными «водами» небытия. Дело в том, что есть еще и «воды» верхние. Это разделение возникло на второй день творения: «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделит она воду от воды. И стало так. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом». (Быт. 1, 6-8).

Высшие воды, находящиеся над небом, в разных традициях называются по-разному. Этот регион тварного бытия именуется «Астралом», «Мировой душой», «Психеей», «Навью», «Аидом», «Хелем» и т.д. В принципе, это тот же самый изначальный хаос, но только оформленный до уровня «чистого движения», не имеющего центра. Данный регион действительно представляет собой что-то вроде «души мира», это – надкосмическая, но тварная – витальная сила. У каждого человека и даже животного есть своя душа – «психея», которая сообщает ему раз-

была властью различных – партийных, ведомственных и т. д. – кланов. (Отсюда и разоблачение сталинского вождизма и культа личности). Когда же эти кланы окрепли, то они сбросили маску коммунистов-социалистов – под разговор о демократизации.

ные желания и которая находится ниже разумно-волевого духа.

С душой (мировой, коллективной и личной) могут осуществляться разные магические операции. Одна из таких операций направлена на то, чтобы потреблять жизненную («психическую») энергию человека, причем, в промышленных масштабах. Собственно говоря, на этом потреблении и основан вампиризм – мощная контринициатическая практика, которую успели превратить в некую зловещую сказку. Между тем, вампиризм – это страшная быль, которая намного ужаснее любых сказок.

Кровь здесь выступает как некий символ. В разных традициях содержится информация о том, что в крови человека содержатся какие-то уровни души. Так, в Ветхом Завете сказано: «...Душа всякого тела есть кровь его, она душа его, поэтому я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому, что душа всякого тела есть кровь его» (Лев., 17:14). Вот почему потребление крови, часто практиковавшееся в древности (и практикуемое ныне – во время магических обрядов) символизирует потребление душевной энергии, которая вполне по-капиталистически отчуждается от человека. Не случаен же образ «капиталиста-кровососа» («Метафизика вампиризма»).

Конспирологи написали про вампиризм много чего познавательного, однако, по нашему мнению, наиболее ценной является «информация», данная в романе Виктора Пелевина «Амфир В». Художественная литература, как и кинематограф, часто содержат прозрения, да которых сложно дойти самым продвинутым интеллектуалам. И с романом Пелевина – как раз такой случай. Здесь вампиризм показан как базис капитализма, а сами вампиры – как истинные хозяева современного мира. Сами они (в романе) утверждают, что их владычество было изначальным, и даже люди созданы именно вампирами. Однако, внимательный читатель легко найдет логические несостыковки в этой «апологии». Они содержатся уже в самой вампирской «теогонии». У Пелевина вампиры поклоняются великой богине – «Иштар», которую еще именуют «Великой Мышью». Это существо было сослано на землю (и вообще в наш плотно-вещественный мир) – из каких-то высших сфер. Из каких – вампиры не знают, что уже опровергает их же миф о собственном всеилии. Собственно, не знает этого и сама Великая Мышь. Вампир Озирис сообщает, что она «думала, будто сама создала этот мир, просто забыла, когда и как. Затем у нее появились в этом сомнения, и она создала нас, вампиров. Сначала у нас были

тела – мы выглядели как огромные летучие мыши... А потом, когда с климатом стали происходить катастрофические перемены, мы эволюционировали в языки, которые стали вселяться в живых существ, лучше приспособленных к новым условиям... Вампиры с самого начала были избранными существами, которые помогали Великой Мыши. Нечто вроде ее проекций. Они должны были найти смысл творения и объяснить Великой Мыши, зачем она создала мир. Но этого им не удалось... Тогда вампиры решили хотя бы комфортабельно устроиться в этом мире и вывели людей...»

Налицо смесь абсолютной гордыни и конечного бессилия, которая столь характерна для сатаны и других павших ангелов. Некогда сатана был предводительством всего ангельского воинства и вождем всех тварных миров. Однако затем он попытался встать на место Бога (космогоническая иллюзия Мыши) и был низвержен с небес Духа (ссылка Мыши). Даже низверженный, сатана всё равно пытается корчить из себя Творца, но ему удается только исказить творение. Так, у Пелевина вампиры вроде бы и не люди, но всё равно продолжают оставаться людьми, обладающими человеческими логикой, эмоциями и т.д. Другое дело, что в них живут некие языки – отдельные существа. И тут сходство с христианской «демонологией» также очевидно, перенесем на «бесноватые». По сути, вампиры – это «эвлиа эш-шайтан» («святые сатаны»), максимально исчерпавшие свою человечность, но так и оставшиеся людьми – с предельно тревожной посмертной перспективой.

Показательно, что сатана у Пелевина показан как «женское божество». Это вполне логично, павшие ангелы являются своего рода потусторонними гермафродитами. Ангелы, конечно, не имеют пола, но их изображают только и исключительно как мужчин – таков символизм. И с поправкой на него можно назвать регион разумно-волевого Духа – мужским регионом. В то же самое время абсолютно-импульсивная «мировая душа» является регионом женским. Именно туда, как существа внетелесные, и попали Люцифер вместе со своими сообщниками. И там они смешали свою духовно-мужскую природу с душевно-женской. Вот почему Люцифера можно представить себе как мужским, так и женским существом. (Что нагляднее всего демонстрирует двуполое чучело Бафомета, выставленное в масонском музее Чарльстона.)

Сами вампиры, несмотря на всю свою брутальность, показаны у Пеле-

вина как феминократы. В каждой стране есть своя Иштар, являющая эманацией верховной личности, которой кровососы и подчиняются. Впрочем, с иерархией у агентов инферно дела обстоят неважно, поэтому исчерпавшую свой лимит «местную Иштар» просто уничтожают.

9. У истоков капитализма

Вампиры управляют людьми при помощи халдеев – особого сообщества, возникшего в эпоху Нововавилонского царства⁵. Это была грандиозная коммерческая империя, и реальная власть в ней принадлежала торгово-финансовой олигархии. Она правила в почти суверенных городах, главным из которых был собственно Вавилон – миллионный мегаполис. В то же самое время власть царей являлась почти номинальной, распространяясь на армию и завоеванную территорию. «Особенность социальной структуры Вавилона заключалась в том, что правившая в нем финансовая олигархия была неразрывно связана со жречеством, – замечает Максим Журкин. – Храмы были не чем иным, как крупными фирмами и банками, проворачивавшими масштабные сделки, дававшие деньги под проценты, владевшими крупной недвижимостью: землями, ремесленными мастерскими, торговыми лавками. По сути, жреческие корпорации Вавилона были одновременно и финансовыми» («Цивилизация золота»).

Сами халдеи были семитским народом, князя которого постоянно пытались захватить власть в древнем Вавилоне. Наконец, им это удалось, в результате чего и возникло Нововавилонское царство. В дальнейшем халдеями стали называть магов, объединенных неким всемогущим учением. Так, у Аммиана Марцеллина можно прочесть о том, что Зороастр был учеником халдеев. Эта жреческая корпорация имела успех в древней Европе – в частности, в Риме, где к ним внимательно прислушивались такие великие правители, как Цезарь, Сулла, Тиверий и др. Существует весьма оригинальная гипотеза, согласно которой с халдеями связано возникновение многих знатных родов Евразии: «Сама же хазарская аристократия, по мнению Дэвида Айка, как мы уже указывали, происходит от магов Вавилона – это бывшие халдеи (*khld), этимологически родственные кельтам (*klt) с их куль-

⁵ Необходимо вспомнить о том, что Вавилоном изначально прозывался город в долине Сенаар. Его, вместе с гигантской Башней, строило человечество в послепотопный период. Как известно, строители пытались достичь неба. Если же вспомнить, что небо твердь, отделяющая верхние воды от нижних, то можно предположить о наличии у них замыслов магического достижения нижнего и верхнего хаоса.

тами, основанными на человеческих жертвоприношениях, – пишет Владимир Карпец. – Эта же “черная аристократия” в “черная” не столько в современном моральном, сколько в средневековом герметическом смысле – имевшая в Европе свои центры в Венеции и Амстердаме, породила в XI и XII веках целый ряд знатных и королевских семейств, в частности, Сен-Клеров (Синклеров), Медичи, Заксен – предков таких династий, как Кобургская, Оранская, Глюксбургская (Датская) и Ганноверская. Нынешние банкирские семейства, такие, как Дюпоны, Рокфеллеры, те же Ротшильды, Варбурги, Аньелли и многие другие – как считающиеся еврейскими, так и не считающиеся – происходят из того же гнезда. К “Вавилонскому братству”, как называет его Дэвид Айк (лучше говорить о “Вавилонском круге”) относились и Финикийцы» («Четвертое измерение русского Кавказа»). Добавим, что кельтизм сыграл огромную роль в формировании масонства. Ритуалы друидов (лежание в гробнице и т.д.) стали неотъемлемой частью масонских ритуалов. А в XVIII в. венты друидистов создавались одновременно, и при тесном взаимодействии, с масонскими ложами.

Итак, всё совершенно очевидно – древнейший капитализм явился рождением древнейшего жречества. В начале были маги-жрецы, которые желали получить прибыль, воздействуя на потусторонние миры⁶.

10. Страдания – в мощну

Тут нужно вспомнить о существовании еще одной коммерческой псевдоимперии – Ассирии. Выросло это образование из города-государства Ашшур, где издревле правили олигархи («великие»), вовсю манипулировавшие (как это, собственно, всегда и происходит) народным собранием. Данное торговое образование было весьма мощным и распространяло свое влияние далеко за пределы собственно города. Наряду с торговой элитой в городе всегда существовала «военная партия», предлагающая силовой вариант экспансии Ашшура. В

6) Любопытно, что славяне-язычники просили о материальном благополучии своих умерших предков. Древние индоевропейцы считали мир мертвых источником богатства. А мир мертвых часто помещали в регионе Души – Нави, Аиде и т. д. Его представляли в виде пастбища, где пасутся души умерших. Причем, что любопытно в индоевропейских языках отчетливо заметна связь торговли и скотоводства. Так, лат. ресу («стадо, скот») тесно связано с лат. ресупиа («состояние, деньги»), и более того, восходит к реконструированному праиндоевропейскому *реку, которое означало как первое, так и второе. Слова «капитал» произошло от латинского слова «сарип» (голова крупнорогатого скота), его и переводят как «скот». В германских языках наблюдается то же самое: древне-северное фе переводится как «скот, имущество, деньги», древнеанглийское феон как «стадо, движимость, деньги».

конечном итоге, милитаристы победили, что завершилось некоторым разделением самой Ассирии. Ашшур остался под контролем торговцев, тогда как воинственные цари правили в новом городе – Ниневии.

М. Журкин пишет: «...Характер завоеваний ассирийцев, равно как и их империя, были весьма специфичны. Во-первых, войны их носили крайне жестокий характер. Ассирийцы не просто завоевывали соседние страны, – они разоряли их, уничтожали города, истребляя всё, что способно сопротивляться. Их нашествия оставляли после себя пустыню, а цари Ассирии хвалились в своих победных надписях и дворцовых рельефах тем, сколько тысяч людей они истребили. И не просто убили, а замучили – посадили на кол, сожгли и т.д., сколько глаз выкололи, рук и ног отрезали. Как таковых, покоренных областей они к своему государству изначально не присоединяли, не сажали своих наместников, не облагали налогами. Либо полностью их разоряли, либо страхом нашествия заставляли более мелких владык принести богатые дары и дань. Подобная поверхностная и жестокая экспансия Ассирии выдает, то обстоятельство, что это государство не было классической империей создаваемой кастой воинов – военно-бюрократической системой. Это первая известная в мире колониальная империя, создаваемая кастой собственников – торговцев. Особенность ее в том, что покоренные области и их правящий класс не присоединялись к метрополии, как равные провинции, а служили всего лишь объектом финансовой эксплуатации. В данном случае безудержного грабежа и вымогательства. Завоевания здесь становятся всего лишь коммерческим предприятием».

Жестокость ассирийцев, вне всякого сомнения, носила магический характер. Массовые, изощренные убийства были призваны не только покорить и запугать народы. В древности каждое действие имело некую «трансцендентную» мотивацию, которая, впрочем, ничуть не противоречила прагматизму и т.д. И можно предположить, что древнеассирийский террор ставил своей главной целью пробуждение психического, душевного хаоса. Страдания и страх генерировали психическую энергию в огромных масштабах. А элиты Ассирии ее потребляли, выступая как «коллективный вампир».

Таким образом, наряду с вещественной, материальной добычей, захватчики питались еще и добычей тонкой, душевной, причем одно обуславливало другое – в точном соответствии с законами магии. Главным было потребление «психической», вирильной, жизненной

силы. В то же самое время обладание материальным богатством символизировало готовность стяжать и богатства надматериальные, находящиеся в регионе Души.

Это – чистейшей воды контринициация, пародия на традиционное стяжание духовных богатств. Человек Традиции рассматривал богатство как нечто, подлежащее трате. Отсюда – пышные праздники, во время которых имущие люди тратили значительную часть своих богатств на неимущих. Накопление считалось ими чем-то несомненно важным, но второстепенным, будничным. А вот растрачивание (совершенно безвозмездное) накопленного происходило в особые, праздничные дни, когда сакральное максимально сливалось с мирским⁷. Взамен растраченного вещества человек Традиции получал нечто, намного превышающее все его траты. На него изливалась особая благодать, понимаемая как совокупность нетварных, Божественных энергий. В сущности, здесь нельзя говорить о каком-либо обмене, ибо благодать нельзя соизмерить с любыми материальными и вообще тварными ценностями.

Напротив, капитализм предполагает перманентное накопление материальных богатств, которое как бы обменивается на богатства душевные, психические. Суть этого обмена заключается в следующем – капиталист отчуждает ценности от людей, замыкая их на себе. Тем самым он как бы изымает богатство из нашего, плотно-вещественного мира. Но это значит, что они посвящаются какому-то иному миру, передаются во владение неким его субъектам. Этим миром является тонкий мир психических энергий, а сущностями – попавшие (павшие) туда ангелы. Взамен отданных им богатств они помогают магам капитала присваивать психическую, жизненную энергию народов. И вот тут уже вполне можно соизмерять два вида ценностей, ведь они принадлежат одному и тому же – тварному. При этом контрагенты считают, что они обманули (обмен идет рука об руку с обманом) друг друга. Маги плотного мира радуются тому, что получают некое «тонкое» благо, превышающее материальное. В то же время их «высо-

7) Типичный пример такой сакральной траты дает Святой Владимир Креститель: «И дал Владимир обет поставить церковь в Василеве во имя святого Преображения, ибо в день, когда случилась сеча, было Преображение Господне. Избегнув опасности, Владимир построил церковь и устроил великий праздник, наварив меду 300 провар. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов, и много всяких людей, и раздал бедным 300 гривен. И праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успения святой Богородицы, и здесь снова устроил великое празднование, созывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно».

кие» покровители отлично знают, что очень скоро они получают души самих магов.

11. Апогей несвободы, или бег за иллюзией

Ассирийские милитаристы питались энергией погубленных ими людей. Современные их последователи потребляют намного более уточненные яства и пития. Энергия страдания весьма сильна, но она разбавлена ясным осознанием происходящего. Человек страдающий отлично понимает, что он страдает. Война и работа – всё это одна сплошная страда, которая стала неизбежной в результате грехопадения. В Раю Адам занимался исключительно творчеством, и его труд был свободен от всякого принуждения. Но после страшной метафизической катастрофы Адаму было дано задание возделывать землю в поте лица своего. К труду теперь прибавилась работа, под которой следует понимать не только пото-, но и кровопролитие. Творчество, конечно, не исчезло, и сам труд может быть более или менее творческим. Но работа, страда никуда не исчезнет в этом мире, она прекратит свое действие лишь после Конца.

В традиционном обществе люди это отлично понимали, рассматривая страдание как нечто очевидное и неизбежное. Они могли быть объектами самого грубого насилия, направленного на получение выгоды; их могли заставлять трудиться почти даром; их могли грабить и убивать в ходе захватнических войн. Но везде и всегда человек понимал свое реальное положение в этом мире, что делало его до некоторой степени свободным. Хотя бы уже потому, что само понимание собственного рабства (ср. со словом «работа») делало возможным осуществлять некие осмысленные и целенаправленные усилия по освобождению.

Это обстоятельство неизменно «обламывало кайф» магам капитала – вместе с эмоциями страдания они потребляли еще и осознание несвободы. Иначе говоря, к чистой душевности прибавлялся еще и некий «логос», портящий напиток.

Выход был найден в эпоху Нового времени, когда маги капитала сделали упор на так называемое «экономическом принуждении» (К. Маркс). Человека убедили в том, что он работает по собственной инициативе и выступает как совершенно свободный субъект. Для этого понадобилось «смягчить» систему эксплуатации, переведа ее на более тонкий уровень. И вот уже вместо энергии страдания к вампирам капитала потек-

ла чистая жизненная сила. При этом человеку стало комфортнее на материальном уровне, но за этот комфорт он вынужден платить страшную цену. Человек деградирует как личность, что выражается, в частности, в лавинообразном росте психических заболеваний, столь характерном для «развитых» стран.

Этот процесс как раз и описан в романе Пелевина. Его вампиры потребляют жизненную силу человека, который вырабатывает агрегат «эм-пять». «Это особый род психической энергии, которую человек потребляет в процессе борьбы за остальные агрегаты, – учит своего молодого коллегу Раму вампир Эниль Маратович. – Агрегат “эм-пять” существует на самом деле. Все остальные состояния денег – просто объективация этой энергии».

Человека вынуждают вырабатывать «эм-пять», но он воспринимает это как собственное делание, как абсолютно свободный и осознанный процесс достижения того могущества, которое дают деньги. «Человек занят решением вопроса о деньгах постоянно. Просто этот процесс принимает много разных форм. Может показаться, что человек лежит на пляже и ничего не делает. А на самом деле он прикидывает, сколько стоит яхта на горизонте и что надо сделать в жизни для того, чтобы купить такую же... В центре всех подобных психических вихрей присутствует центральная абстракция – идея денег. И каждый раз, когда эти вихри возникают в сознании человека, происходит дое-ние денежной сиськи. Искусство потребления, любимые бренды, стилистические решения – это видимость. А скрыто за ней одно – человек съел шницель по-венски и перерабатывает его в агрегат «эм-пять». При этом человек думает, что он побеждает и подчиняет окружающую его реальность: «...Во внутреннем диалоге современного городского жителя всегда в той или иной форме повторяются два паттерна. Первый такой: человек думает – я добыюсь! Я достигну! Я всем докажу! Я глотку перегрызу! Выколочу все деньги из этого страного мира!... А еще бывает так: человек думает – я добился! Я достиг! Я всем доказал! Я глотку перегрызу!... Все остальные процессы в сознании быстро гасятся. На это работает весь гламур и весь дискурс»⁸.

8) Таким образом, выходит показательная симметрия. Капитал есть проявление темного недобытия, низшего хаоса, а деньги – эманация хаоса «высшего» («особый род психической энергии»). В общем же, речь идет об одной и той же реальности, отличной от нашего плотно-вещественного мира, но эффективно присутствующей в нем. Сама по себе эта реальность ни «плоха», ни «хороша», «плохое» начинается тогда, когда определенные – здешние и нездешние – силы пытаются усилить ее воздействие на нас. А эти попытки предпринимаются с самого начала. При этом надо иметь в виду, что деньги традиционного общества являются, скорее, ограничителями денег как таковых. Выше

«Эм-пять», однако, не так ценен, как его конденсат – «эм-шесть», именуемый еще и баблосом. «Баблос» – это очень древнее слово, – поучает Раму “местная богиня” Иштар Борисовна. – Может быть, самое древнее, которое дошло до наших дней. Оно одного корня со словом “Вавилон”. И происходит от аккадского слово “бабилу” – “врата бога”. Баблос – это священный напиток, который делает вампиров богами... Иногда баблос называют красной жидкостью. А Эниль выражается по-научному – “агрегат эм-шесть”, или окончательное состояние денег. Конденсат жизненной силы человека... Баблос сосут. Его мало... Что такое деньги? Это символическая кровь мира. На ней всё держится и у людей, и у нас... Человек рождается на свет для того, чтобы вырабатывать баблос из гламурного концентрата. В разные века это называется по-разному, но формула человеческой судьбы не меняется много тысяч лет. В человеке пять литров красной жидкости. А баблоса из него за всю жизнь получить не больше грамма... И это белый протестант в Америке дает грамм. А наши русачки – куда меньше...» Здесь, как очевидно, круг замыкается. Для вампира потребление крови не есть главное – это символ. Но всё равно – вампиризм, он же капитализм, есть самое настоящее кровопийство.

Тем не менее, вампиризм, из прямого насилия (которое так любят изображать в современном кинематографе) превратился в сумму очень тонких технологий, заставляющих человека отдавать свою жизненную силу совершенно добровольно – и даже с энтузиазмом. При этом сам человек абсолютно уверен в том, что он свободен и сокрушает разнообразные преграды на пути к могуществу. На самом же деле, он преследует фантомов: «...Формула человеческой судьбы не меняется много тысяч лет... “Иллюзия-деньги-иллюзия”... Люди постоянно гонятся за видениями, которые возникают у них в голове. Но по какой-то причине они гонятся за ними не внутри головы, где эти видения возникают, а по реальному физическому миру, на который эти видения накладываются. А потом, когда видения рассеиваются, человек останавливается и говорит – ой, мама, а что это было?»

Здесь очень важный момент. Погоня за иллюзиями сегодня приобретает свою законченную форму. Речь идет о так называемой «виртуальной реальности», которая уже завтра может стать пристанищем для миллионов, жаждущих реализовать свои нереализованные фантазии. В православной антропологии есть термин «яростно-желательное начало» – его используют для характеристики души, понимаемой

уже было сказано о том, что древняя монета – это некий оберег.

как нечто, находящееся ниже духа, разума. Получается, «чистое желание» – это стремление сделать реальным любой фантом. «Чистая ярость» – это стремление разрушить любую объективность, и даже трансцендентность, этому мешающие.

Промежуточный, тонкий мир Нави – это «чистое желание» и «чистая ярость», это сплошное Движение – без Центра. У каждого человека есть своя душа, собственная «навь» – это нормально. Но когда она становится на первый план, то случается большая онтологическая беда. А сегодня нам вообще предлагают создать Навь на Земле – в виде некоего глобального киберпространства, свободного от любых ограничений. Находящиеся в нем люди устроят такую гонку за иллюзиями, что станут производить намного больше баблоса, несказанно радуя вампиров.

Капитализм держится на Иллюзии – свободы, предпринимательства, творчества и т.д. Он магически фальсифицирует реальность, искажает само бытие. Единственный способ одолеть этот планетарный морок – начать думать по-настоящему, отбрасывая все доктрины, созданные в эпоху вампирского Модерна. Коммунизм, либерализм, консерватизм, фашизм – всё это не более, чем «дискурс», окрашенный в цвета «гламура».

К.Р. Болтон

ЦИКЛИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ТРАДИЦИИ

Против модернистской парадигмы линейного «прогресса»

Перевод с английского А. Волошина

Мы предлагаем опыт изучения исторических перспектив ряда Высоких Культур, ведущий нас к выводу, что традиционное мировоззрение основано на циклическом подходе, где рост, расцвет и гибель обществ (и шире – цивилизаций) следует рассматривать по аналогии с циклами времен года. Традиционалистский подход, как предикативный метод, обладает большей легитимностью, нежели внетрадиционалистские подходы к истории, являющиеся линейными, дарвинистскими и «прогрессивными». С позиции традиционалистского взгляда, многое из того, что ныне именуется «прогрессивным», может быть воспринято в духе фразы «ничто не ново под солнцем», и более того, представляется симптомами культурного упадка, имевшими место также и в аналогичных циклах предыдущих цивилизаций много тысяч лет назад.

Традиционное историческое мировоззрение

Традиционалистский подход к истории является циклическим. Настоящая статья посвящена в основном Высоким Культурам. Культура перестает быть «традиционной», когда она более не ощущает своей связи с Божественным¹.

Эвола описывает этот традиционалистский взгляд как «метафизику истории»². У.Б. Йейтс убедительно охарактеризовал традиционный социальный порядок как «единство бытия», описывая стиль византийской культуры, где «религиозная, эстетическая и практическая жизнь были едины»³.

Высокие Культуры имеют общие фундаментальные черты. Эта общность выходит за рамки времени, расы и географии. Такого рода

1) Два особенно убедительных выражения традиционалистского мировоззрения – это индуистская «Бхагават-Гита» и поэзия У.Б. Йейтса.

2) Julius Evola, *Revolt Against the Modern World*, Rome, 1969 (Vermont: Inner Traditions International, 1995), 'Foreword', xxxvii.

3) K R Bolton, *Thinkers of the Right – Challenging Materialism*, Luton, England: Luton Publications, 2003), 48.

культуры можно назвать морфологичными. Исходя из сказанного, просматриваются сходные черты и структуры в таких Высоких Культурах, как немецкая, египетская, ацтекская, японская и ведическая, которые далеки друг от друга географически и этнически. Там наличествуют касты⁴, – как основа социального уклада, отражающего божественный космический порядок на земле, – правитель, буквально божественного происхождения, либо, как минимум, священник-царь, часто – Бого-Царь, и сами такого рода культуры рассматривают себя в качестве части цикла⁵.

«Современное» историческое мировоззрение

Как и теория биологической эволюции, видящей жизнь в качестве линейного прогресса, история сегодня рассматривается как хроника обобщенного человеческого восхождения от нетехнической первобытности к «современной» технической цивилизации. Отсюда проистекает оптимизм машинной эры XIX в., «высшего человеческого потенциала нескончаемой длительности», заложившего основания для последующего комплекса превосходства нашей эпохи. Этот оптимизм в высших интеллектуальных кругах был убедительно сформулирован в XIX в. биологом А.Р. Уоллесом – в книге с характерным названием «Удивительное столетие» (1898):

«Наш век не просто превосходит всё, что было до него, но он сопоставим со всем предыдущим историческим периодом. Он утверждает начало новой эры человеческого прогресса. Мы, люди XIX в., не замедлили его прославить. Мудрые и глупые, ученые и неученые, поэты и журналисты, богатые и бедные, одинаково пополняют хор восторга от прекрасных открытий и изобретений нашего века, и особенно от тех бесчисленных произведений науки, которые в настоящее время являются неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, которые напоминают нам каждый час о нашем необъятном превосходстве над нашими довольно мракобесными предками»⁶.

Возможно, эти пассажи в наибольшей степени лаконично выражают

4) В отличие от обычных классов, имеющих экономическое, а не космическое, духовное происхождение.

5) Evola, op.cit., 89–100.

6) Asa Briggs (ed.), *The Nineteenth Century: The Contradictions of Progress* (New York: Bonanza Books, 1985), 29.

противостояние между «модернистским» и традиционалистским подходами к истории. Д-р Уоллес воплощает дарвинистское мировоззрение не только с точки зрения биологической эволюции, но и относительно того, как эта эволюционная доктрина использовалась и внедрялась в историю, экономике и обществе. Он видит историю как прямую линию подъема, и его (а также нашу) эпоху как апогей.

Рост и упадок

Традиционалисты видят мир иначе. Нет эпохи, которая являла бы собой вершину человеческой социальной или культурной эволюции. Скорее традиционалисты различают приливы и отливы многих культур и цивилизаций, находящихся на разных стадиях роста и упадка, относительно их собственного контекста. XIX, XX и XXI вв. представляют для неотрадиционалистов один аспект конкретной цивилизации (в данном случае – западной), а не кульминацию всеобщей истории. Технические изобретения нашей цивилизации не являются даже уникальным феноменом, поскольку традиционалисты полагают, что такие же великие технические цивилизации имели место на стадии роста и в прошлом, все эти цивилизации пришли в упадок и погибли на волне своего оптимизма, или того, что обычно именуют *hubris*⁷.

Традиционные общества были проявлением божественного космического порядка. Множество ритуалов обеспечивало взаимосвязь между обществом и Божеством, например, в обрядах индуизма⁸, или человеческих жертвоприношений ацтеков Солнцу⁹. Модернистские общества, в отличие от традиционных, могут быть определены с точки зрения слома этой оси, что наиболее очевидно в виду той важности, которую общество начинает придавать торговле и технике, внешнему и материальному, взамен внутреннего и духовного, преходящему рациональному, взамен веры. Такому обществу не хватает какого-либо аспекта стабильности и, таким образом, оно всё более становится предметом скептицизма, самокритики, сциентизма, фракционизма и

7) A particularly apt Greek word, meaning overwhelming pride towards the Gods leading to nemesis.

8) Bhagavad-Gita 2:50.

9) Большое количество проливаемой крови в человеческих жертвоприношениях было призвано умилостивить бога солнца Тонатли, который, как считалось, жертвует своей собственной кровью для создания мира. Ацтеки считали себя избранным народом, чья божественная миссия состоит в сохранении Пятого Солнца, или эпохи, от гибели. Roy Willis (ed.) *World Mythology*, (London: BSA, 1953).

секуляризма при всеобщей утрате веры в свое бытие. Это, с позволения сказать, то, чем Запад является сейчас и был на протяжении нескольких столетий. Такое общество или целая цивилизация сменяется иной, которая вступает в ту стадию, которую Шпенглер называл «Весной».

В «зимнем» цикле, навряд ли нынешнего, Шпенглер распознает «жажду денег», что характерно для всех «поздних цивилизаций»¹⁰. Традиционалисты – от ведических¹¹ до нордических¹² испытывают недоверие к торговцу, в отличие от модернистов, которые видят успех в бизнесе высшим смыслом. Несколько схожий взгляд можно встретить в «Первом послании к Тимофею» (6:10), где любовь к деньгам упоминается как корень всяческого зла. Поэтому социальные порядки и учреждения Божественного происхождения¹³ сменяются в позднем или зимнем цикле Цивилизации¹⁴ упадническими материалистическими формами: воинов дхармы сменяют солдаты, Бого-Царей – парламенты, религии – социальные доктрины, торговец в позднем цикле становится фактически правителем.

Модерн и Традиция

Придерживаясь циклического понимания истории в духе Шпенглера, переведший его на итальянский язык Эвола не преминул присовокупить к этой доктрине собственную концепцию двойственности цивилизаций, которые можно разделить на традиционные и модернистские. Эвола распознал конец цикла западной цивилизации. А начало сверхциклу Модерна, по его мнению, положило позднее Средневековье. Приходящие на смену друг другу цивилизации, впрочем, оставались в контексте Традиции. В своем трактате об алхимии, в первом его разделе, именуемом «Множественность и двойственность цивилизаций», Эвола утверждает:

10) Oswald Spengler, *The Decline of the West*, 1926, 1928 (London: George Allen & Unwin, 1971), 469–587.

11) Див. Visnu Purana.

12) Скандинавский Navamal подчиняет материальное достояние героическим и рыцарским достоинствам. Например: в. 40. «Тот, кто имеет деньги, не имеет нужды. Но бережливость – это достоинство, которое можно отнести к вине» в. 78. «Полные кошары я видел у сыновей богатого человека, ныне они ходят с посохом бедняка, как бы моргая, всегда зависимые от друзей».

13) Бхагават-Гита ссылается на касты, как на отображения божественного порядка, Гита 4:13, как и Скандинавский Navamal.

14) «Цивилизация» сама является Поздним, или Зимним, циклом Высокой Культуры, согласно Шпенглеру.

«Недавно, вразрез с самим понятием прогресса и идей, что история представляет собой более или менее сплошную восходящую линию коллективного человечества, была выдвинута идея множественности форм цивилизации и относительной некоммуникабельности¹⁵ между ними. Согласно этому новому¹⁶ видению истории, история распадается на эпохи и разобщенные циклы... Цивилизация пробуждается, постепенно достигает кульминации, и впадает во тьму, зачастую исчезает. Цикл закончился»¹⁷.

Эвола рассматривал этот обновленный циклический подход к истории как «здоровую реакцию на идолопоклонство перед историческим прогрессом», бывшее продуктом западного материализма. Он предложил это дополнительное дуалистическое измерение, однако предостерег, что шпенглеровская цикличность не полностью всё объясняет. В дополнение к «множественности цивилизаций» должна быть признана историческая «двойственность». «Современная цивилизация находится на одной стороне, а на другой – совокупность всех цивилизаций, предшествовавших ей». В случае западной цивилизации он назвал конец традиционной фазы и начало современного суперцикла «поздним Средневековьем», где стадия вознесения Традиции является полной. С тех пор «современная цивилизация» полностью отрезала себя от прошлого. «Это означает, что для подавляющего большинства современников любые возможности понять традиционный мир были полностью утрачены»¹⁸.

Эвола считал, что «большим делом» традиционалистов будет выход за пределы современной эпохи и восстановление связи с Традицией.

В 1938 г. Эвола пытался написать краткий обзор традиционалистского подхода к истории, где он следующим образом определил цивилизации

15) «Цивилизации между собой не коммуницируют, поскольку внутренняя духовная природа каждой из них интуитивно распространяется только на тех, кто родился в ней. Юнгианская концепция архетипов коллективного бессознательного, унаследованных членами данной культуры-группы, – один из способов понять причину этой некоммуникабельности. Например, сможет ли западный человек в действительности понять китайскую классическую музыку, которая основана на восприятии того, что таится между нотами? Само это понятие является чуждым западному уху».

16) «Новому», поскольку традиционалистское, исконное видение истории применено относительно современного мира главным образом Шпенглером, которого Эвола упоминает в примечании как «самого известного представителя традиционализма» (Evola, op.cit., 13).

17) Julius Evola, *The Hermetic Tradition: Symbols & Teachings of the Royal Art*, Rome, 1971 (Vermont: Inner Traditions, 1995), 13.

18) Ibid., 14.

Традиции и Модерна:

«Содной стороны, имеются традиционные культуры... Оси этих культур и вершина их иерархического порядка состоят из метафизических, надындивидуальных сил и действий, которые служат для придания формы и оправдания всего, что является только человеческим, временным субъектом становления и "истории". С другой стороны, есть "культура Модерна", действительно антитрадиционная и истоющая себя в создании чисто человеческих и земных условий, чье общее развитие представляет собой погоню за жизнью, полностью отделенной от "высшего света"¹⁹.

Универсальность циклического мировоззрения

«Весь космический порядок находится подо Мной. Моей волей он про-является снова и снова, и Моей волей всё будет уничтожено в конце» (Бхагавад-Гита, гл. 9:8)

Поскольку традиционалисты вслушиваются в ритм Жизни²⁰, они знают, что история состоит из приливов и отливов на больших пространствах, внутри которых цивилизации растут, процветают и приходят в упадок, морфологически это происходит на больших пространствах времени. Древние внутри этих промежутков времени распознавали циклы: Великий Год халдеев и эллинов, этрусский и латинский Saeculum, иранский Аеон и индийская Kalpa.

Греки и римляне ссылались на четыре эпохи, названные именами четырех металлов: золота, серебра, бронзы и железа. В период между Бронзовым и Железным циклами – был промежуточный, Героический цикл, в котором Герои противостояли вторжению Хаоса. Индусы также знают о четверичном циклическом делении: Сатья-Йуга, Трета-Йуга, Двапара-Йуга и Кали-Йуга, последняя из них – темная эра упадка и хаоса. Персы знали четыре цикла, названные по золоту, серебру, стали и «железному сплаву»²¹. Халдеи имели сходное воззрение. У майя были солнечные циклы²², включая пятый, героический цикл,

19) Evola, 'On the Secret of Degeneration', Deutsches Volkstrum, No. 11, 1938, <http://pages.zoom.co.uk/thuban/html/evola.html>

20) Например, изображаемый Танцем Шивы, буддистским Колесом Жизни, а также Солнечным Колесом кельтов и скандинавов.

21) Evola (1969), 177–178.

22) Согласно Пополь-Вух, Первый Цикл, или «Солнце», упало с «жаром небес, насылая туман в

когда неистовствовали гиганты. Китайская традиция рассказывает о 10 древних веках, именуемых «ки», сгнувших вслед друг за другом. Буддисты говорят о «Семи Солнцах», или эпохальных циклах, включая нынешний. Хопи из Аризоны, предшественники цивилизации Майя, утверждают, что были три предыдущих «цикла мира», или «Солнц» (Хэнкок, 213). Согласно знаниям хопи, связанным со старцем по имени Хэнкок, этот цикл закончится, «если люди не изменят свой образ жизни». «Дух мира будет разрушен». Старец утверждает, что мир ухудшился с того времени, как ему о том поведал его дедушка в начале XX в. Старец, подобно традиционалисту, говорил, что видит моральный и духовный упадок в качестве причин завершения нынешнего цикла: «Больше нет ценностей – никаких – и люди живут так, как они хотят, без морали и законов. Это признак того, что время пришло». Старец заявил, что единственным шансом является то, «что хопи не откажутся от своих традиций и дадут свои традиционные знания всему остальному миру». Он пояснил, что всё предопределено согласно божественному закону²³.

В Книге Даниила взлет и падение цивилизаций представлены в виде статуи, обозначающей четыре цивилизации, символизируемые головой из золота, грудью и руками из серебра, животом и бедрами из меди, ногами из железа и ступнями из смеси железа и глины²⁴. Ислам утверждает, что существует преемственность пророческих циклов, каждый из циклов заканчивается полным разложением, вслед за которым связь с божественным восстанавливается новым пророком²⁵.

Скандинавская космология убедительно записана в «Прорицании Вэльвы», где пророчица объясняет Едину создание и разрушение космоса. Она утверждает, что до нынешнего было девять миров: «Девять миров помню, девять деревьев жизни / Перед этим Мирное Древо выросло из земли»²⁶. Настоящее, или десятый цикл, заканчивается смертью бога солнца Бальдра и темные силы, представляющие хаос, развязывают битву с Богами, катастрофический

глаза». Вся мудрость и знания сначала были уничтожены (Пополь-Вух, 109).

23) Graham Hancock, Fingerprints of the Gods: A Quest for the Beginning and the End (London: Mandarin, 1996), 533.

24) Daniel, 2.

25) Michael D. Coogan, (ed.) Illustrated Guide to World Religions (London: Oxford University Press, 2003), 95.

26) Voluspa, v. 2.

Рагнарёк²⁷. Скандинавская космология показывает, что даже боги подвержены циклам истории, поскольку большинство из них погибает в Рагнарёк, но они осознают, что это их Судьба, или Вирд. Предшествующий Рагнарёку цикл, как это представлено и в Ведах, является хаосом для смертных. В частности, наблюдается распад семейных уз и измены становятся общепринятыми. «Братья будут воевать и убивать друг друга / Кровные связи сыновей сестер будут разобщены. / Жестокий мир. Блуд избилует, / Привлекая к измене прочих супругов»²⁸. Этот отрывок отражает моральную гниль, характерную для конечного цикла цивилизации. Также это время насилия: «Топора время, время меча, щиты будут расколоты; / Время ветра, время волка, рано мир исчерпывается... / никто не будет щадить другого»²⁹. «Умиряющее Мировое Древо полыхает / В пронизывающем трубном звуке обреченности...»³⁰. Силы хаоса, мировой змей Ёрмунганд, Фенрир-волк, пес Хеля – Гарм, Сурт и их орды напускаются на миры богов и смертных³¹. Земля качается, солнце меркнет, падают звезды, огонь охватывает сам космос и обвивает Жизнь держателя (Иггдрасиль)³². После катаклизма начинается новый цикл: «Другая земля от моря / снова зеленеет». Бальдр возвращается в качестве главного Бога нового цикла. Это несет новый Золотой Век достоинства, радости и спокойствия «на протяжении многих веков»³³.

Золотой Век

В противовес линейному взгляду на историю, традиционалисты считают, что человечество пало относительно Золотого Века, а не развилось из примитивного состояния. Изначальное состояние человечества метафизически эквивалентно шпенглеровскому весеннему

27) Voluspa v. 33–60.

28) Voluspa, v. 46.

29) Voluspa v. 47.

30) Voluspa 48. Иггдрасиль, Мировое Древо, – это космическая ось, представляющая собой особенность традиционной религиозной веры и социального уклада, что соответствует ведической асватха и германской «Мировой Колонне», Ирминсул. Эта космическая ось также иногда принимает форму столпа или колеса, включая мотив Солнечного Колеса. Например, символ отображен в виде колеса на флаге Индии.

31) Voluspa, v. 50.

32) Voluspa, v. 59.

33) Voluspa, v. 66.

циклу цивилизации.

Согласно традиционализму, всё началось с Золотого Века, вслед за ним наступили постепенная стагнация и спад, а затем произошел возврат к хаосу, поскольку связь между человеком и Божественным оказалась прерванной. Характерное отображение этого воззрения обнаруживается в мифе об Адаме и Еве, где представлено первичное человеческое совершенство и падение из этого состояния, по сути разрыв связи между идеальным человечеством и Божественным³⁴. Иисус именно в этом традиционалистском контексте может рассматриваться как Герой, приносящий себя в жертву, чтобы восстановить связь между человеком и Богом. Он также стоит во главе армии, воинственно побеждает врагов в конце декадентского цикла, который соответствует Кали-Йуге, Волчьим суткам и т.д.³⁵

Изначальный Золотой Век в индуизме называется Сатья-Йуга (Сатья = Бытие), в латинской религии начало Золотому Веку полагал Сатурн. В Египте первый Цикл, Цеп Тети, был Золотым Веком, во времена которого правила династия Богов. Золотые Века традиционных культур – это времена, когда человечество было единым с Богами, поддерживаемое исполнением обрядов, и подкрепленное кастами воинов³⁶ под управлением священников-царей³⁷. Цивилизация Майя ссылается на свой Золотой Век, как на время больших знаний, которые, как и многие другие, были утрачены, как и возможность, в том числе, «измерять площадь земли»³⁸.

Эвола, объясняя всеобщий упадок, ставил вопросы: «как высшее может произойти от низшего, большее от меньшего?»³⁹

Согласно платоновскому диалогу, имевшему место между Солоном и египетскими жрецами, последние заявляли:

34) Genesis, 2–3.

35) Revelation, 19:11–15.

36) Например, кшатри в ведические времена.

37) «Божественное право королей» западной цивилизации в ее «осеннем» цикле было деградированной формой изначального Бога-Царя культуры Весны. Эквиваленты других традиционных культур включают фараонов Египта, господствующую касту Инков перуанской цивилизации и императорскую династию Японии. Современные «конституционные монархии» – это деградировавшая форма зимнего цикла цивилизации, лишённого сакрального содержания, в то время как само понятие «президент» в наибольшей степени есть воплощение упадка.

38) Popul Vuh, 168.

39) Evola, 1938, op.cit.

«Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!» «Почему ты так говоришь?» – спросил Солон. «Все вы юны умом, – ответил тот, – ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени. Причина же тому вот какая. Уже были и еще будут многократные и различные случаи гибели людей, и притом самые страшные – из-за огня и воды, а другие, менее значительные, – из-за тысяч других бедствий».

Приливы и отливы Истории

Шпенглер, применив традиционалистский подход вкупе с эмпирическими доказательствами, обратился к западной общественности следующим образом:

«Вместо пустой выдумки о ЕДИНОЙ линейной истории, я вижу... драму множества мощных культур, каждая из которых имеет свою собственную жизнь, свою собственную смерть... Каждая культура имеет свои собственные новые возможности для самовыражения, которые возникают, зреют и приходят в упадок, и никогда не возвращаются... Я вижу всемирную историю как картину бесконечных образований и преобразований, удивительное увеличение и затухание органических форм... Профессиональный историк, с другой стороны, видит ее, как своего рода паразита, старательно прибавляющего к себе одну эпоху за другой»⁴⁰.

Хотя каждая цивилизация обладает только ей присущими характеристиками, своими собственными формами искусства, архитектуры и математики, у любой из них имеются одинаковые циклы рождения, расцвета, упадка и смерти. Таким образом, в контексте циклической парадигмы, нет ничего уникального в упадке нынешнего общества. Также нет ничего «нового», или «прогрессивного», в определенных движениях, таких, как коммунизм, капитализм, методы банковского дела, контроль за рождаемостью, феминизм, доктрины равенства, скептицизм, сциентизм, атеизм, материализм, разложение семьи и брака и т.д. Они находят воплощение во времена заката цивилизационного цикла.

Определяя Кали-Йугу, индуистский текст «Вишну-Пурана» описывает положение, которое могло бы быть также обозначено и современным

40) Spengler; op.cit., vol. 1, pp. 21–22.

критиком западного «современного» общества:

«Богатство (внутреннее) и благочестие (в согласии с дхармой) будут уменьшаться с каждым днем, пока весь мир не станет полностью порочным. Тогда собственность сама себе дарует титул; материальное богатство будет единственным источником преданности; страсть будет единственной связью между полами; ложь будет единственным средством достижения успеха в судебном процессе».

«Земля будет почитаться из-за своих минеральных сокровищ».

«Тот, кто распределяет много денег, будет хозяином людей, а семейное происхождение больше не будет главным преимуществом».

«Люди будут укреплять свою жажду богатства, пусть и нечестно приобретенного»⁴¹.

Этот пример из древних ведических текстов указывает на пророческую ценность традиционалистского подхода к истории.

«Откровение святого Иоанна» содержит аналогичное изложение конца цикла всемирной цивилизации, которая в нашем контексте может рассматриваться как «западная». В качестве аналогии бывшей павшей цивилизации фигура Вавилонской блудницы призвана описать мировую систему, которая накопила большую власть и богатство, которая лишена духовной взаимосвязи, и которая находится в агонии коллапса. «Откровение святого Иоанна» (18) находится в рамках традиционалистского циклического подхода к истории: «Пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птицы». Пророк заявляет, что будущая мировая цивилизация, которую он видит – цивилизация, основанная на богатстве и власти, является духовным и моральным банкротом. Это конечный цикл цивилизации, когда внешний блеск, богатство, избыток и гедонизм преобладают. Интересно отметить, что Иоанн использует аналогию падения предыдущей цивилизации – Вавилона – что ставит его в ряд ранних и очень пронизательных культурных морфологов.

Иоанн видит эту позднюю цивилизацию в качестве мировой державы. Цивилизации, как их описывали и Тойнби⁴², и Шпенглер, как

41) Evola (1969), op.cit., 367–369.

42) Arnold Toynbee, A Study of History, (London: Oxford Uni. Press, 1954).

правило, заканчивают последним «ура» всеобъемлющей империи, внешним проявлением технической мощи, но без внутренней формы. Современные политические обозреватели сегодня могут видеть, что эта мировая империя проявляется в США, в частности, заявивших о своей «войне с терроризмом» в контексте «столкновения цивилизаций», с собой в качестве лидера «Запада». Что этот конечный цикл находится в фазе мировой всеобъемлющей империи, свидетельствует «Откровение» Иоанна, когда он говорит: «ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные любодествовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее»⁴³. Здесь Иоанн видит эту последнюю мировую империю в качестве получателя дани со всех, или большинства, других стран («царей»), и как основу мировой финансовой и экономической системы («земных купцов»). Узы, на которых базируется эта цивилизация, основаны на деньгах, а не на Божественном.

Итак, еще одна параллель к уже цитированным нами традиционалистским отрывкам, от индуистских до хопи, и к нашим неотрадиционалистским историкам – Шпенглеру и Эвола.

В соответствии с традиционалистским мировоззрением, откровение Иоанна освещает распад, упадок и гибель этой безбожной империи, с язвами, смертью и плачем, «полностью сожженной», с «земными царями», которые заискивали перед этой империей и оплакивают ее конец вместе с купцами⁴⁴. Иоанн также напоминает нам, вместе с традиционалистскими пророками и историками, что в основании этой неовавилонской цивилизации, в конечном цикле ее разложения, лежит торговля. Купцы оплакивают ее гибель, потому что торговля больше не будет осуществляться в золоте, серебре и драгоценных металлах, как символах декадентского достатка⁴⁵.

Иоанн в «Откровении» последовательно излагает циклический процесс, в котором он видит появление на руинах мертвой империи новой цивилизации, которая восстанавливает связь с Божественным. Рагнарёк скандинавской традиции, как и другие традиции, говорит о новом распределении и земного и небесного, о котором также гласит откровение Иоанна: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо преж-

43) Rev. 18:3.

44) Rev., 18:8–10.

45) Rev., 18:12.

нее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет»⁴⁶.

Исламская цивилизация имела своего собственного Шпенглера, ученого с удивительным видением, который искал причины истории и улавливал циклические приливы и отливы. Ибн Хальдун (1332–1406) столкнулся со стоявшими перед исламской цивилизацией проблемами, подобными тем, что впоследствии и Шпенглер относительно Запада. Знаменитый ученый, политический консультант и юрист – сфера влияния Ибн Хальдуна распространилась на весь исламский мир. Его основная теоритическая работа «Мукаддима» задумана как предисловие к его всемирной истории, «Китаб-аль-Ибар», где он пытался установить основные принципы истории, по которым историки могли бы понять события. Его теория циклична, основана на «условиях внутри народов и рас, изменяющихся со сменой периодов и с течением времени»⁴⁷.

Как и Эвола, он был пессимистически настроен относительно того, что может быть достигнуто путем политических действий в цикле упадка, писал, что «прошлое напоминает будущее больше, чем одна капля воды другую»⁴⁸. История может быть понята в качестве повторения сходных моделей мотивации и жажды обладания группами лиц, обществами, царской властью, при создании цивилизации, за которой следует цикл распада, когда эти желания становятся извращенными и приводят к разлагающим факторам роскоши и господства, безответственности власти и деградации. Хальдун возводит начало культуры к общине или семье, основывавшихся на простой жизни в деревнях и пустынях, так же, как Шпенглер указывал на крестьянство и его глубинную привязанность к земле как источник культурного здоровья, которое оказалось подорванным ростом торговли и Города. Изоляция и семейные узы ведут к самостоятельности, лояльности и лидерству на основании всеобщего уважения. Жизнь есть борьба, а не роскошь. Когда правление становится централизованным и оторванным от такого сродства и этоса, свободное царствование предоставляется роскоши и пустому времяпровождению, и, как писал Шпенглер, «денежным желаниям» в такие «поздние» периоды. Политические союзы куплены и подвластны интригам, а не базируются на первичных связях и преданности. Коррупция распространяется, когда требования роскоши

46) Rev., 21:1.

47) Ibn Khaldun, *The Muqaddimah*, trans. Franz Rosenthal, ed. N.J. Dawood, (Princeton, 1969), 24.

48) *Ibid.*, 12.

растут. Декаданс, как писал в том числе и Эвола, начинается сверху – с правящего класса, и распространяется вниз, пока этос культуры не оказывается отброшенным или, по крайней мере, существующим только в названии (Ибн Хальдун, 366).

Заключение

Всё шире – круг за кругом – ходит сокол,
Не слыша, как его сокольник кличет;
Всё рушится, основа расшаталась,
Мир захлестнули волны беззаконья (Цитируется в переводе Г. Кружкова).

У.Б. Йейтс, «Второе Пришествие»⁴⁹

Что касается современного традиционалиста, использующего предикативную технику циклической истории и держащего в поле зрения дхармический долг, приведенный в качестве примера в Бхагавад-Гите и других традиционалистских текстах, то такая личность становится в центре обновления нового цикла после смерти старого.

«Вишну-Пурана» констатирует, что в темное время Кали-Йуги, когда божественный закон всеми забыт, он будет пробужден. «Люди, которые так изменятся в сторону добродетели данного уникального времени, должны быть семенами (новых) человеческих существ, и дадут рождение расе, которая будет следовать законам... эпохи чистоты»⁵⁰.

Относительно нашего времени, вопросы самого первостепенного для традиционалиста значения задает «Американская Империя».

Вот, что католический консервативный обозреватель Джо Собран, публикующийся сразу в нескольких газетах, заявил о мировом влиянии Америки:

«Антиамериканизм – уже не просто увлечение марксистских студентов, это глубокая реакция традиционных обществ против коррумпированной и развращающей модернизации, которая навязывается им насилием и оболыщением. Само слово “ценности” подра-

49) В этом стихотворении, написанном в 1921 г., Йейтс представляет апокалиптическое видение конца западной цивилизации в связи с отсутствием центральной оси (часто упоминаемой Эволой как основа Высокой Культуры) и утратой народной памяти, архетипа культуры.

50) Evola (1969), op.cit. 369.

зумекает всю современную культуру моральной похоти, в которой добро и зло – вопрос личных предпочтений, а содомию и аборт можно рассматривать как “права”. Столкнувшись с сегодняшней Америкой, христианский араб обнаруживает в себе неожиданную симпатию к своему мусульманскому оппоненту⁵¹».

Данные замечания не являются только лишь теоретическими. Американские правящие и руководящие круги осознают свою историческую роль, антитрадиционалистскую, действительно революционную природу США в экспорте того, что составляет неотроцкистскую «глобальную демократическую революцию»⁵². Майор Ральф Питерс, который стал основным комментатором и аналитиком американской внешней и военной политики, в газете Военного колледжа армии США заявил, что де-факто ролью армии является сохранение мира «открытым для нашего культурного штурма». Он говорит об информации как «наиболее дестабилизирующем факторе нашего времени». Он называет это «Американским веком», в котором США станут «культурно более смертоносны». Он говорит о «столкновении цивилизаций». Развлечения, СМИ и интернет являются основой для разрушения традиционных религий, высмеиваемых им как «фундаментализм», который не в состоянии «контролировать свои порождения». «Голливуд идет туда, куда никогда не проникнул Гарвард, и иностранец, не имея возможности прикоснуться к реальной Америке, взволнован безответственными фантазиями Америки о себе... Билл Гейтс, Стивен Спилберг и Мадонна заменяют “традиционные интеллектуальные элиты”». «Наша культурная империя имеет зависимых от нее мужчин и женщин во всем мире, которые требуют всё больше и больше. И они платят за привилегию своим разочарованием». «Если религия есть опиум для народа, видео является его кокаином». «Там не будет мира... Наша военная мощь имеет культурную основу... Наша американская культура является инфекционной чумой удовольствия... А Голливудом готовится поле боя, и гамбургеры предшествуют пулям... Что может быть более угрожающим для традиционных культур?»⁵³

51) Joseph Sobran, 'Why?', SOBRAN'S – The Real News of the Month, November 2001, Volume 8, No. 11.

52) K.R. Bolton, Revolution From Above – Manufacturing Dissent in the New World Order (Paraparauumu, New Zealand: Renaissance Press, 2010).

53) Ralph Peters, 'Constant Conflict', Parameters, Summer 1997, 4–14. <http://www.usamhi.army.mil/USAWC/Parameters/97summer/peters.htm> (Accessed 7 March 2010).

О. Фомин

ТЕРНЕРНАЯ МОДЕЛЬ И СИМВОЛЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

На сегодняшний день мы имеем целый ряд исследований по священной триаде и ее символизму. Однако собранные в них и компаративно представленные материалы, как это не покажется странным, плохо структурированы и схематизированы. Исследователи зачастую, сталкиваясь с тернерами в различных традициях, делают вывод о их тождестве, на одном лишь основании, что это тернеры. Особенно часто этим грешат оккультисты, проводя, например, аналогию между христианской Троицей и дальневосточной Великой Тριάдой или индуистской тримурти Брахма – Вишну – Шива. Но уже при первом приближении непредвзятому исследователю становится ясным, что здесь по меньшей мере может идти речь лишь об аналогии соотношения членов тернера при несоответствии членов одного тернера членам другого. А при более внимательном рассмотрении обнаруживается и то, что даже такая «аналогия соотношения» на самом деле мнимая. Рене Генон в своей специальной работе «Великая Триада»¹, посвященной дальневосточной метафизике, показывает, что отношения в тернере могут быть различными. Из первого элемента тернера могут исходить второй и третий (восточное христианство). Первый и второй элементы могут порождать третий (даосизм). Наконец (случай, рассматриваемый Геноном в других работах), элементы тернера могут иерархически и последовательно исходить один из другого (католицизм, где Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына – то есть *filioque*).

1) Генон Рене. Великая Триада // «Волшебная гора», № III. – М.: РИЦ «Пилигрим», 1995. С. 208.

Кроме того, тернеры используются в различных традициях не только в узко теологическом значении, то есть, собственно, для обозначения членов божественной триады, но и применительно к космологии (небо – земля – преисподняя), антропологии (дух – душа – тело), социальной стратификации (жрецы – воины – труженики) и т.д. В традиции нет ни одной сферы, где так или иначе не присутствовали бы тернеры. Последние могут аналогически соответствовать или не соответствовать друг другу, взаимопроникать, контаминировать, пересекаться, частично накладываться и т.п. Это обстоятельство дает повод к отдельному их рассмотрению. Имеет смысл упорядочить тернеры типологически, привести их в систему.

Помимо двух основных типов тернеров, приводимых Геноном в «Великой Триаде», здесь можно также выявить пять их видов, расположенных относительно друг друга иерархически. Условно обозначим их следующим образом:

1. Социальный тернер
2. Тернер миссии
3. Полуманифестированный тернер
4. Функционально-теологический тернер
5. Метафизический тернер

Своей задачей на данном этапе мы полагаем показать, как на различных по степени проявленности, иерархически расположенных уровнях проявляется один и тот же принцип троичности, онтологически распознаваемый как субординация и, в то же время, единство сущности, субстанции и формы, посредующей им.

§1. Социальный тернер

В структуре традиционных обществ выявляются четыре основные страты. И поскольку в индуизме они даны наиболее универсально, будучи в максимальной степени по сравнению с другими традициями структурно-типологически соотносенными с теми или иными мифологическими комплексами и представленными символически, на основании чего, например, Скотт Литтлтон в своем предисловии к книге Дюмезиля «Боги древних скандинавов» сказал, что три сословия средневековой Европы «подозрительно похожи на три индоевропейских

функции», то имеет смысл обратиться именно к индуизму. Так называемые варны в традиционном индуистском обществе составляют понятие далеко не тождественное кастам, последние явились лишь в качестве достаточно поздней усложненной модификации и спецификации первых. Число варн ограничено (четыре). Число каст же очень велико. Это продукт распада традиционного общества. Само «кастообразование», как нам видится, имело своей основой бытование варн в окказиональных, исторических условиях. Его результатом стало появление страт-подгрупп, приспособленных под реальные социальные условия в связи с развитием общества. Варновая стратификация была крайне проста и включала в себя изначально три основных члена: брахманы (жрецы), кшатрии (воины-цари) и вайшьи (труженники, скотоводы, земледельцы), позже к этому тернеру, в результате южных завоеваний, прибавился еще один член – шудры (рабочие). На эту тему существует обширнейший пласт специальной литературы, нам остается лишь сослаться на некоторые, наиболее общие и важные, из такого рода источников.

Жорж Дюмезиль в своей фундаментальной (по глубине предложенного анализа структурности божественного тернера индо-иранского ареала) работе «Верховные боги индоевропейцев»² указал на то, что не социальная стратификация была причиной трехфункциональной теологии, а наоборот, миф определял расслоение общества: «...три функции в разных точках индо-иранского ареала привели к реальному или идеальному разделению членов общества на жрецов, воинов и производителей материальных благ»³. Дюмезиль производит дистинкцию трех божеств в их связи с социальными функциями: Митра-Варуна – брахманы, Индра – кшатрии, Насатьи (или Ашвины) – вайшьи. Однако не преминем привести по этому поводу корректирующее мнение Генона, в «Царе Мира» указывавшего⁴, что, строго говоря, ни сами божества, ни их «полупроявленные субституты» (о них речь пойдет далее) не являются брахманами, кшатриями или вайшьями, они лишь формообразующие принципы, на основе которых возникает социальная стратификация в традиционном обществе. Важно и то, что Дюмезиль говорит о соотношенности членов трехфункциональной теологии с другими сакральными тернерами: «...непосредственно ли или через варны, но ученые нередко сопоставляли структуру трех функций с другими

2) Дюмезиль Жорж. Верховные боги индоевропейцев. – М., 1986.

3) Цит. соч. С. 25.

4) Генон Рене. Царь Мира. – Коломна: Культурный центр «Лига», 1993.

триадами, разными по значению и происхождению (ничто в мире не распространено так, как троичность), что сообщало им более или менее трехфункциональную окраску: например, тройное членение мира по вертикали (небо, атмосфера, земля); система трех “шнуров”, гуна, из которых соткано всё (sattva, rajas, tamas); иерархия нравственных ценностей (dharma, artha, kāma); теория священных огней (огонь хозяина дома, огонь для защиты, огонь для жертвоприношений); основные цвета (белый, красный, черный) и т.д.»⁵. А.Я. Гуревич в работе «Эдда» и сага»⁶, основываясь на трехфункциональной теологии, представленной у Дюмезиля, разрабатывает соответствия ее членам в скандинавской традиции.

У Генона, посвятившего целый ряд исследований рассмотрению вопроса об использовании тернеров в традиционных обществах, есть также и специальная работа о соотношении «брахманов» и «кшатриев» (понятия, заимствованные из индуизма, берутся им типологически) – это работа «Духовное владычество и мирская власть»⁷, где он выделяет, опять-таки типологически, такое явление, как «восстание кшатриев против брахманов». Эвола, ученик Генона, также рассматривал это соотношение⁸, однако вступал со своим учителем в полемику, обосновывая, с точки зрения манифестационистских представлений, права «кшатриев» на доминацию. Основа спора Эволы с Геноном кроется в том же, что заставило недоумевать и Дюмезиля. Дело в том, что традиционная символика действительно выдвигает на первый план принцип «брахманства», то принцип «кшатрийства» и, в зависимости от каждого конкретного случая, мы постоянно будем иметь «войну символов». Если бы мы стали разбирать все подобные символы, это сильно увело бы нас в сторону. Но отметим по крайней мере два обстоятельства.

Во-первых, отношение к «царству» и «священству» и мнение о превосходстве того или иного над другим отчасти имеет основание в великом религиозном индо-иранском расколе. Для индусов, разумеется, брахманы выше кшатриев, но для иранцев «кшатрии», а точнее, цари или, если уж быть совсем точными, Царь – наделяется особой функцией, он

5) Дюмезиль Жорж. Верховные боги индоевропейцев. – М., 1986. С. 29.

6) Гуревич А.Я. “Эдда” и сага. – М.: Наука, 1979.

7) Генон Рене. Духовное владычество и мирская власть // «Волшебная гора», №№ VI–VII. – М.: РИЦ «Пилигрим», 1998–1999.

8) См. напр. пусть и чрезмерно идеологизированную, но по крайней мере хорошо освещающую вопрос работу: Эвола Джулио. Языческий империализм. – М.: Арктогея, 1991.

носитель особой «энергии» – хварено. Обладание хварено «поднимает» Царя над всеми прочими подданными. И констатация этого факта в рамках традиционного общества позволяет признать с традиционной точки зрения воинство (царское воинство) как социально превосходное в целом. Во-вторых, важно то обстоятельство, на которое обращает внимание Дюмезиль⁹. А именно: Варуна, соответствующий «кшатрийскому принципу», старше Митры, соответствующего «брахманскому принципу». При этом Митра – «задумывающий» (abhighantar), а Варуна – «исполняющий» (kartar). Дюмезиль сопоставляет Митру и Варуну с Пурушей и Праkritи санкхьи, Брахмой и Майей веданты, то есть с принципями «абсолютной сущности» и «абсолютной субстанции». Варуна традиционно соотносится с водой, с «планетарными водяными массами»¹⁰. Но как же тогда это согласуется с тем, что он «выше» или «старше»? Однако если вспомнить то, о чем мы неоднократно уже говорили в связи с манифестационистской метафизикой и онтологией относительно «непрерывного круга» в иерархии сущностей, субстанций и форм¹¹, то этот вопрос сразу же снимается. Варуна находится «за» Митрой, стоящим выше других богов, а находясь «за», он оказывается «ниже» применительно к «срединному миру», то есть миру человеческого, откуда и взирает интеллигибельный «взгляд» наблюдателя. Однако если этот вопрос проясняется таким образом, то как это согласовать с «проекцией» трехфункциональной теологии на социальную стратификацию традиционного общества? Ведь «кшатрийство» не только не может быть выше «брахманства», но оно также не может быть ниже «принципа вайшья» и «принципа шудры». Это действительно так. Однако здесь в силу вступает новое обстоятельство, по видимости, неизвестное ни Дюмезилу, ни Эволе. Генон о нем знал, но по какой-то причине не считал возможным применять его относительно социальной сферы, полагая, что речь здесь идет о «чисто метафизическом принципе», о «непроявленном». Мы имеем в виду содержащееся в «Хамса-упанишаде»¹² и «Бхагавата-пуране»¹³ указание на хамса – буквально: гусь. Так именовалось (мы бы сказали «трансцендентное»), если бы трансцендентализм, в самом общем смысле этого слова, не был

9) Дюмезиль Жорж. Верховные боги индоевропейцев. – М., 1986. С. 53–57.

10) Цит. соч. С. 55.

11) См., например, взятое у нас для философской энциклопедии интервью: Фомин О.В. Русский поиск философского камня // В кн.: Кто сегодня делает философию в России. Т. 1. – М.: Поколение, 2007. С. 341–342.

12) Это шрути содержится в каноне «Муктика». Имеются только сетевые переводы.

13) Принято датировать IX–X вв. Имеются только сетевые переводы.

глубоко чужд изначальным манифестационистским, имманентистским представлениям) существо, «поднявшееся над проявленным», объединившее в себе качества всех прочих четырех варн, как центр объединяет два перпендикуляра с четырьмя крайними точками. Эта «варна» находится вне «проявленных» варн и объединяет в себе, прежде всего, принцип «священства» и принцип «царства». В «Бхагавата-пуране» говорится о том, что все люди изначально были хамса и были равно способны к любому занятию. Статус хамса можно типологически сравнить со статусом изначального безгрешного Адама, у которого не изъято ребро, Адама-Андрогина, стоящего выше любых внешних разделений. В алхимии обретение такого статуса означает Малым Магистерием. Если вспомнить то, что Генон писал о принципах традиционной застройки и традиционного поселения индо-европейцев по четырем сторонам света согласно варнам¹⁴, то хамса здесь является недостающим, центральным элементом. В связи с этим можно привести в пример миф, легший в основу шиваитского праздника Шива-ратри, на котором нам несколько лет назад довелось присутствовать в качестве стороннего наблюдателя. В шиваитских общинах во время проведения ритуалов практикуется переоблачение из красных одеяний в одеяния черные, и из черных – в красные. Зачастую, если верхнее облачение красного цвета, то нижнее – черного, и наоборот. Красный и черный цвета традиционно (во всяком случае в индуизме) рассматриваются в качестве полярных по отношению друг ко другу (между ними белый, как цвет проявленного). Но эта полярность не контрарна, а скорее, комплементарна. Во всяком случае, с IX–X вв., что фиксируют упомянутые тексты, изначальному золотому хамса стал меняться белый цвет, символизирующий проявленное. Небезлюбопытно в связи с этим упомянуть традиционную русскую скоморошью игру, представлявшую собой по крайней мере интересный психический феномен, когда, в результате определенных операций, всякий, кто притрагивался к несущему золотого гуся скомороху, «приклеивался» к последнему и не мог от него оторваться. В результате образовывалась целая вереница «приклеившихся», у некоторых из них налицо истерическая реакция и т.п.¹⁵ Небезынтересна также ссылка Эжена Канселье, исследовавшего герметическую символику и философскую практику, на «благородную

14) Генон Рене. Символы священной науки. – М.: Беловодье, 1997. Глава «Зодиак и стороны света».

15) По материалам проекта «Тропа Троянова». Записано со слов народного мастера России, хранителя музея Традиции Владимира Теплышева, посещавшего открытые практические семинары руководителя «Тропы Трояновой» Алексея Андреева (Александра Шевцова). См. тж.: Андреев А. Очерки русской этнопсихологии. – СПб.: Тропа Троянова, 2000.

игру в гусыню»¹⁶. Мифологическая основа Шива-ратри такова: Брахме и Вишну явился огненный столп (Шива); они решили исследовать, где его начало и где конец; для этого Брахма обратился в белого гуся (обычно переводят «лебедя», но лебедей традиционная Индия не знала), а Вишну – в веоря; гусь полетел вверх, а веоря помчался вниз; в своем полете гусь повстречал листок кетаки, падавший вниз, и листок сказал Брахме, что он падает с самой вершины огненного столпа; Брахма, удовлетворенный таким ответом, полетел обратно; там он встретил Вишну, сказавшего, что конца этому огненному столпу нет; а Брахма, поверивший листку кетаки, сказал, что он, в общем-то, нашел начало огненного столпа; но листок кетаки обманул Брахму; Шива (огненный столп) расплатился за это с Брахмой, отрубив ему пятую голову¹⁷. Прямую аналогию этому мифу, что доказывает его универсальность, мы находим в совершенно несвязанном с индо-иранским миром ареале, а именно: в Северной Америке. Ворон-трикстер из мифов североамериканских индейцев-хайда¹⁸ (соответствующий индо-европейскому гоголю-нырку, сотворившему сушу на море) побывал на небе, где находилось пять¹⁹ деревень, в первой (центральной?) из которых дочь вождя только что родила ребенка; ворон срывает с ребенка и надевает его кожу; после ряда плохо поддающихся внятному пересказу манипуляций ворона происходит следующее: жители четырех из пяти деревень лишаются одного глаза. Усекновение пятой, как мы полагаем, «центральной», головы Брахмы символически указывает на статус ее «непроявленности». Кривота жителей четырех из пяти деревень в североамериканском мифе явление того же порядка, что и односторонность Одина, совмещающего царскую и жреческую функции, то есть типологически он хамса. Его спутники – веоря вороны Хугин и Мунир –

16) «Le Jeu de l'Oie» – популярная во Франции со времен Средневековья игра, представляющая собой поле с расположенными последовательно клетками, содержащими расклады, по которым в зависимости от результатов выброса костей передвигаются фишки участников игры. О герметическом значении ее раскладов см.: Канселье Эжен. Алхимия. – М.: Энигма, 2001. С. 65.

17) По материалам московской тантра-сангхи, руководимой гуру Садашива-ачарьей. Записано со слов переводчика классических индуистских текстов Олега Ерченкова. См. тж.: Ерченков О.Н. Герменевтика образа хамсы как символа трансперсонального опыта // «Бронзовый Век», № 24. – М.: Бронзовый Век, 2006.

18) Их приводит в своей книге о трикстере, сопровождаемой комментариями К.Г. Юнга и К.К. Керены Пол Радин: Радин Пол. Трикстер. Исследование мифов северо-американских индейцев. – СПб.: Евразия, 1999.

19) Небезлюбопытно то обстоятельство, что по-арабски хамса означает пять. Возможно, здесь мы имеем дело с заимствованием из персидского (индоевропейского) языка, а не с собственным арабским словом. Но тем паче мы должны обратить внимание на такое соответствие, утраченное, исходя из этой версии, в индоевропейских языках, но сохранившееся в этом культурном ареале.

еще один мотив, подтверждающий типологическое родство с универсальным мифом, восходящим в своей первоначальной структуре, по всей видимости, ко временам той или иной доиндоевропейской общности. Ворон вообще может в ряде случаев рассматриваться как иероглифический субститут гуся. В алхимии, например, ворон и гусь представляют собой иероглифы различных состояний одного и того же вещества или, если угодно, существа (поскольку с точки зрения герметики Камень – живой). Но обратим внимание вот на что. Если гусь соответствует хамса, хотя в случае приведенного мифа хамса соответствует не Брахме, а как раз Шиве, и это-то обстоятельство мы и имели в виду, когда говорили об «интерполяциях», то чему тогда будет соответствовать веоря и каким «бестиарным иероглифом» будет обозначен третий элемент триады, обозначаемый в данном случае «огненным столпом»? У Генона в «Символах священной науки»²⁰ находим оппозицию и, соответственно, комплиментарность веоря и медведя (точнее, медведицы). Изначально полярное созвездие именовалось у кельтов созвездием Белого Кабана (Веоря) и лишь впоследствии получило привычное сегодня имя Большой Медведицы. По поводу соотношения брахманов с веорем, а кшатриев с медведем написано много, тема хорошо разработана²¹. Разумеется, ни в одном сакральном тексте мы не найдем прямых соотношений тех или иных «сословий» с бестиарными фигурами. (Вероятно, эта иероглифика гораздо древнее письменной культуры. И на момент возникновения последней бестиарные иероглифы уже, скорее всего, бытовали в форме пережитков.) Но косвенных существует столько, что они с лихвой окупают недостаток прямых²². Упомянем здесь лишь то обстоятельство, согласно которому друид Мерлин (брахман) превращается в веоря, а король (точнее, царь) Артур (кшатрий) – в медведя²³. Также, в связи с древнерусской эпической традицией, отметим, что в былинке «Иван Годинович» из сборника Кириши Данилова последовательно названы три зверя: «По той по порохе, по белу снегу // и лежат три следа звериных: // первой след –

20) Генон Рене. Символы священной науки. – М.: Беловодье, 1997. Глава «Веоря и Медведица». С. 189.

21) См. напр.: Генон Рене. Ук. соч. Мутти Клаудио. Полярный Эльбрус // «Элементы», № 6. – М., 2000. Широкова Н.С. Царская (королевская) власть и её символика у древних кельтов. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5–7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. – СПб., 2001.

22) Все они тщательно собраны и откомментированы Н.С. Широковой: Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. – СПб.: Евразия, 2000.

23) О соотношении веорей с жрецами (друидами), а медведей с воинами, аристократами, писали, помимо Генона, тж.: Le Roux F, Guyonvarc'h Ch. Les Druides. – Ouest-France, 1986.

гнедова тура, // а другой след – лютова зверя, // а третьей след – дикова вебря», причем Иван Гоудинович, посылая за каждым зверем по сто челонок из своей дружины, велит «изымать ево бережно – // без той раны кровавья»²⁴. Эвфемизм «лютый зверь» вероятней всего обозначает именно медведя, чье настоящее имя аркуда²⁵ (ср. с греч. arctos, лат. ursus, кельт. arth, санскр. arkshas) было табуированным у русов. Как мы уже видели, существует зафиксированное соотношение: гусь-хамса (хамса собственно и значит гусь на санскрите). Но хамса – не варна, хамса выше варнового разделения, точно так же, как «неприкасаемый», чандала (собака²⁶) – ниже. Справедливо остается вопрос: чему соответствуют варны вайшьев и шудр? И этот вопрос, к сожалению, нигде до сих пор не освещен. Мы лишь крайне гипотетически, основываясь на очень косвенных указаниях сравнительной мифологии, этнонимии, а также применении бестиарной символики в позднейшем изобразительном искусстве, можем предположить, что третья варна (вайшья) соотносилась с фигурой быка, точнее, «тура», то есть быка дикого. Но это всего лишь мнение, которое при ближайшем рассмотрении может оказаться ложным. Марр, очевидно отталкиваясь от теории английских антропологов, подразумевающей прохождение всеми народами одинаковых этапов развития, полагал, что за этнонимами скрываются тотемы²⁷. Но мы, вслед за возражавшим Марру Ковалевским, готовы скорее согласиться с тем, что «тотемизм не всеобщее явление». Во всяком случае бестиарные иероглифы варн не являются тотемами. Скорее, здесь следовало бы говорить о териолатрии, то есть воззрении, согласно которому тот или иной вид животных является «временной оболочкой божества». Однако териолатрия вовсе не тождественна и анимализму в целом, выступая всего лишь его элементом, способным в таком виде входить в «полноценную» традицию – с развитой антропоморфной мифологией и т.д. Итак, мы имеем следующие обозначения для варн, «сословий» в самом широком смысле слова, применительно к изначальной индоевропейской общности:

24) Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Под редакцией А.А. Горелова. – СПб.: Трота Троянова, 2000. С. 142–143.

25) Хотя существует вероятность, что это слово представляет собой искаженное греческое arctos.

26) По законам Ману, собаки и ослы – единственное имущество, которое может быть у чандала. Также в индуистских классических текстах чандала постоянно именуется собакоедом.

27) Марр Н.Я. К вопросу о происхождении племенных названий этрусски и пеласги // Зап.-вост. отд. Рус. археолог. об-ва. Т. XXV (1917–1920). – Пб., 1921. С. 301–306. Или: Марр Н.Я. Из переживаний доисторического населения Европы племенных или классовых в русской речи и топонимике // Избранные работы. Т. V. Этно- и глоттогония Восточной Европы. – М., – Л., 1935. С. 310–322.

а) гусь – хамса, «выше» варн. (Субститут гуся – лебедь. Отсюда «гуси-лебеди» русских сказок.)

б) вебрь – брахман, жрец, 1 варна.

в) медведь – кшатрий, воин, царь, 2 варна. (Субститут медведя – лев.)

г) бык? – вайшья, труженик, ремесленник, торговец, 3 варна.

д) ? – шудра, рабочий, 4 варна.

е) собака – чандала, «ниже» варн.

В процессе исторической динамики этот бестиарий мог претерпевать значительные изменения: отдельные фигуры могли замещаться, с одной стороны, перетекать друг в друга иероглифически (относительно «сословия» менялась сама бестиарная фигура), с другой стороны, происходила фонетическая диффузия и ротация (имя одного «сословия» переносилось на другое в силу смены занятий того или иного «социального класса»), эти процессы также могли контаминировать друг с другом, входить в соприкосновение с процессами образования этнонимии (имя «сословия» переносилось на этнос, и наоборот) и т.д. В конце первого – первых трех четвертях второго тысячелетия по Р.Х. в Европе (в том числе и Восточной) мы застаем эти процессы уже на спаде. Некую аналогию, хотя и слишком приближительную, в силу меньшей полиэтничности региона, мы можем усмотреть в распаде варн и образовании каст в Индии. Более подробно мы обращаемся к этому вопросу в нашей работе «Священная Артания»²⁸. Здесь же укажем только на то обстоятельство, что расстановка приоритетности тех или иных «сословий» в указанное время в Западной Евразии сильно меняется. Возникают новые бестиарные фигуры, привязанные к социальной сфере (змеи, волк, сокол, конь или кобыла, кошка), про которые уже нельзя с полной определенностью сказать, являются ли они иероглифическими обозначениями «сословий» или рода занятий, лежат ли они в основании тотемических или теозооморфических представлений тех народов, что взаимодействовали в этот период и в этом месте с индоевропейцами или же они всего лишь просто родовые имена, «фамилии», если угодно. Этот вопрос крайне запутанный. Еще крайне спорный историк XIX в. Егор Классен²⁹ предполагал, что в ряде случаев за именами на-

28) Фомин О.В. Священная Артания. – М.: Вече, 2005.

29) Классен Егор. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и Славяно-Руссов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. Выпуски 1–3. 1854–1861. – М.: Белые альвы, 1999.

родов, населявших Скифию или Сарматии, согласно античным источникам, скрывались неправильно понятые именованные «сословий» или рода занятий. Однако, как известно, Классен не являлся в полном смысле слова «академическим автором», поэтому даже на те из его наблюдений, что, в противном случае, были бы достойны острого интереса, автоматически распространяются обвинения в «волюнтаризме» и «подгонке вопросов под ответы». Впрочем, эта гипотеза Классена впоследствии нашла многих вполне академических приверженцев среди представителей отечественной исторической науки. До сих пор не смолкают споры о том, являются ли варяги именем этноса, как полагала академическая наука XIX в., или же этим именем, как считал Классен, обозначалось военное сословие самого разного этнического состава. Между прочим, слово варяг с точки зрения сакральной этимологии (или фонетической кабалы) соотносимо с санскритским *varahi* – вепрь, кабан. В англосаксонском эпосе «Беовульф» говорится о том, что у винов-гаутов на шлемах были изображения вепрей-хранителей. Не есть ли это указание на то, что определенная группа с определенным родом занятий модифицировалась, оставив, однако, свою бестиарную фигуру (вепря)? Мы высказываем это лишь как предположение. Но подобных примеров чрезвычайно множество. Так, *bor*, *bear*, *bjorn* (то есть медведь в различных европейских языках) фонетически соотносится с тем же *varahi*, *wara*, английским *boar* или даже русским боров. А немецкое *schwein* и русское свинья соотносимы с английским *swan* (лебедь, выступавший в ряде случаев мифологическим субститутом гуся). В свете последнего кавказский этноним сваны, в совокупности с имеющимся у этого народа преданием о древнем переселении с севера, предстает заслуживающим по крайней мере некоторого внимания. Мифологическим субститутом медведя иногда выступал китоврас (искаженное греч. *κενταυρος*). У Гесиода страж Большой Медведицы в созвездии Волопаса назван кентавром по имени *Αρκτοῦρος*. Н. Кондаков³⁰, описывая Киевский клад, найденный в 1824 г. на «Борисовом взвозе», приводит изображение перстня с китоврасом, у которого на левой руке сидит птица, напоминающая гуся. Вообще мы часто можем видеть прямую связь между конем (кентавр – получеловек-полуконь, полконь или полкан³¹) и медведем, с одной стороны, а также конем и гусем – с дру-

30) Кондаков Н.П. Русскиеклады. Исследование древностей великокняжеского периода. – СПб, 1896. Т. 1. С. 96.

31) Эта фигура крайне непростая, так как в ней представления о китоврасе (получеловеке-полуконе) контаминируют с представлениями о итальянском *Pulicane* (получеловеке-полулусе), более напоминающем древнерусского песьеглава.

гой. Более сложный случай – чисто фонетическое³² – перетекание из туранского *khan* через *kahan* в скандинавское *hakan*, а затем в *konung*, конник, князь (конязь), а оттуда – уже семантически – во французское *shevalier*, испанское *cabaliero* и, в обратном движении, в русское кавалер. Это очень сложный процесс, включающий в себя и произведение от аллоэтонимов, и калькирование, и варваризмы, и всё ту же «народную этимологию», базировавшуюся на представлениях о безусловной связи вещей с их именами, и «подгоняющую» старое мифологическое содержание под историческую конкретику бытования тех или иных имен, имевших другой смысл в тех языках, где они возникли. Впрочем, мы слишком ушли вбок от нашего магистрального пути. Поэтому остановимся на том, что типологически в индоевропейской мифологии применительно к социальной сфере можно произвести дистинкцию трех сакральных членов, которые в силу универсальности индустских символических моделей (по крайней мере в данном случае) могут быть обозначены в его дефинициях:

1. Хамса – гуси – цари-жрецы.
 2. Брахманы – вепри – жрецы.
 3. Кшатрии – медведи – цари, аристократия, воины. (Хотя, в строгом смысле слова, царя, как в ряде случаев «максимально сакральную» или даже «божественную» фигуру, следовало бы отнести к хамса.)
- И если говорить о «проявленном» уровне, то есть собственно о «благородных варнах», то это:
1. Брахманы – вепри – жрецы.
 2. Кшатрии – медведи – цари, князья, воины.
 3. Вайшьи – быки? – труженники, ремесленники, торговцы.

§2. Тернер миссии

Здесь мы отвлечемся от древних индоевропейских мифологических представлений и обратимся к средневековому европейскому христианству, поскольку этот материал в настоящем случае наиболее ярко

32) Мы стараемся избегать определения «ложная этимология», предпочитая пользоваться словосочетанием «народная этимология», поскольку никакая этимология не является ложной. Это всегда продукт поэтических воззрений народа, содержащий не меньшую, а возможно, даже большую информацию о нем, о его мифологических воззрениях и психологических особенностях, нежели многие другие источники.

высвечивает то, что мы называем тернером миссии. Рассмотрев его на нижеследующем примере, мы проиллюстрируем его также и на материале других традиций, причем даже не имеющих с христианством почти ничего общего, кроме, разумеется, самого принципа, описываемого нами под именем «тернера миссии».

Само понятие миссии применимо почти исключительно к креационистской доктрине, согласно которой Бог-Творец избирает для исполнения особой задачи служителя или служителей. Последние, сколь бы высоко не поставлены они были над «прочими», не являются соприродными Богу-Творцу, будучи его творением. При этом они, как мы увидим далее, опосредованно связаны с идеей социальной стратификации по сакральному принципу, являясь верховными иерархами для каждого из трех главных, сакральных «сословий». Или, опять-таки, когда речь идет о проявленном уровне, хотя в отношении последовательного креационизма такое выражение, мягко говоря, некорректно, и может возникнуть лишь при вкраплении манифестационистских элементов, что, как правило, мы и имеем в случае реального исторического бытования креационистских концепций (чистым креационизмом будут лишь талмудический иудаизм, англосаксонский протестантизм за вычетом мистических сект, суннитский ислам радикальных масхабов и ваххабизм), то при таком взгляде (имеющем в виду лишь проявленное) следует назвать просто трех верховных представителей каждого из сословий. Применительно к европейскому Средневековью это будут «те, кто молятся» (священники, монахи), «те, кто воюют» (рыцари), «те, кто трудятся» (крестьяне)³³. То есть здесь мы имеем полную типологическую аналогию с индуистскими тремя принципами «дхарма (духовный долг), артха (порядок) и кама (материальное наслаждение и вообще материальная сфера)».

Применительно к европейскому, точнее, французскому Средневековью, как историк, эту модель в своей «Трехчастной модели» разобрал Жорж Дюби³⁴. Точка зрения Дюби скорее слишком социологическая, нежели мифологическая, он видит в трехчастной модели идеологический заказ эпохи, поэтому пытается четко зафиксировать во времени момент появления источников, где упоминается трехчастное членение общества. Он также выступает с критикой таких авторитетов и близ-

33) См. напр.: Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История средних веков. – М.: Интерпракс, 1995. С. 86–87.

34) Дюби Жорж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. – М.: Языки русской культуры, 2000.

ких ему по научным воззрениям исследователей, как Марк Блок и Жак Ле Гофф. Они, дескать, неопределенны во временной локализации появления трехчастной модели. Дюби пишет: «В системе представлений, предложенной франкскими епископами, трифункциональность, соединенная с принципами необходимого неравенства, во имя “милосердной любви” и взаимобмена услугами, служила оправданию сеньориальной эксплуатации»³⁵. Деление на три для средневекового общества, подчеркивает Дюби, ссылаясь на «Трактат о Сословиях и Простых званиях» Шарля Луазо из Парижа (1610 г.), есть «совершеннейшее»³⁶. По Луазо, люди – средний этаж Творения, вверху ангелы, внизу неодушевленные предметы. Люди имеют свободу выбора между добром и злом, поэтому нестабильны, значит, ими нужно управлять. Отсюда идея иерархии³⁷. Дюби отыскивает, немного немало, теологическое обоснование трех функций в источнике, на который опирается Шарль Луазо: «Ссылается Луазо на “латинский текст, извлеченный из «Декрета» Грациана, «последний канон восемьдесят девятого раздела». Он не подозревает – или, по крайней мере, не показывает знания, – что этому тексту в ту пору более тысячи лет. Это вступительная часть письма, адресованного в августе 595 г. папой Григорием Великим епископам королевства Хильперика; папа призывает их признать первенство епископа Арльского в делах церковной дисциплины. “Провидение установило различные звания (gradus) и отдельные порядки (ordines), дабы если низшие (minores) выказывают почтение (reverentia) к высшим (potiores), а высшие одаряют любовью (dilectio) низших, то из различий возникали бы истинное согласие (concordia) и связь (contextio: слово, относящееся к вещам совершенно конкретным, – ткани, основе). Ведь община (universitas) не может существовать никак иначе, как только если ее хранит всеобъемлющий порядок различия. Тому, что миром нельзя управлять при равенстве, учит нас пример небесных воинств: есть ангелы, есть архангелы, каковые очевидно не равны между собой: одни отличаются от других по могуществу (potestas) и по чину (ordo)”. Здесь всё. Конечно, не объяснение трифункциональности. По крайней мере, ее обоснование. Ибо если существуют отношения подобия между небом и землей, то устройство человеческого общества непременно отражает устройство общества более совершенного; оно с несовершенством воспроизводит

35) Ук. соч. С. 149.

36) Там же. С. 11.

37) Там же. С. 12.

те иерархии, те неравенства, которые поддерживают порядок в обществе ангелов»³⁸. Дюби отмечает, что, с точки зрения Луазо, возможны лишь «три дороги». Эти «три дороги» для традиционного сознания (напрямую этот термин Дюби не употребляет, но описывает именно это явление), не единственные, но «единственно верные». Все остальные пути – проклинаются, отвергаются, извергаются вовне. Дюби останавливается на двух источниках. В 20-е гг. XI в. Адальберон, епископ Ланский, писал: «Итак, тройственен дом Божий, который кажется единым: здесь одни молятся (ogant), другие сражаются (pugnant), третьи же трудятся (labogant); каковые трое пребывают вместе и не могут быть разъединены; так что на служении (officium) одного покоятся дела (orega) двух других, и все в свой черед помогают всем». В это же время находим у Герарда Камбрейского: «Он <Грациан – О.Ф.> показал, что изначально род людской был разделен натрое, на людей молитвы (ogatoribus), землепашцев (agricultorigibus) и воинов (pugnatoribus); он представил убедительное доказательство того, что каждый есть с одной и с другой стороны предмет взаимной заботы»³⁹. Дюби отсылает нас к «источникам источников»: «Герард и Адальберон нам помогают, указав на три «авторитета», на три столпа: на Григория, Августина, Дионисия Ареопагита. Речь идет об ordo, порядке, которому должны следовать все». Дюби далее⁴⁰ замечает, что среди толстой пачки документов эпохи «Каролингского возрождения» искали много и долго. Он сам, Жак ле Гофф, до этого Жорж Дюмезиль, Жан Батани, Клод Карози. Раньше этих двух источников в столь же ярком виде трехчастная модель нигде не фиксируется. Во всяком случае, замечает Дюби, это касается Северной Франции. В то же время он упоминает и другие, более ранние источники, где трифункциональность заявлена не столь очевидно. Например, у саксонского историка IX в. Нитхарда говорится о трех чисто светских сословиях: «знатные, свободные и рабы». А у Боэция, в его «Утешении», тенденциозно переведенном английским королем Альфредом Великим (893–901) речь идет о том, что у короля «должны быть люди молитвы, воины, работники»⁴¹. Жорж Дюби – историк и его объект четко ограничен рамками времени и пространства. Мы же, следуя за Дюмезилем, не сомневаемся, что трифункциональность традиционных обществ берет свое основа-

38) Там же. С. 12–13.

39) Там же. С. 14.

40) Там же. С. 16.

41) Там же. С. 92, 98–99.

ние еще во времена индоевропейского единства, а возможно, и во времена предшествующей общности, как бы ее не называть. Впрочем, в настоящем случае для нас важно осмыслить наложение трифункциональности на креационистские модели.

Данное в Апокалипсисе описание четырех всадников (гл. 6) соответствует четырем варнам или сословиям, при этом четвертый всадник – не человек, а сама смерть. Первый всадник, на белом коне, имеет лук и венец, он вышел как «победоносный, и чтобы победить»; второму, на рыжем (или, если говорить о геральдике, красном) коне, «дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч»; третьего всадника, на вороном (черном) коне, отличает мера в руке. Снятие печатей у Иоанна Богослова иногда истолковывалось как своего рода последовательное разворачивание событий: на смену духовенству приходит воинство, затем торговцы и, потом, простолюдины, смерды (всадник на бледном коне)⁴². Четыре апокалиптические фигуры породили обширные толкования. Мы их здесь приводим по понятным причинам не будем, а лучше сошлемся на энциклопедический сборник, где они хорошо освещены⁴³.

В Ветхом Завете, помимо собственно пророчеств о грядущем Мессии, имеются пророчества о его предтече. Впоследствии, когда христианские авторы писали о Втором Пришествии, они опять-таки говорили о его предтече или даже предтечах. Откровение ап. Иоанна Богослова (Апокалипсис) именуется их «двумя свидетелями», «пророками» (гл. 11). В главе 12 говорится о «жене, облеченной в солнце; под ногами ее луна, и на голове ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения». Этого рождения ожидает дракон, «другое знамение на небе», «с семью головами и десятью рогами; и на головах его семь диадим», ставший «перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца». Но рожденный младенец «мужеского пола, которому надлежит пасти все народы железом железным» оказывается восхищен «к Богу, к престолу Его». А в следующей, 13 главе, написано о том, что «Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли и не нашлось уже для них места на небе». Именно эти апокалиптические

42) Прямых толкований всадников Апокалипсиса в качестве символов сословий мы отыскать так и не смогли. Зато косвенных достаточно. В частности, это изображение из «Книги Авраама Еврея», приводимое Николаем Фламелем в его «Фигурах Иероглифических». См.: Фламель Никола. Алхимия. – СПб.: Азбука, Петербургское Востоковедение, 2001.

43) «Россия перед Вторым Пришествием». – М.: Общество Святого Василия Великого, 1998. Т. 2.

пророчества, вкупе с евангельскими словами об Иоанне Богослове, сказанными им самим: «и пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочю, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе?» (Ин. 21:23), словами, развившимися на европейском средневековом Западе в легенду о Царе Индии – пресвитере Иоанне, послужили, на наш взгляд, основой для формирования западнохристианского мифа о пришествии трех. В Византии, после завоевания ее турками, возникает предание о том, что Последний Царь выйдет из стены собора Святой Софии, когда прерванная внезапно нашествием литургия завершится. Этот мифический Последний Царь называется то Михаилом, то Иоанном. Для возникновения обеих версий, исходя из новозаветного текста, имеются все основания.

Ю.М. Лотман, разбирая структуру легенд об утраченном и обретенном Монархе (насколько их свод обширен мы покажем далее), пишет: «1. Отмечается порча жизненного порядка. – 2. Тот, кто возглавляет этот порядок, в своем настоящем виде безсилен его исправить: он должен уйти как виновник порчи и вернуться в качестве спасителя (в мифологической протооснове, конечно, – умереть и воскреснуть, в исторических легендах и сюжетах нового времени – уйти, считаться умершим и внезапно вернуться). – 3. В промежутке между уходом и возвращением появляется псевдоспаситель. Который сначала принимается за истинного избавителя. Появление его означает кульминацию “порчи” времени, а гибель его – начало возрождения. Итак, перед нами <...> историческая легенда о Монархе, который сам испортил свою страну, ушел, вверив дело исправления суровому праведнику, на проверку оказавшемуся ловким лицемером, а затем вернулся как избавитель»⁴⁴. Структурный анализ Лотмана еще раз подтверждает нашу уверенность в том, что перед нами по преимуществу миф креационистский, так как в манифестационизме тотальная «порча» времени невозможна, там всё возвращается «на круги своя», сама идея времени невозможна, торжество «сил хаоса» или «демонических сил» немедленно оборачивается их поражением. Однако то, что «порча» в конце концов должна с необходимостью устраниться, указывает на существенный момент как раз-таки манифестационистского влияния.

Уже самые первые христианские авторы косвенно пишут о том, что мы назвали тернером миссии. Священномученик Ипполит, епископ Римский (III в.) так говорит об этом: «Первое Его пришествие имело предтечей Иоанна Крестителя; второе Илию и Иоанна Богослова. <...>

44) Лотман Ю.М. Избранные труды в трех томах. Т. II. – Таллинн: Александра, 1992. С. 432.

Половину седмицы займут два пророка вместе с Иоанном для того, чтобы проповедовать во всем мире о пришествии антихриста... <...> И исполнит свидетельство свое, как говорит об этом и Данииил, наперед увидевший, что зверь, выходящий из бездны совершит битву с ними, то есть с Енохом, Илией и Иоанном...»⁴⁵

В V в., одновременно с крещением Хлодвига в 496 г. и благословением царствующего государя, появляется пророчество святого Ремигия (Сен-Реми) о грядущем Великом Монархе. Подробно о французских пророчествах, ядром которых является миф о пришествии Великого Монарха, Ангельского Папы и (в Новое время) «некоего северного князя, обратившегося к Богу», сообщает небольшая, но очень ёмкая и систематически организующая весь сложный материал на эту тему статья Франсиса Бертена, автора европейского интеллектуального журнала «Politica Hermetica», переведенная на русский язык и опубликованная в 21 № выпускаемого нами журнала «Бронзовый Век»⁴⁶. Примерно через сто лет после пророчества Сен-Реми появляются три новых пророчества того же свойства. Первое принадлежит святому Кесарию Арльскому, второе – анонимному автору из Премольского аббатства близ Гренобля, третье – святому Катальду Тарентскому. Спустя еще два века, пророчество о грядущем Великом Монархе оказывается подхваченным архиепископом Реймским Хинкмаром и Рабаном Мавром. Нельзя доподлинно установить, права ли католическая традиция в приписывании этого пророчества тому или иному из названных авторов, поскольку хорошо известно, что для Средневековья весьма характерны ссылки на несуществующих предшественников в целях придания вящей авторитетности своим собственным писаниям. Тут могли иметь место самые различные обстоятельства. Но несомненно, что у святого Августина был трактат «Об Антихристе», включенный аббатом Минем в «Opera Omnia» латинских отцов, где, помимо прочего, говорится следующее: «Пока длится род Франкских Королей»⁴⁷, которые призваны владеть Римской Империей, достоинство Рима не исчезнет окончательно, ибо продлеваемо этими Королями. Некоторые из наших мудрых людей полагают, что когда-нибудь Король франков овладеет Империей во всей ее целостности, но это произойдет в конце времен;

45) Творения святого Ипполита, епископа Римского в русском переводе. Вып. II. – Казань, 1899. С. 69.

46) Бертен Франсис. Революция и возвращение Великого Монарха // «Бронзовый Век», № 21. – М.: Бронзовый Век, 1997.

47) То есть Меровингов.

он будет самым великим, но и последним из королей. Окончив благополучно и счастливое правление своим королевством, он вернется в Иерусалим и возложит на Масличную Гору скипетр и корону: это будет окончательным завершением Империи Римлян и Христиан. Согласно Апостолу Павлу, вскоре после этого воцарится Антихрист»⁴⁸. Часть из названных выше пророчеств была обретена в достаточно поздние времена, а одно из них так и вовсе в XIX в., однако подлинно достоверно, что указанное пророчество содержится в летописи Флодоарда (X в.).

Миф о Ангельском Папе появляется, по видимости, только в начале XIII в. в связи с «доктриной двух мечей», разработанной папами Иннокентием IV и Бонифацием VII. Франсис Бертен указывает, что этот «новый» миф, «возникший среди мистиков-францисканцев <...> вписывается в перспективу видения истории в духе Иоахима Флорского». Первым заговорил о грядущем Святом Понтифике Роджер Бэкон (1260 г.). Позднее Пьер-Жан Оливи (1248–1296) и д'Умбертен де Касаль (1259–1330) писали о том, что Великий Монарх восстановит Папский Престол, на котором воссядет Великий Понтифик. В 1600 г. эти пророчества были включены в церковное собрание «Vaticinium Memorabile»⁴⁹. Однако с существенной оговоркой: не Великий Монарх восстанавливает Папский Престол, а наоборот, Великий Понтифик сажает на французский трон Великого Монарха, отпрыска Каролингов⁵⁰. Этот круг пророчеств был дополнен в свое время и Нострадамусом в знаменитых «Центуриях» и «Письме к Генриху Второму». В Cent. V, 50 он пишет: «благословенны и Ладья <очевидно, Меровинги, “пришедшие морем”, согласно распространённой народноэтимологической трактовке их имени – О.Ф.>, и Плащ <Капетинги, “Саре” – “Плащ” – О.Ф.> <курсив наш – О.Ф.>». Великая французская революция породила целый взрыв новых пророчеств, окрашенных в апокалиптические тона. Одно из ключевых – пророчество аббата Суфранта (1755–1828). Помимо прочего он пишет: «Не радуйтесь Реставрации – ваша радость не будет долгой – младшая ветвь Бурбонов уже покинула Францию... Вскоре будет установлена Республика, а затем вы увидите во Франции три партии: две плохих и одну хорошую. Первые две наделают много зла в Париже, на Севере и Юге Франции. Затем появится Великий Монарх, которого восстано-

48) Sancti Augustini Opera Omnia. Vol. 6. De Antichristo. Liber unus. Pl. 40. Col. 1131–1135.

49) Vaticinium Memorabile. Paris, 1600.

50) Совершенно понятно почему. Каролинги в свое время утвердились благодаря Римской Церкви как помазанники Божии, узурпировав франкский престол у законной династии (папо-цезаристская линия). Что касается Меровингов, то у последних престолонаследие было связано исключительно с правом крови (цезаро-папистская линия).

вят на престоле святой Понтифик и обратившийся к Богу Северный Князь... Возвращение Великого Монарха близко, ибо число подлинно верных легитимистов хотя и очень мало, но всё же достаточно, чтобы совершить всё, что надо. Для установления власти Великого Монарха очень много сделает генерал, выходец из бедного дворянства с Нижней Луары – он очистит дорогу к Престолу. Добрые люди увидят, что им надо делать, а республиканцы начнут пожирать друг друга... Великий Монарх принадлежит к младшей ветви Бурбонов, но еще и к другой, пресеченной ветви».

С начала XIX в. и по сей день в католичестве (в околоцерковной и легитимистской среде) не смолкают толки о Великом Монархе и Великом Понтифике (а иногда и о третьем элементе этой триады), возникают новые пророчества. Очевидно, что здесь мы сталкиваемся с мощным мифологическим комплексом, имеющем архетипическое основание. Как мы уже сказали, иногда фигуры апокалиптических всадников сближаются с членами названного тернера. Например, на одной из миниатюр парижского алхимика Николая Фламелья (1330–1418), где всадники, по цвету коней, имеющих, однако, львиные морды и стилизованные змеиные хвосты со стрелкой (что напоминает химер)⁵¹ – на треть львов, на треть коз, на треть змей), соотнесены также с основными цветами Великого Делания, причем впереди, строго в соответствии с Откровением св. Иоанна Богослова, всадник (он коронован и в руках его лук) на белом коне, всадник посередине (на голове у него шлем, а в руке – меч) – на красном, всадник позади (в чалме⁵² и с весами) – на черном, а четвертый всадник – отсутствует.

Весь этот комплекс представлений можно свести к общей схеме. Франсис Бертен уже проделал за нас почти всю работу, выявив парадигмы мифа в соответствии с различными периодами. Нам остается лишь обобщить всё им сказанное:

1. Великий Монарх, будучи «потерянным», «утраченным», возвращается сам или же по Божьему промыслу объявляется его потомок. Он

51) Эта иероглифическая фигура – любимец алхимического бестнаррия. На основе средневековой «народной этимологии» ее греческое имя сближалось с именованием Aris Magna – химией. Химера призвана была обозначать единство трех элементов – серы (сущность, огненный лев), соли (внутренняя форма, коза или скелет козы с костяными, «застывшими» копытами и рогами) и ртути (субстанция, змея «нижних вод» или дракон).

52) Возможно, здесь сказало средневековое воззрение, согласно которому каждый из членов триады является представителем одной из «рас». То же касается и евангельских волхвов, третий из которых, согласно средневековым легендам, был черен (в одном из вариантов – был женщиной).

принадлежит к сакральному, «единственно подлинному» роду. Иногда – оказывается потомком сразу нескольких родов, примирия легитимистов.

2. Великий Монарх восстанавливает Папский Престол, занятый до этого «антипапой». Или же, наоборот, объявляется Ангельский Папа, «*flos florum*», также происходящий из «сакрального рода», и с помощью некоего Князя (третьего) сагает на французский престол Великого Монарха.

3. Появлению Трех предшествуют «века горя». Само же пришествие Трех знаменует собой установление «шестой, Филадельфийской Церкви».

4. Великий Монарх и Ангельский Папа, каждый в своей сфере, преображают весь мир. Ангельский Папа обновляет Церковь, возвращает в ее лоно схизматиков и еретиков, обращает в христианство иудеев и мусульман. Совместно с ним Великий Монарх предпринимает последний крестовый поход.

5. Устанавливается в полном объеме Римская Империя и «наступает последний и краткий Золотой век». Священство ведет апостольский образ жизни.

6. В Иерусалиме Великий Монарх слагает с себя корону и запрещает всему миру использование оружия. «Ангельский Папа завершает историческую цепь Римских Пап». После этого «и трон Франции, и Престол Святого Петра остаются пусты». История заканчивается.

7. Появляется Антихрист.

У этого мифа есть одна характерная черта, которая если и не бросается в глаза сразу, то при более детальном рассмотрении обнаруживается в качестве определяющей. Этот миф историчен. Он опирается на исторические представления о времени. Но при всем том такое время зонично, то есть мифологично. Иными словами, перед нами мифологическая экспликация профетического свойства. Благодаря мифу разворачивается история, благодаря истории разворачивается миф. И оба благодаря друг другу результируют в некой внутренней форме.

Основания для мифологии тернера миссии, как мы его обозначили выше, находятся в Священном Писании, точнее, в книгах пророков (прежде всего это Книга Пророка Даниила с ее символизмом четырех царств, последнее из которых – Римская Империя), Откровении св. Иоанна Бо-

гослова, а также в крайне загадочной неканонической (но и не апокрифической, что существенно) 3-й книге Ездры, самый ранний из списков которой дошел до нас на латыни. Учтивая последнее обстоятельство, часто делался вывод о том, что она была написана в раннем Средневековье. Но особенное недоумение вызывают стихи с 28 по 35 из 7 главы: «...Ибо откроется Сын Мой Иисус с теми, которые с Ним, и оставшиеся будут наслаждаться четыреста лет. А после этих лет умрет Сын Мой Христос и все люди, имеющие дыхание. И обратится век в древнее молчание на семь дней, подобно тому, как было прежде, так что не останется никого. После же семи дней восстанет век усыпленный, и умрет поврежденный. И отдаст земля тех, которые в ней спят, и прах тех, которые молчаливо в нем обитают, а хранилища отдадут вверенные им души. Тогда явится Всевышний на престоле суда, и пройдут беды, и окончится долготерпение. Суд будет один, истина утвердится, вера укрепится. Затем последует дело, откроется воздаяние, восстанет правда, перестанет господствовать неправда...» Здесь мы видим всё то же прочтение истории через миф и мифа через историю. Миф и история здесь нераздельны (хотя и неслиянны). Типологическое родство этого пророчества и пророчеств, связанных с мифологическим кругом тернера миссии несомненно.

В XIX в. во Франции возникает особое эсхатологическое чаяние – сюрвивантизм, чьи приверженцы настаивали на «спасении короля» или кого-то от рода его. Простой крестьянин Мартен де Галлардон (чья история напоминает случай Жанны д'Арк), управляющий на мельнице Пьер-Эжен Вентрас, Карл-Вильгельм Наундорф (сам объявивший себя «Потерянным Королем», Людовиком XVII), известные писатели Леон Блуа, Карл-Жорес Гюисманс и Адриан Пеладан и еще очень многие другие тогда пророчествовали или просто писали на эту тему, подчас соединяя роялистский миф с миллениаризмом или иоахимизмом (мы имеем в виду концепцию «Третьего Завета» или «эпохи Святого Духа»). Подчас они впадали в крайнюю – даже по самым снисходительным оценкам – ересь, как Наундорф, который был отлучен от Римской Церкви; авторы этого круга ссылались на «видения»; развивали активную политическую деятельность. Одним словом, каждый из них сам в какой-то мере оказывался принадлежащим тернеру миссии в качестве «Пророка», третьего элемента триады. Почему именно Пророка, а не «Князя» (как утверждает одно из перечисленных пророчеств), станет ясно позднее, когда мы обратимся к легенде о Царе Мира. Но уже сейчас отметим, что на причину такой путаницы мы указали прежде, ко-

гда говорили о символизме хамса.

Сюрвивантисты, связывавшие свои надежды с «Людовиком XVII» – Наундорфом (наундорфисты) или с Генрихом V, последним из Бурбонов, графом Шамборским (шамбордисты), со смертью претендентов на престол Франции, перешли от политики к мистике. Так родился «роялизм отчаяния». Появилось эсхатологическое почитание «мертвого короля», который «должен вернуться в конце времен». И здесь очевидна аналогия с архетипическим образом Короля Артура, погребенного, по одной из версий, в пещере на острове Авалон, откуда он, когда-нибудь пробудившись ото сна, возвратится, чтобы править вновь. Но можно здесь вспомнить и про Мерлина, второе лицо тернера, волхва и кудесника, тоже своего рода «Папы». Версия с превращением Короля Артура в медведя, а Мерлина – в вепря Броселиандского леса для мифологического сознания также вполне хорошо уживается с эсхатологическим ожиданием, связанным с их вторым появлением в человеческом мире.

В мусульманстве, как в третьей креационистской религии, мы также сталкиваемся с элементами мифологии, связанной с тернером миссии, хотя и не в явном виде. Причем, как и в случае католичества, размышляли⁵³ о грядущем пришествии тернера миссии именно мистики манифестационистского уклона – шииты и суфии⁵⁴, а не креационисты-ортодоксы – сунниты. Центром эсхатологических представлений в мусульманстве является предание о грядущем Махди, который будет противоборствовать Дадджалу (буквально: Лжецу, Обманщику), «мусульманскому Антихристу». Однако сам принцип царства глубоко чужд исламу. Мусульманские правители – халифы – по сути были «повелителями верных», теократическими владыками, и, строго говоря, династия, с теологической точки зрения, в стране исповедующей ислам есть вещь невозможная⁵⁵, хотя последнее и опровергалось решительно

53) Глагол «пророчествовать» в данном случае неадекватен, поскольку, с точки зрения самого ислама, после Мухаммада – «печати пророков» – других пророков быть не может. И те, кто рассуждали о грядущих временах, основываясь на сурах Корана, хадисах или устным эзотерическим преданиям, назывались просто «учеными мужами».

54) Наиболее полно материал на эту тему представлен в энциклопедическом сборнике «Конец Света (эсхатология и традиция)», снабженном уникальными переводами наиболее значимых текстов аутентичных представителей и исследователей самых различных традиций относительно заявленной проблематики. В разделе «Ислам», помимо прочего, содержится свод традиционных воззрений относительно Махди в изложении известных мусульманских авторов: Шадиллия Аль-Тарика, Дусукийя Аль-, Бурханийя Аль-. Махди и Антихрист // В сб.: Конец Света (эсхатология и традиция). – М.: Арктогея, 1998. С. 83–92.

55) Возможно, исходя из этих соображений, как раз и возникла известная арабская поговорка:

и постоянно реальной историей. Махди выступает важнейшей фигурой эсхатологического мифа, из чего можно сделать, хотя и очень осторожно, вывод: он является субститутом Великого Монарха. Гораздо сложнее здесь определиться со вторым и третьим элементами тернера миссии. Чаще всего в паре с Махди у различных мусульманских авторов-мистиков выступает сейдна Иса (то есть Иисус, сын Марии, «Лелы Мариам»). Из чего может быть сделан поверхностный вывод о том, что он является субститутом Ангельского Папы. Сейдна Иса снизойдет с неба, опираясь на крылья ангелов, совершит молитву позади Махди, чем подтвердит «подчинение своего традиционного закона традиционному закону Мухаммада», он убьет Дадджала, по другой версии – он и Махди приблизятся к скрывающемуся в пещере Дадджалу и, «как только Дадджал их увидит, он растает от их вида, как лед тает на солнце», и только после этого «сейдна Иса ударит его своим мечом между глаз и убьет», сейдна Иса разобьет крест и убьет «свинью»⁵⁶, он женится и от этого брака родятся дети, а затем он умрет. Такое внимание к фигуре Исы объясняется острым полемическим настроением мусульманских мистиков по отношению к христианскому богословию. Иисус, сын Марии для ислама, как хорошо известно, вовсе не Сын Божий и не Распятый Бог (вместо него, согласно мусульманской традиции, был распят Иуда), он также не «иерей по чину Мелхиседекову» (в новозаветных дефинициях), то есть Первосвященник, а величайший из пророков, даже более великий, чем Мухаммад, однако сам Мухаммад – «печать пророков» и этим «выше» (с похожей ситуацией мы сталкиваемся в случае «Видения Гюльви» из «Младшей Эдды», где троны разнящихся по росту властителей Асгарда уравнивают последних за счет собственной высоты). Фигура сейдны Исы с большим трудом может быть сочтена субститутутом Ангельского Папы в исламской мистике, именно в силу того, что он пророк. Как раз поэтому замещает «вакантное место» Ангельского Папы фигура Сокрытого Имама, почитаемая шиитами. Согласно их традиции, сейдна Мухаммад ибн Хасан аль Аскари скрылся некогда в построенном им «круглом убежище» на берегу Тигра, через несколько дней его пошли искать и не нашли, – он должен появиться лишь в конце времен и некоторые соотносят его фигуру как раз именно с Махди⁵⁷. Впро-

«Халиф на час».

56) Символический намек на «будущее противостояние» Исы «неверным – христианам», а также иудеям, у которых запрещено поедание свинины. Хотя этот запрет, собственно, распространяется и на мусульман. Стало быть, возможно здесь и такое толкование, что он отменит Ветхий и Новый Заветы.

57) Здесь мы видим определенную аналогию с потерянным королем, с сокрывшимся в пещере или

чем, особое место в эсхатологическом исламском мифе занимает также Хизр, аль-Хадир, «Зеленый»⁵⁸, «посвятитель», который «будет идти перед» Махди. Хизр – живущий вечно наставник пророка Мусы (Моисея), отождествляемый иногда с Енохом (который, в свою очередь отождествляется с Идрисом – Гермесом) и Илией (оба, согласно библейской традиции, были взяты на небо в теле, «не умерли»). Таким образом, ситуация крайне запутанная. Ее решение возможно лишь силами арабистов, специалистов по исламу, не чуждых к тому же компаративистике. Однако тернер миссии здесь опять-таки налицо. При этом, в случае ислама, мы вплотную приблизились к следующему типу выявленных нами тернеров: тернеру полуманифестированному. Дело в том, что и Сокрытый Имам и Хизр предстают здесь в качестве «непроявленных фигур», фигур вне-, а точнее над-исторических, постоянно вмешивающихся, однако, в ход человеческой истории. Они как бы находятся «и здесь, и там», они связующее звено между «миром дольным» и «миром горним». Но в случае ислама они образуют единый тернер миссии с «проявляющимися» только в человеческой истории Махди, чем особо примечательны. Рассмотрению же сугубо полуманифестированного тернера мы посвятим следующую главу.

§3. Полуманифестированный тернер

В том или ином виде он обнаруживается практически во всех традициях евразийского континента. Его важнейшие характеристики – постоянное вневременное присутствие в истории, «передача высшей воли», функция «посредничества» между мирами. Как довольно важные, но при этом всё же акцидентальные, с полуманифестированным тернером могут соотноситься следующие структурные элементы: во-первых, члены полуманифестированного тернера живут как человеческие персонажи определенное время (чаще всего это первая половина

спящим королем Артуром.

58) Сравни с образом Зеленого Ангела в эзотерическом романе Густава Майринка, австрийского писателя начала прошлого века, «Ангел Западного окна». Майринк Густав. Ангел Западного окна. – СПб.: Terra Incognita. Серия «Гарфанг», 1991. Эта же тема развивается Майринком в романе «Зеленый лик». См. напр.: Майринк Густав. Зеленый лик. – М.: Энигма, 2005. Майринка, принадлежавшего к известной инициатической организации Цепь Мириама, нельзя считать просто писателем. Художественная форма использовалась им для выражения философско-эзотерических концепций герметизма и каббалы. На это же указывает в своем исследовании символики зеленого цвета Клод д'Иже, всю жизнь занимавшийся сбором и сопоставлением наиболее значимых фрагментов герметических трудов. Его книга вышла в свет под нашей научной редакцией и с нашими комментариями. См.: Иже Клод д'. Новая Ассамблея химических Философов. – М.: Энигма, 2010.

их жизни) среди людей, а потом «удаляются» в некое «сокрытое место» (это может быть пещера, горные недра вообще, подземелье, а может быть, некое отвлеченное «инобытие»); во-вторых, и это несколько сниженная, эвгемеристическая трактовка, каждый из членов полуманифестированного тернера может быть всего лишь актуальным, имеющим своего предшественника и своего приемника, таким образом, каждый из них выражает лишь принцип, функцию, сам же является всего лишь звеном в бесконечной цепи, по которой передаются эти функциональные полномочия.

Литература по тому, что мы назвали полуманифестированным тернером обширна (от научной религиозно-эзотерической до оккультической). Поэтому мы, давая самый общий очерк, преследую типологическую цель, ограничимся только несколькими конкретными примерами бытования подобных мифологических представлений.

Баснословный Гермес, как известно, является одним из характернейших «посредников», «интермедиаторов» в самых различных традициях. Особое отношение к этой фигуре в том или ином виде (будь то собственно Гермес, египетский Тот или мусульманский Идрис) фиксируется не только в рамках древнегреческой или древнеегипетской мифологий. И это, в общем-то, трюизм, поскольку хорошо известна роль Гермеса в западной христианской эзотерической традиции, чьи представители напрямую именовали себя герметическими философами. Гермес был «посвятителем», «инициатором» западно-европейских алхимиков. В исламском эзотеризме Гермесу-Идрису отводится аналогичная роль. Но мало кто знает, что и в восточном христианстве Гермес, наряду с Кумской сивиллой, кентавром-китоврасом и эллинскими философами отнюдь не рассматривался в качестве «языческого божка». В московском Кремле и в костромском Троицком соборе Ипатьевского монастыря сохранились даже его иконографические изображения⁵⁹. Встречаются также многократные упоминания Гермеса под именем Ермин, Еруми или Ермий в древнерусских письменных источниках⁶⁰. Мифологического Гермеса часто сближали с легендарным Гермесом Трисмегистом – то есть Триждывеличайшим. Предполагается, что за

59) См.: Чернецов А.В. Золоченые двери XVI в. Соборы Московского Кремля и Троицкий собор Ипатьевского монастыря в Костроме. – М.: Наука, 1992.

60) См. напр.: Фигуровский Н.А. Древнерусская химическая терминология // Ин-т ист. естествознания АН СССР. Труды совещания по истории естествознания 24–26 декабря 1946 г. – М., 1947. С. 222. Тж.: Фигуровский Н.А. О происхождении древнерусских названий металлов // АН СССР. Комиссия по истории химии 22 мая 1962 г. – М., 1962. С. 265. Форму Ермин применительно к Гермесу, в частности, мы встречаем в «Изборнике Святослава» 1073 г.

этим псевдонимом скрывался один из александрийских алхимиков. Назван он Триждывеличайшим потому, что, согласно эзотерической традиции, с одной стороны, является отцом трех так называемых герметических наук – астрологии, магии и алхимии, а с другой стороны, – величайшим среди царей, величайшим среди жрецов и величайшим среди философов, что типологически соответствует вышеописанному тернеру. Согласно преданиям, крипту (подземный покой) с погребенным в ней Гермесом Трисмегистом обнаружил легендарный эзотерик-неопифагореец античности Аполлоний Тианский⁶¹. Далее версии расходятся. Более распространенная, имеющая «исторические черты» легенда гласит, что Аполлоний нашел останки Гермеса⁶², в руках у которого была баснословная «Tabula Smaragdina» – «Изумрудная Скрижаль», отталкиваясь от текста которой приступали к своему деланию средневековые алхимики. Согласно же другой версии, оккультистской, Аполлоний, проникнув в крипту, увидел там восседающего на троне Гермеса с тремя <sic!> головами и «Tabula Smaragdina» в руках, и этот-то Гермес Подземный, Хтонический⁶³ как раз и даровал ему «Изумрудную Скрижаль». Отметим также, и это в чрезвычайной степени заслуживает внимания, что важнейшим атрибутом Гермеса, наряду с кадуцеем и крылатыми сандалиями, был крест (так называемый герметический крест) с тремя перекладинами, почти полностью аналогичный папскому *trigegnum* и символически обозначающий связь между тремя мирами (небом, землей и преисподней). В связи со всеми упомянутыми атрибутами можно с большой долей уверенности говорить о символике именно посредничества, характерной для Гермеса⁶⁴. Трехголовость

61) Французские герметики XX в. Фулканелли и его ученик Эжен Канселье полагали, что «Аполлоний Тианский» – также псевдоним, в имени которого скрываются два алхимических начала, сульфур и ртуть, или Солнце и Луна, Аполлон и Диана. См. напр., подготовленное нами издание: Фулканелли. Философские обители. – М.: Энигма, 2004. С. 206, 382. Любопытства ради заметим, что в Троицком соборе Ипатьевского монастыря на золоченых вратах (конец XVI в.) имеются также изображения Аполлона, Платона, Гомера, сивилл и т.д.

62) См.: Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. – М.: Наука, 1985.

63) Этот эпитет чрезвычайно частотен в античных теургических текстах. См. напр.: Петров А.В. Теургия: социо-культурные аспекты возникновения философски интерпретированной магии в античности. Монография составлена на основании диссертации на соиск. уч. ст. к-та ист. н., защищенной на историческом факультете Санкт-Петербургского Университета в 1997 г. – СПб.: Центр Антиковедения СПбГУ, 2001. Петров также отмечает, что на втором месте по частотности употребляемых в отношении Гермеса эпитетов идет «удерживающий, связывающий, заклинающий». На наш взгляд, данный эпитет указывает не столько на «магическую», сколько на «посредническую» функцию Гермеса.

64) Здесь будет нелишним напомнить, что Рене Генон в своем «Царе Мира» приводит в связь Брахмату, тибетского подземного «Владыку трех миров», с папским *trigegnum*. См.: Генон Рене. Царь

Гермеса, возможно, восходит к более древним трехголовому Церберу и тройственной Гекате⁶⁵. Гермес также аспектно соотносится с двулицким Янусом⁶⁶, которого иногда изображали с третьим лицом посередине, «не явно» образующимся «на стыке» двух лиц. Известны помимо прочего этрусские изображения последнего, где он прямо изображен с тремя, а то и с четырьмя лицами. Два лица собственно Гермеса означают именно его «интермедиарность», он «ходатай», обращенный одним лицом к вопрошающему, а другим к тому, кого вопрошают, но поскольку он связует не только поюстороннее с потусторонним, но и три мира (субстанцию-вопрошающего, сущность-вопрошаемого и форму-самого-себя), то появляется и третье лицо⁶⁷. Изображения «Гермеса» или его субститута с двумя лицами встречаются в самых разных традициях. Так, например, в начале прошлого века археологами был найден ассирийский цилиндр с подобным изображением, которое, впрочем, не так просто, как может показаться на первый взгляд и может быть подвергнуто более глубокому анализу, что мы когда-нибудь, возможно, предпримем.

Гермес-Идрис в мусульманской традиции соотносится с Енохом, образующим со святым Ильясом (пророком Илийей) и святым Хизром триаду неумерших и постоянно действующих в человеческой истории «незримым образом». Согласно хадисам, «Святой Хизр находится в море, а святой Ильяс – на суше. Каждую ночь они встречаются в Руме, которую построил Зуль-Карнайн <Александр Македонский, «Искандер Двурогий», причем «рога» – символ власти, как у Моисея, христианского Агнца или христианских же демонов – О.Ф.>, пребывают между людьми и Йаджуджем и Маджуджем <Гог и Магог в мусульманской традиции – О.Ф.>. Святой Хизр и святой Ильяс каждый год совершают большое и малое паломничество (хадж и умра), пьют по глотку воды из священного источника Замзам, которого им хватает до следующего года». Из приведенного мы видим, что каждая из скрытых фигур традиционного соотносится с той или иной географической зоной: Хизр с морем, а Ильяс – с сушей. Подобное соотношение мы встречаем в иудаизме и Мира // В: Генон Рене. Символика креста. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 262, 300.

65) Которая может раскрываться в трех ипостасях: собственно Гекаты, Луны подземной, Дианы, Луны земной и Селены, Луны небесной.

66) Символизированному год в аспекте двух его главных точек: Janua Coeli (зимнее солнцестояние) и Janua Inferni (летнее солнцестояние).

67) Хотя здесь и не следует смешивать два аспекта принадлежащей Гермесу функции посредничества. В одном случае речь идет о связи Преисподней – Земли и Неба. Во втором случае: Земли, Неба и посредующего небесного пространства, что аналогически соответствует индуистской трибухана.

христианстве, где Левиафану «отведено море», а Бегемоту «отведена суша». Возможны герметические толкования подобного символизма, но мы до времени прибережем подобные соображения.

В христианстве место Хизра занимает пресвитер Иоанн, которого иногда называют «Царем Мира». Ситуация здесь крайне запутанная, поскольку в Библии «Царем Мира» (буквально: «Царем Салима», что понималось двояко) назван Мелхиседек, Мелки-цедек, чье имя можно с определенным допущением перевести как «царь-жрец», а с другой стороны, согласно христианским преданиям, пресвитер Иоанн то является потомком одного из трех евангельских царей-волхвов, то «неумершим Иоанном» – Иоанном Богословом, автором четвертого Евангелия. Легенды говорят, что «пресвитер Иоанн правит Тремя Индиями». В Средние века под «Тремя Индиями» понимали Аравийский полуостров (иногда еще и восточное побережье Африки), Иран и собственно Индию. Согласно Иоанну Хильдесхаймскому, записавшему в XIV в. легенду «О трех святых царях», в «первой Индии была страна, по-иному же царство, именем Нубия», а правил ей царь Мелхиор (первый из трех царей-волхвов, принесший младенцу Христу золото), «во второй Индии было царство, называемое Годолия <...> среди прочих владений было древнее царство Сава⁶⁸», тут правил царь Балтазар (второй царь-волхв, принесший ладан), «в третьей Индии было царство именем Фарсис», где правил царь Иаспар (третий царь-волхв, даровавший смирену)⁶⁹. Иоанн Хильдесхаймский пишет, что останки святого апостола Фомы покоятся на острове Эгрискулла, входящем во владения третьего царя-волхва. Сам же апостол (или, по Иоанну Хильдесхаймскому, нареченный Фомой его духовный наследник – Иаков из Антиохии) стал «патриархом Индийским» и вместе с пресвитером Иоанном, «властителем всей Индии <...> имеет жительство» в городе Скулла, построенном у подножия горы Фаус, «по-латински же Викториалис», превосходящей «высотой все прочие земли и страны Индии и Востока, <...> по имени же той горы Фаус стал потом называться могущественный и знатный род, коего члены и посейчас зовутся князьями Фаусскими, и во всех царствах Востока нет рода могущественнее и знатнее. Род сей произошел и поднял-

68) Речь идет о той стране, откуда, согласно эзотерическому преданию, ко двору Соломона прибыла Царица Савская, или Балкис. Жерар де Нерваль, разгласивший храмовую легенду, писал о том, что именно Царица Савская предрекла приход Последнего Царя Иудеи и его мученическую смерть на кресте. См.: Нерваль Жерар де. Повесть о царице Утра и о Сулаймане, повелителе духов. – М.: Энигма. 1996.

69) Иоанн Хильдесхаймский. Легенда о трех святых царях. – М.: Энигма, Алетей, 1998. Там же подробно говорится о символике приношений.

ся от корня царя Мельхиора, который поднес Господу в дар золото». Пресвитер Иоанн был избран, согласно Иоанну Хильдесхаймскому, «с единодушного согласия всего народа» тремя царями-волхвами, ставшими незадолго до этого епископами. «Сей владыка Индии был наречен Иоанном в честь двух мужей: Иоанна Евангелиста, бывшего старейшиной, его же Христос отличил и полюбил более остальных, и в честь святого Иоанна Крестителя, крестившего Христа в Иордане, и превосходнее его не было среди святых, рожденных от женщины». И тут мы сталкиваемся с крайне интересной ситуацией. Дело в том, что часть других легенд о пресвитере Иоанне производит его род от одного из самих царей-волхвов, а еще часть утверждает, что пресвитер Иоанн – это и есть «неумерший Иоанн Евангелист». Кроме того, была тенденция, на основании схожести имен, сблизить Мелхиора с Мелхиседеком, который также сблизился с пресвитером Иоанном, поскольку и тот, и другой традиционно именовались «Царями Мира», а двух «разных»⁷⁰ Царей Мира быть не может. Цикл о чаше Грааль⁷¹ называется также тесно связанным с этим кругом легенд. В трактовке Иоанна Хильдесхаймского, претендующей на большую или меньшую степень христианской каноничности, избегающей чрезмерных «баснословия» и «фантастики», мы обнаруживаем то, что выше назвали тернером миссии, причем это касается и царей-волхвов и самого пресвитера Иоанна, «тройственного правителя» – правителя «Трех Индий», хотя по поводу последнего обстоятельства и могут возникнуть вопросы, поскольку Иоанн Хильдесхаймский так и не дал окончательного ответа: один ли и тот же пресвитер Иоанн правил на протяжении веков или это была в каком-либо виде «династия Иоаннов»⁷². В случае же легенды о «неумершем евангелисте» перед нами явная деталь мифологического паттерна, структурно восходящего к модели полуманифестированной триады. В первом случае перед нами живые люди, хоть и наделенные удивительными свойствами, благодаря «божественной

70) Необходимо заметить, что образ Царя Мира всегда связан с указанной выше мифологической структурой – полуманифестированной триадой. Однако члены этой триады не являются «разными» или «другими» по отношению друг ко другу, поскольку Царь Мира представляет собой единство, представленное в трех лицах. Это проекция христианских представлений о апофатическом триединстве на полунисторических, легендарных персонажей.

71) Говоря «Грааль», мы избегаем употреблять это имя в падежных формах. Поскольку, исходя из структуры символизма св. Чаши, следовало бы употреблять в ее отношении женский род, вопреки устоявшейся традиции отечественного перевода.

72) Впрочем, как мы можем видеть из приведенных выше материалов, с точки зрения последовательных мистиков-легитимистов это не имеет значения, поскольку для них династия и есть развертывание одной личности царя.

избранности». Это явно креационистская тенденция. Пресвитер Иоанн, по Иоанну Хильдесхаймскому, сильный христианский владыка, но он человек, имеющий слабости, льстивые придворные могут убедить его воевать на стороне несториан против могущественного «татарского царя», несмотря на «посланное видение», за что пресвитер Иоанн потеряет часть своих земель, потому что это пойдет ему «во смирение». «Султан вавилонский» может преграждать путь не только папским кораблям, но и кораблям пресвитера Иоанна, чтобы христиане «не составили заговора». То есть пресвитер Иоанн в этом случае – Богом избранный человек (или династия), и не больше того, но и не меньше. Во втором случае мы видим тоже божественного избранника, но бессмертного, преодолевшего (с божественной помощью) человеческую смерть, его царство не просто трудно доступно, оно находится в «инобытии», куда попасть можно только с помощью «особого паломничества», «подвига». Весь цикл о чаше Грааль приводит нас к этому⁷³. Пресвитер Иоанн, согласно традиции пусть не явно, однако все-таки конфликтной по отношению к версии Иоанна Хильдесхаймского, пишет письма к византийскому императору Мануилу Комнину (считается, что оригинал письма был написан по-арабски⁷⁴), где называет императора даже не «царем», а «князем Константинопольским», посылает послов к римскому папе или даже приезжает сам (якобы, в 1122 году римскую курию посетил «патриарх Иоанн»), в ответ на что сам папа в 1172 году, как раз после упомянутого письма, отправляет «в Индию» своего посла; Иоанн посылает дары Фридриху (согласно Эволе⁷⁵, речь идет, скорее всего, о Фридрихе II) и потом, убедившись в несостоятельности последнего, забирает дары обратно. Одним словом, он ведет себя, согласно легенде, именно как «Царь Мира», которому ольно ставить своих вассалов править огромными империями, ольно и отказывать им в этом. В православной традиции XVIII в., в старообрядчестве, а точнее, в беспоповстве, предание о пресвитере Иоанне оформляется в легенду об Опоньском царстве. Инок Марк из Топозерского монастыря Архангельской губернии составляет рукописное повествование о своем путешествии в «поисках древляго благочестия» – «Путешественник, сиречь маршрут в Опоньское царство». Согласно преданию, Марк прошел Сибирь, Китай, пустыню Гоби и дошел до Японии. Там он обнаружил христиан «асирского языка». Крайне интересно, что

73) См. напр.: Эшенбах Вольфрам фон. Парцифаль // В т. 22, «Средневековый роман и повесть», серии I БВЛ. – М.: Художественная литература, 1974.

74) Рукопись на латыни датируется не позднее 1177 года.

75) См.: Эвола Джулис. Мистерия Грааля. <http://www.arctogaia.com/public/evola/evol-graal.htm>

здесь употреблен такой частотный для индоевропейской культуры фонетический комплекс⁷⁶, сыгравший такую значительную роль в становлении самых разных европейских и азиатских мифологий. Любопытно и то замечание, что эти христиане подчиняются «патриарху православному антиохийского поставления», что напоминает легенду, излагаемую Иоанном Хильдесхаймским, согласно которой, как мы уже говорили, «патриархом Индийским» стал Иаков из Антиохии. Однако пресвитера Иоанна Марк не упоминает. Зато именно с этого текста начинается развиваться особая русская мифология Беловодья, где «жители имеют пребывание в пределах окиян-морья». Как специфическое мифологическое образование в старообрядческой среде возникает описание совсем уже баснословных маршрутов, включающих долгое пребывание в пещерах и подземные пути с несуществующими в обычной географии пунктами стоянок. Однако это вовсе не «буфная фантазия» «диких поморов», а проявление архетипа – продукт работы коллективного бессознательного, о чем когда-нибудь мы поговорим более подробно.

Рене Генон в своей небольшой, но очень ёмкой по информативности работе «Царь Мира» направляет наиболее пристальный взгляд на тибетско-монгольскую легенду о подземных правителях Агартхи. Отталкиваясь от сочинений оккультного автора Сент Ива д'Альвейдра, увы, изобилующих чрезмерно фантазийными подробностями («Миссия Индии в Европе»⁷⁷), напротив, крайне критичных мемуаров вынужденного путешественника Фердинанда М. Оссендовски, бывшего министром правительства Колчака (тоже включающих в себя «фантастику», но к ней этот автор относится крайне скептически) и собственно тибетских преданий, Генон анализирует образ Царя Мира, согласно восточным представлениям. Последние таковы. В недрах гор Тибета – по крайней мере «весь последний цикл» – пребывает Царь Мира. Он един, но в трех лицах, именуемых Brahâtma («опора душ в Духе Божьем»), Mahâtma («представляющий вселенскую Душу») и Mahângâ («символ всей материальной организации Космоса»). Первый соответствует пророческой функции, второй – жреческой и третий – царской. Генон отмечает, что, несмотря на это, согласно логике мифа, каждый

76) Этот комплекс восходит к индоевропейскому *tr – *rt, выражающему идею старшинства, главенства, первородства, вращения (вокруг центра).

77) К сожалению, современное издание русского перевода этой книги, выпущенной вкпе с «Царем Мира» Рене Генона, производит на первый взгляд крайне отталкивающее впечатление – и своим бульварным оформлением, и пошлым неоспиритуалистическим заголовком: Альвейдро Сент-Ив д', Генон Рене. Оракулы великой тайны. Между Шамбалой и Агартхой. – М.: Эксмо, Яуза, 2005.

из трех подземных владык находится выше варновых разделений, являя собой чистый принцип. Проясняя же соответствие этим принципам, Генон пишет: «Брахатме принадлежит вся полнота как жреческой, так и царской власти во всей ее первозданной нерасчлененности; затем эти два вида власти обособляются одна от другой, и тогда Махатма предстает перед нами воплощением жреческого могущества, а Маханга – царского достоинства. В земном мире этому разделению соответствуют варны брахманов и кшатриев, однако, будучи “вне варн”, Махатма и Маханга, как таковые, совмещают в себе и жреческий, и царский характер. Здесь, пожалуй, стоит уточнить один пункт, который, как нам кажется, никогда еще не был должным образом объяснен: выше мы уже упоминали евангельских “царей-волхвов”, как бы объединяющих в себе эти два вида власти; добавим теперь, что эти загадочные персонажи являются на самом деле не чем иным, как тремя владыками Агартхи⁷⁸. Маханга подносит Христу золото и величает его “Царем”; Махатма одаривает его благовониями и приветствует как “Жреца”; и, наконец, Брахатма подносит ему смиру (бальзам нетления, разновидность амриты⁷⁹), именуя “Пророком” или “Духовным учителем”. Знаки почтения, оказываемые таким образом младенцу-Христу во всех трех мирах тремя полномочными представителями первозданной традиции, являются в то же время, как нетрудно заметить, залогом полного соответствия христианства с этой традицией»⁸⁰.

Таким образом, мы обнаруживаем, что рассмотренная Геноном триада целиком и полностью, как идеальный пример, соответствует тому, что мы поименовали полуманифестированной триадой. В этом примере мы обнаруживаем чистый принцип того, о чем говорили выше. И действительно, исходя из мифологического текста, образуемого тибетской легендой, писаниями оккультистов и традиционалистскими исследованиями, Brahâtmâ, Mahâtmâ и Mahângâ являются удаленными от человеческого мира субъектами-принципами, тем не менее в чело-

78) Хотя Сент-Ив и упоминает о трех «царях-волхвах», пришедших из Агартхи, но не приводит на сей счет никаких уточнений. Имена, которые им приписываются, можно считать плодом фантазии, кроме, однако, довольно многозначительного имени Мельхиор (Мелки-Ор), что по-еврейски значит «Царь Света». – Прим. Р.Г. Курсив Р.Г.

79) Амрита индусов, как и греческая амброзия (оба слова этимологически идентичны), т.е. напиток или пища бессмертия, соответствует ведической коме и авестийской хаоме. Деревья, выделяющие сок или смолу, препятствующие гниению, играют важную роль в традиционной символике; в частности, они употреблялись в качестве эмблемы Христа. – Прим. Р.Г. Курсив Р.Г.

80) Генон Рене. Царь Мира // Генон Рене. Символика креста. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 264–265.

веческом мире проживающими (под землей) и постоянно вмешивающимися в ход человеческой истории.

Наконец, отметим, что те традиции, которые принято именовать манифестационистскими, предоставляют нам обширнейший материал относительно того, что мы поименовали полуманифестированной триадой. Мы могли бы говорить о кельтской триаде, о различных индустских триадах, наконец, о триадах славянских (к чему, в связи с интересующим нас материалом, мы обратимся несколько позже), но, желая показать, что описанный нами принцип, по крайней мере для индоевропейских традиций, всеобщ, обратимся к описанному Дюмезилем классическому случаю: скандинавская триада, Один, Тор, Фрейр⁸¹. Мифологические свидетельства о ней предоставляют нам сочинения Снорри Стурлусуна: «Младшая Эдда»⁸² и «Сага об Инглингах»⁸³ из цикла королевских саг «Круг земной» («Хеймскрингла»). Согласно Снорри, триада «составная». В устье Дона (согласно комментаторам «Саги об инглингах»), реки, которую Снорри Стурлусон называет Танаквисль (то есть «Танаис») или Ванаквисль (буквально: «рукав реки, у которого живут ваны»), жили ваны, а к востоку от них, в Асгарде (некоторые новейшие исследователи⁸⁴, не всегда находящиеся в рамках академической науки, пытались отождествить Асгард с городом на побережье Азовского моря, иногда – на полуострове Тамань) – асы, пришедшие из Трои. Снорри Стурлусон в своих книгах дает сознательно эвгемеристическую трактовку древних богов, пытается примирить преданья родной земли с христианством. Асы и ваны вели долгую изнурительную войну, после чего обменялись заложниками и порешили дело миром. Верховная триада ванов (более старых, лунных божеств) – Ньёрд, Фрейр и Фрейя – объединилась с верховной триадой асов (более поздних, солнечных божеств) – Один, Вили и Ве, – и вместе они составили новую триаду: Один, Тор и Фрейр. Один функционально прежде всего жрец, колдун, «духовный владыка», он поплатился одним глазом, чтобы получить сверхъестественные знания⁸⁵. Тор – воитель, сокрушающий своим молотом великанов-ётунов, лозящий на удочку Мирозаема, иначе, тот, кто охраняет границы космоса от вторжения сил

81) Дюмезиль третьей называет Фрейю. Однако Фрейр и Фрейя являются, на самом деле, комплиментарностью, как Яма и Ями или Луна-Лунус.

82) Младшая Эдда. – М.: Литературные памятники. Ладомир, 1994.

83) Стурлусон Снорри. Круг земной. – М.: Литературные памятники, 1980.

84) Например, Тур Хейердал.

85) Вспомним, что было сказано выше по этому поводу в связи с принципом хамса.

хаоса. Фрейр – «скотий бог», аналог славянского Велеса, бог, несущий мир, достаток и благоденствие. Соотнесение членов этой триады с социальными функциями налицо⁸⁶. Типологически Один представляет «брахманов», Тор – «кшатриев», а Фрейр – «вайшьев». Однако Один не просто жрец, он наделен также и воинской функцией: один из его атрибутов – копье, он считается властителем Вальгаллы, куда попадают те, кто были убиты в бою. Возможно, что здесь перед нами некий рудимент более древних представлений, согласно которым Один являлся и жрецом-колдуном и воителем одновременно, совмещая в себе две функции и становясь таким образом выше «брахмана», что типологически соответствует индуистскому хамса. Никаких свидетельств тому у нас не сохранилось и можно лишь предположить, что Один, Вили и Ве некогда составляли триаду, типологически соответствующую принципам «хамса», «брахман» и «кшатрий». Что же до новой триады – Один, Тор, Фрейр, – то Снорри, хотя и оговаривает ее «человеческое происхождение», но «Видение Гюльви» из «Младшей Эдды» почти на нет сводит его усилия, поскольку здесь описывается как асы «обморочили» конунга Ганглери (Гюльви), явившись ему в некоем «инобытийном» чертоге, где восседали на трех тронах. Этот чертог типологически восходит к чертогу богов, несмотря на попытки Снорри придать данному происшествию колдовской, то есть человеческо-демонический, с точки зрения христианского Средневековья, характер. Возможно, сознавая, что подобное описание никак не вписывается в рамки христианского мировоззрения, Снорри называет трех асов Высоким, Равновысоким и Третьим, а не собственно Одином, Тором и Фрейром, оставляя право за самим читателем проводить те или иные отождествления и, таким образом, снимая с себя ответственность. Однако из песен «Старшей Эдды»⁸⁷, особенно же из «Прорицания Вёльвы», этого «языческого апокалипсиса», мы знаем, что «в конце времен» асы будут биться с силами хаоса и погибнут. Таким образом, для них обозначается перспектива «относительного бессмертия» – бессмертия в течение «мировой истории». Снорри этот миф подхватывает и в своей «Младшей Эдде» развивает. Стало быть, так или иначе, согласно логике мифа, изложенного Снорри, Один, Тор и Фрейр будут тайно присутствовать в мире как принципы, именно таков смысл этого мифа⁸⁸. Однако в случае этой

86) См. об этом: Гуревич А.Я. «Эдда» и сага. – М.: Наука, 1979.

87) Старшая Эдда // В т. 9 серии I БВЛ. – М.: Художественная литература, 1975.

88) Священная триада у скандинавов и русов, кстати, отчетливо соотносилась с проектировкой и ориентацией городов, о чем писали средневековые хронисты (в частности, Адам Бременский и Титмар Мерзебургский), чьи свидетельства разбирались В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым,

полуманифестированной триады мы вплотную приблизились к типу функционально-теологического тернера, от которого нас теперь отделяет только сниженная трактовка полуманифестированной триады у Снорри Стурлусона, да разве что еще Рагнарёк, с окончанием которого, согласно скандинавским мифам, закончится этот мир и погибнут асы.

§4. Функционально-теологическая триада

Выше говорилось, что когда мы разберем первые типы тернеров, на долю последних останется не так уж много, поскольку в достаточной мере уже будет выявлены их общая структура, типология и внутренние аспектные соотношения. К тому же в течение прошлого века вышло столько исследований по троичности Божества, что нам остается лишь кратко привести наиболее значимые для нашей работы примеры и зафиксировать их типологическое родство с приведенными выше тернерами, не впадая, однако, в дурные отождествления, от чего предостерегал еще Рене Генон в своей «Великой Триаде»⁸⁹. Помимо уже отмеченной ранее работы Дюмезиля⁹⁰ хотелось бы также сослаться на книгу Н. Троицкого «Триединство Божества», опубликованную в начале прошлого века и переизданную совсем недавно⁹¹. Книга несколько устарела – автор проводит слишком поспешные аналогии касательно разных типов тернеров, что сугубо отмечается в предисловии, – однако не потеряла своего значения, поскольку целиком и полностью посвящена интересующей нас теме. Выше мы уже писали, что, согласно выявленной Дюмезилем структурной типологии, Варуна соответствует жреческой функции, Индра – воинской, Насатьи же – функции производителей материальных благ. Если представить отношения в этом тернере вертикально-иерархически (учитывая, что было сказано выше о их «циклически-круговом» положении относительно друг друга), то окажется, что Варуна занимает «верхнюю сферу», Индра – «срединную, промежуточную», а Насатьи – «нижнюю, земную». Подобные же отношения встречаются и в других мифологиях. В частности, у древних халдеев Ану рассматривался в качестве духа неба, Энки – в качест-

выявившими тернерную структуру в организации городского пространства у балтийских славян. В треугольном городе Ретре почитался Триглав, соответствующий скандинавской триаде.

89) Генон Рене. Великая Триада // «Волшебная гора», № III. – М.: РИЦ «Пилигрим», 1995. С. 208.

90) Дюмезиль Жорж. Верховные боги индоевропейцев. – М., 1986.

91) Троицкий Н. Триединство Божества. – М.: Серия «Христианская символика и иконография», 1997.

ве духа земли, а Энлиль пребывал в подземном мире. В другом случае за Ану оставалась та же функция, Белу соответствовала земля, а Энки – воды в их хтоническом аспекте, «нижние воды». В греческой мифологии «три сферы» также разделены между тремя богами: Зевсом, Посейдоном и Аидом. Подобным же образом рассматривалась и триада женских божеств: Луна (Селена) – на небе, Диана (Артемиды) – на земле и Прозерпина (Геката) – в преисподней. «Триждывеличайший» Гермес в этом случае тоже представлял собой функционально-теологическую триаду и являл тройственность: величайший на небе, величайший на земле и величайший в преисподней. Платон, и вслед ему неоплатоники, иерархически располагали Единое, Ум и Душу, занимавшие тоже свои «сферы», которые хотя и не включали в себя землю и преисподнюю (которые входили в четвертый элемент – Космос), однако аналогически соответствовали всё тому же принципу. Русский Триглав или славянский Свентовит, о которых мы уже мельком упоминали в предыдущей главке, также представляли единство, соотносимое с тремя сферами. Один, Тор и Фрейр чаще рассматривались, по крайней мере с точки зрения самих язычников, именно как функционально-теологическая, а не полуманифестированная триада. Почитание функционально-теологических триад было характерно и для кельтской Европы. У нас нет достаточных сведений о том, к какому типу тернеров относились эти триады, можно лишь предположить, что они соответствовали в какой-либо мере функционально-теологическому типу, поскольку сохранились небольшие фрагменты «теологии бардов», приводимые комментаторами кельтских скелл, откуда можно сделать выводы о соотносительности этих трояких божеств с тремя «сферами» или тремя социальными функциями. Из приведенных в труде Широковой⁹² мнений видно, что кельтский Меркурий, имевший огромное число вариаций, рассматривался фактически в трех аспектах: то как «техник», «вайшья», «искусник» (согласно М.-Л. Сжостед и П. Дювалю «в божественном мире кельтов “технический” элемент преобладал над военным»⁹³), то как воин (Меркурий-Марс), то как податель земных благ. Известен также некий бог-трицефал. Боги Луг, Суцелл и Дагда выявляют свои функционально-теологические черты, что также отмечали Дюмезиль и другие исследователи. Мы могли бы обратиться также и к другим традициям мира в поисках функционально-теологических триад, но думаем, это излишне. Всё, что мы хотели сказать, уже сказано. Нанизы-

92) Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. – СПб.: Евразия, 2000. С. 260–270, 280–296.

93) Цит. соч. С. 265.

вание же, да будет нам позволено так выразиться, на ось нашей типологии всё новых примеров представляется нам совершенно бессмысленным.

§5. Апофатический тернер

Тернер, который нам известен как христианская Троица, с точки зрения самих собственно христианских представлений, представляет собой трансцендентный уровень реальности, реальность, в конечном счете, превосходящий. Этот тернер, как сверхбытийный, сверхпричинный, можно назвать, используя христианские дефиниции, апофатическим. Описание отношений внутри Троицы (едином Боге в трех лицах) содержится почти во всех трудах Отцов Церкви, начиная с Дионисия Ареопагита, и было бы по меньшей мере несообразным предполагать, что мы здесь можем что-либо добавить или убавить с точки зрения теологической. Христианские представления, запечатленные в догматах Вселенских Соборов касательно Троицы, хорошо известны. Мы же обратим внимание, не в качестве богословов, а как ученые исследователи, на то обстоятельство, согласно которому в финальной формуле православной молитвы Отче наш содержится сопоставление трех ипостасей с тремя функциями: «Яко Твоя есть Царство, Сила и Слава, Отца и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и веки веком <мы предпочитаем использовать исконный старообрядческий вариант – О.Ф.>». В этой формуле, отсутствовавшей в молитве, преподанной, согласно евангельскому тексту, Иисусом <по-старому это имя употребляется с одним «и» – О.Ф.> своим ученикам, в ответ на просьбу научить их молиться, – формуле, присущей именно «преданию», то есть традиции, а не писанию, как мы видим, – в силу очередности называемых членов тернера, – Царство соотносится с Отцом и «ныне», Сила – с Сыном и «присно», и Слава – со Святым Духом и «веки веком». Под «Царством», как мы понимаем, исходя из христианской традиции, подразумевается Царствие Небесное, а не мирское. Стало быть, Отец некоторым образом соотносим с духовно-царской функцией, объединяющей в себе два принципа: священства и царства. Но Сын, согласно Священному Писанию, также является и царем, и священником как «Царь Иудейский» и как «иерей по чину Мелхиседекову». А как мы помним, Мелхиседек также сочетал в себе два принципа – священства и царства. В то же время с Сыном соотносится «Сила». Опять-таки, сославшись на собственно христианское восприятие понятия «Сила», применяемого

относительно Сына, мы можем сказать, что это не столько внешняя, материальная сила, сколько духовная, спиритуальная, соответствующая функции духовной власти. То же касается и соотношения Святого Духа со «Славой». Однако в последнем случае не следует забывать и о мирском аспекте понятия «Слава». Из средневекового цикла о Чаше мы знаем, что раз в год голубь, приносящий облатку, спускается к Граалю. И Грааль питается этой облаткой в течение всего последующего года. Грааль, как сказано в том же «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха⁹⁴, может даровать государя стране: «И если столь земля грешна, // что государя лишена, // дарован будет государь // Граалем, как бывало встарь⁹⁵». Голубь, как известно, символизирует в христианстве Святого Духа⁹⁶. У оккультистов существует предание, согласно которому голубка унесла в клювике Грааль из захваченного по приказу Римского Папы войсками французского короля последнего оплота альбигойства – Монсегюра. Но также голубка, наряду с быком и красным цветком, является эмблемой собственно сторонников монархии, выступающих против священства⁹⁷. Таким образом, в упомянутой формуле мы, хотя и не в прямом виде, находим соответствие Отца с духовно-царским принципом, Сына – с принципом священства и Святого Духа – с принципом царства, чему находится полнейшая функционально-теологическая аналогия в классификации Дюмезиля, при той, разумеется, существенной оговорке, что в случае тернера, поименованного нами апофатическим, речь идет о трансцендентном (то есть оторванном от бытия, превышающем бытие) уровне духовной реальности, исходя из принципов самого христианства.

Подытоживая сказанное, сразу же оговоримся, что представленный материал и предложенная типология ни в коей мере не могут претендовать на всеохватность темы, связанной с тернерами вообще и тернерами такого рода в частности. Мы произвели всего лишь одну-единственную дистинкцию типологии тернеров. Специально могут быть

94) Эшенбах Вольфрам фон. Парцифаль // В т. 22, «Средневековый роман и повесть», серии I БВЛ. – М.: Художественная литература, 1974.

95) Эшенбах Вольфрам фон. Парцифаль. – Пер. В. Микушевича // «Бронзовый Век», № 21. – М.: Бронзовый Век, 1997. С. 70.

96) Мы не будем здесь вдаваться в алхимический символизм голубок Дианы. Хотя отметим здесь принципиальное значение упомянутого в Библии голубя, выпущенного из ковчега и вернувшегося с ветвью маслины, то есть сыгравшего роль посредника.

97) Об этом писали конспирологи XIX века, «дураки от истории», разбиравшие символику тайных обществ Средневековья. Подробная выборка из них приведена в книге: Дугин А. Конспирология. — М.: Арктогея, 2005.

рассмотрены и другие парадигмы тернеров. В частности, тернер: отец, мать, сын. Здесь также могут быть выявлены свои виды, не соотносящиеся с типологией, занимавшей нас, поскольку это будут разные парадигмы, хотя, возможно, и одинаковые синтагмы, если уж буквально заимствовать термины из лингвистики в пользу культурологии. Например, тернер Отец, Сын и Святой Дух и тернер Святой Дух, Мария Дева и Сын. Одна синтагма, но разные парадигмы. Или: Осирис, Исида и Анубис – Осирис, Исида и Гор. То же самое. Еще раз сошлемся на Генона и его «Великую Триаду», где внятно показано, что тернеры в разных традициях, как и внутри одной традиции, не могут считаться аналогичными или даже тождественными на том только основании, что это тернеры. Мы задали параметры: иерархическое соответствие «уровням онтологии» (с точки зрения самих традиций, к которым мы обращаемся) и социально-функциональная типология. И то, что было получено нами есть всего лишь продукт этой парадигмы. Что же касается «вертикальных» отношений внутри этой парадигмы, то хотя мы и выделили пять типов тернеров на основании определенных параметров, которые были оговорены, однако не преминем заметить, что при ближайшем рассмотрении границы между этими типами размыты, о чем, впрочем, тоже было допрежде говорено. И это происходит в силу того, что любая дистинкция вообще относительно, она ставит границы, пределы (πέρας) там, где их нет. Мысль же, слово и дух недискретны, они подобны, да простится нам это вольное, однако же довольно-таки точное сравнение, цветам в спектре, незаметно переходящим из одного в другой. Границ между «соседями по парадигме» нет. Именно поэтому Гермес легко может перемещаться из тернера миссии в полуманифестированную триаду, а оттуда – в триаду функционально-теологическую – и обратно. Похожая ситуация с Одним, Тором и Фрейром. Попадая из одной культурной ситуации или среды в другие ситуации и среды, они могут «понижаться» или «повышаться» в своем «статусе». Это всего лишь культурная оценка. Однако нас-то именно она и заставляет обращаться к себе, провоцируя нас к дискурсу! Впрочем, отличие между крайними типами тернеров всегда будет разительным. Тут уже невозможен никакой переход, никакая «редукция». Тем не менее, нам кажется полезным для закрепления сказанного в этой главе свести приведенные нами примеры в общую схему, выхватив наиболее яркие примеры и взяв их типологически, подобно тому как Генон типологически использует именованная индуистских варн при рассмотрении совершенно других традиций.

I. Социальный тернер	II. Тернер миссии	III. Полумани-фестивированная триада	IV. Функцио-нально-теоло-гическая триада	V. Апофатиче-ский тернер
1. Хамса – цари-жрецы	1. Великий Монарх (Пророк)	1. Брахатма – пророк	1. Один – царь-жрец	1. Бог Отец – священо-царство
2. Брахманы – жрецы	2. Ангельский Папа	2. Махатма – жрец	— “ —	2. Бог Сын – священство
3. Кшатрии – цари, воины	3. Князь (Пророк)	3. Маханга – царь	2. Тор – воин	3. Бог Дух Свя-той – царство
4. Вайшы – труженники, торговцы			3. Фрейр – по-датель матери-альных благ	

Как мы видим, некоторые из членов триады оказываются «сдвинуты» относительно других тернеров. Царско-жреческая функция оказывается соотносена с пророческой, в результате чего возникает серьезная путаница, царящая на страницах трудов традиционалистских авторов. Один может соответствовать и функции хамса, и функции «брахмана», жреца, шамана. Причины этого мы уже объясняли выше. Рассматривая противостояние духовной и мирской власти, подробно о «революции кшатриев против брахманов» писал Генон⁹⁸. Мы же, не столько продолжив мысль Генона, сколько отталкиваясь от выявленной нами парадигмы, сказали бы, что такой «революции» с необходимостью должна была предшествовать «революция брахманов против хамса». Впрочем, это всего лишь ни на что не претендующая догадка. Куда важнее то обстоятельство, согласуясь с которым первый и третий элементы тернеров могли взаимозаменяться. Сторонники приоритета священства отстаивали первенство «пророка», как выразителя «духовного принципа». Сторонники же царского принципа утверждали главенство «монарха» (но как раз-таки тоже как выразителя «духовного принципа»!). Пусть не всегда явно, однако противостоящие друг другу стороны можно было бы назвать «гвельфами» и «гибеллинами», если бы эти названия с необходимостью не ограничивали нас временной и географической определенностью. Впрочем, употреблять именованья этих средневековых партий типологически очень удобно и мы предпочли бы в дальнейшем воспользоваться таковой возможностью.

98) Генон Рене. Духовное владычество и мирская власть // «Волшебная гора» №№ VI–VII. – М.: РИЦ «Пилигрим», 1998–1999.

В. Карпец ЦАРСКОЕ МЕСТО

В Успенском соборе Московского Кремля, справа, если стоять лицом к алтарю, есть сооруженное в 1551 году Иоанном Васильевичем Грозным царское место в виде узорной кровельной шатровой сени на четырех столбах. «Она поставлена на четырех символических животных, которые должны были изображать таинственный смысл как самого трона, так и особенно смысл царского достоинства и сана...

Один зверь есть лев, имевший и еще два имени лютой и скимент, другой зверь – уена, по азбуквенному – медведица, рысь, а по словарю Беринды – «зверя округное, без обернения шьи», два остальных названы оскроганами. Место в надписи названо престолом» (См. Забелин И.Е. «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях». М., 1990, с. 239). Обыкновение устраивать такие места восходит к временам отдаленным – это тот самый отный злат стол, упоминаемый в «Слове о полку Игореве», образ которого преобразовательно представлен и в Священном Писании: «И сотвори царь престол от костей слоновых велий, и позлати его златом искушенным. Шесть степеней престолу, и образы тельцов престолу созади и верх престола кругл бе созади его, и руже сюду и сюду на престоле седалище, и два лва стояща при руках. И дванадесать лвы стояще ту на шести степенях сюду и сюду: не баше тако во всяком царстве» (Царств III, 10, 18-20). Аналогичным образом устроено было царское место и при византийском дворе, и царские места в Москве в Кремлевских палатах. Однако в Успенском соборе царское место всегда имело особый, совершенно ничем не сравнимый онтологический, государственный и литургический статус. Исследователь «сакрального пространства» Московской Руси Б.А.Успенский писал: «При этом «царское место» в середине церкви, где совершается венчание, коррелирует с «царскими дверями», ведущими в алтарь, перед которыми совершается помазание; следует отметить при этом, что наименование «царские двери» в этот период – в отличие от периода более раннего – соотносится с Христом как Царем славы. Таким образом, два царя – небесный и земной – как бы пространственно противопоставлены в храме; иначе говоря, они находятся в пространственном распределении. Не случайно уже со времени Иоанна IV «царское место» в московском Успенском соборе именуется «престолом» – престол царя земного, расположенный посреди храма,

очевидным образом коррелирует, опять-таки, с престолом Царя небесного, находящимся в алтаре». (Б.А.Успенский. «Царь и Патриарх. Харизма власти в России». М., 1998, с. 22). Московские Цари, сначала Юриковичи, а затем и Романовы, каждое воскресенье стояли на этом «царском месте» в главном соборе страны, «слушая божественного пения». Пребывание Царя на «царском» месте и Митрополита (а затем Патриарха) в алтаре служило образом «симфонии властей» и «священной сугубицы». С переездом столицы в Санкт-Петербург Императоры покинули Царское место, но при поставлении их на престол все равно поставляемый стоял именно там. Посвятельство на Царское место было равнозначно разорению алтаря.

В Смутное время – предположительно в 1611 году – Царское место было разобрано, как предполагает И.Е.Забелин, по указанию Боярской Думы (бывшего «государева верха»), уплачивавшей жалованье охранявшим ее польским войскам за счет продажи вещей из Кремля и царской казны. Это было верхом падения тогдашнего «олигархического» правительства, и восшедшие в 1613 году на престол Романовы застали Кремль в полном запустении. Даже в 1619 году при поставлении Филарета Никитича на Патриаршество Царь Михаил Феодорович принимал его в Золотой палате, сидя в малом царском месте, быть может, в обычном кресле. И лишь постепенно Царское место было восстановлено вместе с укреплением новой династии.

«Мир держится на скрепах литургических», – писал Павел Флоренский. Именно происходящее во время принесения безкровной жертвы за весь мир за Божественной литургией есть та незримая мировая ось, вокруг которой вращается Вселенная. На самом деле государственное устройство определяется литургией и нерушимо в той степени, в какой нерушима последняя. Это касается и формально не православной власти, поскольку жертва приносится «за всех и за всяческая».

До середины XVII века, то есть, до т.н. «никоно-алексеевской реформы», Божественная литургия совершалась на семи просфорах, причем одна из этих семи приносилась за Царя и весь Царствующий Дом. Так было и в Византии до падения Империи в 1459 году, после заключенной Константинопольским патриархатом т.н. Ферраро-Флорентийской унии с Римо-католической Церковью. Когда Империя пала, приношение за Императора-Царя всех православных прекратилось – что естественно – но оно продолжалось в Русской Церкви, как бы само собой перейдя с Византийских Императоров на Московских Великих Князей и Царей

– Царей Третьего Рима. В восточных же Патриархатах ее приносить прекратили и не возобновили даже тогда, когда в ставленнических грамотах первого Московского Патриарха Иова Русское государство было официально именовано Третьим Римом. Иными словами – только на Руси был Царь, и только Русь за Царя приносила жертву. Так продолжалось до «справы» середины XVII века, когда «седмипросфорие» в Русской Церкви в подражание новому греческому чину заменилось «пятипросфорием» и приношение за Царя было прекращено – без всяких на то оснований. Стремясь овладеть Константинополем и стать Вселенским Императором, каковым он и так на самом деле был («един есть всем христианом царь», по словам священноинока Филофея Псковского), Алексей Михайлович – не без теократического, а, точнее, иерократического влияния Патриарха Никона – «исправил» службу по образу «безцарной» новогреческой Церкви, подрубил корень собственной власти: монархия, не питаемая Божественной Кровью и Духом, начала «умирать» и со всей неизбежностью пала, как падает высохшее дерево. В этом и был смысл пути «от семнадцатого века к семнадцатому году», а вовсе не в том, что «дворяне впали в масонство и западничество, а народ в безбожие, распутство и пьянство», как объясняют «никонианские» историографы – отечественные и зарубежные. Об истинных причинах падения видимой монархии у нас не писали и почти не пишут. И если уже иссыхающее древо внезапно зацвело во второй половине XIX-начале XX вв., особенно при последних двух Императорах, в основании царствования которых легла кровь третьего от конца (Александра II), то это было уже закатное цветение.

Одной из великих «антиномий русской истории» (выражение А.А.Блока) XVIII-XIX вв. было то, что полное приношение за Царя и Царствующий Дом совершалось в храмах старообрядцев-поповцев, не только гонимых государством, но и на самом деле (без лукавства) не имевших законного канонического преемства, что делало и само это приношение недействительным. На самом деле только Указ Императора Павла от 1800 г. о введении Единоверия, то есть, допустимости русского обряда в общинах, подчиненных Греко-Российской Церкви, открыл путь к возобновлению евхаристического приношения за Царя и Царствующий Дом, что на самом деле (хотя это происходило и невидимо) и продлило срок правления династии Романовых. Если бы древний чин – как это предполагал сам убитый через год именно после этого (!) Император Павел – вновь стал бы в канонической Церкви (а не в расколе) «всеобдержным», история Царского Дома могла бы сложиться иначе.

Однако Священный Синод и при Павле, и особенно после Павла, сделал все, чтобы «локализовать» Единоверие, превратить его в «ловушку для старообрядцев», вместо того, чтобы положить его в основу и церковного, и государственного Возрождения. Будем откровенны: это древняя борьба между «папизмом» и «царством», начавшаяся уже с оклеветания святого Константина (когда он вынужден был покинуть Рим), вспыхнувшая в Европе при Меровингах и Гогенштауфенах, а затем и – косвенно – в России сначала при Иоанне Грозном, а затем при Никоне и Алексее Михайловиче. «Криптопапизм» победил, но это не спасло от народной волны «воинствующего атеизма», как, впрочем, и «народной мести» Царям (за тот же раскол, на самом деле!), как называлась и площадь, на которой до конца 70-х годов стоял «дом Ипатьева», где совершилась Искупительная Жертва Царя-Мученика и его Семьи. За семнадцатый век – Искупительная Жертва.

Не благодаря ли этой Искупительной Жертве произошло самое странное – в отличие от разложившегося и уже тогда смотрившего «одним глазом» на Запад боярства начала XVII века, большевики, воинствующие безбожники и противники монархии – так это, по крайней мере, видимо невооруженным глазом – даже в пору конфискации церковных ценностей не притронулись к Царскому месту, и никто с февраля 1917 года не всходил на него? Все это время и вплоть до сего дня оно остается пустым. Когда в 1918 году большевистское правительство въехало в Москву, государственную и родовую вотчину Рюриковичей и первых Романовых, Ульянов-Бланк первым делом в одиночестве обошел весь Кремль и вернулся в заранее приготовленную для него там квартиру. По всей логике присущей этому человеку кровной ненависти к Романовым он должен был бы Царское место разрушить. Он этого не сделал.

У Николы Клюева в знаменитом стихотворении 1918 года о Ленине со строкой о «Поморских ответах» есть финальные строфы, которые всегда нарочито игнорировало как советское литературоведение, что понятно, так и антисоветское, что, впрочем, тоже понятно:

Спросить бы у тучки, у звезд,

У зорь, что румянят ракиты...

Зловещ и пустынен погост,

Где царские бармы зарыты.

Их ворон-судьба стережет

В глухих преисподних могилах...

О чем же толкует народ

В напевах татарско-унылых?

Революция оказывается абсолютной полночью, точкой *nigredo*, точкой чернее черной черни. «Нужна жертва, и этой жертвой будую», – записывал в дневнике Царь-Мученик. В алхимической символике стадию *nigredo*, умерщвления и сгнивания нашего меркурия сопровождает ворон. Как правило, он сидит на гробе. Но сидит для того, чтобы Царственный младенец воскрес и многожды, потенциально до бесконечности, преумножил свое царство! Красному знамени большевиков (красный цвет – цвет Воскресения) они сами не соответствовали, в то время как анархисты с их черным флагом и мертвой головой на нем были единственно адекватны «полночи русской истории».

Василий Васильевич Розанов записал в дневнике, что на заставке газеты «Правда» должно было бы стоять не «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а «Проходит образ века сего».

Но именно несоответствие большевистской революции собственно «исторической полуночи» («Быть может, все-таки еще нет?») – записывал по другому поводу Мартин Хайдеггер, смысл слов которого раскрыл в своей последней лекции о философе от 28 марта с.г. Александр Дугин) и было причиной того, что эти бармы остались «зарыты» – они могут вновь явиться лишь в самой этой точке полуночи, точке солнцестояния. *Nigris nigrum nigro*.

Подтверждением тому является и политико-правовая реальность России XX века. Дело в том, что юридически мы по-прежнему живем при монархии. Отречение Императора от Престола от 2 марта (если оно действительно было, что тоже находится под вопросом) не является легитимным с точки зрения Основных Законов Российской Империи: во-первых, оно вообще ими не предусмотрено, во-вторых, Именной Указ об отречении (как считают многие исследователи, это был знак для военного командования) был подписан карандашом, что с точки зрения тех же Основных Законов делает его юридически недействительным. Тем более недействительно «отречение за сына». Это означает, что до убийства Царской Семьи в июле 1918 года Верховная власть по-прежнему юридически находилась в руках находившегося в заточении

Николая II. Следовательно, не могут считаться правообразующими актами ни Указ Временного Правительства об объявлении России республикой в сентябре 1917 г., ни созыв Учредительного Собрания, ни его роспуск, равно как и ни один из декретов Советской власти, ни Конституция 1918 года. Нелегитимность этих актов делает нелегитимными и все последующие, вплоть до ельцинской Конституции 1993 года, за которую проголосовало, к тому же, с учетом фактического бойкота референдума, всего около 28% населения (это лишь указание на реальное юридическое положение вещей, а не призыв к нарушению существующего законодательства). С другой стороны, на самом деле можно говорить лишь о фактической легитимности власти после Победы в Отечественной войне 1941-45 гг., подтвержденной референдумом июня 1991 г. о сохранении СССР, поправного Ельциным и демократами уже после 21 августа 1991 г., но и это является в конечном счете «правовой псевдоморфозой», не более.

Для православного сознания очевидно иное: Царская власть, как высохшее дерево, пала: 2 марта 1917 года власть в стране взяла в Свои руки Державная Владычица Земли Русской, явившаяся в этот день в селе Коломенском (родовом владении Романовых) через свою одноименную икону с Царскими регалиями. А значит, Она незримо вела красных богборцев на защиту единства и целостности Ея удела – Святой Руси – против раздиравших его на части белых армий. И это тоже одна из антиномий русской истории.

Красными войсками в 1918-21 гг. верховодили не русские. Но то, что ее рядовой и младший командный состав был русским, оказалась на самом деле следствием русского раскола XVII века с его вырванными ноздрями и горящими скитами. Не будем забывать: Соловецкий лагерь особого назначения (СЛО), в котором содержались в заключении архиереи «никонианской» Церкви, находился в точности на месте расправы с «соловецкими сидельцами», среди которых находился, по некоторым предположениям, и первый сын Царя Алексея Михайловича царевич Михаил Алексеевич с семьей – см. об этом Василий Комлев, «Тайный государь» и Великий Раскол (Недоказанная гипотеза или отвергнутая правда).

Царское место пусто и ныне. В 1992 году вице-президент Александр Руцкой привел в Успенский Собор юного Георгия Гогенцоллерна-Романова, сына Княгини Марии Владимировны и внука участвовавшего в революции 1917 года Великого Князя Кирилла Владимировича,

объявившего себя в 20-е годы «Императором Всероссийским». Вице-президент, взяв за руку Князя Георгия Михайловича, попытался провести его на Царское место, и, когда этому стала противиться пожилая музейная служительница (Собор тогда еще не был передан Церкви), сказал ей: «Это наш будущий Царь». – «Вот когда будет, пусть идет», – ответила женщина. Руцкой ничего на это не ответил, но Царское место осталось нетронутым.

Чем же является любая власть в России после убийства Царской Семьи в 1918 году? Ответ на самом деле сколь парадоксален, столь и прост: хранительницей Царского места. Власть может быть ярой, лютой и даже преступной, может быть слабой, зависимой и тоже преступной, но ее возвышения и падения оказываются на первый взгляд абсолютно необъяснимы и иррациональны. Таким на первый взгляд необъяснимым и иррациональным было внезапное истребление «ленинской гвардии» в 1937, таким же необъяснимым был внезапный разворот немецких автоколонн, уже вошедших в никем не защищенную Москву в декабре 1941 года, так без всякого сопротивления (как, впрочем, и в феврале 1917 г.) рухнула власть, почти всеми полагавшаяся готовой стоять века. Что значит эта загадочная фраза: «За три дня Россия слиняла. Заберите шубы» (В.В.Розанов). Столь же иррациональным казалось и утверждение «антинародного режима Ельцина» осенью 1993. Властные фигуры являются ниоткуда – вопреки всем правилам демократической игры – как это было на рубеже тысячелетий. Отсюда идиотский вопрос западных СМИ – Who is Mr. Putin? Ответ на него может означать только одно: власть не есть власть. Но и не власть не есть не власть. «То убьет это», – как писали в средние века знатоки «Великого делания».

Речь на самом деле идет о Великом Переворачивании всего, что началось в мире по крайней мере с середины второго христианского тысячелетия – в Европе раньше, в России позже. Семнадцатый век – не начало, а уже конец. Когда сегодня возникает вопрос о «восстановлении монархии», то говорят лишь о том, чтобы «прикрыть шапкой Мономаха» всю совокупность политических учреждений, форм и идеологий, порожденных антимонархическим и антитрадиционным развитием, начавшимся прежде всего французской и американской революциями XVIII в. – с сохранением доктрины «прав человека», «разделения властей», гражданского общества, банковско-финансовой процентной системы, подчинения России транснациональным корпорациям (ТНК), ставлением которых является один из «претендентов на

Русский Престол» британский принц Майкл Кентский, по неумолимой логике действительно находящийся в родстве с Домом Романовых и по неумолимой логике пародии внешне очень похожий на Царя-Мученика и носящий имя Михаила («Михаилом началось – Михаилом кончится»). Имеющий некоторые формальные права на Русский Престол (при условии принятия им и его семьей Православия – но при какой литургии – без принесения Жертвы за Царский Дом!?), вполне вменяемый, Принц Майкл в то же время оказывается представителем династии, имевшей в 1917 году прямое отношение к свержению Романовых, а далее отказавшейся их принять и тем самым сдавшей екатеринбургским убийцам. Не ради ли присоединения России к Британской Империи была затеяна Англией Первая мировая война, а затем и Февраль? И не планируется ли восхождение «Михаила II» на Русский Престол как реванш атлантического могущества после его неизбежного тотального поражения в нынешних и грядущих антиисламских авантюрах?

Еще одними посягателями на Царское место являются сегодня Гогенцоллерны-Романовы, наследники старого «заговора Великих князей», в котором участвовал в качестве одного из ведущих протагонистов родоначальник этой ветви Великий Князь Кирилл Владимирович, надевший красный бант и приведший верные ему части к присяге Временному Правительству. Его потомок князь Георгий Михайлович Гогенцоллерн, которого прочат на престол более «патриотические», чем прямые атлантисты, круги крупного российского (в конечном счете, все равно компрадорского) капитала, мог бы послужить в качестве «конституционного монарха» еще иным прикрытием «общества спектакля». В случае прихода к власти этой ветви «восстановленной монархии» свелось бы к формальному восстановлению дворянских титулов и символики, имущественным реституциям, очередной смене военной формы и проч. при сохранении в неизменном виде всего того, что складывалось веками, – от процентного рабства до «дегенеративной культуры».

В обоих случаях речь идет о конечной победе тех сил, которые в 1917 году свергли и уничтожили законных Романовых – Николая II, Александру Феодоровну и их детей – о победе двух заговоров: заговора британского посольства и заговора Великих Князей. Речь идет об исполнении подлинных, а не провозглашенных («народная свобода») целей Февраля, равно как и наследовавшего ему августа 1991.

Но дело не только в этом. До тех пор, пока Русская Церковь не приносит безкровной жертвы за Царя и его Семью – или до тех пор, пока такое канонически обязательное приношение происходит в расколе – ни о каком подлинном восстановлении монархии в России речи быть не может. Прикровение шапкой Мономаха распада и гниения – это не Монархия. Если же говорить о ее восстановлении, то оно может произойти только одновременно с Возвращением Церкви ко всему, что было до середины XVII века. Не о современном, несущем печать «малого народа», старообрядчестве идет речь, а именно о дораскольной полноте.

Если этого не произойдет, Царское место останется пустым. Лучше так, чем пародия.

Романов-на-Мурмане – так назывался до 1917 года город на Кольском полуострове, на крайней северной, полярной точке Российской Империи. Теперь он называется Мурманск (alias Муром).

Недавно Мурманску собирались вернуть его «историческое название». Не вернули.

NeVeRMoRe – «каркнул ворон» Эдгара По. Никогда.

«Быть может, все-таки еще нет?»

М. Журкин ФИЛОСОФИЯ ЖРЕЦОВ

В свое время Карл Маркс доказал, что история человечества – это цепочка последовательно сменяющих друг друга политико-экономических формаций. Любой историк их прекрасно помнит: первобытное общество, рабовладение, феодализм, капитализм. Но о точности этой периодизации споры не утихали никогда. Даже сам Маркс сильно колебался, он видел, что общества древнего Востока – Индия, Китай, Египет и Месопотамия сильно отличаются по экономической структуре от античных полисов. Философ даже хотел ввести еще одну формацию – «азиатский способ производства», но не решился сделать этого, чтобы не нарушить стройность теории.

Подобные заблуждения – не вина Маркса, он строил свою концепцию в середине XIX в., на основе изучения истории Европы. Исследование азиатских культур тогда только начиналось, и мыслитель разделял характерное для своей эпохи заблуждение, рассматривая цивилизацию Запада в качестве синонима самой высокоразвитой цивилизации. Между тем, культура классической античности и наследовавшая ей во многом культура Западной Европы есть, на самом деле, серьезное исключение из основной магистральной оси развития человечества. Другая ошибка той эпохи, которую также не мог не разделять К. Маркс, это причисление всех догосударственных форм общества к примитивным культурам. Согласно марксистской классификации, история первобытного общества делится на две стадии: дикость и предгосударственная стадия варварства. Цивилизация же появляется вместе с образованием экономических классов общества, аппарата насилия и бюрократии. Культуры же, которые не достигли стадии образования государства, считались долгое время однозначно отсталыми.

Но за полтора века со времен Маркса успела далеко шагнуть археология, и выяснилось, что трактовка догосударственных форм общества как отсталых не соответствует действительности. На самом деле, существовала масса археологических культур, которые несли в себе все признаки высокоразвитой цивилизации, но сам факт наличия у них государства не фиксируется. Допустим, культура кельтов в Европе выработала очень сложные философско-мифологические представления. Кельты также возводили громадные культовые

сооружения. Наиболее известное из них – древняя обсерватория бронзового века «Стоунхэндж». Строили они и другие дольмены, для возведения которых нужен был организованный труд тысяч людей. Существовал слой культовых служителей – друидов. Помимо знания мифологии, магии и прочих жреческих функций друиды очевидным образом обладали большими знаниями в астрономии, алгебре и других дисциплинах. Но государство у кельтов как бы отсутствует. Союз племен – не более.

Или допустим – «срубная» культура Восточной Европы эпохи раннего «бронзового века», относимая к индоевропейскому этническому субстрату. Именно они одомашнили лошадь и изобрели колесницу. Археология также фиксирует наличие у «срубников» сильной дифференциации захоронений – наряду со скромными погребениями простых общинников появляются огромные курганы с очень сложным обрядом погребения и богатой утварью, где скорее всего захоронены жрецы. На глиняных сосудах, принадлежащих этой культуре, также порой находят очень сложный набор пиктографических знаков. Некоторые ученые считают, что это, возможно, следы протописьменности. Древние городища, относимые к этой археологической культуре, самое известное из которых – Аркаим, построены тоже как обсерватории. Но исторических следов государства у «срубников» не фиксируется.

Сарматы – кочевой народ, который впервые ввел в военную практику использование тяжелой кавалерии. Всадники, как и кони, на которых они сидели, закованные в чешуйчатые металлические латы, вооруженные длинным копьем и двуручным мечем, просто сносили со своего пути легковооруженную пехоту. Сарматы правили многими племенами Восточной Европы, в том числе и протославянами. Но государство, в классическом его понимании, у них отсутствовало. Зато сохранились огромные курганы «цариц» – точнее жриц, с массой драгоценных украшений из золота, у сарматов был матриархат.

Можно назвать еще массу культур Америки, Африки и Евразии, у которых существовали все признаки цивилизации без отчетливых государственных форм. Они как будто бы созрели для образования государства, но, просуществовав порой века, так и не перешагнули этой стадии. Таких примеров масса.

Так может ли существовать развитое общество без государства – границ, армии, принудительных налогов и централизованной власти? А может быть, эти общественные формы вовсе не были переходными

к чему-либо, а вполне самодостаточными? Иначе говоря, в данных случаях мы имеем дело с каким-то самостоятельным социально-экономическим устройством, какой-то отдельной формацией? Как же можно ее определить, назвать? Что за господствующий слой был в данном типе общества? Встает еще множество более узких вопросов – система права, какова она была без аппарата насилия и принуждения? А оборона и война, как они велись без регулярной армии?

Бесспорно, что роль правящей элиты в данной социальной системе выполняли служители культа разной специализации – жрецы, колдуны, шаманы, и другие. Сложился этот строй видимо в эпоху неолита – позднекаменного века, когда при переходе к производящему хозяйству из массы простых общинников выделились профессиональные служители культа, и составили первую правящую элиту.

А почему первую? Да потому, что других правящих групп, кроме них тогда не было. Сословие профессиональных воинов еще не сложилось, соответственно не было и зависимого от него крестьянства. Рабов также еще не научились эксплуатировать, пленных либо приносили в жертву своим богам, либо они включались в систему родовой общины на младших правах (кому более повезло). Ополчение мужчин всего племени представляло единственную вооруженную силу на том этапе. Закон – право, держалось на обычае, его подкрепляли такие грозные институты, как кровная месть, и обычай ритуальных испытаний спорящих сторон. Единственная прослойка, напоминающая правящий класс – профессиональные служители культа, осуществляли свои функции без какого бы то ни было принуждения, опираясь лишь на силу Традиции, и внушаемые ей почитание и страх по отношению своему сословию.

Иначе говоря, данную систему можно назвать «примордиальным (жреческим) коммунизмом» – строй, при котором общество сохраняет еще безклассовые черты, но выделяет прослойку профессиональных служителей культа, которые выступают в качестве хранителей духовного наследия, ритуальных и практических знаний, другими словами, культурной традиции данного общества (обычно племенного союза).

И судя по огромным культовым сооружениям древних народов, сложным обычаям захоронений, богатейшему культурному наследию мифов и сказаний, математическим, астрономическим и медицинским знаниям, которыми владели древние жрецы, эта формация отнюдь не была примитивной или предшествующей чему-либо. Всё указы-

вает на то, что в данном случае мы имеем перед собой какой-то самостоятельный тип общества. Возможно, память о «золотом веке», которую хранят мифы всех народов, и есть воспоминания о «жреческом коммунизме».

Каков же был механизм жреческой власти, как они могли управлять массами без аппарата насилия, копить огромные богатства без принудительной системы налогообложения? Видимо, основная «тайна» жрецов в этом и есть, а отнюдь не в магических заклинаниях духов различных сфер.

Жрецы управляли сознанием масс, и за тысячелетия своей «духовной» практики нашли механизмы воздействия на коллективное бессознательное, другими словами, те инструменты, которые заставляют людей подчиняться добровольно. Основное правило подобной власти заключается в том, что, формируя мотивы поведения человека, управляешь и самим поведением. Проанализируем эти механизмы более подробно.

Основной элемент любых культово-магических операций заключается в вере участников этих обрядов в серьезность и действенность всего происходящего. Один из главных принципов любой магии заключается в том, что она действует лишь тогда, когда в нее верят.

Карл Маркс высказал в свое время гениальную мысль: «Идея становится материальной силой, когда овладевает массами». Перефразировав его, можно добавить: для любых человеческих объединений искренняя вера в истину каких-либо абстрактных принципов становится источником силы и власти.

Таким образом, можно сделать вывод, что магия действительно способна оказывать реальное физическое воздействие на социум и отдельных личностей, но относится она не к сфере манипуляции потусторонними силами, а к области управления человеческим сознанием. Иными словами, когда человек искренне верит в силу ритуала, то последний на него действительно способен производить физическое воздействие, допустим, излечивать от болезни. Магические верования представляют собой социальный инструмент. Любая магия – это явление, относящееся к социальной власти в первую очередь, а отнюдь не к потусторонней. О связи магии и власти прекрасно знали народы традиционных культур – у полинезийцев (племена маори) есть понятие «мана», это магическая сила и сверхъестественные свойства,

которыми наделены «сильные мира сего» – колдуны, жрецы, вожди. У обычных соплеменников «мана» почти отсутствует. Таким образом, понятием «мана» у полинезийцев обожествляется прежде всего земная – социальная власть. У всех народов, включая современные, есть традиция приписывать великим историческим деятелям какие-либо сверхчеловеческие качества, например, необычную гениальность или сверхъестественное предвидение, что и есть «мана».

Таким образом, комплекс жреческих ритуальных манипуляций, ставящих своей целью воздействие на коллективное сознание, можно назвать социальной магией, основной стержень которой – искренняя вера масс в ее действенность. Управление верой, искусственное ее вызывание – вот главная тайна жреца. Какова же методика этого древнейшего искусства? Это прекрасно можно изучить на основе этнографического материала и сведений о древнейших культах.

I. МИФ. Первейший и необходимейший элемент социальной магии жрецов – это миф, имеющаяся в арсенале любого служителя культа идейная концепция, объясняющая всё мироздание в целом, и соответственно вытекающая из этой концепции возможность объяснения всех случаев жизни в частности. Причем совершенно необязательно, чтобы эта концепция была доказуема, она может быть даже наивна, как, допустим, все мифы древних народов (идея о том, что боги сделали людей из глины). Но, опираясь на миф, жрец формирует стереотип поведения человека, иначе говоря, он может предписывать человеку, как ему необходимо поступать в каждом конкретном случае, какие традиции поддерживать, во что верить, и главное – объясняет, что есть хорошо, а что плохо. Отсюда вытекает мораль – правила поведения, диктуемые мифом. Можно привести пример того, как это работает. Жрец, допустим, может объяснить вражду двух племен – одно племя произошло от какаду, другое от черепахи, однажды какаду выклевал черепахи глаза и с тех пор потомки черепахи воюют с потомками какаду. Наиболее древние мифы и объясняют мироздание примерно на таком уровне. Миф – это матрица любого человеческого мышления. Даже современные люди способны оценивать окружающий мир только «изнутри» какой-либо мифологической концепции. Миф не обязательно должен выступать только в религиозной форме – любая абстрактная концепция, претендующая на объяснение окружающего мира, является мифом – допустим, идеология. И соответственно в качестве жреца может выступать не только служитель культа. Любой человек, вещающий от имени какой-либо абстрактной догмы,

фактически претендует на роль жреца. Научные знания прекрасно влетают в любую мифологическую ткань и способны только подкреплять и усиливать действие любой идейной доктрины. Знание – это сила, что всегда знал любой жрец, и не просто сила, а магическая – ключ к жреческой власти. Именно в обладании знанием, недоступным для масс, лежит его допуск к толкованию и соответственно использование одного для поддержания своей корпоративной власти – основной признак жреческого сословия. На более поздней исторической стадии мифы кодифицируются в священные тексты. Наличие священных текстов, содержащих обязательно «истину», их толкование и популяризация – также один из основных признаков жреца. Вместе с преданием обязательно складывается и «канон» – общий стиль большого мифа. Дальнейшее развитие и усложнение мифа обычно идет в рамках канона.

II. ЖЕРТВА. Знание без его применения бессильно. Миф становится инструментом воздействия на окружающий мир и генератором власти, а не просто умозрительными рассуждениями, только в том случае, если он подкрепляется принесением ему жертв. Человек должен поверить в миф, заставить его это сделать можно только одним способом – что-либо отдать за него. Жертвы могут быть абсолютно разного свойства: ритуальные подношения, церковная десятина, жертвоприношение животных и плодов, или, допустим, аскеза во имя веры и отказ от благ. Но самая ценная жертва – это человеческая жизнь. Причем это не обязательно человеческие жертвоприношения, которые практиковали многие древние культуры. Страдание и смерть за веру или убийство врагов веры – это самое сильное идейное оружие, которое автоматически наполняет смыслом любой миф. Пролитие крови заставляет воспринимать всерьез любые идейные догмы. Поэтому кровь – это действительно магическая жидкость, но не в прямом, а в переносном смысле. Кровь и смерть наполняют содержанием любой миф. Через травмирование человеческой психики острыми переживаниями кровавых драм она способна даже превращать веру в одержимость и фанатизм. Только при наличии жертвы, миф «работает», иначе говоря, служит источником власти, без нее он становится просто сказкой.

III. ОБРЯД / ПРАЗДНИК. Миф, как правило, драматичен, в нем обязательны элементы борьбы и смерти. Для того, чтобы человек жил категориями мифа, мало даже одной лишь жертвы. Необходимо постоянное пребывание человека «внутри» мифологической драмы, чтобы личность постоянно переживала категории мифа, можно даже

сказать, сливалась с ним. Этой цели служат обряд и сопутствующий ему праздник. В наиболее древние времена эти вещи были нераздельны – праздник был обязательной частью обряда. Сам обряд – это, фактически, театральная постановка, ставящая целью символически погрузить человека внутрь мифологической драмы, заставить его периодически переживать ее, но в символическом варианте. У людей первобытных культур, или выросших в удалении от современной цивилизации, наконец, у детей есть одно психологическое свойство – рассказывая что-либо, они как бы заново переживают события своего рассказа. То есть мимикой, эмоциями, жестикуляцией они как бы «проигрывают» события своего повествования. Обряд – это и есть подобный пересказ мифологических событий, но коллективный и заменяющий события сказаний их символами. Допустим, мифологическое божество может заменять человек, играющий его роль, либо искусственное изображение, либо какой-либо иной символ. Естественно, что всё современное искусство – театр, живопись, скульптура и прочее представляет собой также символические фигуры, транслирующие мифы, но современные. Обряды можно классифицировать – некоторые из них относятся к социальной магии напрямую, некоторые опосредованно. Иные из обрядов даже абсолютно не связаны с религией и вполне могут существовать, и существуют, в современном светском обществе.

1. Обряд поклонения некоему абстрактному принципу (богу или какой-либо идее, священному месту или предмету, может сопровождаться клятвами о верности данному принципу).
2. Обряды магического воздействия на окружающий мир (вызывание дождя, обряды, приносящие удачу и прочие блага, обряд проклятия, то есть символическое нанесение вреда объекту ненависти).
3. Обряд единства общины (часто существует в виде праздника, подчеркивающего единство какого-либо коллектива перед общим принципом, вне зависимости от сословных, классовых или прочих различий, может выступать и в форме ношения отличительных признаков, обозначающих принадлежность к общине – одежда, эмблемы, татуировки и другие знаки).
4. Обряд пророчества, предсказание, либо гадание о будущем. В древние времена все правители и полководцы согласовывали свои решения с гаданиями или предсказаниями, таким способом жрецы могли управлять наивными вождями, которые думали, что им советуют боги.

5. Инициация: обряд посвящения, символическое переведение человека в какую-либо иную групповую категорию по любому признаку. Этот обряд играл и играет важнейшую роль в человеческих судьбах. Жизнь любой личности всегда была построена как ряд переходов из одной социальной группы в другую, порой через преодоление различных испытаний. Обряды могут взаимно переплетаться друг с другом или один обряд может нести сразу несколько символических значений и сопровождаться жертвами, клятвами, ритуальными действиями.

IV. СИМВОЛ. Символ есть важнейший элемент жреческой власти. Жрец – не кто иной, как создатель символов, их повелитель и толкователь. Категории мифа всегда доводятся до масс в виде символов, разнообразие их огромно – музыка, изображения, предметы, письменность, литература, танец, скульптура и т.д. Даже у неандертальцев, судя по материалам археологических раскопок их погребений, были символические обряды. Возможно, человек даже мыслит символами (впрочем, это уже тема для отдельного исследования), и жрец, оперируя символами, управляет человеческим сознанием. Всё искусство являет нам символы разных мифов. Люди, творящие произведения искусства, выполняют древнейшую жреческую функцию, даже если сами не осознают этого.

V. ТАЙНА. Еще один ключевой инструмент власти из жреческого арсенала – тайна. Главная тайна, абсолютно закрытая от человека, это тайна смерти. Жрец всегда утверждает, что эта тайна ему известна, и он хранит ответ на нее. А, зная о том, что после смерти, жрец естественно претендует на то, что ему известен и смысл жизни. Именно поэтому в обществах, где была сильна жреческая власть, столь большую роль играл погребальный культ. Эти хитрецы всегда придумывали сложные системы потустороннего мира и утверждали, что без их посредничества человеческая душа никак не сможет там сориентироваться и занять подобающего ей места. Соответственно настоящий жрец должен быть обязательно хранителем тайн, больших и малых. Потому что даже самая небольшая тайна хранит в себе частичку самой великой и грозной из всех тайн – тайну смерти. Любой секрет – это уже кусочек культовой власти, а хранитель его – пусть немного, но жрец. С обладанием тайной сильно связана ложь. Значительная часть культовых служителей, издревле отдавала себе отчет о том, что вся система их власти это всего лишь манипуляция, и сами не верили в тот идейный продукт, который преподносили массам. Но, осознавая, что своим существованием они выполняют важную социальную функцию,

вынуждены были скрывать это. Поэтому среди жречества всегда распространены были эзотерические (скрытые) учения и философия, догматы которых сильно отличались от внешней эзотерической стороны их учений. Основные принципы своей философии жречество всегда держит в секрете.

Так действительно ли связана жреческая власть с чем-то посторонним, есть ли в ней элементы подлинной мистики, или это лишь манипуляции коллективным сознанием? В задачи данного исследования не входит решать эту проблему, да и вряд ли когда-либо она будет решена. Но определено, что весь арсенал жреческих методов «работает», и без какой бы то ни было мистики, порою и в светских обществах.

Пример тому – история коммунистических государств и СССР, в частности. Казалось бы, разве есть что-то общее между коммунистической идеологией и обрядами древних народов? Например, у древних инков был обычай выносить к войскам мумии умерших императоров, или даже носить их вслед за войском в ритуальных носилках, для поднятия боевого духа, что сразу напоминает парад на красной площади перед мавзолеем с мумией Ленина.

У многих древних народов был обычай приносить военнопленных противника в жертву на могилах своих вождей, вспомним Илиаду – жертвоприношение Ахилла. Конечно же, в СССР не закалывали немецких пленных генералов на ступенях мавзолея (хотя идея и не плохая), но вспоминается парад Победы, когда к усыпальнице вождя бросали штандарты поверженных немецких войск. А ведь это не что иное, как ритуально-символическое (магическое) уничтожение противника.

В истории же фашизма было такое изобилие ритуально-обрядовых элементов, что на эту тему написаны целые книги. В либеральных обществах США, Западной Европы, где жреческий культовый элемент сведен к минимуму в связи с торжеством позитивистской науки, казалось бы, не найти никаких следов ритуалистики. Но сразу же вспоминается огромная роль масонства в истории Запада и США, в частности. А масоны, судя по материалам нашего исследования, не что иное, как жреческая корпорация, изучающая и хранящая всё тот же древнейший набор культовых методов.

Так что мир и сейчас, как тысячи лет назад, опутан жреческой властью, принципиально в этом плане ничего не изменилось. Каста жрецов – как, впрочем, и каста воинов – будет существовать до тех пор, пока

живет человечество. Она никогда и не исчезала из истории, существуя в виде церковной или культовой организации. Политические партии и культурные движения также ее копируют. Даже если представить себе, что появится учение по борьбе с властью этой касты, то оно неизбежно станет такой же идейной догмой, и естественно, обзаведется своим жречеством – получится антижреческое жречество. Такие примеры в истории уже бывали.

Культовая власть неистребима, это государство без границ, существующее лишь в сознании своих последователей, тем не менее, оно способно генерировать огромную власть, быть причиной кровопролитных войн, создавать и рушить цивилизации. Жреческая корпорация может веками дремать под властью захватчиков, порою переживать упадок, порою – взлет. Но до тех пор, пока живо предание (миф), священные тексты и пусть даже небольшая группа последователей, оно не умрет никогда. Священные тексты подобны зерну, которое может «пережить долгую зиму» и дать неожиданные всходы порою через века.

Собственно «жреческий коммунизм» и является синонимом коммунизма во всем полномасштабном историческом охвате. Подобная форма социального общежития существовала только в доклассовом обществе. А также коммунистические общины всегда были связаны с религиозными течениями (институт монашества в разных культурах, коммунизм сект) и искусственными попытками многих философских учений создать гармоничное социальное устройство. Все попытки построить бесклассовое общество есть, по сути, желание вернуться в эпоху жреческого коммунизма, когда в качестве элиты общества выступает лишь слой интеллектуалов и теоретиков. Этот же тип общества является в полной мере традиционным потому, что не имеет никаких других рычагов власти, кроме духовной традиции.

А. Игнатъев

СОСЛОВИЯ И КАСТЫ В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ

Как было отмечено в одной из статей, посвященных политической культуре Древнего Востока, императив, властвующий над умами европейцев на протяжении последних тысячелетий – «равенство людей» – стал почти непреодолимым препятствием в анализе феноменов древневосточной политики жизни [Зубов, 1995, с.34]. Это же вполне верно и в отношении изучения исламской цивилизации, которая выросла на базе предшествовавших ей цивилизаций Востока, а вовсе не была их отрицанием, как утверждают сторонники «чистого ислама». Пресловутое «равенство в Исламе» это миф, который одинаково рьяно защищают и некоторые мусульмане, подверженные влиянию духа современности с ее одержимостью «всеуравниванием», и некоторые востоковеды. Например, Н.А. Иванов в капитальном труде «История Востока» утверждает: «В исламе все люди считались одинаковыми от рождения. Они не должны были иметь никаких преимуществ, связанных с их происхождением, даже фамилий. В идеале все мусульмане являлись рабами Аллаха, одинаковыми, как зубья одного гребня» [История Востока, 1999, с.40]. Однако подобные утверждения не имеют ничего общего с исторической действительностью. Сословное деление является неотъемлемой чертой любого традиционного общества, и мусульманское общество здесь не исключение. Отметим, что высокая, утонченная культура присуща только обществам с сословно-кастовой иерархией, нравится ли это сторонникам равенства или нет, но все выдающиеся культурные достижения были сделаны в эпоху господства аристократии. В Америке с ее «равенством возможностей» никогда не было аристократии, и отсюда ее культурная бесплодность и голый техницизм. Отметим также, что в СССР после краха в 20-е гг. попыток создания новой пролетарской культуры [а пролетарии в культурном отношении столь же бесплодны, что и буржуа], в качестве эталона была принята дворянская культура XIX в. Но теперь вернемся непосредственно к теме статьи.

И мусульманские модернисты, и следующие за ними востоковеды ссылаются на Коран и Сунну в подтверждение своей правоты. Да, в Коране и Сунне осуждается родовая спесь, но сама дихотомия знатность/незнатность вовсе не отрицается, мишенью становится лишь абсолютизация знатного происхождения, характерная для арабов

эпохи джахилийи. В одном из хадисов происхождение называется в числе четырех критериев выбора жены, наряду с богатством, красотой и религией, хотя предпочтение и отдается религии (Бухари 5090). Аналогичным образом осуждается алчность, привязанность к богатству, стремление к обладанию богатством – такасур (Коран 102.1–8), но не обладание богатством вообще, ибо сказано: «Богатство – благо для человека благого».

И напротив, Ислам весьма чтит родословную и знатность происхождения. Как пишет авторитетный исламский ученый Юсуф Кардави, «ребенок – это отпрыск отца, перенимающий его черты и особенности, а после его смерти являющийся его продолжателем и воплощением бессмертия рода. Ребенок унаследует черты характера и внешность, а также умственные качества и индивидуальные черты отца, как хорошие, так и плохие, благонравные и уродливые. Ребенок – это часть сердца своего отца и кусочек его плоти. Всевышний Аллах узаконил брак и запретил супружескую измену, чтобы исключить сомнения и двусмысленность в отцовстве, а также чтобы сохранить чистоту родословной». Именно поэтому в Исламе запрещено усыновление, ибо, по словам того же Юсуфа Кардави, «недопустимо, чтобы искусственно вживленный в семью мальчик становился ее полноценным членом и обладал теми же правами, что и остальные домочадцы...» [Кардави, 2004, с. 210, 214].

Наивысшим почетом у мусульман пользуются потомки самого Пророка, именуемые сейидами. Практически во всех странах мусульманского мифа, от Марокко до Уйгуристана, сейиды составили привилегированное сословие.

Считается, что сейиды – это потомки дочери Пророка – Фатимы и ее мужа Али. У Фатимы и Али было два сына: Хасан и Хусейн. Соответственно, есть два рода сейидов: сейиды Хасани, которых еще называют шерифами, и сейиды Хусейни. Помимо этого, у Али был еще сын от другой жены Мухаммед ибн ал-Ханафийя, но его потомков не признают сейидами, хотя, например, в Средней Азии они относятся к привилегированному сословию ходжа [Петрушевский, с. 243].

Само слово «сейид» имеет значение «влиятельное лицо, глава». Во многих текстах сам Пророк назывался сейидом. Например, он упоминается под именами «сейидус-сагалейн» (господин этого мира и следующего), «сейидус-анам» (величайший из созданных), «сейидул-анбийя» (глава всех пророков). Сподвижники Пророка использовали это слово для

восхваления отдельных людей, находящихся в их среде. Помимо этого, слово «сейид» в хадисах использовалось также в значениях главы или влиятельного лица племени, а пятница именовалась «сейидом всех дней» (Ибн Маджа, «Игама», 79). Слово «шериф» или «шариф» (мн.ч. – ашраф) в переводе с арабского значит «благородный». Впоследствии это слово стало титулом правителей.

Основы привилегированного положения родичей Пророка были заложены еще во время правления второго халифа Умара (634–644), который установил регулярную выплату жалованья заслуженным членам мусульманской общины. Наивысший размер жалованья был определен не для халифа и заместников-полководцев, а для восьми вдов Пророка (причем больше всего стала получать Аиша как самая знатная и самая любимая жена) и его внуков Хасана и Хусейна [Большаков, т.2, с.146-147].

Но во время правления Омейядов у власти хоть и находилась старая арабская знать, потомки Пророка подвергались гонениям, поскольку Омейяды видели в них угрозу для своего положения. Достаточно вспомнить трагическую гибель внука Пророка Хусейна [Большаков, с. 192–205].

Положение изменилось в лучшую сторону после прихода к власти династии Аббасидов в 750 г. Аббасиды были потомками Аббаса, дяди Пророка и Али. Привилегии сейидов – потомков Али – были закреплены на официальном уровне, как и привилегии членов рода Аббасидов. Вместе Алиды и Аббасиды именовались ахль ал-бейт, «люди дома Пророка», или просто «люди Дома». И те, и другие получали от правительства денежное довольствие, вместе с членами своих семей были освобождены от уплаты налога в пользу бедных, могли ходатайствовать за преступников и имели свою собственную юрисдикцию. Роль судьи в их отношении исполнял старейшина (накиб), имевшийся в каждом крупном городе и назначавшийся халифом. Первоначально Алиды и Аббасиды имели общих накибов, но потом каждый род стал иметь своих собственных. Проживающим в Багдаде потомкам Пророка при халифе ал-Мутамиде (870–892) ежемесячно выплачивалось по одному динару, на что вполне можно было прожить. Согласно источникам, в Багдаде в ту пору проживало 4 тыс. человек, имевших право на пособие [Мец, 1973, с. 132–133]. Но при этом к личности сейида, исходя из того, что он потомок Пророка, предъявлялись высокие моральные требования. Например, у

шиитов дочери сейидов не могли вступать во временные браки (мута), поскольку положение жены мута считалось непочетным [Петрушевский, с. 273].

Свое высокое положение сейиды сохранили и в государствах, возникших на обломках Арабского халифата. В государстве Саманидов (819–999), располагавшемся в Средней Азии, земли, принадлежавшие сейидам, не облагались налогами. В Египте во время правления там династии Фатимидов (909–1171) было создано специальное ведомство Нигабатут-Талибийн, функциями которого являлось изучение родословных сейидов и обеспечение их привилегий. Аналогичное ведомство было учреждено и в государстве Хулагуидов после принятия Ислама Ульджайту-ханом (1304–1316). В общественном сознании в ту пору особое благородство приписывалось не только непосредственным потомкам Пророков, но и племени курайшитов вообще. Согласно самому авторитетному труду по суннитскому государственному праву, сочинению ал-Маварди (974–1058) «Ал-ахкам ас-султаний» («Законы правления»), халиф может происходить только из племени курайшитов, из которого был родом Пророк [Петрушевский, с. 150].

В Османском халифате сейиды пользовались не меньшими почетом и уважением. На страже их интересов стояло ведомство под названием Нагибул-ашрафлыг. В этом ведомстве составлялись родословные, именуемые шаджараи-мутайиба. Среди простого люда сейиды выделялись чалмами зеленого цвета. Впоследствии появилось немало своего рода «детей лейтенанта Шмидта», то есть аферистов, которые выдавали себя за потомков Пророка и стремились получить положенные им привилегии, представляя поддельные документы в Нагибул-ашрафлыг.

Большое влияние сейиды сохраняют и в наши дни. Иорданий и Марокко правят королевские династии, принадлежащие к роду потомков Пророка. Руководителем (рахбаром) Исламской Республики Иран является Аятолла Сейид Али Хаменеи, сейидом был и основатель ИРИ Аятолла Хомейни. Претендовал на родство с Пророком (без реальных оснований) и казненный правитель Ирака Саддам Хусейн. Президентом крупнейшей арабской страны – Египта – является Мухаммед Хосни Сейид Мубарак.

Если сейидом можно стать только по рождению (хотя в прошлом многие светские правители стремились породниться с ними, женившись на дочерях сейидов), то для представителей еще одного важнейшего сословия, также возникшего в эпоху Аббасидов, сословия факихов, на

первом месте стоит соответствующая квалификация, хотя и наследственность в этой среде, понятно, было обычным делом. Факихи – это профессиональные законоведы, на которых смотрели как на авторитетных знатоков и хранителей вероучения. Многие факихи были одновременно и сейидами. С религиозной точки зрения, факихи не тождественны христианским священникам: они не считаются посредниками между Богом и людьми и носителями божественной благодати, не имеют исключительного права совершать религиозные обряды, ни права отлучать от общины или отпустить грехи. Но в реальной жизни сословие факихов или улемов (алим, мн.ч. улама) стало играть ту же роль, которую у христиан играет духовенство [Петрушевский, с. 93]. Сам институт факихов вызывает в наши дни особую неприязнь у приверженцев «чистого ислама», которые считают его греховным новшеством (бида) и сравнивают факихов с языческими жрецами. Однако, по моему мнению, появление сословия факихов было вызвано исторической необходимостью и поэтому было неизбежно. Халифат был обширной, протянувшейся от Испании до Индии многонациональной империей, где, помимо арабов, жили представители огромного количества других народов и племен, не знавших арабского языка, и следовательно, не могущих воспринимать источники вероучения – Коран и Сунну. А там, где есть овцы, всегда появляются и пастухи.

Социальная иерархия, существовавшая в эпоху Аббасидов, нашла свое отражение в сочинении одного придворного, разделившего людей на четыре категории:

- 1]. Цари (мулук), которых их права поставили первыми;
- 2]. Везиры, которые отличаются смышленостью и разумом;
- 3]. Высокопоставленные (илиа), которых возвысило богатство (йасар);
- 4]. Среднее сословие (аусат), которые приравнены к ним благодаря полученному образованию (тааддуб).

Весь же прочий люд – грязная пена, заболоченный ручей и низкие твари. Каждый думает лишь о еде и сне» [Мец, 1973, с. 132]. Таким образом, положение человека в обществе определяло в ту пору не только происхождение, но богатство и образование. Существовавшая система не была жестко кастовой и допускала перемещения из одной группы в другую, но и уравнительной она вовсе не была.

Ценным источником, свидетельствующим о существовании сословно-иерархических представлений уже в эпоху распада Арабского халифата, когда единое мусульманское государство превратилось в фикцию, является написанная в XII в. знаменитым факихом Бурханудином Маргинани, приверженцем ханафитского мазхаба, книга «Хидоя фи фуру ал-фикх». Эта книга до сих пор служит в качестве одного из основных учебных пособий в странах мусульманского Востока и изучается в медресе и университетах этих стран как правовое и нравственное руководство [Хидоя, 2008, с. 11].

Во второй части «Хидои», посвященной браку, сказано, что необходимо «предохранить род от неприличных и неравных браков, а это охранение чести рода возложено на отцовскую родню, которая особенно обязана следить за тем, чтобы кровь их рода не была посрамлена худой или низкой примесью» [Хидоя, 2008, с. 136]. Устанавливается требование кафаата, или равенства между брачующимися сторонами, поскольку «женщина высокого рода и положения гнушалась бы соитием и общением с худородным мужчиною». Указывается, что необходимо равенство в отношении следующих критериев: племени или рода, веры, свободы, нравственности, состояний и знаний. Но при этом замечается, что мужчина всё же может жениться на женщине, ниже его по роду и положению [Хидоя, 2008, с. 138–140]. Равным образом и согласно индуистским Законам Ману брак анулома [санскр. anuloma, букв. «по шерсти»], при котором мужчина был выше женщины по варне, считался допустимым, а брак пратилома [pratiloma, букв. «против шерсти»], когда имело место быть обратное, осуждался.

Также в «Хидое» устанавливается неравенство в сфере применения уголовного права: чем более высокое положение занимает человек, тем более мягкая степень таазира (назидательного наказания за нарушение общественного порядка) к нему должна применяться. Так, таазир, применяемый к самым благородным (правителям и ученым), заключается в одном напоминании, к благородным (военачальникам и наместникам областей) – или в напоминании или в джирра (приведение нарушителя к дверям на посмешище), к среднему классу (купцам и лавочникам) – в джирре или лишении свободы, к низшему классу – в джирре, лишении свободы или телесном наказании [Хидоя, 2008, с. 472]. Еще устанавливается, что если кто-либо назовет человека, занимающего высокое положение, ослом или свиньей, он подлежит наказанию, а если же он таким образом оскорбил простолюдина, то наказание не налагается [Хидоя, 2008, с. 473].

Теперь переходим непосредственно к рассмотрению сословно-иерархических систем, существовавших в различных регионах мусульманского мира и отличавшихся яркой спецификой. Начнем мы с Османского халифата как самого крупного и мощного мусульманского государства, существовавшего со времен Арабского халифата, затем обратимся к Аравии с ее кастовой системой, после чего наш взор перенесется к близкой нам Центральной Азии с ее «белой» и «черной костью», и наконец, мы завершим наше исследование Индостаном – тем регионом, который явил пример наиболее развитой сословно-кастовой системы у мусульман.

По поводу существования сословной системы в Османском халифате в научной среде ведутся жаркие дискуссии. Например, С.А. Агаджанов в «Истории Востока» [т. 2, с. 625] пишет: «Османская империя начинала также с четкого социального деления на привилегированные и податные сословия, но затем многонациональность государства, разложение военно-ленной системы [...] вызвали появление сложной системы социальных статусов». И одновременно в той же «Истории Востока», только уже в т. 3 [с. 83] уже упоминавшийся Н.А. Иванов утверждает: «В османском обществе не было сословий, то есть формально признанных общественных групп, объединявших людей на основе общности социального положения, прав и обязанностей, вытекающих из их происхождения. По османским понятиям, все люди были одинаковы от рождения. У них не было и не могло быть никаких преимуществ, связанных с кровью, а их достоинство не могло передаваться по наследству». Правда, он признает, что в массовом сознании существовали представления об иерархичности социальной структуры, и знатности происхождения, но они не были закреплены законодательно. Деление общества на разряды, встречающееся в социально-дидактических трактатах, он считает чисто умозрительным [История Востока, 1995, с. 625]. Того же мнения придерживается и Кэролайн Финкель, автор книги «История Османской империи. Видение Османа» [Финкель, 2010, с. 264].

Впрочем, то, что Н.А. Иванов не прав, мы могли увидеть уже тогда, когда речь шла о сейдах и их привилегиях. Но принадлежность к сейдам определялась сугубо генеалогией, а не занятием. В отношении же функционального членения османское общество делилось на четыре разряда (аснаф): военные (аскери), духовенство (улама), мещанство (ан-нас), крестьянство (райя). В свою очередь, аскери делились еще на «людей меча» (собственно военных) и «людей пера» (чиновников).

Лица, принадлежавшие к первым двум разрядам, составляли правящий класс страны и были освобождены от уплаты налогов. В XVI в., когда прежняя иерархия, основанная на распределении обязанностей, стала постепенно заменяться иерархией, основанной на принципе материального положения, грань между «людьми меча» или «людьми пера» стала стираться. А в следующем веке термин «райя» перестал употребляться по отношению к мусульманскому крестьянству и стал обозначать преимущественно немусульман [История Востока, 1999, с. 82; Петросян, 1990, с. 88–89].

В случае Османского халифата мы вполне можем говорить о существовании сословий, потому что, как правило, сын в те времена наследовал занятие отца. Как замечает Роббер Мантран касательно мусульманского духовенства: «элита эта рекрутируется в замкнутом социальном круге, в среде мулл, улемов и кадиев больших городов, в среде, где господствует неписаное правило: высокая должность, занимаемая отцом, – сильнейший довод в пользу того, чтобы ее же со временем занял его сын. Так административная каста воспроизводит себя из поколения в поколение» [Мантран, 2006, с. 263–264]. Также и владельцы условных земельных держаний (тимаров), составлявшие основную массу кавалерии, которая наряду с янычарской пехотой на протяжении XV–XVI вв. была ударной силой империи, передавали при соблюдении условия несения военной службы свои владения по наследству, из поколения в поколение [Петросян, 1990, с. 91]. Наследственность, по-видимому, доминировала и в корпорациях, в которые были объединены ремесленники [Мантран, 2006, с. 140]. Наследственность является важнейшей чертой сословной системы, и совсем не обязательно она должна быть закреплена законодательно, жизнь индийских каст также регулируется обычаями. Да и в Европе, чью сословную систему Н.А. Иванов противопоставляет османской «бессословности», четкое деление на классы-сословия произошло лишь в конце средних веков [История Востока, 1995, с. 625].

Без сомнения, весьма интересной является социальная иерархия, установившаяся на родине исламской цивилизации – в Аравии, которая хоть формально и подчинялась османскому султану, но на деле жила своей самостоятельной жизнью. В XVIII в. уже фиксируется существование на территории Аравии самой настоящей кастовой системы, связанной с наследственным профессиональным занятием. Самыми благородными считались бедуины, занимавшиеся разведением верблюдов. Помимо этого, они жили набегами, караванным извозом и торговлей. Претен-

зии на свое высокое положение бедуины-верблюдоводы обосновывали своими родословными и могли назвать имена своих предков во многих поколениях. На более низкой ступени, чем верблюдоводы, стояли овцеводы, а еще ниже земледельцы, и даже беднейший бедуин редко соглашался выдать замуж свою дочь за богатого феллаха. Ремесленники были еще более презираемыми, чем земледельцы, потому что занятие ремеслом, особенно ткачеством, считалось самым последним делом для араба, и даже само слово «ремесленник» было ругательством. Наконец, на самом дне общества находились абды – рабы и вольноотпущенники. «Отбросами общества» являлись и так называемые «низшие» племена, представителям которых приписывались всевозможные пороки, и общение с которыми было ограничено [Васильев, 1999, с.57-59]. Как сообщается в «Хидое»: «Племя бану-бахилиа не равно ни одному из арабских племен, потому что оно известно своею порочностью по всей Аравии. Ни одно из упомянутых выше племен не считает его ровнею себе» [Хидоя, 2008. с. 139]. Представители «низших» племен занимались презираемой деятельностью – некоторыми видами ремесла, становились профессиональными музыкантами, танцорами и знахарями [Васильев, 1999, с. 48].

Интересно отметить, что внутри каждой из указанных каст, даже внутри абдов, выделялась своя элита, соответственно, самыми благородными считались шейхи бедуинов-верблюдоводов. Поэтому даже оседлые феодалы стремились сохранить бедуинский образ жизни и поддерживали родственные отношения с бедуинской знатью [Васильев, 1999, с. 58].

Несколько иное положение существовало в Южной Аравии с ее древними культурными традициями. Общество делилось на три части: привилегированную (шейхи и сейиды), полноправную (кабили) и неполноправную (капар, масакин, дуафа, субьян, рабы). Касательно привилегированной части требуется пояснение, что если сейиды считались потомками Хусейна, то располагавшиеся ниже шейхи претендовали на происхождение от сподвижников Пророка или от знатных родов доисламского времени. Все эти группы были замкнуты, принадлежность к ним передавалась по наследству, соблюдалась эндогамия, то есть в данном случае можно говорить именно о кастах. При этом сейиды и шейхи исполняли религиозно-культурные и судебные функции, будучи носителями религиозных знаний. Занятиями кабилей были охрана племенной территории, защита неполноправных, набеги на соседей и взимание пошлин за проход

караванов. А уделом неполноправного слоя были все виды торговли и ремесла и обработка земли, а также работа по найму [История Востока, 2004, с. 35, 74]. Что касается рабов, то они попадали в Хадрамаут из Черной Африки. Часть их жила, выполняя домашнюю работу, а другие занимались физическим трудом в поле и в порту. Кроме рабов такую же работу выполняли ахдамы – каста отверженных. Ахдамы попали в Южную Аравию тоже из Африки (хадрамаутцы убеждены, что ахдамы – потомки эфиопов, обосновавшихся здесь в III–VI вв.). Уделом этой касты был самый тяжелый труд: дубление кож, стирка белья, вывоз нечистот, работы в каменоломнях и в порту. Они жили за городской стеной и не имели права входить в дома других людей. Но были люди, стоявшие на этой социальной лестнице еще ниже ахдамов, – бродячие музыканты, которым даже было запрещено входить в мечеть [Васильев, 1971].

Теперь обратимся к хорошо знакомому нам региону – Центральной Азии, где (за исключением Киргизии) местное мусульманское население делится на две основные группы: «белая кость» (ок-суяк, ок-сиек, ак-сияк, тюрк.-тадж.), то есть знать, и чернь, простонародье (карача, кара-халк) или «черная кость» (кара-суйек у казахов). К «белой кости» принадлежат потомки Пророка и мусульманских святых (аулийя). В Казахстане к ней причисляют и потомков Чингисхана. У туркмен же потомки мусульманских святых именуется «овляды» [Ислам, 1999, с.75]. Деление на «белую кость» и «черную кость» имеет древнее тюркское происхождение [История Востока, 2004, с. 37].

В целом в Средней Азии лица, принадлежащие к «белой кости», делятся на две категории: сейиды (о них речь уже шла) и ходжа. К ходжа, в отличие от сейидов, относятся потомки трех первых халифов – Абу Бакра, Умара и Усмана, а также потомки сына Али Мухаммада ибн Ханафии. В различных областях Средней Азии существуют более подробные градации «белой кости». Например, в Ферганской долине самыми знатными считаются тура, вторые по знатности – ишаны, третьи – ходжи, последние – махсумы. В Ходженте на первом месте стоят тура, затем – ходжа, после них идут сейиды, и ниже их мирза. Тура считаются самыми знатными, потому что по мужской линии они являются потомками мусульманских святых, а по женской – потомками Чингисхана. В Туркмении иерархия знати выстраивается так: ходжи, шихи (шейхи), магтыма (махсум), сейиты (сейиды), ата. Подобная градация основывается на представлении о том, в какой степени каждая группа смешана через брачные союзы с чернью [Ислам, 1999, с. 75]. Представители разных сословных групп различались по одежде:

головному убору, халату, обуви и поясу [История Востока, 2004, с. 157].

В наибольшей степени социальная иерархия изучена у казахов. В Казахстане «белую кость» составляли наследственные группы торе и кожа. Из них торе были своего рода кшатриями, они, будучи Чингисидами, потомками Джучи-хана, претендовали на политическое верховенство, выполняли политические и судебно-административные функции и «поставляли» правителей крымским и казанским татарам, башкирам и калмыкам. Кожа же играли роль брахманов, сферой их деятельности были общественные и семейные ритуальные действия. Торе у казахов также имели судебные привилегии, судились в ханском суде, вира за убийство султана-торе в семь раз превышала выкуп за убийство представителя кара-суйек («черной кости»). «Черную кость» представляли свободные кочевники-скотоводы. Ниже их находились рабы, которые составляли незначительную часть общества [История Востока, 2004, с. 37–38].

Большинство родословных, которыми представители «белой кости» обосновывают свое положение, исследователи считают фиктивными. Впрочем, есть мнение, что «белая кость» в Средней Азии включает настоящих потомков арабских завоевателей [Ислам, 1999, с. 75].

«Белой кости» присуща эндогамия, то есть браки заключаются только между «своими». Для женщин в прошлые времена исключение делалось крайне редко, в основном, в случае браков с представителями светской знати. На мужчин этот принцип распространялся лишь частично: к «белой кости» принадлежать должна была лишь первая жена, остальные могли быть и из простонародья. Поэтому отцу мог наследовать только старший сын от матери, принадлежащей к «белой кости» [Ислам, 1999, с. 75–76].

В период до российского завоевания представители «белой кости» занимали руководящие места во всех сферах жизнедеятельности среднеазиатского общества: административной, военной и судебной сферах, дипломатии, системе образования, хозяйстве. Из рядов «белой кости» вышло немало философов, летописцев, поэтов и врачей. Также к ней принадлежала верхушка суфийских братств, весьма влиятельных в Средней Азии [Ислам, 1999, с. 76].

Российское завоевание нанесло удар по привилегированному положению «белой кости», поскольку новые власти стремились не допускать ее представителей к управлению. Как ни парадоксально, но при-

ход большевиков способствовал на первых порах восстановлению ею позиций, поскольку оказался открыт доступ старой знати к официальным постам. В результате, практически весь руководящий состав созданных среднеазиатских республик состоял первоначально из «белой кости». И даже репрессии 30-х гг. не смогли полностью изменить это положение. Так, первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана в 1983–1988 являлся Ином Усманходжаев, чья фамилия указывает на его принадлежность к ходжа. Еще один представитель «белой кости», Асадулла Ходжаев в 1960–70-е гг. занимал посты Самаркандского, Намаганского обкомов и Ташкентского горкома КПСС.

Распад СССР вновь выдвинул представителей «белой кости» на первое место. Особенно заметным это было в Таджикистане, где руководство исламской оппозиции во время гражданской войны составили выходцы из старой знати. Но и среди правящей группировки можно отыскать немало представителей «белой кости». В народе распространяется легенда, что и президент Эмомали Рахмонов является сейидом. По свидетельству знакомых узбеков, большим уважением и влиянием «белая кость» пользуется и в Узбекистане. И хоть сам Ислам Каримов принадлежит к «черни» (и кстати, не обладает никаким авторитетом среди своих подданных, лично я не встречал еще ни одного узбека, который положительно отзывался о президенте своей страны), но среди его соратников были и представители «белой кости». Тем более, много знатных людей находится в руководстве исламской оппозиции, и самым известным из них был Джума Намагани, погибший в 2001 г. в Афганистане при обороне Кундуза.

В наиболее яркой форме сословная система сформировалась у мусульман на Индостанском полуострове еще во времена Делийского султана (XIII–XVI вв.). Обычно ее создание приписывается влиянию индусов с их кастовой системой (сторонники «чистого ислама» видят в этом, конечно, происки язычников), но, как у нас была возможность увидеть ранее, она успешно функционировала и там, где никаких индусов не было. Между мусульманскими кастами не существует таких непроницаемых барьеров, как между индусскими; допускается переход из одной касты в другую. Обоснование существования мусульманских каст дал еще в книге «Фатава-и-джахандари» Зияуддин Барани, кади султана Мухаммеда Туглака (1325–1351).

Как и в Центральной Азии, в Индостане также есть свои знать и просто-народье, первые именуется шарифами или ашраф – «благородные»,

вторые – аджлаф – «низкие». Различие между ними объясняется тем, что если представители ашраф возводят свои родословные к тем арабам, тюркам, пуштунам и персам, которые некогда прибыли в Индию, то аджлаф являются потомками обратившихся в Ислам индусов [Котин, 2005, с. 75].

Две эти крупные группы каст – ашраф и аджлаф – в свою очередь делятся на более мелкие. Деление внутри ашраф связано опять-таки с происхождением. К ашраф относятся прежде всего сейиды, шейхи, моголы и патаны.

Сейидами, как и в других регионах распространения Ислама, являются те, кто считает себя потомками Пророка. Конечно, далеко не все они являются таковыми, возможно, их предками были арабские, тюркские и персидские воины, торговцы и миссионеры. Внешне они отличаются от остальных мусульман более белой кожей и более ярко выраженными европеоидными чертами лица. Шейхи – это самая многочисленная категория ашраф, чьи представители считают себя потомками знатных арабов (но не обязательно из рода Пророка). Не так многочисленны моголы, возводящие свой род к среднеазиатским аристократам, пришедшим в Индию вместе с Бабуром. Наконец, к патанам относятся те, кто претендует на происхождение от пуштунов (патанами индийцы и называют пуштунов), которые некогда управляли многими областями Северной Индии. По аналогии с индусской кастовой системой, некоторые ученые считают, что сейиды и шейхи могут быть сопоставлены с брахманами, а моголы и патаны – с кшатриями. В отличие от ашраф, деление аджлаф на касты связано не только с общим происхождением, но и с наследственной профессией. Можно предположить, что отдельные касты аджлаф – это потомки перешедших в Ислам членов индусских профессиональных каст. К их числу принадлежат арайн (земледельцы), джулаха (ткачи), дарзи (портные), касай (мясники) [Котин, 2005, с. 74–76].

В Чондимонгол, памятнике бенгальской литературы XVI в., упоминается о существовании кастового деления у мусульман, и называются такие кастовые группы, как гола (не совершающие намаз), джола (ткачи), мукери (перевозчики на волах), питдхари (торговцы сладостями), горошал (индусы, принявшие мусульманскую веру), хаджам (цирельники), кагоджи (изготовители бумаги), бенота (изготовители веревок) и другие. Как мы видим, это кастовое деление в основном основывается на хозяйственной деятельности, и лишь в редких случаях

– на отношении к религии [Чондимонгол, 1980, с. 151].

Взаимоотношения между представителями более низких мусульманских каст регулируются, как и индусов, системой джаджмани, при этом более высокая каста именуется джаджман («заказчик»), более низкая – камин («работник»). После общения с камином джаджман должен очиститься, совершив омовение [Котин, 2005, с. 77].

Помимо ашраф и аджлан, у мусульман Индостана существует еще группа каст арзал («падшие»), которые считаются аналогом индусских неприкасаемых. Арзал включает такие касты, как бханар, касби, лалбеги, маугта и прочие. Профессиональными занятиями представителей этих каст является уборка трупов и нечистот и подобные грязные работы, и поэтому прочие мусульмане избегают контактов с ними.

Итак, подведем итоги нашего обзора. Как мы могли наблюдать, сословно-иерархическая система, сложившаяся в различных регионах мусульманского мира, имеет свою специфику, но можно выделить и общие закономерности. На формирование этой системы влияли три фактора. Во-первых, это сам Ислам и его история, что особенно значимо в случае верхушки, которая ведет свое происхождение от самого Пророка, его сподвижников, мусульманских святых и героев мусульманской истории, как, например, завоевателей Индии (сейиды, шерифы, хаджа, моголы, патаны). Во-вторых, это доисламские традиции, как то: деление на «белую кость» и «черную кость» в Центральной Азии имеет явно доисламское, древнетюркское происхождение, в Йемене шейхи племен вели свое происхождение и от доисламской знати, наконец, влияние традиций индуизма на складывание системы мусульманских каст в Индии. В-третьих, это наследственная профессия и место в хозяйственной деятельности, что в большей степени присуще средним и низшим слоям населения и связано с представлением о более высоких и более низких занятиях. Поэтому есть сословия, выделяемые на основе генеалогии, и функциональные сословия, эти сословия могут накладываться друг на друга. Например, сейиды могут принадлежать и к военно-феодалной знати, и к духовенству.

В основном грани между сословиями у мусульман являются вполне проницаемыми, но в некоторых случаях появляются самые настоящие касты, как в Южной Аравии, где есть и свои «брахманы» и свои «неприкасаемые». Кое-где грани эти под влиянием современного мира и вовсе стерлись [Турция], но зачастую традиционная иерархия и представления о знатности сохраняют свое значение и по сей день, как

например, в Центральной Азии, где они смогли пережить советский период, не говоря уже о мусульманах Индостана.

Библиография:

- Большаков, 1993 – Большаков О.Г. История халифата: в 4-х т. – Т. 2 – М.: Вост. лит., 1993.
- Большаков, 1998 – Большаков О.Г. История халифата: в 4-х т. – Т. 3 – М.: Вост. лит., 1998.
- Васильев, 1971 – Васильев А. Глиняные небоскребы Хандрамаута // Вокруг света – 1971 – № 11.
- Васильев, 1999 – Васильев А.М. История Саудовской Аравии [1745 – конец XX в.]. – 2-е изд., расш. и доп. – М.: Классика плюс, 1999.
- Зубов, 1995 – Зубов А.Б., Павлова О.И. Религиозные аспекты политической культуры Древнего Востока: образ царя // Религии Древнего Востока. – М.: Вост. лит., 1995.
- Ислам, 1999 – Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Выпуск 2. – М.: Вост. лит., 1999.
- История Востока, 1995 – История Востока: в 6-ти т. – Т. 2 – М.: Вост. лит., 1995.
- История Востока, 1999 – История Востока: в 6-ти т. – Т. 3 – М.: Вост. лит., 1999.
- История Востока, 2004 – История Востока: в 6-ти т. – Т. 4, кн. 1 – М.: Вост. лит., 1999.
- Кардави 2004, – Кардави Ю. Дозволенное и запретное в Исламе. – М.: Андалус, 2004.
- Котин, 2005 – Котин И.Ю. Ислам в Южной Азии. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2005.
- Мантран, 2006 – Мантран Р. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. – М.: Молодая гвардия, 2006.
- Мец, 1973 – Мец А. Мусульманский Ренессанс. Пер. с немецкого и предисловие Бергельса А.Е. – М.: Наука, 1973.
- Петросян, 1990 – Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. – М.: Наука, 1990.
- Петрушевский, 1966 – Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV века. – Л.: Наука, 1966.
- Финкель, 2010 – Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. – М.; АСТ, 2010.
- Хидоя, 2008 – Хидоя, Комментарии мусульманского права: в 2-х ч., 7. ч. 1, т. 1-2. – М.: Волтерс Клувер, 2008.
- Чондимонгол, 1980 – Мукундорам Чокроборти Кобиконкон. Песнь о благодарении Чанди [Чондимонгол]. Пер. с бенгальского Товстых И.А. – М.: Наука, 1980.

М. Борозенец АРХЕОКРАТИЯ И СОСЛОВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

К структурному анализу социологии XXI века

1. По ту сторону глобального смещения

Касты, сословия, классы – сегодня эти четкие социальные расслоения считаются «пережитком прошлого», то есть тех эпох, когда общество предполагало внятную традиционную иерархию, воплощающую метафизические представления о структуре Мироздания в физических формах реальной власти. Всякая иерархия являет собой твердь, фундамент, статический Центр посреди хаотического движения, подтачивающего эту твердь периферийными кругообразными волнами. Парадигма Модерна, как мы знаем, противопоставила себя всему традиционному и потому водрузила децентрализующие тенденции на знамя идеологии и методологии, провозгласив их естественными и, следовательно, истинными, а Центр – насилем над этой естественной истиной. Урчание голодного желудка предполагалось первичным по отношению к копошению мыслей – на службу этой догме была поставлена вся современная наука. Метафизика последовательно опровергалась материалистическими выводами, (причем наиболее серьезный удар был нанесен с тыла идеалистом Кантом), пока у власти окончательно не утвердилась система товаро-денежных отношений.

Процесс социальной модернизации, начатый светочами Возрождения, был применен на практике деятелями Просвещения. Периферизация была внедрена в государственные монархические системы, где она развернула агрессивную борьбу против «тирании Центра», и подтачивание иерархии вылилось в размывание границ каст и сословий до окончательного смещения всех и вся в единую массу. Этот процесс нашел свое логическое завершение в марксистской теории, провозглашавшей окончательное обобщение социальных различий. Но с завершением приходит и преодоление.

Что любопытно, как только в СССР был официально утвержден коммунистический режим и провозглашен триумф тотального равенства, за алыми советскими кулисами, на самом дне общества – в преступной среде, неожиданно образовался некий аналог традиционного общества

с характерными кастами и сословиями. Сходство преступного мира с традиционной иерархией очевидно. Верхушка – это воры в законе, свято почитавшие заповеди (жрецы, брахманы). Их авторитет был непоколебим, им, безоружным, беспрекословно подчинялась вооруженная до зубов братва (воины, кшатрии). Структура преступного мира была зеркальным отражением советской действительности, так как социальное равенство тут же выявило, что «одни равнее других» – рабочие массы благоговели перед бонзами Компартии и представителями номенклатуры. Когда режим в конце концов рухнул в 1990-е годы, и начался кровавый передел власти, аналогичный процесс пошел и в недрах криминального мира. Самое интересное, что к концу 90-х новоиспеченная российская элита олигархов представляла из себя смесь выходцев из преступного мира и из номенклатурной системы – Капитал примирил былых антиподов и перемешал их в один класс.

Убийственные столкновения между ворами и бандитами, презревшими Закон, это классический конфликт между жреческой системой и воинской, которая рано или поздно восстает против «сакрального» посредством банального насилия. Как в фашистской Германии, так и в коммунистической России, после великих переворотов пророки-революционеры последовательно уничтожались «синархией новой централизации» – совместной бюрократией кшатриев и идеологов-брахманов. Жрец – власть статическая, тогда как певцы «вечной Революции» – это власть пророческая, а пророки, как известно, всегда были врагами жреческой касты и «вечного Застоя». Жрецы нацистской элиты и Компартии СССР идеологически легитимировали насилие своих кшатриев. Социализм и присущая этой системе номенклатурная бюрократия – это всегда внутреннее кшатрийство. Так как природа война экстравертна, и открывается только перед лицом Врага, а в мирное время она обращается внутрь и превращается в полицию и тоталитарную бюрократию. Но когда застой становится безальтернативным, а власть жрецов – абсолютной, динамическая природа война рано или поздно восстает¹.

Кризис СССР и выход из всемирной гонки в качестве флагмана коммунистической перспективы не остановил планетарного процесса тотального смещения, получившего ныне титул Глобализации. Разработчики мирового либерализма просто истрактвовали марксизм как «ложный путь», который вел обратно к Традиции под прикрытием прогрессивных доктрин. Глобализация продолжает свое шествие по

1) Р. Генон называл это «Контринициацией кшатриев», которая положила конец Золотому веку.

миру, превентивно ликвидируя потенциальные источники агрессии, которые могут препятствовать ее «мирной экспансии». Традиции и устои уникальных цивилизаций нивелируются западными гуманистическими принципами, провозглашенными как непоколебимый стандарт. Нам проповедают благодать смешения статусов, рас, полов, языков, религий, и призывают сублимировать агрессивную диалектику каких-либо различий в финансовую сферу бескровной конкуренции.

Но все ли так свободно, равно и по-братски в этой «антитрадиционной» системе? На какую схему она ориентируется и от какой традиции она отталкивается? Попробуем заглянуть в наше далекое индоевропейское прошлое и проследить развитие структуры традиционного общества.

2. Сакральная триада

Неважно на какую парадигму мы опираемся – традиционную или научно-материалистическую, первичным человеческим сообществом предполагается род, где все члены так или иначе связаны семейными узами. Быт охотников и собирателей сравним с эпохой после Грехопадения, когда человек интегрирован в круговорот Природы, ничем не отличимый от прочих существ. В рамках этого примитивного сообщества постепенно выделяются наиболее сильные – способные противостоять хищникам и валить крупные камни и деревья, а также наиболее умные – знающие секреты трав и грибов, фазы Луны и прочие признаки смены сезонов.

Но наступает принципиально новый период человеческого существования. По мнению традиционалистов, он грядет благодаря бережно хранимой памяти о Золотом веке, и неизбежной попытке воссоздать эти условия. По мнению материалистов, это логически обоснованный процесс на основе накопленного опыта, познания и открытия. Так или иначе, на каком-то этапе человек восстает против инерционного движения и переходит на оседлое существование. Разрабатывая земледелие и скотоводство, он стремится контролировать свои нужды, чтобы минимизировать зависимость от Природы, и тем самым утвердить свой самодостаточный мини-космос посреди естественного хаоса. Переходя на оседлый быт, диада сильных и умных выделяет новое функциональное сословие умелых и находчивых, и становится триадой, воплощением сакральной формулы индоевропейской метафизики.

Еще в начале XX века, путём сопоставления языкового материала и мифов различных индоевропейских народов, выдвигавшийся мифолог Жорж Дюмезиль установил, что протоиндоевропейское общество функционально делилось на три сословия, и построил на этом постулате свою знаменитую «теорию трёх функций»:

1. жреческая (магико-юридическая; брахманы)
2. военная (военно-административная, кшатрии),
3. хозяйственная (земледельцы, скотоводы, ремесленники – вайши)²

Действительно, в традиционном индоевропейском символизме чисел «3» (тройка, троича, триада) занимает особое место как фундаментальная сакральная структура, то есть некая универсальная формула, на которой зиждется вся логика Мироздания. Следуя после «1» (монада, мужской архетип) и «2» (дуализм, женский архетип), Троица одновременно является и результатом их союза (1 + 2 = 3). В рамках гегельянской философии это выражено как: теза + антитеза = синтез, а в традиционной доктрине элементов: огонь + вода = воздух. Точно также и третье сословие является комбинацией качеств огня (смелость и воля кшатриев) и воды (проницательность и мудрость брахманов).

Не даром слово «культура» относится как к земледелию, так и к совокупности духовных ценностей. Секреты хозяйства постепенно формируют циклическое постижение мира, открытие тайн жизни, смерти и перерождения, воплощавшиеся в культивации земли. Уже на этой основе возникают завершённые языковые и мифологические системы. Более того, даже в современных индоевропейских языках многие метафизические понятия без труда прослеживаются в истоках, лежащих в хозяйственной сфере. Это, прежде всего слово «Господь», которым величались и продолжают величаться основные боги индоевропейцев – так, например, Баал/Ваал (букв. хозяин, владыка) изначально был богом плодородия у западных семитов. Само слово

2) По мнению Дюмезиля, троичная социальная структура индоевропейцев находила не только прямое отражение в их древнейших текстах, но пронизывала все стороны общества, включая культуру. Опосредованно она проявлялась в идеологии различных индоевропейских народов. В религии – это триады богов типа римских Юпитера, Марса, Квирина, воплощавших три основные социальные функции: соответственно магико-юридическую, военную и производственную: в культовой практике – иерархия трех священных огней; в этике – иерархия трех высших нравственных ценностей типа индийских «дхарма», «арта», «кама»; в мифологии – различные тернарные структуры, триады божественных даров-реликвий типа скифских плуга-ярма, секиры и чаши; в эпосе – истории состязания трех братьев, трех родов; в социальной цветовой символике (одежды жрецов белого цвета, воинов – красного, трудящихся – черного или синего) и т.п.

«господь» (господин, господарь, государь), обычно, вслед за М. Фасмером, возводится к лат. *hostipotis (хозяин; предоставляющий гостеприимство), но нам также кажется вероятным сближение с германским *husbond* (букв. хозяин дома, в англ. *husband* – муж). Хотя хозяйственной сути это не меняет.

Приведу еще один пример из исторической лингвистики³. В праславянском языке есть два слова, обозначающие «божество». Это устаревшее ДИВ, и по-прежнему практикуемое БОГ. ДИВ, оставшееся ныне лишь в словах «диво», «дивиться», восходит к праиндоевропейскому *deiwos и означает букв. «ясное небо», и встречается почти во всех индоевропейских языках⁴. И вдруг ДИВ вытесняется новым словом на периферию языка, где приобретает значение «демон», «бес». Это новое слово считается пришлым из скифо-иранских языков, так как отсутствует в балтийских языках, то есть, у ближайших родичей славян, и означает «добро», «благополучие», «БОГатство». Все просто и ясно: «БОГатый» – подобен Богу, «БЕДный» – подобен Бесу (*bed-s).

Даже если предположить, что слово БОГ происходит от протоиндоевропейского *bhag- (дуб, бук), как считают некоторые исследователи, то мы отмечаем тот же принцип смещения сакрального от природного к хозяйственному – слово *bhag- было просто заимствовано у древопоклонников и наделено новым смыслом. Этот парадигмальный феномен «окультуривания верований» зафиксирован почти во всех классических мифологиях, где прежние боги стихий и Природы свергаются богами «нового поколения» – покровителями культуры и цивилизации, прикладной мудрости и сакральной власти (ср. Древнегреческих титанов и олимпийцев).

3. Сословие изгоев

Триада представляется идеальной структурой, которая, как это обосновывал еще Платон, чаще всего воплощается в неидеальном, искаженном образе, как и все вещи материального мира. Символ этого конструкта вложен в следующую за триадой тетраду, четверицу⁵. «4»–

3) В.В. Мартынов «Язык в пространстве и времени», М. УРСС 2004, С. 49-50

4) *deiwos: санск. deva, авест. daeva, лит. dievas, латыш. dievs, прусс. deiws, лат. deus, оск. diúvef, умбр. di, галл. D'vona, греч. theos, финн. tios, канв. di, англ. Tiw/Tuesday, герм. Ziu/--, сканд. Týr, гот. Tuz, валл. duw, ирл. día/día, лит. ziv, лув. tiwat-, лид. Divi-, пал. tiyaz, арм. tiv/--/--.

5) В китайском языке, например, числительное «четыре» и глагол «умирать» являются омофонами, а в Японии и Корее эти слова были заимствованы из китайского. Автомобильные номера,

это традиционно число формализации принципов, материализации, выраженное симметричным правильным квадратом, и соотносится с синтезом «1-2-3» в качестве анализа. В системе элементов это – Земля, противоположность Воздуха (Неба) и одновременно зона смешения элементов. Сквозь призму тетрады идеи воплощаются в формы, и они варьируются, множатся, дробятся, а качественное содержание переходит в количество.

Все это имеет прямое отношение к интересующей нас теме архаичной социологии. Все мифы, повествуя о Золотом веке, описывают его как некий Град, то есть как ограниченное замкнутое пространство, пребывающее в самодостаточном равновесии, абсолютном гомеостазе, Вечности. Но реальность, сменяющая Миф, открывает этому Абсолютному Центру просторы Периферии, лежащие за его стенами. Именно в этих кругах зарождается некое четвертое сословие, которое растет и крепнет за счет противопоставления себя Центру и его триаде. Это прежде всего члены социума, по тем или иным причинам покидающие его пределы –

1. Дальнобойщики (охотники-одиночки или добытчики каких-либо ресурсов), чье долгое пребывание вне общины так или иначе отчуждает их от коллектива и Закона («дремучий лес милее дома, и дикий зверь – один лишь друг»), и зарождает в них индивидуализм.
2. Путешественники-первопроходцы, чья профессия центробежна по определению. К этой группе принадлежат также и купцы, которые осуществляют товарно-денежные отношения с другими общинами. И здесь пребывание вдали от надзора жрецов и воинов побуждает их преследовать скорее собственные интересы, нежели общинные.
3. Преступники и маргиналы, изгнанные за пределы Града, и вынужденные существовать на Периферии.

Зачастую представители этих трех разных групп находят общий язык на одном основании – они питают неприязнь к Центру, его традициям и нравам, и одновременно дорожат своей свободой и индивидуализмом. Они чтят их как идеал, не отдавая себе отчета в том, что он всецело обусловлен отрицанием общины и Традиции. Со временем Периферия набирает силу и становится серьезным оппонентом Центру – ее лазутчики уже даже действуют в пределах общины, где под

заканчивающиеся на 4, запрещены в Пекине как несчастливые. В гостиницах и больницах Китая, Японии и Кореи редко бывают 4-е этажи ввиду тетрафобии – боязни числа 4.

видом общих дел также преследуют собственные интересы. Центр провоцируется до тех пор, пока не вынуждается к ответному удару – так открывается новая страница человеческой истории, являющая бесконечную непримиримую борьбу Центра и Периферии.

Обратите внимание, что на место идеальной троичной модели приходит уже реальная дуальная, возвращающая членов общины в хаотическое состояние, предшествовавшее оседлости. Эта двумерная, бинарно-опозиционная логика Периферии поначалу воспринимается Центром только как «внешняя политика». Однако экспансия за пределы стен и вторжение в Периферию неизбежно преобразует и сам Центр. Захваченные в плен обитатели Периферии постепенно формируют четвертое сословие уже в пределах Града, искажая сакральную троичную модель, и извращая сам быт общины. Это четвертое сословие – рабы, за счет кого представители трех саркальных сословий становятся эксплуататорами. Эксплуатация не знает границ, и потому провоцирует дальнейший экспансионизм, новый захват земель и рабов, увеличение хозяйства и умножение Капитала.

Взаимосвязь торговцев-собственников и рабов в рамках четвертого сословия очевидна. Рабовладение всегда было неотъемлемой частью наиболее развитых товарно-денежных систем. И в то же самое время, сам торговец является рабом собственного Капитала, ненасытному умножению которого он обязан служить.

Существующая по сей день в Индии кастовая система является как раз 4-частной, и понимается как классическая – с брахманами сверху, и шудрами (рабами) внизу. Цивилизация долины Инд образовалась на основе экспансии в эти места белых ариев с Севера, которые поработили туземных дравидов и превратили их в покорное четвертое сословие под началом высшей Триады.

4. Попранный идеал брахмана Дюмезиля

Если у Дюмезиля тут же нашлись сторонники и поклонники его концепции, заложившие основы для целого направления в науке (структурализм), то подавляющее число академиков выступило с решительным протестом этому «архаичному идеалистическому подходу, подрывающему сам принцип материалистического метода». Особенно тяжелый удар по конструкциям Дюмезиля был нанесен индологом Я. Гондой, который установил, что первоначально в

ведийском обществе основной массе производителей противостояла единая элита, которая лишь впоследствии разделилась на брахманов и кшатриев⁶. Целый ряд исследователей древнейших текстов индоариев доказывает, что классическая четырехварновая система выводится не из троичной, а из более архаичной двоичной системы, состоящей из *aryavarna* («варна ариев») и *dasavarna* («варна дасов» – враждебные ариям автохтонные протодравидские племена Индостана).

Претензии брахманов и магов на верховную власть хорошо известны, в конце концов философские концепции и государственные модели разрабатывают именно они. Как отмечает академик А.П. Медведев⁷, «в реальной же истории ни в Индии, ни в Иране в древности не было подлинно «теократических обществ». Как правило, эти общества возглавляли «цари» – представители второго сословия «кшатриев» или «колесничих». Разумеется, «цари» древних индоевропейских народов также выполняли определенные сакральные функции (*rex sacrorum*), особенно во время ежегодных праздничных ритуалов. Но все-таки основными их функциями были военная и управленческая, причем последняя в самом узком значении этого слова – «в проведении прямого пути»⁸). То же самое можно сказать о других, более поздних примерах теократий, где жреческая власть выполняла функцию легитимации царя и прочей аристократии, и потому была предметом спекуляции (напр. Ватикан и европейские феодалы).

Дюмезиль нередко привлекал «Государство» Платона в качестве свидетельства тернарного архетипа в эллинской государственной мысли. Как мы знаем, великий мыслитель видел оптимальное государство следующим образом: во главе государства стоят «правители-философы»; его охраняют «воины-стражи»; и тех и других кормят «трудящиеся» – земледельцы, ремесленники и прочие. Однако, множество достоверных источников свидетельствуют о принципиально иной социальной структуре полиса. «Государство» Платона, по видимому, представляет из себя лишь философскую конструкцию, которая в последствии легла в основу целого жанра утопии. Очевидно, что Платон исходил не из реалий современного ему полиса, но из таинственных сведений о древнем далеком Граде, с которыми он мог ознакомиться во время путешествия в Египет. Предание об Атлантиде

6) J. Gonda "Triads in the Veda", Amsterdam, 1976.

7) А.П. Медведев «В поисках древнейших социальных структур индоевропейцев» (к 100-летию Ж. Дюмезиля) // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. 1997. №2. С. 99-113.

8) Э. Бенвенист «Словарь индоевропейских социальных терминов» М., 1995. С. 191, 256.

– из той же серии, но это уже совсем другая история.

В конце концов, под давлением критики Дюмезиль вынужден был признать, что «троичная идеология не обязательно сопровождалась в жизни реальным трехчленным делением этого общества по индийской модели, напротив, там, где ее констатируют, она, возможно, являлась (а может быть, была всегда) лишь идеалом»⁹. В последних своих работах Дюмезиль считал достоверным троичное деление индоевропейского социума только до времени его распада. По его мнению, индоевропейцы растеряли свою стратификацию из-за экспансии и неизбежного взаимодействия с субстратами, сохраняя в резко изменившихся условиях ее идеальный образ как Традицию, «Архе».

Финальное смирение Дюмезиля перед доводами адептов материалистической науки представляется нам более чем символическим, воплощающим в полной мере *zeitgeist* эпохи. Французский структуралист навсегда останется в истории как «брахман от науки», в одном ряду великих светочей, таких как Леви-Строс, Юнг, Ницше, Элиаде, Толкиен, продлевающих золотую цепь Традиции сквозь дискурсы и симулякры современности.

5. Южные открытия Тура Хейердала

Необходимо упомянуть еще одного выдающегося мифотворца науки, великого норвежца Тура Хейердала, неутомимого поборника индоевропейского Мифа. В 1988 г. знаменитый путешественник в своей книге «Аку-Аку: секрет острова Пасхи»¹⁰, изложил удивительные факты, касающиеся истории острова и предков населяющих его людей. К сожалению, этот материал большимством историков признан не был, главным образом, в силу его «расовой окраски».

В своей книге Хейердал пишет, что правящая по сей день на острове династия зовется «длинноухие» и имеет весьма высокий процент рыжеволосых, светлокочих и узконосых людей, в отличие от остальных островитян, большей частью смуглых, плосконосых и черноволосых. Эта династия является потомками приплывших на остров в древности белых мореходов, носивших тяжелые серьги, вследствие чего у них удлинились мочки ушей. Согласно устной традиции, эти пришельцы во главе со своим вождем Хоту Матуа основали здесь

9) G. Dumézil "Mythe et epopée" P., 1968. P. 15.

10) T. Heyerdahl «Aku-Aku: The Secret of Easter Island», George Allen & Unwin, London 1988

государство. Мобилизовав все туземное население, они развернули грандиозное строительство: строили каменные дома и высекали знаменитые каменные статуи «по своему облику и подобию», то есть с длинными ушами и узкими носами. Согласно легендам, «длинноухие» были энергичными людьми, обуреваемыми постоянной жадной к созиданию, что было непонятно аборигенам, привыкшим к неспешному размеренному существованию, и само собой, вызывало у них ненависть и зависть.

Тур Хейердал продолжает: «Последняя идея «длинноухих» состояла в том, чтобы очистить весь остров Пасхи от раскиданных по всей его поверхности огромных валунов, чтобы сделать всю землю острова пригодной для земледелия. Эту работу начали с плато Пойке (Poike), расположенном на выступающем в океан мысе в восточной части острова. «Короткоухих» заставили перетаскивать все отдельно лежащие валуны к краю плато и скидывать их в океан. Именно поэтому сегодня на травяном ковре плато Пойке нет ни одного крупного валуна, в то время как остальная часть острова покрыта черными и красными скальными обломками и окаменевшими кусками лавы. Наконец, терпение короткоухих лопнуло. Они устали таскать камни для длинноухих пришельцев и подняли восстание.»¹¹ В результате «белые эксплуататоры» были уничтожены, и только одного из них, Ороройну, пощадили, и его род не пресекся и по сей день. После этой войны коренные жители опрокинули большинство длинноухих статуй, однако некоторые из них оказались им «не по зубам» и стоят до сих пор. Многие статуи острова Пасхи имели, а некоторые имеют и по сей день, отдельные, выполненные из красного камня верхние блоки, имитирующие рыжие волосы белых пришельцев.

Откуда же приплыли на остров Пасхи рыжеволосые люди? Хейердал исследовал окружающие земли и обнаружил признаки расового смешения среди населения Маркизовых островов, расположенных рядом с островом Пасхи. Он также изучил испанские хроники 16 века, времен испанского завоевания Южной Америки, в которых содержались сведения о том, что среди темноволосых в общей массе инков встречались и рыжеволосые, которые, по преданию, были последними потомками виракочей – обожествленных индейцами белых бородатых людей, на кого были похожи сами испанцы.

Хейердал продолжает, что «Согласно главной легенде инков, до осно-

11) Указ. соч. стр. 122-123

вания их империи солнечный бог Кон-Тики Виракоча (Con-Ticci Viracocha) покинул свое царство на территории современного Перу и со всеми своими подданными уплыл в Тихий океан. Когда испанцы достигли высокогорного озера Титикака в Андах, они обнаружили руины самого большого древнего города во всей Южной Америке – Тиагуанако. Их взорам предстала гора, поверхность которой была превращена в ступенчатую пирамиду. На ее огромных ступенях располагались сооружения из огромных каменных блоков, тщательно обработанных и подогнанных друг к другу, а также множество высокохудожественных статуй. Они спросили индейцев, что за народ оставил эти впечатляющие руины. Как сообщает известный хроникер Циеза де Леон, индейцы ответили, что город был основан задолго до возникновения империи инков. И построили его белые и бородатые люди, похожие на самих испанцев. Белые люди в конце концов покинули город и ушли со своим вождем Кон-Тики Виракоча сначала к городу Куско, а затем уплыли в Тихий океан. Инки дали им имя «виракоча», что означает «морская пена», имея ввиду белый цвет их кожи и то, что они исчезли так же быстро, как исчезает пена на гребне морской волны. В испанских хрониках сообщается, что правящие семьи инков называли себя «орейонами» (orejones), т.е. «длинноухими», в отличие от своих подданных. Пизарро пишет что именно эти «длинноухие» и были более светложими.»¹²

6. Деградация холизма в тоталитаризм

Академическая наука, базирующаяся на материалистических принципах, властно рассматривать историю только в оптике бинарной оппозиции, только как процесс бесконечной непримиримой диалектики. Да, предки индоиранцев издревле были прежде всего скотоводами, и подвижный образ их жизни плохо совместим со строгой социальной и узкой профессиональной специализацией. Но даже если «скотоводческое хозяйство степей с его традиционной мобильной неурбанистической культурой не создавало необходимых экономических и бытовых

12) Одной из наиболее известных древних загадок Южной Америки являются гигантские рисунки долины Наска в Перу, датированные примерно 500 г. до н.э. Рисунки, многие из которых видны лишь с высоты птичьего полета, обычно приписываются «индейцам долины Наска». Что же на самом деле? В провинции Паракас было обнаружено крупное захоронение с хорошо сохранившимися телами представителей высшего сословия и жрецов – около 400 мумий. Почти все они были европеоидами с преобладающим рыжим цветом волос. Эти древнейшие белые люди Центральной и Южной Америки послужили прообразом индейских легенд о Кетцалькоатле и других светложими богам, приплывших из-за океана.

предпосылок для существования много-численных замкнутых сословий»¹³, то что же несли с собой эти индоевропейские народы вдоль и поперек степей Евразии, и еще дальше, через океаны и континенты? Какую благую весть они несли темному Югу, что за святую цель они преследовали как итог вынужденной миграции или экспансии? Причиной и целью переселения индоевропейцев всегда был определенный «Сакральный Центр», образ которого они трепетно несли с собой, чтобы воссоздать в новых условиях. Только от имени этого Центра, Мифа, Идеала они противопоставляли себя враждебной Периферии, столь равнодушной к прекрасному и великому. Только обладая внятными представлениями о строении Космоса они бросали вызов Хаосу, страдали, боролись и умирали.

Большую часть белых героев ждала смерть более жестокая – они растворялись в периферийных массах местных туземцев, и предавали светлый идеал во имя низких и пошлых страстей, дарующий им легкую власть и быструю наживу. Их отчужденные от Мифа потомки наследовали лишь внешние величественные формы предков, неизбежно утрачивая ту глубокую суть, которая лежала в их основе. Пытаясь кое-как постичь наследие прошлого, сменяющиеся поколения наделяли скорлупы новым смыслом, что зачастую принимало чудовищный облик, ибо карлик, вскарабкавшийся на трон, не вырастает в Царя. Так и сложившаяся впоследствии на руинах белого Града империя Инка, столь ужаснувшая испанцев своими кровавыми жертвоприношениями, вряд ли является полноценным продолжением полузабытой в Андах Традиции.

Наконец, вспомним гуманистические мифы о Золотом веке, уже пропущенные через призму рационализма, и в который раз поймаем себя на мысли, какие жуткие тоталитарные формы приобретает примордиальный холизм, изложенный холодным рассудком. «Город Солнца» – это словосочетание у современных людей как правило вызывает ассоциации с одноименным утопическим произведением Т. Кампанеллы 1602 г. В книге описано идеальное государство с идеальным обществом, представление о котором у итальянского монаха-рационалиста всецело отвечало духу Нового времени, с его верой в добродетель человеческой логики. Идея социального равенства как естественного развития человеческого общежития доведена у Кампанеллы до крайности – «счастливые» жители города

13) А.П. Медведев «В поисках древнейших социальных структур индоевропейцев» (к 100-летию Ж. Дюмезиля) // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. 1997. №2. С. 99-113.

Солнца в одинаковых одеждах, с общими женами в общих домах функционируют как марионетки, как винтики производственно-потребительской системы. За власть же в Городе Солнца отвечает священник и философ в одном лице, этот «великий неприкасаемый Часовщик» в высоком замке, наслаждающийся безупречной работой подопечной ему системы. «Политический строй города Солнца можно охарактеризовать как своеобразную интеллектуальную олигархию при формальной демократии» – пишет сам автор¹⁴.

Кампанелла был одним из множества «прогрессивных» мечтателей, которые как на конвейере выехали из рационально скроенной машины Просвещения, и каждый из них видел бытие как проект, вполне охватимый извилинами мозга. Началась эпоха бесконечных революций, реформаций, модернизаций, где каждый романтик-индивидуалист пытался строить свой Город Солнца в своей собственной периферии, корректируя представление о нем до неузнаваемости. Пожалуй, одним из самых ярких примеров будет камбоджийский диктатор Пол Пот. «Пол Пот» – партийный псевдоним Салота Сара, и является сокращением от французского «politique potentielle». Прогрессивные идеи «потенциальной политики» он и привез из Франции, где получил высшее образование¹⁵, в родную Камбоджу, и тут же начал воплощать их в жизнь. Партизанская война «красных кхмеров» под предводительством Пол Пота превратилась в режим жесточайшего террора, уничтоживший за 3,5 года более 2 миллионов человек (26% населения страны), оставив лишь покорных крестьян на рисовых полях.

7. Археократия – социальная структура Золотого Века

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- В основе мировоззрения индоевропейцев (и глубже, бореалов) лежит некий троичный код, как один из наиболее глубинных архетипов. Воспринимая его не иначе как ключ к тайнам Мироздания, как сакральный

14) Т. Кампанелла. «Город Солнца», «Утопический роман XVII-XVIII в.в.» М. 1971, стр. 41-140

15) «Чувствительный и робкий профессор, влюбленный во французскую поэзию и почитаемый студентами, пылкий пропагандист революции (таким его описывают все очевидцы с 50-х до 80-х годов) был на самом деле воплощением двуличия: придя к власти, он швырнул в застенки самых старых своих революционных соратников, считавшихся его близкими друзьями, не отвечал на их умоляющие письма, приказал жестоко их пытать, а потом казнить; говорят, он даже принял личное участие в их казни» – Марголен Ж.-Л. Камбоджа: в стране невымыслимых преступлений // Черная книга коммунизма. – М., 2001. – С. 582

идеал и матрицу всеобъемлющего Мифа, в какие бы различные формы он не воплощался, наши предки несли знание о нем по всему свету, неумолимо пытаясь воплотить этот идеал в реальность, то есть воссоздать «Золотой Век», который лежит в основе индоевропейского мифа.

- Будучи проецированным на общество, троичный код предполагает устройство абсолютного социума, где потенциальное отождествляется с актуальным, а идеальное с реальным. Однако, история свидетельствует, что бореальные вестники Троицы повсеместно встречали племена, которые не разделяли их идеал, и таким образом представляли собой периферию Мифа (anathema – букв. «вне темы», современным языком «offtopic»). Абсолютный Центр неизбежно вовлекается в диалектику противостояния Центра и Периферии, Космоса и Хаоса, которая живет в рамках бинарной логики.

- Внутренний сакральный баланс Троицы пытается защитить себя от поползновений Периферии и ее агрессивной децентрализации, и вступает во внешнее дуалистическое противостояние, которое и составляет суть всемирной истории. Но внешняя борьба неизбежно проникает и во внутренний круг, искажая трочиную систему изнутри. Так, по нашему мнению, четверичная система является более поздней разработкой и представляет из себя Центр (Триада) + Периферия (четвертая величина) = Ойкумена (Мир).

- Четверичная система легко деградирует до уровня примитивного дуализма: Центр против Периферии, элита против масс, черное против белого. Именно это и представляет из себя современный мир, все центры которого насильно периферизированы под эгидой Глобализации и лозунгами о «естественной свободе». Но посредни этой якобы равной плоскости, пребывающей в иллюзии всеобщего равенства, невидимой глыбой зиждится транснациональная элита, все различия которой нивелированы силой Капитала.

- С точки зрения тринитарного сознания дуализм является «дурной бесконечностью», которая разрешается только в Троице, то есть через синтез противоположностей, который одновременно является и преодолением их («новый тезис»). Вслед за великими индоевропейскими мифографами и философами мы считаем такую троичную модель идеальной, а ее проекцию в социальную сферу – архетипической. Мы называем такую форму организации общества Археократией.

Что представляет из себя Археократия? «Архе» – емкое философское понятие, обозначающее по-гречески «начало, первопринцип, сакральный исток»¹⁶. Наиболее полное осмысление «архе» получает в рамках милетской школы (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен), которые объясняют его «раскрытием триады»: тезис → антитезис → синтез (архе определённое → неопределённое → и определённое, и неопределённое). Тысячелетия спустя эту концепцию, уже в рамках классической немецкой философии, озвучит Гегель, а за ним и Маркс. Таким образом, под Археократией мы понимаем идеальное общество, понимаемое как прямая проекция Архе (Первопринципа), где власть – сакрально имманентная, потому как символизирует Архе.

Археократию можно трактовать как «структурированная анархия», где самоорганизация коллектива осуществляется в полном соответствии с раскрытием Архе. В таком обществе еще нет четкого разделения на сословия, а есть лишь распределение трех кардинальных функций в соответствии с текущей ситуацией. Таким образом, еще нет власти как

16) Архэ (греч. ἄρχή – начало, принцип) в досократовской древнегреческой философии – первооснова, первоначало, первоэлемент, из которого состоит мир. Древнегреческие философы предполагали различные субстанции в роли проекции первопринципа:

*Фалес: Архэ – вода (как самая «бесформенная» материя, стихия).

*Анаксимандр: Архэ – апейрон (греч. ἄπειρον – беспредельное или неопределённое) – первостихия, не являющаяся какой-то определённой вещью (даже «водой!»), «никакая» сама по себе, но порождающая четыре стихии и целый мир определённых вещей.

*Анаксимен: Архэ – «неопределённый воздух» (греч. σπρ ἀέρος – аэр (или айрос) апейрос), первооснова, одновременно неопределённая и определённая (определённая в качестве «воздуха» – поскольку он есть «пустота», разделяющая вещи, а кроме того источник жизни, дыхания). Концепт возник как попытка объяснить противоречие: первооснова не должна быть чем-то определённым, чтобы из неё могло произойти всё (ведь разные вещи имеют разные определённости, часто противоположные друг другу, например холодное и горячее), но чтобы из чего-то могло возникнуть нечто определённое, в этом чём-то уже должна быть какая-то своя определённость.

*Пифагор: Архэ – число (как нечто совершенно нематериальное, но задающее порядок в природе, постигаемый в математике и – как сказали бы современные учёные – в физике).

*Гераклит: Архэ – огонь (как самая «тонкая» и «живая» стихия). Впрочем, истинным первоначалом является подобный огню Логос, закон, поддерживающий мировой порядок.

*Парменид: Архэ – само бытие, оно едино и неделимо; «бытие есть, а небытия нет». Кроме того, бытие как таковое тождественно с мышлением.

*Анаксагор: Архэ – вечные элементы мира, «семена» («гомеомерии», как потом назовёт их Аристотель), в каждом из которых потенциально заключён весь мир, все остальные элементы, «всё смешано со всем». Кроме того существует Мировой Ум (νοῦς), сам по себе не смешанный ни с чем и присутствующий («не во всём, а только в некоторых»). Ум и является причиной, почему каждая вещь не является сразу всем, а только определённой собой.

*Эмпедокл: Архэ – множественно, это четыре элемента (стихии): Земля, Воздух, Вода, Огонь, и две движущие силы: любовь и вражда. Таким образом, нет единого первоначала, а мир существует сразу как система элементов и сил, вечных самих по себе.

*Демокрит: Архэ – бесконечно разнообразные атомы, разделённые пустотой.

постулирования различия между субъектом и объектом, что появляется только в противостоянии Центра и Периферии. Археократия – это радикальная субъективная власть, где каждый член общины – носитель Закона и Мифа, и полноправный гражданин Абсолютного Центра.

Всякая анархия – это, прежде всего, протест против отчуждения Закона от его носителя в паразитическую систему, которая лишает власть сакральной легитимности и в определенный момент вынуждает личность противостоять ей во имя ресакрализации. Анархия, понимаемая часто как «безвластие», на самом деле отвергает власть внешнюю, насильственную, но никоим образом не отменяет сам принцип власти – например, власти разума, власти морали, власти любви, наконец, власти Мифа, и тем самым сближается с нашей концепцией Археократии, которая понимается как отождествление внутренней, личной власти с властью внешней, общинной, а также постулирование актуальной власти как прямой проекции абсолютной потенциалности Архе.

Таким образом, в самом термине «Археократия» заложена изначальная взаимосвязь «архе» (принципа) и «кратии» (власти). Это по сути и есть Золотой Век, где еще нет никаких договоров с богами (это уже продукт дифференциации и отчуждения), а есть только прямое отражение Небесного Порядка в формах реальной власти и социоструктуры, то есть «бытие в Боге». Каждый житель общины – действующее лицо Мифа и со-творец этой истории. Далее, при экспансии общины и ее неизбежном отчуждении и расслоении, «архе» постепенно перетекает в «кратию», пока окончательно не закрепляется в формах административной власти.

8. Биполярное жречество как основа археократической спирали

Археократия постулирует общину как живой организм, где в идеале каждая клетка является носителем власти – общего закона и личной ответственности. В общине высшим органом власти является народное собрание, регламентируемое старейшинами. Старейшины естественным образом занимают особое положение в предполагаемом археократическом социуме. Их группа сплавляется на основании накопленного знания, с позиций которого координируются действия общины. Совет старейшин – это прототип жреческой власти, не подавляющей, но примиряющей естественное соперничество доблести и силы (воины) с умением и смекалкой (хозяйственники). Жречество

являет собой вертикаль, соединяющую общину с Первопринципом, в то время как власть Капитала и власть Насилия – горизонтальны, экспансивны. Под Первопринципом мы понимаем комплекс метафизических представлений той или иной общины, воплощениями которых являются культурные и социальные ценности.

Жрец – это почетный пассажир колесницы Силы или ладьи Богатства. Напомню, что наши индоевропейские предки изображали Солнце в колеснице (на коне) в весенней половине года, а вот в точке Купалы Солярный Герой пересаживается на ладью (рыбу), чтобы плыть по бескрайним водам сумеречной (осенней) стороны. Есть время собирать камни, и есть время разбрасывать камни. Жрец обязан четко соблюдать фазы цикла и смену времен. Если он остается слишком долго в колеснице, его охватывает военная страсть, и забываясь в теократической экспансии, он сам становится кшатрием. То же самое, если жрец остается долго в ладье – его Слово неизбежно конвертируется в количество, и жажда наживы отдаляет его от вышней Истины.

Однако, помимо противовеса интересов воинов и собственников, есть и другой фактор, балансирующий жреческую власть. При ближайшем рассмотрении оказывается, что сама природа вертикального сословия – двойка, и эти полюсы можно назвать белое жречество и черное жречество, являющиеся архетипами священника и пророка. Белое жречество представляет из себя власть явную, утвержденную, институализированную, консервативную, которая покоится на троне во славе и благодати. Ее функция – соблюдение status-quo в виде обрядов и символов. Черное жречество представляет из себя власть тайную, стихийную, non-конформистскую, революционную, которая глаголет устами юродивого на базарной площади, бунтаря, одержимого видением грядущего, и даже случайного человека, на которого пал перст судьбы. Миссия пророка – преодоление инерции через неудержимую энергию, питающую ход колеса истории. В онтологической сфере белое жречество можно сравнить со стариком (мудрым старейшиной), а черное – с ребенком, в неразумных шалостях которого открывается сверхразумность Архе. Между этими полюсами и помещено «взрослое серьезное общество» со своими устоями и проблемами. Между этими полюсами разворачивались социальные реалии и в СССР, который закончился в символическом смешении белого жречества (партноменклатура) и черного (воровской мир) на основе Капитала.

Сочетание функций священника и пророка, статической сферы и динамической линии, обуславливает полноценное служение Традиции, природа которой представляется нам в форме спирали. Нарушение этого баланса приводит к искажению сакральной модели. Мы уже упоминали в первой главе о судьбах революционеров великих переломов начала XX века. Вся история испещрена примерами того, как институализированная религия, наука, политика и прочие сферы жречества пытаются огородить себя от пророков, гениев и прочих возмутителей спокойствия. При этом, бросая силы на охрану границ своих сфер, они перестают уделять внимание самой сути своей сферы, и она неминуемо формализуется, отчуждается, деградирует. Таким образом, диалектический принцип Центра и Периферии заложен в самом сердце общины и представляет собой единую жреческую ось, на которой зиждится Археократия. Только гармоничный баланс биполярного жречества может обеспечить стабильность триединой структуры археократической общины, которая в свою очередь не позволяет этой диалектике хлынуть за грани Триады, чтобы потопить всех и вся в «дурной бесконечности».

9. Псевдословные бинеры Глобализации

Таким образом, мы выяснили, что в индоевропейском представлении для полноценного Центра необходимо три составляющие, которые играют полноправные роли в рамках сакральной Триады, которая в свою очередь является проекцией Архе (Первопринципа). Здесь обозначена также наша позиция по отношению к «синархии», которая имеет четкую историческую коннотацию. Это совластие воинов и жрецов, возникавшее в различные эпохи у разнообразных культур и цивилизаций (наиболее известный – Византия), при ближайшем рассмотрении оказывается жреческо-воинским реваншем на «неолитическую революцию», то есть подъем власти собственников. Рождение парадигмы Модерна явилось массовой контратакой третьего сословия, реакцией на тянувшуюся сквозь Средневековье власть феодалов и монархов с одной стороны, и католической церкви – с другой. Любопытно, что в современном мире теней и симулякров эта модель, в характерном для Модерна отзеркаленном виде, воплотилась в бинер науки (десакрализованной Церкви) и торговли (заклятых врагов военной власти).

Всё указывает на то, что изначальная модель власти – троична, где

экспансионизм насилия воинов и противостоящий ему, такой же центробежный, капитал собственников примиряются и администрируются вертикальной властью жрецов, которая в свою очередь напрямую зависит от защиты воинов и ресурсов собственников. Удаление любой составляющей из этой модели заставляет власть функционировать по законам ее бинарной логики, что в конце концов превращает любой Центр в Периферию. Торговцы, как ревнители абсолютной Периферии, будут любыми способами противостоять археократическим образованиям в лоне глобализованного мира, и время от времени пользоваться услугами тех или иных сословий, сталкиваясь их лбами с другими сословиями в рамках своей планетарной шахматной доски. Рассмотрим различные варианты этих бинеров, функциональных конструкторов периферизированного мира.

1. Торговцы + жрецы. Этот вариант рисует нам постиндустриальное будущее в стиле киберпанк, как технократическую (анти)утопию, где разменной монетой становится чистая информация. Новая отрасль свободнорыночных технологий заполняется технологиями, позволяющими закачивать информацию в мозг уже без посредничества машины, и постоянно пребывать «онлайн» в тотальном гиперинтернете – Ноосфере. Логическая цепочка отчуждения очевидна: Капитал > Интернет > Ноосфера.

2. Торговцы + воины. Миру освобожденной информации естественно противостоит мир контролируемых энергоресурсов. Это наследная сфера сословия воинов, где нефть и газ, электричество и лазер – суть формы архетипического Огня. В эпоху стирающей все границы Глобализации попытка сохранить Государство как политическую величину с кшатриями у рычагов власти неизбежно приведет к государственной монополии на добычу природных ископаемых.

3. Торговцы + производители. Именно этот вариант наиболее успешен сегодня в образе «Большой Двойки» – США и Китая. Экономика этих стран глубоко взаимосвязана и является гегемоном мирового рынка. Китаю выгодны США как «злая собака», принимающая на себя все проклятия мира, как некий ледокол, бесцеремонно врубающийся в континенты и цивилизации, распространяя китайскую продукцию. Для США, в свою очередь, Китай – это мощный фундамент всех их игр и стратегий. Еще выдающийся советский писатель и мыслитель Иван Ефремов предвидел возможную антиутопию будущего (планета Торманс в романе «Час Быка») как тандем «акульего капитализма» и

«муравьиного социализма». Кажется, это пророчество уже становится реальностью. Мы настолько интегрированы в конвейер потребления, что уже давно воспринимаем ту самую «дурную бесконечность» Периферии как истинную матрицу Мироздания. Но стоит нам на миг закрыть глаза от зомбирующей рекламы и вдруг расхотеть выбрасывать вполне функционирующий холодильник, чтобы приобрести такой же, но с новым прибабасом, как весь этот глобальный иллюзорный супермаркет рухнет как карточная пирамида.

10. Колокол Последней Империи

Как мы знаем, XX век представил на суд истории различные проекты противостояния либеральной периферизации, обещавшие разорвать порочный круг «дурной бесконечности» и вернуть человечество в Золотой Век. Первая Мировая война должна была положить конец всем войнам, но на деле послужила предисловием ко Второй Мировой, еще более кровавой. Мировая Революция планировала преобразить весь мир в утопию равенства и справедливости, а Третий Рейх намеревался объединить народы и государства в абсолютную Империю – эти колоссальные идеологии схлестнулись как Сцилла и Харибда, и мало кому удалось выйти живым по ту сторону их столкновения. Периферия снова не позволила интегрировать себя в предвечный гомеостаз, и на каком-то этапе идеал бореальной Традиции в который раз обернулся прикрытием личных интересов и оправданием насилия.

Осуществима ли вообще окончательная утопия или же идеальный образ так и будет искажаться в нечто совершенно противоположное по мере его воплощения в жизнь, словно наказывая человека за его самонадеянность, пока наконец беспощадная волна не смое очередное вавилонское столпотворение из зыбкого песка? Но если Империи суждено быть, то какое пространство должны очерчивать границы этой идеальной, последней Империи? Какая сила удержит эти границы и какая власть определит их? Наконец, какие люди будут населять эту древнюю сказку, ставшую необратимой былью? Будут ли они довольны сохранением баланса в своей общине, или же неудержимая сила преступления границы вновь сподвигнет их уподобиться первопредку, сорвавшему роковое яблоко? И снова – исход, центробежность, экспансия, инерция, и возвращение в ту самую «дурную бесконечность»...

Мы полагаем, что Империя как власть, вынесенная в Абсолютный Объект, не может быть ничем иным, кроме как беспощадной системой подавления и одновременно залогом порождения индивидуального хаоса. Образ такой антиутопии будущего уже неоднократно описан в мировой литературе, и один из наиболее тревожных прогнозов такой «Империи» дан в одноименной книге А. Негри и М. Хардта¹⁷.

Мы считаем, что истинная Империя должна раскрыться в душе как осознание непрерываемой связи с Первопринципом, как первый шаг на пути Вечного Возвращения. Этот свет заполнит экзистенциальную пустоту современного человека, растворенного в безликих массах, и сделает его жизненный путь ясным и исполненным высшего смысла. Археократия начинается с глубокого субъективного осознания власти как личной ответственности, первопричины и священной цели. С утверждения Центра, противостоящего Периферии с ее иллюзорным «освобождением». Именно поэтому наши индоевропейские предки традиционно закладывали новое поселение, начиная от столба или древа как символа Центра, визуализации взаимосвязи с Первопринципом.

С разочарования, то есть расколдовывания Мифа, начинается история современной цивилизации, разменявшей все святое и бесценное на блестящие побрякушки, которые можно потрогать пальцами. Десакрализация – наша плата за сомнительное познание, что Центр Мира – это просто шест, воткнутый в землю теми, кто преследует свои личные интересы. Мы уже почти достигли крайней точки отчуждения, как вдруг осознали, что нашей целью может быть только то, что мы однажды утратили. Наша потребность в чем-то, чего не может дать мир штампованных форм и уцененных ценностей, сегодня очевидна как никогда. Что может быть более естественным, чем потребность души и разума в высшем светочке, несоизмеримо большем частной конечной жизни? Искусственным же процессом нам представляется раскатывание масс по планете ненавязчивой политкорректной скалкой и усыпание всех и вся через вкрадчивый оракул телевизора. Мы считаем, что единственный способ преодолеть Глобализацию – это, не входя с ней в открытый конфликт, прорасти сквозь нее глобальной сетью археократических общин, самодостаточных и связанных друг с другом. Пусть эта внешне децентрализованная сеть централизуется самим Первопринципом, Традицией, которая явлена в различных мифах и метафизических концепциях, лежащих в основе каждой отдельной общины и в сердцах ее обитателей. Такая сеть

17) A. Negri, M. Hardt "Empire", Harvard University Press 2000

являет собой живой организм, где все уровни культур и цивилизаций взаимосвязаны в единое целое – от пасторальных индейских племен до городских высокотехнологических сект. Эта сеть лежит поверх как Государства, границы которого определяются насилием воинов, так и транснациональных корпораций, где границы стираются потоком Капитала.

Мы провозглашаем последнюю Империю как священную власть, растущую вовне и внутри каждого, осознавшего потребность в этом. Эта высшая власть, Археократия, постулирует закон Традиции, нашей непрерываемой связи с Первопринципом, столь очевидной тем, кто еще способен видеть по ту сторону экранов. Кто волен очнуться от иллюзии, какой бы комфортной она не была. Кто дерзнет заявить свое право на воссоединение с Центром. На вечное возвращение в Золотой Век.

М. Борозенец ОТ АРХЕОМОДЕРНА К АРХЕОКРАТИИ

1. Консервативный приговор

Весной 2008 года на площадке «Нового Университета» состоялась заключительная лекция, во многих аспектах знаковая. Как выразился сам ректор и докладчик А.Г. Дугин, «по сути дела, это тотальное метафизическое резюме»¹. Суть лекции заключалась в формулировке и анализе нового понятия, которое выявляло точку «где и Модерн, и Архаика ясны как парадигмы», а также объясняло положение прошлых и текущих дел в России. Новый термин «Археомодерн» тут же вошел в обиход право-ориентированных кругов, и стал неотъемлемой частью понятийного аппарата русского традиционализма, а заодно и визитной карточкой дугинской философии.

Как отметил Дугин, «Археомодерн – это явление, которое, на мой взгляд, должно встать в центре современного философского исторического политологического дискурса. Археомодерн – это главное, что вообще у нас есть.»² Понятие «археомодерн» проистекает из дугинской трехчастной схемы парадигм, где в центре стоит «модерн» как основа современной западно-европейской цивилизации («мирового диктатора»), и ей предшествует «премодерн» (архаика, Традиция), а за ней следует «постмодерн». «Археомодерн» не претендует на статус особой парадигмы, но скорее выявляет особую ситуацию, где модерн является не естественным преобразованием Традиции (как это случилось в Западной Европе), но заимствованным, искусственно внедренным и даже насильственно насажденным стандартом, органически чуждым той или иной не-европейской традиции, в том числе русской. Таким образом, «Археомодерн» означает «наложение ... двух парадигм – модерна и премодерна – без их концептуального соотношения, то есть без выстраивания между ними внятного логического переходника, некоего модуля».³

Постмодерн оценивается Дугиным как «последний писк модернизации».

1) А. Дугин «Археомодерн: в поисках точки, где и модерн, и архаика ясны как парадигмы» – <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1472>

2) Там же

3) Там же

ции»⁴, так как его миссия заключается в том, чтобы довести до логического завершения то, что недоделал модерн, пытаясь рационально обосновать глубоко иррациональные феномены. Для этого постмодерн жонглирует различными архаическими символами перед носом модерна, чтобы уязвить его, высмеять, и тем самым указать на его несовершенство. По мнению Дугина, подлинный постмодерн возможен только в рамках западной цивилизации, то есть там, где восторжествовал модерн. Во всех других случаях различные эклектичные фрагменты, своим гротеском отдаленно напоминающие постмодерн, на самом деле являются лишь дурным развитием археомодерна, которому нет предела.

Описывая природу «археомодерна», Дугин приводит понятия «структуры» и «керигмы», обращая при этом к работам протестантского теолога Рудольфа Бульмана, который под термином «керигма» понимал «христианское учение минус мифология». По мнению Бульмана, «в христианстве есть рациональная рассудочная часть (собственно керигма) и огромное напластование иррациональных элементов, которые проникли из дохристианских языческих традиций, мистицизма (иудейского или эллинского) и т.д.»⁵ Это «иррациональное напластование» Дугин обосновывает как «коллективное бессознательное», приводя пример Фрейда как апологета керигмы и его ученика Юнга как апологета структуры. По его мнению, археомодерн представляет собой сосуществование керигмы и структуры в конфликтном и хаотическом состоянии.

В который раз Дугин провозглашает, что Запад незаконно узурпировал право на диктатуру парадигмального масштаба, и его окончательный приговор однозначен: «Археомодерн является острым метафизическим философским парадигмальным заболеванием, самым серьезным, самым страшным и самым опасным, а эстетически самым отвратительным. При этом заболевание заразное.»⁶ Дугин тут же предлагает методы лечения этого заболевания – справиться с археомодерном может только «русский субъект»: «Русский субъект – это совершенно особое эсхатологическое явление. Чтобы приступить к нему, к самой мысли о нем, предварительно необходимо жестко понять, что русского субъекта раньше никогда не было. «Русское» было, субъект

4) Там же

5) Там же

6) Там же

был, а русского субъекта не было и нет.»⁷ «Русский субъект», согласно Дугину, может родиться только в тигле Консервативной Революции – особом явлении на пике модернизации, где субъект делает волевой выбор в сторону структуры, а не керигмы.

Эта лекция была прежде всего вехой в жизни самого Дугина – ею он подводит черту под своим авангардным периодом, закрывает «Новый Университет», очень прозрачно намекая на то, что и это – археомодерн. После этого Дугин вступает в должность профессора на соффе в МГУ, где его фундаментальной концепцией становится консерватизм, который позиционируется как «истинно русская политическая теория». Однако, в цели данного исследования не входит анализ соотношения консерватизма с собственно Консервативной Революцией. Идя по стопам Дугина, «сегодня мы осмысливаем археомодерн».⁸

2. Модернизация как менгиризация

Прежде, чем мы перейдем к нашему собственному осмыслению археомодерна, нужно понять, из чего он произрастает. Так как основой трехчастной схемы Дугина является модерн, попытаемся прежде всего проникнуть в его суть.

«Что же тогда модерн?» спрашивает Дугин публику, и тут же отвечает, «Модерн – это понятие, которое связано с появлением субъекта. Там, где есть субъект в его классическом картезианском понимании, там есть модерн. А там, где субъекта нет, там и модерна нет. Что мы понимаем под субъектом? Под субъектом мы понимаем классическое определение западноевропейской философии – это волевое рациональное начало. Там, где есть рассудок, и там, где есть воля, там, на перекрестии линии воли с линией рассудка, обретается субъект, картезианский ли, картезианский ли, фихтеанский ли – неважно, главное, что субъект. Вот он-то и есть модерн»⁹

Рассмотрим краткую генеалогию субъекта Модерна. Образ «субъекта», безусловно, восходит к архетипическому волевому божественному началу, которое однажды прорвало покров Хаоса, и дало пуск текущему Миру, так как из прорехи тут же хлынуло движение и время, материя и пространство. Этот Архе, Первопринцип, под тем или иным

7) Там же

8) Там же

9) Там же

именем присутствует практически в любой космогонии какого угодно мифологического нарратива, и известен как воплощенный реально факт еще с праисторических времен. Формально этот миф имеет следующее археологическое воплощение. Когда то или иное племя поселялось на новой территории, оно возводило менгир (от брет. *menhir* «высокий вертикальный камень»), чтобы символизировать свою субъектность по отношению к окружающему враждебному пространству, и, сконцентрировав вокруг «Оси», тем самым упорядочить его в своем представлении.

Модерн перераспределил онтологические акценты, перевернув традиционную структуру Мироздания вверх тормашками. Мыслители Нового Времени провозгласили альфой и омегой Бытия бесконечную материю, превратив мироздание в абсолютный объект, в котором субъект уже играл производную роль, отводимую отдельному частному «я». Бэкон, Декарт, Локк, Юм и их соратники настойчиво обличали мир как хаос иллюзий и суеверий, в чем, казалось бы, не особо отличались от восточных мудрецов, если бы не один важный момент. Любое новое философское учение утверждалось в этом иллюзорном мире как внятный индивидуальный менгир – фаллоид чистого разума, с позиций которого открывалось принципиально иное видение реальности. Подобно тому, как жрецы организовывали вокруг менгира свой культ, так и шаманы Модерна осуществили философскую (на деле – воистину магическую, теургическую) эвокацию «субъекта», с последующим массовым производством его истуканов. Менгиризация – вот наш синоним модернизации, адекватно выражающий всю ее суть.

Куда бы не лежал путь европейских наций, они везде устанавливали свои менгиры – в прямом, но чаще всего, в переносном смысле, то есть в сфере ценностей и фундаментальных понятий. Новый человеческий, слишком человеческий субъект, был истинным «символом веры» Модерна. Рассудочная рациональность Модерна, сподвигающая «нового субъекта» на радикальную попытку осуществить эмпирический перерасчет всего мира – это именно акт веры, на котором выстраивается уникальное целостное мировоззрение – и в этом парадигма Модерна подобна любой другой парадигме, а просветители Модерна – пророкам любого периода истории.

Следует сказать отдельно о рациональности Модерна. Не нужно быть дипломированным религиоведом, чтобы убедиться, что любой культ, доросший до статуса религии, достаточно рационально сконструирован в

системе заданных координат. При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что вся Традиция – рациональна, но эта рациональность производна, так как является следствием Архе – недвижимого, и потому в нашем понимании, понимании движимых конечных существ, бесконечного иррационального (сверхрационального) центра.

Напомним, что идеологической основой формировавшегося Модерна был деизм, то есть концепция, постулирующая нескончаемый отдых Творца («Бог создал мир за 6 дней, и почил на седьмой, который длится до сих пор»), откуда вытекает принципиальное отсутствие разумного, властного контроля над концентрическими кругами Бытия, развертывающимися по инерции. Модерн взял эту «вакансию Субъекта» за исходную точку своей парадигмы, полагая, что «инсталляция субъекта» через эмпирический метод, количественный анализ и прочие попытки найти проблески структуры в хаосе является единственно истинным решением. Эту сомнительную рациональность Модерн и поставил в центр своей парадигмы, тем самым, вытеснив сакральную иррациональность на периферию Бытия.

Не стоит наделять Модерн излишней оригинальностью – этим, увы, грешат все реакционеры Модерна, и прежде всего, классические традиционалисты. Модерн не придумывал рациональность как такую – и абстрактное рефлексивное мышление, и конкретные деньги, и аккуратный расчет особенно в отношении богов и их функций – все это существовало задолго до этой эпохи. Но Модерн осуществил качественное перетрактование рациональности через призму нового субъекта, заикленного на своем рассудке. Отныне рациональность становится фундаментом, а иррациональность – ее досадным искажением.

3. Императив перманентного преодоления

Таким образом, если парадигма Традиции (в трактовке самого Модерна) представляла из себя иррациональный Центр (Архе), центробежно расходящийся концентрическими рациональными кругами, то парадигма Модерна является ее четко диаметральной противоположностью – в Центре помещается индивид, то есть рациональный субъект, который вызывает из Хаоса периферийные круги, притягивает их к себе, нанизывает на себя и интегрирует в свою «керигму».

Однако, этот диаметральный переворот ценностей не был такой уж «аномалией», как ее понимают классические традиционалисты школы Р. Генона. Чтобы это стало очевидным, нужно попытаться охватить всю историю и даже праисторию Европы, и рассмотреть в ней определенную закономерность, которая повторяется снова и снова. Эта закономерность заключается в героическом противостоянии господствующему положению вещей и преодолении их в новую парадигму через самопожертвование. То есть – в постоянном перерождении субъекта¹⁰, в перманентном «обновлении». Остается только догадываться, в какую глубину времен уходит этот архетип, но, по крайней мере очевидно, что Европа утвердила его как свою неотъемлемую модель с приходом арийцев (индоевропейцев), которые в конце Бронзового века хлынули из сердца Азии на Запад, чтобы раз и навсегда застолбить там свой менгир, фаллический символ разрыва материнского гомеостаза (палеоевропейского культа Великой Матери).

Таким образом, менгиризация является характерной особенностью Европы и представляется своего рода метафизической акупунктурой, осуществляемой через непреходящую «инсталляцию субъекта», то есть нанесение очередной реперной точки на канву Мироздания. Эта точка выступает одновременно целью, идеалом, но также и точкой отрицания, жупелом, который должно преодолеть. Здесь наиболее подходит образ скалолаза, который вбивает над собой скобу и прилагает все усилия для того, чтобы достичь ее и прочно встать на ней ногами, но только для того, чтобы оттолкнуться от нее, отвергнуть, отторгнуть, и продолжить свой путь дальше. Так, арийская модель, принимая за свой идеал трехчастную структуру, осуществляется в дуалистической системе координат, где обязателен образ Врага, то есть конструкт радикального преодоления. Этот извечный конфликт идеальной Триады и актуальной Диады вообще является ядром индоевропейской драмы и причиной «вечной войны ради вечного мира».

Модерн органично вписывается в вышеописанную модель. Отказ Европы от авторитета Церкви в развитии цивилизации был радикальным революционным актом, онтологически подобным утверждению христианства на языческом континенте за полторы тысячи лет до этого. Точно так же в эту картину входит и Консервативная Революция. Если поначалу Европа героически жертвовала собой, чтобы свергнуть Традицию, то теперь, достигнув этой «скобы», она вновь рвется на

10) Тут очевидна связь с древнейшей мифологемой умирающего и воскресающего бога.

баррикады, чтобы вернуть Традицию. «Императив перманентного преодоления» – вот как можно охарактеризовать модель, доставшуюся Европе в наследие от арийцев, которая теперь составляет ее экзистенцию, и даже, более корректно – персистенцию¹¹.

«И вечный бой, покой нам только снится». Ницше называл это «вечным возвращением» – вырвавшись мятежной стрелой по ту сторону европейской мысли, он обнаружил традиционную мудрость цикличности Бытия.

4. Игра в конструктор

Теперь рассмотрим подробнее понятия «структуры» и «керигмы», предложенные Дугиным в рамках археомодерна. Дугин понимает субъект как полигон иррациональной, иррефлексивной, надличностной структуры и рациональной, рассудочной, индивидуальной керигмы. Таким образом, если структура – это некий план огромного сказочного замка с лабиринтом ходов, тайными подземельями и высокими башнями, то керигма – это прочерченный красной линией план эвакуации из этого замка в случае вполне реального пожара.

Развивая идею Дугина, мы хотим предложить понятие «конструкт», который, по нашему мнению, является третьим недостающим звеном между структурой и керигмой. Если представить реальность как лес, а структуру как огромную грибницу, всепроникающую своими невидимыми нитями, то конструкты – это грибы. Лакомая добыча грибника, они таинственны и притягательны, им традиционно приписываются разнообразие мистические качества, в то время как на самом деле они просто плоды грибницы, отростки на ее бесконечных шупальцах, которыми она проникает из-под земли (небытия) в бытие леса. Гриб является манифестацией, воплощением грибницы, которая, в общем-то, совсем неинтересна грибнику.

11) Персистенция – (лат. persisto – постоянно пребывать, оставаться) – способность глаза, (эффект) запоминать последовательные события. Этот эффект основан на инерции человеческого глаза. Так, например, когда ради забавы крутят горящий факел, глаз видит огненный круг, вместо нескольких положений одного и того же горящего факела. Таким образом, персистенция – это способность глаза соединять быстро сменяющиеся изображение в одно – неподвижное. Именно на этом принципе устроен кинематограф, поскольку любое изображение (в кино или на экране монитора) представляет собой множество быстро сменяющихся изображений. Длительность эффекта персистенции зависит от интенсивности света отражаемого или излучаемого предметом, а также цвета.

Но в огромном разнообразии царства грибов только некоторые обладают ценностью в понимании грибника. Одни грибы, такие как опята и лисички – нужные. Другие хотят быть нужными, но не годятся, такие как это ложные опята и ложные лисички. Третьи – откровенно ядовиты, но все-таки бывают нужны для нетипичных целей – шаманский экстаз или отравление соседа. Да и не каждый съедобный гриб еще возьмешь! Они могут быть старые и переросшие, они могут быть изглоданы червями и слизнями, на них мог просто-напросто случайно наступить какой-нибудь другой грибник. Чаще всего опытный грибник знает, куда и когда ему идти, ибо он там найдет то, что ему нужно. Этот определенный путь по лесу, с опытным грибником и красивыми сочными съедобными грибами как результат похода – и есть лучший пример керигмы в данном контексте. Таким образом, только сорванные грибником грибы попадают в лукошко керигмы. Другие же так и остаются гнить под дождем невостребованными конструктами...

Психолог Дж. Келли в свое время предложил термин «конструкт» для обозначения когнитивных шаблонов, то есть оценочной системы, которая используется индивидом для классификации различных объектов его жизненного пространства. Келли поясняет: «Человек сам создает конструкты, а затем пытается подогнать их под те реалии, из которых состоит этот мир»¹². Конструкт позволяет индивиду не только объяснять чужое поведение, но и проектировать собственное поведение, так как задает фактическую программу такого поведения. Келли также различает личностные конструкты, еще не вошедшие в привычку («периферические конструкты»), и потому легко поддающиеся изменению. Личностно значимые и давно ставшие привычными («центральные конструкты») – изменению поддаются намного сложнее.

Иными словами, конструкты – это те самые менгиры, реперные точки, между которыми прочерчивается жизненный путь субъекта, и которые субъект использует для прогнозирования повторяющихся событий. Представим, что мы все так же далеки от нирваны, что означает буквально «вырубка леса». Что грибница таится где-то внутри нас, и прорастает в наше сознание грибами, да не простыми, а похожими на кирпичики Лего. Вся наша жизнь – игра в «Конструктор». Если одним удастся стать Великими Конструкторами, то другие предпочитают играть в священный «Тетрис», не щадя себя и предавая друг друга за рейтинг. Чаще всего нам становится скучно играть в одиночку, и тогда

¹² Дж.Келли «Теория личности: психология личных конструктов» – СПб.: Речь, 2000.

рейтинг кажется каким-то бессмысленным конструктом, и стихийно смещается на периферию нашего внимания. И тогда мы находим тех, с кем наши кирпичики соединяются, и создаем из них целые конструкции – Леголанды культур и цивилизаций.

5. Расцвет грибницы

Метафора грибницы здесь выбрана не случайно и отсылает нас напрямую к понятию «ризомы». Ризома (фр. rhizome «корневище») – один из ключевых терминов философии постструктурализма и постмодернизма, введенное Ж. Делёзом и Ф. Гваттари в одноименной книге 1976 года. Наглядным образом для ризомы выступает запутанная корневая система растения, в которой нельзя выделить ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа («генетической оси»), ни единого кода. Делёз и Гваттари называют следующие основные свойства ризомы: (1) связь, (2) гетерогенность, (3) множественность, (4) незначащий разрыв, (5) картография, (6) декалькомания. По мнению авторов, ризома способна порождать несистемные и неожиданные различия, которые невозможно противопоставить по наличию или отсутствию некоего признака. Ризома включает в себя линии членения, «сравнительные скорости» движения по которым составляют её организацию. Связи линий ризомы образуют так называемое «плато» – временную зону устойчивости в её постоянно пульсирующей конфигурации. Авторы принципиально противопоставляют эти зоны бинарным векторам развития, типичным для «древовидных структур». При этом открывается проблематика взаимодействия линейных («древовидных») и нелинейных («ризоморфных») сред.

Определение «ризомы» знаменательно для эпохи Постмодерна, которая предлагает альтернативное представление реальности. Вместо космоса, упорядоченного Великим Архитектором, каким его видели дейсты и масоны Модерна, Постмодерн постулирует «хаосмос» – еще один термин Делёза, означающий состояние несконченных возможностей, изначальную абсолютную потенциальность. Эта потенциальность Постмодерна выступает как виртуальная реальность, интернет и прочие всевозможные формы современной технологии, проводящие возникновение организации сетевого, ризоматического типа. Как и в случае с менгиром Модерна, Хаосмос также имеет архетипический аналог в древнейших традициях. Это образ лабиринта, неотъемлемой части обряда инициации. Лабиринт

символизирует изначальный хаос, который неофит может преодолеть только волевым решением, предельной концентрацией Духа, то есть через возведение своего внутреннего менгира.

В Традиции есть два центральных образа, отражающего два различных аспекта онтологии. Это образ Мировой Горы и Мирового Древа, которые опять-таки перекликаются с образами менгира и лабиринта. Древо – это символ гомеостаза, симметрии, цикличности, сферы, так как в традиционном представлении крона Древа – это корни, растающие в Небо (ср. русские слова «корни» и «крона»). Тогда как Гора – это символ направляющего снизу вверх вектора, этакая стартовая площадка для запуска ракеты вольного духа. Как нам кажется, именно в образе Мировой Горы воплощена арийская идея иерархии, консолидации и централизации для радикального преодоления текущей парадигмы. Именно к идеалу Мировой Горы стремился менгир инсталлированного субъекта Модерна, нанизывающий на себя концентрические круги, тем самым набухая, раздаваясь, вырастая в гору. Эта идея была положена, кроме всего прочего, и в основу государственности Модерна (ср. «Левиафан» Т. Гоббса), которая достигла своего апогея в XX веке в социалистических идеологиях (интегрализм, фашизм, коммунизм), предполагавших абсолютизацию Государства, тотальную мобилизацию населения в общий упорядоченный муравейник для подготовки решительного прорыва по ту сторону.

6. Сонное русское плато

Адепты культа Горы всегда были бесцеремонны в отношении корней, то есть культурно-исторического наследия. Их действия всегда были радикальными (лат. *radix* «корень»), то есть затрагивающие самые корни. Так и на бескрайнем русском поле деятели коммунистической революции осуществляли последовательный «ризоцид», в чем являлись отчасти естественными преемниками российской традиции подавления корней чужеродной властью. Пример России более чем архетипичен, так как она представляется нам именно полем с мощной корневой структурой, тем самым «плато», о котором писали Делёз и Гваттари. И ее корни живы до сих пор, какие бы сапоги ее не топтали, какие бы мегалиты новой власти на ней не устанавливались. Кроме того, тектоническая плита, на которой расположена великая Русская равнина, вот уже несколько миллионов лет является самой стабильной на нашей планете – и это так же неслучайно.

Дугин называет археомодерн «острым парадигмальным заболеванием», и особенно в отношении России. Тут он практически повторяет Шпенглера, назвавшего Россию «псевдоморфозой» за ее беспорядочное заимствование чужих форм. Пускай так, но это та лихорадка, которая являет собой процесс борьбы с инородным телом, вторгшимся в биоценоз архаичной грибницы. Кажущийся археомодернистический «бред» – это на самом деле мимикрия, уловка, чтобы выжить в действительном иступленном бреде Модерна. Дугин говорит: «Чему можно было бы уподобить на психологическом уровне смену парадигмы традиции парадигмой модерна? Пробуждению. Парадигма Традиции действует, пока мы спим, там вечно орудут архетипы, активно действует бессознательное. Когда мы просыпаемся, начинается парадигма модерна. Представьте себе теперь лунатика: он уснул, но продолжает ходить, лезть по крышам, передвигать приборы на кухонном столе... Или, наоборот, человек, вроде, проснулся, но половина его сознания видит сны. Это и есть археомодерн.»¹³ Нет, этот лунатик и есть самый, что ни на есть, модернист, свято верующий в то, что он достиг пробуждения при помощи своих рассудочных конструкций, сконцентрированных в керигму. Но все сильнее слышен хор философов-постмодернистов, в унисон заявляющих о самообмане Модерна, о рассудочном мейк-апе откровенно архаичных черт. Провозглашенный М. Вебером тезис о «расколдовывании мира» на самом деле оказался просто разочарованием в старых конструктах, с неизбежно последовавшим изобретением новых. Так на место ампутированной Традиции был в конце концов приторочен протез виртуальной реальности.

Таким образом, если Традиция в обычном представлении модернистов – это «сон разума», а Модерн – это нагнетание кошмара, умышленная игра сновидениями во имя торжественного пробуждения, то Постмодерн – это обреченное осознание того, что Сон продолжается. Традиция – это и есть тот самый Сон, который снится Богу. Русский сон не прекращался никогда, и вряд ли прекратится, так как является естественным режимом существования всех форм на Русском плато. Растянулся вдоль континента мирно спящий Медведь, подперев спиной полярные снега, пригнулся носом (С-Петербургом) к самым границам Европы, вдыхает ее уточненные запахи, и время от времени чихает во сне. Прилетают к Медведю птицы-керигматицы да воркуют ему на ухо – то

13) А. Дугин «Археомодерн: в поисках точки, где и модерн, и архаика ясны как парадигмы» – <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1472>

византийское православие, то татаро-монгольское иго, то петровскую реформу, и прочие масонские тайны, коммунистические сказки, либеральные тревоги. А Медведь только кивает во сне, интегрируя эти сюжеты в свой бескрайний сон.

Археомодерн – это воплощение Русского сна. Когда западные специалисты приезжают в Россию, намереваясь в очередной раз «вылечить» ее, русские от мала до велика выходят им навстречу и полусонно прочего, и русская тактика ведения войны. Врагу не противостоят, даже встречают хлебом-солью, даже сажают на престол, и только он себя почувствует как дома – как тут же становится частью русского сна, и махает рукой на свои вражеские планы. Ну, а если перечить начнет, пропагандировать да приказывать и вообще шуметь, будить народ от священного сна, то узнает как «встает страна огромная», которая «долго запрягает, да быстро едет». В России все основные войны разрешались народным ополчением. Так бороться за родное поле может только народ с земным, крестьянским менталитетом. Тот, кто зачаровывается блеском начищенных сапог, никогда не поймет праведного гнева крестьянина, который «убил кочевника, топтавшего посевы». Россия не умеет нападать, а только обороняться, так как привыкла орудовать бороной на своем поле. Пока у русского народа есть связь с землей, он будет, как Антей, питаться ее силой, и переживет какое угодно правительство, какую угодно моду на идеологию, философию, религию.

7. От Мировой Горы к Мировому Древу

Бытует расхожее мнение, что Модерн был якобы серьезной оппозицией Традиции, а потом его решительность сошла на нет, и возник Постмодерн – бесконечная пародия. На самом деле, игровой момент является неотъемлемым ключом к субъекту Модерна. Игра началась уже с уничтожения сакральной фигуры шутов (на Руси – скоморохов) и последующим усугублением террора инквизиции, прикрывавшей Божьим Законом свое слишком человеческое убожество. Модерн принял эту стилистику и начал свою парадигмальную игру в покер, пряча за научно обоснованной каменной физиономией подавленный

древний смех. Субъект Модерна – это игрок, авантюрист, гений, вся трагедия которого заключается в том, что он, как рядовой наркоман, полагает, что в любой момент может выйти из придуманной им самим игры. Постмодерн – лишь печальное заключение, что Модерн «заигрался», и все симулякры и пародирования – это не симптомы, а глубокий синдром.

Дугин справедливо делает акцент на необходимости различения западного Постмодерна и русского Археомодерна, но, как нам кажется, неверно оценивает его природу и миссию. Археомодерн – это недобитый опричниками Грозного Ивана скоморох, недопылавший в никонианских кострах старообрядец, уцелевший от советской коллективизации крестьянин. Это аварийная программа священной Русской Традиции, избравшая роль юродивого для выявления юродивой же сущности всех серьезных человеческих начинаний, увенчивающихся цивилизацией и прочим «торжеством разума». Если Постмодерн для Запада – это перерасчет ходов на великой шахматной доске, и раскаяние за преступные ходы, то Археомодерн – это наш шанс свергнуть навязанную нам игру, сбросить чужие маски и обнажить свою столь долго подавляемую, но неистребимую структуру.

Возведение мировых гор Абсолютного Государства в XX веке было окончательным менгиром в истории Модерна. Развитие сетевых структур открывает данный век как парадигму «Мирового Древа» и тем самым делает намеченную Делёзом и Гваттари проблематику взаимодействия линейных («древовидных») и нелинейных («ризоморфных») сред как нельзя более актуальной.

Ризома – только первая фаза этой раскрывающейся парадигмы, результатом развития которой должно быть неизбежное появление Ствола – нового коллективного субъекта, который придет на смену менгирам-симулякрам. Переплетение корней, образующих растущий и развивающийся Ствол, – вот альтернатива окаменению, то есть подавлению и ограничению. «Фаза Ствола» представит собой перезагрузку линейной среды, но только в качестве переходного этапа, открывающего третью и окончательную «фазу Кроны», как идеального отражения корней. Развивая идею Делёза-Гваттари, фазу Ствола можно назвать «Дриома» (от греч. *drys* – дерево, дуб). В слове «Дриома» отчетливо слышится русское слово «дрёма», и не случайно. «Дриома» по сути является «сном Ризомы», соединяющим ее дальнее плато с горней сферой Архе (Археома).

Таким образом, мы имеем троичную модель:

1. Ризома (rhizome) как плато-лабиринт, расположенный внизу; корни Мирового Древа, Нижний Мир
2. Дриома (driome) как Традиция, пуповина, соединяющая нижнее с верхним; ствол Мирового Древа, Средний Мир
3. Археома (archeome) как Абсолют, сверхструктурированная сфера вверху; крона Мирового Древа, Верхний Мир

Следовательно, занимая центральную часть, Ствол является средством соотнесения корней с кроной, и поэтому его субъектность условна и не является абсолютной, как ее понимает Модерн. Центр образуется в точке соприкосновения структуры с собственным отражением, то есть в попытке структуры познать саму себя. Наш субъект не противостоит Единому, но отождествляется с ним, так как своими собственными действиями осуществляет пульсирование Единого, с которым нераздельно взаимосвязан. Субъект – это лишь побег от структуры Древа, ответвление, которому дается иллюзия отдаления и отделения. Так и рука «противостоит» телу, которое допускает такое противостояние, только чтобы почесать себя.

8. Крона Археократии

Игра в конструкты порождает «конструкты социальные». Это продукты конкретной культуры или общества, существующие исключительно в силу веры в конструкт и согласия следовать принятым правилам. К очевидным социальным конструктам относятся игра, язык, деньги, статусы, корпорации и другие институциональные формы. В социологии и философии уже существует целая концепция «социального конструктивизма», адепты которого стремятся анализировать естественные на первый взгляд феномены как социальные конструкты и, более того, трактовать всю реальную жизнь как нагромождение конструктов.

Человек соучаствует в Творении, пытаясь познать Творца, который сам познает Себя через Творение. Это соучастие (со-познание) осуществляется человеком через перманентное соответствие сакральной Структуре путем изобретения новых и новых конструктов. Эти конструкты (формы культуры) являются только условными приемами, орудиями соблюдения соответствия. Но если условность перерастает в

данность, и Периферия становится Центром, а средство – целью, тогда меняются акценты со-познания, и искажаются принципы соучастия в Творении, то есть правила игры в жизнь. И тогда социальные конструкты превращаются в идолоподобные Конструкции, паразитирующие системы, которые искусно имитируют Структуру, заставляя человека работать на себя. Так и любой менгир, грезящий о статусе Мировой Горы, рано или поздно превращается в голема, питающегося дымом и кровью жертвоприношений.

Ницше трактовал этот образ рукотворного Дьявола относительно «сверхчеловека», которого он растил как гомункула на страницах своей трагической философии. По мнению Ницше, единственным достойным врагом сверхчеловека могут быть лишь его собственные принципы. Утверждая новые ценности, сверхчеловек порождает культуру, которая в конце концов превращается в Дракона или Духа тяжести. Чтобы освободить свою волю, сверхчеловек должен восстать против собственного создания, но и этот подвиг обернется новым Драконом. И так будет до бесконечности, ибо в этом проявляется вечное возвращение, как непреходящий мифический образ...

...В центре мира растет Древо, вечно живое, с постоянно сменяющейся листвой и узором коры. Могучие ветви растут от его ствола, как колонны, преданно служащие несению величественной кроны. Но бывает, что ветвь растет дальше, все больше удаляясь от ствола, как будто пытаясь нащупать что-то во мраке. Такая ветвь забывается в своих побегах, теряет живую связь с Древом и сохнет, ломается, падает вниз. Она обрушивается в Нижний Мир, где властвуют дарвинистские законы выживания, и там этот отделенный от светилалуч превращается в змею. Единственный путь спасения змей, копошащихся в хаосе – это воссоединение с Древом через уподобление себя корням. Но корни охраняет Великий Дракон, павший туда еще на заре времен. Он не подпускает прочий змей к корням, а лишь заманивает их в свою пасть при помощи иллюзий. Он обречен лежать там внизу, так как скован вечным голодом, и змеи – его единственная пища...

Мы считаем, что структура, естественно сложившаяся в условиях Глобализации – это ризома, живая сеть древних корней под обломками империй Модерна. Истинной же Ризомой должна стать глобальная сеть археократических общин, чья взаимосвязь позволит вновь утвердиться Традиции, то есть стволу Мирового Древа. Мы представляем Древо как сакральный принцип Археократии, неизменный в своих вечных

изменениях. Змеи – это люди и общества, которые зачастую идут произвольным путем, пытаются найти себя в противостоянии истинному Центру, но в результате лишь попадают в порочный круг Периферии. Так, пытаясь освободиться от «предрассудков и иллюзий Традиции», человек породил множество вспомогательных конструкторов, в которых в последствии и запутался, как когда-то в идолах. Сфера Капитала была разработана магами Модерна как игра, участие в которой отвлечет от ужаса Бытия. Но игра подменила собой жизнь, обязав забываться от ужаса в азарте бесконечного накопления.

Мы по-прежнему живем в рамках цивилизации, где правит культ частной инсталляции субъекта. Ныне отведенная ему для этого зона – экран масс-медии, виварий для симулякров, играющих в субъектов. Они копошатся змеями, питааясь нашим вниманием, и исчезают в брюхе Капитала, увлекая нас за собой. Путь из этого inferнального паноптикума возможен только через обретение связи с живыми корнями, которые как нить Ариадны, выведут нас из порочного круга обитания обратно к Древу. Корни помнят, корни хранят и терпеливо ждут.

Чем громаднее и ужаснее Дракон, тем громче и пронзительнее звучит в наших сердцах императив перманентного преодоления, и он будет продолжать нарастать, пока изначальный миф о поединке героя с чудищем не воплотится вновь. И однажды, когда из этого подвига будет создан новый культ, археократ-сверхчеловек должен будет снова восстать против идолов, подменивших собою вечный идеал. И круг повторится.

NON TRANSIT TRADITIO

Матжиои (Ж.-А. Пюйу де Пувурвиль) (1862–1939)

ПРИМОРДИАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

Вводная глава из книги «Метафизический путь»

Перевод с французского Е. Ткачук

Современные религии народов жёлтой расы состоят из множества различных элементов; в них стоит видеть не что иное, как популярную мешанину, имеющую три первоначальных источника: первобытную религию, даосизм и конфуцианство. Эти три влияния, более или менее счастливо слитые веками, составляют традиционную религию империи: им соответствуют три системы богослужения, которые составляют комплекс официальных и народных церемоний.

Путешественники, миссионеры, и все те, кто не принадлежит к народам жёлтой расы, судившие о традиционном статуте Китая по этим внешним признакам, приняли видимое за реальное; будь у них время и желание продвинуться дальше в этом вопросе, они были бы остановлены хранителями Примордиальной Традиции, не опустившейся в Китае на общедоступный уровень и a fortiori утаённой от внешних варваров.

Легко заблуждаться относительно тех, кто предпочитает оставаться неузнанным. Именно так и поступали западные белые учёные по отношению к восточным жёлтым мудрецам, и с тем большей безнаказанностью, что не было никого, чтобы им возразить, думая, что можно пройти мимо, их просто игнорировали. Благодаря этому, весьма почтенная среди западных традиций, чтобы вернуться к началу времён, вскарабкалась на Лестницу Иакова, и, за неимением лучшего, уцепилась за иудаизм, который есть ни что иное, как кровавая пародия на индуистские культы, и за то учение Моисея, которое является

не более чем полинявшей в Красном море адаптацией египетских верований.

Сегодня мы считаем своё происхождение лучшим и благороднейшим; и если бы колониальные завоевания Европы не имели никакого иного результата, они заслуживали бы не меньшей благодарности человеческого разума, для которого они раскрыли, конечно, бессознательно, традиции, тщательно скрываемые за Великой Стеной, в прибежище наиболее закрытых и антиномичных нашей ментальности цивилизаций.

Здесь я должен попытаться открыть двадцатому веку Запада это сокровище, скрываемое в течении пяти тысяч лет и игнорируемое даже некоторыми из его хранителей. Но сначала я хочу определить главные особенности этой традиции, благодаря которым она является Первой и, следовательно, истинной Традицией, и представить реальные доказательства, оставленные авторами памятников этой традиции и подтверждающие, что они восходят к эпохе, когда в лесах, покрывавших Европу и даже западную часть Азии, люди не очень отличались от медведей и волков, были так же покрыты шерстью и питались сырым мясом.

Когда Фу-си, этот энигматический властелин, за три тысячи семьсот лет до Иисуса Христа, то есть за две тысячи триста лет до Моисея, составлял метафизические и космогонические арканы, послужившие основой для И-Цзин, он провозгласил благоговейную осторожность в постижении прошлого и излагал его с величайшей эрудицией, с осмотриельностью и не стремясь к лёгкости понимания.

И, по его словам, он отдавал себе отчёт в том, что когда-нибудь для будущих поколений его эпоха будет такой же смутной и затруднительной для комментариев.

Он датирует свой труд не условной эпохой и не именем правителя, чью славу время сотрёт из памяти, но положением солнца и звёзд, описанным им во всех деталях, по которому астрономы будущего смогут безошибочно восстановить хронологию. Таким образом, тогда как древнееврейские патриархи среди толстейших книг и неотшлифованной путаницы приносят бенедиктинцам вред вместо пользы, чтобы определить точное время Фу-си и его И-Цзин, достаточно дать лупу в руки одному из бесчисленных последователей месье Камилля Фламариона. Без сомнения, Фу-си не

опасался критики или опровержения потомков, и мы отмечаем эту чудесную предосторожность не только для того, чтобы показать, какого совершенства достигла астрономическая наука, но чтобы показать с помощью одного лишь штриха, каким практическим, изобретательным, логическим и ясным разумом обладали китайские маги пять тысяч лет назад, разумом, отличавшим их от всех народных реформаторов, которые, придя в этот мир позже, жили, тем не менее, одними легендами и изъяснялись не иначе, как притчами.

Для полумиллиардного населения Дальнего Востока, какой бы ни была внешняя форма его верований, в том, что касается происхождения вещей, божественной сущности или отношений небес с землёй и людьми, никогда, ни в какую эпоху, историческую или легендарную (а история Китая аутентична уже в течении пяти тысяч лет), не было ни божественного откровения, ни вмешательства свыше. В книгах, в глоссах, в традициях нет ничего «сверхъестественного», не содержится этого понятия, ни слова не произнесено об этом. Ни один патриарх не видел Господа, как Моисей; ни один человек не беседовал с ангелами, как Мухаммед; ни один святой не был при жизни приобщён к вечному совершенству, как Будда; ни один Бог не сошёл на землю, подобно Мессии.

Чтобы при всей строгой логике понять неопровержимую ясность китайской традиции, нужно резко подчеркнуть это неповторимое отличие: она объявляет себя человеческой и требует только просветления человеческого разума, исключая всякую божественную мистирию и даже всякие метафизические постулаты.

Несмотря на очень распространённую лингвистическую ошибку, раскрытие – не прямая противоположность просветлению: раскрывать не означает открывать, как раскрывать не значит обнаруживать. Раскрытие, по сути есть облако, накинутое на истину, форма которого соответствует нравственной эстетике момента; это, грубо говоря, ложь, адекватная нуждам и чувствам часа, когда она сформулирована, и обречённая в будущем быть оспоренной, опровергнутой и заменённой в той мере, в которой изменятся породившие её настроения.

Есть ли до этого дело Господу Богу? И, напротив, не полезно ли отметить, что гипотеза о предполагаемых откровениях, исходящих от Бога, который движается, говорит и живёт, есть следствие бессознательного антропоморфизма, который был и с давнего времени продолжает господствовать над теогоническими концепциями среди большей части

человеческого рода?

Но учителя или мастера крайневосточной мысли не нуждались в содействии Неба для того, чтобы создавать символы и развеивать заблуждения.

Их народы, удовлетворённые истиной, которую они никогда не теряли, вовсе не требовали прикрывать её всякой мишурой; они вовсе не просили о проявлении Бога, ибо они были ещё слишком близки к нему, чтобы забыть его или отвергнуть. В нетронутой Традиции и в речи тех, кто её передавал, они ясно видели само небо и его творение; и, удовлетворяясь возможностью понимать Отца, от которого они произошли, они не испытывали ни малейшей необходимости в том, чтобы божественность явилась их глазам в более или менее осязаемой форме, чтобы навязать им доктрину, созданную людьми и в то же время наполненную тайнами, смущающими здравый ум и опрокидывающими человеческую логику.

Итак, именно потому, что Примордиальная Традиция смогла утвердиться среди народов жёлтой расы, которым мы обязаны первыми памятниками письменности и науки, не нуждаясь для своего торжества ни в насилии некоего бога, ни в небесном вмешательстве, и как раз поэтому – мы должны признать её соответствующей самой себе в человеческой природе и, следовательно, нетронутой и истинной.

Эта традиция, которая не была ни обнаруженной, ни явленной богом, которая не была ни возведена в догмат, ни декретирована официальными или официозными представителями божественного, не навязывала ни одной черты, присущей тому, что а priori выше природы человека, а значит, не подлежит человеческому обсуждению.

Установим далее практическое значение этой бесспорной основы Примордиальной Традиции в повседневной жизни китайцев; и, даже не основываясь на обыкновенной последовательности и ныне возможном рациональном исследовании, признаем, что китайцы пользовались необычайным благополучием благодаря скромности их первых мудрецов, которые были также и их первыми императорами и которые не воображали, что их указы должны исходить из пещеры сивиллы или спускаться с горы, покрытой тучами, для того, чтобы быть известными и действенными. Счастливы народы, не обречённые на постоянную борьбу между сердцем и разумом, у которых голос и помощь Неба всегда были в пределах досягаемости, которые находили в своей сакральной

традиции такое же средство своего повседневного процветания, как и грядущего блаженства, которым никакое таинственное влияние не внушало страха перед грозной и мстительной высшей властью и которым мысль о естественной и неминуемой смерти не отравляла земную жизнь ужасом неизвестности.

На самом деле, не нужно слишком глубоко вникать в эту Традицию, чтобы понять, что, будучи свойственной исключительно жёлтой расе, она привязана как к семье, так и к почве и собственной крови, поскольку в сущности, она является интеллектуальным и нравственным наследием Предков; эта Традиция не объявляет себя исходящей из божественного источника (по крайней мере, свойственного только для этой расы); она игнорирует навязываемую ей теократическую доктрину, и не образует религиозных догм. Неизбежное следствие: все религии, все обряды, более или менее процветающие на Дальнем Востоке, не происходят из основы традиции, они не являются частью передаваемого наследия, абсолютного и неделимого, это не более чем необязательные внешние признаки: они не могут претендовать ни на повиновение, которого требует предание, будучи достоверным, ни на уважение, которого требует предание как древность. Традиция сама по себе привлекательна именно своей ясностью и всемогущей добродетелью своего прошлого. Как религии (более или менее точные переводы этой традиции с целью максимально адаптировать её для народного восприятия) посмели принять этот уверенно-безапелляционный тон, ни в коей мере не свойственный самой Традиции?

«Любите Религию: не доверяйтесь религиям». Эта максима, вписанная во фронтон храмов и в сознание людей – единственный совет, данный жёлтой расе; а совет – не приказ. Но он определяет с ясностью, не имеющей себе равных, каким образом Религия является именно Примордиальной Традицией, исключительно человеческой, и каким образом религии, при небесном вмешательстве, являются наиболее лёгкими, но наименее точными средствами подняться до Религии.

И в такой логичной, простой и естественной, или, лучше сказать, антисверхъестественной системе сразу видны глубинные значения, которые в интеллектуальной, нравственной и даже материальной жизни исходят от народов достаточно мудрых, чтобы держаться её.

Религия не содержит обязательств; ибо раз уж чисто человеческий разум первых Мудрецов, призванный знать Сущность и Путь всех существ, вывел из них символы и ритуалы, невозможно принуждать

людей верить в них и соблюдать их: то, что измыслил один человеческий ум, а ригиō не обязательно для других умов. Самые почитаемые мастера искали самого блистательного света, дабы чётче высветить традиционные догматы; но тот, кто не понимает, ничем не связан; и тот, кто не имеет времени на поиск понимания, ничем не связан. И так же как самые знающие и прилежные учёные, он весьма выучен в том, что касается всеобщей эволюции и не может её благополучно избежать, поскольку он существует.

Религия не содержит наказаний; ибо только более или менее логически ссылаясь на имя одного Бога, люди могут угрожать себе подобным возмездием и муками, если они не уверены в своих речах и непонятны настолько, насколько это возможно, а чтобы эти угрозы имели эффект, нужно, чтобы эти люди объявили себя и считались эхом далёкого и сурового Бога. Никто здесь, следовательно, ничего не должен: каждый волен просвещаться, исходя из своих средств и способностей, и, каким бы ни был результат подобной интеллектуальной деятельности, никакие мучения ни в земной жизни, ни в иных не угрожают тем, кто не следует в своём сердце традиционным учениям.

Религия не имеет исключений. Вполне допустимо, не нарушая закона, практиковать даосизм, буддизм, конфуцианство или любой другой внешний культ; его можно сменить, а можно и не принадлежать ни к одному из них: за это никто не будет проклят.

Завершая оборот, Небо образует универсальность творений; это означает скорее замедление движения (признавая это возможным), чем отрицание или отказ от необходимой частицы этой универсальности.

Итак, не существует ни государственной религии, ни государственного культа, ни должности жреца: государство не покровительствует и не противостоит никакому культу. Религиозные учения следуют за прихотью добровольных слушателей даровых учителей; все культы пребывают бок о бок под безразличным оком Государства в том единственном состоянии, в котором они пребывают в сфере сознания, таком, что они не ссорят своих адептов и не сеют смуты или мятежа в Империи, следуя амбициям или безответственности их интерпретаторов. Нету и гонений, так как все меры, принятые в течение истории против некоторых новых культов, были отпором, а не нападением.

Нет культа, который был бы ангажирован [государством]: каждая

секта или каждое верование содержит свои храмы и своих жрецов соразмерно степени щедрости своих адептов: никто не беспокоится о том, что происходит внутри этих систем, в которых, по существу, не происходит абсолютно ничего – религии, главным образом, метафизичны, а обряды не прикреплены специально ни к одной из них. И если Государство устанавливает время и место проведения конфуцианских церемоний в пагодах, то это потому, что они никогда даже приблизительно не были религиозным, но только гражданским ритуалом.

Религия, по крайней мере в том, что касается тех толков, которые называются религиями, и особенно в том, что касается внешнего культа, не является даже семейным делом. Рождение, брак, смерть вовсе не религиозные действия, потому что это суть действия естественные; и глава семьи является здесь единственным священнослужителем. Между пагодой бонзы и семейным очагом встают во всю законную силу независимый авторитет отца и, во всё своём древнем величии, семейный культ Предков, возведённый к основателю каждого рода образ примордиальной и главной Традиции Человечества. Следовательно, Религия – это дело личной совести и свободы; традиционные философские и метафизические принципы передаются из поколения в поколение учёными членами семей. Кроме стены, окружающей отчий дом, ничто не обращено вовне; и ни у кого не хватило бы дерзости (к тому же бесполезной) преступить тот духовный барьер, который охраняет достоинство и независимость граждан.

Обряды не требуют никакой внешней отметки. Ритуалы, установленные рядом законов и правил, составляют часть основных политических положений империи: религиозная практика сведена таким образом на нет, а теории становятся не более чем предметом светских бесед и улыбок среди блюстителей различных культов, где не сверкают ни яростные взгляды, ни языки костров.

Что же до нравственного руководства народами, которое кажется непосредственной земной целью религий, то натур-философ Конфуций берёт его на себя независимо от какого бы то ни было божественного вмешательства. И мы знаем, как, в основном, этот добрый учитель воспитал своих последователей, и, тем более, как он завоевал душу своей расы, чего никогда не добились от своих пророки Иудеи и Ислама, явившиеся среди резни и богохульства.

Итак, первый из людей, Фу-си, выкристаллизовал Примордиальную

Традицию¹, Лао-Цзы вывел из неё состав доктрины, Конфуций – нравственную систему. Можно ли сказать, что одно из этих интеллектуальных наследий или их смесь оформилась в Религию в том смысле слова, которое придаёт ему Запад? Это невозможно; и не может быть ничего более далёкого от истины. И, однако, среди народов жёлтой расы нету иного способа связать человека с Богом; и нету во всём мире страны, где вера в Высшее Существо была бы более универсальной и казалась более разумной. – Откуда исходит это кажущееся противоречие? Оно исходит из самой сущности Традиции. Чтобы связать человека с Небом², не требуется религии, для этого достаточно традиции: она и есть та метафизическая пуповина, которой Человечество всегда связано с Сущностью, она не разорвана и не ослаблена; и так будет во все времена. Человечество никогда не перестанет рождаться, а если перестанет, то в тот же момент оно станет Тем, кто его породил. Это и есть краеугольный камень Традиции, и народы жёлтой расы никогда не теряли его из виду, будучи защищёнными самой спокойной историей и самыми лучшими законами. И никакое небесное вмешательство не научило бы их ничему большему: именно поэтому оно и не осуществилось, и ни один мудрец и ни один император не считал полезным его симулировать. Вот почему вера в Небо абсолютна, естественна и логична. Для китайца верить в Бога значит верить в самого себя. В подобных условиях атеизма просто не может быть.

В повседневной практике это означает, что если Высшее Существо и интересуется движениями творения, а особенно Человечества, то ему совершенно безразлично, интересуется ли Человечество им. Поэтому и не происходит никаких жертвоприношений, и нет никакого страха; и во имя него не принесено ни земель, ни других даров: Небесный господин венчает это произошедшее от него творение, ожидая, что оно будет самосовершенствоваться, не прибегая к нему. Тот, кто является источником, где рождается река и море, в которое она впадает и теряется, не смог бы быть врагом потоков, которые его составляют, ни в один из моментов своего бегства. Итак, не отрицая несовершенство, которые неизбежно сопровождают делимость, китаец имеет в самом себе, в своём разуме, в своих концепциях идею достоинства, которая

1) Теперь важно отметить, что Фу-си не является ни человеком, ни мифом, но обозначением некоего интеллектуального агрегата, каким был в другом случае Гермес.

2) Слово «Небо» – перевод метафизического иероглифа «Тянь», которым в идеографическом письме обозначается абсолютная идея, называемая на Западе Богом.

ни в чём не похожа на зависимость, в которую религии откровения низвергают человеческое существо.

Является ли отсутствие религиозного идеала для народов жёлтой расы причиной векового застоя, в котором немеет их цивилизация? Никто не смог бы этого сказать. Но это отсутствие религиозности, исключаящее весомый повод для раздора, сберегло их историю от многих потрясений. И этот недостаток сентиментальности, давая им практическое безразличие к внешнему миру и направляя их взгляды и желания на родную и питающую их землю, делает их счастливыми проще и быстрее.

Во всяком случае, во время изучения и постижения Примордиальной Традиции, надо иметь в виду следующие две формулы: принижение человека не является необходимым условием возвеличивания Неба; страдание человека не является необходимым условием его развития.

Эзотерик видит вещи не такими, какими они кажутся в определенной перспективе, но такими, какими они на самом деле являются: он учитывает то, что существенно и, следовательно, устойчиво под покровом различных религиозных формулировок, хотя своей исходной точкой он по необходимости считает одну из данных формулировок. Такова позиция и таково оправдание эзотеризма; фактически он далеко не всегда является последовательным, поскольку промежуточные решения человечески неизбежны.

Всё, что в пределах метафизики или духовности является универсально истинным, становится «эзотерическим» по мере своего несогласия или кажущегося несоответствия данной формалистической системе или «эзотеризму»; однако Истина по праву присутствует внутри каждой религии, ибо каждая религия основывается на Истине. Это как раз означает, что эзотеризм возможен и даже необходим; весь вопрос заключается в знании, на каком уровне и в каком контексте он проявляется, поскольку относительная и ограниченная истина тоже имеет свои права, как и истина тотальная; она правомочна внутри того контекста, который дан ей порядком вещей, проявленном в психологическом и нравственном благоприятствовании и традиционном равновесии.

Парадокс эзотеризма заключается в том, что, с одной стороны, люди «не зажигают светильника, чтобы держать свет под спудом», а с другой стороны, сказано ведь – «не давайте святыни псам»; между этими двумя выражениями обнаруживается свет, который «во тьме светит, и тьма не объяла его». Тем не менее, здесь происходят колебания, которых никто не в состоянии предотвратить и которые являются данью миру случайностей.

Экзотеризм есть опасная вещь по причине его же ограничений или его исключений; в истории наступает момент, когда опыт обязан модифицировать собственные притязания на исключительность и ему предстоит выбор: освободиться от этих ограничений, устремляясь ввысь, или спуститься вниз – в сторону светского и самоубийственного либерализма. Как и стоило ожидать, цивилизационный экзотеризм Запада выбирает путь, ведущий вниз, хотя и пользуется случайно некоторыми эзотерическими положениями, которые в подобных условиях остаются недейственными.

совершенно ложной вследствие того факта, что они внутренне немедленно сводят к внешнему, а Абсолют – к относительности. Следует ясно заявить, что модернизм не ведет своего происхождения от католицизма, наоборот – он завладел и воспользовался им как оккупационная сила. Остальное завершается по закону гравитации.

Павший человек, иначе говоря, обычный человек, грубо или тонко отравлен страстями; отсюда происходит затмение Интеллекта и появляется необходимость такого Откровения, которое приходит извне. Удали из души и интеллектуального познания элемент страсти – очисти «зеркало», или «сердце» от «ржавчины» – и Интеллект будет освобожден; тогда он изнутри открывает то, что внешне открывает религия³. Это подводит нас к важному итогу: оказывается, для того, чтобы стать понятной для душ, которыми владеют страсти, религия обязана заговорить на языке страстей. Отсюда и появляется исключительный догматизм и синхронизирующий с ним морализм; если обычный, или коллективный человек не оказался бы охвачен страстями, то Откровение вещало бы на языке Интеллекта и не было бы экзотеризма, а, следовательно, и эзотеризм не рассматривался бы как невяное дополнение к нему. Здесь имеются три возможности: 1) люди властвуют над элементом страсти, и каждый живет в духовном согласии со своим внутренним Откровением; это возможность Золотого века, в котором каждый рождается посвященным; 2) люди затронуты страстями, приводящими к забвению некоторых аспектов Истины, откуда появляется необходимость – или возможность – таких Откровений, которые, несмотря на наличие внешней стороны, остаются метафизическими по своему духу, как об этом свидетельствует Упанишады⁴; 3) страсти господствуют над большинством людей, а значит, появляются формалистические, исключительные и воинствующие религии, которые предоставляют людям, с одной стороны, средство для направления страстного порыва в русло спасения, а с другой стороны – средство для преодоления страстного порыва в виду тотальной Истины, трансцендируя, таким образом, религиозный формализм, который эту Истину скрывает и намекает на нее лишь косвенно. Религиозное Откровение есть одновременно покров света и свет под покровом.

Для тех, кто принимает эзотеризм, что равнозначно принятию «вечной философии» – *philosophia perennis*, и в то же время чувствует себя эмоционально связанными с определенным религиозным климатом,

3) Мы должны настаивать на том, что, строго говоря, освобождение от этого положения вещей невозможно без помощи религии, ортодоксии и традиционного эзотеризма, со всем, что из этого вытекает.

4) Такое Откровение имеет одновременно консервативную и охранительную функцию, оно выражает Истину с учетом риска, что она может быть забыта; следовательно, оно также имеет своей целью защитить «чистое» от загрязнения «нечистым», напомнить Истину тем, кто по неосторожности сбился с пути.

возникает великое искушение путать тонкое с эзотерическим и верить, что всё, перед чем они благоговейно, относится ipso facto к эзотеризму, начиная с богословия и святости. Чтобы избежать подобного смешения, важно иметь не смутное, а вполне отчетливое понимание проблемы; с целью ее уяснения мы рассмотрим имперсональную и единящую недвойственность Шанкары и противопоставим ее персоналистскому и сепаративному монизму Рамануджи. С одной стороны, перспектива последнего субстанционально напоминает монотеизм семитского происхождения, а с другой стороны, перспектива Шанкары является одним из наиболее адекватных, среди возможных, выражений *philosophia regennis*, или просветленного эзотеризма...

Было бы совершенно ошибочным верить, будто внутри определенной религии гнозис преподносит себя в виде чуждой и привнесенной доктрины; напротив, то, что в каждой религии представляет собой ключ для всеобщего и недвойственного эзотеризма, есть некая-нибудь тайная концепция гетерогенного характера, но сама руководящая идея религии; и это так, поскольку религия, представляющая себя с абсолютной настоятельностью – «*extra ecclesiam nulla salus*», – уже этим заявляет о тотальности Послания и, следовательно, не исключает ни одной существенной возможности человеческого духа. Христианский гнозис несомненно находит себе опору в трудах де Фомы Аквинского, так и Григория Паламы, хотя фактически эти опоры нейтрализуются основным «бхактическим» характером христианства, если только они определенным образом не изолируются от контекста; в любом случае, они не являются основой понимания. По необходимости и а priori христианский гнозис находит свою опору в таинствах Воплощения и Искушения, а это значит, и в феномене Христа как таковом, тогда как мусульманский гнозис находит свою опору, прежде всего, в таинствах Трансценденции и Имманенции, то есть в Коранической или Мухаммадовой Истине; более того, гнозис двух упомянутых религий основан на таинстве Божественной Любви, рассматриваемой в каждом случае согласно характерному акценту: любовь теофании, которая одновременно является как человеческой, так и божественной, в христианстве, и любовь Принципа, который одновременно является как трансцендентным, так и имманентным, в исламе.

Относительно эзотеризма как такового – а это не что иное, как гнозис, – мы обязаны вспомнить две вещи, хотя мы уже касались их в других обстоятельствах. Во-первых, необходимо понимать разницу между абсолютным и относительным эзотеризмом; во-вторых, необходимо

знать, что, с одной стороны, эзотеризм поддерживает экзотеризм, гармонически сообщая ему глубину, потому что в форме выражается сущность и потому что в этом отношении они проявляют сплоченность, тогда как, с другой стороны, эзотеризм противостоит экзотеризму, резко его трансцендируя, потому что Сущность в силу своей беспредельности никоим образом не сводится к форме или, иначе говоря, форма, поскольку она содержит в себе предел, противопоставляется тому, что несет в себе тотальность и свободу. Эти два аспекта легко различимы в суфизме⁵, хотя, правда, порой невозможно установить у суфийских авторов, где тут случай благочестивой неосведомленности, где случай простой пренебрежительности, а где духовного благоразумия; подобная смесь, тем не менее, является вполне естественной до тех пор, пока не ведет к абсурдам и всяческим опровержениям. В любом случае пример суфиев показывает, что можно быть мусульманином и не являясь ашаритом⁶; по той же причине и с равным правом можно быть христианином, не являясь ни схоластом, ни паламитом, или лучше скажем, что можно быть томистом, отказавшись от аристотелевского сенсуализма Фомы Аквинского, также, как и быть паламитом, не разделяя ошибок Паламы относительно греческих философов и их доктрин. Иначе говоря, можно быть христианином и одновременно платоником, признав отсутствие любого соревнования между мистическим волюнтаризмом и метафизической интеллектуальностью и не входя в обсуждение семитской концепции «творения из ничто» – *creatio ex nihilo*.

В конечном итоге мы обязаны настаивать на следующем: тот факт, что истины трансцендентного порядка оказываются недоступными для логики определенной личности или определенного круга людей, вовсе не означает, что истины эти по сути и *de jure* чужды всякой логике, поскольку, с одной стороны, действительность логики всегда зависит от интеллектуальной мощи мыслителя, а с другой стороны, – от адекватности информации или знания необходимых данных. Постигшие метафизику находят ее истинной не потому, что выражается

5) Первый аспект, как хорошо известно, проявляется у Газали, который добился для суфизма признания в рамках официальной религии, во время как второй аспект – коранической параллелью которого является повествование о Моисее и неизвестном (Аль-Хидр) – мы находим, например, у Ниффари, заявившего, что эзотерическое откровение не служит опорой для эзотерического откровения, то есть гнозиса, и что массовая религия смотрит на вещи в плане их множественности, а не единства, как это делает внутреннее откровение. Ибн Араби также говорит: «Бог Всемогущий не ограничен никаким верованием, ибо Он сказал (в Коране): «Куда ни повернешься, везде лик Бога»».

⁶ ашарит – последователь ал-Ашари, основоположника калама (X век).

она логическим путем, но ее как раз можно выразить логическим путем потому, что она истинна, и очевидно, что истинность ее ни в коем случае не ущемляется изысками человеческого разума.

В своем стремлении защитить права божественной сверхразумности по отношению к *de facto* фрагментарной логике рационалистов некоторые заходят так далеко, что провозглашают право на иррациональность и, таким образом, на алогичность для вещей божественного или просто духовного порядка, как будто существует право на внутренний абсурд. Утверждать, что Христос ходил по воде, вовсе не противоречит логике или разуму, несмотря на то, что основание чуда остается нам неизвестным⁶, поскольку закон гравитации – вещь условная, следовательно, относительная, знаем мы об этом или нет; и даже не ведая об этом, мы по крайней мере можем предполагать или считать это возможным, учитывая уровень феномена. Но утверждать, будто Христос ходил по воде, не ходя по воде, или что он ходил по воде, взмывая к небесам, несомненно противоречило бы разуму, ибо явление или возможность не в состоянии в том же отношении оказаться другим явлением или возможностью, или отсутствием того, чем они являются: Бог может требовать безропотного принятия чуда или тайны, но Он не потребует принять настоящий абсурд, то есть абсурд как логический, так и онтологический⁷.

Когда речь заходит о христианском эзотеризме, это может быть только одно из трех. Во-первых, это может быть гнозис Христовый, основанный на личности, учении и дарованиях Христа и извлекающий пользу из определенных возможностей платоновских концепций, ибо в метафизике подобный процесс не представляет собой ничего неправомерного⁸; этот гнозис проявился особым, хотя и весьма неравноценным образом, в сочинениях Климента Александрийского,

6) Здесь мы подразумеваем, что чудеса тоже имеют свой механизм, но в данном случае причинная связь «вертикальная», а не «горизонтальная»: луч причинного развертывания пересекает несколько экзистенциальных уровней, вместо того, чтобы действовать лишь на одном-единственном.

7) Согласно св. Фоме Аквинскому, принципы логики присущи Богу, и согласно им мы должны мыслить; это значит, что невозможно противоречие между нашим интеллектуальным познанием и Истиной, которая имеет Бога своей опорой. Несомненно, внешние абсурды имеют место, но в этом случае противоречие возникает лишь по причине нашего невежества или умственной тупости. «Правильный ум есть храм Бога», – сказано св. Иоанном Креста.

8) В общем виде межтрадиционные влияния при определенных условиях всегда возможны, но без какого бы то ни было синкретизма. Несомненно, буддизм и ислам оказали влияние на индуизм, однако, разумеется, не путем прибавления к нему новых элементов, а благоприятствуя или побуждая расцвет уже имевшихся элементов.

Оригена, Дионисия Ареопагита, Скотта Эригены, Мейстера Экхарта, Николая Кузанского, Якоба Бёме и Ангелуса Силезиуса⁹. Во-вторых, он может быть чем-то совершенно отличным, а именно – греко-латинским или ближневосточным эзотеризмом, внедренным в христианство; здесь мы, прежде всего, имеем в виду герметизм и ремесленнические посвящения. В этом случае эзотеризм предстает в более или менее ограниченном и даже фрагментарном виде, он в большей степени кроется в просветленном характере метода, ныне утерянного, нежели в доктрине и объективной цели; эта доктрина была принципиально космологической, следовательно, ее цель не превышала «малых мистерий» или горизонтального совершенства, то есть предвечные совершенства, имея в виду идеальные условия «Золотого Века». Однако в любом случае этот христианизированный космологический или алхимический эзотеризм – «гуманистический» еще в законном смысле, поскольку речь шла о возвращении микрокосмосу макрокосмического совершенства в согласии с Божественными началами, – по сути был делом призвания, поскольку ни науки, ни искусства невозможно навязать всякому; человек выбирает науку или искусство по причине созвучия или квалификации, а не a priori для спасения души. Поскольку религия обеспечивает спасение, а *posteriori* на том же основании человек имеет право использовать свои дарования и профессиональные занятия, и это вполне нормально и необходимо, чтобы он поступал подобным образом, когда на любом основании ему предлагается занятие, связанное с алхимическим или ремесленническим эзотеризмом.

В-третьих, и превыше всего, а также вне любых исторических или литературных соображений, под «христианским эзотеризмом» можно и следует понимать истину как таковую – метафизическую и духовную истину, насколько она выражена или проявлена посредством догмы, ритуала и прочего. Если формулировать всё это в обратном порядке, то этот эзотеризм есть тотальная сумма христианских символов при условии, что они выражают или манифестируют чистую метафизику и одну-единственную универсальную духовность. И это вовсе не зависит от нашей осведомленности о том, до какой степени Ориген или Климент Александрийский могли осознавать, в чем тут дело; подобный вопрос в любом случае является поверхностным, поскольку очевидно, что по

9) Иначе говоря, можно найти элементы эзотеризма в ортодоксальном гностицизме, получившем свое продолжение в теософии Беме и его последователей, а также в дионисовом мистицизме рейнландцев и, конечно, в исихазме, не забывая тех частичных элементов методического эзотеризма в квиетизме Молиноса, следы которого можно найти у св. Франциска Сальского.

более или менее внешним причинам они не могли отдавать себе отчет обо всех аспектах упомянутой проблемы, тем более что они были тесно связаны с bhakti, определяющей специфическую направленность христианства. При любых обстоятельствах важно не путать эзотеризм в принципе с эзотеризмом фактическим, или доктрины виртуальной, имеющей все права на истину, с доктриной действительной, которая в жизни может и не соответствовать обещаниям, в ней содержащимся.

Христианство является эзотерическим по отношению к еврейскому легализму, ибо оно представляет собой Послание о внутренней сущности: внутренняя добродетель в христианстве ставится в предпочтение внешнему соблюдению закона, почти до устранения последнего. Но поскольку эта точка зрения остается волонтаристической, она может быть трансцендирована внутренним содержанием иного порядка, относящимся к чистому интеллекту, который сводит конкретные формы к универсальным сущностям и точку зрения покаяния заменяет точкой зрения очищающего и освобождающего знания. Гнозис имеет Христову природу в том смысле, что, с одной стороны, он принадлежит к Логосу – трансцендентному и имманентному одновременно, – а с другой стороны, потому, что он есть послание о внутренней сущности и, следовательно, об интериоризации.

Здесь мы обязаны дать ответ на возражение, что позиция эзотерика предполагает своего рода двойственность по отношению к религии, которую он провозглашает своей, при этом давая вещам совершенно иной смысл; такое подозрение не учитывает актуальной перспективы гнозиса или его усвоения душой, благодаря которому интеллектуальное познание и чувственность спонтанно сочетают различные точки зрения, не изменяя ни их реальности, ни их естественным требованиям¹⁰; конкретное понимание космического и духовного уровней исключает любой скрытый обман. Обращаться к Богу, зная при этом, что Его по необходимости антропоморфная личность есть следствие Майи, отнюдь не является менее искренним, нежели обращаться к человеку, зная при этом, что он также a fortiori – только следствие Майи, как и все

10) Как известно, для созерцательного индийца этот вид метафизической гибкости является второй природой и не представляет трудности; это значит, что индийцы особенно чувствительны к тому, что мы неоднократно называли «метафизической прозрачностью феноменов». Разумеется, *bilinguis maledictus*, двусмысленная речь – отвратительна; но она осуществляется на одной плоскости, а не так, как эзотеризм – на двух разных уровнях; если это двойное измерение считать незаконным, то невозможно интерпретировать Песнь Песней Соломона иначе, как в буквальном смысле, а большую часть патристической и мистической экзегезы пришлось бы отвергнуть. Христос ведь употреблял притчи и метафоры.

мы; подобно тому, как просить у человека одолжения, зная при этом, что все дары даются Богом, вовсе не есть отсутствие искренности. Божественная Личность, как мы сказали, – антропоморфна; несмотря на тот факт, что в действительности человек имеет сходство с Богом, а не наоборот. Бог необходимо становится человеком в области Своих отношений с человеческой природой.

Религиозная лояльность есть не что иное, как искренность наших человеческих отношений с Богом на основании тех средств, которые Он предоставил в наше распоряжение. Эти средства, будучи принадлежностью мира формального порядка, ipso facto исключают другие формы, но от этого они ничего не теряют с точки зрения нашего взаимоотношения с Небом; в этом своем внутреннем значении форма поистине уникальна и незаменима как раз потому, что таковыми являются наши взаимоотношения с Богом. Тем не менее, эта уникальность внутренней опоры и искренность нашего поклонения в ее рамках не дает нам разрешения на то, что можно было бы назвать «религиозным национализмом»; если мы осуждаем такое отношение – неизбежное для обыкновенного человека, но не об этом речь, – то это происходит потому, что это предполагает точки зрения противоположные истине, являющиеся еще более несовместимыми с истиной, когда верующий предъявляет притязание на эзотерическую мудрость и заявляет об обладании знанием, позволяющим ему учитывать границы религиозного формализма, с которым он себя чувственным образом и ущербно отождествляет.

Для того, чтобы ясно понять нормальное отношение между общепринятой религией и мудростью, или между bhakti и jnana, необходимо знать, что в принципе человек содержит в себе двойную субъективность – «души» и «духа». Одно из двух возможно: или дух понижен до уровня принятия догм откровения так, что индивидуальная душа остается единственным субъектом на пути к Богу, или дух осознает свою природу и стремится к конечной цели, для осуществления которой он и сотворен, так что это дух, а не «я» выступает субъектом пути, несмотря на то, что нужды и права обычной субъективности, иначе говоря, чувственной индивидуальной души, при этом не устраняются. Равновесие двух упомянутых субъективностей, одной – эмоциональной, другой – относящейся к интеллекту, которые, к тому же, в определенной точке неизбежно совпадают, рождает безмятежность, чьим благоуханием пропитаны ведантические сочинения; неправильное сочетание этих субъективностей в частичных и несовершенных видах эзотеризма,

напротив, порождает противоречие, которое мы можем парадоксально называть «метафизическим индивидуализмом», то есть мучительным мистицизмом, нередко сопровождаемым проявлениями раздражения, хотя, тем не менее, – героическим и открытым Милосердию; суфизм этому дает примеры.

Это как таковое логически не может стремиться к опыту, лежащему за пределами индивидуальности; человек есть человек, а Самость есть Самость. Мы должны остерегаться, дабы не переместить волюнтаристический и чувственный индивидуализм религиозного рвения на уровень сверхличного осознания; мы не можем стремиться к гнозису при помощи воли, которая противоположна природе гнозиса. Это не мы познаем Бога, это Бог познает Сам Себя в нас...

У человеческой личности имеется одна огромная забота, превышающая все остальные: спасти свою душу; для осуществления этой задачи он обязан следовать религии, а чтобы следовать ей, он должен быть верующим; но поскольку даже при лучших намерениях в этом мире он в состоянии верить лишь тому, что заслуживает доверия, то человек, в достаточной степени знающий две или больше религий и к тому же имеющий некое воображение, может почувствовать, что ему необязательно следовать одной из них по той причине, что она преподносит себя догматически как единственно законную и единственную религию спасения, и что она преподносит себя, так сказать, с абсолютной настоятельностью и, весьма возможно, в своих характерных формулировках вовсе не представляя некоторых убедительных и умиротворяющих элементов, которые можно найти в других религиях. С тем, что Псалтирь или Евангелие являются возвышенными, можно согласиться без малейшего на это сомнения; однако верить, что в самой своей буквальности и психологическом настрое они содержат всё, что преподносится нам Упанишадами или Бхагавадгитой, – это уже совершенно другой вопрос. Откровенно говоря, только просветленный эзотеризм, являющийся тотальным и универсальным, а не формалистическим, в состоянии удовлетворить любую законную умственную потребность, имея своим уделом основательные интенции, а не проявления, полные предассудков; лишь он способен дать ответ на все вопросы, порожденные религиозными отклонениями и ограничениями, а это равнозначно утверждению, что в объективных и субъективных условиях, которые мы здесь имеем в виду, он преподносит единственный ключ, позволяющий нам понять религию, не принимая во внимание

вопросы об эзотерической реализации. К тому же интегральный эзотеризм в состоянии указать на то, что в данной религии является поистине фундаментальным с метафизической и мистической точек зрения, где, при желании, вместо слова «мистический» можно читать «алхимический» или «оперативный» – и что, следовательно, позволяет ей примкнуть к *religio perennis*.

Даже признав, что религии обязаны учитывать психологические и социальные возможности и являются ограниченными в некоторых отношениях – не благодаря тому, что они включают, а благодаря тому, что исключают, несмотря на это, неизбежно требуя к себе абсолютной приверженности, – они, надо сказать, не имеют права закрывать глаза на каждый довод, превышающий их догматическую перспективу; и на самом деле Провидение, действующее в них по причине их божественного происхождения, отдает себе отчет о положении, возникающем вследствие поистине особых обстоятельств нашего времени¹¹, так же, как и во все времена оно тем или иным образом учитывало некоторые исключительные обстоятельства.

Религии с разных точек зрения рассматривают Божественный Принцип и вечную жизнь; но они не в состоянии, подобно эзотеризму, рассматривать религиозный феномен как таковой и раскрывать сущность с разных точек зрения. Было бы абсурдом требовать от них этого по двум причинам: во-первых, что само собой разумеется, каждая религия, по определению, должна представлять себя как единственно возможную, поскольку ее точка зрения зависит от Истины и, следовательно, обязана исключить любую опасность релятивизма, а во-вторых, потому, что в своем внутреннем и существенном содержании, который как раз трансцендирует относительность формулировки или символизма, религия полностью выполняет обещание, предполагаемое тотальным характером ее требований, – полностью, а это значит, учитывая то, чего требуют самые глубокие человеческие возможности...

Мы могли бы сказать, немного упрощая, что эзотеризм возносит форму, *credo*, над сущностью, то есть над Универсальной Истиной, а

11) То обстоятельство, что в нашем веке все можно прочесть и обо всем узнать, имеет последствие в религиозных кругах не в том смысле, что чужие духовные системы принимаются безусловно, а в том, что устанавливается смягченное и нередко терпимое отношение к ним, за исключением определенных слоев, путающих традиционную ортодоксию с правом на клевету и, таким образом, наносящих вред делу, которое они пытаются защитить. Отвергать ислам – это одно, а утверждать, что он не допускает женщин в Рай или что мусульмане не обладают добродетелью, – это совсем другое.

последнюю принимает только как функцию первой; форма, благодаря ее божественному происхождению, становится здесь критерием сущности. Эзотеризм, напротив, сущность ставит выше формы, а последнюю признает только как функцию первой; для эзотеризма и вообще, в принципе, согласно реальной иерархии ценностей, сущность является критерием формы; единая и универсальная Истина является критерием различных религиозных форм Истины. Если в экзотеризме наблюдается обратное отношение, это явно не происходит вследствие искажения, но потому, что форма, как кристаллизация сущности, является гарантом Истины; последняя считается непостижимой независимо от формы, или, точнее – независимо от формы, которая предъявляет абсолютные требования, что совершенно верно, если дело касается обычного среднего человека, поскольку иначе феномен догматического откровения был бы необъясним.

Эзотеризм, насколько он является абсолютным, характеризует то, что в связи с догматической системой он универсализирует символ или религиозное понятие, с одной стороны, а с другой – интериоризирует их; особое или ограниченное признается за проявление принципиального и трансцендентного, что, в свою очередь, открывается как имманентное. Христианство универсализирует понятие «Израиля», интериоризируя при этом божественный Закон; оно заменяет обрезание плоти обрезанием сердца, «Избранный Народ» – Церковью, заключающей в себе людей любого происхождения, а внешние предписания – добродетелью, во всём этом имея в виду не повиновение Закону, а любовь к Богу и, в конечном итоге, – мистическое единение. Эти принципы или перестановки едва ли не были известны ессеям и, возможно, другим иудейским посвященным, однако оригинальность христианства состоит в том, что оно из них создало религию и ради них пожертвовало Моисеевым формализмом...

Фундаментальной ошибкой является путать *jnani* с рационализмом, хотя рационализм фактически есть отклонение от интеллектуальной перспективы, поскольку *jnani* или, скажем, тот, кто по своей природе интеллектуален, не хочет и не притязает а priori на знание сути вещей и не стремится к этому; он учитывает факт, что он видит то, что он видит, следовательно, он знает то, что его «естественно сверхъестественное» распознавание ему открывает, хочет он этого или нет, и обнаруживает себя, таким образом, как бы в положении человека, который единственный видит нашу Солнечную систему со стороны и поэтому ему дана возможность, начав с наблюдения за Солнцем,

знать причины времен года, дня и ночи, мнимого круговращения звезд. Общая догматическая и формалистическая религия привязана, рассуждая по аналогии, к точке зрения имеющейся человеческой субъективности; эзотеризм – наоборот, хотя и принимает эту систему видимостей как символизм и на уровне, соответствующем *bhakti*, тем не менее, сознает относительность того, что мы парадоксально можем назвать «метафизическим феноменом». Рационалист, притязавший на интеллектуальное постижение, принцип которого он вполне может уяснить, но которым он фактически не обладает, и который путает разум с интеллектом, являет собой пример искажений, сравнимых с ложными инспирациями еретических сект; но, поскольку «порча лучшего есть худшее», рационализм гораздо вреднее ложного мистицизма, который, во всяком случае, не испытывает искушения отрицать Бога и загробную жизнь. Здесь весьма полезно вспомнить нечто из сказанного нами при других обстоятельствах, а именно, что существуют два источника уверенности, один внешний, другой – внутренний, а именно Откровение и Интеллектуальное познание. Первое легко узорпирруется чувственностью, а второе – рационализмом; однако фактически Интеллектуальное познание должно сочетаться с Откровением, так же, как и Откровение должно быть высвечено Интеллектуальным познанием...

Здесь нам следует объяснить два парадокса, относящихся, в одном случае, к ремесленническим посвящениям, а в другом – к императору. Ремесленнические посвящения принадлежат области *jnana*, хотя, как мы заметили выше, они были сведены к космологии и алхимии: вопрос заключается в возвращении человека к предвечной норме не посредством чувственного героизма, а просто основываясь на природе вещей и при помощи ремесленнического символизма; вполне вероятно, что в случае масонства упомянутая перспектива подчинила себя гуманистическому универсализму, который есть всего лишь карикатура интеллектуальной точки зрения, и отдаленной причиной этого был Ренессанс, а непосредственной причиной – «Просвещение». Что касается случая императора, то он парадоксален в той мере, в какой функция этого монарха, с одной стороны, относится к миру, а не к религии, а с другой стороны – продолжает роль *pontifex maximus* римской религии, принадлежавшей к типу *jnana*, вследствие своего арийского происхождения и несмотря на вырождение ее общей формы для большинства; именно это понтификальное и, так сказать, «гностическое» качество, или это прямое воздействие Неба, – которое

Данте и другие гибеллины, кажется, вполне сознавали, – объясняет, по какому праву и не встречая ни малейшего сопротивления, Константин мог созвать Никейский Собор; то же самое качество, каким бы туманным оно ни казалось, объясняет терпимость и реализм императоров по отношению к нехристианским меньшинствам, за которых они должны были заступаться перед священнослужителями, чему одним из самых поразительных примеров служит взаимопонимание, существовавшее между христианами и мусульманами в Сицилии во времена Фредерика II...

Одним из проявлений эзотерического измерения является так называемый квиетизм, о котором здесь надо сказать несколько слов. У большинства людей существует ассоциация между квиетизмом и одухотворенной сексуальностью в том смысле, что, согласно их убеждению, эти два явления могут быть легко сведены к искушениям, как будто легкость является синонимом ложного, а трудность – истинного и как будто подлинный квиетизм и одухотворенная сексуальность не заключают в себе аспектов, которые если и не относятся к покаянию, то, по крайней мере, столь же настоятельны и серьезны. В действительности квиетизм основан на идеях экзистенциальной субстанции и божественной имманенции и на переживании Присутствия Бога: он состоит из «покоя в своем собственном бытии», или, другими словами, покоя в Божественном Покое; для этого положения требуется, во-первых, достаточное понимание, что такое тайна, а также – активное и оперативное отношение, то есть постоянная молитва, или «молитва сердца», подразумевающая глубокую аскезу, если только она не ограничивается полностью профанной и эфемерной импровизацией, приносящей больше вреда, чем пользы. Но тот факт, что имеется и чувственный квиетизм, не подозревающий о строгой и активной стороне священного спокойствия, не позволяет предавать анафеме квиетизм как таковой, так же, как сектантский и подлинно еретический гностицизм не дает прав на осуждение истинного гнозиса, а разврат – на осуждение тантризма.

Наряду с упреком в «легкости» имеется и упрек в «безнравственности»; духовность, которая использует сексуальный элемент, кажется компрометирующей себя заранее явным поиском «удовольствия», как будто удовольствие лишает символ его значимости, и как будто чувственный опыт не компенсируется более чем достаточно сопутствующим созерцательным и интериоризирующим опытом; и, наконец, как будто боль может служить критерием духовной ценности. Квиетизму также предьявляется обвинение в безнравственности

вследствие того, что он предусматривает состояние, в котором человек стоит выше греха, – идея эта, которая часто неправильно понимается, указывает на состояние святости, когда деяния человека сияют золотом, поскольку он несет в себе субстанцию золота и потому что всё, к чему он прикасается, превращается в золото; это, очевидно, исключает скверные поступки как по отношению к Богу, так и по отношению к ближним. На деле квиетизм нередко аскетичен, но он по своей природе и без всякого умалчивания допускает интеграцию сексуальности в духовность в той мере, в какой последняя экзистенциально находится в согласии с прекрасным, а следовательно, и с любовью, или точнее – с созерцательной и миротворческой стороной любви. Но эта любовь есть также и смерть (amor/mors), поскольку иначе она не была бы духовной; ибо сказано: «Черна я, но прекрасна»¹².

Человек знания постоянно – по крайней мере, к тому ведут его предрасположение и намерение, – осознает онтологические корни вещей: акциденция для него не только «то» или «это», но, прежде всего, многообразная и неисчерпаемая манифестация Субстанции, интуиция, которая в меру своей конкретности и живучести благоприятствует не только пониманию и созерцательности, но также и благородству характера, поскольку знание Всего охватывает всего человека. Это благородство в значительной степени содержится в самой созерцательности, при условии, что человек расположен к созерцанию Того, чем он определенным образом и в определенной степени является.

12) «Кто не любит песен, женщин и вина, тот остается дураком всю жизнь» (Wer liebt nicht Wein, Weib und Gesang, der bleibt ein Narr sein Lebengang) – эта старая немецкая поговорка вполне может иметь эзотерическое происхождение, устанавливающее родственную связь с аналогичными выражениями, которые встречаются у Омара Хайяма и других. «Вино» фактически, согласно самым различным традициям, является «любовью»: с одной стороны, эта доктрина эзотерична настолько, насколько она освобождает и направляет к сущности, даже несмотря на ее двусмысленность и опасность, а с другой стороны – созерцательное опьянение – мимолетное (hal) или постоянное (maqam); «женщина» – это красота, или восхищающее и освобождающее лицезрение Бога в формах, манифестирующих Его Лучезарное Благо; «вечная женственность» также проявляет в себе это Благо, ибо она прощает, приветствует и объединяет, освобождая нас от формального и много жестокосердия; «песня» является квинтэссенцией, молитвой сердца, «восхвалением», «плавающим» и реинтегрирующим сердце в Сущность. Заметим между прочим, что неправдоподобно вовсе не то, что Лютер произнес эти слова, как принято думать, а то, что он является их автором, потому что они встречаются также и в итальянской форме, происхождение которой также остается неясным (Chi non ama il vino, la donna ed il canto, un pazzo egli sarà e mai un santo); в этой форме эзотерическая интенция фактически подкреплена аллюзией на «святость»: тот святым не будет никогда, согласно дзотеризму, кто не познал этих трех вещей (vino, donna, canto). Также и Омар ибн Аль-Фарид в своем «Khamfiyah» произносит: «И вовсе не жил в этом мире тот, кто жизнь без опьянения провел, и интеллекта вовсе не имел, кто от опьянения не умер»; человек, «не имеющий интеллекта», и есть «дурак» (Narr или pazzo), то есть человек профанический и светский.

Акциденция есть случайный субъект и объект; это случайность, ибо только Субстанция суть необходимое Бытие. Акциденция – это мир, который нас окружает, и жизнь, которая нас вовлекает; это – аспект, или фаза объекта и точка зрения, или присутствие субъекта; это – наше наследие, наш характер, наши склонности, наши способности, наша судьба; это – факт рождения в определенной форме, в определенном месте, в определенный момент и получение определенных восприятий, влияний, определенного опыта. Всё это есть акциденция, и всё это – ничто, поскольку акциденция не является необходимым Бытием; акциденции, с одной стороны, ограничены, а с другой – преходящи. И содержанием всего этого в конечном итоге является Блаженство (Felicity); именно оно притягивает нас сквозь тысячи отражений и вовлекает в тысячу обликов; именно к нему мы тянемся во всех наших желаниях, не подозревая об этом. Находясь в уплотняющей и рассеивающей акциденции, мы истинно не являемся собой; такими мы являемся только в сакральном и освобождающем протяжении Субстанции, поскольку, в конечном итоге, Самость – есть истинное бытие каждой твари¹³.

Если мы сравним Божественную Субстанцию с водой, то акциденции будут напоминать волны, капли, снег или лед, явления мира или явления души. Субстанция – это чистая Сила, чистый Дух, чистое Блаженство; акциденция воспроизводит эти измерения в ограничивающем или даже ущербном модусе; с одной стороны, ее «нет», а с другой стороны, она – «не что иное», как Субстанция. В эзотерическом смысле имеется только два отношения, подлежащие рассмотрению, – трансценденция и имманенция: согласно первой, реальность Субстанции упраздняет реальность акциденции; согласно второй, качества акциденции, если их считать реальными, будут не чем иным, как качествами Субстанции. С позиции экзотерической, первая точка зрения является абсурдом, поскольку вещи существуют, а вторая – не праведна, она пантеистична, так как вещи не могут быть Богом. То, что, с одной стороны, вещи существуют, и то, что, с другой стороны, они не являются Богом, эзотеризм вполне учитывает, но к этим двум начальным наблюдениям он добавляет измерение глубины, которое противоречит их повер-

13) В экзотерическом смысле мы неверны себе, находясь в состоянии греха, что является сущей правдой, только не вполне достаточной; мы неверны себе также и в тех пещерах грез, которые свращают нас и пленяют, и которые для большинства людей есть их «подлинная жизнь»; именно эти пещеры питают тот ядовитый базар, которым является светская «культура». Земная мечта уже есть косвенный грех: несомненно, она не исключает религиозную практику, но компрометирует любовь к Богу, кроме случая, когда ее природа такова, что может связать себя мимолетно с этой любовью, благодаря просветам над нами, посылающим нам небесное благоухание как приглашение подняться над самим собой.

ностной и как бы двухмерной взаимной исключительности. Тогда как эзотеризм замкнут в мире акциденций и охотно черпает из него себе славу, когда он стремится показать свое чувство реальности по отношению к тому, что представляется ему образом теней, эзотеризм сознает прозрачность вещей и наличие лежащей в их основе Субстанции, манифестациями которой являются Откровение, Человек-Логос, доктринальный и священный символ, а также в человеческом микрокосме – Интеллектуальное познание, Сердце-Интеллект и одушевленный Символ. «Манифестировать» значит «быть»; Имя и Именованное таинственным образом идентичны. Святой и а fortiori Человек-Логос являются, с одной стороны, Манифестацией Субстанции в акциденции, а с другой стороны, Реинтеграцией акциденции в Субстанцию.

А. Бхайрав

КОРНИ ШИВА-ШАКТИЗМА

Прошлые эпохи – дело темное. Слишком мало мы знаем, что происходило сотни тысяч лет назад на Земле. Всегда считалось, что учение нашей традиции зародилось в глубочайшей древности, однако научных доказательств этому нет. Есть лишь легенды, предания, описывающие те древние времена. Сведения, содержащиеся в преданиях, настолько удивительны, что на страницах одной из своих книг великий мастер Лакшман Джу говорит о том, что он не распространяется подробно на эти темы, поскольку современным людям будет очень трудно поверить в истинность того, о чем в них говорится. Я всё же рискну говорить о прошлом, избрав для изложения темы синтез научно-популярного языка и языка преданий и легенд. Разумеется, все даты, приводимые мной, весьма условны и я не могу научно доказать истинность излагаемых взглядов на исторический процесс. Однако полагаю, что читателю будет весьма полезно взглянуть с альтернативной стороны на то, что многие называют прогрессом человечества и развитием духовности.

Несколько слов о шива-шактизме

Духовная традиция Шивы и Шакти является очень древней. Согласно ей самой, это Учение в той или иной форме существовало задолго до возникновения нашей галактики. По мнению ученых, основывающих свои суждения на материальных доказательствах, корни шива-шактизма, как минимум, уходят в эпоху палеолита. Необычайно природная и архаичная, эта духовная традиция в то же время чудесным образом остается современной и актуальной. Секрет актуальности Учения в том, что оно основывается на знании подлинной Природы мироздания и обладает многообразными и мощными методами самосовершенствования, ведущими адепта к достижению Абсолютного Совершенства – уровню Самого Бога.

Со временем Учение разделилось на множество ветвей. Иные из этих ветвей представляют собой просто архаичный и красивый религиозный культ, основанный на вере, преданиях и ритуалах, другие же сохранили подлинный огонь мистической жизни – поток вдохновенной Божественной Милости, глубокие знания подлинной Природы мироздания, а также арсенал чудесных методов

Самореализации. Одним из таких древнейших, наиболее мощных и загадочных потоков Учения является Бхайравизм – Тропа Бхайравы. Прежде чем приступить к ее рассмотрению, следует сказать несколько слов о шива-шактизме в целом. В этом Учении Бог почитается как Великий Отец (Шива) и Великая Мать (Шакти). Утверждается, что Бог один и аспект Шивы выражает Реальность Бога, Божественное Сознание, а аспект Шакти – Божественную Энергию, присущую этому Сознанию. Всё в мире создается, существует и разрушается существованием Шивы и силами Шакти. Шива не существует отдельно от Шакти, а Шакти не существует отдельно от Шивы.

Археологи находят в разных местах планеты предметы, датированные эпохой палеолита, свидетельствующие о том, что Шива и Шакти под теми или иными именами почитались уже тогда. К этим предметам относятся шивалингамы – вертикально установленные в священных местах камни, согласно представлениям шива-шактизма, соединяющие небо и землю, а также другие «противоположности» в одно целое. Стоит также упомянуть о находимых в разных частях света каменных и глиняных мужских и женских фигурках с гипертрофированными половыми органами, относящихся к культам Великой Матери и Великого Отца.

Факты нахождения всех этих предметов в разных удаленных друг от друга местах говорят лишь о том, что Традиция основана на универсальных архетипах, присущих всем расам и культурам, либо о том, что древние племена не были изолированы друг от друга и замкнуты на самих себе.

Взгляните на образы Шивы Йогараджи, Владыки Йогов, и Шивы Пашупаты, Владыки Зверей. Не правда ли, в этих образах Бог напоминает нам великих первобытных предков – Шива обнажен, и лишь звериная шкура опоясывает Его бедра, нестриженные длинные волосы, а на некоторых изображениях и борода ниспадают на Его плечи и грудь. Шея Шивы украшена ожерельем четок, сделанных из семян священного дерева, а также змеей, обвивающей шею Владыки, символизирующей единство Шивы с Его блаженной супругой Шакти и власть над силами мира.

В образе Шивы Натараджи, Владыки Танца, Бог походит на древнего шамана с развевающимися от неистовой пляски волосами, громко бьющего в барабан. Лицо же Шивы Натараджи при этом сохраняет выражение полного покоя и запредельного транса. Рассматривая образы

Шакти, мы тоже обнаружим, что они очень архаичны и природны.

Проходя через смену эпох, шива-шактизм претерпел различные трансформации и изменения, однако Суть и Сила Традиции остаются живыми.

Чтобы лучше понять как шива-шактизм в целом, так и Бхайрава-тантру в частности, сделаем экскурс в древние времена.

Истоки Пути

Как я упоминал выше, согласно легендам и преданиям, Учение существовало задолго до возникновения нашей галактики. Я не буду описывать это время, поскольку рассказ о нем будет звучать слишком фантастическим для современного человека. Обойду также молчанием эпоху, когда наша Земля была совсем молодой, покрытой вулканами, реками и озерами магмы, когда Знание хранилось огненными существами, именуемыми в некоторых культурах ифритами. Мы также не будем останавливаться на более позднем периоде, когда живые существа, владевшие Знанием, жили в воде и были андрогинами, а коснемся более близкой к нам эпохе, начавшейся несколько сотен тысячелетий назад. Несмотря на ее близость к нашему времени, повествование даже о ней с трудом укладывается в сознании человека, выросшего в наш век.

Многие современные люди считают, что люди, жившие 450 тысяч лет назад и раньше, были менее развиты, чем мы. Многие верят, что древний человек был глупее нас и имел меньше возможностей. Такие представления свидетельствуют о наивности и невежестве. Давайте подумаем. Если мы сравним всю историю существования человечества с одним годом, то период времени с тех пор, когда мы стали использовать металлы, по сегодняшний день уместится в последний час перед боем часов, оповещающих наступление нового года. Древняя же цивилизация, не увлекавшаяся разработкой и совершенствованием орудий труда, существовала сотни тысяч лет. Будет легкомысленным сказать, что те люди не создали своих великих цивилизаций только потому, что они не строили дворцов и не пользовались лопатой. Человек – существо творческое. Венцом последних 5–7 тысяч лет развития нашей цивилизации было создание космического корабля, компьютера и ядерной бомбы. Что же было высшим плодом древней цивилизации, существовавшей на протяжении более 450 тысяч лет,

в сравнение с которой наша культура выглядит младенцем? Неужели это каменный топор и умение разводить огонь? Это звучит глупо и наивно. Также глупым было бы сказать, что тяжелая жизнь на природе не позволяла древнему человеку достичь больших высот в развитии. Жизнь древнего человека в мире, полном ягод и грибов, плодов и зверья, не была более трудна, чем наша жизнь для нас. Предки полно и гармонично вписывались в природу и ход ее событий. Вообще, что есть критерий развития личности? Умение построить и водить автомобиль или же умение быть счастливыми, находясь в гармонии с самим собой и со всем миром? Достижение полной абсолютной гармонии и счастья – дело не менее нужное, чем конструирование телевизора, смею сказать, что это дело даже более нужное. Древние люди занимались совершенствованием не окружающей среды (подобная идея была бы воспринята ими как полное безумие), а совершенствованием самих себя. Изучение собственной природы, как и природы всего мира, было ключом к успеху.

Давайте поразмыслим над следующими идеями.

Мудрый понимает, что если ты не повредил себе ногу, не надо ходить с костылями, а если у тебя хорошее зрение, ни к чему носить очки. Умы, запоминающие любую информацию точно и быстро, не создадут библиотек. А если они в силах сосчитать всё, что им необходимо, они никогда не изобретут компьютеры. Если эти разумы владеют телепатией, им нет нужды создавать письменность, изобретать радио и телефоны. Если тебе тепло – не надо носить шубу. Если тебе тепло всегда – тебе не надо владеть технологией пошива одежды и изготовления жилищ.

Наши предки, жившие миллионы лет назад, не имели нужды в письменности, компьютерах, теле- и радиоаппаратуре, им не нужны были дома и одежда. Такую цивилизацию нельзя назвать неразвитой. Если цивилизация очкастых калеk, ездящих в инвалидных креслах и имеющих слабые мозги, будет обвинять цивилизацию богатырей в дикости и отсталости только потому, что у богатырей не развита технология изготовления инвалидных колясок и протезов, калеки будут не правы.

Цивилизация каменного века и более ранних времен была более совершенной, чем наша, ибо она практически не имела технологии изготовления протезов, иначе говоря, орудий труда. Люди тогда не изобретали религий, это говорит о том, что прямое осознание Бога

было в глазах и сердце каждого человека.

Наши предки, ходившие обнаженными и спавшие в лесу на траве, постигли тайну мироздания и нашли пути к Абсолютному Счастью и Гармонии, так говорит Учение. В этом и был венец достижения древней цивилизации. Они не знали слова «Бог», скорее всего, они вообще не использовали языка, прибегая к иным средствам коммуникации, но они постигли путь к единству с Богом, с Реальностью. Как второстепенные следствия Пути древними цивилизациями были развиты так называемые сиддхи: телепатия, телекинез и телепортация, до невиданных высот развились иммунитет, регенерация, способность к использованию в качестве источников энергии огромного многообразия пищи и способность адаптации организма к суровым климатическим условиям.

Что же изменило ход истории и побудило людей забыть о себе и заняться изменением окружающей среды? Предания и легенды упоминают дегенерацию поколений и вырождение человечества. Что же, всё во вселенной имеет периоды роста, расцвета и упадка, таков закон.

Конечно, многие не согласятся с подобной точкой зрения на ход цивилизации и ценности развития. Никто сейчас не может предоставить научные доказательства того, что древние мифы и предания описывают реальные события, реальное прошлое. Мы мало что знаем о гигантском, с точки зрения человека, периоде времени, предшествующем эпохе интенсивного развития орудий труда, однако нам стоит узнать об этом побольше – мы все родом из того времени и всё, что мы имеем из нашей духовности, вышло из той эпохи. Поняв, что собой представлял мистический духовный путь наших далеких предков, нам легче будет понять, куда, как и почему мы идем в наших духовных поисках. Нас могут спросить: «А нужны ли современным людям знания каменного и золотого веков, ведь мы больше не живем в лесах, да и если мы выродились, способны ли мы использовать древнюю мудрость?» Конечно, многое из богатства культуры наших предков мы уже не в силах использовать, но сохранилось много такого, что продолжает быть актуальным и может принести огромную пользу. Что же касается вырождения и дегенерации человеческих существ... Ход жизни идет по спирали, и низшая точка упадка может стать стартом к новому возрождению.

Согласно древним преданиям, предки современных людей произошли от богов – могучих существ, могущих по своей воле перемещаться в

пространстве вселенной на огромные расстояния, по своему желанию создавать и разрушать миры.

Всё в этом мире ветшает и теряет чистоту и силу. Таков закон мироздания. Ветер стачивает вершины гор, леса превращаются в поля, а поля – в пустыни. Каждое новое поколение чуть-чуть слабее, чем предыдущее. Однажды настала пора, и боги, утратив способность рожать богов, породили первых на земле людей. Древние люди сильно отличались от современных. Во многом они сохраняли мудрость и силу богов. Наши далекие предки имели огромную физическую силу и способность приспосабливаться к любым климатическим условиям. Поэтому древние не носили одежды, не нуждались в орудиях труда и строительстве жилищ. Пищеварительная система наших далеких предков, населявших Евразию, была настолько мощна, что они могли использовать в пищу травы, листья деревьев, корни, плоды и мясо животных, даже не подвергая всё это термической обработке. Потомки богов практически не ведали болезней. Легенды и предания говорят, что предки жили в гармоничном слиянии с Богом и природой, не отделяя себя от них. Поэтому и имели множество удивительных способностей. Древние люди обладали такой силой, что легко побеждали в поединке хищников, подобных львам и медведям. Они могли перемещать материальными предметами силой взгляда, владели талантом воспринимать мысли друг друга, а также передавать мысленные сообщения другим людям, находившимся от них на расстоянии многих тысяч километров. Поэтому наши предки не нуждались в речи. Легенды говорят, что большинство предков обладали способностью оставлять свои физические тела на земле и в невидимых магических телах путешествовать по другим мирам. Из преданий следует, что боги – величайшие существа из разных миров вселенной – продолжали общаться с обитателями древней Земли. На планете не было тогда ни войн, ни раздоров – наши предки, не отделимые от Бога и природы, имели высшую мудрость. К тому же места на Земле хватало всем живым существам.

Какова же была духовная жизнь тех могучих существ? Имели ли они свою религию? Духовная жизнь наших предков была очень богата, хотя религии у них не было вовсе. Вся их жизнь была религией. Поистине, древние были каула-тантриками, ибо в их жизни одухотворено было всё – даже физиологические процессы еды, совокупления, сна и дыхания. Понятие «Бог» было им неведомо, поскольку, чтобы помыслить Бога как нечто конкретное, необходимо выделить его из себя и мира, а себя

выделить из мира и Бога. Только тогда возможно рассматривать Бога как нечто, думать о нем. Но будет ли Богом то, что отлично от тебя, то, что может помыслиться разумом? Древние не делили мир на духовное и материальное, злое и доброе. Телом они были подобны зверям, духом-сознанием – богам. Всё было целостным и нерасчлененным. Такое состояние в мистицизме символизируется образом дракона, сочетающего в себе земную природу рептилии и небесную природу крылатых существ.

Великое Совершенство есть Великая Простота. Если твое сознание совершенно, ты не строишь храмы, ибо и внутри и вне тебя – сакральное храмовое пространство.

Некоторые называют ту эпоху Веком Хаоса, иные – Золотым Веком. Я бы назвал то время Эпохой Гармонии.

Каменный век

Человеческий род медленно, но верно вырождался с каждым последующим поколением. Тысячелетие за тысячелетием поколения утрачивали мудрость, силу и таланты. Постепенно человеческое сознание стало выделять себя из мироздания, стало отделяться от единства с Неопикуемой Реальностью, которую мы зовем Бо-гом. Полные спонтанность и естественность были нарушены, восприятие гармонии дало сбой. Люди чувствовали эту беду, многие желали вернуться назад к целостности, однако одного желания для достижения цели было уже мало. Влияние тиродхана шакти, энергии сокрытия Истины на нашу планету усилилось. Поскольку мир многими уже перестал восприниматься таким, каков он есть, люди пытались восполнить утраченное зачатками религии. Появилась нужда в мистицизме – науке единства с Единственно Сущим, с Богом, и древние святые гуру взялись за выполнение своей миссии. Человечеству передавались шактипат и медитативные методы.

Первым религиозным символом, первой иконой и первым храмом был стоящий вертикально природный камень. Именно об этом и поведали нам изыскания ученых, изучающих цивилизацию. Твердый, прочный и крепкий, простой и единый, своей вертикальностью соединяющий небо и землю, камень был наиболее верным изображением Бога. Это уже не так совершенно, как Всё-и-Ничто прошедших эпох, но намного совершенней культовых предметов бронзового века. Даже когда люди

стали использовать не только природностоящие, но и искусственно установленные камни, это были мудрые и счастливые времена. Людям хватало одной медитации – созерцания камня, чтобы познать Бога. К этому добавлялось лишь повседневное внимательное наблюдение сердцем за внешним и внутренним мирами. Препграда, отделяющая человека от Бога, была тонка и подобна дымке. Медитативного созерцания камня было достаточно, чтобы разбить эту туманную препграду. Так начался Каменный Век, Каменный Век сознания. Побочным же эффектом подобного применения камня явилось использование его и в утилитарных целях – в качестве замены собственных когтей и клыков, что сильно поспособствовало деградации таковых. Помимо острых и крепких когтей и клыков человек со временем утратил телепатические навыки и был вынужден пользоваться звуками для передачи информации. Понадобился огонь для размягчения пищи, отпугивания опасных животных и защиты от холода. Наступили времена, когда человеку потребовалась одежда из шкур животных, чтобы уберечься от стужи.

Чем больше человек отделялся в своей жизни от природы, тем более изощренными становились каменные и костяные орудия труда. Чем больше сознание древнего человека отходило от сознания Бога, тем меньше знания и больше проблем обретали люди. Так, например, раньше человек всегда знал, как ему поступать в различных ситуациях, его сознание и поведение были неотделимыми от естественного ритма, установленного Богом. Позже такая прямая связь оказалась утраченной, в человеке появились сомнения. Постепенно, очень медленно в обществе стали зарождаться зачатки этики, морали, законодательства, призванные, подобно протезам, заменять интуицию.

Множество тысяч лет назад, в эпоху среднего палеолита, дело еще не доходило до полного отпадения от единства с Богом и до братоубийственных битв между людьми, однако процесс вырождения был налицо. Большинство людей нуждались в методах возвращения к Божественному Единству с Богом – появились методики, системы специальных психологических, энергетических и физических упражнений, позволяющих добиться этого Единства. Возникла привычка использовать в быту орудия труда – образовалась тенденция, совершенствуя эти орудия труда, терять способности физического тела. В эту эпоху начинает образовываться серьезное расхождение между людьми – равенство способностей утрачено. Некоторые в значительной степени сохранили чудесные способности своих предков, другие же

утратили их. Однако древнейшие системы духовного и физического совершенствования во многом помогали саморазвитию людей.

Тогда еще не возникли современные слепые религии с их дуализмом, догмами, суевериями и непониманием Реальности. Бог был во всём – в камне, деревьях и животных, в земле, небе, звездах и, конечно, в самом человеке. Нужно было лишь настроиться, сделать усилие и восстановить Единство с Ним.

В более поздние времена совершенство продолжало утрачиваться человечеством, как следствие этого, продолжалось совершенствование как систем саморазвития, так и орудий труда.

Вслед за эпохой Камня Единства пришла эпоха Бога и Богини. На всех континентах ученые находят древнейшие каменные и глиняные фигурки, символизирующие мужчину и женщину (пол этих фигурок можно проследить по чрезвычайно гипертрофированным половым признакам). Это следующие после камня предметы, помогавшие пробить дорогу к утраченному Видению. Смотрите – завеса между человеком и Богом стала еще более плотной, одного камня уже не достаточно для того, чтобы пробить Путь. Возникла необходимость в Энергии для прорыва стены ограниченности. Энергия же всегда образуется между двумя едино-противоположными полюсами.

На этом этапе человек пришел к восприятию Бога как Единого Совершенного, который, приняв форму Великой Матери и Великого Отца, породил всё мироздание. Все живые существа – дети Земли и Неба. Бог проявляется в мире как прямо, так и через различные стихии, и различных существ и учит людей. Бог во всём – в пище, дыхании, жизненной силе, огне, солнце, луне, земле, быке, медведе. Однако корень всех манифестаций – Великая Мать и Великий Отец.

Бог и Богиня, мужчина и женщина. Фигурки настраивали древно-го человека медитировать на самого себя – Бог внутри нас, обычных мужчин и женщин, вовне – мы люди, глиняные символы, внутри – мы Бог – то, что не опирается ни на что, но может выражать себя чем угодно. Проявляясь как незыблемая дуальность в мире сансары, Бог учит, что в Сверхреальности две великие «противоположности» нераздельно едины. Постигни Глубинную Природу себя и твоей «противоположности», и поймешь, как извлечь из двойственности энергию для прорыва окружающей сознание стены. Бог – это Реальность-Сознание, Богиня – Реальность-Энергия, в их единстве секрет

возврата к Свободе.

Почему средневековые христиане считали секс грехом? Одна из причин заключается в том, что соединение двух полюсов дает силу, а если твое сознание слабо, ты не можешь правильно эту силу использовать, и сила одолевает тебя и несет в неверном направлении. В таком случае ты навредишь себе и другим. Христианам хватает мудрости понимать опасность волшебной палочки в руках слабоумного и незнающего, но не хватает мудрости излечить слабоумие и дать знание. В наше время нет ни одной религии, которая могла бы дать человеку знание и методы, как снова из несовершенного и ограниченного человека стать изначальным, совершенным и безграничным Богом. И не ищите религии, могущей вам в этом помочь, в силу своей природы она в состоянии быть тропой, ведущей в сторону Бога, но не в состоянии быть тропой, доводящей до самого Бога, только мистицизм может помочь достигнуть цели.

Это была еще не религия, а мистико-магическое Учение. Прошли тысячелетия, и Учение обросло множеством деталей. В разных местах оно начало обретать местную специфику. Прикладные аспекты – охотничья магия, целительская магия и другие облакаются во всё более и более ритуалистическую форму.

Время Великой Матери

Наступает эпоха, когда для людей становится актуальной возможность обретения Высшей Силы для великих и обычных дел. Получение интуитивного знания о Силе остается во многом зависящим от Богини – Великой Матери, олицетворяемой в человеческом сообществе женщинами племен. С другой стороны, равенство сил биологически нарушилось – в мужчинах за тысячелетия стала преобладать внешняя, грубая физическая сила, в женщинах же – внутренняя, тайная. Как более подходящие для этого, мужчины занимались охотой, женщины «специализировались» на изготовлении орудий труда, целительстве, магии. Охота тогда была заурядным делом, зверья в лесах и степях было очень много, рождение же предметов быта – загадочным. Именно женщины, ведавшие продолжением рода, его жизнеспособностью, становились хранительницами древней и новой мистико-магии и ремесла. Таким образом, наступила эпоха матриархата. Если раньше обе ипостаси Единого Бога были одинаково важными, то в эту эпоху роль

Бога – Великого Отца отошла на второй план. На долгие тысячелетия воцарился первобытный шактизм, культ Великой Матери. Жизнь племен протекала согласно Ее законам. Во главе племенных родов стояли мудрые женщины. Брак же, как и сотни тысяч лет назад, сохранял характер группового.

Шли тысячелетия. 35–40 тысяч лет назад наступили более трудные для жизни времена – климатические условия сильно ухудшились. Древнее человечество пережило эти тысячелетия, отразив их в своей жизни и культуре. Ход истории продолжался. 10–15 тысяч лет назад под руководством женщин, опиравшихся на силу Великой Богини, люди освоили гончарное производство, начали переходить к скотоводству и мотыжному земледелию.

Некоторые племена занялись земледелием. В то же время в отдаленных местах продолжали существовать общины, сохранившие более древний уклад жизни и мысли. Основными орудиями труда в них по-прежнему являлись самые грубые каменные предметы, а источником пищи служили охота, рыбная ловля и собирательство.

Однако в целом обстановка в мире значительно изменилась. Изменилась и духовная жизнь людей. Несмотря на усилия мудрейших, отход человека от Бога и природы, как и везде на континенте, продолжался. Мистико-магическое Учение обросло религией, многие древние премудрости были утрачены. Культ Великой Матери обогащался деталями. Археологи находят глиняные и каменные фигурки Матери, относящиеся к этому периоду времени, как в Средней Азии, так и везде в мире. Они представляют собой женский торс с гипертрофированными половыми признаками. Эти фигурки использовались в мистических упражнениях и магических обрядах, в частности, для обеспечения плодородия.

Бронзовый век: конец матриархата

Несмотря на всё новые моменты периода матриархата, сама по себе система, в которой доминирует один пол, не может находиться в состоянии равновесия и гармонии. Со временем обязательно возникает болезненный перекокс. В мужском начале содержатся свои мудрость и сила, без уважительного отношения к которым Божественной Гармонии, да и обычной гармонии в обществе не достигнуть. Сила матриархата постепенно стала его слабостью. Не имея серьезной поддержки Великого Отца, человек увеличил пропасть между собой и

Богом.

Скаждым новым веком перекокс, вызванный матриархатом, усиливался. Внутри мужского сообщества исподволь возникало недовольство. Реакцией на это недовольство стало возрождение в племенных культах почитания мужского начала в виде Лингама – вертикально поставленного камня, символизирующего ось мироздания, а также мужской детородный орган, оплодотворяющий землю, зарождающий жизнь.

Снова создаются фигурки мужского торса с гипертрофированными половыми признаками. Во время медитации женская и мужская фигурки, как и в ранние времена, устанавливаются вместе. Вследствие созерцания двух начал в человеке пробуждается дуга энергии, которая направляется на постижение единства.

Развивается искусство использования в мистических и магических целях особых узоров-психограмм, вычерчиваемых пальцем на песке или рисуемых красками на каменной поверхности.

С возникновением мотыжного земледелия и скотоводства роль собирательства и рыболовства уменьшилась. В хозяйстве стали появляться излишки материальных ценностей. Мужчины занялись скотоводством и земледелием, а несколько позже, когда люди научились использовать в хозяйстве медь и бронзу, стали металлургами и кузнецами, все эти грани жизни требовали своего одухотворения, своей магии. Роль мужчины в племенном сообществе изменилась и равенство между мужчиной и женщиной восстановилось. Это было великодушное время, общество вернулось к древнейшему гармоничному порядку. Расцветали мистицизм и магия, отношения между людьми становились более правильными.

Однако веками позже возник обратный перекокс. Со временем доминирующее положение мужчины увеличилось и между четвертым и третьим тысячелетиями до нашей эры матриархальные больше-семейные общины превратились в патриархальные. Этот процесс практически полностью завершился пять тысяч лет тому назад.

Итак, пройдемся мысленно еще раз сквозь череду тысячелетий. Золотой век и первую половину каменного, вплоть до матриархата, я бы назвал лучшим временем человечества. Вначале люди были почти равны богам, позже – могучим гигантам. В своих высоком развитии и мудрости они почти не нуждались в детализированных и сложных

духовных учениях. В своем физическом совершенстве практически обходились без орудий труда. Сознанием быть подобным Богу, а телом – зверю – это ли не совершенство? Не случайно, как я упоминал ранее, волшебный дракон символизирует Працивилизацию. Дракон – полное единство птицы и змея, неба и земли.

Култ Бога как Великого Отца и Великой Матери – почитание камня как иконы, обозначающей Великую Простоту и Нерушимость Бога, – это поистине Высочайшее и Чистейшее восприятие мира, в котором цветущие ветви переплетаются с небесными звездами, всё чистое и истинное, что сохранилось в более поздних учениях и религиях, это след той древней эпохи

Пятнадцать тысяч лет назад человек занялся скотоводством и обработкой земли. Вырубались леса под поля и пашни. Начался безудержный рост населения. Наступила эпоха не благоденствия и изобилия, а время войн между группами людей за излишки материальных плодов производства. Семь тысяч лет назад человек научился использовать в хозяйстве медь, примерно пять тысяч лет назад – бронзу. Были созданы не только более эффективные орудия мирного труда, арсенал братоубийственных войн обогатился новыми видами смертоносного оружия.

Появилось огромное множество вспомогательных средств для мистического пути – статуи, рисунки, магические знаки, янтры и мандалы, храмы с их сложной архитектурой и изощренным символизмом. Одного лишь камня было уже далеко не достаточно для открытия в себе Бога отупевшему и деградировавшему человеку. Мистические протезы помогали людям увидеть Бога в себе и вокруг до тех пор, пока распадаящиеся сознания и ослабевающие умы не опустились с уровня мистического Естественного Пути до уровня религии. В изначальные времена человек непосредственно видел-чувствовал-осознавал Истину, потому и верил в нее. Во времена религий видение и чувствование Бога ослабло в сильнейшей степени, осталась лишь вера – но смутная и слепая, опирающаяся лишь на условный ограниченный символизм, порожденный отсутствием четкого и ясного видения. Не может ведь слабый ум, слабое сознание породить великую силу и великую ясность. Лишь отдельные пророки, святые и мастера пребывали в обретенной Гармонии Единства, Свободы и Силы. Впрочем, по нашим меркам, в те времена их было достаточно много, да и боги посещали людей гораздо чаще, чем в наши дни.

Деградируя, человечество думало, что движется к лучшей жизни. Оно всё дальше и дальше отходило от природы, манифестируемой Богом – Великой Матерью и Великим Отцом. Если раньше законы общества были совершенны – их диктовала сама природа, то позже законы общества стали несовершенными – ведь их выдумывали подверженные недостаткам люди. Если прежде человек следовал верным законам Бога и совершенствовался, читая Книгу Его творения, то позже люди стали следовать глупым законам других людей. Вокруг себя они видели лишь мир, созданный людьми. Люди не такие совершенные архитекторы, как Бог. Многому ли можно научиться, читая книгу человеческих творений? Кончилось тем, что человек начал воспринимать природу как враждебную среду, страшную хаотическую стихию. Бога же начали воспринимать как некоего невидимого сверхчеловека, живущего на небе!

Итак, Первая Эпоха – это период докаменного века. Вторая – это палеолит до матриархата.

Третья Эпоха начинается с приходом матриархата и завершается изобретением железа. В это время древнее Знание Бога ослабло, местами исказилось, местами утратилось. Накапливаются грехи человечества. Увеличиваются Зло и Несправедливость. Чем более цивилизованными становятся люди внешне, тем более «варварскими» они становятся духовно.

Тем не менее, в Третью Эпоху священные территории – очаги чистого Знания – существовали еще на Земле. Помимо этого Знанием было пронизано всё вокруг, надо было лишь его увидеть, имея желание и некоторые способности. Конечно, увидеть удавалось не каждому, но сравнительно многим.

С приходом Четвертой Эпохи, Времени Железа, духовная сила человечества истощилась еще сильнее, а груз грехов увеличился неимоверно. В средние века мистицизм дополнился сложнейшими философскими и метафизическими учениями, призванными успокоить вычленившийся из мироздания разум, бьющийся в судорогах дуализма. Тантрические ритуалы становились всё более и более сложными и вычурными.

В наш период Времени Железа отделение человека от природы достигло небывалого масштаба.

Тем не менее в каждой из этих Эпох есть свои более светлые и более темные периоды. И в бронзовом и в железном веке есть свои оазисы-

вкрапления Первых Времен. В такие периоды в некоторых местах планеты возрождается Древняя Мудрость Бога, проявляясь в идее того или иного тайного учения. Вокруг этих учений образуется гармоничное общество стремящихся к Истине людей. Как определить, какое из учений есть реальное и чистое? Чем более верное учение, тем более оно естественно, природно, иными словами, базируется на знании нашей внутренней и внешней природы, а не на идеях или галлюцинациях того или иного человека.

Разочарование в материальном и духовная загадка

Каждый стремится к целостности, полноте и гармонии, одни сознательно, другие – нет. Человек затевает тот или иной вид деятельности из стремления обрести через эту деятельность нечто, что удовлетворит его. Мы ощущаем неполноту и внутреннюю несвободу, но в то же время смутно чувствуем, что путь к полноте, свободе и безграничности существует. Многие люди разочаровываются в идее обретения счастья через материальное обогащение, власть и известность. Наблюдая за теми, кто богат и известен, легко обнаружить, что далеко не все из этих людей счастливы, что все-таки счастье и удовлетворенность – это внутренне качество человека, присущее одним и недостижимое другими.

Разочаровавшись в материальной деятельности, мы ищем духовное знание, духовную тропу. Однако здесь мы сталкиваемся с серьезными трудностями. Во многих священных писаниях говорится, что мир создан Богом согласно божественному проекту. Однако мы постоянно видим в нашем мире несправедливость, насилие и ненависть. На земле не прекращаются злодеяния, и часто мы видим, что злодеи, следующие своему пути, процветают, а добродетельные люди имеют много проблем и не имеют силы изменить ситуацию в лучшую сторону. Мы пытаемся сами следовать пути любви, добра и справедливости, однако часто это бывает очень трудно – периодически в нас пробуждаются агрессия и раздражение, жадность и эгоизм. Мы стремимся к духовному, божественному, тому, что существует вне рабства материи. Однако мы не встречаем в нашей жизни ангелов и божеств, Бог не является нам и нашим соседям, дабы вдохновить нас прямым доказательством существования духовного мира. Наоборот, мы видим лишь материальные вещи – землю, камни, деревья, еду, других существ. Все эти факторы могут показать наблюдателю человеку,

что что-то в нашем традиционном понимании природы мира и сути духовности не то. Существует Великая Загадка, и путь к гармонии, полноте, целостности, красоте и свободе зависит от ее разрешения. Учение Трикасамарасья Каула говорит:

Путь к Богу – через камень. Деревья учат этике священных заповедей. Равенство со зверями делает тебя собой. Пустое пространство вдохновляет и дарует божественное. Сердце твое – высший алтарь. Постигни тайну Света, Тьмы и Крови, нарисуй Великий Узор – обретешь целостность, свободу и красоту.

Любовь будет твоей природой, гнев будет твоей мантией. Смерть, секс и размножение освободят тебя от ущербной ограниченности, ты перестанешь понимать, кто ты такой, но ты обретешь себя, как ты есть во всей своей полноте.

Этот Путь – Древняя Тропа, но она вечно новая, поскольку обретение счастья является всегда актуальным для живых существ. Она не имеет начала и не имеет конца, ибо Природа ее – Бесконечность.

Многие современные люди не согласятся с моим историческим анализом и скажут, что нельзя делать выводы на основе изучения легенд и преданий о четырех эпохах. Однако древняя точка зрения на то, что такое развитие и упадок цивилизации, что такое прогресс и деградация духовности, заслуживает внимания. Эта точка зрения выглядит намного более правдоподобной, чем многие теории ученых.

Мне всегда смешно слушать «научные рассуждения», что, мол, вера в Высшее зародилась у древних людей из страха перед враждебной окружающей средой.

Поймите, это была их среда, их родной, добрый и понятный мир. Они не знали другого для себя, и жизнь их не была тяжелой. Первобытные люди были идеально приспособлены для такой жизни. В Высшее верили, ибо нельзя не верить в то, что видишь, чувствуешь и осознаешь, ибо ты и Оно – нераздельны.

Чем больше утрачивалось изначальное Видение, Чувствование и Осознание Себя как Бога, тем более развивался мистицизм, чем более ослабевало сознание, тем менее оно было способно понять и использовать мистические методы и тем больше и больше превращало их в религиозные символы.

Религия – это помесь ограниченного видения и понимания с мисти-

ческим методом достижения Утраченного Бога.

Изменение восприятия человеком реальности приводит к физическому изменению реальности человеком. Так деградация сознания приводит к деградации тела – оно с каждым веком всё сильнее и сильнее нуждается во всё возрастающем числе протезов. А деградация тела способствует и деградации среды обитания: мы превратили леса в поля и степи, теперь наша цивилизация превращает поля и степи в пустыни, и не просто в пустыни, а в пустыни, отравленные ядом промышленности. Экология сознания, тела и планеты взаимосвязаны. Так что же будет в конце?

Время старит и рушит цивилизацию. Проходят века, и слабеют сознание и ум, слабеет тело. Растет гора протезов – духовных и материальных. Планета не в силах выдержать тяжесть этой горы и медленно гибнет.

Есть ли надежда на спасение? Да, есть, но только если знаешь законы мира. Жизнь движется циклически по спирали и последняя стадия деградации и несовершенства очень схожа с начальной точкой Совершенства и расцвета.

Взгляните внимательнее на нашу цивилизацию. Архитектура наших зданий такова, что напоминает скалы, усеянные пещерами. Современная танцевальная компьютерная музыка напоминает древние, шаманские ритмы. Многие виды современных живописи и графики напоминают наскальную живопись древних племен. Религия утратила свое значение, и Бог передает мистикам знание через «бытовые» каналы – литературу и кинематограф, музыку и психоделику. Чего стоят хотя бы такие фильмы, как «NIRVANA» и «MATRIX».

Победа и счастье могут быть достигнуты через интеграцию древней мудрости с современной жизнью. Так учил меня Бхайрава.

Миром движет не только поток распада, деградации и смерти, но и поток Вечного Осознания и Энергии-Крови Бога. Наличие того, что я сейчас пишу, наглядно подтверждает существование этого благого потока. А Путь? Древнее знание не исчезло полностью. Сейчас оно существует на планете в форме, называемой тантризмом, особо архаично проявляющейся в школах Шивы и Шакти. И если ты человек, у тебя есть шанс. Используя все свои силы и голос Бога в твоём сердце, найди тропу тантры, с помощью древних методов вырвавшись из пасти рабства и страданий, осознай и вспомни – Бог есть Реальность.

Тантрическая Тропа Бхайравы и Бхайрави есть то, что в силах помочь достойным людям прийти к возрождению и расцвету. Пройдя через палеолит, бронзовый век и средневековье, Традиция обогатилась новыми методами и символами, логической философской системой, полезной интеллектуальным людям, а также адекватной терминологией для легкости и удобства изложения Учения современному человеку. В настоящее время традиция Бхайравы существует как в тантрическом буддизме, так и в тантрическом индуизме.

О. Фомин

АТОМНАЯ МЕТАФИЗИКА

Или неоплотинические палимпсесты

§1. Единое

Началом всего манифестационистское сознание полагает Единое. Однако началом чего? Не того ли, что составлено из единиц? Но единиц чего? Яблок, статуй, облаков? Все вещи, каждая в своем виде по отношению к другой в том же виде, не тождественны, а подобны друг другу. Если одно яблоко меньше другого, а другое больше их обоих, то почему каждое из них мы называем «единицей»? Должно быть, это некая умозрительная единица, только очень условно соответствующая обозначаемому ей предмету. Но ведь если одно яблоко больше другого, мы можем представить себе и некое яблоко немного больше этого, второго яблока, и еще другое, немного большее, и, в конце концов, такое яблоко, которое своим размером в два раза больше первого. Но где тогда предел их размерам? И не обозначает ли Единое именно этот предел, отличающий Одно от Другого? Но тогда мы вынуждены допустить, что все, что не Единое, является Другим, Иным по отношению к нему. Но где начинается начало Единого? И если у него имеется начало, то где же его конец и где Единое перестает быть Единым и становится Другим, множеством? Ведь если эта единичность есть что-то, мы неизбежно придем к выводу о том, что она не проста, так как у целого есть части. Следовательно, у самого Единого есть начало и есть конец. Но где они? И где само Единое? Можем ли мы точно указать на него и сказать: «Вот оно, Единое». Или: «Вот это Единое». Не будем ли мы каждый раз совершать небольшой промах, указывая не на само Единое, а только на что-то очень близкое к нему или чрезвычайно его напоминающее? Откуда берется, наконец, Единое? Каково оно? Как оно существует? Похоже, мы с легкостью можем ответить только на самый последний вопрос, кажущийся самым трудным, однако же самый легкий, поскольку в его основании уже заложена мера, та форма, из которой возникает все, следовательно она сама творит все свои подобия, а мы ей только внимаем.

Но если Единое не является тем, что мы ему приписываем, то неверно и все остальное, что мы скажем о той множественности, разворачивающейся из него. Однако можем ли мы что-нибудь сказать

иное об этом Едином? Манифестационистское сознание полагает Единое началом всех путей и началом всего сущего. Исключив пока из внимания сам акт полагания, которым мы уже отчуждаемся от нашего Единого, однако по аналогии, присутствующей во всем остальном, более сложно, мы можем сделать вывод, что и в самом начале есть то же, представим себе пути, исходящие из этого Единого. Не будут ли эти пути своего рода радиусами, исходящими из центра, точки их пересечения? И не будет ли тогда Единое самим этим центром? Но если это Единое можно назвать центром, то где этот центр? Можем ли мы найти абсолютную точку пересечения этих путей, чтобы наша мысль не представляла себе утолщений этих линий, являющихся нашему представлению чрезвычайно вытянутыми прямоугольниками самой узкой ширины? Но даже если это так, то представив себе многоугольник, образующийся от пересечения всего множества исходящих из этого центра путей, мы вряд ли сможем назвать его Единцей, так как он имеет протяженность и форму, пускай даже идеальную. Пусть эта протяженность находится надо всем протяженным бытием и даже над мышлением, все равно уже здесь будет присутствовать то, что становится формой для того, что внизу. Но если мы попытаемся найти Единое как мельчайшее, как центр центра, нам придется разделить его надвое, чтобы найти то, чему хотя бы более подобает быть им. Нам придется отмерить половину пути к центру центра, чтобы оказаться к нему хотя бы на полдороги ближе. Но мы опасаемся, что так нам придется делить очень долго и все же не найти ответа на вопрос, где то самое малое, из чего слагается все. Очевидно, что это то мельчайшее, которое поэт¹ именует не иначе как «вот то величайшее-мельчайшее». То мельчайшее, что сравнимо с горчичным зерном из Священного Писания. Малейшим горчичным зерном, из которого, тем не менее, произрастает большое растение. Это горчичное зерно – луз² луза, матрица, содержащая в себе все потенции. Стало быть, как нам сдается, речь тут идет о самом Едином, лежащем в основе всего. Но тогда нам становится очевидным, что Единица тем более может быть названа таковой, чем более она приближается к нулю, то есть своему отрицанию и полному исчезновению. Не можем ли мы тогда сказать, что Единица

1) Поскольку ссылка на поэта обязательна в такого рода размышлениях, то пусть это будет наш друг Олег Грановский.

2) Так Священное Писание именует «самое само» человека, «миндальный орех». Считается, что он пребывает в основании позвоночника – в копчике. Именно из этого «миндального ореха», согласно христианским и каббалистическим преданиям, в Судный День будет воскрешен к жизни каждый человек.

может быть названа тем, чего нет? То есть своим отсутствием? И не может ли тогда быть наоборот, в противоположность сказанному, всякое высказывание о ней заведомо неверным, поскольку, чем больше она есть, тем меньше она есть как Единица?

Однако если Единица может быть названа тем, чего нет, то как из нее может возникнуть то, что есть? Ведь если мы имеем одно отсутствие того же яблока, то, взяв тысячу таковых отсутствий, мы не получим кучу яблок, мы получим отсутствующую кучу. Но ведь наш опыт постоянно убеждает нас в обратном? Может быть, тогда нет никакого нуля? И исчислимое, приближаясь к тому, что мы обычно именуем нулем, переходит в некоторое «вывернутое» состояние, так и «не увидев» нуля? Но тогда то, что мы именуем нулем, то, что минует исчислимость, как раз и будет Единицей. И в таком случае получается, Единица и ноль это одно и то же. Но что это за одно и то же, чем являются Единица и ноль? Если Единицу именовать Богом, то можно сказать, что Бога нет. Но если Бога нет даже для нет, то уместны ли хоть какие бы то ни было высказывания в Его адрес? «Он есть», «Его нет» – не все ли равно? Не превратны ли любые наши высказывания на сей счет?

Все же допустим некоторое абсолютное пересечение всех путей и назовем его Единицей, иначе, в противном случае, нам будет не с чего начать.

Названное нами Единицей, по сути, и есть Единое древних. Его можно определить всем Другим, оно не-Другое, то есть некоторое отсутствие, лишённость, по сути своей трансцендентная. Но это лишь мнимая трансцендентность, поскольку Единое является причиной всего, все из него и оно во всем. Во всем мы обнаруживаем отблеск Единого.

§2. Меон

Трудно представить себе что бы то ни было более непохожее на то, что мы только что описывали, нежели меон. Меон – несущее, нижние воды, Древний Хаос и Хаос Древних. Это ведь то, что, выгляда самым бурным, как воды океана, на самом деле очень бедно, это полное отсутствие и лишённость. Это материя. Материя индивидуирует, информирует, она содержание. Внутренняя тьма вещей во всех смыслах. Она отсутствие, тьма, с одной стороны. А, с другой стороны, разве не подобает ей какое-либо другое числительное, нежели «тьма», «десять тысяч существ» даосской традиции, понятие наиболее точно выражающее

совершенную количественность? И хотя Аристотель и полагает материю потенцией и даже у стоиков еще говорится подобным образом, видимо, речь идет о чем-то ином. О чем они хотели сказать, нам станет ясно лишь в том случае, когда мы вспомним то, что говорил Гесиод относительно рождения первых богов. А они рождаются именно из хаоса. Мы также знаем о некоей силе, находящейся выше богов и управляющей ими. Только этой силы и боятся боги. Это Ананке. В определенном, специальном смысле Ананке можно отождествить с меоном, тем, что искажает чистое свечение Единого, преломляет его лучи в превратностях своей текучести, судьбы, главенствующей над всем сущим, как пучина главенствует над пустившимися в путь навигаторами. Варуна был выше Митры, но позволил последнему стать первым, и тот «повернулся к нему лицом».

Но если это то, что выше всего и то, что ниже всего, не есть ли это «что» таящим в своем основании нечто общее для верхнего и нижнего основания? Не можем ли мы назвать это общее какраз-таки Сверхсущим Единым или даже тем, что выше его? Но ведь тогда получится, что Сверхсущее Единое и меон – одно и то же! Как так может быть? И как мы стали бы объяснять такое единство противоположностей? Уж не так ли, как нечто совершенно противоположное тому, что в мире, контррадикторное к обоим этим основаниям, Сверхсущему Единому и меону, то есть как то, что имеет общее основание, совершенно несвойственное, контрарное тому, что мы видим здесь, у нас? [1] Нам придется признать такое единство если и не Богом, то его ближайшим проявлением, первой манифестацией. Ведь нам известно из Священного Писания, что Бог творил разрывом, отделяя верхние воды от нижних. Вода, фалесовская вода, это не какая-то конкретная субстанция, но самый состав бытия. И тогда «вода, что превыше небес» означает именно Сверхсущее Единое, а нижние воды – меон. Но ведь они изначально, если здесь можно говорить о каком бы то ни было начале в значении временного первенства или по крайней мере преимуществ, имеют общее основание. Стало быть, будучи разделенными, но единными в своем основании, они с одной стороны сомкнуты, а с другой – разомкнуты. И [формальный] мир, который мы обзираем в нашей теперешней жизни, это мир разрыва, где материя и дух непознаваемы.

Если мы скажем: «вот материя» или «это материя», то что внутри этой материи, из чего она состоит? Какова субстанция этой материи? Если мы видим все множество предметов, то где то общее начало, которое

всех их объединяет, из которого они все состоят, и отчего все разное, а не одинаковое? Мы видим предмет, но не видим самой материи из которой он состоит. Но если материя непознаваема и является внутренним состоянием вещи, то не является ли она вещью-в-себе? Однако если и является, манифестационистское сознание, в отличие от кантианского, склонно вносить в это понятие скорее онтологический, нежели гносеологический смысл. Хотя бытие и сознание для манифестационизма тождественны.

Точно также, как мы искали центр центра для обнаружения Сверхсущего Единого, мы можем попытаться отыскать полюс меона. Однако этот полюс будет не точкой, а бесконечной сферой. Продвижение вглубь меона будет нас бесконечно приближать к его «полюсу», но в нем самом мы так и не сможем очутиться.

Но если все, что мы видим, имеет под собой подкладку, то мы видим не саму материю, а лишь ее акты, не смотря на то, что Аристотель полагает материю потенцией. Поэтому-то «греки стихийные материалисты»³. Но потенциальна на самом деле не материя, а те логосы, что находятся в материи. Но это и не они даже находятся в материи, а материя охватывает Сверхсущее Единое, и от их соприкосновения рождается первое логосное истечение, Нус. Но, как нам кажется, это стоило бы рассмотреть отдельно.

Если материя движется, а для обладающего большей степенью примордиальности Востока именно материя, Шакти, является энергией и движением, тогда как Шива – неподвижная потенция, осеменяющая Шакти, то нельзя ли и время аспектно соотнести с материей? Ведь что есть время как не постоянные изменения? И разве Судьба, Ананке, сама не является в некотором роде временем? Но только наше время, которое мы измеряем нашими часами, логизируется порядком меры, а время-само-по-себе ничем не логизировано, оно в постоянном движении и изменении, несет нас как челнок по своим водам, течение то замедляется, то убыстряется, то меняет направление, и мы это распознаем как некие «знамения времени». «Велик поток и волн ужасен говор», – говорит о нем поэт. Не являются ли и звезды, связанные с нашей судьбой, о чем говорит Плотин, отпечатком этой материи в верхнем, сообщая о том, что все мы подвластны закону, возвещающему нам смерть и небытие? Но как звезды, будучи проявлением судьбы, могут находиться дальше от самой судьбы, нежели те, на кого они сами

3) Как любил шутить Лосев.

влиять? Ведь по Плотину выходит, что души в своем отпадении из Божественного Ума падают чаще всего изначально на звезды и уже потом, привлеченные состраданием к нам, спускаются в наш мир. То есть они оказываются в Верхнем Космосе, в том месте, которое древние именовали сферой неподвижных звезд. Но не о разных ли звездах идет тогда речь? И этот вопрос мы тоже постараемся рассмотреть.

§3. Форма

Бездна бездну призывает. Сверхсущее Единое источает свет. Внизу бушует материя. Она выплескивает, как магма, свои протуберанцы, и огненная пневма обжигает ее. Вот он, брак верхних и нижних вод! Разделение и соединение, подобно разбрасыванию и собиранию камней. То, что не было разбросано и всегда пребывало [в Сверхсущем Едином] менее ценно, чем утерянное и потом обретенное. В этом заключается непостижимый смысл творения.

Верх и низ, внутреннее и внешнее суть не более, чем пространственные метафоры, однако это отнюдь не означает, что мы хотим каким-либо образом подчеркнуть недействительность или даже нереальность таких соотношений.

То, что рождается от соприкосновения духа и материи, является формой. У Аристотеля форма есть эйдос. Но если эйдос не эйдос без сочетания с материей, то откуда он берется? Не от самого ли сочетания? Но даже если это так и эйдос «высущевывается» из Сверхсущего Единого, точнее, опосредованно из Божественного Ума, впрочем, это в данном случае почти одно и то же, то тогда помимо эйдоса и меона есть еще само их сочетание, которое и будет формой, неотделимой от конкретной вещи. Таким образом, форма является третьим началом, наряду со Сверхсущим Единым и меоном. Уже Божественный Ум по сути есть форма, образованная совокуплением Сверхсущего Единого и меона. Также возникают Душа и Космос.

Таким образом, форма это то, что есть, и только она обладает способностью быть познаваемой. Она третье начало наряду с логосом и меоном. Причем всякая форма относится к меону так, как к ней самой относится [сперматический] логос. Познаваема только форма, логос и меон всегда трансцендентны. Из любой точки бытия можно описать круг, вернувшись в изначальную точку, так и не познав и не достигнув трансцендентного. Достижение и постижение возможно только в Боге

(Витгенштейн).

Ведь нас, чего доброго, могут, пожалуй обвинить в рационализации непознаваемого. Но мы и не претендуем на это. Всякий акт трансценденции есть имманентизация потустороннего к познающему-творящему. Просвещая верхнюю или нижнюю мглу, мы их формализуем, то есть опять-таки трансцендируем. Каждый раз мы хватаем убегающую тьму за вуаль, но она окаменеваает в наших руках, а сама беглянка оказывается неуловимой. В акте познания одного другим, иначе, в интенции логоса к меону или, наоборот, меона к логосу, познаваемое перестает быть самим собой для познающего. Логос проникает в материю. Это соприкосновение образует как бы шурф формы, которая третья, существующее начало. Логос больше, чем существует, а меон меньше. Но, «высусеживаясь» формами, логос есть, а когда он есть, то он меньше самого себя как возможного, он реализуется, индивидуируясь превратностями меона.

Но формы нет по отношению к логосу и меону. То есть можно сказать, что кроме формы ничего нет, но из этого еще не следует, что она есть. Не получится ли так, коли мы попытаемся найти границу между логосом и меоном, что она так же будет убежать от нас, как убежало Сверхсущее Единое? Но если Сверхсущее Единое и меон едины в Боге, то в творении они разорваны формами, своего рода «обожженными отпечатками» логоса в меоне и меона в логосе. Но разрыва мы так же не находим, проникая из меона в логос, мы окружамся формами, и наоборот, проникая из логоса в меон, мы также окружамся формами.

Материя проникает формой в дух, образуя выпуклости. Дух проникает формой в меон, образуя вогнутости. Так реализуется то, для чего мы не находим иного именованья, кроме как сверх-эротизм пространства⁴. Вожделет одно к другому, не смея повернуть вспять, чтобы обрести само себя в Боге. Себя, говорим мы, ведь в формах логос, как в зеркале, видит себя, а меон себя. Поэтому дух телесен, а тело духовно. Не также ли и мы, вожделя силой рода к воспроизведению себе подобных, отвергаем истое единение нас самих в самих себе, но смотримся в зеркало с подкладкой того, чем мы не являемся и что не является нами, оттого-то и видит каждый свое в другом? Но вожделение не есть обладание, а напротив того, своего рода абстиненция, эрос немощи и нищ, именно поэтому он вожделет, созерцац формы. В этом созерцании

4) Хотя пространство есть всего лишь одно из формальных проявлений. Но в своей ограниченности пятью органами чувств, мы, даже оперируя абстрактными категориями, вынуждены внутренние и, так сказать, для личного пользования «переводить» их в пространственные понятия.

форм, по которым можно познать самое себя, содержится интенция к движению. Оттого-то все, что вокруг, на самом деле и есть мы, оно относится к нам как предмет к субъекту, внутренняя же сторона форм остается для нас непознаваемой. Внутренняя сторона форм – это чистый объект. Который должно понимать преимущественно как «вещь-в-себе», внутренняя тьма вещей, меон, а не как это делает современная философия. Бердяев договорился до того, что вещь-в-себе это Бог. На самом же деле вещь-в-себе – тот же меон, но не в онтологическом, а гносеологическом аспекте. Формы вожделяют к себе подобным по направлению движения. Выпуклые к вогнутым, вогнутые к выпуклым. Формы, повторяясь по подобию, «рифмуются». Во всем действуют принцип метафоры и повтора. Метафора основана на тождестве различного, а повтор на различии тождественного. Воздействуя друг на друга, элементы бытия, формы, образуют цепь миров, пламенеющих друг ко другу.

Рациональное отступление

В сущности, на этом «научно-мифологическая» и метафорическая часть нашего описания закончивается. Все дальнейшее является логическим развитием мифологических представлений о едино- и троеначалии. Если доводить учение о Едином и меоне до конца, то, в целом, окажется, что речь идет об одном и том же. Меон – «оборотная сторона» Единого. Таким образом, манифестационистское мировоззрение является в итоге монистическим. Дуалистическая система начинает складываться лишь тогда, когда меон и Единое начинают рассматривать как «дискретные». Это, по сути, уже креационистская тенденция, достигшая своего апогея в авраамической традиции, сложившись в последовательно креационистское мировоззрение.

§4. Субординация форм

Идея формы, «Сына», является логическим выводом из идеи «сочетания» Единого и меона. В неоплатонике Нус истекает (проοδοϛ) из Единого как его бытие. Иначе говоря, как только Единое осознает, что оно есть, так сразу же возникает различие между самим Единым и его бытием (Нусом). Однако без «иного» такое «осознание» не было бы возможным. И этим «иным», тем, что «не есть Единое», как раз и является меон. Справедливо возникающий вопрос о том, что первично – осознание Единым своего бытия в результате осознания бытия «иного»

или же возникновение «иного» в результате осознания Единым своего бытия – здесь не может найти своего ответа, поскольку само понятие «очередности» неприменимо по отношению к первопринципам. Одно можно сказать с уверенностью: стоит нам допустить троеначие, как формы начинают множиться и множиться. Сначала возникает форма меона и Нуса, между этой формой и меоном, а также между ней и Нусом возникают еще формы – и так до бесконечности. Если опять-таки воспользоваться языком неоплатоники, то здесь налицо субординация трех начал: сущности, субстанции и формы. Но это, в отличие от Единого, меона и собственно формы, уже чисто технические, абстрактные понятия, показывающие отношение, а не какую-либо «абсолютную локализацию».

Понятие субстанции – одна из фундаментальных категорий в истории философии. У Аристотеля оно разводится с понятием сущности, которое на латинский язык переводится как *essentia*. Сущность – чтойность, предикат, а субстанция – нечто, подлежащее. В принципе, до известной степени понятие субстанции можно соотнести с понятием материи, уле, точно так же, как и сущность – с духом. Так да не так. Представления о сущности и субстанции скорее онтологичны, нежели физичны. У Аристотеля по поводу субстанции есть много неясностей. Путаница, кстати, содержится уже в самом переводе понятия «субстанция» – не только как «подлежащее», «подкладка», но и как «сущность». У Плотина мы находим такое высказывание: «но если мы обратим свой взор к высшему, то увидим то, что там вместо субстанции. И это несомненно будет сущность». Из этого высказывания мы можем сделать вывод, что та субстанция, которая внизу, – не единственна. Плотин откровенно говорит, что, например, псюхе – материя для нуса, а космос – материя для псюхе. Таким образом, у Плотина мы наблюдаем синтез платоновской и аристотелевской мысли. Но вернемся к Аристотелю. Субстанция для него первая, наиболее значимая, категория, тогда как остальные девять – количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие, страдание привходят как акциденции. В разных местах Аристотель говорит о субстанции поразному, что позволяет сделать два противоречивых вывода: либо Аристотель сам не мог определиться с тем, что же все-таки именовать субстанцией, либо он уже отдавал себе отчет о субординации сущности и субстанций. Множественное число здесь условно, конечно. Никакой дискретности здесь нет. Аналогия такого рода соотношений находится в субординации родов, видов и подвидов из средневековой схоластики.

Кстати, в Средневековье мы встречаем отнесение понятия «субстанция» даже к Богу. Это за 400 лет до Спинозы! Но у Спинозы все непрерывная субстанция и все Бог. Декарт совмещает понятие субстанции с понятием материи, которая также оказывается тождественна пространству. То есть здесь мы имеем большую степень конкретизации, привязанности к проявленному миру. У Канта субстанция – одна из категорий, но не главная, она входит подвидом в категорию отношения. У Гегеля субстанция является подвидом действительности, которая является подвидом сущности.

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод: никакой «абсолютной субстанции» не существует. Точнее, это понятие применимо лишь с известной долей погрешности к меону. «Погрешности», говорим мы, так как для культуры «монолита», которая безусловно основывалась на манифестационистских воззрениях, нет «начала» и «конца» – иными словами, «субстанцией» для меона будет являться само Сверхсущее Единое, что, кстати, выглядело бы довольно абсурдным для неоплатонической школы Плотина – Прокла, однако вполне вписывается в учение стоиков, обладающее большей степенью «примордиальности», – учение, утверждавшее, основываясь на словах Гесиода, что первые боги родились из хаоса.

Таким образом, «субстанция», как и «сущность», – понятия относительные. Их основания, в целом, обладают даже некоторой долей «наивности». Ведь в конечном итоге «субстанция» – это «то, что ниже», а «сущность» – это «то, что выше». В самих понятиях уже присутствует некий разрыв, в общем-то несвойственный изначальному манифестационизму. И то, что послужило причиной возникновения этих понятий, было шагом на пути к чисто креационистскому мировоззрению. Неоплатоника, таким образом, играет роль промежуточного, посредующего звена между этими двумя мировоззрениями. Отсюда большой интерес античной платонической философии к иудаистической традиции. Отсюда раздвоенность Аристотеля в отношении к субстанции. Она уже вычленена им, но ее соотнесенность с сущностью, которая, в конечном счете, «такая же субстанция», только «та, что сверху», пугает философа, хоть идвигающегося в направлении креационизма и дискретизации бытия, но органически принадлежащего манифестационистскому мировоззрению. Мы, со своей стороны, отдаем себе отчет в неприменимости понятий «сущность» и «субстанция» к области манифестационистской метафизики. Однако, как уже было заявлено ранее,

видим своей задачей «культур-перевод», конвертацию из одного «языка» в другой, поэтому-то сознательно обращаемся к неоплатонике – еще не креационистской, но уже и не вполне манифестационистской. Мы разлагаем манифестационистское мировоззрение на составляющие, понятные метаязыку Модерна, дигитализируем его или, если угодно, атомизируем. Потому-то и говорим об «атомной метафизике».

Соотношение сущности и субстанции, как неких закрепленных в акте познания-различения локусов, подразумевает наличие между ними третьего, посредующего начала, которое и будет формой. Но не следует забывать того, что «под» всякой субстанцией всегда будет находится «другая субстанция», соотносящаяся с ней как субстанция с сущностью. Это явление можно обозначить как субординацию форм, поскольку всякая субстанция, как по отношению к «надлежащему», так и по отношению к «подлежащему» будет именно формой, неким усреднением или, говоря фихтеанским языком⁵, «точкой равнодушия», но только применительно к этим абстрактным понятиям – сущности и субстанции.

В такой картине мира, в конечном итоге, любая сущность, субстанция или форма будет одновременно и сущностью, и субстанцией, и формой, но по субординации с другими сущностями, субстанциями и формами.

Для манифестационистского сознания вопрос о различии форм, справедливо возникающий в рамках, скажем, схоластики (применительно к гносеологии), вовсе не является неразрешимым. Изменения в логосы вносит меон, являющийся чистым актом и чистой «текучестью». Имя Шивы на санскрите созвучно слову «труп» («шава»). Он неподвижен – даже когда совокупляется с Шакти в позе, именуемой «майтхуна-випарита», она «пляшет» на нем, производя разнообразие форм, в каждой из которых, однако, присутствует, если посмотреть на этот акт глазами стойков, «сперматический логос» Шивы.

Отсюда возникает вывод: если всё в бытии, в рамках манифестационистского мировоззрения, коррелирует друг с другом, то всякая точка будет являться центром, имеющим соотношение с периферией как с «верхом» (сущностью) или как с «низом» (субстанцией). Как только мы задаем точку, так сразу же возникает ее «верх» и «низ», а соответственно центр, «полюс полюса». Рене Генон в фундаментальном труде «Символы священной науки»⁶, разбирая символизм радуги,

5) Философия Фихте во многом является своего рода «манифестационистской гносеологией».

6) Рене Генон. Символы священной науки. – М.: Беловодье, 1997. Глава «Символизм радуги».

европейской диатонической музыкальной гаммы и в целом «седмицы», указывает на онтологические основания этого символизма. Всякий полюс при развертке в пространстве дает не три, а семь полюсов: верх – низ, право – лево, перед – зад и, собственно, центр, не имеющий бинарной оппозиции, но являющийся матрицей для всех остальных полюсов, в которой все бинарные оппозиции снимаются. «Роза ветров», образуемая полюсами, вписывается манифестационистскими доктринами в шар, иногда яйцо. (Генон пользуется термином «Космическое Яйцо» по отношению к онтологической модели манифестационизма.) Применительно к географическому пространству, разбитому на тако-го рода умозрительные зоны, этот шар видится как развернутый на плоскости. Отсюда понятие «круга» в древнейшей географии. Даже у средневекового автора Снорри Стурлусона мы еще встречаем это чисто манифестационистское понятие – «Круг земной» – так называется его собрание королевских саг, из чего мы можем сделать вывод, что не только географическое пространство представлялось манифестационистскому мировоззрению в качестве круга, но также и «пространство хронологическое». Чрезвычайно важное замечание, которое нам понадобится в дальнейшем, когда мы обратимся к соответствию в манифестационистском мировоззрении времен года, времен суток, географических направлений и этапов герметической работы.

Справедливым из всего сказанного было бы заключить, что у подобных онтологических полюсов, а также их разверток, в манифестационистских традициях имеются не только аналогии в музыкальной и цветовой гамме, но также и вербальные, «логические» в прямом смысле слова соответствия. Но это стоит разобрать отдельно.

S. Polarstern

«МЕТАФИЗИКА ИНОГО»**К дуалистической переоценке манифестационизма**

Либо совершенно творение, либо несовершенен и неабсолютен тот Бог, если Он и Его творение – одно. Если творение множественно, то в язычестве и созидающий Бог – лишь изначальное состояние собственного проявления, как Единица, к которой образно сводимы все нечетные числа. И если Он проявляет Себя в умалении собственного совершенства через самоисхождение во множественность, понимаемую как «морок» – что тогда отличает Его от иллюзии, и в чем тогда сущность и исток иллюзии, как не в Нем самом? И если Он равноприсутствует и равнопроявляет Себя в своих неисчислимых масках, тогда в чем духовное различие между Ним как Единым, не знающим покровов – и Им же как Единством Его покровов? Ведь понятие о тотальном Едином не тождественно идее Единства множества – единственно сущее как абсолютно утвержденное Одно не знает иного и не может быть «одновременно» многим, оставаясь при этом в своем единственном и неотъемлемом качестве Одного. Единое как Единица всегда в оппозиции ко всему, что является множественным и в силу этого не является Им самим.

В конечном итоге можно предположить, что традиционная попытка манифестационистского мировоззрения снять дихотомию между Единым и множественным закрывает взор человека в имманентных формах Бытия, которое видится подверженным непреодолимому циклизму – что делает относительными как все Его проявления, так и духовный путь человека и его конечную цель, которая в таком измерении теряет абсолютный эсхатологический смысл и, в сущности, не имеет конца. На чисто умозрительном уровне манифестационизм имеет внутренние теоретические противоречия, которые заключаются в уже указанной проблеме пантеистической несводимости к Единому, а также в оценке качества реальности. Традиционное язычество не сталкивается с ними, поскольку не знает негативного видения Бытия как иллюзии (подобный взгляд является частичной особенностью некоторых течений индуизма и позже буддизма), а также радикально не ставит понятие Единого (которое а posteriori рождает монотеизм), видя Бога не как Единого в Себе, но как Единство многого.

Но если под влиянием восточных идей в современном неоязычестве возникает определение реальности как иллюзии, а также принимается концепция Единого, то указанные выше теологические проблемы являются себя в резкой несводимости, ставя фундаментальные вопросы, на которые политеизм не способен дать исчерпывающие ответы: Если Бог непостижим никем, кроме самого Себя, не ошибочно ли видеть Его вездесущее присутствие в мире, вместо того, чтобы видеть весь мир как Его не-присутствие? Если сущее является тем, чем Он не является, и потому утверждается идея Пути к Нему – то не есть ли языческое обожествление реальности во всей ее полноте обожествление иллюзии – мороков? Не является ли само многобожие лишь культом Его масок – а посему постановлением ложных идолов? Не освящает ли язычество видение тех, кто принимают Его ослепительные одежды за Него самого – и тем самым забывают о Нем истинным и Едином не во множественности, но лишь в Себе Одном? Если же Бог соотносится с реальностью как полнота с частью, то не является ли иллюзией само представление о наличии иллюзии? Какова же тогда телеология Пути и постановки духовного вопроса о божественном, если ответ на него совпадает с Бытием и открытием собственной сопричастности всему?

Очевидно, что в перспективе притяжения негативного видения реальности, с тех или иных мотивов должной быть преодоленной, монотеистическая идея творения из Ничто, ex nihilo, более верно и непротиворечиво отражает логику космогонии. В ее перспективе явленный Бог творит мир не из Себя, но из Ничто (и здесь приобретает особый смысл концепция Не-Бытия, Нуля, которая в сфере онтологии зачастую вовсе игнорируется). В этом смысле мир предстает как множественное отражение радикально Единого (как Одного) в метафизической «пустоте» (но не как «проявление» из сущности Его Самого). Отражая Себя во всепотенциальности Не-Бытия, Бог творит из Ничто, преобразая ее возможность к Бытию и актуализируя таким образом могущество, то есть «качество мочь» (что является одним из значений санскритского слова «майя»), и одухотворяет мир Своим парадоксальным несводимым присутствием, не делясь при этом, не изливаясь в мир и фундаментально не совпадая с ним. В ином смысле это может быть понято так же, и как внешнее «проявление» – но из отличного, несовпадающего с единственным Бытием Бога, то есть из фиктивной «сущности» Не-Бытия, которое на уровне онтологии коррелирует с принципом Великой Матери – и что таким образом подчеркивает сущность истинного и неподдельного Бытия лишь за Единым, которое единственно тож-

дественно Себе самому, а мир «отраженный» высвечивает как иллюзию, химерический отблеск подобия Единого Бытия.

Такая расстановка акцентов четко постулирует не только место человека в Бытии, рассматривая его как носителя (то есть отражателя) чистой божественной искры (понятой в единичном числе – не как эманированная часть от Бога, но как сам неразделимый Единый Бог, множественно равноотраженный в человеческом архетипе, находящийся в человеке уникальную точку соприкосновения с Ничто), но и дает ответ на эсхатологический вопрос о несовершенстве Бытия, корне человеческого страдания, заложенного в нем изначально как печаль о сокрытии Иного, а также о причине и конечной цели духовного Пути и преображения. В то же время это фактически означает преодоление парадигмы манифестационизма, снятие ее как иллюзии тождества всего всему и постановка на ее месте проблемы нового дуализма – не внутрибытийного, имманентного, присущего проявлению как гармонии противоположностей, но как дуализма самого Бытия, понятого традиционализмом в качестве суммы экзистенции – и несхватываемого Единого духовного Центра, трансцендентного в отношении всех онтологических уровней, понимаемых в неизбывном качестве бесконечных рефлексий универсальной всевозможности Ничто. В этом отношении некоторую двусмысленность приобретают мифологические образы Первоистока, как сокрытого Центра, в зависимости от парадигмы их прочтения. Радикальный монотеистический взгляд, утверждающий дуализм между фундаментально Иным и множественностью остального, в приложении к языческой образности выступает как особый метод гер-меневтической интерпретации мифа и полного качественно-оценочного переосмысления его составляющих и в целом всей его холистской логики.

Всё указанное выше верно и в случае полярного изменения наших определений: представления Единого как Не-Бытия в противопоставлении к Бытию множественного сущего. Относительность понятий не снимает абсолютности оппозиции, постулируя сверхонтологический дуализм между Осью и Бездною. Учетывание этого фактора важно при сравнительном религиозноведческом анализе мифологических схем, формально расходящихся в понятийных определениях, либо абсолютизирующих внешнюю дескриптивную образность.

Иная метафизика: Субъективный конспект

Последовательный монотеизм, глубоко понимающий сущность язычества, подчеркивает, что Божество естественной религии и Бог единогобожия – не одна и та же «личность», и генетически они не связаны. Естественная религия, о которой идет речь в манифестационистских доктринах, является обожествлением недвойственного Бытия в самом высоком смысле – того, что в ветхозаветной традиции именуется Светом, рожденным из Ничто. Бытие генетически производно из Небытия, иначе говоря, из Бездны (ветхозаветный *Tehom*), Хаоса иллюзорной потенциальности, рождающего и умертвляющего всё сущее в начале и в конце времен. Высшей истиной язычества является осознание недвойственности (Адвайта в индуизме): единства себя и сущего, внутренней цельности Бытия в полноте его проявленности, но также и великого единства Бытия и Небытия, Дня Брахмы и Ночи Брахмы, тождества актуального и потенциального. Однако языческая мудрость соотносится с уровнями, относительно которых Бог монотеизма находится фундаментально «вне», как неслиянный Субъект: Он не вечен, но пред-вечен, предшествует Небытию и Бытию, не совпадая с ними – и в этом заключается абсолютный трансцендентализм единогобожия.

Монотеизм на уровне рациональной философии мыслит дальше естественной метафизики, ведя речь об Откровении Иного Бога, Неведомого и Чуждого (в определении гностического Евангелия Маркиона) относительно Всего абсолютно трансцендентного. Как Ветхий Завет, так и Коран на уровне космогонии полагают начало и причину всего на одну ступень «ранее» язычества («до» самой Тьмы, «до» Хаоса), поскольку утверждает знание о парадоксальном Боге, субъектно превосходящем обычные языческие иерархии, невыводимом из них в силу своей фундаментальной «инаковости», в силу чего тотальность Всего (Бытия и Небытия) оказывается возможностью того, чем Единый Бог не «есть», как основополагающая оппозиция, а не эманация. Космогонически Единый Бог «наличествует» пред Первоокеаном, Откровение говорит о Нем как о Субъекте, который первичен относительно самого Хаоса и выступает сокрытой причиной проявления-как-отрицания – обусловленного проявления из слепой Бездны, не ведающей о Нем. Бытие-как-бегство реализуется в бесконечном спектре модальностей, за исключением единственной, не совпадающей ни с чем и предваряющей Всё, как краеугольный камень Иного. В такой перспективе обожествление реальности предстает «греховным» (то есть иллюзорным) самовозвышением низшего, сущего,

отрицанием Бога Безымянного. Концепция единобожия уникальна тем, что ее метафизическая «память» долгие и взывает к Нечто-небывшему-до-Всего, однако сущностно будучи скрытым Началом, предваряющим не только метафизическую Единицу (недвойственное Бытие), но и метафизический Ноль (Небытие-как-потенциал), знание о Нем не выводится редукцией сакральных чисел к Нулю, но дается из-за предела и природы числового ряда как сверхъестественное (то есть вне- и не-числовое) Откровение.

Только в единобожии человек обретает центральное место во Вселенной как «последний, который станет первым» в силу верности собственному Концу и парадоксальной миссии возведения о Тайном Боге, сокрытом от очей, ослепленных идолами. Через пророков, посланных от Сокрытого Бога, человек получает Откровение в качестве указания к истинному освобождению – как свидетельство двойственности, корящейся не в гармонии оппозиций внутри Бытия, но двойственности андрогинного Всего и апофатического Иного – то, что ислам называет «прямым путем» в противовес концентрическому вращению и вечному возвращению одного и того же, не ведающего об Отличном. Именно в этом смысле следует понимать и уникальную концепцию священной Истории, линейного времени и окончательного Финала, не знающего повторений, которые в таком понимании предстают не описанием реальности «того, что есть», но свидетельством о пути, разрывающем реальность и ведущем человека вовне к тому, чего фундаментально «нет». Это знание рождает Смысл и Серьезность – и означает конец Игры и Пробуждение через парадоксальное и жертвенное утверждение Веры в принципиально внеопытное, невыводимое и недоказуемое, вскрывая Всё как иллюзию не относительную (Maia), но абсолютную (Nihil).

Именно человек в такой перспективе предстает в сфере Космоса не одним из множества объектов из «звучащей глины», но в роли субъектного наместника Неведомого Бога, поскольку только в человека вложен Дух Божий как знак его причастности абсолютной Смерти. Подобно тому, как записка с именем Тетраграмматона духовно, а не онтологически в легендарном сказании оживает Голема, пребывавшего до этого в состоянии чистой мировой инерции (которой подвержена вся реальность in totum актуального и потенциального), человеческое существо, наделенное сознанием оппозиции (то есть самосознанием), обретает дыхание запредельной жизни, сокрытой от суммы самотождественного Бытия. Только этот непостижимый и

ничтожащий Дух, «Искра Божья» (а не фиктивная личность) и делает человека человеком, наделяя его смыслом, выходящим за пределы концентрационной «игры» Бытия, и ставя трансцендентально (но не имманентно) выше всего сущего. Сам человек предстает воплощенным свидетельством о нетождестве всего всему, как абсолютное чудо, выпадающее из циклических законов мироздания, поскольку его ноуменальный исток уходит в ирреальное «Ничто», нетождественное ни Бытию, ни Небытию. Это метафизика разрыва, утверждающая именно двойственность как указание на истину с еще более высокой точки зрения, «извне» Всего – причем двойственность радикально ассиметричную: как несводимость Всего и всегда-апофатического «Ничто» (с пониманием, что даже представление о чистом Ничто является только ограниченным указанием на Невозможного Бога). В некотором смысле единобожие допустимо, развивая идею Фридриха Ницше, определять как духовный нигилизм, однако именно этот «нигилизм» наделяет человеческое бытие абсолютным смыслом и целью, преодолевая холистский релятивизм и мотивированную лишь собственной бесконечной не-инаковостью игру вечного возвращения.

Подлинный монотеизм – это вера в апофатически Единственного Бога (Монос), а не катафатически объединяющего в себе Всё (Холос). Отрица абсолютно трансцендентное, язычество тем самым утверждает имманентное Божество здесь и не знает абсолютной Смерти, но мыслит Бытием и возможностью, утверждая абсолютную Жизнь-как-повторение (ведь даже Небытие в манифестационизме заведомо несет в себе ростки проявления – Ночь изначально «чревата»). Манифестационистская формула «Атман есть Брахман» верна в метафизических координатах Всего – однако Всё не «есть» Иное, ибо Бог истинный вне любого предела, сущий Сам – первый и последний предел Всему. Осознавая онтологическую данность тождества, единобожие утверждает именно в человеке еще Нечто, что ставит его в оппозицию ко Всему и виртуально изымает его из потока вечного вращения, то есть Дух от Другого Бога, свидетельствующий о себе как о чистом внутреннем Ничто, как о неснимаемой двойственности. Смотри на мир, язычник полагает, что всё достижимо его опыту, и что человеческое слияние с божественным принципиально возможно, поскольку божественным он признает Всё, утверждая, что оно имеет одну с ним природу, отличаясь лишь в метафизической градации. Однако утверждая всевозможность, язычество отрицает идею чистой не-возможности, которая среди бесконечности возможного в своем

абсолютном измерении только одна – и это невозможность как таковая, невозможность *per se*, абсолютное отрицание, чистое нетождество. Оно равно-несводимо ни к чему и не открывается в созерцании реальности, поскольку не имеет метафизического «места», будучи указанием на Единственного Бога креационизма, между Которым и Всем – Бездна самого Всего, которое воплощает в себе бесконечность возможностей того, чем Единый Бог не «есть». Такая доктрина мыслит дальше традиционной метафизики, переворачивает ее и обесценивает, признавая равноудаленными от Запредельного Бога как страдающую глину, так и олимпийское блаженство, полностью упраздняя иерархии Бытия и оценивая его с «позиции» «извне», что, в сущности, значит: «из Ничто» как «из ниоткуда». Только в такой перспективе суфийская формула «есть нечто, выше высокого» приобретает свой абсолютный смысл как осознание чистой невозможности Иного.

Приятие или неприятие такого взгляда является волевым решением Веры, поскольку внеопытное как необусловленное принципиально неверифицируемо обусловленным, коим в монотеизме полагается также и тотальность Всего, что является Всем, но помимо Всего не «есть» лишь Иным – и это «лишь» и является Бездной бытийного наличия. Сущность монотеистической идеи в том, что она не измышлена, но дана извне как Откровение, поскольку принципиально лежит вне опыта и вне знания: Иной Бог – Иной и ничем не ограничен – следовательно, несводим к опыту ограниченного, коим является по определению Всё, тогда как Иным, Абсолютным и Неделимым явлен только Один Безымянный Бог. Основание монотеизма сверхрационально и сверхчеловечно, будучи первично данным пророкам как гнозис о подчеркнуто Другом Боге – таким образом теология монотеизма не имеет ничего общего с рациональной софистикой и абстрактной диалектической философией, уходящими корнями в эллинское язычество и лишь видимо противоречащими мистическому созерцанию, будучи одними из его же множественных модификаций. Исповедание Единственного Бога, который явил человеку знание о Себе сверхъестественным образом, открывшись через пророков, является тем, что может быть принято исключительно волевым образом как утверждение должествующей Правды против Истины наличности. Упование на Правду, которой онтологически «нет», противопоставляет человека внутреннему абсурдному постижению абсурдной реальности, которая онтологически есть, открывая ему перспективу взгляда «извне», с «позиции» пред-вечности, невовлеченной в круговорот эманаций

Бездны. В конечном итоге теология последовательного монотеизма является только зеркальной речью о том, чем Бог не «есть», потому пространность и сложность ее дискурса о Ничто в действительности лишь симметрично отражает, избегая, реальную пространственность Всего – как бесконечную тщету противоположного.

Mater materiae: заметки о культуре Великой Богини

Формулирование Новой Метафизики и утверждение в качестве альфы и омеги новой сакральной онтологии абсолютной солярно-субъектной ориентации, отождествляемой с символами Звезды (Полюса) и Солнца (Мужчины) требует соответствующего специального рассмотрения культа Великой Матери как синтезирующего всю женскую сущностную и символическую составляющую религиозно-мистических учений разного толка. Мета-метафизическое толкование феминного, объектного принципа, отождествляемого с идеей Небытия и предвечной Тьмы, предполагает отдельный и более фундаментальный обзор, здесь же мы ограничимся кратким наброском к проблематике Великой Женщины в рамках Бытия. При этом должно подчеркнуть особенную неоднозначность и онтологическую двойственность, касающуюся женской стороны проявления, при которой одни и те же сакральные понятия и уровни прочтения приобретают двузначные смыслы в связи с двойственной сущностью реальности, ими символизируемой.

В своих статьях 1930-х гг. Юлиус Эвола прямо связывал увеличение значимости матриархальных ихтонических культов в индоевропейской цивилизации с миграцией ариев на юг и деструктивными влияниями нижних варн, состоящих из неарийских расовых слоев. И хотя подобная имманентная трактовка вопроса в ее классическом виде для нас не представляет большого интереса, вполне очевидно, что чрезмерный акцент на женской пассивно-субстанциональной составляющей Бытия в конечном итоге ослабляет влияние мужской активно-эссенциальной духовности, обращая взор человека к проблеме жизни, имманентного существования (в том числе и в загробном мире), и этим отдаляя человеческое существо от аскетической проблемы Духа, превышающего жизнь и Бытие во всех его модусах. В этом контексте следует отметить связь шактизма в индуизме (поклонения Великой Матери в светлом и темном аспектах) с нижними варнами, которые на уровне гун соотносятся с ее жизненным началом – и, в качестве некоторого противопоставления, кшатрийскую и брахманскую ори-

ентации на культы Вишну и Шивы соответственно. Однако в этой радикальной перспективе наиболее (если не единственно) уверенную позицию занимают гностико-монотеистические культы, в которых трансцендентный вектор постулирован не только предельно четко (идея духовного преодоления несовершенного Бытия), но и сущностно в роли краеугольного камня всей (мета)дуалистической парадигмы, метафизики не-тождества (тезис Гейдара Джемала о фаллической стерильности).

Женский образ во всех мифах един, но в то же время двойствен. Условно говоря, можно выделить образы «Белой» и «Черной» Дам, которые при определенном угле зрения соотносятся с архетипами Евы и Лилит в каббалистической традиции. В славянском язычестве это Макошь и Мара. Если обратиться к работе Александра Дугина «Пути Абсолюта», то в одной из глав автор очень удачно разграничивает идеи «внешней» и «внутренней» женщины. Соединение мужского начала, находящегося между ними, с одной из них приводит либо к продолжению жизни в Бытии (соблюдение духовного status quo, Путь Правой Руки) либо, в случае инициатического опыта (Путь Лево́й Руки), к восхождению к не двойственному духовному Центру – или же к падению в периферийные инфернальные сферы вследствие провала этого опыта. В некотором смысле человек, ступающий на инициатический путь, теряет онтологическое равновесие и подвергается духовному риску. Образ Белой Дамы (Девы) ведет его к соединению в Духе, то есть к божественной андрогинной полноте Чистого Бытия, образ же Черной Дамы (Блудницы) предстает в роли искусительницы, низводящей его в Бездну внешних сумерек. Во многом это перекликается с символизмом романов Густава Майринка, в фабуле которых главный герой (мужчина) оказывается между двумя противоположными женскими персонажами, и от его выбора зависит его метафизическая реализация. Таким образом, в рассмотрении любого рода следует различать Женщину и Женщину, различные личины, в которых себя являет, в сущности, уровень Пракрити, имманентный потенциал.

В случае со славянским культом богини Мары всё так же неоднозначно, поскольку этот уровень, как и в мистике Алистера Кроули с его образом Блудницы, является одновременно путем как к инициатической победе (понимаемой пантеистически), так и к поражению, и конечный исход зависит от духовной силы борющегося солярного героя. Следует указать на ложную расстановку акцентов, которая

начинает наличествовать в определенной среде современных славянских родноверов под влиянием работ влх. Велеслава и влх. Богумила, при одностороннем прочтении которых может создаться впечатление, что богиня Мара как персонификация всего окоема реальности представляет собой нечто метафизически «позитивное» per se, или же даже «верховное», что является ошибкой не только в контексте дуалистической, но и монистической теологии. Фактически это продолжает линию шактизма в индуизме, непропорционально превозносящего фигуру Великой Матери, и даже, как указывал Рене Генон, в своем крайнем прочтении утверждающего исключительно субстанциональное происхождение Вселенной. Этому в некотором (дополняющем) смысле противостоит линия шиваизма, указывающая на Шиву (персонификацию представления об Атмане) как изначальную и скрытую первопричину всего: в символе шестиконечной звезды в индуизме треугольник концом вверх указывает на Шиву и духовный путь восхождения (вдох Рода), а треугольник концом вниз – на Шакти, то есть материальный путь нисхождения (выдох Рода).

Можно также проводить аналогии с символами обычной и перевернутой пентаграммы, а также с противоположными написаниями руны Algiz, которые условно можно соотнести с Девяной (путем божественного восхождения) и Питрияной (путем предков, то есть имманентного существования). Аналогия очевидна также и в гностицизме – в предании, согласно которому Демиург создал мир по неведению при помощи высшей духовной силы (когда вышестоящий уровень Плеромы выступил как основание и причина всего в не-деянии). Радикальные же матриархальные течения как в индуизме, так и в других языческих культах, в своей крайней форме вовсе снимают солярную проблематику в пользу принципа хтонико-селенического растворения (в социальной пирамиде это соответствует политическому матриархату у многих народов до арийской экспансии, принесшей главенствующий солярный культ и патриархат). Таким образом в радикальной формулировке новой онтологии культ Великой Матери открывает в себе два противоположных негативных измерения: ключ к иерархическому, андрогинному утверждению полноты Бытия – в светлом лике, и культ чистой объектности неразличия, придонных сфер материального – в лике темном. Подобное двойное негативное соотношение приобретает особенное значение именно в парадигме метафизики не-тождества, с точки зрения радикальной и равноудаленной постсакральной оппозиции ко Всему.

Смешная метафизика: Критика одной хаософии

Ныне приобретающая всё больше последователей хаософия – синкретический культ, сложивший в единый комплекс две фундаментальные религиозные парадигмы: манифестационистскую (главным образом, шиваизм и шактизм) и креационистскую (главным образом, гностицизм и сатанизм), опираясь на декларированное стремление объединить воедино все наиболее существенные темные традиции, понимаемые нами как контринициатический синтез, – требует отдельного метафизического рассмотрения. Ранее мы уже указывали на принципиальный водораздел между идеями Единого и Единственного, как и на то, что их недифференцированное смешение является не только результатом неоспиритуалистского «новодела», но и причиной последующих подобных псевдоинициатических «новоделов». На Западе адепты «хаос-гностицизма» не единожды давали примеры волюнтаристского прочтения мифов и крайнего искажения Традиции, опираясь при этом не только на сознательное переворачивание символов и то, что мы не можем расценивать иначе, как плоды воображения – что, впрочем, было бы слишком простым объяснением – но и на определенные контринициатические культы довольно темного происхождения, чья метафизическая ориентация представляет определенный интерес, главным образом, в области ее касательства монотеистической и дуалистической парадигм (уже упомянутое нами обращение к наследию гностицизма и др.).

Несмотря на то, что каждое конкретное сакральное учение имеет свои особые метафизику, онтологию, мифологию, мистику, мы всё же можем говорить о некоей универсальной карте метафизики, относительно которой имеем возможность сравнивать все религии и культы, определяя глубину их духовного зора. Исходя из сказанного, очевидно обобщение, согласно которому все манифестационистские космогонические доктрины производят начало Всего из Бездны Ночи, порождающей из себя, и где, таким образом, метафизическое Всё связано со всем как эманация одного и того же. Особенность же креационизма в том, что он понимает Бога как незримого Мета-Субъекта до самой Бездны, Бога настолько неопределенного, что Он не имеет со Всем никакой общей меры, а потому Всё является Его произвольным творением, но не порождением. Это не просто концепция дуализма Света и Тьмы внутри Бытия, не ведающих о Единстве (каковым образом может быть понят зороастризм), но мета-дуализм абсолютно трансцендентного Иного и принципиально имманентного Все-

го. Креационистские религии Откровения утверждают абсолютный духовный вектор, абсолютность и непреложность истины и этического императива, что, соответственно, определяет подчеркнутый дуализм и воинственное напряжение (принцип война) – в отличие от политеизма, опирающегося на относительное, сведенное к Единому (принцип жреца). В манифестационистском политеизме (или, иначе: монизме) нет ничего абсолютного, кроме Единства – таким образом, все пути к Единому признаются верными, какими бы они ни были, ибо всё, как утверждается, изначально во Всём. В противоположность подобной позиции фундаментальная идея традиции пророков – в сверхрациональном открытии Себя Богом, Который жестко постулирует свою инаковость относительно идолов (гр. eidolon – «образ»), то есть ликов Единого, а также утверждает о своей принципиальной непознаваемости – что исключает, в свою очередь, мистическое слияние с Ним.

Исходя из заявленных тезисов, которые мы сочли нужным повторить, должно подвергнуть критике тенденции, возобладавшие во многих современных оккультистских течениях, крайне вольным образом присвоивших себе дуалистическую доктрину гностицизма (имеющего неоспоримое иудеохристианское происхождение) и произвольно соединивших ее с языческими представлениями о сущности Изначального, понятого как Единый Хаос, метафизическая Ночь, либо чистое Небытие. Несмотря на возможность некоторого двойственного прочтения манифестационистской интерпретации монотеизма (гностический и суфийский логоцентризм, сводящий понимание Единого Бога к уровню Первого Света), последовательно креационистское изучение Откровения подчеркивает фундаментальную нетождественность и несравнимость Бездны и Бога единобожия, ибо Бездна возникает только как антитезис первому творению (именно так мы можем понимать и коранические слова о разделении Господом метафизических Неба и Земли). В Книге Бытия Бездна – Tehom, ключ от которой вручен ангелу Аваддону (Апокалипсис), и она сама фигурирует как один из объектов творения Бога наряду с Тьмой, Светом, Небом и Землей. В более поздних книгах Ветхого Завета принцип Tehom персонафицирован морским чудовищем женского рода Левиафаном, подчиненным могуществу Бога Авраама и созданным Им, что указывает на вторичность и несамодостаточность уровня, понимаемого как Хаос (что также прямо расшифровано в важном гностическом тексте «О происхождении мира» из библиотеки Наг-Хаммади). Также и в Коране есть сура, посвященная Ночи Могущества (иначе: Предопределения), в

которую Аллах низвел Пророку Откровение. И хотя эта ночь полагается выше времени (она пред-вечна), при прочтении суры в космогоническом ключе мы можем увидеть связанное с ней указание на Божий промысел о Бытии: «Как изъяснить тебе, что значит Ночь аль-Кадр? Дороже тысячи месяцев она! В ночь эту ангелы и Дух нисходят с неба с Божьего соизволения, чтобы вершить все повеления Его. И в эту ночь до появления зари Мир воцаряется!» Наконец, в перспективе эсхатологии Бездна как Ничто, из которой по воле Единственного Бога возникло Всё, по Его же промыслу и как орудие в Его руках должна поглотить Бытие в конце времен, в ортодоксальной геологии став Адом для тех, кто отринул истинного Господа, преклонившись пред Иблисом-Люцифером – Светом, которому Аллах поручил испытывать человечество до Страшного Суда. Все эти примеры служат доказательством, с одной стороны, первенства принципа Тьмы по отношению к принципу Света (на чем строит свою метафизику хаос-гностицизм), но, с другой стороны, подчеркивает условность этого первенства в перспективе еще более высокого мета-метафизического уровня, соотносимого с креационистским пониманием Единого Бога, для которого и Ночь (Хаос), и День (Космос) суть лишь инструментальные творения *ex nihilo*.

Таким образом, если, пойдя по пути сомнительного синтеза разнородных традиций (предложенного как теософией, западным оккультизмом, псевдо-учениями из фарватера New Age, так и, в более сложной форме, школой перенниализма), предположить изначальную Бездну синонимом томистского *Deus Absconditus*, мы неизбежно приходим к упразднению креационизма и извращению главного духовного посыла авраамических религий, поскольку сам принцип Неведомого Бога в манифестационистском неоплатоническом мировоззрении исключен: Бездну возможно познать, поскольку она генетически связана со Светом, что исключает ее абсолютную трансцендентность – тогда как Единственный Бог «не рождал и не рожден» (Коран). В подобной трактовке единобожия нет места Аду и учению о Конце, за которым не будет повторения – ибо эсхатология является также исключительной особенностью монотеизма, который говорит о «свершении всех свершений», об остановке циклов и эонов по воле Абсолютного Субъекта, тогда как Бездна сама является истоком, порождающим все циклы и зоны (что в хаос-гнозисе, в силу его тенденциозности, похоже, осмыслено лишь наполовину). Бездна безлична, тогда как Бог монотеизма – божественная личность (но не эманированный лик-идол бескачественного Абсолюта, подобно Ишваре либо Атману в

индуизме), Которая творит что хочет и не подвержена циклам удаления и возврата. Не предстает ли в такой перспективе сама природа высшего Божества язычества (как Единства вечного Света и предвечной Тьмы) лишь созданным механизмом, который можно просчитать кальпами и югами, и который сам не волен остановиться навеки? Похоже, что и эта немаловажная деталь упущена хаософской метафизикой, которая игнорирует антитетичность (следовательно: половинчатость) роли Небытия относительно Бытия в силу их взаимной предопределенности. Но час подлинного Конца известен только Единственному Богу, что подчеркнуто во всех Писаниях Откровения, и только Ему (как Иному и еще-выше-стоящему) – ибо это не один из несчетных концов несчетных циклов, но Конец самой бесконечности как таковой, что еще раз подчеркивает несводимость монотеистического наследия к платформе классического манифестационизма иначе как через забвение его фундаментальной трансцендентальной ориентации. Всё вышесказанное говорит не только о некорректности взаимоналожения восточных и западных доктрин, даже интерпретированных (порой весьма экстравагантно, как в случае с гностической религией Света) под обобщающим диаволическим (*sic*) знаменателем, но и об ограниченности попыток хаософии связать фрагменты креационистской парадигмы в собственной неуравновешенной системе, построенной не только на искажении древних учений, но и на домыслах самого фантастического порядка (см. *Liber Azerate*).

Здесь же следует, немного углубившись в традиционную метафизику, подчеркнуть важный момент манифестационистской парадигмы, вскрывающий ее механицистскую логику, водворяющую обезличенность и бессмысленность повторения на пьедестал Абсолюта. В ключе рассматриваемой нами хаософии остается неочевидным ответ на вопрос о циклах и вечном возвращении, которые, как и множественность Бытия, являются лишь актуализацией самой «ткани» хаотического меона и принципиально заложены в нем. Дает ли осознание этого ответ на вопрос о Смысле и Цели, которые фундаментально связаны с идеей абсолютной конечности вне всякого повторения? Недостаток осмысленности манифестационистского взгляда на мир, сводящего всё к пустой игре высшего Божества с самим собой, а также условность любых присущих ему дихотомий, похоже, хорошо осознаны некоторыми авторами хаос-гностицизма, частично перешедшими в своем учении от традиционной языческой логики к дуалистической образности креационизма (что, тем не менее, не мешает им отрицать его как

парадигму). Ведь внимательное знакомство с Традицией приводит к необходимости признания того, что Бездна, полагаемая как начало и конец Бытия, заключает в себе слепой механизм бесконечности, который, как всепотенциональность, несет в себе возможность Всего, и именно в этом смысле – с позиции манифестационизма, в котором всё циклично повторяется и который утверждает Единство Всего – Свет оказывается вечен. Это значит, что полное исключение принципа Света в манифестационизме невозможно, а фундаментальная возможность Света является ключом к его вечной актуализации – инферальному повторению одного и того же (не под таким ли углом зрения следует прочитывать философские озарения Фридриха Ницше и Мартина Хайдеггера?). Ночь Брахмы как игра чередуется со Днем Брахмы бесконечно и бессмысленно, и только креационистское единобожие говорит о том, что циклы будут остановлены и что всё имеет высший смысл, ибо Бездна и Свет лишь орудия в руках Бога – но не сам Бог. Именно радикальная трансцендентность и непостижимость Бога авраамизма выступает единственным залогом любой осмысленности, выводимой из абсолютной конечности Всего (превышающей, как подчеркнуто Гейдаром Джемалем, преходящую гибель сущего): всё поистине смертно только на карте креационизма, ведающего об Ином Боге, Который ставит Всему предел. Очевидно, что именно этот ключевой момент отсутствует в концепции хаософии, поверхностно играющей с двумя антагонистическими парадигмами, а потому неспособной дать четких ответов о неизбежности нового рождения Бытия и его вечного повторения. При этом, заигрывая с индуизмом и сохраняя видимо манифестационистский подход к проблеме, хаосгностицизм немотивированно заимствует у креационизма как жесткую дуалистическую постановку собственной философии, так и чисто монотеистический взгляд на конечность победы одного из начал над другим, отнюдь не задаваясь какой-нибудь аргументацией, либо серьезным обоснованием подобного рода хаотического (sic) эклектизма в его наложении на идеи взаимосвязанности и Единства сущего – что, впрочем, вполне соответствует воцарившемуся даже в оккультной среде хаосмистскому духу постмодерна. В итоге смешение адвайтаведантского холизма с дуалистическими доктринами зороастризма, манихейства и гностицизма приводит не только к двусмысленным теоретическим суждениям, но и к произвольному употреблению имен и символов, основанному не столько на Традиции, сколько на индивидуальном произволе (как правило, ничем не обоснованном) прочтения.

В данном аспекте должно указать на самый явный пример, а именно на употребление в хаософском культе (сущностно анти-логоцентристском) полярного символа Звезды (Черного Солнца), который указывает на нетождество и нерастворимость сакрального Субъекта, высвеченного среди Бездны Ночи Светом «черным, еще более черным, нежели само черное». В отличие от традиционной герменевтики, в которой пара Звезды и Ночи является знаком метафизического дуализма, двойственности Бытия и Небытия, заложенной в логике манифестации, гдеуровню абсолютного Хаоса соответствует именно беззвездная Пучина неразличности – современный хаос-гностицизм, исходя, возможно, из неверной интерпретации понятия «Звезды Хаоса», введенного Алистером Кроули, придает ей однозначно «темное» толкование, удивительным образом противореча собственной доктрине, в которой Утренней Звезде отводится антагонистическая роль Демиурга. Недвойственное Чистое Бытие, обозначаемое в Традиции Звездой (ли-бо Осью миров), неразделено и является Светом непроявленным, зажигающимся в Первоокеане, что напрямую соотносится с идеей Логоса, который черным лучем пронизывает Бездну. В индуизме этот принцип отождествляется с именем Шивы, являющегося не только разрушителем, но и творцом (sic) реальности, соотносясь с символом Черного Солнца, либо Зари Утренней (Lucifer), которая зажигается перед рассветом, предвещая рождение космического Дня – и Зари Вечерней (Vesper), предвещающей наступление вселенской Ночи. Таким образом, то, что хаософия дуалистически отрицает под именем Демиурга, при более внимательном рассмотрении является тем же, что в иных местах под вводящей в заблуждение формулировкой «Черный Логос» возносится ею как одно из наиболее устрашающих олицетворений бога «жарящегося» Хаоса. Но поскольку Хаос в абсолютном понимании не знает разделения как чистое Небытие, любое проведение в нем градации на образы Шивы и Шакти, как и измышление в нем темных демонических иерархий, не просто ошибочно, но является не чем иным, как символическим выражением столь ненавистной для хаос-гностицизма космогонии (парадоксальным образом указывая на уровень отрицаемого им же множественного Бытия). Анализируя ключевой гримуар хаософии, перечень подобных нелепостей можно продолжать сколь угодно долго (чего только стоит тезис: «Хаос – это многомерный план, имеющий бесконечное количество временных и пространственных измерений, в отличие от космоса»!), однако мы считаем разумным остановиться. Ввиду всего вышесказанного нам лишь остается задаться вопросом: может ли быть случайным игнорирование семантики традиционных

символов и метафизических истин и их ни чем не мотивированное использование в перспективе так называемого «хаос-гнозиса» и подобных ему псевдо-учений, или же мы имеем дело не столько с их сознательным смешением, сколько, в действительности – с банальным сатанистским невежеством?

Против Света Тьмы: к философии Логоса

Концепция Демиурга-Света, который ранними гностиками отрицался как «неведающий» о превосходящем его Боге, «бывшем» предвечно, не столь однозначна, как это принято считать в некоторых радикальных средах, на чем мы считаем необходимым остановиться более детально. Несмотря на присвоение «косному Богу» имени Творца, Демиурга (гр. Demiourgos), изначальной причиной творения древними гностиками признавался всё же именно Дальний Бог, опосредованно творивший руками незнающего Иалдабаофа и архонтов – последние, как подчеркивается в Апокрифе Иоанна и других гностических текстах, не ведали о Духе Божьем, вложенном в Его проявленное творение (Адама). Таким образом, отрицается «фальшивый Демиург», в отличие от подлинного, который неведом Свету Чистого Бытия. Этот момент очень четко выявлен и в Коране, в словах Аллаха, обращенных к Иблису-Свету: «Поистине, Я знаю то, чего вы не знаете!» При более внимательном изучении традиций Откровения, говорящих о Единственном (но не холistically Едином) Боге, также выявляется более сложная картина, которая перечеркивает поверхностное отождествление Единственного Бога и «фальшивого Демиурга». А именно: Первосвет, или Первослово (гр. Logos), отождествляемое как с Христом, так и с Люцифером, то есть первое проявление из Ничто, не является самим Богом Откровения, но только Его первым, наиболее совершенным творением – позднее, как указано и в Библии, и в Коране, и с вариациями, в гностических текстах – восставшим против Господа по гордыне, продиктованной его неведением сокрытого Божьего промысла. Этот Свет, как говорит Книга Бытия, рожден из Бездны, которая ему предшествует, будучи всевозможностью, Чистым Небытием, могущим быть преображенным в полноту Бытия. Но религии Откровения четко идентифицируют свое знание о Боге как о божественном Субъекте, Deus Absconditus, который предшествует и самой Бездне, творит ему из Ничто, из Хаоса, который таким образом возникает «единовременно» со Светом, «будучи» его возможным основанием. Ибо Сокрытый Бог, который вне Бытия

(Света) и вне Небытия (Тьмы) предшествует метафизическому Всему и не совпадает ни с чем. Это четко расставляет акценты относительно того, что Бог монотеизма (и гностицизма) не тождественен Первосвету (Иблису, Люциферу, «фальшивому Демиургу»).

В то же время освещение концепции ариманизма и современной хаософии, открыто взывающих к принципу Бездны, которая давит на Свет, Космос, и которая в назначенный час сотрет его со своего лица, позволяет нам более детально обратить внимание на абсолютную трансцендентную сущность идеи Иного Бога – Бога единобожия, которому посвящен философский дискурс трактата Гейдара Джемала «Ориентация – Север». Несмотря на то, что обращение к поре Ночи, предшествующей Дню, является шагом, говорящим о более высоком уровне восприятия природы Бытия, подобное метафизическое заключение не является основанием для возможного отождествления языческого и монотеистического представлений об Изначальном. Только исходя из восточной идеи не-двойственности, сущностно Свет и Тьма суть Одно: Сат есть Асат. Однако с точки зрения как гностицизма, так и других монотеистических концепций, элементы которых избирательно заимствованы в некоторых современных редакциях сатанизма, взывание к Тьме, понятой в самом высшем смысле, является стремлением к Бездне, которая есть Ничто, но которая тем не менее и не является истинной причиной и истинным воплощением Бога: Бог не только не Бытие, но и не Небытие. Поэтому завуалированное в канве некоторых учений отождествление истинного Неведомого Бога с Бездной, будь то под именами Брахмы или Шивы, сущностно противоречит духу гностицизма и монотеистического учения, которое сверхдуалистически упраздняет классический манифестационизм. Истинный Бог, согласно Откровению, тем и превыше Всего, что он нетождественен не только Свету, но также и Тьме – как и их Единству: Он не имеет ни с чем общей меры. Он – Иной для Всего, и потому Он истинный и единственный Субъект, единственный Победитель: «Он не рождал и не рожден» (Коран), и Он не имеет сотоварищей, ибо трансцендентен в отношении любой возможности, «являя» себя как чистая не-возможность. Иначе если Свет произвольно, генетически, как одна из множественных потенций Хаоса, рождается из Хаоса «сам по себе», как это мыслит архаическое языческое сознание, тогда Свет вечен, ибо ни одна потенция Хаоса не может быть упразднена навеки, что означает вечное рециклирование одного и того же, бесконечное повторение сценария манифестации, что в ключе философии равно-

ценно сознательному отказу от Смысла, который, в свою очередь, является не чем иным, как идеей Абсолютного Конца.

Таким образом, учитывая частое ложное сравнение в разных кругах Бога монотеизма с Демиургом (понятом в негативном смысле), стоит отдельно подчеркнуть вышеуказанные моменты, подтверждаемые внимательным и непредвзятым прочтением Священного Писания, поскольку, похоже, это продолжает быть язвой как современных сатанистских и хаоситских манифестационистских групп, так и реконструированного неоязычества – ибо тогда непонятно использование некоторыми из них базисных идей гностицизма, который, в свою очередь, был преимущественно христианским, под знаменем Христа радикально ориентированным против концентрационного Бытия (см. проблему происхождения канонического Евангелия от Луки, его соотношение с редакцией Евангелия Маркиона, в котором Иисус предстает посланником от Чуждого Бога, ранее сокрытого от человечества). Это заставляет более внимательно анализировать как истоки антидемиургических идей, так и их последующее искажение, главным образом официальной церковью, выстроившей свою теологию на псевдоапофатике, связанной с обожествлением Сына Божьего и признанием его единственности Богу-Отцу, что в перспективе строгого креационизма не может пониматься иначе, как обращение к неоплатонической манифестационистской парадигме, «эллинизму», то есть идолопоклонству, осужденному Ветхим Заветом и Кораном. Тут же следует бегло отметить и слишком разнородное прочтение дихотомии Христа-Антихриста и двусмысленность, с ней связанную, в особенности после Никейского собора, когда идея Христа была фактически отождествлена с принципом Логоса, и таким образом это имя (отнюдь не случайно) наложило на уровень, понимаемый нами как Демиург-Люцифер (на что однажды указал и Гейдар Джемаль, равно как и многие другие авторы). Об общности же символизма Христа, Гермеса, Денницы, Мелек-Тауса, как и иерархических соответствиях между ними, при случае должно провести отдельное исследование. Таким образом, концепция тринитарного христианства, с точки зрения последовательного монотеизма, вызывает большие сомнения, и таким образом, не может рассматриваться как аргумент в пользу трансцендентальной креационистской модели – но, скорее, наоборот, парадигмально она более близка к идее Единного (но не Единственного) Бога, чего, похоже, не замечает, либо не желает признавать большинство ее критиков-манифестационистов.

В связи со всем, намеченным нами выше, для простоты обобщения следует выделить три основные духовные концепции, данные человеку: 1) культ Бытия, то есть культ Логоса и Космоса, проявленного Света (понятого как экзотерически, а именно как подчеркнутый пантеизм, так и эзотерически, как культ Чистого Духа – что включает дихотомию Света Белого и Света Черного соответственно); 2) культ Небытия, то есть культ Хаоса, предвечной Ночи, из которой рождается Свет (аналогичным образом понятой как диалектическая «сумма» Тьмы проявленной и непроявленной). Две эти концепции сводятся к общему знаменателю в идее не-двойственности, противостоя друг другу только формально, поскольку, исходя из логики манифестационизма, Свет порожден Тьмой, они связаны генетически, поэтому возврат светового Эфира в лоно Хаоса в инициатическом срезе принципиально возможен, а видя в этой перспективе предстает как знание о Единстве Света и Тьмы, об истоковости Единого как неразделенного. Но третья концепция исключает две предыдущие: это 3) гнозис об Ином Боге, о Божественном Субъекте, Который нетождественен ничему, а потому выступает единственной причиной Всего, не будучи ни Светом, ни Тьмой, ни их Единством, и Который ни с чем генетически не связан (доктрина креационизма), но творит Всё (Бытие) из Ничто (Небытия). Именно это и является сущностью единобожия, которая отличает его как от онтологической веры в Космос, так и от деонтологической веры в Хаос, ибо для Того, Кто абсолютен, равноудалено Всё: и Ночь, и День, и в бесконечности Его замещает смертный человек, принцип которого в Бытии символизирован священным Черным Камнем (см. формулировку Гейдара Джемала относительно человека как воплощения не-тождества и смерти-в-себе). Человек в своем сердце носит Черный Камень, противопоставляющий его как Бытию, так и Небытию (ибо искра Божья вложена в человека субъектным Богом, творящим и Хаос – и из Хаоса). Исходя из этого, возможно задаться вопросом о том, какое объяснение манифестационизм может дать пара-доксальности (внеопытной сущности) религии Откровения, которая единственная по-настоящему противопоставляет человека лже-Демиургу, и которая дает человеку знание извне о Том, Кто, не будучи Светом, предшествует и самой Бездне? Как двусмысленно заметил Фридрих Ницше: «Человек будущего – это тот, у которого самая длинная память». Не потому ли человек единобожия наследует небывшее будущее, вместо возврата к пустому прошлому?

Приведенную нами третью концепцию должно четко отличать от идеи

Чистого Бытия, Света Светов, символизированного Черным Солнцем Полночи, ибо относительно Другого Бога, превосходящего принцип самотождества, Слово является лишь инструментом, тогда как Иной Бог не может быть обозначен ничем (в этом отношении следует указать на некоторую двусмысленность первой работы Гейдара Джемала «Ориентация – Север», использующей символы, близкие к суфийским концепциям Светового Логоса, а потому уязвимой для инициатической реинтерпретации). Это означает, что само понятие Творца, Демиурга, приобретает многоуровневость прочтения. Исходя из зороастрийских, суфийских и гностических доктрин, под (ложным) Демиургом понимается принцип Белого Света, Полдня, утверждающего полноту космического вселенского Бытия, и диалектически противостоящего истинному Логосу, как Юг противостоит Северу (что опосредованно открывает и Рене Генон в своем труде «Царь Мира», указывая на соотношение уровней Царя Мира и «князя мира сего», Ianus Coeli и Ianus Inferni, сводимых в иудаизме к неоднозначному образу Метатрона, Ангела Лица Господня). В традиционном символизме Север (как Полночь) предстает ориентацией на Первоинтеллект, Утреннюю Звезду, Слово, совершенное творение (sic), Дух Чистого Бытия, идеальная сущность которого заключается в принципе андрогинного самотождества Единицы, изображаемого как Черный Свет, постигаемый лишь самим собою, и эманацией которого являются все другие световые манифестации. Однако в контексте креационистского прочтения Откровения и этот, видимо высочайший, уровень предстает Богом не истинным, ибо Абсолютный Бог превосходит принцип проявления и всегда «вне» Всего, предшествуя как изначальному Свету, так и изначальной Тьме чистого метафизического отсутствия (это также может соотноситься с прочтением греческого оригинала Евангелия от Иоанна, в котором понятие Theos разделено на две отличные концепции – супотреблением определенного артикля и без, что в русском языке может быть передано написанием слова «Бог» с заглавной и строчной букв соответственно). В креационистской перспективе, в некотором отношении не исключающей логику манифестационизма для всего, что не является Абсолютным Богом, идея «ложного Демиурга» соотносится не только с уровнем Белого Света упорядоченного Универсума (Nous в его первичном философском понимании), но также и с уровнем Черного Света Инобытия – таким образом, истинный Бог (истинный Творец и Первопричина всего) понимается как ноуменальный Субъект, вынесенный за «скобки» любой пространственной ориентации, сакрального числового ряда и самой возможности какой-либо знаково-

символической идентификации. Более того, какие-либо попытки подобного рода будут лишь неизбежно вести к идее предельного Бытия, Севера, что не может означать ничего другого, как подмену Единственного Бога – Ангелом Лица. «А говорил в сердце своем: “взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему”».

А. Вольнский АРХЕОГНОЗИС

Εὐάρχη... В начале сотворил... Творение предшествует бытию. Творению предшествует воля.

Главный специалист по Бытию, Хайдеггер, пытавшийся найти тайну основания Мира в идеях греческих мудрецов, завершает свою тринадцатую лекцию из цикла «Положение об основании» («Der Satz vom Grund») набором эзотерических фраз:

«Почему играет, увиденный Гераклитом в Эоне, великий ребенок мировой игры? Он играет потому, что он играет. Это “потому” погружается в игру. Игра есть без “почему”. Она играет, пока она играет. Она остается только игрой: чем-то высочайшим и глубочайшим. Но это “только” есть Всё, Единое, Единственное».

Мир как Воля и Представление

Хотя Майя, покрывало обмана, застилает глаза смертным и заставляет их видеть мир, о котором нельзя сказать – ни что он существует, ни что он не существует, – можно смело утверждать: вся информация от органов чувств и есть Представление. Эта информация может быть обманчивой, но она является данностью. Для дальнейшего рассуждения надо лишь отметить, что Представление порождает категории объекта и субъекта, причем обе составляют только части Представления. Если некий Субъект заявит, что он «пал жертвой страшного заговора», и что его «органы просто подключили к программе “Матрица”, которая моделирует весь Мир», и в то время, как все чувства говорят ему, что «Субъект идет по Нью-Йорку, в другой реальности его тело лежит в напичканной проводами колбе», то возразить нам ему будет нечем, да и незачем, ведь и мы, и он сам в данном случае – только порождения погруженного в колбу мозга. Любое наше заявление о Представлении всегда будет субъективным, а поскольку любой субъект принадлежит собственному представлению, то для нас самих и непроверяемым. Это может быть определено нами как теорема о неполноте философии. Шопенгауэр выходит из проблемы непроверяемости субъективизма достаточно образно: «Как серьезное убеждение его можно найти только в сумасшедшем доме, и тогда оно требует не столько аргументов,

сколько лечения. Мы будем рассматривать этот выступающий против нас скептический аргумент теоретического эгоизма как маленькую пограничную крепость, которую, правда, никогда нельзя взять, но и гарнизон ее тоже никогда не может выйти наружу, поэтому ее можно смело обойти, не боясь оставить в тылу».

Если признать, что за пределами представления об объектах находятся их реальные источники, то что мы можем сказать о природе этих источников? Кант называет эти источники «вещами в себе» и утверждает их принципиальную недостижимость для чистого разума. На примере многочисленных софизмов, антиномий и парадоксов Кант доказывает явную ограниченность категорий причинности, пространства, времени, качества и так далее. Шопенгауэр в основном согласен с Кантом, но утверждает, что есть такая «вещь в себе», которую человек может постичь. Это его собственная воля.

«Мы показали, что совершенно невозможно проникнуть в существо вещей извне. Как бы далеко мы ни заходили в своем исследовании, результатом будут только образы и имена. Мы уподобляемся человеку, который, бродя вокруг замка, тщетно ищет входа и между тем срисовывает фасад. И, тем не менее, именно таков был путь, которым шли все философы до меня». Штурм замка Шопенгауэр предпринимает изнутри. Единственный объект, в суть которого человек может проникнуть однозначно, это его “Я”. «Субъекту познания его тело дано двумя совершенно различными способами: во-первых, как представление, как объект среди объектов, подчиненный их законам; но в это время оно дано и совершенно иначе, а именно, как то, что непосредственно известно каждому и обозначается словом воля. Действие тела есть не что иное, как объективированный, то есть вступивший в созерцание акт воли. Тело я назову объектностью воли. Можно поэтому в известном смысле сказать также, что воля – это априорное познание тела, а тело – апостериорное познание воли».

Если изобразить мысли Шопенгауэра грубо и наглядно, то Воля (с большой буквы) выглядит своего рода бурлящей протоплазмой, отдельные всплески которой и выступают в качестве индивидуальных «воль», познаваемых априорно их носителями. Но вид собственного тела человеку доступен только в конкретном опыте, а следовательно, Тело – это просто объект, результат объективации Воли. Разумеется, Шопенгауэр пользуется лишь *denominatio a potiori* (наименование по преобладающему признаку), вследствие чего понятие воли

получает гораздо больший объем, чем оно имело до сих пор. Непосредственно понятную нам внутреннюю сущность проявления воли мы должны мысленно выделить и перенести затем на «внешние», «трансцендентные» проявления той же сущности.

Идеи и Архэ

Для познания человек – главная аксиома, и это утверждается нами вовсе не из антропоцентрической гордыни, но от скудности средств самого познания. По аналогии с введением Воли через Тело попытаемся ввести «идею» через мышление. Объективации мышления служит язык. Но само мышление существует до речи и письма. Идея – это феномен доязыкового мышления.

Со времен Платона философов мучит проблема: существуют ли Эйдосы вне человеческого сознания. На первый, материалистический взгляд, это абсурд, но чем вещественным можно обосновать порядок в геометрии? Чем обосновать музыкально-математическую гармонию Космоса?

Стремление к систематизации является одним из наиболее фундаментальных условий сознания. На языке мифа порядок и беспорядок именуется соответственно «Космос» и «Хаос». В мир хаоса досократики вводят безусловную и неизменную точку опоры. По словам М.К. Мамардашвили, Фалес, Анаксимен и Анаксимандр нащупали единое бытийное основание мира, потому что только там, где есть бытие, можно что-то высказывать, а значит, и мыслить. «Архэ» не является материальным веществом, а является принципом. Материя «Архэ» – это мистическая, духовная материя. Сущностное вещество, составляющее дух. Если подняться несколько выше грубо-материальных образов, то и Воля у Шопенгауэра – это не булькающая протоплазма, порождающая объекты, а принцип, порождающий Идеи. Дао порождает Дэ, каббалистический Эйнсоф наполняет Келим светом, Единое пифагорейцев порождает числовой ряд и его комбинации.

Закон основания и Материя

Идея, в общепринятом смысле, есть продукт нашего творческого мышления. Мы знаем абсолютно только результаты своего творчества. Человек и есть Единое, источник Эйдоса. Мы и есть Демиурги,

переводящие Хаос в конкретные формы Космоса своим Логосом. А потом один из нас творит Миф о Едином и его Эйдосах, второй об Эйнософе и ницот, третий о Воле и ее объективации. В моем мифе Душа и Тело – это модусы Закона. Идеи законам не подчиняются.

Беззаконие Идеи можно усмотреть в таком поэтическом отступлении А.Ф. Лосева: «Платон понимает Эйдос – как бесконечно гибкого, бесконечно утонченного умнейшего хитросплетателя и эротически экзальтированного прекрасного юношу, имеющего столь же прекрасное тело, поступки, слова и жизнь. Это, несомненно, прелестный юноша – как в смысле общеэстетической терминологии, так и в смысле той аскетической терминологии, где прелесть равносильна душегубительному обману и мареву, выступающим под видом красоты, ласки и добра. Безличным, безличностным холодом эротического наваждения и привидения означена и вся платоновская Идея. Она мраморное и холодное ничто, прекрасная любовная галлюцинация, непорождающий фаллос, гипнотизирующая резкость очертаний блудливого тела, антисоциальный экстаз головной диалектики, бесовская “прелесть” и разгорячение, увертливый и похотливый оборотень».

В том, что прелесть – это еще и искушение, Шопенгауэр удивительно перекликается с Лосевым: «Искусство – способ созерцания вещей независимо от закона основания, в противоположность такому рассмотрению вещей, которое придерживается последнего и составляет путь опыта и науки. Второй из названных способов рассмотрения подобен бесконечной, горизонтально бегущей линии, а первый – пересекающей ее в любом пункте перпендикулярной. Тот, что следует закону основания, – это разумный способ созерцания, который только и имеет значение и силу как в практической жизни, так и в науке; тот же, который отклоняется от содержания названного закона, – это гениальный способ созерцания, единственно имеющий значение и силу в искусстве. На первой точке зрения стоял Аристотель, на второй, в целом, – Платон. Первый способ подобен могучему урагану, который мчит без начала и цели, всё сгибает, колеблет и уносит с собою; второй – спокойному лучу солнца, который пересекает путь этого урагана, им совершенно не затронутый. Первый подобен бесчисленным летящим брызгам водопада, которые, постоянно сменяясь, не успокаиваются ни на миг; второй – радуге, которая тихо покоится на этой бушующей стихии».

Лучи солнца, радуга – это только видимость, иллюзия, прелесть, искусство. В реальности всем руководит Закон причины и следствия. Это

и есть линия Аристотеля. В реальности есть только ураган, брызги. Однако линия Платона и линия Аристотеля не противоречат, а дополняют друг друга, задавая плоскость Представления. Объекты на этой плоскости похожи на комплексные числа, содержащие действительную и мнимую составляющие. Они, как изображение, формируемое светодиодами экрана, имеют источник в памяти видеокарты и приемник в зрительном центре наблюдателя. Вектор потока «аристотелевой информации» – это нормаль к плоскости «платоновского экрана».

Согласно Шопенгауэру, и законы логики, и законы физики, и законы физиологии составляют Закон основания. Сам этот Закон и все его составляющие служат операторами материи в нашем сознании. Материя – это отношения. Материя – это не конкретный стол, но те отношения вне человеческого Представления, которые позволяют этот стол наблюдать.

Тут следует задать вопрос: между какими множествами возникают материальные отношения, что составляет область определений материальных операторов? Ответ – кванты. В онтологии Шопенгауэра это «кванты» Воли. В физике это кванты действия величиной с константу Планка. В логике это то, над чем производят логическую операцию. Некоторые могут не согласиться с тем, что квант действия можно сопоставить с логической единицей. Однако логическая единица – это просто чистый квант бытия, квант вообще. Единое самоотрицается через число и самоутверждается в Единице. У каббалистов Эйнсоф сокращает себя, а выделенное материальное пространство заполняет искрами.

Говоря о материи как Законе основания, трудно обойти проблему душевно-телесной, психофизической динамики. Декарт считал бессмертную душу пребывающей в единственном непарном органе мозга, центральной железке. Из этого командного пункта душа руководит телом и выходит на связь с Богом. Субстанции для тела и души Декарт называл *res extensa* и *res cogitans*. Спиноза ввел единую субстанцию *Natura naturalis*, которая есть «причина самой себя» (*causa sui*). Декартовы *res cogitans* и *res extensa* у Спинозы становятся двумя из бесконечных атрибутов субстанции, а мысли и вещи стали проявлениями «модусами» субстанции. Выражаясь языком теологии, тело и душа единосущны, как лики на иконе Рублева.

Современная наука имеет тенденцию впасть в декартовский дуализм.

Виной тому математика. Если в законах механики всегда можно функционально склеить математический и физический модусы, то электродинамикой всё гораздо сложнее, а физику волновой функции микро-мира некоторые сознательно игнорируют.

Всесилие математики заключается в том, что она единственный, абсолютно доступный нам «модус существования» материи. Причем математика – это вовсе не искусство, ибо подчиняется Закону основания. Но тут мы подходим к очень важному моменту. Так же, как математика, Закон основания – это модус существования материи. Но, будучи Законом основания, он может обосновывать как осуществившиеся, так и потенциальные следствия. Как это не удивительно, но большинство построений «чистой» математики находят себе физические модусы, а если и имеются абсолютные абстракции, то их всегда можно отнести к потенциальным следствиям Закона основания. В материальном мире разрешено всё, что не запрещено Законом основания.

Потенциальность

Отрицание существования какого-либо объекта одновременно предполагает его потенциальное существование, в противном случае отрицать было бы попросту нечего. В 1904 г. Мейнонг выпустил в свет свою «теорию предметов»: отрицаемые объекты существуют в небытии, тогда как само отрицание высказывается относительно бытия и означает несуществование в последнем. Год спустя Рассел выступил с критикой теории предметов, указав на ее противоречие законам логики («круглый квадрат одновременно и круглый, и не круглый и т.д.»). В борьбе за логический позитивизм Рассел сузил область определения понятия «объект», распространив его только на предметы, удовлетворяющие законам логики. Но если, вслед за Шопенгауэром, признать, что Идеи не подчиняются Закону основания, то парадокс «объектов небытия» разрешается.

Хотя понятие «потенциального бытия» было введено еще Аристотелем, его онтологический статус уверенно расширяется квантовой механикой и кибернетикой. Первая описывает «потенциальное бытие» в терминах «вероятности», вторая в терминах «цели». Уравнения квантовой механики выдают только функции распределения параметров, то есть потенциальные их значения, которые затем можно подтвердить или опровергнуть статистикой измерений. Кибернетика,

в самом общем смысле, занимается управлением или воплощением целей, «идей», возникших в «командном блоке» или вложенных в него программ. Кибернетика превращает «потенциальное бытие» в действительность.

Для Гегеля «действительность есть ставшее непосредственным единство сущности и существования, или внутреннего и внешнего». Сущность это и есть Идея. Действительность есть актуальное бытие. Возможность – это потенциальное бытие, будущее, содержащееся в настоящем, Идея о вероятной действительности. Возможность еще можно определить как степень свободы, дополнительную ось в пространстве. Эта степень свободы может быть реализована или не реализована, но она существует.

Достаточно глубокий онтологический анализ «потенциального бытия» проводит Севальников в поисках ответа на вопрос: «каким образом существуют квантовые объекты?». Поиск предлагается начать с отказа от некоторых категорий, свойственных классическим представлениям. Основой формирования классического естествознания явилась метафизика Декарта с ее различением и противопоставлением *res cogitans* и *res extensa* – субстанции мыслящей и субстанции протяженной. Вслед за В. Гейзенбергом и Н. Бором, часто говорят о необходимости отказа от дуализма субстанций, от разделенности сущего на материю и сознание. Севальников предлагает отказаться не от дуализма тела и души, а от понятия субстанции.

Существуют два типа изменения волновой функции: 1) динамическое, непрерывное изменение, описываемое уравнением Шредингера, и 2) скачкообразное изменение во время измерения – редукция волновой функции. Первый процесс описывает происходящее на уровне «потенциальных возможностей», или того, что еще реально, действительно не существует. Только во время измерения происходит осуществление, актуализация возможного. В квантовой механике понятие возможности, вероятности по сравнению с классической механикой существенно изменяется. Оно онтологизируется, становится фундаментальным. Эта «объективная вероятность» или «потенциальная возможность» («*potentia*»), как раз и есть понятие, противоположное понятию субстанциальности, «сущего самого по себе».

Расширение принципов

Архэ – это потенциальный код, организующий Законы основания. Эти

законы обычно называют «законами природы», но к ним относятся и законы мышления, и алгоритмы технического и социального развития. Законы основания – это только потенциальный модус Материи, они есть сущность, содержание. Реальным модусом выступает форма. Уточним, все эти понятия относятся только к Представлению. Никаких «законов природы», «модусов» вне Представления нет. Есть только Мировая Воля.

Поскольку Законы основания относятся к потенциальному модусу, то Архэ можно описывать как принцип, организующий все возможные смыслы. Как оно их организует? «Эон – дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле!» – кроме того, что мир просто есть, и что он подчинен слепой случайности, мы ничего сказать (исходя из самого мира) не можем. В поисках объяснения надо обратиться к Архэ, а потому любое объяснение сущего будет по отношению к самому сущему трансцендентно.

Суть возникшей здесь трудности точно отражена в исследовании французского ученого Жана-Франсуа Прадо: «Гераклит искал примирения двух гипотез, которые на первый взгляд могут показаться противоречащими друг другу: с одной стороны, что всё движется и изменяется, с другой стороны, что существует мир, единый и упорядоченный, послушный закону и мере».

Сущее воинственно, поскольку раздроблено на бесчисленное количество элементов, переходящих друг в друга, ограничивающих друг друга, уничтожающих друг друга. Сущее – это знак (Оракул ничего не утаивает, а подает знаки), и лишь восприняв его в качестве знака, мы сможем его преодолеть и достичь Архэ. И наоборот, отказавшись полностью от сущего, мы упустим последний шанс познать Истину. Вопрос в том, каким образом преобразовать мировую чехарду элементов в стройную систему значений, как можно что-то увидеть в бессмысленном движении элементов, к чему мы можем трансцендировать материю.

В решении этой проблемы проявляется философский гений Гераклита, ибо тут мы впервые встречаем стройный и тонко разработанный метод преодоления пропасти, лежащей на пути к бытию. Этот метод получил наименование диалектики. Мы находимся в центре гераклитового Полемоса и вынуждены наблюдать непрерывный процесс смены дня и ночи, войны и мира, сытости и голода, тепла и холода. Нет смысла блуждать взглядом по поверхности, надо смотреть вглубь явлений,

читать между строк. Другими словами, Архэ проступает в зазоре противоположностей.

Но почему Архэ Гераклита – это Огонь? Идея поставить во главу метафизики событие (время) была впервые предложена Уайтхедом в работе «Наука и современный мир»: «Мы должны начать с события, приняв его за конечную единицу природного явления. Событие должно иметь отношение ко всему существующему, в том числе ко всем другим событиям». Необходимость смены научной парадигмы в данном ключе среди ученых, исследующих физические принципы устройства окружающего мира, по-видимому, впервые была осознана и провозглашена И. Пригожиным. По его мнению, необратимость (термодинамическая) не может быть выведена из законов взаимодействия материальных объектов. Необходимо заново пересмотреть эти законы, исходя из признания необратимости в качестве исходного постулата. Но про необратимость у Платона написано: «Гераклит говорит, что всё движется и ничего не стоит, и, уподобляя сущее течению реки, прибавляет, что дважды в одну и ту же реку войти невозможно». А термодинамика – это физика Огня.

Архэ и Время

Наблюдатель ощущает, что два следующих непосредственно друг за другом события разделены некоторым промежутком времени, благодаря тому, что он воспринимает и другие события, заполняющие этот промежуток. Смотрит на часы, на светила, ощущает собственный пульс. Если бы между двумя фиксированными событиями других событий не было, то, даже априорно понимая сущность времени, непосредственно измерить соответствующий им промежуток времени было бы невозможно. Но если время – это линейная последовательность событий, значит должна существовать система, которая эту цепь производит. Некие Гиперчасы под названием Мир. Собственный мир этой метасистемы трансцендентен по отношению к собственным мирам порождаемых ею систем так же, как трансцендентен мир часовщика по отношению к собственным мирам, создаваемых им часов.

Бытие и время взаимно определяют друг друга, однако так, что ни первое – бытие – нельзя рассматривать как темпоральное, ни второе – время – как сущее. Распространенную точку зрения на проблему

отношения бытия ко времени Уайтхед выразил значительно определеннее и короче: «событие имеет современников». Имеется в виду, что настоящее есть множество одновременных событий. Даже Большой взрыв отличается от времени «когда времени не было» тем, что был взрыв, нарушивший единство (расширение пространства – это взаимное смещение точек пространства). Хотя каждый из нас, опираясь на собственный опыт, готов присоединиться к этой точке зрения, философия и естественные науки до сих пор не имеют внятного мнения о бытии и времени. В чем здесь дело?

Гипотеза одновременности событий, или событий, происходящих синхронно по «команде», порождает ряд неприятных проблем. Одновременные события либо причинно не связаны, либо причинно-следственная связь одновременных событий осуществляется мгновенно. Здесь первое противоречит нашему знанию об окружающем мире, второе требует бесконечно большой скорости передачи сигналов. Кто или что обеспечивает синхронность немислимого количества различных цепей событий? Ответ: Архэ.

Архэ – это атемпоральная Мировая Воля, актуализирующаяся в квантах физического действия равных постоянной Планка. В Мире тикают не часы, но события.

Каждое событие, каждый миг, каждая жизнь порождают условия для новых событий и жизни в Едином Мире. Единое через волевой акт самоотрицания хаотизируется. Кванты действия, в силу единства источника, организуются в гармоничный Космос – софийный знак Архэ.

Ребенок действительно играет потому, что он ребенок. Но станет ли Эон Архонтом?

История

История человечества воспринимается как описание деяний пассионариев. Для философов, социологов, экономистов, психологов история служит лабораторией по проверке их теорий и концепций. Однако тут скрываются труднейшие методологические проблемы, касающиеся статистической достоверности и системной сложности. Единственным неоспоримым историческим фактором действия является человеческая воля, но воля коллективная. Деятельность пассионария не стоит и гроша, если не выражает волю социума или не влияет на

нее. А обращение пассионария к воле есть его приобщение к «Архэ», его вступление на территорию археосферы. Именно в нем высшие принципы, руководящие миром, обретают форму человеческого существа. Мифы о Золотом Веке, о Героях, о царях и пророках создавали символы личного примера. Роль исторических мифов в процессе социализации огромна, «национальная история» – это и есть мораль в действии – мораль, потому что в археосфере эстетическое неотрывно от этического, прекрасное – это и есть нравственное, особое – это и есть принадлежащее всему мировому целому и выражающее волю последнего.

Пока этнос успешно справляется с задачей «национального строительства», историю хранят и украшают. Но кризис может привести к «забою священных коров», поскольку часто вместе со старыми ценностями расправлялись и с их хранителями. Новые формы социальной организации и соответствующие им нормы поведения чаще всего привносились внешними влияниями: либо силой оружия, либо силой примера, либо и тем и другим. Исторический успех этноса сводится, в конечном счете, к числу переданных или навязанных окружению норм, генезис которых восходит к архаическим принципам.

Историю человечества можно кратко определить как отбор социальных норм. Поскольку нормы играют роль «Законов основания Природы» (юридический термин получил новое значение), то история – это и есть актуализация скрытых потенциалов Архэ.

Археогнозис: конец истории ради её начала

Человеческая психика очень пластична, но ограничена физиологическими параметрами вроде скорости реакций, размера памяти, пороговой чувствительности. Эти ограничения и определяют Человека как категорию философской рефлексии. Значительное изменение физиологии мозга как носителя Представления влечет за собой утрату «человечности». Искусственный разум может быть прекрасен и ужасен, но он не будет Человеком.

С появлением «Искусственного разума» эволюция Человека перейдет в стадию завершения, поскольку основной процент новаций будет исходить из «нечеловеческих» систем. Прообраз таких системы представляет собой Наука как глобальный инструмент по добыванию знаний. В пределе функция ученого сведется к передаче «Всемогущему»

желаний и жалоб людей по аналогии с нервами, передающими Сознанию ощущения голода, страха или скуки. Подобно тому, как у некоторых современных ученых, философов, писателей возникает острое желание заменить бранные тела людей на искусственные, так и «Всемогущий» сможет решить заменить «попрошаек». Это и будет абсолютным концом.

Тут я хочу вернуться к Шопенгауэру. Есть воля – есть представление, и если нет воли, то нет и представления. Наши тела суть источник воли. Социум есть наше представление. Самый совершенный робот будет представлять собой грудку железа без программы. Программа – это представление о должном, Идея. Идею, по Шопенгауэру, творит только Воля, но она «свободна» по определению. Тоталитарный режим, ставший рабом собственной тотальности, или «Всемогущий» кибернетический сверхразум, о котором мечтал Турчин, обречены на деградацию, если начнут подавлять свободу воли массовым устранением ее носителей.

Единственно возможным гуманным концом истории следует считать мир, в котором люди будут обуреваемы только одной страстью – жадной познания Архэ. Познание в философии – это включение нового объекта в представление. Познание в Библии – это любовь мужа и жены. Между философским скопчеством и одержимостью сексом заключен такой широкий спектр приложения творческих сил, что от него не откажутся самые анархичные пассионарии. Историческое познание, человеческое познание, познание самих себя, познание предельных оснований бытия – это археогнозис.

Археогнозис – это познание эсхатологическое, наука конца, абсолютное, всеохватывающее последнее знание, которое возвращает нас к самому началу: досократическому, а прежде брахманическому, а прежде – сверхрационалистическому, а прежде – к чьему-то самому первому взгляду на мир, а прежде – к самопознанию Божества и безграничному ведению Жизни Вечной. «Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь».

А. Бовдунов

ЭМИЛЬ ЧОРАН: ФИЛОСОФИЯ АГОНИИ

Проблематика национальной и духовной революции стала общим явлением для многих представителей интеллектуальной элиты 20–30-х гг. XX в. В этот период происходит рождение доктрин, объединенных под названием «консервативная революция» или «революционный консерватизм». Настоящий интеллектуальный взрыв, спровоцированный теми глубокими потрясениями, которые оказала на человеческое сознание Первая мировая война, вызвал к жизни блестящую плеяду мыслителей и руководителей революционных движений.

Из стран православно-византийской цивилизации, во многом, так или иначе близких к России, наиболее выдающихся результатов консервативно-революционная мысль достигла в Румынии, только что объединившейся после многовековой раздробленности и переживавшей национальный подъем. Межвоенный период стал временем расцвета национальной культуры, философии, богословия, периодом невиданного доселе духовного подъема. В точном соответствии с концепцией Константина Леонтьева, время наибольшей дифференциации румынского общества стало периодом серьезнейшего духовного делания.

Железная гвардия с ее удивительным пренебрежением ко всему имманентному, верой в преображение человеческого духа в алхимическом делании Революции, особым культом террора, смерти и воскресения, с ее православной мистикой и архаическими отголосками древних залмоксианских мистерий, стала выдающимся явлением во

всем консервативно-революционном движении, наиболее чистым и честным воплощением идей консервативной революции. Рождение нового человека и нового мира, преображение нации, ее «примирение с Богом», вот что было в центре внимания этих «безумцев», впрочем, безумцами они были только с точки зрения современного мира.

Исторический провал консервативно-революционных движений, в свое время вытесненных на обочину политического процесса коммунизмом, фашизмом и либерализмом, заставляет нас в попытках нахождения отправных точек для нашей сегодняшней деятельности производить ревизию их наследия. Каждое движение представляло собой целый комплекс идей, объединенных общей целью, общим мироощущением, но так разнившихся по отношению друг к другу по глубине экзистенциального накала, методике выражения, что только серьезный анализ может позволить нам нащупать в казалось бы старом новую точку опоры, ощутить те интуиции, которые заставят нас по новому взглянуть на мир и на ту ситуацию, в которой мы оказались.

С этой точки зрения, было бы интересно обратиться к наследию одного из парадоксальнейших философов XX-го столетия, антихристианина, ревностно защищавшего движение, ставившее себе целью «христианскую революцию», тотального пессимиста, написавшего гимн энтузиазму, интеллектуала до мозга костей, требовавшего «нового варварства», Эмилю Чорану. Мы не будем обращаться к поздним произведениям Чорана, написанных им в эмиграции, после поражения «Железной Гвардии», которую он горячо поддерживал. Нам интересен молодой парадоксалист, еще не испорченный «свинцовыми мерзостями жизни», а не обезображенный западным обществом и загнанный в угол эмигрант.

Центральной темой молодого Чорана было преображение нации, равно как и преображение человека. Это и была главная идея, связывавшая его с легионерами. Главный и принципиальный пункт. Впрочем, Чоран всегда был радикальнее самых радикальнейших из деятелей гардистского движения. Он был настроен более революционно, прославлял ленинский опыт и тот путь модернизации России, который осуществили большевики, был в восторге от возрождения языческого духа в Германии 30-х, что было совершенно немисливо для христиан-гардистов. С самого начала, в своей книге, «Преображение Румынии»¹⁾, он начинает с того, что решительно отвергает прошлое, кажущееся ему

1) Cioran E.M. Schimbarea la fata a Romaniei. Bucuresti. Humanitas. 1990

недостаточно великим, подспудно критикуя таких своих друзей, как Мирча Элиаде за излишний «традиционализм».

Отвержение старых богов, старых ценностей, ценностей ветхого мира было настолько тотальным, что доходило у писателя порой до полного нигилизма. Он сознательно отбрасывал всё то, что могло бы выполнить роль «спасительного» якоря: например, такие вещи как религия или народные традиции, пытаясь дойти до самой сути, до того, что не может стореть или испортиться, до того невидимого ядра, вокруг которого только и можно создать новую натуру, нового человека, новый мир, новую нацию. Только дойдя до полного разочарования, мы можем достичь основ новой жизни, только освободившись от тягостного груза разлагающихся, мутировавших, псевдотрадиционных остатков, можно создать только что-то поистине великое.

Чоран понимал нацию не как данность, но как задание, нация не мыслилась иначе как в связи с наивысшим моментом в ее истории, как то, что только будет создано и явится результатом нового миропонимания и мироощущения, выработанного в результате сочетания революционной деятельности, направленной на преобразование человеческой личности и особого типа пессимизма, трезвого понимания безысходности и трагизма сложившейся ситуации, осознания бессмысленности и ужаса существования, когда ощущения кошмара и агонии, боль и страдание станут тем, что только и сможет перековать человека и вызвать к жизни новую эпоху. Жизнь на грани смерти, их сочетание в той форме существования, которую Чоран называл агонией, отказ от любой идеи спасения, и мужественное принятие того, что составляет суть последних времен...

«Тот, кто никогда не чувствовал этой страшной агонии, когда смерть поднимается в тебе и захватывает тебя, подобно приливу крови, как неуправляемая внутренняя сила, которая господствует над тобой до полного истощения, или сжимает тебя как змея, вызывая ужасные галлюцинации, тот не знаком с демоническим характером жизни и теми внутренними вспышками, которые порождают великие изменения», – пишет Чоран в работе «На вершинах разочарования»². Только в ощущении агонии, этого напряженного сочетания жизни и смерти, возможно преобразование. «Значит так надо, чтобы всё, что бы ни происходило, происходило через кровь, чтобы всё, чего мы достигли, родилось из страха и трепета. Кровавые разводы создают весь блеск

2) Cioran E.M. Pe culmile disperării. Bucuresti. Humanitas. 1990

истории. Боль – сущность становления». «Черное опьянение» агонии как кали-югическая антитеза экстазу.

Тема страдания, как освобождающей и возвышающей силы, стала отличительной чертой «консервативно-революционного» Чорана. «Человек, который обладает особым преимуществом, проклятой привилегией страдать, абсолютно непрерывно может спасти себя на всю оставшуюся жизнь от книг, людей, идей, от всего, другими словами чистый фактор страдания достаточен для того, чтобы превратиться в нечто совсем особое, иметь в себе такие силы, которые делали бы абсолютно не нужным какое-либо дополнение извне. Как много можно извлечь из страдания, из этого проклятого сокровища, которое спасет или убьет тебя, сделает из тебя всё что угодно, только не посредственность!»

В выводах своих относительно фактора страдания в преображении нации писатель столь же радикален, сколь и пессимистичен: «Целый народ может быть изменен через страдание и лишение покоя, через постоянную дрожь, мучительную и настойчивую. Апатия, вульгарный скептицизм и поверхностный имморализм могут быть разрушены страхом, тотальным беспокойством, плодотворным террором и всеобщим страданием. В народе вялом и настроенном весьма скептически ко всему огонь можно зажечь только через страх, через мучительное беспокойство и убийственную пытку», – пишет он в работе «Печаль бытия», опубликованной в одной из гардистских газет.

Но кто же должен этим заняться? Как этот процесс должен происходить? Людей онтологически предназначенных для выполнения этой функции он увидел в участниках легионерского движения. Радикально иные, но иные как раз потому, что ближе всех к национальному архетипу, потому что прошли через страдание и смерть, потому что расстались со многими иллюзиями, «новые варвары», сами себе движитель и сами источник изменений в нации.

Философ взывает к новому варварству, к восстанию национального бессознательного, к самому началу начал. Это кроме всего прочего и преодоление и низвержение идола «культуры» и прочих идолов современного мира. Через декаданс к абсолютно здоровому обществу. Очистить нацию испепеляющим огнем страдания, погрузить ее в агонию, самим низринуться в этот омут с головой, стать варварами,

несущими весть о новом мире человечеству. Одну из самых жестких и блестящих своих предвоенных работ он так и озаглавил: «Апология варварства».

Философия Чорана – это философия последнего времени, более того, философия последней черты. Именно это в ней и ценно, именно это и делает ее более актуальной в сложных условиях настоящего времени, нежели наследие многих других, более оптимистично настроенных консервативно-революционных мыслителей. Это философия нашей эпохи, когда, говоря словами Чорана, «человек упал из вечности во время, а потом из времени в безвремя»³. Это не набор каких-то готовых рецептов, но приглашение к размышлению, пример того, как можно искать и найти отправные точки для новой революции в самых жутких и темных сторонах человеческого существования. Именно сейчас, в предощущении последних времен наследие Чорана приобретает новую актуальность.

Эмиль Чоран (1911–1995) в переводе с румынского А. Бовдунова

Энтузиазм как форма любви

Существуют люди, в которых жизнь реализуется в таких чистых и ясных формах, которые тяжело вообразить тем, чья жизнь полна болезненными противоречиями и хаотическими порывами. Быть вовлеченным во внутреннюю битву, быть захваченным внутренним драматизмом и проживать свою судьбу под знаком необратимости, значит быть вовлеченным в регионы, в которых любая ясность и чистота становятся иллюзорными.

Те же, в которых жизнь развивается без помех, лишенная этого драматизма, достигают состояния благодарности и восхищения, в котором мир кажется полным очарования и света.

И не является ли энтузиазм таким состоянием, которое облачает мир в сияние полное соблазнов и радостей? Описать энтузиазм – значит выделить особый вид отказа, выделить форму во всё сходную с любовью. У любви столько лиц, столько отклонений и столько вариаций, что довольно тяжело найти основное чувство или наиболее типичную ее форму.

³ Чоран Э.М. Выпасть из времени. В «Апокалипсис смысла». Сборник работ западных философов XX-XXI вв. М.: Алгоритм, 2007

Сущностной проблемой любой эротики является поиск изначальной формы любви. Говоря о любви между полами, о любви к Божественному, о любви к природе или искусству мы также говорим и об энтузиазме как форме любви.

Какая из этих манифестаций самая органичная, изначальная и лежит в основе всех остальных? Должна же существовать некая форма, по отношению к которой остальные находятся в зависимости, если не напрямую из нее выводятся. Я не могу представить себе, что множество эротических форм существует без излучения, сияния и тепла, исходящих из единого истока, который как солнце испускает свои лучи безразлично от природы принимающих их объектов или аспектов форм.

Теологи утверждают, что изначальной формой любви является любовь к Богу. Все остальные проявления являются не чем иным, как бледными отражениями этого фундаментального чувства. Пантеисты с эстетическими наклонностями утверждают, что изначальна любовь к природе, а чистые эстеты, что к искусству. Для других, тех, кто основываются на биологии, это чистая сексуальность без аффектации, а для метафизиков чувство универсальной идентичности.

Всё же ни один из них не может доказать, что именно одна из этих форм является основополагающей, поскольку в течение истории любовь принимала столь разнообразные формы, что никто сейчас не может определить точный ее характер.

Думаю, что главной формой любви является та, что существует между мужчиной и женщиной, которая является не только половым чувством, но совмещает целый комплекс особых состояний, действие и существование которых довольно заметно. Много ли людей покончило с жизнью ради Бога, природы или искусства? Все эти формы любви являются слишком абстрактными для того, чтобы проживаться с интенсивностью. Любовь является тем интенсивнее, чем более она связана с чем-то индивидуальным, конкретным и уникальным. В женщине любишь то, что ее отличает от остальных, ее уникальность. Ничто и никто на свете не может ее заменить, если твое чувство сильное. Все остальные формы любви являются аспектами этой, хотя и проявляют тенденцию к автономному развитию.

Таким образом, энтузиазм можно рассмотреть как форму любви совершенно автономную от сферы Эроса, хотя на самом деле корни его

уходят к самой интимной субстанции этого чувства, давая рождение форме с тенденцией освобождения от сферы эротического.

Внутренней природе каждого энтузиаста свойственна космическая, вселенская восприимчивость, возможность принять всё, направить себя в любом направлении, от переизбытка и импульса изнутри, и не потерять ничего и участвовать в любом действии с неиссякаемой жизненной силой, которая тратится на наслаждение реализации, страсть воплощения, дезинтересованный вкус беспокойства и динамический культ эффективности.

Для энтузиаста не существует критериев и перспектив, но только отказ, беспокойство и дарение. Радость выполнения и экстаз результата являются главными для такого человека, для которого жизнь – это рвение, бросок, в котором ценны только текучесть жизненного, только нематериальный порыв, поднимающий жизнь на такую высоту, где деструктивные силы теряют интенсивность и отрицательное действие.

Каждому из нас знакомо состояние энтузиазма, но оно настолько редко, чтобы всех определить как энтузиастов. Сейчас мы говорим о тех, в ком энтузиазм преобладает, частота которого настолько велика, что составляет специфическое свойство индивидуума.

Энтузиаст не знает поражений, поскольку его не интересуют цели, но инициатива и наслаждение от деятельности самой по себе.

Он начинает действие не потому, что размышляет о ее полезности и смысле, но потому что не может иначе. Успех или неуспех, если не совсем безразличны ему, то ни в коем случае его не стимулируют или придают некий азарт.

Жизнь гораздо более посредственна и фрагментарна по своей сути, чем люди себе представляют. Необъясним тот факт, почему мы все деградируем, почему теряем жизнь внутренних пульсаций и застываем, принимая мертвую форму в ущерб внутреннему динамизму. Потеря жизненной текучести и неограниченности разрушает восприимчивость и возможность принимать жизнь со щедростью и порывом.

Энтузиаст – единственный, кто ощущает себя живым до самой старости. Все остальные если и не рождаются мертвыми, как большинство людей, то умирают гораздо раньше своей биологической смерти. Как редки настоящие энтузиасты!

Мир, в котором жили бы одни энтузиасты, представляется более привлекательным, чем все красотырая, поскольку высшее напряжение и радикальная щедрость превышают любое райское видение. Постоянная возможность возрождения, трансформации и интенсификации жизни делают из энтузиаста человека, который постоянно вне демонический склонностей, страха небытия и агонистических страданий.

Жизнь энтузиаста не знает трагедии, ведь энтузиазм является единственным выражением жизни полностью непроницаемой для феномена смерти. Страшное мое восхищение энтузиастами происходит из факта, что я не могу себе представить, как могут существовать подобные люди в мире, где смерть, небытие, печаль и разочарование составляют настолько оглушительный и ужасный хор, что делают невозможными все наши попытки услышать высшие и трансцендентные мелодии.

То, что существуют люди, никогда не разочаровывающиеся, это удивительный факт, который наталкивает на определенные размышления. Как возможно, что в энтузиазме не существует выделения целей? Как возможно реализовываться только через постоянный избыток и полноту? Почему любовь в энтузиазме принимает такую удивительную и парадоксальную форму?

Чем более интенсивна любовь, тем более она индивидуальна и связана с особенностями объекта. Мужчина, который любит по-настоящему сильно, может любить в одно и то же время только одну женщину. И чем интенсивнее страсть, тем большее значение для любящего приобретает ее объект.

Представим же себе такую страсть, в которой объект отсутствует, представим любовь мужчины без женщины, на которую ориентирована эта любовь. Энтузиазм – это любовь, в которой объект не выделен. Все возможности любви вместо того, чтобы быть обращенными от мужчины к женщине или от женщины к мужчине, выражаются иначе, в действиях, полные бесконечной щедрости, во вселенской восприимчивости, с которой мы не сталкиваемся в случае любви реализуемой естественным образом. Таким образом, энтузиазм есть высшее отклонение Эроса.

Из всех форм любви, энтузиазм является более всех очищенным от сексуальности, более чистым, нежели мистическая любовь, абсолютно не способная освободиться от полового символизма или культ природы, в который элементы подобной символики также входят.

По этой причине в энтузиазме отсутствуют беспокойство и неясность, которые превращают сексуальность в один из определяющих элементов человеческого трагизма.

Энтузиаст – существо, лишенное проблематики. И всё же он может многое понять без углубления в мучительные исследования и хаотическую чувствительность проблематического духа. Ставить перед собой проблему – значит быть потерянным, таким образом люди полные проблематического духа не могут ничего разрешить, поэтому им ничего не нравится.

И потом откуда возникает эта способность отказаться от чего угодно, откуда берется этот восхитительный парадокс любви в чистом виде, откуда возникает эта постоянная и тотальная активность, которая заставляет тебя в любой момент открыться для всех, и наконец, откуда берется наивная иррациональность энтузиазма? Библейский миф о познании, как о грехе, есть самый глубокий из всех мифов, изобретенных человечеством. Бесконечное счастье энтузиастов в том, что они не знают трагедии познания. Настоящее познание ведет в самую глубину крошечной тьмы.

Я бы отказался в любую минуту от всех проблем этого мира, которые ни к чему не ведут, ради сладкой наивности и незнания. Дух разрывает на части, а не возвышает. В энтузиазме, как и в изяществе, или в магии, дух не отделен от жизни и не представляет собой элемент антиномии в мире. Существует секрет счастья – в изначальной неразделенности, которая означает неразделимое единство, органичное соединение. Быть энтузиастом значит быть неспособным к любому дуализму. Ибо любой дуализм – это яд.

Обычно жизнь не может быть плодотворной и продуктивной иначе как через напряжение и противоречия, которые представляют собой принцип борьбы и вовлеченности в агонию. Энтузиазм преодолевает этот принцип, реализуя жизнь без драматизма, выражая воодушевление без трагизма и любовь без сексуальности.

Страдание

Только страдание изменяет человека. Все остальные опыты и феномены не могут изменить его сущностный характер или углубить имеющиеся у него определенные предпосылки вплоть до его полного

изменения. Из скольких уравновешенных женщин страдание сделало святых? Абсолютно все святые испытывали невообразимые страдания. Трансформация их была не следствием божественного вмешательства, чтения Священного Писания или взятого на себя обета одиночества. Ежеминутное страдание, чудовищное и длительное подарило им мира, о которых никто не может и помыслить, интенсифицировало и углубило их духовную жизнь до такой степени, до какой не может быть интенсифицирована и углублена полная размысленная жизнь обычного человека.

Человек, который обладает особым преимуществом, проклятой привилегией страдать абсолютно непрерывно может спасти себя на всю оставшуюся жизнь от книг, людей, идей, от всего, другими словами чистый фактор страдания достаточен для того, чтобы превратиться в нечто совсем особое, иметь в себе такие силы, которые делали бы абсолютно ненужным какое-либо дополнение извне. Как много можно извлечь из страдания, из этого проклятого сокровища, которое спасет или убьет тебя, сделает из тебя всё что угодно, только не посредственность!

Люди не понимают, что с посредственностью нельзя бороться иначе как с помощью страдания. Дух и культура сами по себе не производят серьезных изменений. Но страдание способно изменить огромное количество вещей. Единственным оружием против посредственности является страдание. Оно изменяет темперамент, концепции, позиции, оценки, меняет направления существования, таким образом, любое сильное и длительное страдание воздействует на интимную основу существа. Изменяя внутреннюю основу существа, страдание имплицитно меняет и отношение его к миру. Это изменение перспективы, изменение понимания и чувствования. После того, как ты страдал долгое время, тебе кажется невозможным, тебе сложно представить свою жизнь без страдания, поскольку любое страдание отчуждает тебя от твоих естественных установлений и переводит тебя на экзистенциальный план твоих сущностных устремлений. Таким образом, из человека, рожденного для жизни страдание делает святого, замещая все его иллюзии язвами и гангреной отказа. Отсутствие покоя, которое следует за страданием, помещает человека в такое напряжение, в котором нельзя быть посредственностью.

Целый народ может быть изменен через страдание и лишение покоя, через постоянную дрожь, мучительную и настойчивую. Апатия,

вульгарный скептицизм и поверхностный имморализм могут быть разрушены страхом, тотальным беспокойством, плодотворным террором и всеобщим страданием. В народе вялом и настроенном весьма скептически ко всему огонь можно зажечь только через страх, через мучительное беспокойство и убийственную пытку. Это правильно, что то страдание, которое приходит извне, не так плодотворно, как страдание имманентное человеческому существу. Но из народа нужно сделать не общность творцов, но общность личностей. Все объективные методы, весь комплекс культурных ценностей не изменит ничего в сущности. Объективное и внеличностное знание облегает манекен, но не человеческое существо. Я бы не управлял никогда государством с помощью законов, программ, манифестов, но не позволил бы ни одному гражданину продолжать спокойно спать, до тех пор пока его беспокойство не заставило бы его усвоить формы социальной жизни, в которых ему необходимо жить.

Война (отрывок из работы «Преображение Румынии»)

Существуют ли нации, которые не вели бы никогда воин? Все народы когда-либо воевали, даже если некоторые из них не желали и не хотели воин. Большие нации их желали и хотели, что выгодным образом их отличает от малых народов. И всё же вопрос войны не надо рассматривать с точки зрения того, поддерживает или не поддерживает войну большинство народа. В любом случае национальный организм не воспринимает войну на сознательном уровне. Война связана с жизнью наций на уровне эссенции и люди сами по себе не могут вмешиваться в эту сферу. Даже если они запретят войну, им не удастся ее избежать. Более чем идиотской является теория, согласно которой войны возникают по вине руководителей стран или вызваны борьбой групп интересов. Или кто-то думает, что все войны, которые когда-либо развязывало человечество, родились только в головах князей, королей и императоров? Кто поверит в войны, вызванные индивидуальной фантазией или коммерческими интересами? Даже если, как говорят, война уже витает в воздухе, она носит неиндивидуальный характер, за войну никто не может нести ответственности. Пацифизм, на стороне которого все сердца, но не суровая реальность прославился тем, что установил ответственность за разжигание войн. Впрочем, пацифисты забывают о том, что война – это явление, относящиеся не к внешнему, но внутреннему миру каждой нации. Если бы люди могли остановить

войны, воспрепятствовать их возникновению, то они бы давно это сделали.

Но жизнь человечества не имеет определенной этической цели. Тот, кто разбавляет размышления о войне чувствами, без всякой пользы усложняет себе жизнь, поскольку неизбежность военных конфликтов не может быть устранена даже божественным вмешательством. Господь любит войну.

Немногие феномены способны дать большее впечатление прикосновения к судьбе, чем война. Интересно, что в то время как смерть заставляет нас грустить, война оставляет лишь горький привкус или холодное разочарование, холодное безумие... Смерть происходит внутри нас, тогда как война проходит через нас.

Тот же, кто знает, как всё происходит на свете, спокойно живет среди обрушивающихся на него несчастий, чтобы в свое время быть погребенным под ними.

Нельзя размышлять о становлении наций, не принимая во внимание фактор войны. С помощью войн нации достигают осознания собственной силы и отмежевываются от других. Нация проверяется в войне. Чем больше она ведет войн, тем больше ускоряется ритм жизни. Алчная по своей природе, она дает выход жизненной силе в частых войнах. Продолжительность жизни нации тесно связана с ее жизненным ритмом. Войны возникают из-за избытка жизненной энергии, которую они в свою очередь и увеличивают. Но увеличивают только по интенсивности, не по длительности. Хочет ли нация жить долго? Кто может сказать? Некоторые обладают гениальным предназначением, загораются ненадолго и быстро сгорают, как поэты. Они предпочитают славу долговечности и сурово обходятся со своими жизненными резервами. Только посредственные культуры выживают, поскольку они никогда и не жили... Великая судьба стоит многого.

Сопrotивляться нападению противника – достойное дело, идти в наступление – восхитительно. То время, в течение которого народ не ведет агрессивной войны, он не существует как активный фактор истории. Провокация возможна только в условиях наличия резерва сил и избытка жизненной энергии. Война, начатая по собственной инициативе, но проигранная заслуживает больше уважения, чем выигранная оборонительная война.

Германия проиграла мировую войну только политически, сама по

себе война придала немцам больше достоинства, чем союзникам. Агрессивная война возникает или из-за простого биологического беспокойства или из-за стремления имперски навязать некую идею миру. Первый случай подтверждается крайне редко, в основном мы имеем дело со вторым. Нет народа, который бы достиг вселенскости только силой духа. Процесс, с помощью которого он утверждает себя в мире – это комплекс средств, в котором зверство идет рука об руку со святостью. Нехорошо питать слишком много иллюзий по отношению к истории. Дух не возникает из ничего. Если бы Голландия не была в свое время империей, как угодно давно, возникла бы великая голландская живопись? Одинаковые материальные условия создают благоприятные предпосылки, как для порока, так и для духовных исканий. Война – настолько сложная вещь, что неправильно было бы считать ее сущность преступной.

Агрессивный этос – это нечто вроде позвоночника для нации. Иначе нельзя объяснить тот факт, почему инструмент инстинкта агрессии – армия, так тесно связана со всеми формами национальной экзистенции. Больше чем религией и ее храмами все государственные формы освящены армией. Это вечное учреждение, в той степени, в какой что-то созданное человеком может быть вечным. Так наименее одухотворенный человек может понимать самого себя и иметь строгий план жизни. Постоянное существование армии – это самое веское доказательство в пользу любой пессимистической антропологии. Человечество не может себе позволить такую роскошь как анархия и мечты о ней.

Если убрать армию из истории, вселенское становление станет похожим на лекцию по педагогике. Значит так надо, чтобы всё, что бы ни происходило, происходило через кровь, чтобы всё, чего мы достигли, родилось из страха и трепета. Кровавые разводы создают весь блеск истории. Боль – сущность становления.

Т. Саутгейт

РЕВОЛЮЦИЯ VS. РЕАКЦИЯ: Социал-национализм и братья Штрассеры

перевод с английского В. Чередникова

Многие люди ассоциируют термин «социализм» с левыми интеллектуалами, коммунистами, либо членами Рабочей партии. Горькая правда заключается в том, что интернационалистские левые окончательно присвоили себе это слово и используют его для прикрытия своих, во многом пагубных, побуждений. Для обычного марксиста-лениниста «социализм» – это определение, дающееся возвышению меньшинства над большим сообществом в целом. Левые организации предпочитают апеллировать к рабочему классу, или к тому, на что они покровительственно ссылаются как на «пролетариат». Дальнейшая внешняя задача такой идеологии основывается на жажде разделять и властвовать. Иными словами, несмотря на то, что эти организации предлагают поддержку так называемым «угнетённым меньшинствам» вроде гомосексуалистов, группировок «чёрной власти» и бунтующих студентов из среднего класса, в действительности они вносят разобщённость между простыми членами общества, ручаясь, что они владеют единственным знаменем, под которым вырождение и уродство могут обрести защиту от вымышленных посягательств со стороны строгости и приемлемости. То, что общество становится всё более вырожденческим, с очевидностью сводится к тому факту, что коммунисты постоянно обнаруживают способность как по команде сплываться среди двух или трёх тысяч протестующих, как это случилось недавним дождливым вечером в понедельник на демонстрации Анти-нацистской лиги в Лондоне. Посредством объединения всех меньшинств, социально неполноценных и тех, кто готов к драке по любому поводу, эти активисты могут выступать как представители большинства. Однако это господство меньшинства в его наиболее отчётливом и извращённом виде.

Тот факт, что социализм представляет собой внутреннюю составляющую националистических убеждений, просто не может подлежать сомнению. Отделять самую сущность социальной сферы от концепции нации, значит просто игнорировать то фундаментальное обстоятельство, что народ фактически заключает в себе нацию.

Вне народа не может быть нации, и вне нации не может быть народа. С

другой стороны, вполне понятно, что мы не имеем абсолютно ничего общего с легионами современных левых интеллектуальных банкротов, а к тому же не стремимся к альянсу и с подобными им на правом фланге. Многие так называемые националисты согласны определять себя в качестве «правых центристов», или даже «крайне правых», однако должно быть категорически установлено, что национализму абсолютно нечего делать с кем бы то ни было из правых политиков. Проще говоря, правые – не большие националисты, чем их левые дубликаты. Коммунизм и капитализм – две головы одного чудовища.

Но вместо того, чтобы выдёргивать страницы из уже написанных книг и пытаться формулировать какое-то подобие нелепой половинчатой идеологии, революционные националисты сохраняют безразличие к философскому материализму в целом и отвергают как середину, так и обе крайности системы во всей её полноте. Мы, революционные националисты, противоположны в равной степени и реакционерам, и красным, поскольку мы – подлинный социал-национализм.

Доктрина социал-национализма распространялась главным образом Отто и Грегором Штрассерами, двумя братьями, поддержавшими Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП) в 1920-е годы. В конце концов, данная организация стала управляться Адольфом Гитлером, который в своей эгоистической жажде абсолютной власти пришёл к предательству подлинных идеалов социал-национализма и увёл НСДАП от её истинных истоков. Многими из так называемых националистов критика в адрес Гитлера рассматривалась как ересь. Но никто не может игнорировать тот простой и ясный факт, что Гитлер полностью отказался от осуждения немецких капиталистов и правого крыла истеблишмента, даже позволяя партии получать субсидии от превосходных еврейских финансистов на Уолл-стрит. Доказательства этого утверждения могут быть обнаружены в блестящей работе Энтони Саттона «Уолл-стрит и восхождение Гитлера».

Однако братья Штрассеры, которые были чрезвычайно активны в НСДАП до того, как партия в 1933 пришла к власти, затем закономерно оказались вовлечены в идеологическую войну с самим Гитлером, человеком, отказавшимся отстаивать децентрализацию государственного влияния или предложить обычным рабочим людям Германии долю как в сельском хозяйстве, так и в индустрии. Гитлер фактически отверг «Структуру германского социализма» Отто Штрассера в 1925, предпочтя придерживаться «Двадцати пяти пунктов» Готфрида Федера,

рассматривавшихся многими членами Партии как нечто устаревшее. Даже без штрассеровских радикальных идей относительно нового направления по ту сторону как левого, так и правого в политическом спектре, «25 пунктов» всё-таки были несовместимы с реакционной лояльностью Гитлера его капиталистическим спонсорам, и многие из этих базовых принципов оказались преданы. Любой, кто возьмёт на себя труд рассмотреть, к примеру, 11 пункт этого манифеста, обнаружит решительное осуждение нетрудовых заработков. Однако, после восхождения Гитлера к власти, ростовщичество продолжало заражать немецкую банковскую систему, и не было предпринято ни малейших усилий для предотвращения того, что богатые банкиры обременяли германских граждан высокой заинтересованностью в отношении займов. На самом деле Гитлер отдал всю финансовую власть в руки Хьялмара Шахта, франкмасона со связями на Уолл-стрит. Однако вот что говорит Грегор Штрассер о капитализме: «Капиталистическая система с её эксплуатацией тех, кто экономически бессилён, с её ограблением рабочей силы тружеников, с её неэтичным способом оценки людей через количество вещей и суммы денег, которыми они обладают, вместо их внутренней ценности и достижений, должна быть заменена новой и справедливой экономической системой, короче говоря – германским социализмом».

Переходя к пунктам 13 и 14, декларация принципов партии призывает к уничтожению капиталистической системы и её замене семейными предприятиями и рабочими кооперативами. И снова Гитлер не находил времени для подобного экономического правосудия, и эти два политических параграфа были вскоре забыты. Отто Штрассер, с другой стороны, растолковывал: «Альтернатива несостоятельным чужеземным «решениям» – коммунизму и капитализму, – идея, которую мы представляем, это политическая репрезентация объединений, торговых предприятий и лиц каких-либо профессий на базе нашей древней системы гильдий».

Отто Штрассер, который был однажды описан как «бесстрашный человек неотраженной искренности и обаяния» английским антикапиталистом А.К. Честертоном, предложил программу из 3-х пунктов для промышленности и рабочих:

1. Тогда, в противовес существующему «классу» капиталистов, возникнет «сословие» менеджеров, вне зависимости от богатства или происхождения образующих аристократию без украшательства, которая, благо-

даря интенсивной методике отбора, будет состоять, можно сказать, из «капитанов индустрии» или «офицеров экономической жизни».

2. Лишенный собственности «класс пролетариата» исчезнет, и его место займёт «сословие» в высшей мере привилегированных рабочих, прямо или косвенно вовлечённых в свой «цех» и потому заинтересованных в нём. Они больше не будут объектами экономики, но станут её субъектами.

3. Отношения между государством и экономической жизнью изменятся радикальным образом. Государство больше не будет ни «ночным сторожем и полицейским капитализма», ни диктатором, чья бюрократия щёлкает кнутом, ставя тем самым рабочих на место и стимулируя их таким образом к выполнению обязанностей; но оно станет опекуном потребителей, и таким образом получит большее влияние, но только в пределах самоопределения рабочих производителей, а именно, в отношении управления и поддержки рабочих (состоящей в сохранении соответствующих пропорций между канцелярскими и иными интеллектуальными работниками, с одной стороны, и теми, кто занимается физическим трудом, с другой).

Однако, невзирая на здравомыслие идей штрассеризма, список противоречий увеличивался как результат того факта, что Гитлер смиренно отказался от осуждения правых, добившись контроля над НСДАП, а в конечном итоге и приведения Германии к милитаристической атаке, направленной против остальной Европы и подавлявшей негерманскую культуру и традицию в своём фанатическом стремлении к «Великой Германии». Пункт 16 обещал уничтожение сети магазинов и супермаркетов и требовал поддержки малому бизнесу. Реальность, с другой стороны, оказалась совершенно иной, так как Гитлер вновь защищал монополистов. Пока штрассерианские штурмовики пикетировали возле крупных магазинов и убеждали людей поддерживать частных торговцев, Гитлер немедленно положил конец всякого рода антикапиталистической активности. На самом деле одна крупная сеть магазинов субсидировала Южное отделение НСДАП, и Гитлер не желал заставлять отвернуться источник своей финансовой поддержки.

В пункте 17 объяснялось, что будет положен конец владычеству крупных землевладельцев, и что на местах владений будет расселено расширенное крестьянство. В течение 1920-х около 20% Германии находилось в собственности менее чем 19 000 людей, и крестьяне смотрели на НСДАП как на проводник лучшего будущего перед

лицом их только усугублявшегося затруднительного положения. К несчастью, от Гитлера они получили весьма небольшую помощь. Хотя министр сельского хозяйства Вальтер Дарре и появился, гарантируя крестьянству большую роль, попыток перераспределения земли сделано не было. Даже когда Дарре принял Закон о наследовании крестьянских хозяйств, сам план был обеспечен его заместителем Фердинандом Фридом, тайным лидером Чёрного фронта Отто Штрассера. Так какой же ответ был предусмотрен штрассеризмом для борьбы с нечестивым альянсом капиталистов, землевладельцев и гитлеристов? Отто Штрассер выдвинул поистине справедливые аргументы в отношении запутанного дела сельского хозяйства в своей «Структуре германского социализма»:

«Задачей сельского хозяйства является уверенность в том, что община будет накормлена. Земля, имеющаяся в распоряжении общности, представляет собой исключительно собственность нации, поскольку последняя не индивидуальна, но является общностью в крупном масштабе, которой земля была приобретена посредством битв или колонизации при участии общности, и общностью она защищалась от врагов. Община как собственник передаст землю в распоряжение нации в форме «майората» для тех, кто способен и желает использовать её для земледелия и скотоводства. Это будет предпринято самоуправляющимися корпорациями местных крестьянских советов. Размеры ферм будут ограничены в соответствии с локальными качествами почвы: максимум будет определяться тем принципом, что никто не может держать в «майорате» больше земли, чем он способен возделывать самостоятельно; и минимум будет определяться тем принципом, что собственник должен иметь достаточно земли не только для обеспечения едой себя и своей семьи, но и излишек для продажи, посредством чего он сможет приобретать одежду и кров для своей семьи.

Минимум ограничений окажется результатом освобождения большого количества земли для заселения крестьянами, особенно в Восточной Германии. Крестьянские поселения наиболее необходимы, поскольку наличие большого количества крестьян, расположенных вышеуказанным образом на своих собственных фермах, является наилучшей гарантией поддержания народного здоровья и народной энергии. Землевладелец, который таким образом получит ферму по «майорату», свяжет себя обещанием вести хозяйство на этой ферме ради наивысшей пользы общества, и будет прилагать максимальные

усилия ради уверенности, что земля должна быть возделана в целях снабжения общности провизией. Таким образом, он будет платить налог на землю – десятину – общности. Это станет натуральной платой, размер которой будет регулироваться в соответствии с площадью и качеством земли. Никакими другими налогами крестьянин облагаться не будет. Когда держатель «майората» умрёт, ферма перейдёт к сыну, способному и желающему принять работу. Если же в семье не окажется детей мужского пола, «майорат» вернётся общности, и будет выделен местному крестьянскому совету.

В случае плохого ведения фермы «майорат» также будет возвращён общности. Решение по данному вопросу будет основываться на мнении местного органа самоуправления (крестьянского совета) в согласии с государством (представленным президентом округа). Введение «майората» в сельское хозяйство Германии окажется в таком явном соответствии с немецкой традицией и с истинными и необходимыми идеями крестьянских владений, что ни психологические, ни материальные различия не окажут его результатом.

Печальным поводом для вульгарного отказа Гитлера слушать Отто и Грегора Штрассеров была власть. В то время как Гитлер преследовал власть как цель, группа людей, сплотившихся вокруг этих братьев-визионеров – широко известная как «круг Штрассеров» – видела во власти исключительно средство для осуществления своей социал-националистической программы. И вновь обычные люди заплатили цену за эгоизм реакционера. В 1930 обстоятельства окончательно определились, и Отто Штрассер перешёл к открытому столкновению с Гитлером в официальном порядке. Его газета «Arbeitsblatt», которая была основана в Берлине и служила официальным северным органом печати Партии, стала постоянным раздражителем Гитлера. В конечном итоге, в апреле того же года профсоюзы Саксонии провозгласили всеобщую забастовку, и Отто Штрассер заявил о своей полной поддержке немецких рабочих. Между тем, сами влиятельные промышленники стали оказывать давление на Гитлера, требуя осуждения взглядов Штрассера и прекращения забастовки. На следующий день Гитлер вызвал Отто Штрассера на закрытое заседание в своём отеле, где попытался требовать от него подчинения своей власти. Во время возбуждённого спора Гитлер обвинил его в способствовании «напыщенному абсурду», заключавшемуся в постановке акцента на Идеале вместо Лидера. Штрассер был безусловно прав, однако Гитлера интересовали только личная власть и возможность поставить себя

выше экономической свободы немецкого народа. Отто Штрассер пришёл к справедливому обвинению Гитлера в попытке «...задушить социальную революцию ради легальности и ваших новых связей с буржуазной партией правых».

Гитлер гневно отрицал это и старался закрыть глаза на то, что современные капиталисты называют сегодня «свободным предприятием». Также он пришёл к поддержке капиталистической философии, заключающейся в утверждениях «сила есть право» и «выживает сильнейший», в то время как слабые с неизбежностью должны «встать к стенке»: «Капиталисты пробили себе путь к вершине благодаря своим способностям, и на основании такой селекции, которая вновь только подтверждает их здоровую расу, они имеют право господствовать».

Данное высказывание есть исключительное свидетельство гитлеровского альянса с капитализмом и Большим Бизнесом, и оно демонстрирует непреодолимую пропасть, которая существует между реакцией и революцией. Гитлер, за неимением реальных аргументов против истинно социалистических принципов Отто Штрассера, в конце концов, написал Геббельсу и проинструктировал его касательно оказания давления на Штрассера и его сторонников в Партии. Отто Штрассер сохранил верность своим убеждениям, и, в результате, был исключён из НСДАП вскоре после этого, сформировав группу, известную как Боевое содружество революционных национал-социалистов, – предтечу Чёрного фронта. В итоге Отто Штрассер был интернирован СИС-УСС и, сломленный, изгнан в Канаду, где он вынужден был влачить бесправное существование до 1955 года. В конечном счёте, он сумел вернуться в свою любимую Германию, но только благодаря непреклонному заступничеству стороны английского журналиста Дугласа Рида. Между тем Грегор Штрассер, несмотря на то, что подчинился власти Гитлера и оставался в партии с надеждой на то, что Фюрер исправит ошибки на своём пути, был зверски убит в тюрьме на Принц-Альбертштрассе во время гитлеровских чисток в июне 1934, известных теперь как бесславная Ночь длинных ножей. Однако позже Гитлер вынужден был признать, что убийство Грегора Штрассера являлось «ошибкой».

До того, как это эссе подойдёт к завершению, необходимо подчеркнуть, что штрассеризм абсолютно несовместим с марксизмом и мнимым «социализмом» левых. Вот некоторые выдержки из полемики Отто Штрассера для сравнения с двумя идеологиями:

Чем германский социализм отличается от марксизма:

а. Частная инициатива ответственных предпринимателей защищена, но подчиняется нуждам общности.

в. Внутри систематического планового управления Государства всей национальной экономикой (взаимозависимо гарантированного той третьей частью влияния, которой Государство обладает в каждом промышленном предприятии) поддерживается здоровая конкуренция частных предприятий.

с. Отношения на равноправной основе Государства и экономических предприятий, а точнее, должностных лиц и производственных менеджеров, отменяются, поскольку своевольная власть Государства обделяет труженика в его правах.

д. Каждый вовлеченный в предприятие является – в силу того, что он обладатель доли как гражданин, – одним из непосредственных и влиятельных владельцев своего предприятия, своего «цеха», и может в полной мере воздействовать посредством этого права на наблюдательный совет концерна. Форма фабричного товарищества, основанная на узаконенной идее лена и дающая жизнь огромному корпусу самоуправляющихся советов рабочих и служащих, с одной стороны, и промышленных и торговых советов, с другой, составляет новую экономическую систему германского социализма, которая в равной степени отлична от западного капитализма и восточного большевизма, и в то же время удовлетворяет требованиям крупномасштабной индустрии.

В заключение, выражаю надежду, что это небольшое эссе о штрассеризме убедит некоторых из числа обманутых сторонников гитлеровского режима в том, что подлинный социализм всё ещё достигим через действенный прорыв и выходит из исключительно теоретической стадии. Оглядываясь на нацистскую Германию как на ценный пример того наилучшего, что может быть в нашем английском государстве или, тем более, в Европе вообще, несерьезно со стороны любого националиста. Без полного отвержения правого капитализма революционеры будут продолжать предавать себя снова и снова. Действительно, если нацизм вновь появится в результате германского воссоединения, мы надеемся, что немецкий народ будет помнить ошибки прошлого. Одно должно быть ясно. Мы в Национальной революционной фракции полны решимости взяться за оружие и никогда не подпадать под контроль правых капиталистов. Более того, мы никогда не предадим своих революционных принципов.

А. де Бенуа

ЭРНСТ ЮНГЕР И «НОВЫЕ ПРАВЫЕ»

Перевод с французского А. Игнатьева

У новых правых очевидно не было нужды рассказывать французам о том, кто такой Эрнст Юнгер. Когда НП появились в конце 60-х гг., автор «Мраморных утесов» был уже хорошо знаком французской публике. Юнгера не просто знали, но в ту пору он без сомнения был самым известным и самым читаемым немецким писателем по эту сторону Рейна. Ситуация, не переставшая удивлять немцев, объясняется многими причинами. Во-первых, Юнгера начали относительно рано переводить: его основные произведения, посвященные Первой Мировой войне, появились в начале 30-х гг., и они сразу принесли ему известность¹. Но прежде всего, Франция сыграла первостепенную роль в жизненном пути Юнгера и его духовном развитии и формировании как писателя. Со времен своего побега в юности в Иностраннный легион, со времен ужасного окопного опыта, Франция не переставала занимать в жизни Юнгера значительное место, о чем свидетельствуют также многочисленные связи, которые он поддерживал с французами, его чтение Барреса и Леона Блуа, а также его собственноручные переводы Максима Риваро или текстов Ги де Мопассана и Поля Леото. Наконец, Юнгеру всегда везло во Франции сочень талантливыми переводчиками, начиная от Анри Тома и Анри Пляра и заканчивая Жюльеном Гервье и Франсуа Понсе, с достаточной степенью чувствовавших его стиль и его идеи, чтобы передать с точностью все нюансы.

«Я думаю, – писал Юнгер в 1973 г., – что французы умеют ценить то, когда немец представляет себя таким, какой он есть, вместо того, чтобы любой ценой выдавать себя за того, кем он не является»².

Эта известность, однако, была достигнута ценой определенной двусмысленности. Французами, по крайней мере до 1975 г., Эрнст Юнгер воспринимался как фигура, принадлежащая исключительно миру литературы. Конечно, был хорошо известен политический и исторический фон его творчества, но в нем не видели активного участ-

1) Orages d'acier. Souvenirs du front de France (= In Stahlgewittern), Payot, Paris 1930 ; Le boqueteau 125. Chronique des combats des tranchées 1918 (= Das Wäldchen 125), Payot, Paris 1932 ; La guerre notre mère (= Der Kampf als inneres Erlebnis), Albin Michel, Paris 1934.

2) «Jünger s'explique», entretien recueilli par Jean-Louis de Rambures, in Le Monde, Paris, 22 février 1973.

ника событий тех времен, и из периода его пребывания в Париже во время Оккупации запомнились прежде всего его знакомства в писательской среде (Жан Кокто, Поль Моран, Пьер Дриё ля Рошель, Саша Гитри, Жан Жироду, Анри Монтерлян, Жан Шлюмберге и т.д.), которые завязались большей частью в салоне Флоранс Гуль. Разве сам Юнгер не называл Париж «великим книжным городом»?³ Политические тексты, относящиеся ко времени его молодости, полностью игнорировались, по крайней мере, широкой публикой. Имена Франца Шаувекера, Уго Фишера, Эрнста Никиша, Фридриха Хильшера, впрочем, и Карла Шмита, были также незнакомы. Короче говоря, Юнгер рассматривался только как писатель и никто другой. Добавим, что сам Юнгер не только был очень доволен этой ситуацией, но и сам способствовал этому, поскольку еще в прежние времена ответил отказом на предложение издать во Франции перевод его великой книги, увидевшей свет в 1932 г. «Рабочего».

Между тем, именно на его непереведенных книгах, которые было окружены чем-то вроде мифической ауры, сконцентрировался достаточно живой интерес новых правых. В начале 60-х гг. из творчества Юнгера я сам знал только те книги, что уже вышли на французском. Хотя я, конечно, читал его рассказы о Первой Мировой войне, но, в противоположность некоторым из моих друзей, они почти не произвели на меня впечатления, по причине, без сомнения, отсутствия у меня интереса к тому, что связано с войной! «На мраморных утесах» (Auf den Marmorklippen) и «Африканские игры» (Afrikanische Spiele) вызвали у меня больший интерес, точно так же, как «Гелиополис» и особенно «Трактат повстанца» или «Бегство через лес» (Der Waldgang). «Мировое государство» (Der Weltstaat), напротив, меня скорее оттолкнуло.

Открытием «другого Юнгера» я, очевидным образом, обязан моему другу Армину Мелеру. Его справочник по Консервативной революции, который я пытался разобрать со своими несколько скудными начальными познаниями в немецком, которые у меня тогда были, стал для меня откровением. В этом широком движении с его многочисленными ответвлениями я никоим образом не видел течение мысли, которое якобы проложило дорогу национал-социализму, как иногда о нем говорили, но, напротив, явление, представляющее альтернативу, чье развитие и лучшая структурная организация могли бы, может быть, избавить мир от ужасов гитлеризма.

3) Journal parisien (Pariser Tagebuch), 16 juillet 1942.

Армин Мелер во время своих бесед со мной часто рассказывал о Юнгере, чьим личным секретарем, как известно, он был в течение нескольких лет после войны и к которому на основе своего личного опыта он питал достаточно двусмысленные чувства. В то время как я находил самым интересным в политическом и интеллектуальном отношении младоконсервативное движение, он не скрывал, что предпочитает течение национал-революционеров. Я был более сдержан, чем он, в отношении ценности, присущей понятиям «нация» и «движение», но идея революции меня бесспорно привлекала. Благодаря Мелеру я открыл для себя, что Юнгер сотрудничал с изданиями, ориентировавшимися на «новых националистов», или бюндиш, такими, как «Арминиус», «Ди Штандарте» или «Ди Комменден», что он является автором «Рабочего» и «Тотальной мобилизации», и что он был связан с «национал-большевиком» Эрнстом Никишем. Я также познакомился с рисунками Пауля Вебера, которые произвели на меня значительное впечатление. То, что я сейчас описал, ныне хорошо известно, но тогда для меня это было абсолютно новым.

Я старался поделиться своими открытиями с моим окружением. Всё время я вновь и вновь возвращался к этому справочнику по Консервативной революции, обещая самому себе, что настанет день, когда можно будет опубликовать его перевод⁴. Первым результатом такого рода усилий было переиздание в форме небольшой брошюры заботами Группы Изучения и Исследований Европейской Цивилизации, главной организации тех, кого еще не называли «новыми правыми», одного из редких, посвященных «Рабочему» текстов, что уже вышли во Франции. Его автор – Марсель Декомби. Книга называется «Эрнст Юнгер и “Консервативная революция”. Анализ “Рабочего”» (ГРЕСЕ, Париж, 1973). Принадлежа перу уже умершего германиста, этот текст был снабжен краткой библиографией и оригинальным предисловием, составленным Армином Мелером. В этом предисловии Мелер представлял труд Юнгера как «одну из редких великих книг сего века» и также как «эрратический валун» в составе его творчества, называя выход книги в свет в 1932 г. «экстраординарным событием». Говоря о «Рабочем» и о первой версии «Сердца искателя приключений» (Das Abenteuerli-

4) Это было сделано несколькими годами позже в серии «Консервативная революция», изданием которой я руководил в течение нескольких лет: Armin Mohler, La Révolution Conservatrice en Allemagne 1918-1932, Pardès, Puisseaux 1993. Этот перевод, включающий все дополнения из самых недавних немецких изданий, содержал кроме того важную подборку фото и сравнительный обзор всех публикаций, посвященных во Франции Консервативной революции. Это единственное полное издание книги Мелера, вышедшее за границей.

che Herz), он позднее скажет: «Даже сегодня мои руки дрожат, когда я прикасаюсь к этим книгам».

В своем предисловии Мелер три раза повторил, что «Рабочий» – это «не поддающаяся переводу книга». Однако его перевод был закончен в 1989 г. Жюльеном Гервье, причем это явление не вызвало полемики, чего некоторое время опасался Юнгер.

В это время я еще не был лично знаком с писателем. Однако 15 мая 1977 г., когда я принимал участие в международном книжном фестивале в Ницце, одновременно по поручению журнала «Фигаро» и издательства «Коперник», у которого там был стенд (я приехал, чтобы получить Большую премию Французской Академии за мою книгу «Взгляд справа»), мне послышалось, что кто-то окликнул меня по имени. Я обернулся и увидел человека среднего роста, очень стройного, седовласого, который был одет в вельветовую куртку и тонкий свитер с завернутым воротником, но которого я совсем не узнал. «Добрый день, – сказал он мне, – я Эрнст Юнгер». Я потерял дар речи. Потом в этот день мы говорили больше часа. Были сделаны фотографии и остались замечательные и прекрасные воспоминания.

Между тем, спустя ровно десять лет после публикации Марселя Декомби, я собрал о «политическом» периоде молодого Юнгера достаточно важные материалы, чтобы написать, в свою очередь, очерк, посвященный «Рабочему». Первая его версия была опубликована в конце 1981 г. в журнале «Элеман», а вторая, намного более объемная, двумя годами позже в журнале «Нувель эколь»⁵. Эта вторая, за которой последовал перевод статьи Эрнста Никиша, вышедшей в октябре 1932г. в «Видерштанд», была на деле настоящей монографией, которую затем перевели в Испании, а после и в Италии, где она вышла в форме книги⁶. Я старался не только представить в ней основные идеи, содержащиеся в книге Юнгера, и проследить эволюцию автора в 20-х и 30-х гг., определяя достаточное количество вех в истории движения национал-революционеров, но и показать, как «проблематика Рабочего» не переставала подниматься вновь и вновь в последующих текстах Юнгера в очевидно различных формах, а именно в эволюции его взглядов на технику, которая проходила под влиянием его брата

5) « Ernst Jünger : la Figure du travailleur entre les Dieux et les Titans », in Nouvelle Ecole, Paris, 40, septembrenovembre 1983, pp. 11-61.

6) Alain de Benoist, Ernst Jünger y El Trabajador. Una trayectoria vital e intelectual entre los Dioses y los Titanes, Barbarroja, Madrid 1995 ; L'Operaio fra gli Dei e i Titani. Ernst Jünger « sismografo » dell'era della tecnica, ASEFI-Terziaria, Milano 2000.

Фридриха Георга Юнгера. Я представил книгу в качестве необходимой для понимания переходной эпохи, определяемой как «междущарствие» меж царством титанов и царством богов. Я также много раз ссылался на идеи Карла Шмитта и на философию Мартина Хайдеггера, которые в ту пору усвоил.

29 марта 1985 г. в девяностолетний юбилей писателя, я послал ему телеграмму сразу же после публичного собрания, в котором я принимал участие в Сен-Этьене. Он поблагодарил меня в коротком, написанном от руки письме, к которому прилагалось фото. Десять лет спустя, 25 марта 1995 г., я адресовал ему письмо, в котором были только эти слова: «Спасибо за то, что вы живы». Чтобы отпраздновать его столетний юбилей, Клуб Тысячи (ассоциация спонсоров новых правых) устроил 21 июня в Париже вечер в его честь.

В 1996 г. я решил посвятить целый номер «Нувель эколь» Юнгеру. Вводная статья, чьим автором я был, начиналась словами: «Двадцатый век это век, в который Нобелевская премия не была присуждена Эрнсту Юнгеру. Это выражение не хуже другого подходит для того, чтобы дать ему определение». Номер содержал беседу с Юнгером, записанную его испанским переводчиком Андре Санчесом Паскуалем, очерки Армина Мелера, Герда-Клауса Кальтенбруннера, Вернера Бройнингера, Сержа Манжина, Пьера Вангена и Маркуса Бекмана, а также переводы играющих роль документального материала текстов Фридриха Хильшера, Альбрехта Эриха Гюнтера, Эрнста Никиша и Фридриха Зибурга.

В то время казалось, что Юнгер стал бессмертным! В конце 1997 г. я опубликовал библиографию его творчества у достаточно мужественного (или не осознающего то, что он делает) издателя, чтобы отдать должное жанру, который по определению может вызвать интерес только у достаточно ограниченных кругов публики⁷. Эта библиография, которой я не был целиком доволен, должна была иметь второе издание, в значительной степени дополненное, над которым я работал в течение многих лет, но последнее, в конце концов, я отказался публиковать, когда Николай Ридель, достойный наследник Ганса Петера и Хорста Мюляйзена, опубликовал составленную им библиографию в 2003 г⁸ (с этого времени мои библиографические изыскания были посвящены работам Карла Шмитта!). В первой части я проследил крупные этапы

7) Alain de Benoist, Ernst Jünger. Une bio-bibliographie, Guy Trédaniel, Paris 1997.

8) Nicolai Riedel, Ernst Jünger-Bibliographie. Wissenschaftliche und essayistische Beiträge zu seinem Werk (1928-2002), J.B. Metzler, Stuttgart 2003. Следует отметить, что Николай Ридель регулярно публикует обновления своей библиографии в Les Carnets Ernst Juenger.

жизни Юнгера. В начале 1997 г. я написал: «Когда ему исполнится 103 года, я продолжу писать». Увы! Несколько позже, 17 февраля 1998 г., он ушел от нас. Я тотчас же, 7 марта, воздал ему почести в радиопередаче на Радио-Куртуази.

С этого времени Юнгер стал как ни в какие другие времена предметом исследований. 7 ноября 1995 г. я уже принимал участие в посвященном Юнгеру коллоквиуме в университете La Sapienza в Риме, проводившемся под названием «Due volte la cometa» (намек на то, что писатель имел возможность увидеть дважды в своей жизни пролетавшую комету Галлея). Я также был участником большого коллоквиума, посвященного Эрнсту Юнгеру, который проходил в Милане между 20 и 24 октября 2000 г., где мне выпала возможность познакомиться с Николаем Риделем накануне концерта Рикардо Мутти в Ла Скала. По окончании «паломничества» по Шемен де Дам в Лаоне 8 ноября 1998 г. я присутствовал на коллоквиуме на тему «Юнгер и Первая Мировая война», где также принимали участие Даниэль Бельтран-Видал, Франсуа Понсе, Изабель Розе, Оливье Обертин, Мануэла Алессио и некоторые другие.

Мое восхищение Юнгером – одновременно самим человеком и его творчеством – никогда не ослабевало. Но, может быть, немного смещался центр внимания. Когда мне было тридцать лет, я был в восторге от «первого» Юнгера, то есть Юнгера 20-х-30-х гг. Со временем и, следовательно, с возрастом, я без сомнения стал в большей степени воспринимать «второго» – Анарха еще больше, чем Повстанца, «находящегося вне времени» мыслителя, который, поднявшись выше, мог также видеть намного дальше.

Но также я хотел бы ко всему сказанному присовокупить одно свое очень личное воспоминание. 6 февраля 1993 г., приглашенный участвовать в дискуссии в Берлине, я получил неприятный сюрприз: на меня физически напали и даже осыпали ударами юные воинствующие «автономы», сторонники архаичного «антифашизма», которые даже не знали, что на эту дискуссию я пришел, чтобы высказаться против ксенофобии! После того, как я вернулся в Париж, после проведенной в криминальной полиции ночи, в течение которой я просматривал фотороботы, чтобы определить нападавших на меня, мне позвонил по телефону Армин Мелер. Он хотел мне сказать, что Юнгер, который уже узнал о происшествии, тотчас же справился о том, в каком состоянии я нахожусь. Этот его поступок меня очень тронул.

Эрнст Юнгер не был, вероятно, одним из наиболее часто цитируемых французскими новыми правыми автором, но, несомненно, как это можно видеть, он многое значил для них.

Сегодня нет более нужды «дополнять» тот образ Юнгера, каким его некогда представляли себе французы, с чего я и начал. Различные аспекты его творчества с тех пор стали хорошо известны. Как Шмитт и Хайдеггер, или еще Мирча Элиаде, Юнгер, конечно, время от времени становится объектом критики в форме доносов. Они проистекают от сектантски мыслящих людей, которые не только ошибаются временем, но занимаются Юнгером только для того, чтобы придти к выводам, аналогичным тем предрассудкам, которые у них были и до этого. Сторонники подобного подхода остаются в незначительном меньшинстве. Конечно, ссылку на Юнгера по-прежнему относительно редко можно встретить у модных интеллектуалов: в наши дни необходимо ехать в Италию, чтобы увидеть, как интеллектуалы, придерживающиеся любых убеждений, как правых, так и левых, постоянно цитируют Юнгера (точно так же, как они постоянно цитируют вышеупомянутых Шмитта и Хайдеггера). Но читатели автора, написавшего «Оймесвиль» и «Тонкую охоту» (Subtile Jagden) остаются чрезвычайно многочисленными.

Практически все книги Юнгера сейчас переведены во Франции у самых крупных издателей, и большинство из них постоянно переиздавались. «Излучения» (Strahlungen) должны выйти на днях у Галлимара в престижной серии «Плеяды» с именем важное значение критическим аппаратом, составленным Жюльеном Гервье, которому мы обязаны также сборником бесед с Юнгером.⁹ Университетские исследования координировались Центром исследования и документации Эрнста Юнгера, возглавлявшимся Даниэль Бельтран-Видал, которая публикует с декабря 1996 г. ежегодные выпуски дневника Эрнста Юнгера.¹⁰ Однако то, чего до сих пор не хватает, так это полного перевода написанных им в молодости статей на политические темы (они недавно вышли в Италии в трех томах) и переписки (здорово было бы прежде всего увидеть изданной его переписку с Шмиттом, Хайдеггером, Хильшером, Готфридом Бенном и Герхардом Небелем), а также крупной, «подводящей черту» биографии, сравнимой с той, что Хаймо Швильк недавно опубликовал в Германии.

9) Julien Hervier, Entretiens avec Ernst Jünger, Gallimard, Paris 1986. Я их в некоторых случаях узнал, но не стал об этом говорить, так как не сотрудничаю с полицией.

10) CERDEJ : 1 ter, rue Carnot, F-05000 Gap.

Также весьма любопытно, что ни одна из книг Фридриха Георга Юнгера никогда не была полностью переведена на французский. Учитывая его многочисленные связи в издательском мире, мне кажется, что Эрнсту Юнгеру не составило бы труда сделать так, чтобы несколько работ его брата вышли во Франции. Это только ошибка с моей стороны, что я этим никогда не занимался. Я часто спрашивал себя, почему.

Эрнсту Юнгеру сегодня бы исполнилось сто десять лет. «Безмолвные революции являются самыми результативными», – сказал он. Будем читать его книги в тишине.

Е. Семеняка

ЧЕЛОВЕК ОСОБОГО ТИПА В КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(На примере анарха Юнгера и правого анархиста Эволя)

Для философско-политических «манифестов» теоретиков консервативной революции (далее – КР) примечательна такая фразеология, как «новый человеческий тип», «человек особого склада», «новый человек» и т.д. Это неслучайно, ведь широкое идеократическое движение КР как «идеологическое явление *par excellence*» [2, с. 6], предполагая «сохранение верности принципам, а не тем учреждениям и институтам прошлого, которые являются лишь частными формами выражения этих принципов [4, с. 9], не может не определить специфику их представителя. Можно сказать, что в этих условиях революционная трансформация общества стает не более чем эпифеноменом возникновения «нового человеческого типа».

Концептуальным соответствием таких синтагм и выступает объект нашего исследования, то есть консервативно-революционный субъект в поздних произведениях Эрнста Юнгера и Юлиуса Эволя, представленный фигурами Анарха и правого анархиста, хотя понятие «прусского анархизма» можно найти уже в работах Юнгера ваймарского периода, которым в подавляющем большинстве случаев и ограничивают «хронотоп» КР. Одновременно стоит подчеркнуть, что появляется там «пруссский» анархизм именно как синоним «правого» и мало чем напоминает «немецкий» анархизм или же коммунизм, который, между прочим, таит в себе «гораздо меньшую примесь анархии, чем, например, русский коммунизм» и «чья цель – не уничтожение, а особая скучнейшая форма эксплуатации существующего порядка» [11, с. 238].

Предметом исследования является гомология концептов Анарха Юнгера и правого анархиста Эволя как эвристических адаптаций ранней модели «нового типа человека» к условиям «постполитической» современности. И несмотря на то, что посвященные доктрине расового воспитания труды Эволя были довольно высоко оценены Бенито Муссолини, теория Эволя явно не вписывалась в проекты социальной инженерии по возвращению «нового человеческого типа» в тоталитарном государстве. Впрочем, специфика консервативно-

революционного субъекта станет наиболее заметной в послевоенных произведениях философов, где «человек иного склада» предстает радикальной альтернативой как либеральному, так и тоталитарному субъекту, ведь «американизм, бессознательно или нет, работает на своего мнимого врага, на коллективизм» [6, с. 433].

Имена Эрнста Юнгера и Юлиуса Эвола входят в «первую десятку» на самом деле значительно большей плеяды представителей консервативно-революционной мысли, хотя творчество последнего находится на стыке КР и традиционализма. Что, впрочем, не мешает некоторым исследователям делать вывод о том, что «у Эвола содержится наиболее глубокая, наиболее “трансцендентная”, а потому и не подверженная временным обстоятельствам, концепция Консервативной Революции, в ее типологическом, архетипическом и предельно ясном виде» [1].

Пока не приступая к таким сильным утверждениям, заметим, что немецкого и итальянского мыслителей объединяет прежде всего общность «судьбы и жизненных путей». Оба добровольцами пошли на фронт (Юнгер получил 14 ранений и высшую военную награду «За доблесть»; Эвола служил офицером артиллерии), оба публиковались в национал-социалистических и фашистских издательствах, но вскоре стали в «оппозицию справа» к «популистскому и плебейскому» нацистскому и фашистскому режимам (что отражено в труде итальянского барона «Фашизм: критика справа» (1964), в частности), оба имели поворотный опыт во Второй мировой войне (Юнгера демобилизовали по обвинению в содействии покушению на Гитлера 1944 г., хотя оставили в живых по личному распоряжению фюрера; Эвола, работающего с архивами СС, серьезно ранило при бомбардировке Вены, хотя непосредственно в боях он не участвовал), оба отклонили «денацификацию» и не пожелали выйти из «внутренней эмиграции» в послевоенных ФРГ и Италии.

Эти же параллели имеют место на концептуальном уровне. В творчестве обоих философов наблюдается симптоматичный переход от такой консервативно-революционной классики, как «Рабочий. Господство и гештальт» (1932) Юнгера и «Языческий империализм» (1928) Эвола до «учебников по выживанию» в современном мире, представленных прежде всего произведениями «Через линию» (1950), «Лесной путь» (1951), «У стены времени» (1959) и «Оймесвиль» (1977) Юнгера и «Ориентации» (1950), «Люди и руины» (1953), «Оседлать тигра» (1961) и «Лук и булава» (1968) Эвола.

Но наиболее рельефно диалог философов проявился в таком тексте Эвола, как ««Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера» (1960), где автор, излагая оригинальную концепцию Юнгера для итальянского читателя, вместе с тем делает ряд критичных замечаний, показывающих различие их видения деструктивных процессов современности и концептуализации возможного субъекта противостояния. Такие расхождения, как уже было отмечено, заложены в симпатиях Эвола к интегральному традиционализму (более всего на него повлияли Рене Генон, Гвидо де Джорджио и Герман Вирт). Труд Генона «Кризис современного мира», в частности, нашел продолжение в «Восстании против современного мира» (1934) Эвола, наметившем контуры политизации традиционалистской доктрины Генона.

Довольно показательна данная Эволой оценка эвристики Рабочего с традиционалистской точки зрения. С одной стороны, Эвола почитал его как воплощение военно-аскетического идеала, представленного кастой кшатриев. Напомнив, что одним из самых актуальных требований «Рабочего» является создание определенного типа этики, стиля и мировоззрения, которые, «при всей своей антибуржуазности», противопоставляются «марксизму и коммунизму», Эвола определяет их репрезентанта следующим образом: «Тип заимствует приемлемые для себя характеристики у определенного активного и реалистичного идеала человека, чуждого культу индивида, аскетичного и обладающего иммунитетом против “буржуазного декадентства”, описанного уже крайне левыми идеологиями. Равным образом он вбирает в себя отдельные элементы стиля, выработанные их противниками, революционными антикоммунистическими национальными движениями, которые, к сожалению, основательно навредили себе неразборчивостью в выборе мифов и ориентиров» [8, с. 170].

С другой стороны, Эвола убежден: «Новый человек, выбирая “огненный путь саламандры” [...] не может рассчитывать на наследие традиционного мира (многие мотивы которого, как мы видели, хотя и вспоминаются с чувством ностальгии, парадоксальным образом смешиваются с жесточайшим модернизмом новейшего образца) ...» [8, с. 177–178].

Однако именно «парадоксальное смешение» несовместимого и, в частности, «жесточайший модернизм новейшего образца» являются отличительным признаком КР как «третьего пути» между правой и левой идеологиями, способного инкорпорировать отдельные черты

каждой из них в качестве философско-политического антицентра, о чем, собственно, и сказал Эвола иными словами в своем эскизе к портрету Рабочего. Как следствие, возобновление аисторического прошлого традиции призвана совершить техника на службе у тотального революционного разрыва с нынешним, что зафиксировано в кодовой дефиниции Бержье и Повеля из «Утра магов»: «Рене Генон плюс танковые дивизии». Именно этот второй момент, как видим, станет предметом отрицания у Эвола. Так, в работе «Гитлер и тайные общества» (1972) компетентный знаток эзотерических доктрин Эвола утверждает, что такая фраза «могла бы заставить этого выдающегося представителя традиционалистской мысли и эзотерических дисциплин с негодованием перевернуться в могиле» [3].

В то же время, вместе с концептуальным арсеналом парадигмы, такие характеристики КР, как «реакционный модернизм» или же «органологичный сверхмодерн» свидетельствуют о невозможности однозначной идентификации КР с традиционализмом как анти-модернизмом. По словам Юнгера, «революция разрушает традицию как форму, но именно поэтому исполняет смысл традиции» [9, с. 97]. Правда, сам ориенталист Генон соглашался с более «прозападным» Эволой далеко не во всё. Также мы убедимся, что адресованные Юнгеру упреки Эвола оказываются весьма надуманными.

Ведь оба начинают свои поздние труды констатацией тотального отсутствия тех ценностей и институций, которые достойны сохранения или защиты. Но если в «Ориентациях» 1950 г. Эвола уверенно провозглашает: «Сегодня мы находимся в более благоприятных условиях, поскольку позиции уже определились, маски сняты, и достаточно оглянуться вокруг, взглядеться в лица людей, начиная от простых прохожих до депутатов парламента, чтобы четко понять, какими мы не должны быть» [6, с. 428], то через десять лет шансы на победу «тех, кто выстоял среди руин», он оценил уже не так оптимистично: «Именно для их идеологической ориентации нами была написана книга «Люди и руины». Однако с учетом позднейшего опыта мы вынуждены признать практически полное отсутствие предпосылок, необходимых для достижения какого-либо достойного конкретного результата в подобной борьбе» [7, с. 352].

В итоге «свободный человек из одного только чувства самосохранения обязан подумать о том, как ему себя вести в мире, в котором нигилизм не только стал господствующим, но и, что хуже, превратился в нормальное

состояние» [12, с. 42]. Развернутой формой этих размышлений, в центре которых стоит «человек особого типа», и есть такая классика жанра, как «Оймесвиль» Юнгера и «Оседлать тигра» Эвола.

Однако если детальное исследование манифестаций «человека нового типа» во всех сферах общественной жизни – от политики до искусства – составляло содержание юнгеровского «Рабочего», то в послевоенное время эту эстафету перенял Эвола, превратив «Оседлать тигра» в настоящий компендиум стратегий выживания «иног человека» в современном мире, раскрытом в самых разнообразных плоскостях, – снова-таки от «партий и политики» до музыки и личной жизни.

Юнгер, напротив, переходит к крайне метафоричному и афористичному изложению своих мыслей, за что наталкивается на очередное критическое замечание Эвола: «...можно сказать, что “Рабочий” в некотором смысле стал чужим для своего автора, дальнейшее творчество которого хотя заметно прибавило ему славы (сегодня он считается одним из крупнейших немецких писателей), с духовной точки зрения утратило прежний уровень, как вследствие преобладания литературно-эстетического момента, так и под влиянием идей другого порядка, иной раз даже противоречащих тем, которыми вдохновлялись его ранние произведения» [8, с. 13–14].

Юнгер в переписке по поводу «Рабочего», датированной 1970–80 гг., признался, что он «закрыв эту тему», что «эта тема для него позади», что 20-е гг. «сказались» на стилистике письма, что он жалеет о том, что в текст просочилась критика времени, в частности, «бюргера», однако столь же однозначно признает, что, несмотря на то, что его поздние произведения внесли поправки, и рассматриваемые в «Рабочем» процессы, возможно, когда-нибудь предстанут в ином свете, все события после 1932 г. только подтверждают его концепцию, хотя его это и «не радует» [10, с. 430–440]. То есть отречься от своих «прежних» взглядов Юнгер и не думал. Интересно, что переиздание собственного консервативно-революционного *opus magnum* «Языческий империализм», в отличие от остальных произведений, Эвола не планировал вообще, хотя это не отменяет явную преемственность относительно данного очерка поздних текстов мыслителя.

Но, прежде чем начать позитивное изложение концепций философов, рассмотрим более существенную инвективу итальянского барона: «Кроме того, если бы мы анализировали самые последние произведения Юнгера, то мы напрасно искали бы там максимы, подобные тем,

которыми изобилует “Рабочий” [...] Более того, в “Лесном пути” (Der Waldweg, Франкфурт, 1945), где забавным образом вновь появляются те ценности, которые ранний Юнгер безусловно заклеил бы как “бюргерские”, он прямо доходит до изучения способов, открывающих индивиду путь к бегству и тайному сопротивлению миру, контролируемому тоталитарными силами...» [8, с. 173–174].

Также Эвола добавляет, что когда он уже отправил труд «“Рабочий” в творчестве Эрнста Юнгера» в типографию, вышло произведение «У стены времени», в котором Юнгер частично реабилитирует высказанные в «Рабочем» идеи. Однако традиционализм Эволы сказался и на прочтении этого философско-исторического эссе немецкого мыслителя: «Прежде всего серьезный подход к метафизике истории (концепция времени, доктрина четырех мировых циклов, эсхатология и т.п.) не позволяют довольствоваться личными взглядами, пусть даже они являются плодом размышлений мудрого и творческого ума; здесь требуется обращение к объективному, традиционному знанию» [8, с. 184–185]. Наконец, Эвола прямо противопоставляет юнгеровской собственной книгу: «Как мы уже говорили, этот круг вопросов, без сомнительной эсхатологической подоплеки, подробно рассматривается нами в уже упомянутой книге “Оседлать тигра”» [8, с. 185].

Комизм этой ситуации в том, что та же самая судьба постигла самого Эволу. Так, «некоторым исследователям творчества Юлиуса Эволы – в частности, переводчику его книг на французский язык и глубокому знатоку трудов и жизни Эволы Филиппу Байе – казалось, что “Языческий Империализм” или, точнее, статус “языческого империалиста” является в некотором смысле антитезой “обособленного человека” из последней книги “Оседлать Тигра”, который, в свою очередь, гораздо ближе к раннему дадаистскому периоду» [1]. И хотя мы и без того вынуждены рассматривать эти упреки как своего рода «интеллектуальное кокетство» со стороны Эволы, в поисках объяснения такого парадокса обратимся к нетривиальным и востребованным «синтетическим» способностям исследователя КР Александра Дугина.

Согласимся с тем, что перемены происходят не столько с «новым типом», сколько с миром, к трансформации которого и адаптируется с помощью того или иного способа «обособленный человек». А именно: «в тот период, когда в цивилизации налицо превосходство антисакральных и антитрадиционных, антидуховных процессов, когда эти процессы

начинают преобладать, “обособленный человек” акцентирует свое неприятие внешнего мира, свое отрицание, свой “анархизм”, свое “НЕТ” [...] Но, в отличие от “чистых нигилистов”, “анархистов слева”, в случае возникновения во внешнем мире малейших признаков обратных, духовных, реставрационных процессов, ратующих за восстановление Традиции, за возврат к Сакральному, “обособленный человек” тут же обнаруживает “утвердительную”, “созидательную” сторону своей внутренней природы, обнажает свое внутреннее великое “ДА”, “вечное ДА Бытия” (“ewige Ja des Seins”), как писал Ницше» [1].

Ответом на искусственное противопоставление у Эволы своей и юнгеровской книги будет конкретное сравнение их текстов, хотя немецкому философу, который никогда и не считал себя традиционалистом, действительно недостает стройной схемы исторических циклов, согласно которой современная эпоха пребывает в завершающей фазе цикла, совпадая с «железным веком» Гесиода или «темным веком» (кали-югой) индуистской доктрины. Впрочем, поздний Юнгер придерживался собственной не менее красноречивой философии истории, в свете которой современность является эпохой господства Титанов, представленных гештальтом Рабочего (Прометей), хотя, вслед за Гёльдерлином, Юнгер был убежден в возвращении Богов, которые когда-нибудь придут на смену «железным». По словам Эволы: «положительное решение этой проблемы можно проиллюстрировать образом, заимствованным у Гофмансталя (Hofmannsthal), который говорит о встрече между теми, кто научился бодрствовать в течение долгой ночи и теми, кто может появиться на рассвете нового дня» [7, с. 23].

Понятие «особенного человека» довольно однозначно говорит о том, что книга «Оседлать тигра», ретроспективно провозглашенная «учебником правого анархиста», вряд ли предназначена широким массам: «Напротив, мы имеем в виду исключительно тот тип человека, который, несмотря на свою полную вовлеченность в мир, включая те его области, где современная жизнь достигает наивысшего уровня проблематичности и остроты, внутренне не принадлежит этому миру, не намерен ему уступить и в душе чувствует себя существом иной породы, отличной от большинства наших современников» [7, с. 5].

С учетом масштаба консервативной ревизии, свойственного «особым людям», которые «не просто признают необратимость процессов распада и отсутствие всякой возможности вернуться назад, но, даже

при наличии такой возможности, не пожелали бы ей воспользоваться» [7, с. 67], Эвола отказывается от реакционных попыток сохранения наличного в пользу известной ницшеанской максимы «подтолкни то, что падает», перифразированной в свое время в «Рабочем». Ведь «смысл этого дальневосточного правила состоит в том, что если вам удастся оседлать тигра, то благодаря этому вы не только помешаете ему напасть на себя, но, удержавшись на нем, сохранив хватку, сможете в конце концов его одолеть» [7, с. 18].

Эвола, настаивая на том, что в условиях тотальной дискредитации современных политических институций единственным принципом, которым целесообразно руководствоваться «человеку особого склада», является принцип «аполитейи», одновременно добавляет, что это вовсе не исключает участия в политической жизни, просто этот вид деятельности теряет свой привилегированный характер, нормальный в традиционном обществе. «Действительно, отрешенный человек не является ни профессиональным аутсайдером сомнительного толка, ни “отказником”, ни анархистом» [7, с. 354].

Ведь неотъемлемым признаком «человека особого типа» является наличие специфического экзистенциального («трансцендентного») измерения, которого анархисту как раз не хватает. В более позднем сборнике «Лук и булава», в частности, в эссе «Молодежь, битники и правые анархисты» Эвола употребляет термин «правый анархизм» в качестве демаркации между «особым человеком» и разными проявлениями бунтарей «без знамени» и «без причины», настолько мало в них осталось даже от «анархистов слева». Так, в отличие от молодежи, которую, по мнению Эволы, «уместнее назвать не потерянными поколением, в соответствии с привычным выражением (им чересчур часто злоупотребляют), но скорее сокрушенным, раздавленным или травмированным поколением...» [8, с. 179], правый анархист совсем не выступает абсолютным нигилистом. «Бунт битника полностью реактивен, он не имеет положительной основы, то есть точного представления о том, что есть нормальный и осмысленный порядок, и твердого осознания основополагающих принципов», тогда как «... правый анархист, напротив, твердо знает, чего хочет, и понимает, на что он опирается, говоря свое “нет”» [5, с. 328]. Кроме того, для Эволы очевидно, что популяризация оппозиционных настроений привела к заметному «снижению интеллектуального уровня современных “протестантов”» [7, с. 62].

Считая первым признаком правого анархиста полностью антибуржуазный образ жизни, философ замечает: «В ранний период своего творчества Эрнст Юнгер не боялся написать: “Лучше быть преступником, чем бюргером”; естественно, это высказывание не следует понимать буквально, но всё же общее направление в нем задано совершенно точно» [5, с. 342]. С другой стороны, Эвола не переоценивает коэффициент полезного действия организованного сопротивления, за которое можно заплатить непомерную цену. Хотя, по его мнению, «если сегодня можно было бы создать действующую организацию типа Santa Vehme, способную держать главных виновников современного подрывного движения в постоянном страхе за свою жизнь, это было бы очень неплохо» [5, с. 346].

Теперь рассмотрим модель Анарха Юнгера. Собственно, основания, на каких Эвола имеет право противопоставлять свой концепт «обособленного человека» Waldgänger'u из «Лесного пути» Юнгера, совпадают с основаниями, на которых сам Юнгер противопоставлял последнему своего Анарха из «Оймесвиль». Новелла «Оймесвиль», увенчивающая футуристический роман-антиутопию «Гелиополь» (1949), в концептуальном плане является итогом эссе «Лесной путь», поскольку суверенный индивид Анарх, во многом, – усовершенствованный вариант «внутреннего эмигранта» Waldgänger'a. «Различие заключается в том, что Waldgänger вытеснен из общества; Анарх, наоборот, вытеснил общество из себя. Он есть и остается бароном при любых обстоятельствах» [13, с. 147]. В отличие от Waldgänger'a, Анарх не нуждается в «лесном убежище», оставаясь посторонним наблюдателем даже в самом эпицентре социальной жизни.

Например, протагонист Анарха в новелле по имени Мартин «Мануэль» Венатор – преподаватель истории и ночной официант на службе у Кондора – тирана, правящего фантастическим городом-государством Оймесвиль. По собственному признанию героя, рефлексии которого и раскрывают философско-политические взгляды Анарха, последний может «функционировать», в том числе успешнее других, при этом сохраняя дистанцию по отношению к своему символическому мандату и «всякому требованию, выдвигаемому к нему государством, обществом, церковью, а также существованием» [13, с. 155].

Не менее старательно разделяет Анарха и анархиста Юнгер. Согласно, пожалуй, самому знаменитому афоризму из «Оймесвиль», Анарх относится к анархисту так, как монарх относится к монархисту. Если

анархист является смертельным врагом власти и государства, и бунтует до тех пор, «пока на нем не затянут смирительную рубашку еще крепче» [13, с. 115], то Анарх просто отказывается их признавать – и даже как-то «улучшать». В конце концов, «обнаружить себя таким путем – это значит как раз оказать услугу Левиафану, которая придется ему по душе, для которой он держит армию полицейских» [12, с. 55]. Анарх равнодушен к непопулярности своих идей и репутации в обществе. Оставаясь нейтральным наблюдателем, не тешащимся райскими картинками, Анарх выжидает удобный момент для решительного вмешательства; пока он не настал, «коллаборация» и «оппозиция» тождественны – ведь у Анарха нет намерения «страдать за идею» или «становиться мучеником». Жизнь для таких подвигов слишком недолговременна и прекрасна, хотя нежелательные контаминации всегда возможны. Кроме того, он лишен типичного для анархиста стадного инстинкта.

С другой стороны, Анарх наделен еще большей свободой, нежели монарх, хотя оба являются суверенами [13, с. 156]. Монарх хотел бы править многими и потенциально – всеми, но Анарху вполне достаточно властвовать над самим собой [13, с. 43]. Одновременно Юнгер делает ударение на том, что Анарху неведомо стремление быть «индивидуалистом». Его интересует только автономия, ведь свобода, в юнгеровской формулировке – это не цель Анарха; она его собственность. Свобода и власть, над самим собой, для него нераздельны: «Я Анарх – не потому, что презираю власть, а потому, что нуждаюсь в ней. Таким же образом, я не неверующий, но я человек, который требует того, что стоит его веры. В этом смысле, я подобен невесте в ее покоях: она прислушивается к легчайшему шагу» [13, с. 97]. Аналогично, по оценке Эвола, «можно сказать, что грубейшая двусмысленность позиции, свойственной анархическому индивидуалисту, состоит в его желании “быть самим собой, без каких-либо уз и обязательств”, при этом оставаясь рабом самого себя» [5, с. 330].

Наконец, подобно тому «обособленному человеку» из «Оседлать тигра», сохраняющему верность метаисторическому миру Традиции, вместо «постисторического» мира современности, Мартин из «Оймесвиль», хоть и является историком, но, как Анарх, он прежде всего метаисторик («Анарх в пространстве, метаисторик во времени» [13, с. 245]). Как правый анархист, так и Анарх, глубоко ощущая переходной характер «нашего времени», ждут возвращения Богов. И именно поэтому они придерживаются одного принципа: «предоставить силам и процессам

эпохи развиваться свободно, но одновременно с этим сохранять твердость и готовность вмешаться, когда “тигр, не в силах броситься на своего седока, устанет бежать”» [7, с. 22].

Таким образом, главные персонификации «человека особого типа», представленные Анархом Юнгера и правым анархистом Эвола, уже на уровне самих названий воспроизводят фундаментальную для КР эквилибристику между радикальной нигилистичной негацией статус-кво и неизменной открытостью к реставрации прошлого «в мире, где умер бог» [7, с. 29]. Впрочем, в отличие от своих прототипов ваймарского периода, «особый человек» позднего образца, лишенный коллективистской окраски, доводит до логического завершения ревизию идей отчизны и нации как «буржуазных изобретений», одновременно отклоняя и «гуманистический космополитизм» [7, с. 375]. Именно поэтому эволаистский стиль «активной безличности» [6, с. 429], в равной мере свойственный юнгеровскому Анарху из аллегории послевоенного общества «Оймесвиль», проводит характерную отличительную демаркацию между либеральным индивидом и правым анархистом в КР.

Литература:

1. Дугин А.Г. Юлиус Эвола, языческий империалист [Электронный ресурс] / А.Г. Дугин. – Режим доступа: <http://www.arctogaia.com/public/konsrev/dugevol.htm>.
2. Руткевич А.М. Времена идеологов: Философия истории «консервативной революции» / А. М. Руткевич. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 36 с.
3. Эвола Ю. Гитлер и тайные общества [Электронный ресурс] / Ю. Эвола. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/Article/evola_hitl.php.
4. Эвола Ю. Люди и руины / Ю. Эвола // Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. – М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 5–268.
5. Эвола Ю. Молодежь, битники и правые анархисты / Ю. Эвола // Эвола Ю. Лук и булава. – СПб.: «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2009. – С. 322–349.
6. Эвола Ю. Ориентация / Ю. Эвола // Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. – М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 424–445 с.
7. Эвола Ю. Оседлать тигра / Ю. Эвола. – СПб.: «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2005. – 512 с.
8. Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера / Ю. Эвола. – СПб.: Наука, 2005. – 192 с.
9. Юнгер Э. Время судьбы / Э. Юнгер // Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи 1923–1933 гг. – М.: «Скимень», 2008. – С. 94–99.
10. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер // Юнгер Э. Рабочий. Господство

и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. – СПб.: Наука, 2000. – С. 55–440.

11. Юнгер Э. Рискующее сердце [пер. с нем., вступ. статья, составление и комментарии В. Микушевича] / Э. Юнгер. – СПб.: Владимир Даль, 2010. – 328 с.

12. Юнгер Э. Через линию / Э. Юнгер // Судьба нигилизма: Через линию; О линии; Государство в голове, неистовство сердца; Метафизический характер модерна / Юнгер, Э.; Хайдеггер, М.; Кампер, Д. и др. – СПб.: СПбГУ, 2006. – С. 7–64.

13. Jünger E. Eumeswil / E. Jünger // Sämtliche Werke, XVII: Dritte Abteilung. Erzählende Schriften III. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. – 379 S.

В. Чередников

ЭМПИРИЧЕСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ

Основа традиционного мира и парадигмы премодерна – это признание того, что над миром вообще и человеческим миром в частности господствует метафизический Высший Принцип. Его владычество этернально, и все временные проявления подчинённых ему ноуменов и феноменов, в том числе неизбежные нисхождения, так или иначе подвластны воле Божества. Нынешняя деградация – это отдаление от первоначала. Однако при условии, что всё подчинено Его воле, имеет ли серьёзное значение в вечности то, что точка Б (мир) отстала от точки А (Первопринципа) на энное количество времени? Даже растянутая и качественно изменённая, связь между ними остаётся неразрывной. В противном случае мир просто рассыпался бы на части. Без такого фундамента мы жили бы во Вселенной сартровской «Тошноты». Но традиционалисты и сторонники теологии богооставленности превращаются в эмпириков, если считают, что Высшего Принципа теперь уже нет или что он нас оставил. Вполне эмпирический аргумент: этого нет, потому что этого не видно.

С чего началась современность? С эпохи ли Возрождения, или с Филиппа Красивого, или с Декарта, или с Великой французской революции, или с изобретения паровой машины? Вряд ли. Скорее, современность была зачата в книгах де Местра и родилась в традиционализме Генона. Подобно тому, как капитал обрёл метафизическую плоть благодаря Марксу, модерн как проблема, как парадигма, а для большинства и как символ веры вышел из лона «Кризиса современного мира». Генон – эмпирик, когда он пишет, что иерархии, традиционных ценностей и почитания Высшего Принципа в последние времена не видно. Само название его

книги – откровенная тавтология. Современность сама по себе и есть кризис. Так что, возможно, точнее было бы говорить о современности как одном из кризисных состояний традиционного мира. Традиция ниоткуда не приходит и не уходит никуда. В общем-то, люди Традиции, какими бы неадекватными они не казались сегодня, говорят о status quo. Нет ничего, что не имело бы отношения к Традиции. Хотим мы того или нет, способны мы на это или не способны, в любом случае мы живём по моделям древних мифов и пророчествам сакральных текстов.

Действительно, нет ничего нового под Солнцем! Глобализация возникла с появлением первой деревни, капитализм начал подавать признаки жизни ещё при Зигфриде, философия началась с досократического материализма, экологические катастрофы сформировали нынешний облик Земли, популярная культура использует ритмы и знаки по крайней мере тысячелетней давности, первым государством был ад, а предком телевидения была ныне утраченная сущность, в отношении которой впервые в истории Вселенной было произнесено на праязыке слово «доколе». Таким образом, основные достижения нашей цивилизации представляют собой большей частью простые заимствования. Даже то единственное, что не позволяет нам с полной уверенностью произнести фразу «На всё воля Божья» – я, конечно же, имею в виду диск «Шедевры оперы в рок-обработке», – всё равно, благодаря исполнению матросским хором «Летучего голландца» Рихарда Вагнера имеет какое-то, пусть и очень отдалённое, отношение к потустороннему владычеству.

Постмодерн виртуален. Но имодерн – нереальность, а интеллектуальная конструкция. Модерн приходит к нигилизму. Постмодерн выходит из него. Первого нет в итоге, второго нет изначально. Если понимать модерн в кантовском смысле, как совершеннолетие, то есть самостоятельность и самодостаточность человека, то это невозможно в принципе: человек всегда несамостоятелен и недостаточен. Модерн – это утопический проект (недаром ему предшествовала целая череда великих утопий), фантазия, или даже сказка, о каком-то другом – постчеловеческом, Божественном – виде существования, – о спинозовской *causa sui*. И если постмодерн – это то, чего нет, то модерн – это то, чего не было. Над векторами, монадами, таблицами индукции, геометрическими доказательствами, вольтерьянскими остротами, антиномиями, категорическими императивами, научными фактами и натуралистическими романами всегда проглядывает Высший Принцип, или Бог. Стержень рассуждений Бэкона – натур-

философский, магический. Стержень рассуждений Декарта, Спинозы, Лейбница, Беркли, Шеллинга – религиозный. Также и пафос, например, Ламетри, по природе своей магический, а пафос Вольтера – религиозный. Когда Генон критикует идеализм и спиритуализм как перенесение материализма в сферу духовного, не критикует ли он в своём эмпиризме тот же древний как мир манифестационизм с его волшебной всепроникающей материей? С другой стороны, теория богооставленности, к которой склоняются традиционалисты – что это, как не мистическая разновидность деизма? Деизма, неверного в принципе, так как Бог – не только не часовщик, но и не беглец, и не брезгливый капризник.

Эмпирический традиционализм соглашается с констатацией смерти Бога в современном мире. Но имеет ли фраза Ницше «Бог умер» абсолютный смысл? Он действительно умер, и мы даже знаем почему, но в мире «вечного возвращения» это далеко не последний факт относительно Бога. Поскольку в основе традиционного символизма лежит закон тождества, но совершенно неуместен закон исключённого третьего, можно предположить, что в нём действует логика в духе Николая Васильева: «А» в ней может быть и «не-А». То есть, премодерн может быть и отрицающим его модерном, и постмодерном. Премодерн – это единственная цельная парадигма. Остальные – только проекты, вышедшие из библиотек и кабинетов интеллектуалов.

Генон, по всей видимости, слишком верил в человека, когда предположил, что последний, словно какой-то корыстный титан, способен идти вопреки Вселенной, подчинённой Божеству. Генон сам поверил в иллюзию, которую разоблачал. В одной из лекций Александр Дугин говорил, что XX век был более древним в русской истории, чем, например, XIII или IX. Это так, и не только в отношении России: вся культура последних столетий – магическая, мифологическая, мистическая, религиозная: от Блока до Кубрика, от Джойса до Led Zeppelin, от Кафки до Пелевина, от Эда Вуда до высокобюджетных голливудских фильмов. Самая современная из современных культур – американская – в истоках своих основывается на холизме, манифестационизме, циклизме, *misterium tremendum* романтиков США, а истокам этим не более двухсот лет! Или почему, например, современный Поппер и постсовременный Делёз основные силы свои направляют против Платона, такого, казалось бы, далёкого от интересов современного мира? И каков итог? Поппер в своём утверждении Запада разрушает сам фундамент западной цивилизации – идеал античности и утопии

Возрождения, а Делёз, в своём утверждении плоского, виртуального и ризоматического, заканчивает жизнь прыжком из виртуального в подлинную трансцендентность, и делает это иерархически: сверху вниз. Нынешние времена, без сомнения, демонические. При этом демоническое – это неотъемлемая часть мира премодерна. Но были ли когда-нибудь светские времена? Возможна ли вообще секулярность в мире, целиком и полностью подчинённом воле Бога?

Современность и постсовременность – всего лишь туман, идя сквозь который, мы ощущаем под ногами всё ту же землю, по которой ходили наши праотцы. Традиционалисты, которые всерьёз принимают этот туман, и верят в ложь, ими же разоблачаемую, являются эмпириками, чья критика основывается исключительно на опыте и чувственных данных.

Если абстрагироваться от свойственного радикальным традиционалистам и консервативным революционерам эмпирического отрицания современности, то мы обнаружим у них ту основную идею, которая от гностиков через «Братьев Карамазовых» Фёдора Достоевского переходит в мистический анархизм Вячеслава Иванова и Георгия Чулкова: это идея тотального неприятия мира. Не вымышленной конструкции модерна, но мира как такового, во всей его полноте, – отрицания той безразличной Вселенной, в которой прекрасное рука об руку идёт с беспощадностью, в которой удивительные существа, от микроскопических бактерий до фиалок, от насекомых до тропических птиц, от ведущих телевикторин до представителей человечества вынуждены участвовать в процессе обмена веществ и борьбе за выживание, а в худшем случае ещё и компенсировать угасающий энтузиазм чтением теософской литературы.

Традиционалистское анархическое неприятие мира включает в себе признание только одного основополагающего качества космоса – его красоты. Для человека эстетически ориентированного это качество самодостаточно, но для тех, кто смотрит на мир также с этических и религиозных позиций, оно сопряжено с непомерными жертвами. Замечу, что под эстетически ориентированным человеком я вовсе не подразумеваю эстета в духе Уайльда и Бёрдсли, так как это был бы человек искусства, а само оно глубоко религиозно по своей природе. Светского искусства вообще не существует. И, соответственно, то, что противоречит требованиям художественного творчества, антирелигиозно. Плохо написанное толкование на Библию имеет

меньшее отношение к религии, чем талантливое описание отхожего места. Вовсе не денди принимают отвратительные стороны мира, – эти эстеты как раз крайне консервативны (о чём писал, в частности, Отто Манн) и максимально гуманны. Грязь мира допускают и оправдывают те эстетически ориентированные люди, которые отдыхают (конечно же, не без пользы для кругозора), перелистывая толстые журналы, где на одном развороте можно увидеть и фотографии жертв апартеида, и обложку рекомендуемого мистического бестселлера, и рецепт постного пирога, и милостивую девушку в шубе, изготовленной из 150 шиншилл или иного количества каких-нибудь других зверьков, которых всего неделю назад она заботливо кормила суши и приготовленным в пароварке рисом. Это люди, настолько самоотверженно преданные красоте Вселенной, что готовы убивать себя и саму эту Вселенную ежедневно, лишь бы только, возвращаясь вечерами с работы, видеть из окон маршруток и собственных автомобилей переливающиеся огни витрин и мерцание рекламных щитов. Отвергая всё это, эмпирический традиционализм отрицает вовсе не вымышленную им современность, но то же самое, что отрицали аскеты и бунтари древности: космос, всё так же, как и в самом начале, подчинённый Божественной воле. В этом вечном «Нет» бытию – прохождении страшного испытания, которое Бог даёт всем существам. Но вовсе не в декадентские времена Захера-Мазоха, а гораздо раньше большинство людей истолковало такое испытание как особый род извращённого удовольствия, или, в более широком смысле, как прелесть.

Идеализация прошлого ничем не отличается от идеализации настоящего. Концентрационный мир как следовал, так и продолжает следовать логике Высшего Принципа, преподающего нам урок выхождения за пределы действительного и возможного через перманентную инициацию. В наше время «А» и «не-А» обнаружили свою противоположность и одновременно своё единство с такой очевидностью, какой не было, наверное, никогда раньше. Тёмная, демоническая сторона всеобъемлющего Первоначала сегодня проступает с особой отчётливостью. Но рано или поздно, в соответствии с диалектическим принципом, или ведомая Божественной волей к метаморфозам и круговращениям, она вновь станет светлой. Единственная проблема может заключаться в том, что после этого чудесного превращения о нашем мире кто-нибудь скажет: «Свет горит, а дома никого».

В. Чередников

СИМПАТИЯ К ЛЕВИАФАНУ

В США – стране модерна, нормы, цивилизации, прагматизма, рассудочности, частных интересов, логем, бесконечной череды ограничивающих одна другую свобод, казалось бы, не должно было остаться места для мифов и хаоса, духовной иерархии и анархического своеволия. Однако, извне мы со смутным постоянством улавливаем в ней что-то не вполне чуждое, – не только мертвенную социальную мифологию, служащую целям правителей явных и тайных, но и отдельное от неё огромное живое существо, змееподобную химеру, дыхание которой достигает нас через Атлантику, – Левиафана, родственного хтонической богине русского пространства.

С позиции классической геополитики это чудовище является символическим воплощением врага земли, но мы живём во времена последних смещений, когда законы дистанции либо действуют из волонтаристского противоречия, либо не действуют вообще. В Левиафане заключена не только вся магия Америки, но и вся её смерть. Спустя века после Еноха Омраченного американский романтик Герман Мелвилл оставил пророчество столь же насыщенное и ошеломляющее, как и его предшественник, взятый в рай во плоти. Он создал образы Америки-корабля и её кораблекрушения вследствие столкновения с собственным сокровенным смыслом – Моби Диком, или Левиафаном.

Афроамериканский философ Корнел Уэст, инициировавший, в свою очередь, «матрицу» как парадигмальный миф, отметил одну очень тонкую черту в романе о Белом Ките: Измаил, единственный уцелевший в данной религиозно-геополитической катастрофе, остаётся в живых, держась за гроб, и «видит в этом гробе спасение». Иными словами, фатальное смертоносное буйство Левиафана акцентирует для избранного судьбой человека сотериологический смысл того, что уходит в землю.

Какова парадигмальная среда обитания Морского Змея? То, что приводит нас к замешательству относительно этого чудовища, действительно находится в самой природе его тёмной космической игры. Может ли этот титанический гибрид, воображаем ли мы его себе как Белого Кита, или же как выходящего из моря Зверя с семью головами и десятью рогами, существовать в здравомыслящей парадигме модерна?

Вероятность этого практически равна нулю. Для постмодерна он

слишком доисторический, слишком метафизический, а премодерна в США вообще не было и не могло быть. Остаётся только один ответ: Левиафан жизнеспособен исключительно в той болезненной парадигмальной аномалии, которую Александр Дугин определил как «археомодерн». Но необходимо отметить, что в случае США это не аутентичный археомодерн как внешнее навязывание либерально-рационалистической логики автохтонной архаике, ставшее уже странной нормой для подавляющей части земного шара. Американский археомодерн – это двойная аномалия, поскольку здесь на вполне сложившийся модерн радикальным образом накладывается элемент архаики.

Уместен вопрос: насколько вообще возможен феномен археомодерна в западном мире? В Европе обращение к архаическому носило эстетский характер *par excellence*. Вдохновение, которое Пикассо получал от африканских масок, Арто от балийского театра, а лондонские и манчестерские музыканты – от афробита, *jujuka*, даба и регги, было культурным поводом, формой увлечённости, введением и интерпретацией нового неизвестного в уравнение Запада, которое только акцентировало архаический «икс» в фундаменте его коллективного бессознательного.

Всё это явилось подходящим к концу продолжением изысканного «путешествия на Восток», некогда начатого в клинической яви и опиумных снах Нервалем и де Квинси. Во всём этом не было и тени жадности или навязчивости. Даже голод, о котором писал Арто, был временным постом, в продолжение которого готовят ритуальное воскрешение архэ, – не только помня о том, что такой период аскезы закончится, но и успокаивая или подгоняя себя уверенностью в знании о точной дате его завершения (то ли праздником нового Рождества, то ли ночью Страшного Суда).

Устав от рассудочности и исторического опыта, сократическая Евро-па предпочла встретить свою старость в обществе опьянённых алкоголями бессознательного молодых людей – от Артюра Рембо и Яна Кёртиса до поджигающих машины и бьющих витрины мальчишек. Она окружила себя самыми юными, чтобы научиться у них умирать.

Америке ещё нужно было освоить науку рождения. Это страна, душа-кукушка которой, не дожидаясь геофизического зачатия, вселилась в постороннее тело из ниоткуда. Подобно доктору Фауст-ролли, она появилась на свет в 36 лет, скорее всего даже старше. Возникла,

обделённая как священным детством преמודерна, так и цветущей юностью Ренессанса. И начала, словно известный герой Фитцджеральда, жизнь наоборот.

США – страна антиподов, перевёрнутый мир. Их бессознательное прагматично и рассудочно. Их сознательный интеллектуализм и рационализм (По, Лавкрафт) безрассуден и вызывает бредовые сны. Их стремление к архаике анархично (как, например, у хиппи и Хаким-Бея); их утверждение модерна тоталитарно.

В Европе существует жёсткая естественная дифференциация между массовым сознанием и коллективным бессознательным. В Америке коллективное бессознательное содержательно ничем не отличается от массового сознания европейского типа (в общем-то, стандартные психоаналитические процедуры выявляют это ежечасно), а архетипы и архаические фрагменты вытеснены в сознание отдельных личностей. На коллективном трансиндивидуальном уровне у американцев, без сомнения, преобладает модерн, а архаика парадоксальным образом проступает благодаря отдельным личностям, предки которых, должно быть, сумели не растерять во время пересечения Атлантики те самые зёрна архэ, которые выявили в светском европейском обществе Элиаде и Юнг. Также контрабанда архаического осуществилась через завезённых на континент чёрных рабов.

Заемствующая природа Америки времён «Нового Адама» требовала восполнить зияющую пустоту: отсутствие мистического детства сакральной Традиции. Конечно, никакие секты не могли справиться с этой задачей по причине, весьма существенной в этом новом перевёрнутом мире: они были слишком коллективны и слишком бессознательны. Заново создать принцип архэ в уникальной стране, обратной всему человеческому миру, могли только сознательные индивидуумы, каковыми оказались романтики второго поколения.

В отличие от европейского, американский индивидуализм был единственным связующим звеном между человеком и миром надчеловеческим. В эссе Эмерсона и Торо личность впервые со времён Возрождения предстаёт не как очередное воплощение «единственного» с его собственностью, взглядами, сомнениями, предпочтениями и миропониманием, но как *persona* античной древности, через метаморфозы которой вновь проступает священная трансцендентность. Эти авторы, – равно как и По, и Мелвилл, и Уитмен, – в своём интуитивном перенниализме, зачастую переходящем в

традиционализм едва ли не эволаистского образца, были одержимы преследованием архэ как Эроса Невозможного. Они уподобились Ахаву, стремящемуся отмстить Белому Китаю не столько за его неотвратимость, сколько за его ускользание, – уплывание и ускользание ноумена от познания, *Dasein* – от существования, архэ – от их собственного рождения и места, где они появились на свет.

Так, через погоню за невозможным, они наложили образ архаического Левиафана-Моби Дика на страну, в которой изначально сложившимся и действительным был только модерн. Это явилось началом подлинной культуры и мифологии США, а также возникновением американского археомодерна. Расхожее утверждение, будто «Америка – страна возможностей», в корне неверно. Это страна, в которой никогда не было ничего потенциального. Страна, с одной стороны, действительного, а с другой невозможного (Европу можно представить как страну действительного и возможного, страны Востока, Африки и Южной Америки – как носительницы невозможного и возможного, а Россию как невозможное в чистом виде).

Страсть к обретению дикого, древнего, сакрального, архаического отличала дышащую, растекающуюся по континенту фронтиром Америку от Европы, у которой некогда был преמודерн и которая поместила его фрагменты, переступив через целое, в музеи, архитектуру и коллективное бессознательное. Точнее всего эту разницу отметил в своём дневнике за 1851 г. Генри Торо: «Английская литература, начиная с песен менестрелей и кончая поэтами-лейкистами, включая Чосера, Спенсера, Шекспира и Мильтона, не дышала своим воздухом, в ней не хватало дикости и напряженности. Это, в основном, цивилизованная, прирученная литература, отражающая отблеск Греции и Рима. Дикость ее – зеленая лесная лужайка, а ее дикарь – Робин Гуд. В произведениях английских поэтов много истиной любви к природе, но очень мало самой природы. Книжки по истории рассказывают, когда вымерли дикие животные, но мы не знаем, когда исчез последний дикарь Англии. Вот почему нужна была Америка».

«Мэйфлауэр», а за ним другие корабли привезли в Новый Свет вычищенную и прощённую фаустовскую культуру Запада, полностью поглощённую университетским знанием жизни. А американские романтики, не без влияния Гёте, познакомили последователей Декарта, Бэкона и Локка с их судьбоносным тёмным спутником ещё до того, как те успели бы разочароваться и честно попытаться наложить на себя руки.

Однако, вместо демона со светскими манерами и прекрасной Елены показали им в пророческих снах другое чудо – огромное существо, выходящее из морских глубин.

Итак, в США именно отдельные сознательные личности были инициаторами и реализаторами архаизации модерна, в отличие от остального мира, где архаика с некоторых пор может существовать только в среде коллективного бессознательного, а частный человек в здравом сознании олицетворяет собой как раз установку секуляризованной современности.

Причём, далеко не все представители американского романтизма такими личностями являлись. Некоторые из них старались копировать или развивать, иногда успешно, романтизм европейского типа (среди них Ирвинг, Купер, Логфелло, Лоуэлл, Уэнделл Холмс, Маргарет Фуллер, Уиттгер, Бичер-Стоу, большая часть трансценденталистов и аболиционистов; один автор – Эмили Дикинсон – явление слишком частное, чтобы разделять судьбу какой-либо страны или отдельного направления в духовной жизни, хотя некоторые всё-таки называют её американкой и романтиком, в любом случае, предпочтительней воздержаться от попытки её классификации; другой писатель, Натаниэль Готорн, обладал чрезвычайно мощной символической интуицией, но постоянно сбивал её нарочитыми нравственными заключениями, что позволило ему только догадываться о глубинах перевёрнутого индивидуального сознания, из которых черпали образы и энергию некоторые его современники). Это было неотъемлемой составляющей бессознательного коллективного модерна с обязательной печатью идеалов равенства, эмансипации, сентиментального руссоистского «благородного дикаря» и проч.

Но как в эстетическом и философском отношениях, так и в вопросе о национальной самостоятельности такие романтики оказались художниками второстепенными рядом с диалектически напряжёнными творцами американской мифологии, создавшими обращённые к Абсолюту шедевры: Эмерсоном, По, Мелвиллом, Торо и Уитменом. Этих пророков культуры Соединённых Штатов можно выделить в отдельную категорию «американских космистов», которая, выступая за границы собственно романтизма, позволяет заключить перечень великих визионеров именем Говарда Филиппа Лавкрафта, запечатлевшего номенальную океаническую тень Америки в образе Дагона.

Характерной чертой американского космизма, объединяющей его

и с русскими философами, и с мировидением премодерна, является холизм. Мир воспринимается как тотальная целостность, что зачастую приводит к путанице при попытке систематизации взглядов, в частности, Эдгара По и Эмерсона: они словно не желали замечать разницы между нигилизмом, монизмом, дуализмом и плюрализмом, между метафизическим и диалектическим, идеалистическим и материалистическим, создавая внешне противоречивые модели Вселенной, внутри которых были сняты любые разумные противоречия, но обнажены все неразумные. Они смешали в одно целое христианство, гностицизм, алхимию, буддизм, «Бахавадгиту», «Упанишады», ислам, Фладда, Ньютона, Канта, Шеллинга, Паскаля, Лапласа, Гумбольдта, Кольриджа, Гершеля, – и что самое удивительное, им действительно удалось добиться целостности в этом сумбуре идей. В общем-то, это не что иное, как философия идиотов (если понимать это последнее слово в сакральном смысле, который вкладывали в него Достоевский и Ницше).

Американский космизм и связанная с его влиянием культура США – первый уровень американского археомодерна, уникальное в духовной жизни народов наложение архэ избранной личностью, раскрывшей свою трансцендентную потенциальность, на общество модерна (Уолт Уитмен, этот самый американский из американских поэтов, писал о США модерна, торговцев и промышленников как о «сухой, безжизненной Сахаре души»; впоследствии Ницше, которого с автором «Листьев травы» связывала увлечённость философией Эмерсона, предупредит об участии тех, кто несёт в себе пустыню). Благодаря этому феномену выводится на свет и второй уровень, уже вполне соответствующий аутентичной концепции археомодерна, предложенной Александром Дугиним. Это противостояние тотальной модернизации изнутри её пространства, осуществлённое представителями рас, не пожелавших преодолеть или забыть архэ, но напротив, совершающих его действительное воспоминание.

Выразителями данной формы археомодерна в США являются индейцы и чёрные (здесь, я думаю, следует наконец отказаться от демократического политкорректного слова «афроамериканец», поскольку герои, противодействовавшие «белым протестантам» с их ценностями, подобно ценам меняющимся в зависимости от экономической ситуации, научили своих братьев справедливо гордиться чёрным цветом кожи).

Во многом black riot стал возможен благодаря интеллектуальному влиянию такого американского космиста, как Генри Торо. Его речь о гражданском неповиновении с провозглашённой в ней идеей долга ненасильственного сопротивления светской государственной власти повлияла на Мартина Лютера Kinga, а поздние эссе в защиту Джона Брауна, убившего нескольких обывателей в Харперс Ферри, своей откровенной апологией насилия предвосхитили появление «Нации ислама» и «Чёрных пантер».

Следует отметить, что за исключением прямого или косвенного влияния американских романтиков, предоставившего чёрным бунтарям первый *carte blanche*, те черпали вдохновение для восстания вовсе не в светских идеологиях вроде марксизма, социал-демократии или классического анархизма, а тем более не в слезоточивом аболиционизме Уиттьера и «Хижины дяди Тома», но в премодернистических источниках первохристианства (Мартин Лютер Книг), ислама (Малкольм Икс) и учения Платона (Хьюи Ньютон). Это была социальная мифология, которая, конечно, не могла не быть неразрывно связанной с подлинной американской культурой.

Чёрная эстетика немыслима в отрыве от поведенческого плана: в то время как Сатчмо закомплексованно строил из себя шута перед белой публикой, такие музыканты как Роберт Джонсон и Птица отказались улыбаться: в душном десакрализованном мире модерна, окружавшего их, не было ничего ни милого, ни смешного. Затем и белый архаик, своим диким, совершенно нецивилизованным поведением смущавший даже находящихся в благодной полудрёме хиппи, отчеканит формулу, с которой начинается всякая революция: «No Fun». Её подхватят панки, а после них всё станет действительно смешно.

В попытке систематизировать сказанное воспользуюсь схемой Николая Кузанского, которая, если представить её в перевёрнутом виде, послужит зримым образом парадигмы археомодерна:

Чёрный треугольник – археомодерн в США. Белый – археомодерн в мире.

1 – Эдгар По, Лавкрафт, Роберт Говард, а также – протопанк («The Stooges»), Кеннет Энгер и некоторые фильмы ужасов, прежде всего восходящие к лавкрафтианской мифологии, как космической («Чужой»), так и хтонической («Ночь живых мертвецов», «Реани-матор», «Зловещие мертвецы») – адаптируются в постмодерне (как материал для последнего).

2 – Мелвилл, Уитмен, Эмерсон – адаптируются в модерне (как скрытая подрывная сила, саботаж).

3 – Торо, через проповедь ненасильственного сопротивления с одной стороны, и через апологию насилия с другой, представляет собой связующее звено между романтиками и black riot (4).

4 – Чёрные революционеры (Мартин Лютер King, Малкольм Икс, Хьюи Ньютон и т. д.) и художники (Паркер, Колтрейн, Эйлер, Коулмен, Майлз Дэвис, фри-джаз в целом, сырой фанк, Джеймс Браун, «The Band of Gypsies») Джимми Хендрикса, «The Last Poets», Баския, Спайк Ли, трэш-фильм «Чёрное гестапо» и т. д.)

5 – субкультуры гетто, индейцы и чёрные рабы (адаптируются в премодерне или выхвачены из него).

1, 2, 3 – мифы культуры как почва для социальной мифологии.

4, 5 – социальные мифы как почва для культурной мифологии.

Уровень I – индивидуальное восполнение отсутствия архэ его образом.

Уровень II – коллективное противостояние навязанному модерну через «вспоминание» архэ.

Археомодерн США, как видно из комментария к схеме, отличается от мирового высоким уровнем адаптации и активностью (в то время как обычный псевдоморфоз данного типа пассивен). Он является внутренним противостоянием автохтонному американскому модерну.

Активность противостояния индивидуально-архаического коллективному модерну делает невозможным в Америке эзотеризм (особенно это очевидно на примерах сатанизма Ла Вей, сайентологии Хаббарда и бесчисленных теософских и кроулианских сообществ). Активность означает очевидность, несокрытость образов архэ.

В качестве дополнительных иллюстраций укажу на два произведения кинематографа, в которых специфика американского археомодерна представлена с наибольшей ясностью. Первое – фильм Джармуша «Пёс-призрак: путь самурая», главный герой которого живёт жизнью дифференцированного человека (или анарха) в мире модерна, убожество которого отражено режиссёром с беспощадной иронией. В гештальте этого ровно стоящего среди руин персонажа соединены в неразрывное целое архаическая субкультура негритянского гетто и самурайская этика средневековой Японии, не оставляющие возмож-

ности для внутреннего примирения с современной деградацией (показателен один из диалогов этого фильма: «Ghost Dog: You know, in ancient cultures, bears were considered equal with men. Hunter: This ain't no ancient culture here, mister. Ghost Dog: Sometimes it is»). Отмечу также, что и гроб у Мелвилла, и земля с живыми мертвецами у По и Лавкрафта, и живая земля у Торо, и медведь у Джармуша напрямую связывают американский археомодерн с фундаментальными русскими символами).

Второе – фильм Годара «1+1», который является гениальной интуицией относительно указанной аномалии духовного развития Соединённых Штатов. В данном произведении проводится параллель между собранием «Чёрных пантер» и созданием песни «Symphony for the Devil». Последняя представляет собой квинтэссенцию тёмной стороны романтизма, подчинённого архаическому ритму. Сочиненная британской группой, она, тем не менее, смогла в полной мере обнаружить свой разрушительный потенциал только на почве активного археомодерна, как это и случилось в Алтамонте.

Вопреки правилу арифметики, в парадигмальном анализе от перестановки слагаемых сумма всегда меняется: «мифос» + «логос» = «логос» (так в классической смене парадигм); «мифос» + «логос» ≠ «мифос» и «мифос» + «логос» ≠ «логос» (так в мировом археомодерне); наконец, «логос» + «мифос» = «мифос» (так в археомодерне США – для русского археомодерна ни одна из этих формул не действительна, так как его слагаемые, как отмечал Александр Дугин, – это «хаос» разных уровней. Кроме того, сложение русского хаоса не ведёт ни к какому «равно»). В последнем случае переход от мифа к логосу уступил место обратному движению – от логоса к мифу, пророками которого были европейские и русские философы (в частности, Ницше, Сорель, Лосев, Юнгер).

Главный миф американского археомодерна в лишённом дистанций, сузившемся и измельчавшем постсовременном мире чувствует тесноту. Огромный Зверь, не сдерживаемый уже различиями и расстояниями, выходит в реальность из осушаемого нами океана невозможного. Его богохульные имена – Левиафан, Морской Змей, Моби Дик, Дагон – какого бога они оскорбляют? Не человека ли новых, последних времён, в помыслах (а этого достаточно) убившего подлинного Бога и узурпировавшего Его трон? Кроме этих двух, у нас теперь нет богов.

В заключение приведу отрывок из Библии. Псалом 73, посвящённый временам богооставленности, открывает картину обращённого в руи-

ны мира, в котором храмы разрушены, рыкающие враги «поставили знаки свои вместо знамений наших» (4), повсюду царит насилие (20), а Божественное святилище осквернено и предано огню (7). «Для чего, Боже, отрунул нас навсегда?» (1) – вопрос риторический. Тут всё предельно ясно. Труден другой вопрос. С отчётливым постоянством мы улавливаем в этом апокалиптическом пейзаже что-то не вполне чуждое, – не только мертвенную цивилизационную логику, служащую цели окончательной и неминуемой, но и связанное с ней огромное живое существо, змееподобную химеру, дыхание которой достигает нас через Атлантику, – Левиафана, обитающего в мистическом ноктюрне планетарного пространства. Псалом гласит: «Ты сокрушил голову левиафана, отдал его в пищу людям пустыни» (14). Возможно ли, что эти «люди пустыни» – те самые, о которых говорили Уитмен и Ницше? И если так, то не является ли их чудовищная пища плотью их ноуменального бога, к которой они приобщаются, как приобщались к хлебу, преломленному Сыном, те, кого Он ещё не оставил? Плотью обезглавленного демонического морского Царя, которым Бог-Отец жертвует в этом мире, как невинным агнцем? Декапитация Царя – это его переход от «нигредо» к «альбедо», во время которого Левиафан наконец обретает свою «всцветную бесцветность» – очистительную, но от того не менее жуткую белизну.

В. Чередников ТОЛЬКО ДЛЯ СУМАСШЕДШИХ

М.Б. – Ex Borea Lux

Выдающийся феноменолог Эдмунд Гуссерль считал, что источником того, что он определил как кризис европейского человечества, явился не столько рационализм, сколько искажённая, дефектная рационалистическая тенденция эпохи Просвещения, основанная на механицистском редукционизме и исключившая всё, принадлежащее духовной сфере. Однако даже беглый обзор философских тенденций нескольких последних столетий заставляет усомниться в верности этого, на первый взгляд, совершенно оправданного, предположения. Духовное и сакральное, мистическое и мифологическое остаются неизменной осью, вокруг которой вращаются занимающие человечество идеи. Всё без исключения рано или поздно становится священным, либо превращается в миф, либо раскрывает свой мистический потенциал. И мир всё больше поддаётся склонности выдавать свои тайны, а ещё чаще просто придумывать вместо подлинных тайн нечто, что можно не без эффекта выдать за таковые – какие-то незначительные секреты, так что создаётся впечатление, будто у каждого явления, от булавки до священнослужителя, в не слишком тщательно спрятанной, уголком торчащей из-под покрывала шкатулке хранятся оккультный дневник, паучьи лапки и астральная нить.

С обращением к духовному, совершающимся якобы вопреки вольтерьянству, кантианству и позитивизму, кризис только усугубляется, что особенно очевидно на примерах теософии, оккультизма, спиритуализма, а в последнее время и традиционализма – этой новейшей моды на одежды, скроенные из материалов древности. Насколько подлинно традиционалистское восхваление одухотворённой старины и отрицание представителями этого радикального течения светской современности, в то время как Сакральная Традиция не может быть утрачена, а Божественная воля обойдена ни при каких обстоятельствах, поскольку, чем отдалённей от её источника мы находимся, тем ближе оказывается и возможность нашего возвращения? Ответ прост: таков стиль. Прекрасные и немногие служители прошлого презируют грязь современности, но не потому ли только, что она своими пятнами портит

изысканные одежды их Weltanschauung? Они знают, что остановить процесс всемирной деградации невозможно, так как он заложен в самой логике развития человечества, но, тем не менее, пытаются притормозить мировые тенденции, отделяя себя от них и тем самым лишая их тотальности. Это так же бессмысленно и необходимо, как повседневное соблюдение чистоты тела – деятельность столь же обречённая и потому требующая длительной череды регулярных повторений. Традиционалисты соблюдают гигиену в отношении своей веры, часто очищенной и от того, во что следовало бы верить, точно так же, как большинство людей соблюдает гигиену тела. Конечно же, иногда честнее бывает вымазаться в грязи. Но только не в этом случае: красивые строгие одежды гораздо более ценны, чем вызванное непростительно-человеческой гордыней смирение. Возможно, беда этого мира не в том, что короли – голые, а в том, что слишком часто платья принимают за королей? Но вероятно и то, что по одной только этой причине наш мир всё ещё можно считать благословенным.

И всё же, почему рассуждения традиционалистов так вычищены, вылощены, разумны, осмысленны? Почему их цель так ясна и стерильна в своей недостижимости?

От традиционалистов нельзя услышать бессмысленного бормотания: вместо травмированного внутренним конфликтом языка – взвешенные слова, вместо стенаний и жалоб, перебиваемых идиотическим хохотом, подходящие к разговору имена и уместные цитаты, вместо нелепых замыслов и поступков – прагматичные действия, вместо вызванной неловкостью грубости – умение держать себя в контексте происходящего, но всегда быть немного над и чуть в стороне. Они не сморкаются во время молитвы, и не чихают за разговорами о сакральных текстах – возможно, зря, особенно если вспомнить Тимофея из Газы, цитировавшего туманное рассуждение Аристотеля о носе: «...через него идет и чихание, выход сжатого воздуха – единственный, относящийся к движению воздуха, предвещательный и священный признак».

Однако такая гигиена в отношении поведения и мировоззрения совершенно недостаточна а, окажись она достаточной, то может стать и опасной, поскольку необходимо также постоянное соблюдение интеллектуальной чистоты. Проблему составляет то, что традиционалисты обращаются к своим классическим источникам – Генону, Эволе, Элиаде, Вирту, Головину и Дугину – как к источникам

знания, сокровищнице фактов и фраз, как будто боясь спуститься или подняться немного ближе и оказаться поглощёнными энергией непостижимого, проникающей каждую недосказанность учителей. Классики традиционализма говорят о том, о чём говорить нельзя, к чему невозможно подобрать адекватных слов, о чём не принято даже скулить и мычать, а их последователи повторяют за ними только то, что rispetабельно скрывает от слуха и глаз эту сверхъестественную дерзость: эти последние плещутся в пене у самого берега великого океана и считают себя при этом светящимися в темноте впадин глубоководными существами. Они претендуют на избранность в том, что не превращает их в пятна и пыль только потому, что все не подозревает об их существовании – на избранность в мире священного, метафизического, неназываемого, непостижимого, первоначального, смутные представления о котором доходят до нас только через великодушное веселье смыслов и символов, рассыпанных по Вселенной.

Иллюзия, называемая современностью – модерна ли, или постмодерна – оказывается гораздо более честной по отношению к непроизносимой высшей реальности Традиции, чем сами последователи великих традиционалистов в большинстве своём, не желающие принять на себя ни смирения религиозных людей, их беспрекословного подчинения Божественным заветам и заповедям, ни того ощущения неудобства по отношению к священному, которое иногда проявляет себя в так называемой «светской» культуре (конечно, необходимо учитывать, что именно застенчивость зачастую является единственной причиной отрицания: так человек, чувствуя себя неловко в обществе, превращается в грубияна и может спровоцировать скандал).

Примером такой не осознающей себя (а значит, искренней) и скандальной скромности модерна может послужить программное для «Венского кружка» эссе Рудольфа Карнапа «Преодоление метафизики», автор которого считал невозможным подлинное метафизическое знание и какие бы то ни было философствования о «высших сферах», отдавая метафизику в распоряжение художественного творчества и, в частности, музыки. Не думаю, что можно предложить что-либо более точное и верное в данном отношении, тем более сегодня, спустя почти столетие со времени публикации этого эссе. Современный человек не может самостоятельно (т.е. без какого-то дара свыше, снизу или со стороны) ясно мыслить о метафизике и ответственно поступать в согласии с надмирными принципами: если он не способен

невероятным (сверхчеловеческим, субъектно-радикальным) усилием преодолеть эту невозможность, то не стоило бы делать вид и обманываться, будто стену, за которой простёрлись бескрайние поля трансцендентного, удалось перепорхнуть благодаря посещению лекций «Нового Университета» или прочтению книги «Люди и руины»: честный гражданин современности не мнит себя равно стоящим среди развалин, для него они – последняя связь с прошлым. И, кроме того, как говорил Гёте, «человеку надлежит быть снова руинизированным!».

Традиция и метафизика сегодня не могут быть предметами обсуждений и размышлений: о них можно только петь и проповедовать, рисовать, писать живопись и сочинять стихи, а в остальном – молчать. Традиционалистам необходимо целенаправленно учиться простоте незнания. Нужно запретить себе произносить слово «Традиция» и вырвать язык, произносящий слово «Бог» без внутреннего подчинения этому слову. Олег Фомин писал: «Традиционализм – это не то, что вы думаете, и оказался абсолютно прав: мы, называющие себя традиционалистами, не должны и, более того, не способны думать о том, что это значит. Те, кто без напускного юродства способны принять данность своего полного идиотизма перед лицом священного, эти онемевшие дураки, Le Mat, нули – они-то и есть люди высокой чистоты, но много ли найдётся среди традиционалистов желающих подражать им, вытягивая из их бессловесных песенок, посвистываний и уханый тайну этой дефективной, но единственно возможной для нас мудрости? Когда-то святые могли проповедовать птицам, теперь настало время нам научиться слушать птички проповеди. А потому, следуя предостережению Мейстера Экхарта, «молчи и не болтай о Боге. Ибо когда ты болтаешь о нём, то ты лжёшь, творишь грех». Не нужно болтать и о Традиции, но следует пытаться видеть её проявления в самых простых вещах: закрытой книге, электропроводке, кипячёной воде, табачном дыме, деревянном стуле, кошачьей свадьбе, не прячась за вычитанным алхимическим символизмом, а также пресекая в себе всякую мысль о рунах или Таро. «Традиционализм – это не то, что я думаю».

Прежде чем завоевать внутреннее право на следование Генону или Элиаде, традиционалисту желательнее было бы внимательно прочесть Канта, Карнапа и Витгенштейна, способных приучить человека к гносеологической гигиене, к тому, что следует молчать о том, о чём невозможно говорить. «Недостижимое достигается через посредство его недостижения». В частности, кантовская философия учит интеллектуальному аскетизму. Рудольф Штейнер считал, что Кант осу-

щество спасение потустороннего от секулярной логики развития западноевропейской философии через возрождение тезиса о примате веры над разумом. Но следует добавить, что Кант совершил попытку спасения потустороннего также и от самих потусторонников, от тех, кто, не прилагая особых усилий, вторгается в сферу трансцендентного, претендуя на знание о Боге и тайнах, скрытых в окружающих нас вещах, равно как и на связанное с этим знанием избранничество.

Подобно тому, как аскет отделяет своё тело от удовлетворения на первый взгляд необходимых потребностей, Кант самым жёстким образом отказал себе в запредельном. Несправедливость северного кёнигсбергского критика по отношению к Сведенборгу, возможно, действительно боговдохновенному мистика, в применении ко многим другим оккультистам и религиозным философам оказывается горькой и суровой правдой. В «Грёзах духовидца, пояснённых грёзами метафизика» Кант писал, что «наглядного познания иного мира можно достигнуть здесь, не иначе как лишившись части того разума, которое необходимо для познания здешнего мира». Сведенборг, этот ясный, трезвый и глубокий ум, действительно поплатился рассудком за открытие ему ангелами сокровенных тайн: ему даны были ответы на некоторые вопросы, которые, если вновь воспользоваться кантовскими словами, «превосходят возможности человеческого разума». Но почему же так рассудочны и разумны современные традиционалисты, которым открыты даже не «вещи в себе» и не отдельные тайники сверхъестественного, а высшие духовные принципы, руководящие миром? По какой причине всего лишь туманный намёк на подобное знание не сводит нас с ума? Говорят, что среди служителей прошлого и тайновидцев много глупцов и идиотов, но как всё-таки редко можно встретить настоящего идиота, лунатика или блаженного в подобной среде, между тем как именно последние являются единственным свидетельством подлинности поиска и ответственности в отношении отстаиваемой позиции.

Много сказано было людьми просвещёнными и просветлёнными об учёном незнании, об остановке человека перед непостижимым, о немоте, о глупости, достойной самой искренней похвалы, и об «императиве великого безумия». Выдающийся русский учёный и философ-анархист Василий Налимов утверждал: «В непрерывном расширении горизонта нашего незнания и приобщении к Миру в том его величии, которое раскрывается в осознании всей грандиозности его незнания, – наверное, прежде всего и заключается смысл нашего существования». Однако

незнание – это одна из столь же полезных, сколь и распространённых способностей человеческого разума. Традиционалисты же заявили о том, что ступили на дорогу, с прохождением которой не может быть связана ни одна из человеческих способностей. Это сверхчеловеческий путь.

Достаточно ли ясно понимают наши скитальцы, что сверхчеловек – другое название для сумасшедшего, когда он видит то, что дано видеть только ему, и дурака, когда он ничего не может сказать об увиденном, хотя, возможно, хотел бы произнести об этом тысячи молитвенных слов? Как это нескромно и немного старомодно в нашем мире торжествующего рассудка: быть не в своём уме, свихнувшись от наблюдения за невидимыми числами и соответствиями, формирующими мир. Видеть основные начала – значит, быть уже слепым и безумным от северного света бесконечно малых солнц (на них видна печать креста и розы) и южного мерцания непостижимо колоссальных лун (возле каждой из них сидят огромные собака и волк, а под ними плывёт скарабей, вестник утра), на которые рассыпается, оставаясь неизменным, единый первоисточник. Слепые инфернальные боги-идиоты играют о том же самом на флейтах в своей космической темноте. Об этом нельзя произнести ни слова. Об этом невозможно размышлять. Отныне говорить и думать можно – если, конечно, по какому-то недоразумению ещё не пропало желание, – только о чём-то другом.

О. Фомин

ДЕМОГРАФИЯ БОЛЬШИХ ПРОСТРАНСТВ

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ УЖЕ НАЧАЛАСЬ

Во времена советского детства все ждали войны. Незнакомой модели самолет, похожее на гриб облако, грохот обрушаемых на окраине «мухостроек» – всё это вызывало холодок в сердце, заставляло вздрагивать и тревожно озирать небо. Вонь, разлитая в воздухе местным жиркомбинатом понуждала вспоминать страшные плакаты по химзащите – у многих дома лежали противогазы и респираторы. Все понимали: в случае ядерной или химической войны не выживет никто. А если выживет, навек останутся искалеченными, больными, но самое главное – мутация коснется последующих поколений.

Война пришла к нам изнутри. Мы сами своими руками, по научению врага, убиваем свое потомство, позволяем прямым агентам изменения отбирать у нас выживших детей, чтобы враг распилывал их на органы, столь необходимые за океаном, а из оставшихся растил янычар системы, делаем себе смертельные инъекции, распространяемые врагом под видом вакцин.

Против России вот уже несколько сот лет идет война. Эта война никогда не прекращалась, хотя и принимала разные формы – батально-полевую, дипломатическую, холодно-идеологическую, ресурсо-геоэкономическую. Причиной тому особое положение России на стыке геополитических осевых импульсов. Россия – «сердцевинная земля», «географическая ось истории», – говорил наш крайний недоброжелатель – английский геополитик и стратег Хэлфорд Макиндер, на чьих трудах, обосновывающих агрессию англо-саксонской морской и торговой цивилизации против нашей Родины – трудовой и воинской России, воспитывалось не одно поколение наших врагов. В сердцевинной земле закручиваются силы, заставляющие вращаться маховик истории евразийского континента, мировой истории.

Макиндер констатирует: «Кто владеет Восточной Европой – владеет сердцевинной землей, кто владеет сердцевинной землей – владеет мировым островом, кто владеет мировым островом – владеет миром». Отсюда страх и ненависть Запада к России.

Находясь на перекрестии тюркского и греко-романского культурных

импульсов, Россия оказалась наследницей империи Чингисхана, с немоноэтническим, многонациональным русским народом и в то же время восприимчивой Римской империи – Третьим Римом, Катехоном, хранительницей всего мира от прихода антихриста.

Враги интересовались: если вы такие замечательные, почему всё у вас так плохо? Потому и плохо, отвечали мы, что через нас постоянно пробегали орды, оставляя за собой дураков и плохие дороги. Недураки полегли на поле брани. Так что дороги оказалось строить некому.

Такова наша судьба – спасать весь мир. Восставая из полного забвения, из погорельщины, из нетей, русские бабы рожали, русский народ рос и простирался в пространстве и поколениях, очарованные странники брели на север, лихие казаки плыли в стругах на восток, скакали на юг. Мы заселили огромные территории. Несмотря на гибель в бесконечных войнах, раннюю смерть – от голода и холода, от болезней, поветрий, мы всё равно множились в числе. Народ был единым организмом, где каждая клеточка, каждый человек радовался своей принадлежности к этому полнокровному телу поколений, пронизанному животворным током жизни. Нашими цивилизационными идеалами, точнее, нормами, были соборность и община. Мы жили всегда ради всего народа и гибли за други своя, почитая это лучшей долей. Права народа всегда были для нас неоспоримо выше прав человека. Особенно это касалось права народа на жизнь. У русского человека были исключительные обязанности в отношении своего народа. Сначала обязанности, потом права. Но жертвенное начало в русском человеке в конечном итоге отвергало и эти мнимые права. Не принято было, зазорно русскому человеку под одеялом грызть коврижку. Таких «тайноядцев» презирали. Русский человек мог с себя ради ближнего последнюю рубашку снять. Особенно если этим ближним был ребенок или старик. Но мог ребенка и высечь как сидорову козу, если тот поступал по самочинию, а не по обязанностям перед народом.

Такое понимание прав и обязанностей – вкупе с духовной миссией Третьего Рима и геополитической исключительностью – вызывало жгучую ненависть к нам индивидуалистического Запада. Ватикан засылал в Третий Рим «посланцев», дабы подтачивать Церковь изнутри, внося чуждые нашей традиции элементы в церковный биход, латинизируя образ мысли русской духовной элиты, вводя черты нашего уклада в абсурдный контекст западной культуры. Англо-саксонский мир работал на демонтаж нашей государственности.

Самого широкого профиля английские специалисты с XVI в. действовали в России, опираясь на наиболее «просвещенные», иначе говоря, отдаленные от народа круги. Позже, благодаря деятельности масонских лож британского происхождения, а также «английских клубов», в среде русской аристократии распространялись идеи, всё более удаляющие власть от народа.

Ватикану удалось в XVII в. расколоть русский народ (спор Никона и старообрядцев). В XX в. Англия, стравливавшая нас с Германией, полностью добилась своих целей – пали и Германская, и Российская империи. Уподобившись Христу, взошел на русскую Голгофу Царь-Искупитель Николай II. Возможно, только этой жертвой выстояла, не сгнула окончательно во тьме небытия Россия, так и не понявшая, кем и чем для нее был последний Государь.

Геополитическое наследие прежних веков подхватил великий Сталин, одной из главных заслуг которого было спасение миллионов русских жизней. В 1936 г. он запретил аборты. Единый организм русского народа во время его правления рос и благоденствовал, а разьедавшие его «вирусы» выжигались на корню.

После знаменитой Фултонской речи Черчилля в 1946 г. началась холодная война, вымотавшая экономику нашей страны в гонке вооружений. Защитники осажденной крепости, подзуживаемые не столько диссидентурой, сколько пятой колонной внутри партии, стали мечтать о «свободной жизни», начинавшейся за крепостной стеной. Через первые иностранные показы мод, душетленные кино- и прочие фестивали молодежи и студентов, где понаехавшие со всего мира «прогрессивные» гости, включая «угнетенный негритянский народ», знакомили наших женщин с преимуществами контрацептивного мышления, орального секса, распространенного до революции в основном среди серебряновековских «птючей» и «фриков», и основательно забытого в годы великого духовного сталинского очищения, через общение с «братушками» из Восточной Европы, уже вкушившими распущенности, через постоянное сопоставление СССР с Америкой, которую нужно было «догнать и перегнать», наш народ начал воспринимать совершенно несвойственные ему «ценности» – индивидуализма, гедонизма, эгоцентризма. В СССР действительно секса не было! Его завезли вместе с гэдэровской фотопленкой «ОРВО», с чешским пивком «Радегаст», с итальянским плащом из болоньи. В СССР была любовь, от которой рождались дети. Фестивальный

разгул совпал с новой волной гонений на Церковь и... с легализацией абортов.

Когда элиты Советского Союза были развращены, когда пятая колонна внутри партии начала конвертировать власть в деньги, дело стало за развращением широких масс. Через рогатый ящик, через явившуюся невесть откуда желтую прессу, через концертные залы в страну хлынул дезориентирующий грязевой поток уфологии, «экстрасенсорики», секспросвета. Последний внедрялся посредством якобы борьбы со СПИДом, само существование которого еще нуждается если не в доказательстве, то, по крайней мере, в проверке на источник происхождения. От лиц работавших в сфере биохимии и занимавшихся настоящей проблемой, нам стало известно, что вирус иммунодефицита человека, якобы являющийся источником СПИДа, на самом деле имеет искусственное происхождение. Также нам из закрытых источников совершенно недвусмысленно стало известно, что запущенный в годы перестройки медийный проект «Спид-инфо» отнюдь не был частной инициативой предприимчивых граждан. Русский народ подготовили к «сливу», научив под предлогом борьбы со СПИДом предохраняться. Кроме того, СПИД был предлогом рассказать о якобы массовой распространенности гомосексуализма, который был представлен «альтернативной сексуальной ориентацией». Целью изображения содомии как распространенного явления была ее скрытая пропаганда. Также под предлогом «борьбы со СПИДом» молодежи объясняли, что такое оральные, анальные контакты, фактически велся секспросвет, в том числе с экранов телевизоров. Порнографии как таковой не было, всё скрывалось за вывеской «медицины», однако, как и всегда, важна не тональность, а суть сообщаемого. В это же время в патриотическую среду активно вбрасывалась небылица о «жиро-мосолах», которые «вездесущи» и «всемогущи». Сказочка эта, будоражащая русские умы, в сочетании с причудливой уфологией и нью-эйджем, с раскачивающимися под маятник Кашшировского тетками в халатах, с рассказами о «похищениях инопланетянами», о «зомбирующих облучениях», психотронном оружии была запущена с целью идиотизации темы подрывной вражеской работы внутри нашей страны. Любые совершенно законные подозрения, что с нами происходит что-то очень нехорошее, оказываясь в контексте этого «управляемого бреда», немедленно доводились до абсурда. В этой ситуации вменяемым думающим русским заниматься конспирологией возбуждалось подстрахом выставления на посмешище, маргинализации

по отношению к «научному миру», «здоровому смыслу», «психическому здоровью». Наша страна была больна спровоцированной горячкой. Ее напичкали анальгетиками и резали на куски, зомбировали секс-просветом, травили спиртсодержащими ядохимикатами, что было последствием горбачевской антиалкогольной кампании, направленной на цели, совершенно противоположные заявленным. За всю перестройку с экрана телевизора не прозвучало ни слова правды. Как, впрочем, и позже.

Режиссерами этого социального спектакля и актерами отчасти, – «отчасти» потому, что соорудить для себя лобный помост на всеобщее позорище всегда у нас и без «режиссеров» хватало желающих, – были не сказочные «жиро-мосолы», а гораздо менее экстравагантные дяди и тети, состоящие в организациях, чьи названия большей частью неизвестны, а те, что известны, имеют респектабельный имидж. Жесткий дресс-код, никаких вольностей вроде фартука, молоточка, циркуля. «Иноплеменные мясники» отнюдь не доминируют, хватает японцев, арабов, тем паче англо-саксов. Названия обтекаемые, ничего не говорящие о целях этих организаций: Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия, Совет по международным отношениям и т.д. Именно внутри этих организаций, чьи эмиссары действовали в нашей стране задолго до начала перестройки, был разработан план демонтажа наших территорий и сокращения или полной замены русского населения. Впрочем, организации эти – «просияли», основательно засветившись, и в дальнейшем страшилки о них будут выполнять ту же функцию, что и басни про «жиро-мосолов» в прошлом веке. Названия некоторых организаций-исполнителей, связанных с вышеперечисленными организациями-режиссерами, чуть понятнее. В целом звучат благожелательно: Совет безопасности ООН, Всемирная торговая организация, Комиссия ООН по народонаселению и развитию, Всемирная организация здравоохранения.

За организацией этой политической «матрицы», грандиозного социального спектакля стоят десятилетия, если не столетия работы «драматургов»: политических философов, социологов, футурологов. Их имена, как, впрочем, и цели, хорошо известны: Карл Поппер, Маргарет Зангер, Фридрих фон Хайек, Сэмюэль Хантингтон, Фрэнсис Фукуяма, Жак Аттали, Збигнев Бжезинский. В своих книгах они прямо декларируют цели англо-саксонского мира: установление нового мирового порядка, мондиализма; утверждение торгового строя, при котором вся планета превратится в гомогенную среду типовых жилых

застроек, пунктов общественного питания, гипермаркетов; создание в конечном итоге законопослушного, но свободного от традиционных устоев постчеловека-киборга с заменяющимися органами, мозгом, оснащенным дополнительными модулями памяти, полностью интегрированным в компьютерную среду, в сеть. На пути этого процесса стоят Иран, Индия с ее традиционным укладом и, конечно же, православная Россия. Китай – лишь отчасти, он лишь геополитически не готов интегрироваться в мондиализм, а во всем остальном движется в том же направлении.

Збигнев Бжезинский в своей «Великой Шахматной Доске» назвал Россию «черной дырой». После устранения коммунизма, по мнению Бжезинского, последней преградой на пути овладения Россией, сердцевинной землей, встает Православие. Носители Православия – русские люди. Значит, русское население нужно либо заменить – для того и едут в нашу страну гастарбайтеры, которые сами по себе ни в чем не виноваты – либо уничтожить. Как только ни пытались наш народ стереть с лица земли! Делали его социальное бытие невозможным, гробили экологию, травили некачественными товарами, душили фашистскими законами, поднимали цены, тарифы ЖКХ, сокращали и просто не выплачивали зарплату, активистов сажали, забивали до смерти без суда и следствия. А народ всё равно жил. Тогда решили в очередной раз зайти со стороны семьи.

В начале окаянных 1990-х в нашей стране была запущена программа планирования семьи, разработанная еще в первой половине XX в. Маргарет Зангер, занимавшейся вопросами легализации абортов, массового внедрения контрацептивов, евгеникой. Именно идеи Маргарет Зангер по стерилизации «расово неполноценных», «быдла» легли в основу нацистской практики относительно «покоренных народов». Это был настоящий роман «Гитлер и Маргарита», продолжение которого внезапно вспыхнуло в России после развала Советского Союза. Идеи Зангер в XX в. активно использовались Штатами в их внешней политике относительно стран движения неприсоединения. С развалом Советского Союза эта политика была обращена и на страны СНГ, в том числе Россию. В 1992 г. в России появилась Российская ассоциация «Планирование семьи», направленная на сокращение многонационального русского народа. В 1994 г. в Каире состоялась международная конференция ООН по народонаселению, в которой со стороны России принимала участие Валентина Матвиенко, подписавшая решения конференции. Ди-

пломатический язык, как известно, сильно отличается от языка подворотни. Например, дипломаты скажут: «в противном случае вашу безопасность мы вряд ли сможем гарантировать». На языке подворотни это будет означать: «будешь рыпаться, на куски порежем». Так обстоят дела и с Каирской конференцией 1994 г., доминантой которой был призыв к «устойчивому развитию», подразумевавший, если внимательно изучить протоколы конференции, сокращение рождаемости в странах третьего мира и... в России. По сути дела, это было объявлением международного узаконенного геноцида русских со стороны «золотого миллиарда». Конечно, не одних русских. Но только мы безо всяких оговорок «съели», стерпели, смолчали. Ведь здесь всё прогнило. Пятая колонна стала первой. Многие из участников конференции устроили скандал, услышав, чего требуют мондиалисты. А, по сути, они потребовали от России, Китая и Индии принести деток на алтарь рогатого бога Ваала – во всеожожение.

Сегодня депутатом Екатериной Лаховой – уж не главным ли «показательным» куратором теневых мондиалистских структур по вопросам демографии в России? – вновь, как это уже было в 1990-х гг., продвигается закон «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления», означающий, по сути, прямой геноцид русского народа. Лахова занимается не только вопросами абортов, контрацепции, стерилизации, подобно тому, как это делали эсэсовки на территориях, оккупированных Третьим Рейхом, но и продвигает закон о фетальной терапии, в чем достигла успеха. Поясним. Фетальная терапия основана на применении в лекарственных целях трупов детей, с помощью аборта умерщвленных во чреве матери. Из них делаются вытяжки, которые помогают стареющим «звездам» шоу-бизнеса и политики выглядеть моложе и очаровывать публику во время выступлений на ТВ.

Тем временем, продолжается развращение подростков. Порнография вседоступна в сети и на прилавках. Если и не в открытом доступе, то достаточно побродить около одиозных «точек» в Москве и в Питере, чтобы окликнули: «Про детей интересуется чо?» «Сколько?» «Четыреста. Ни какой постановки». Говорят, что демографическая ситуация в России пошла на поправку. Это дезинформация! Детей сейчас активно рождает последнее поколение «людей». Одним словом, родившиеся еще в Советском Союзе и хоть как-то успевшие его застать. Это поколение пусть и было извращено секспросветом, но не успело попасть под искалечивающие гусеницы гробящих здоровье контрацептивов, нынче забрасываемых в Россию так же, как в Первую Мировую минометы

Ливенса забрасывали позиции противника взрывающимися капсулами с ядовитыми газами, от которых люди если и не умирали, то получали страшные ожоги, слепли, глохли. Вкупе с генно-модифицированными продуктами, «прививками» и другими мондиалистскими разработками, контрацептивы убивают здоровье русских, делают их стерильными. Вслед за последним рождающим поколением придет поколение «птючей» и «фриков», которое обратит Россию действительно в «черную дыру», о чем грезит Збигнев Бжезинский.

Напоследок, видя, что русские слишком медленно убывают, англосаксы решили запустить у нас проект ювенальной юстиции, под игом которой стонет и плачет вся многострадальная Европа, закованная в цепи англо-саксонскими господами. Игры в господ и хозяев нравились Европе всегда, и сейчас она пожинает плоды своего безумия. Ювенальная юстиция – это когда к вам в дом без суда и следствия может прийти комиссия, нагло осмотреть ваш дом, что-то записать в блокноте и также, без суда и следствия, забрать ваших детей. Предлоги могут быть разные: у вас нет стиральной машины, или, например, вы морите детей голодом, в смысле, поститесь, используете детский труд, то есть причащаете детей мыть посуду и выносить мусор, или вы опасный элемент общества, поскольку на полке у вас... думается, даже лучше и не называть то, что может быть у вас на полке, следует предполагать, что последнее им точно не понравится. Идеальное средство для прессинга политически неблагонадежных, что уже и было продемонстрировано в случае нижегородского дела Пчелинцевых. Правда, с их стороны это был пока лишь тест... Пчелинцевых русская патриотическая общественность отбила. А если бы промолчала?

Война проиграна? Нам – не быть? Как бы не так! В 1612 г. Минин и Пожарский выгнали из нашего Кремля польских приспешников Ватикана. В 1812 г. Кутузов и русский мороз так ударили по французам, что бежали «шаромыжники» до самой Франции. В 2012 г. Бог разсудит, как быть.

О. Гуцуляк ТЕПЛЫЙ ЗАКАТ

Западная культура пришла на постсоветское пространство не в иудео-протестантской интерпретации («дух капитализма») и не приобщает к творчеству/труду, но в форме досугово-гедонистической пропаганды («спекулятивный капитализм»)¹, приобщая к потреблению в первую

1) «...Что такое современный предприниматель как досуговой (в глубине своей души) тип? На этот вопрос отвечает современный опыт, свидетельствующий о многозначительной метаморфозе так называемого экономического человека. Этот человек, то есть предприниматель новейшей образца, категорически избегает таких практик и инициатив, которые ему приписывает веберовская теория, ссылающаяся на традицию протестантской аскезы. Новые предприниматели заведомо не возьмутся за дело, сулящее нормальную по классическим эталонам прибыль в 5-7% годовых и связанную с методическими ежедневными усилиями. Новый авантюрист досуга, сменивший протестантского методиста, ориентируется на такие венчурные формы экономической деятельности, которые по психологическим ощущениям напоминают игру в рулетку и другие азартные игры досуга, а по ожидаемым результатам сродни экономическому чуду. Соответствующие поиски привели к открытию, воскресившем средневековые и ренессансные образы ростовщика, менялы пирата, с одной стороны, получателя феодальных рент, с другой. О размахе нового спекулятивного капитализма говорят цифры: ежедневно в поисках спекулятивной прибыли государственные границы пересекает капитал в 1,5 триллиона долларов. Чудодейственная рентабельность манипуляций с курсами валют и других игр краткосрочного спекулятивного капитала, в сотни и тысячи раз превышающая рентабельность законопослушных промышленных инвестиций, привела к невиданному валютному голоду промышленности и других отраслей производящей экономики. Буржуа-постмодернист, вкусивший все прелести азартно-игрового существования, (по модели божьего досуга), стал носителем микроба деиндустриализации. Речь идет, повторяю, не об историческом «снятии» индустриального образа жизни творческо-постиндустриальным, связанным с наукоемкой экономикой, а об регрессивном обрыве: из модерна – в контрмодерн, из продуктивной экономики – к спекулятивно-ростовщической. Ясно, что у представителей этой виртуальной экономики, манипулирующих мнимыми величинами, но требующими в обмен на это полноценных благ, добываемых народным трудом, есть веские основания выйти из системы национального контроля в неконтролируемое глобальное пространство. Вот почему все представители теневых практик, связанных с паразитарной экономикой спекуляций и перераспределений, выступают ныне в авангарде экономического либерализма. Они решительнее всех отстаивают принцип невмешательства государства в экономическую и социальную жизнь, осуждают национальные суверенитеты в качестве пережитка «агрессивного традиционализма» и ратуют за всемирное открытое общество, в котором никто не берет на себя защиту ни национальных богатств, ни социальных и человеческих прав туземного населения ... Элиты, пожелавшие порвать со всем трудным и обременительным, дистанцируются не только от народов, но и от сферы настоящего творческого профессионализма. Глобалистская элита ускользает из реальности в гедонистическое зазеркалье. Не случайно именно в ее среде рациональность Просвещения сменяется на удивление примитивным мифотворчеством и погружением в виртуальные миры ... Но сегодня со всей очевидностью выступает другое: галолирующую инфляцию порождает сама предпринимательская Среда, переориентированная с продуктивной на спекулятивную прибыль. Новый экономический авангард тяготеет продуктивной экономикой как чем-то глубоко архаичным; он предпочитает азартные игры виртуальной экономике. Фиктивный спекулятивный капитал сегодня в сотни раз превышает капитал, связанный с реальными инвестициями. Невозможно отрицать, что именно он сегодня главный источник разрушительной инфляции и главная питательная Среда всех теневых

очередь приращенного символического содержания товара/услуги. Для того, чтобы покупатель смог либо продемонстрировать свой статус в социальной иерархии (так называемый феномен «статусного потребления / conspicuous consumption», по Т. Веблену)², либо «почти» собственную «аутентичность» («действительное я»), связанную с Все-ленной (Космосом, Землей, божеством) и выраженную в понятиях New Age («Эры Водолея»)³. Т.е. говоря словами Г. Маркузе, человек оказывается детерминирован «ложными потребностями»⁴. ачем

практик» [Панарин А.С. Дезертирство элит в эпоху катастроф // Трибуна русской мысли. – 2002. – №1 // <http://www.cisdf.org/TRM1/Panarin.html>].

2) «... Метросексуальность ... (-) Потребление напоказ... А зачем метросексуал наряжается как пидор?... Чтобы сигнализировать окружающим, что рядом с ним проходит труба с баблом... Главная мысль, которую человек пытается донести до других, заключается в том, что он имеет доступ к гораздо более престижному потреблению, чем про него могли подумать. Одновременно с этим он старается объяснить окружающим, что их тип потребления гораздо менее престижен, чем они имели наивность думать. Этому подчинены все социальные маневры. Более того, только эти вопросы вызывают у людей стойкие эмоции» [Пелевин В. Амфир В. Роман. – М.: Эксмо, 2006. – С.72, 73, 82]; В условиях перепроизводства этих симулякров главная роль начинает отводиться «глэму» – вызывающе ярким комбинациям из пяти первоэлементов гламура – роскоши, экзотики, эротики, розового и блондинистого [Иванов Дм. Глэм-капитализм // <http://www.apn.ru/publications/article21195.html>].

3) «...Сегодня реклама призывает вас к разрыву с ограничениями городской жизни, призывает почувствовать себя соединенным с Землей. «Реализуйте свой творческий потенциал путешественника. Покупайте «лендрровер»». Теперь покупка «лендрровера» является путем постижения самого себя» [Жижек С. Фундаментализм – это весело // http://community.livejournal.com/ru_philosophy/799897.html]; «... «метродуховность» ... – «престижное потребление напоказ в области духа»... демонстрация доступа к древним духовным традициям в зоне их максимальной закрытости: в реестр входили фотосессии с далай-ламой, документально заверенные знакомства с суфийскими шейхами и латиноамериканскими шаманами, ночные вертолетные визиты на Афон, и так далее...Когда человека долго кормят рекламой, экспертизой и событиями дня, у него возникает желание самому побыть брендом, экспертом и новостью. Вот для этого и существуют отхожие места духа, то есть Интернет-блоги» [Пелевин В. Амфир В. Роман. – М.: Эксмо, 2006. – С.81-82, 187].

4) «... Так Герберт Маркузе в трактате «One-Dimensional Man» («Одномерный человек», 1964) пишет о стирании классовых различий в рамках единой Системы, причем ведущую роль в этом стирании играют средства массовой информации и, прежде всего, телевидение. Они порабощают воображение и деформируют опыт, песему люди определяются не классовой принадлежностью, а вовлеченностью в систему потребления. Маркузе определял потребление не как удовлетворение потребностей, а как ситуацию детерминации ложными потребностями ... Современные политехнологи определяют суть рекламного сообщения как предъявление образа жизни, т.е. под маркой товара потребитель принимает определенные ценности и нормы поведения. Реклама выполняет религиозные функции, где есть предмет культа (бренд), храм (место встречи сакрального и профанного – торгово-развлекательный комплекс) и ритуал (шоппинг). В процессе покупки, который многие философы предпочитают называть потреблением, есть моменты жертвы (траты), причащения к бренду, риска (как долго будет служить вещь) и самопознания («ты есть то, на что ты тратишь деньги»). Психологи отмечают, что в процессе потребления потребитель испытывает эйфорию, близкие к религиозному экстазу. Особенно четко вытеснение религии масс-медиа заметно на феномене «социальной рекламы», построенной как проповедь духовности: «Нет наркотикам», «Позвоните родителям»» [Иваненко А. Экзистенция в

последнее необходимо капиталистической системе?

Для создания, отвечает Ф. Хайек [Хайек Ф.А. фон. Общество свободных / Пер. с англ. – London: Overseas publ. interchange, 1990. – 309 с.], так называемого «расширенного порядка» – рыхлой массы атомизированных индивидов, связанных между собой лишь сигналами, поступающими от различных рынков. Иными словами, бизнесом создается и удерживается потребитель⁵. Разрозненные атомы, лишённые реальной силы (политической, хозяйственной, административной, военной), править не могут, не обладают необходимой для этого способностью и организацией⁶. «...При новой форме “диктатуры благосостояния” люди начинают вести себя одинаково. Конечно, эта однородность при либеральной демократии не является результатом принуждения или угрозы отторжения, а скорее следствием ощущения избирателем бесполезности другого поведения. Официальная цензура больше не нужна, поскольку возможность быть подвергнутым ostracismу, вызванному политической некорректностью, становится всё очевиднее. Граждане становятся всё более равнодушными, поскольку уверены, что вопреки их участию в политической деятельности, существующая структура власти останется неизменной..., публичная дискуссия становится пустой формальностью..., сведенной к пустой болтовне... Поэтому неудивительно, что даже выражение “политическая деятельность” заменяется более нейтральным “политика”...» [Сунич Т. Либерализм

условиях медиакратии // <http://filosofia.ru/70608/>].

5) «... Цель этой цивилизации – уничтожить в людях само представление о смерти. Вплоть до того, что даже похороны близкого человека не должны занимать больше десяти минут, после чего обязательно coffee-break. Почему? Просто потому, что человек, который думает о смерти – плохой потребитель» (Мамлеев Ю).

6) «...Представим, что вы смотрите телевизор. Вы видите обычную манипуляционную отвратительную картинку голодного африканского ребенка с пересохшими губами и слышите: «Знаете ли вы, что по цене одного или двух капучино вы можете спасти его жизнь?!» Хорошо, но давайте спросим себя, каким было бы это послание, если бы вы поменяли очки. Это было бы что-то вроде: «Не размышляйте, не участвуйте в политике, не думайте о причинах их бедности. Просто дайте немного денег, и вы почувствуете себя хорошо». Идея благотворительности – в деполитизации. Это похоже на суеверие, когда вы даете что-то, чтобы почувствовать себя лучше. Поэтому я утверждаю, что благотворительность сегодня – это самый важный идеологический феномен. Благотворительность перестала быть атрибутом богатых, как 100 лет назад во времена Карнеги. Сегодня это часть системы... Творческий капитализм призывает к забвению старой идеологической борьбы социализма и капитализма. «Когда люди страдают, нужно что-то делать. Давайте возьмемся все вместе, давайте просто что-нибудь сделаем». Я думаю, это шантаж» [Жижик С. Фундаментализм – это весело // http://community.livejournal.com/ru_philosophy/799897.html].

или демократия?: Карл Шмит и политически пассивная демократия // Персонал. – К., 2004. – №10. – С. 21-22].

Того же порядка стремление окунуть человека в «виртуальные миры»: «...проблему «лишних людей», не вписывающихся в современные экономические реалии. Им предложат проводить большую часть времени в воображаемых мирах, где они могут «реализовать» все свои заветные мечты и желания. Ну а на самого человека при этом будет тратиться самый минимум, необходимый для поддержания жизни... Уход людей в виртуальность станет, по сути дела, концом истории и самой нашей реальности» [Елисеев А. Обама и «царь машин» // Правая. Ru. – 2009. – 23 июня].

Такая ситуация дает спокойную и без напряжения возможность эксплуатировать «этих» как очередную варварскую периферию настоящей цивилизации.

То же самое произошло и на территории бывшего СССР: оправдывая ожидания масс, «...мы вернулись к “золотому застою” (условно назову так период с конца шестидесятых до середины семидесятых, то есть когда зарплаты уже поднялись и можно стало обсуждать йогу, НЛО и величие царской России, а колбаса еще не исчезла). И известная часть российского общества согласилась обменять покорность, и даже не просто аполитичность, но отказ от любой гражданственности на потребительское преуспеяние... На выходе мы получили авторитарное гедонистическое общество – провинциально самодовольное и замкнутое. Однако такое общество не может быть гарнизоном осажденной крепости. Россия стала экономическим симбиотом Запада – мы всё туда продаем и всё там покупаем. Можно было по-мечтать о том, чтобы стать региональным финансовым центром – восточноевропейским Гонконгом» [Ихлов Е. Закон исторической подлости // http://community.livejournal.com/ru_politics/16102966.html]. Но всё же не до конца была реализована в «застойные годы» СССР мечта десталинизаторов-шестидесятников, которая состояла в главном: потребление приравнивается к свободе, а следовательно, по-настоящему свободен тот, кто лучше и больше потребляет.

Чувствуя, что неравенство в распределении прав и богатства носит в странах бывшего СССР вовсе не классовый, а постмодернистский характер, пытаясь нащупать понятное обозначение сложившегося состояния социума, часть населения выражает его в простой, но неверной формуле: «к власти пришли евреи». Но «...неверна эта

формула потому, что хотя евреи и слишком “видимы” в верхушке господствующего меньшинства, они присутствуют там вовсе не в качестве представителей еврейского народа, а как организованная и энергичная часть особого нового сборного народа, созданного в ходе перестройки и реформы... Социальные инженеры и политехнологи, которые конструировали постсоветское пространство и его жизнеустройство, мыслили уже в категориях постмодерна, а не Просвещения. Политехнологи представляли общество не как равновесную систему классов и социальных групп, а как крайне неравновесную, на грани срыва, систему конфликтующих этносов (народов). По отношению к их программам Р. Шайхутдинов применил даже термин демотехника (от слова демос) – быстрое искусственное создание или демонтаж народов. Действительно, все эти программы и политическая практика никак не вписываются в категории классового подхода, но зато хорошо отвечают понятиям и логике учения об этничности (вплоть до того, что на разных стадиях конструирования и в разных обстоятельствах политехнологи явно используют альтернативные концепции этничности). Эта смена методологического оснащения проведена негласно, но она и не слишком замаскирована» [Кара-Мурза С. Государство переходного периода: жесткая этнократия // <http://www.apn.ru/publications/article1622.htm>; см. также: Крылов К. Антинарод и Нерусь // <http://www.mesogaia-sarmatia.narod.ru/krylov-antinarod.htm>].

И потому-то идет тотальное ополчение против тех этнических сообществ, в которых докапиталистические принципы коллективного выживания людей, солидарность и взаимопомощь, неформальная экономика (толока, беспроцентный кредит и т.д.) все еще являются ценностями.

Нивелировать ценности и свести их к всего лишь банальным «символам» культуры⁷, «брендам» (символам накопленной репутации товара)⁸, превратить путем маркетинга культуру в товар – вот одна из задач глобалистической власти ростовщического бизнеса и

7) Но в этой программе игнорируется тот факт, что свертывание или вырождение «программы культуры» до всего лишь оперативной ориентировки в текущем дне и до чисто реактивной адаптации к его требованиям разрушает общество как систему, а тем самым – и сам «рынок сбыта и потребления».

8) Наука о «брендах» (имиджево-репутационная составляющая рыночной стоимости марки товара) есть продолжением рационалистической философии Модерна, её вульгарной трансляцией в сегменте «купи-продай», в отличие, кстати, от маркетинга, вышедшего из социологии эмпиризма (Акопян А., О настоящем // <http://artem-akopian.livejournal.com/328106.html>).

финансового интернационала⁹. «...Сделав противостояние Центра и Периферии планетарным явлением, они втянули все страны мира в свою алхимическую игру, чем создали предпосылки для текущей ныне Глобализации. Превращение народов и цивилизаций в массы, внимающие иконам телевизора и компьютера, подобно сотворению Потопа, который должен смыть последние следы прежнего цикла, чтобы начать новый. Капитал и культ количества, материалистическая наука и количественный анализ, отмена иерархий и различий во всём – в правах, в полах, в расах – это всё формы Потопа» [Борозенец М. Просветление после «Просвещения» // <http://pravaya.ru/look/18098>].

Болеетого, культура превращается в сферу формирования потребностей (спроса), для удовлетворения которого создаются продукты-артефакты – социальные мифы, симулякры («означающее без означаемого»), эстетическим выражением ценностно ориентированного комплекса оказывается «гламур», «глянец» и «дискурс» – и они должны «...будить воображение, чтобы потребитель не просто заинтересовался, а быстро и по возможности – полностью погрузился в воображаемый мир. Он должен вызывать интенсивные и немедленные переживания... Потребителю продается не товар, а чаяния, надежды и стремления самого потребителя, его мечты, его представления о «себе самом, каким бы он хотел бы быть...» [Тульчинский Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения, или Почему российское общество самое массовое // Философские науки. – 2008. – №10. – С.42]. «...Идеологией анонимной диктатуры является гламур... гламур обещает чудо... Но это обещание чуда маскирует полное отсутствие чудесного в жизни...» [Пелевин В. Амфир В: Роман. – М.: Эксмо, 2006. – С. 68–69].

Иными словами, идет борьба между культурой и цивилизацией, именно как их понимали О. Шпенглер, Т. Манн, Г. Шпет, А. Белый, Н. Бердяев, М. Мамардашвили: «...культура – это то, что можно обрести только собственным духовным усилием, цивилизация же – то, чем можно воспользоваться, что можно отнять. Культура создает новое, цивилизация лишь тиражирует известное. Д.С. Лихачев считал, что культура содержит в себе только вечные, непреходящие ценности, устремление к идеалу... Культура – это нечелесообразное, лишнее с точки зрения задач выживания и сохранения рода, а цивилизация

9) Торгово-аграрного капитала (псевдо-традиционалистского), противостоявшего ранее военно-аграрному (феодалному, традиционалистскому), а теперь – в форме банковского (финансового, регулирующего ресурсы) капитала – промышленно-прогрессистскому (технократическому, современному) капиталу (по А. Елисееву, «Формула неотрадиционализма»).

прагматична. “Дуракаваляние” – это и есть настоящая культура по Д.С. Лихачеву [Маслова В.А. Лингвокультурология / 2-е изд., стереотип. – М.: Академия. 2004. – С.22]¹⁰.

Одним из средств в этой борьбе с настоящими ценностями и за ценности масскультура и «республики собственников и потребителей» оказывается креативщик-«золотарь», афертилист-«консультант», смыслопроизводитель-«эксперт»¹¹, «новый билдунгофицер-спецпропагандон»¹², стегун-постгенонист, интеллеktуал-«сноб», лишенный интеллигентности¹³, занимающийся «очищением» мозгов

10) Ср.: «...во всех обществах и во всех культурах молодые люди месяцы и годы своей жизни тратили на пустяки (кстати, одна из этимологии возводит слово денди именно к этому корню) (Немецкие Tandvi и vertandeln восходят с средневерхне-мецкому tant – «пустая болтовня», «пустяки», «проказы»). Тут не были исключением даже правители – царь Давид, Цезарь или Фридрих Великий. Но всегда это был именно переходный период, развлечение, прелюдия перед постановкой настоящих задач. Денди задерживается в этой передней, и потому в старости у него бывает какой-то незавершенный облик, словно что-то в его жизни осталось невыполненным. Это бросается в глаза на портретах Брумеля, Пюклера, Пелэма. Уайльдов Дорнан Грей стал образцом в литературе: неподвижная золотая маска, под которой скрыта ужасающая пустота. На этих окраинах и процветает цинизм. Денди остается куколкой; это слово применимо к нему в обоих смыслах: и в значении личиночной стадии организма, и в значении детской игрушки. Чтобы вывести его из этой стадии, нужно причинить ему боль; она высечет на нем рунический знак жизни. Исправительный дом сделал Уайльда автором «De profundis» (Из глубины [лат.]) [Юнгер Э. Ривароль: Эссе // <http://www.juenger.ru/text/490204b389958>].

11) «...Экспертиза есть нейролингвистическое программирование на службе анонимной диктатуры» [Пелевин В. Амфир В. Роман. – М.: Эксмо, 2006. – С.70-71].

12) Именно билдунгофицером (то есть офицером по связям с общественностью) в начале 20-х гг. XX в. и был ветеран первой мировой войны Адольф Гитлер.

13) Т.е. тот, кто отдает преимущество бейсболу, а не балету («... балет – интеллигентско-буржуазный эквивалент бейсбола» [Бродский И. Об Одене / Пер. с англ. – СПб.: Азбука-классика. 2007. – С.97]); «...поведение интеллектуала ближе к поведению рептилии или насекомого, чем к поведению млекопитающего. Концлагерь, этот инструмент промышленной утилизации людской биомассы, есть порождение холодной инсектоидной логики. По этой же линии проходят ковровое бомбометание, ядерная война и массовые армии тоталитарных государств. Это логика улья, логика муравейника. Обезьяна приходит в ужас от самой постановки вопроса о таких вещах» [Ярват. Текст-1 (Фролов В. Библия Монолита) // <http://zhurnal.lib.ru/editors/y/yarowrath/text-1.shtml>]. А если серьезно, то разница между интеллектуалом и интеллигентом в том, что у первого на языке то, что второй даже в мыслях не допускает. К тому же, «... употребляя термин “интеллигентия” вслед за авторами “Вех”, я отдаю себе отчет в том, что это большая честь для советской образованщины, на которую перенесено это название» [Шушарин Дм. Век «Вех» // http://infoart.udm.ru/magazine/novyi_mi/redkol/sh/vek.html]; «...Румынка С.Иначе, получившая известность как борец за права меньшинств, писала (в 1991 г.): «По моему мнению, существует еще одна национальность, называемая интеллигентией, и я хотела бы думать, что принадлежит также и к ней» ...» [Кара-Мурза С. Государство переходного периода: исчезновение народа // <http://www.apn.ru/publications/article1611.htm>]. Правда, у интеллигентии есть только один большой грех: ...Коренной порок интеллигентов в том, что мир для них состоит из интеллигентов» [Канетти Э. Человек нашего

(хїп нїо)¹⁴ атомизированного «одномерного» человека из «среднего класса»¹⁵ от результатов жизнедеятельности разума (поэтому интеллектуалом-снобом абсолютизируется метод «шизоанализа», основная идея которого состоит в том, что в наше психическое бес-сознательное прочно интегрирован социальный фактор¹⁶). «Ты – лох! Ты – быдло! Не смей мыслить! Не имей убеждений! Я тебе все объясню сам!»¹⁷. И – «Живи без всяких особых намерений!», – так определил однажды девиз этих «страшно свободных» людей М. Зо-щенко.

Объектом вражды «эксперта-постгенониста» становится культура, которая визуализируется как «деревня/село/хутор» («рустикально-тестаментарный/селюцко-завещательный дискурс»), в противовес цивилизации «города/асфальта/барака».

Но это разделение является ложным, мнимым для человека Пост-индустриальной эры: «...еще Маркс заявил о стирании этого различия, а Хайдеггер констатировал превращение деревни в придаток аграрной промышленности. Посредством маршруток, школ, ларьков и телевизионных антенн деревни фактически интегрированы в город. Старые деревни в прямом и переносном смысле стали новыми районами города: Автово, Лигово, Купчино, Рыбацкое. Деревянные дома давно разобраны, а на их месте выросли типовые многоэтажные дома. Город переполнил края экумены, составляя единое целое с космосом. Космополиты обрели родину Космополь. Там уже продается местный журнал с похожим названием. Он совсем лишен какого бы то ни было национального духа. Тот же асфальт и те же дорожные знаки. Тот же McDonald's и китайские ресторанчики. Та же спущенная в массы

столетия: Худож. Публицистика / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С.37].

14) Обычно это означает давления и воздействия на убеждения и верования человека, общение с ним посредством манипулирования, убеждения, подмены фактов, вранья.

15) «... сформировался класс, который в этой стране не живет, а живет в стране потребительского кредита, автомоек с кофейными аппаратами и фитнес-центров. Вместо ежедневного хамского «тебе че?» он привык к обходительному «вам что-нибудь подсказать?» Это тот самый средний класс, которого так долго не было и по которому теперь сильнее всего ударит кризис. Европейские стандарты в азиатско-византийской глуши и раньше были недешевы, теперь станут запредельно дорогими» [Газарян К.Р. Сложности страны, которой нет на карте // http://www.ng.ru/style/2008-12-23/16_country.html].

16) На почве психики, как утверждают шизоаналитики, разыгрывается не только трагедия Эдипова комплекса, но и все мифологические трагедии мира.

17) В контексте с Украиной «золотарь» ведет себя еще более откровенно и грубо: «На большее, чем рустикальный или неомодернистский дискурсы, ваша культура – селюков и интеллигентов в первом поколении – не имеет способностей!»

модная одежда и те же автомобили мировых концернов» [Иваненко А. Город: Онтологические прогулки // Топос. – 2003. – 23 июля].

А поскольку продуктом культуры является также и язык, и он же её важная составная часть, и условие существования самой культуры, а также из-за того, что демократия также определяется как «народный суверенитет над языком/речью» (по Ю. Хабермасу), то язык и его гештальт (особые глубинные содержательные единицы) оказываются главным объектом атаки со стороны «имперски цивилизованного» эксперта-«сноба» (так называемая «теория лингварного лабиринта/машины вживания»). Ибо наступило время, когда «... человек, родившийся, выросший, сформировавшийся в наших многочисленных городах из железобетона ...имеет неотъемлемое право (и желание, – О.Г.) познакомиться со своими классиками, заново прочесть их, размышлять над ними, с тем, чтобы найти свои корни, свое генеалогическое древо..., чтобы попытаться узнать, кто он, что он такое и какая роль отведена ему, оставшемуся самим собой» [Карпентьер А. Мы искали и нашли себя: Худож. публицистика / Пер. с исп. – М.: Прогресс, 1984. – С. 76].

Главным врагом социотипа «Эксперта-Сноба» является Философ, познающий, как писал Платон, «не мнения, а бытие и истину». Ведь задачей философа, как указывал Ф. Ницше, является преодоление своего времени, стремление понять современность в контексте всей человеческой истории, а сейчас – еще и возратить социальность как интегрированность и солидарность¹⁸. В предисловии к работе «Казус Вагнер» Фр. Ницше писал: «Чего требует философ от себя прежде всего и в конце концов? Победить в себе свое время, стать “безвременным”. С чем, стало быть, приходится ему вести упорную борьбу? С тем, с чем именно он является сыном своего времени» [Ницше Ф. Казус Вагнер. Проблема музыканта // Ницше Ф. Собр. соч в 2-х тт. – М., 1990. – Т.2. – С. 526]. «...Его суждения глубоки, его мера безошибочна. По этой причине он выше своего времени с его ограниченностью и слепотой и намного больше, чем его современник Робеспьер, заслуживает проз-вища “Неподкупный”...» [Юнгер Э. Ривароль: Эссе // <http://www.juenger.ru/text/490204b389958>].

18) «... философия имеет свою научную лабораторию и свои жизненные достижения. Эта лаборатория доступна далеко не всякому, и многим войти в нее не удастся. Даже из тех, которые мнят себя философами и имеют соответствующую репутацию, не все служат философии и творят ее. Зато в этой лаборатории живут и работают многие, не знающие о том и не понимающие своего жизненного дела, так, что они удивились бы, узнав об истинном значении своей деятельности.» [Ильин И.А. Философия и жизнь // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / Сост. П.В. Алексеев. – М.: Политиздат, 1990. – С.45].

Аналогично Философу, и Художник, по Ф. Ницше, стремится «быть иным, быть в ином месте».

«...Нет, никогда ничей я не был современник» (О. Манделштам). Философ всегда говорит на другом языке, обращается к жизни, её вопросам, пытается сформулировать их, отказавшись от стереотипов времени, в которых, наоборот, укоренен «эксперт». Философ адресуется своё послание к общности людей, предпочитающих искать вопросы жизни, а не давать ответы на вопросы, выдуманные другими. Например, классик современной философии немецкий мыслитель М. Хайдеггер говорил так: «...Философствование – единственный способ вести свободное и творческое существование». Человек несвободный философствовать не может.

Вместо «горячей», «солнечной», «пурпурно-золотой», «царско-шаманско-кшатрийской» и/или «холодной», «звездно-лунной», «серебрянно-лазурной», «священническо-судейско-ведовской» инициаций «золотарями»-«постгенонистами» предлагается инициация «теплого заката», «жидкого гламура», «слизкого глянца», «вкусового опциона», «розового холокоста», т.е. вхождение в содержащее все эти компоненты «желтое царство»¹⁹ (буддо-китаизм²⁰, предвиденное В. Соловьевым нашествие «китайских орд»). Игра в жречество («Жрецы минутного, поклонники успеха...», – А.С. Пушкин), «по-имание» всех и вся (как следствие голодного детства, отца-алкоголика и матери-инвалида, например, с реальным затем паломничеством по свято-жреческим местам – Иерусалим, Египет, Индия/Непал и пр.).

Иными словами, цель этой инициации «теплого заката» (включающей и традиции гомосексуальных ритуалов) – «сделать экзистенцию сытой» [Лао-цзы / Сост. В.В. Юрчук; 2-е изд. – Минск: Современное слово, 2005. – С.7], введение личности и общества в гедонизм, эвдемонизм и утилитаризм (общим обозначением которых является латинско-

19) «... Желтого (янтарного) цвета кровь чудища, побежденного Георгием ... Желтые глаза – призрак оборотня ... Воображаемый предок ... в традиционной народной культуре, восходящей к язычеству, ... – ... «желтоглазый предок» ... Характерно, что семантика желтого цвета как знака социальной внеположенности служит базой для образования фразеологизмов желтый дом, желтый билет и многих других ...» [Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. – С.137, 138].

20) «... Осип Манделштам назвал “буддийское влияние в европейской культуре” “носителем чужого, враждебного и могущественного начала, с которым боролась вся наша история, – активная, деятельная, насквозь диалектическая, живая борьба сил, оплодотворяющих друг друга”. “Скрытый буддизм, внутренний уклон, червоточина”... Манделштам назвал это “бесформенным раем”...» [Шушарин Дм. Век «Вех» // http://infoart.udm.ru/magazine/novyi_mi/redkol/sh/vek.htm].

католическое “gula”)²¹. Для достижения этой «сытости» «экзистенция» должна быть сенсационной, страстной, патетичной, постоянно ищущей нечто новое (ключевыми понятиями становятся «пафос», «дискурс», «возникновение нового», «бренд», «слоган», «тренд», «пытки», «сытость», «вещь», «член», «задница» и пр.).

«...Постмодернизм, – указывает А. Панарин, – стал подозрительно относиться к вербализуемым практикам, подозревая в них идеологизированную заданность. То ли дело целиком спонтанные телесные практики (выделено нами, – О.Г.) – эти празднества раскованности. И вот, с подачи адептов раскованной постмодернистской чувствительности по всему мировому пространству пошел гулять «естественный человек» сего телесными практиками (выделено нами, – О.Г.). Кстати, бандитизм и проституция вполне подпадают под искомые определения телесных практик (выделено нами, – О.Г.), обладая всеми запрашиваемыми признаками предельной «экспрессивности», «спонтанности», «сингулярности»... Отсюда – аполлетика примитива и брутальности... Спонтанность сексуального, садистско-мазохистского, стяжательного и других инстинктов, включая инстинкт убийства подается как некое тираноборство современности, направленное против старой запретительной морали... Все эти «новые русские», «новые украинцы», «новые казахи», и новые немцы, румыны, поляки являют миру тип нового человека, явно тяготящегося цивилизованными культурными и моральными нормами и демонстрирующими брутальную телесность... Среди ипостасей постмодернистской чувствительности выделяется, наряду с энергетикой брутального инстинкта, предельная расслабленность и демобилизованность... Наслаждение самодовлеющим настоящим, освобождение от деспотии вездесущего «финализма», подстегивающего наши усилия во имя достижения амбициозных целей, отказ от проектов в пользу «игрового существования» – вот черты постмодернистского стиля жизни... Равнодушие и безволие, осуждаемые по мерам обыч-

21) На языке оригинала: «... Один із способів протистояти цьому занепадові – інтенсивне світське життя. ... ціле Велике Меню індивідуальних і колективних насолод. Можемо смачно поїсти в ресторані або кафе, де екзотична кухня поєднана з кальяном, музичкою і плазмовим телевізором, можемо пострібати на дискотеці, можемо влаштувати відривний корпоратив, можемо пограти в регбі, відвідати з пляшкою абсента популярного психолога, погуляти з подружкою Парижем, з'їхати з трампліна в Карпатах, подивитися-почитати глянец і ще багато чого такого можемо... Вечір за вечором, розвага за розвагою... Велике Меню нам не зашкодить!» [Ешкілев В. Редакторська стаття // Золота каста: Місто. Бізнес. Люди. Психологія. Мейнстрім. – 2008. – №2. – С.5]. Иными словами указывается на то, что личности – не «идеологические категории», а реальные «теплые люди» [Жижек С. Фундаментализм – это весело // http://community.livejournal.com/ru_philosophy/799897.html].

ной морали, получают алиби, будучи подведенными под опыт нирваны или дао... Отказ от будущего неизбежно ведет к господству стиля «ретро» в нашей культуре – пробуждению казалось бы давно усыпленных и заклятых демонов [Панарин А. Агенты глобализма // http://www.patriotica.ru/books/panar_agents/part1_5.html]. И далее: «...Второе направление «чувственного реванша» – устранение привычных ценностных иерархий, связанных со служением чему-то высшему, «горнему». Присутствие высших ценностей само по себе означает известную готовность к жертвенности и соответствующую нравственную мобилизованность. Высшие ценности в современной культуре оказываются заместителями тех божеств, которым наши «языческие предки» приносили ритуальные жертвы и тем самым преодолевали примитивную чувственную спонтанность... Третье направление «чувственного реванша» – устранение будущего в пользу самодостаточного настоящего. С одной стороны, речь идет о реванше повседневности со всеми ее практиками в области малых дел над большими долговременными целями, формируемыми на государственно-политическом уровне. С другой, если использовать язык М. Хайдеггера, – о примате сущего над бытием... Проект раскрепощенной чувственности и «демобилизации», напротив, означает подмену бытия сущим – саморастворение в сиюминутном, связанном с пресловутой «отключкой» нашего бодрствующего теоретического и морального разума» [Панарин А. Агенты глобализма // http://www.patriotica.ru/books/panar_agents/part2_2.html]. «...Телесно они мужчины или женщины, но душа у них «сирота» – нет у неё ни небесного отца, ни матери-земли, а есть только «психическое содержание» – комплексы, фобии, либидо etc» (Евгений Головин).

Ситуация Постмодерна определяется для этой «сытой экзистенции» как наиболее «благостная» и «на все времена»: «... нет никакой ценности, идеи, которая имела бы преимущество перед другими, все равно близко и равно удаленно. Более того, помо отрицает и сам принцип различения истины и лжи, хорошего и дурного. Все объекты духовной культуры, межличностные отношения и даже его собственное «Я» для него не более чем предмет для игры. Совершенно очевидно для любого разумного человека, что такого рода «чувствительность» есть ничто иное как крайняя степень бесчувствия, безразличия... Единственная вещь которая пробивает его безразличие, вещь, к которой он по-настоящему чувствителен, это собственное благополучие, комфорт. Можно сказать что комфортизм – единственная ценность..., ибо

только в относительно безопасной атмосфере пользования благами цивилизации «первого мира» только и возможно постмодернистское существование. Ради сохранения комфорта ... пойдет на все – с легкостью совершит предательство принципов и людей, находя себе оправдание в «отсутствии смысла в этом мире», в том что «все относительно» и все «несерьезно». Впрочем, в строгом смысле слова тут действительно трудно говорить о предательстве, ибо даже предать возможно только будучи хотя бы отчасти заинтересованным в идеях, личностях и т.п. Иуда предал Христа не заради тридцати серебрянников, а потому что разочаровался в том, что тот способен избавить иудеев от римского владычества. Помо («постмодернистский человек», – О.Г.) не предаёт, потому что играет, а в рамках игры обещания и клятвы не стоят ничего» [Дмитрий Кремнёв aka Rotte-volf. Анти-помо. Советы выздоравливающим//http://community.livejournal.com/left_ideology/77945.html].

Идеалом правителя для «постгенониста-эксперта» (кит. «ши» – «учёный муж»), становится даос-император Цинь Ши-хуанди, который обращался к небу с сердечной молитвой, в результате чего устанавливалась прямая связь и Небо ниспосылало «дэ» – частичку Дао, которая полагалась императору, чтобы править страной. «... Премудрый человек не обладает человечностью. Для него все люди – словно соломенные собаки» (Лао-цзы). Совсем иное мы видим у Конфуция, который интерпретировал дао как высший принцип достойного поведения, воплощение истины и справедливости, символ должного и благородного, то для него это «прежде всего человеческое дао в людях и для людей» [Васильев Л.С. Конфуций // Вопросы истории. – 1989. – № 3. – С.94].

Уничтожение конфуцианских канонов являлось одним из методов идеологической борьбы циньских экспертов-«фацзя» с философами-конфуцианцами. Если исходить из сообщения Сыма Цяня, была сожжена конфуцианская литература, хранившаяся в частных собраниях, но экземпляры «Шицзина», так же как и сочинения различных мыслителей периода Чуньцю-Чжаньго, находившиеся в государственных библиотеках и книгохранилищах, остались в полной сохранности. Свыше 460 конфуцианцев были заживо закопаны, остальных сослали на охрану границ. Согласно легенде, славу государю и вечность оборонительной линии могла принести ужасная жертва – захоронение в утрамбованном грунте наполнителя миллиона человек. Эти безымянные строители встали на вечную стражу рубежей

Поднебесной. Их тела хоронили именно в вертикальном положении. Если верить утверждениям о материальности человеческой души и ее периодическом возвращении к месту погребения брэнного тела, можно представить себе, какая мощная энергетическая сила концентрируется порой в этом месте: «... Ощущение массы мертвецов ... – решающее. Это и есть его истинная масса. Без этого ощущения его не понять вообще ... Его одержимость, проявлявшая себя с жуткой активностью, и есть эти метвецы» [Канетти Э. Человек нашего столетия: Худож. Публицистика / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С.74]. «...Покойные являются покровителями своих родных. Они им помогают, потому что после смерти обретают новые возможности: видят будущие, для них нет преград в пространстве» [Uborshizzza. Кинг. Дьюма-Ки // http://community.livejournal.com/chto_chitat/4576861.html].

Также „эксперт-постгенонист“ стебется над демократией, убеждая, ссылаясь на Аристотеля, что она непременно вырождается (и уже выродилась) в охлократию: «... Деградация господствующего класса достигла поразительных показателей. Министры-хулиганы, судьи-«калядники», писклявые радикалы с бандитскими мордами, официальные бордельные моралисты, гадкие гибриды из политики и бизнеса и им подобные извраты усе созрели для урожая. И никто не удивится, если из недр страны, просоченной всеми видами мелкой тирании, выйдет каста воинов-жрецов, целью которых будет не очередной передел собственности, а осуществление мести как искусства. Из-под пресса мелкой тирании может явиться неожиданная форма сопротивления, неуязвимая для нынешних систем бщественной безопасности... Говорят, что предвидящие все американцы создали уже специальное подразделение для исследования такого явления, как «микротеррористическая ризома». Говорят, что эта «ризомы» все же существует, незаметно подтачивая подпорки несправедливого мира. Не исключено, что эра её процветания не за горами, а значительно ближе ...» [Єшкілев В. Дрібне тиранство // Репортер. – Ів-Фр., 2009. – №29, 28 травн. – С.8].

Поэтому, дескать, нам, по мнению «эксперта-постгенониста» необходимы для спасения Властной Системы именно такие вот даосы-императоры-«монархи»-«императоры наводнения (тотальным гламуром)», и даже не в виде отдельных личностей (они ведь могут совершать непростительные ошибки!), а как особого «суверенного и власть имущего класса/этноса», который «присваивает себе государство целиком» [Кара-Мурза С. Государство переходного пе-

риода: жесткая этнократия // <http://www.apn.ru/publications/article1622.htm>), экспроприрует и подавляет численное большинство населения (в форме, например, тирании «коллекторов» относительно должников по кредитам), разрушает его культуру и лишает его элиту возможности выполнять ее функции в восстановлении самосознания населения как народа. Как удачно определил этот социально-культурный тип «императоров наводнения» А. Елисеев, «...либеральные государственники, которые поднялись на волне буржуазных революций, но потом эту волну остановили. Они тоже установили свой порядок, однако, на самом деле, он есть, всего лишь замедленный Хаос, который рано или поздно снова вздыбится, причем гораздо более сильной волной. Ложные аполлонисты (стремящиеся, якобы, к установлению царства абсолютной гармонии, – О.Г.) обречены воспроизводить Хаос, ибо по природе своей они – дионисийцы, но только маскируют это... [Они пытаются] поймать волну Хаоса и развернуть ее в том направлении, которое выгодно силам Порядка. В данном случае как раз будет иметь место пародия на Хаос» [Елисеев А. Москва и Сечь : полюс Порядка и полюс Хаоса // <http://www.win.ru/civil/1914.phtml>].

Иными словами, вместо «национально-революционной демократии большинства» пропагандируется «либеральная демократия меньшинства» (определяемая её оппонентами как «либерастия»²²). Подобно волку Фенриру – архетипическому образу германской мифологии, проглотившему Солнце и этим предварившего финальную космическую битву богов и чудищ – Рагнарёк [Дмитрий Кремнёв aka Rotte-volf. К критике философии постмодерна // <http://rotte-volf.livejournal.com/95985.html>], пребывающая в состоянии пафоса «либеральная демократия меньшинства» пожрала солнце смысла, свободы и ответственности, создав соответствующую мизанцену для тотальной метаморфозы мироздания.

Не удивительно, что известный американский социолог К. Лэш определил нынешнее «постгеноновское время» именно как «восстание элит и предательство демократии» [Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. – М., 2002. – С.40]. Если раньше элитарность характеризовалась такими качествами, как оседлость, патриотическое отношение к определенной местности, благородное первенствование

22) «Сегодняшняя глобализация – ... это победа либерализма в глобальном масштабе, сделавшая государственные границы легко проницаемыми для капитала и информации» [Федотова В.Г. Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 12].

долга перед правами, благородство и меценатство, то сейчас нынешнее представители элиты скорее всего напоминают самые худшие образцы «массы» в описаниях Х. Ортеги-и-Гассета и Н. Бердяева: имеют кочевнический способ жизни, разнятся как отсутствием уважения к традициям и непризнанием собственных обязанностей, так и, особенно, изоляцией от всего остального населения, исключили себя из «общей жизни», одновременно, как заметил канадский мыслитель К.Б. Макферсон, упиваясь властью частной собственности²³, с помощью которой «элитарный человек» может исключать других из использования чего-либо [Мелков Ю. Пострадянське суспільство: Нове Середньовіччя // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2008. – №3. – С.184-185].

А. Эткинд считает, что условия для трансформации, рождения «нового мира» возможны лишь только тогда, когда «элитарный человек» почувствует неутолимую тягу «... ко всему настоящему, подлинному и первоначальному, а также отрицание им собственной культуры как неподлинной и ненастоящей ... Есть историческая ирония в том, что романтическое стремление к первичности опыта оборачивается умножением неверных копий, касающихся иных миров или экзотической изнанки собственного мира, которые принимаются за безусловную и единственную подлинность» [Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). – М.: НЛО, 1998. – С.166]. На то же надеется и А. Панарин: «...Думается, главной реакцией культуры, которой следует ожидать в ближайшем будущем, является реакция на неподлинность. Квинтэссенцией этой неподлинности является мир виртуальной экономики. Уже сегодня формируется школа так называемой физической экономики (См., напр.: Ларуш Л. Физическая экономика. М., 1997), прямо противопоставляющая дутым величинам новейшей банковской экономики натуральные показатели, связанные с расходом вещества природы и трудовых усилий. Очевидно, что в ближайшем будущем физическая экономика обретет не меньшее идейное влияние в стане поверженных, чем некогда – марксистская политическая экономика ... Я предвижу образование новой турффи-

23) «... частная собственность является главной гарантией свободы, причем не только для тех, кто владеет этой собственностью, но и для тех, кто ею не владеет. Лишь потому, что контроль над средствами производства распределен между многими не связанными между собой собственниками, никто не имеет над ними безраздельной власти, и мы как индивиды можем принимать решения и действовать самостоятельно. Но если сосредоточить все средства производства в одних руках, будь то диктатор или номинальные «представители всего общества», мы тут же попадем под ярмо абсолютной зависимости» [Хайек Ф.А. Дорога к рабству. – М.: Экономика. 1992. – С.83].

лософской школы, объединяющей естествоиспытателей, экономистов, специалистов в области маркетинга и гуманитариев – создателей престижной и заманчивой образности, которая свое назначение найдет в развенчании индустрии подделок и заменителей, вредных и для физического и для нравственного здоровья человека. Эта школа раскроет достоинство натуральных продуктов в их таинственной соотношенности с запросами человеческого тела и духа, равно как и с общими запросами эпохи на достоверность и подлинность. Подобно тому как поздние стоики вспоминали милетцев – натурфилософскую школу ранней античности, находя в ней противоядие от зыбкости эллинистического декаданса, нашей эпохе предстоит вспомнить натурфилософов Ренессанса, беря их в союзники в борьбе с нынешним «виртуальным миром»... Будущая натурфилософская школа создаст свой культурный стиль, характеризующийся неприятием всего искусственного – и в продуктах повседневного спроса, и в человеческих отношениях, и в экономических и политических практиках. Адептами этой школы станут все те, кому внушают отвращение манипуляторы и «кукловоды», кто дорожит трезвостью своего сознания, своим здравым смыслом и достоинством» [Панарин А. Агенты глобализма // http://www.patriotica.ru/books/panar_agents/part2_2.html].

Но ожидать, что у «элитарного нового человека», усиленно конструирующего собственную социальную реальность и стремящегося исключительно содержать себя в соответствии с эталоном («смахивать с эталона пыль кисточкой из беличьего хвоста»), обнаружится «стремления к подлинному» – гиблое дело.

Массы же, не входящие в круг вышеупомянутой «новой элиты», не имеющие собственной идентичности, собственного языка и самосознания, однако, полностью и искренне (и таким образом, иллюзорно) могут считать себя представителями элиты (например, считая, что достижение успеха – только дело времени) и идентифицировать свои интересы с интересами «новой элиты», т.е. превращаются в «снобов», «касту шудр-золотарей», «шабес-гоев»: «... Они смотрят на людей подлыми взглядами карманных воров» (Ю. Мисима) [Книга самурая. – СПб., 1999. – С.236]. К тому же массе объясняются некоторые «важные истины»²⁴, как вот фильмом «Адмирал»: внушается идея о превосходстве богатых над бедными (типа «лубофь» более возвышенная нежели у крестьянок с рабочими) и о том,

24) Удачно это «принуждение к мнению» Н. Лигачева определила как «барбосизацию» (см. «Телекритика», 2008, № 9).

что те, кто хочет элементарной справедливости, – это не люди вовсе, а вроде как грязные омерзительные матросы со штыками наперевес закалявающие офицеров, готовых за страну жизнь отдать. И над всем этим махровая церковная густопсовость. «...«Массовый» человек сверяет предпосылки своего мышления с мышлением и действием массы. С ходом истории. А поскольку «масса» не мыслит, а история не действует, постольку возникает массовая потребность в проверенных представителях истории и масс, ...поверенных массы» [Гиренок Ф.И. «Природа человека»: идейные инициативы философии (Обзор) // человек в контексте глобальных проблем: реферативный сборник. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – С. 19].

«Новая элита» принципиально закрыта для всех, кто способен по-настоящему исповедовать какие-то идеалы, традиционные ценности, она противостоит социальному пространству, агрессивно отделяется от него, «приватизируя» именно социальное пространство («рефеодализирует социальную сферу», по Ю. Хабермасу; «социальность растворяется симулякрами», по Ж. Бодрийяру), убивая его старую форму – «национальное государство», и используя информационное пространство как для набрасывания своих «антиценностей» лишенной возможности говорить «массе» [Мелков Ю. Пострадянське суспільство: Нове Середньовіччя // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2008. – № 3. – С.183-193], уничтожая по ходу и место для самовоспроизведения традиционной «элиты знаний и компетенций» – университет [Ястребцева А.В. Республиканский элитаризм и принцип равенства в период Третьей республики во Франции // Философские науки. – 2008. – №11. – С.7-20], так и для укоренения в массах убеждения, что нет альтернативности тотальному консумеризму и удовольствию от зрелищ [Голобородько А. Постмодерн против Революции // <http://www.pravaya.ru/look/4277>]. Даная форма доминации «новой элиты» весьма верно определяется М. Денисовым и В. Милитаревым как «оккупационная власть» [Денисов М., Милитарев В. Социализм и старый порядок // Взгляд из России: избранные политические статьи «Русского Журнала». – К.: Основні цінності, 2004. – С.14]. Соответственно, подчиненная «масса», в своем большинстве, оказывается именно «коллорабационистской» в отношении к «оккупационной власти», а «эксперт-постгенонист» – прислужником-полицаем.

Главное преступление «эксперта-постгенониста» состоит в подмене истины. В действительности Аристотель в своей «Афинской политике» говорил о том, что успех общества и государства не зависит

от формы правления и общественного строя. Он определяется исключительно уровнем нравственности большинства людей («моральное большинство»), и только без этого уровня (когда „моральное большинство” превращено в „молчащее большинство”, по Ж. Бодрийяру) монархия превращается в тиранию, аристократия в олигархию, а демократия в охлократию.

Раньше И. Кант связывал идею нравственности, морального закона непременно с религией: «...Для исполнения морального закона необходимо представление о «благе», а для этого необходимо представление о «высшем благе», а для представления о самом «высшем благе» необходимо представление о Боге» [Малер А. Трансцендентальная теология Канта // Форум молодых кантоведов (По материалам Международного конгресса, посвященного 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти Иммануила Канта). – М.: ИФ РАН, 2005. – С.91 //http://iph.ras.ru/page49482484.htm]. Мир либерализма (Дж. Локк, Т. Гоббс)²⁵ единственной истинной формой видит т.н. «контрактную нравственность» гражданского общества (т.е. противоположного церковному или военному), опирающуюся на совместное преследование выгоды и целесообразности, «культуре контракта»²⁶, и готовое растерзать тех, кто медлителен в этом процессе.

25) Основания либерализма базируются на двух идеях И. Канта в трактате «К вечному миру»: идея об единстве человеческого рода, общечеловеческих ценностей и идеалов и идеи о возможности изменения характера международных отношений в духе гуманизма и прав человека.

26) «...Эгоизм в гражданском обществе – альфа и омега. Всякая встреча – поиск выгоды. Поэтому возникает недоверчивая до патологии, шизофреническая культура составления контрактов, в которых нужно отразить все, даже непредвиденные случаи. Если в старой России бывали неграмотные купцы, доверявшие в сделках «слову купецкому» и рукопожатию («ударил по рукам» – в русской идеоматике означает – «решили дело»), то из Европы этот духок христианской доверчивости быстро выветрился. Гражданскому обществу свойственна «презумпция злого умысла» – за правило принято считать, что все всех хотят обмануть, и по данному факту строятся размышления – как сделать, чтобы НАС не обманули ОНИ. В прицел подозрения попадает и государство – гражданское общество смотрит на него, как на прожорливого «Левиафана», и тщательно следит, чтобы государственные институты где-то не перелез через бордюры договорных отношений с гражданами ...Отечество – по контракту. Если меня устраивают условия в ЭТОМ Отечестве – живу, а перестали устраивать или где-то предложили условия получше – расторган старый гражданский контракт и перехожу к новому. Поэтому открытые границы, свобода миграции – святая святых гражданского общества. Да и отмена паспортов, прописок, удостоверение личности по водительским правам – тоже его характерная черта ...Естественно, что и скальпный когда-то институт брака становится почвой для заключения контракта. Атомизированные разнопольные (а где уже и однопольные) личности, само собой, заранее подозревают друг в друге склонность обжудливать, а потому тщательно расписывают брачный контракт. Впрочем, надо думать, институт государственной (давно уже не церковной!) регистрации брака тоже скоро объяснят пережитком тоталитаризма. Миллионы людей уже живут без «глухих штампики» в «гражданском браке» (кстати, созвучие этого института гражданскому обществу, полагаю, далеко не случайно). Отношения детей и

Ныне под нравственностью понимаются «...элементарные правила хорошего поведения – это абсолютное условие свободной личности. Без этой субстанции, без этой густой сети неявных правил мы не могли бы действовать как свободные личности» [Жижек С. Фундаментализм – это весело // http://community.livejournal.com/ru_philosophy/799897.html]. Добро – не абстрактно. Оно внутри людей. Чтобы победить монстра, надо победить зло в себе, т.е. быть нравственным человеком.

Впротивовес этому – «нигилизм», «подполье», т.е. «уничтожение веры в общие правила ...Нет ничего святого» [Достоевский Ф.М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. – Т. 16. – С.330]. «...Истоки нигилизма ...отрыв от корней, от родного края (выделено нами. – О.Г.)... начинается страшно безродно ... кончается жутко» [Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 15 т. – Т.3. – С.136].

По И. Канту, действие только тогда обладает моральностью (от лат. *moralitas* – «нравственность»)²⁷, не как самоцель. Но только она единственно рождает правовое самосознание людей²⁸, и если оно у

родителей в гражданском обществе тоже все глубже и основательнее завязают в трясины контрактов, «прав сторон». Все сводится к выплатам на алиментной основе – вначале от родителей маленьким детям, а потом от взрослых детей – пожилым, нетрудоспособным родителям ...Вся жизнь западного человека современности – это бесконечный поиск лазеек в параграфах контракта, это мучительная, навязчивая идея изменить духу закона, не изменяя его букве. Десакрализация нравственности как раз и имеет первым следствием расчленение духа и буквы закона, до того существовавших в нерассекаемой слитности. Оттого главное зльдорадо гражданского общества – поле софизмов, логических парадоксов и трюков, позволяющих мошенникам обмануть сложного, но бездушного робота государственного возмездия ...В конечном счете гражданское общество, безбожное, атеистическое, скрепленное только взаимной выгодой, лишненное жертвенности, выдвигает один монолитный непререкаемый религиозный постулат – ВОЗЛЮБИ СЕБЯ! [Леонидов А. Гражданское общество или одиночество в толпе // Наш современник. – 2005. – №2 // <http://titir2007.livejournal.com/16395.html>].

27) Русские шовинисты очень любят указывать на то, что в украинском языке используются понятия «мораль» и «моральность», в то время как в русском эти понятия неоднокорневые – «мораль» и «нравственность», т.е. украинскому языку якобы недостает терминологического запаса. Однако примеры из других языков христианской традиции доказывают не только несостоятельность обвинения, но раскрывают подоплеку извращения и подмены понятий «мораль-нравственность» собственно в русской традиции. Ср. переводы «мораль» и «нравственность» на другие языки: албанский *etikës, moralitë*, английский *ethics, morality*, болгарский *етика, морал (!!!)*, греческий *θεοηθικός, ηθικός*, испанский *la ética, la moral*, итальянский *l'etica, la morale*, немецкий *Ethik, Moral*, польский *etyka, moralność*, румынский *etica, moralitatea*, сербский *етика, морал (!!!)*, словацкий *etika, morálka*, турецкий *etik, ahlak*, венгерский *etika, erkölcs*, французский *l'éthique, la morale*.

28) *Ius est ars boni et aequi* – «Право – это искусство добра и справедливости»; «Право по самому существу есть ...борьба с инстинктом, т.е. природой и его слугой – здравым смыслом ...Переход от произвола к праву – анархия...» [Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Тайны истории. М.П. Погодин, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский о пользе исторических знаний: Сборник / Сост., вступ.ст. В.М. Соловьева. – М.: Высш.шк., 1994. – С.164, 191]. Грех анархистов состоит в том, что они ...почти не проникают в ее (власти, – О.Г.) сущность. Их отвращение к ней настолько велико, что они не желают ею заниматься, бояться о нее испачкаться, в их позиции есть

людей есть – отсюда есть и достоинство: „Любовь к родине – первое достоинство цивилизованного человека” (Наполеон Бонапарт). Пусть даже и у последнего негодяя.

Т. Саутгейт

**ПРЕСТУПАЯ ВНЕШНИЕ ПРЕДЕЛЫ:
от Третьей позиции к национал-анархизму**

перевод с английского В. Чередникова

Одержимость человека тринитарной идеей длится тысячелетия. Действительно, когда налицо представлены две явных возможности для выбора, обе недостаточно взвешенные, мы зачастую ищем третьей альтернативы. В конце шестого века до Рождества Христова прославленный буддистский мудрец Гаутама отверг жизнь, полную пышного благоденствия, и принял испытание самодисциплиной и отречением. В результате, после подвержения себя крайней форме голодания, принц осознал, что существует срединный путь между роскошью и аскетизмом. В данном случае это был путь медитации и отрешённости – процесс, в котором оказываются превзойденными оба жизненных стили.

Интересная параллель может быть проведена между отказом Гаутамы от привилегий, доставшихся ему по наследству, и поиском на протяжении конца девятнадцатого и начала двадцатого веков альтернативы капитализму. Решением, как нам хорошо известно, был коммунизм. Последний век фактически может быть справедливо воспринят в качестве яростной исторической битвы напряжённо противостоящих и горько-враждебных идеологий. Но, как около шестидесяти лет назад рассматривал Хилэр Беллок в «Реставрации собственности», различия между двумя идеями не настолько отчётливы или рельефны, как то зачастую утверждают их сторонники: «Единственное экономическое отличие между толпой раболопствующих русских и шайкой свободных англичан, стекающихся поутру к фабрикам, состоит в том, что последние эксплуатируемы частной собственностью, а первые государством общинной модели. Движущая сила положения дел в России – это установление комфортабельной для кого-то и друзей этих «кого-то» бюрократии за счёт пролетарского труда. Движущая сила положения дел в Англии – увеличение чьего-то личного благосостояния за счёт пролетарского труда. Но нам нужно нечто отличное от того и другого». Таким образом, коммунизм был рассмотрен не как противоядие, но как симптом и продукт капитализма. Собственный поиск Беллоком альтернативы как капитализму, так и коммунизму был представлен Дистрибутивной Лигой, которую он основал в 1936 году совместно

с Г.К. Честертоном. Оба были прославленными новообращёнными в католичество, и оба оказались вдохновлены *Regum Novarum*, современной энцикликой, в которой Папа Лев XIII отвечал на вызов атеистического коммунизма предложением, чтобы имущество было распределено более справедливым образом, а к рабочим относились с большим почтением. Как мы сможем увидеть из нижеследующего, Беллок и Честертон стали двумя главными идеологами новой, Третьей позиции.

В конце 1970-х крупнейшая британская крайне правая организация Национальный Фронт испытала беспрецедентный рывок в развитии. В сущности неотличимый от более распространённой Консервативной партии, в которой защищались семейные ценности, закон и порядок, смертная казнь и прочие установки правого крыла, НФ стал именем нарицательным благодаря своей оппозиции к мультрасовости и поддержке принудительной репатриации всех небелых иммигрантов. Однако в 1979 году партия потерпела тяжёлое поражение на голосовании после того, как Маргарет Тэтчер позволила себе высказать один или два откровенных комментария по поводу растущей иммиграционной проблемы. В результате многие приверженцы оставили НФ ради сравнительно менее экстремальных сфер правого централизма, хотя, вполне предсказуемо, торжественное обещание миссис Тэтчер затянуть петлю на иммиграции так никогда и не было закреплено практически. С этого момента НФ прошёл через период фракционности в качестве запутанной мешанины идеологий, которая столь долго шествовала под единым знаменем к итогу теперь уже ожесточённой борьбы между реакционными консерваторами, вульгарными неонацистами и революционерами. Светила НФ, такие как Мартин Уэбстер и Джон Тиндалл, были исключены из партии в начале 80-х, освободив дорогу для нового энергичного поколения молодых активистов, – таких людей, как Дерек Холланд, Ник Гриффин, Патрик Харрингтон и Грэм Уильямсон. Эти личности были мотивированы заграничными организациями «третьего пути», и не в последнюю очередь итальянской *Terza Posizione* (Третье положение) и высланным Роберто Фьоре. Стратегия дестабилизации – *Anno di Piombo*, – которая характеризовала итальянских политиков на протяжении 1970-х, привела к развитию *Nuclei Armati Rivoluzionari* (Вооружённых революционных ячеек), и можно было видеть на улицах демонстрантов, несущих плакаты с одновременным превознесением Гитлера и Мао. Многие участники НФ были вдохновлены также Отто Штрассером,

бывшим членом Национал-социалистической рабочей партии Германии, который противостоял Гитлеру по причине предательства последним многих социалистических принципов НСДАП. Итак, для НФ это была новая эра революционной политики – та, в которой границы «левого» и «правого» оказались полностью отброшены и перепределены.

В 1980 британский НФ начал публиковать серию революционных журналов, озаглавленную «Восстание: буклет для политического солдата», обстоятельные статьи которой были посвящены близким по крови идеям политической жертвы и борьбы. Между тем памфлет Дерек Холланда «Политический солдат» вдохновлял уже следующее поколение новых активистов и был создан под сильным влиянием итальянского философа Юлиуса Эвола. Около 1986 года НФ заявил о проведении окончательной очистки своих рядов от «тори» и «реакционеров», а также, к великому разочарованию традиционных левых, вскоре был скреплён альянс с чёрными сепаратистскими организациями вроде «Нации ислама» Луиса Фаррахана, и привлечена «третьеутристская» позиция Ирана Хомейни. Действительно, в то время как работы Беллока и Честертона были использованы НФ для обеспечения уникальной экономической платформы, организация также пропагандировала «Народную власть», интересную социальную-политическую теорию, согласно которой структура британского общества могла бы сделаться настолько децентрализованной, что стала бы подобна Ливии полковника Каддафи. Не искусственные, но с позиций, установленных улицей, районные и региональные комитеты, через которые влияние может решающим образом распространяться с низового уровня. Это, конечно, абсолютно контрастировало с присущей НФ в прошлом зависимостью от избирательной системы голосования. В благоговении по отношению к своему ливийскому двойнику НФ теперь распространял копии «Зелёной книги» Каддафи и восторженно скандировал мантру «нет представительства вне участия». Как следствие, таким образом, неприятие НФ системы голосования с неизбежностью определило его допуск на революционную территорию внепарламентской политики. Движение продолжало выражать поддержку региональной независимости, европейской солидарности, абсолютному антирасизму и взаимодействию с чёрными и азиатскими общинами, находящимися в Англии.

То было захватывающее время для сторонников революционного национализма, однако личные конфликты, имеющие тенденцию рас-

пространяться на все сферы политики, в конце концов, развалили организацию на части в течение осени 1989 года. С одной стороны собралась последователи Дерека Холланда, Колина Тодда, Ника Гриффина и Роберто Фьоре, каждый из которых был вовлечён в продвижение нового деревенского проекта на севере Франции. С другой стороны были Патрик Харрингтон, Грэм Уильямсон и Дэвид Керр, которые верили, что управленческий центр организации должен оставаться на Британских островах. Холланд, Тодд, Гриффин и Фьоре отправились создавать Интернационал Третьей позиции (ИТП), в то время как Харрингтон и оставшиеся сторонники НФ распустили движение в марте 1990 и основали «Третий путь». Но для тех, кто верил, будто революционный динамизм поздних 80-х может быть каким-то образом воспроизведён, это было концом, полным разочарования и уныния. «Третий путь», который выставлял себя в качестве «радикального центра», стал гораздо более консервативным в своей поддержке антифедерализма и кампании «сохранить фунт». ИТП, с другой стороны, пытался повлиять на традиционную католическую группу при Обществе святого Пия X и, к ужасу подавляющего числа своих сторонников, взял катастрофический курс на реакционный фашизм. Таким образом, в то время как один сегмент старого НФ стал «респектабельным» и центристским, лидеры другого признали принципы Муссолини, Петена и Франко. Для ИТП неизбежный крах наступил в сентябре 1992.

К этому времени я был лично вовлечён в НФ – а в результате в ИТП, – с тех пор, как присоединился подростком в 1984. На протяжении всех этих лет я служил в качестве регионального организатора в сассекском НФ и в тонбридж-уэллской ветви ИТП, публикуя журналы, такие как «Крестonosец Кента», «Суррейское действие», «Восточный легион» и «Католическое действие». Вместе с «Северным восходом» (публиковавшимся йоркширским и ланкаширским филиалами ИТП), эти издания содержали пять пятых литературной продукции организации. Когда ИТП фактически распался в 1992, все эти журналы лишились средств к существованию. Между тем, ИТП перешёл в Финальный конфликт, включающий в себя месиво из молодёжной культуры скинхедов и христианских фанатиков.

Краш произошёл по многим причинам, и, прежде всего потому, что ИТП отказался от внутренней кадровой структуры, которая способствовала достижению такого великолепного эффекта в период НФ. Связанный тем, что Дерек Холланд и некоторые другие покинули страну и были

теперь совершенно не заинтересованы в борьбе Третьей позиции в Англии, Роберто Фьоре был атакован мной и многими другими по причине его вовлечённости в жёстко капиталистическое предприятие, которое управлялось из Центрального Лондона. Некоторые уходящие из ИТП активисты обвиняли также Холланда и Фьоре в краже многих тысяч фунтов, которые те инвестировали в земельную собственность, находившуюся во владении группы на севере Франции. Но наиболее решающим фактором из всех была, однако, возраставшая среди лидеров ИТП одержимость католицизмом и их постепенное нисхождение к реакционным водам неофашизма.

Из лоскутьев, оставшихся от ИТП, вышла новая независимая организация – Английское националистическое движение (АНД). Были предприняты очередные попытки вновь заявить о принципах Третьей позиции, и такие издания АНД, как «Крестonosец» и «Катализатор», подвергли атаке и Гитлера, и Муссолини, а следовать предпочитали примеру отечественных английских социалистов вроде Роберта Оуэна, Уильяма Коббета, Роберта Блэтчфорда и Уильяма Морриса. Этому сопутствовали призывы к оружию. АНД также проводило кампанию против тред-юнионов, отстаивая раздробление Британских островов на семь отдельных стран: Англию, Шотландию, Уэльс, Ольстер, Ирландию, Маннин (Остров Мэн) и Керноу (Корнуолл). Тем временем их издательство «Райзинг пресс» распространяло буклеты и памфлеты, охватывавшие весь спектр проблем, включая работы Отто и Грегора Штрассеров, Корнелиу Кодряну и полковника Каддафи.

В 1998 АНД изменило своё название на «Национальную революционную фракцию» и начало ещё интенсивнее призывать к вооружённому восстанию против британского государства. Серии обстоятельных памфлетов и внутренних бюллетеней были распространены среди националистов в глубь и ширь страны, и содержали призывы положить конец одержимости Британской национальной партии (БНП) маршами и выборами. Восстановленная организация также укрепляла контакты с зарубежными группами единомышленников по Третьей позиции, такими как Nouvelle Resistance (Франция), Американский фронт, Спартак (Канада), Канадский фронт, Alternativa Europea (Испания), Национальная судьба (Новая Зеландия), Devenir (Бельгия), Rivolta (Италия), Свободные националисты (Германия) и Национал-большевистская партия (Россия). Национал-большевизм представляет собой концепцию, стремящуюся создать альянс между Востоком и Западом, и существующую уже в течение многих лет. Её ранними

приверженцами были такие люди, как Мюллер ван ден Брук и Эрнст Юнгер, оба отчаянно пытавшиеся объединить Германию и Россию. Сегодня национал-большевизм главным образом ассоциируется с современным русским философом Александром Дугиным и становится одним из основных интересов НРФ, – не в последнюю очередь потому, что НРФ поддерживает создание децентрализованного евразийского блока в противовес американской гегемонии.

В последние годы НРФ отказалась от Третьей позиции и характеризует себя как Национал-анархистское движение. Иными словами, в то время как сторонники Третьей позиции преданы идее выйти за пределы капитализма и коммунизма, национал-анархисты делают один шаг вперёд в отношении завоевания действительности, фактически преступая границы самого понятия внешних пределов. Согласно знаменитому анархистскому философу Хаким Бею, писавшему в «Миллениуме» (1996): «Пять лет назад всё ещё была возможность заниматься в мире третьей позицией – то ли отказа в форме «ни то, ни другое», то ли лукавства, этого королевства за пределами диалектики». Он приходит к предположению, что: «Там, где нет второго, не может быть ни третьего, ни «ни того, ни другого». Так что выбор остаётся в силе: либо мы принимаем себя в качестве «последних людей», либо же мы утверждаем, что находимся в оппозиции». Это привело НРФ к превознесению анархистских мыслителей, таких как Бакунин и Прудон, а также к признанию негодной идеи государства и призывам к независимости замкнутых групп, «в которых национал-анархисты могут жить в согласии со своими собственными принципами и идеалами». Также национал-анархисты заявляют, что даже после распада капитализма они никак не надеются и не жаждут создания национальной инфраструктуры, веря, что близкие по духу и практические люди должны создавать и содержать органичные общности согласно своим личным предпочтениям. Под этим, естественно, подразумевается, что, несмотря на то, что НРФ пока сохраняет присущее ей видение Природных Законов и расового сепаратизма, она больше не желает навязывать свои убеждения другим. Группа также вовлечена в экологическую агитацию, антикапиталистические демонстрации и в круги, занимающиеся освобождением животных.

Также НРФ находится под серьёзным влиянием Альтернативных Зелёных, – группы, возникшей в результате отставки Ричарда Ханта с должности редактора левой газеты «Зелёный анархист». Замечательный экономический анализ Хантом эксплуатации за-

падным центром периферии стран третьего мира, а также его абсолютное неприятие разделения труда привели к открытому альянсу между Альтернативными Зелёными, НРФ, Nationale-Anarchie (немецких национал-анархистов), Уэссекскими регионалистами, Орифламмой (сторонниками возвращения к средневековью), Альбионом Пробуждённым (христианско-анархистская организация), Анархическим движением (находящимся под влиянием Юнгера и Эволы) и многими другими небольшими группами, каждая из которых твёрдо убеждена, что противники капитализма вопреки различиям должны прийти к единству ради обмена идеями и стратегиями. В мае 2000 эти элементы устроили первую Анархистскую еретическую ярмарку в Брайтоне, дав старт новой политической инициативе, названной «По ту сторону левоправого». Впоследствии это подверглось нападкам со стороны различных анархо-догматиков слева, включая Интернационал рабочих мира (ИРМ) и Антифашистское действие (АФД). Однако на сегодняшний день ни одна из этих организаций не попыталась объяснить, почему НРФ или её сторонники заслуживают эпитет «фашистское», или по какой причине они заслужили угрозы насилия или шантажа.

Учитывая, что такие идеологии, как национал-социализм, национальный коммунизм и национал-большевизм каждая по-своему совершали попытки совместить на вид несходные и несовместимые противоположности, появление национал-анархизма вообще представляется неизбежным. Но что, тем не менее, отличает НРФ от её подобию в пределах лево-правого спектра, так это тот факт, что она пытается сформировать синтез. В действительности «Синтез» – это название нового сетевого журнала, официально учреждённого Cercle de la Rose Noire, через который национал-революционные теоретики, эволюисты и известные экс-соратники по ныне почившему «Белому порядку Туле» (БПТ) продвигают трёхчастную стратегию «анархии», «окультуры» и «метаполитики». Сайт сообщества – <http://obsidian-blade.com/synthesis> – представляет национал-анархистов с эзотерической точки зрения, и становится крупным контркультурным ресурсом, на котором легко доступны статьи, эссе, поэзия, интервью и обзоры.

Сходство между стратегией национал-анархизма и триадическим анализом великого немецкого философа Георга Фридриха Гегеля огромно. Гегель считал, что при столкновении с неэффективностью мысли или утверждения (тезиса) и его последующего отрицания (антитезиса) результатом становится ещё одно отрицание, по мере того

как две первоначальные предпосылки объединяются и таким образом разрешаются на более высоком уровне (синтеза). После завершения данного процесса сам синтез может быть подвергнут отрицанию следующим антитезисом, и так до тех пор, пока возникший во втором случае синтез не начнёт весь процесс снова. Это возвращает нас к нашему длительному и повторяющемуся флирту с тринитаризмом. Рассматриваемый с данной точки зрения, национал-анархизм предстаёт в качестве следующего логического шага по направлению к возвышению духовного и интеллектуального самосознания человечества.

М. Медоваров

«ИНКЛИНГИ» И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА:

К постановке проблемы

Данная статья преследует непростую задачу: очертить основные пути решения вопроса о принадлежности (непринадлежности) крупнейших английских писателей XX века – «Инклингов» – к каким-либо тайным обществам и в то же время дать общие методологические представления о том, как решать подобные вопросы. По моему глубокому убеждению, это можно и нужно делать «без гнева и пристрастия», а тем более без повышенной нервозности, зачастую столь характерной для российской аудитории при обсуждении таких проблем.

Мне не раз приходилось разбираться в подчас весьма сложных взаимоотношениях многих известных писателей с теми или иными тайными обществами, масонскими и парамасонскими (часто, хотя и не всегда – с гностическим оттенком). На мой взгляд, можно выделить несколько типов таких взаимоотношений. Во-первых, писатель или поэт может выступать как оккультист или эзотерик по преимуществу, подчиняющий своё творчество задаче выражения соответствующих идей. Здесь можно вспомнить: в Германии – Гёте и романтиков, в США – Эдгара По, в России – масонов екатерининской поры, алхимика-шеллингианца В.Ф. Одоевского, «офита» Вл.С. Соловьёва или целую плеяду «серебряного века», например, А.А. Блока и А. Белого. (Что касается литературных произведений П.А. Флоренского, то вопрос о его принадлежности к гностическим обществам в 1900–1904 гг. до сих пор даже не поставлен как следует). Аналогичные примеры из литературы Великобритании и Ирландии широко известны (Дж.Г. Байрон, А. Конан Дойль, У.Б. Йейтс), некоторые из них мы упомянем ниже.

Во-вторых, известны случаи кратковременного членства некоторых литераторов в тайных обществах на низших ступенях. В подобных ситуациях, часто заканчивающихся разочарованием, можно говорить лишь о временном и поверхностном отражении, например, масонских идей в творчестве молодых Пушкина или Чаадаева. Возможен, впрочем, и резкий переход «к противоположному», как в случае де Местра.

Наиболее интересной является ситуация, когда некий писатель или поэт, не будучи членом тайных обществ, тем не менее, был неплохо осведомлён об их деятельности и проявлял к ним живой

интерес (выказывая своё одобрение или осуждение). Источниками соответствующей информации до XIX–XX вв. были прежде всего личные знакомства; в течение же последних полутора столетий стало возможным почерпнуть необходимые сведения и из книг. В то же время не следует упускать из виду и иной фактор – визионерство или «поэтическое безумие», которое обычно является врождённым и само по себе обуславливает интерес к мистике и эзотерике – интерес, который может вылиться как в принятие тех или иных её конкретных форм, так и в их активном отторжении.

В своё время мне приходилось изучать биографию Н.В. Гоголя, который никогда не был членом тайных обществ, но столь плотно общался с масонами и католическими мистиками, читал столько оккультной литературы (наравне, впрочем, со святоотеческой), что его творчество 1840-х годов практически полностью свелось к распространению ряда соответствующих идей, не понятых большинством современников, находившихся вне данного культурного контекста. И это притом, что Гоголь был мистиком, но отнюдь не визионером в строгом смысле слова!

В настоящее время можно считать доказанным, что три величайших английских апологета традиционного, консервативного христианства – Г.К. Честертон, Дж.Р.Р. Толкиен и К.С. Льюис – никогда не были членами ни масонских лож шотландского ритуала с их воинствующим либерализмом и антикатолицизмом, ни парамасонских структур гностического толка; и в то же время они знали об этих тайных обществах очень многое – гораздо больше, чем полагают наивные литературные критики или невнимательные читатели. Откуда? Здесь придётся рассмотреть все три названных выше источника информации (личные связи, книги, визионерство).

Начнём с книг, которые оказали решающее влияние на формирование мировоззрений будущих писателей. Льюис, ещё в школе увлекшийся теософией и розенкрейцерством, тем не менее, вплоть до 1931 г. оставался сугубо академическим исследователем средневековой литературы и мифологии (включая атеистический период 1913–1929 и деистический период 1929–1931). В это время на него сильнее всего влияли произведения Дж. Макдональда (1824–1905); Льюис прокомментировал его оккультный роман «Лилит»¹. С Толкиеном дело обстоит невероятно сложнее. Его мировоззрение складывалось

1) Why C.S. Lewis loved "Lilith" // <http://www.crossroad.to/Excerpts/books/lilith.htm>

под воздействием не только германских, кельтских и финских мифов и эпоса, а затем древнеанглийской литературы (всё это общеизвестно), но – не в последнюю очередь – и таких классиков конца XIX века, как Уильям Моррис (1834–1896) и Френсис Генри Томпсон (1859–1907). Часто говорят, что Толкиен не признавал английской литературы новее Чосера, но для этих двух писателей он явно делал исключение.

Моррис – писатель из круга художников-прерафаэлитов – был известен в советское время как идеолог крестьянского и «мелкобуржуазного» социализма. Но его имя в историю мировой литературы вошло всё-таки благодаря не столько утопии «Вести из ниоткуда», сколько романам (до сих пор не переведённым на русский язык) «House of Wolfings», «The Wood beyond the World» и «The Well at the World's End», написанным в жанре мистического реализма². Когда Моррис и будущий художник-прерафаэлит Э. Бёрн-Джонс поступили в 1852 г. в оксфордский Эксетер-колледж, они составили своеобразный манифест консервативной революции, один из первых в мире: они поклялись вести крестовый поход и священную войну против нынешнего века, «безжалостного холода времён»³. Для Англии, где традиционный общественный строй был разрушен очень рано, появление такого манифеста было весьма своевременным. Здесь прерафаэлиты шли по стопам Кларендона и Филмора, якобитов и Джона Ривза, романтиков Колриджа и Коббета и «феодального социалиста» Карлейля. Идеи Морриса о «новом средневековье» позже подхватил Честертон – ещё один литературный кумир Толкиена, неплохо разбиравшийся в тайных обществах. Но к тому времени и сам будущий автор «Властелина Колец» поступил в тот самый Эксетер-колледж (1911) и уже в 1914 г. потратил полученную премию на покупку сочинений Морриса⁴. Его романы «Дом Сынов Волка» и «Корни горы» глубоко потрясли Толкиена, точно так же, как позже, уже в тридцатые годы, «Лес за гранью мира» и «Источник на краю мира» окажут влияние на Льюиса.

Помимо Морриса и Честертон, в числе своих прямых литературных

2) На русский язык названия романов обычно переводят как «Дом Сынов Волка», «Лес за гранью мира» и «Источник на краю мира». Мистический реализм предполагает реалистическое описание мистических событий – разновидность романтизма, к которой можно отнести прозу и Гоголя, и Толкиена, и Эляде.

3) Гарт Дж. Толкин, Эксетер-колледж и Великая Война / пер. М.В. Семенихиной // Палантир. СПб., 2009. Октябрь. №58. С. 39.

4) Гарт Дж. Толкин, Эксетер-колледж и Великая Война / пер. М.В. Семенихиной // Палантир. СПб., 2009. Октябрь. №58. С. 47.

предшественников Толкиен называл английского поэта Ф.Г. Томпсона – ревностного католика, визионера, безумца, под конец жизни злоупотреблявшего опиумом для усиления своих видений. Его творчество пронизывают идеи софиологии и инициатического приобщения к мировой Мудрости: «Мои глаза не видели, но я видел. Мои уши не слышали, но я слышал». М.В. Семенихина доказала, что «лориэнские» главы «Властелина Колец» содержат в себе десятки прямых заимствований из поэмы Томпсона «The Mistress of Vision» (Толкиен вообще любил подобные аллюзии). Нельзя пройти и мимо фразы томпсоновской Владычицы (прообраза Галадриэли): «Beyond the dead his singing-loge». Её можно понять и как то, что подлинная поэзия не для смертных (тогда – для эльфов?), и как то, что для обретения поэтического дара необходимо инициатически «умереть» (ср. с пушкинским «Пророком»)⁵.

Таким образом, Толкиен прекрасно знал, что такое инициатический характер поэзии и литературы вообще (а он подчёркивал, что человеческий праязык был именно поэтическим). И здесь мы выходим на следующую проблему. Толкиен начиная с семилетнего возраста и примерно до сорока пяти лет был пассивным визионером (так же как, к слову, о. Павел Флоренский): у него непроизвольно всплывали в памяти смутные картины многотысячелетнего прошлого, а также слова и фразы на неизвестных языках. Сколь мучительно протекали подобные видения, можно понять из повести «Lost Road». Затем Толкиен уже при помощи рационального мышления обрабатывал материал своих «visions», создавая грамматики языков и строя законченные сюжеты произведений. Что касается К.С. Льюиса, то у него также имелся схожий дар, хотя в значительно более слабой форме. Тем не менее, и для Толкиена, и для Льюиса одних видений и обращений к древним мифам и произведениям Морриса и Томпсона было недостаточно, чтобы создать целые циклы произведений, в которых можно обнаруживать всё новые и новые пласты смысла. И сами авторы не были только слепыми медиумами, игрушками в руках то ли Господа Бога, то ли «Высших Неизвестных». Напротив, они осознавали свою миссию гораздо лучше, чем нам это может показаться. В рецензии 1937 года на невинного «Хоббита» Льюис писал: «Ребёнок, который о них [жителях Средиземья. – М.М.] читает (да и его родители, если они не очень образованы), вряд ли догадается, из какой глубокой

5) Семенихина М.В. «The Mistress of Vision» Ф. Томпсона и «Властелин Колец»: интертекстуальные переклички // Палантин. СПб., 2007. Август. №54. С. 29, 36–37.

Традиции они вышли»⁶. И речь здесь идёт отнюдь не об апофатическом богословии, как наивно полагает Григорий Ветрогон (хотя и о нём, в конечном счёте, тоже), а об атлантической Традиции как одной из ветвей примордиальной Традиции (некоторые сведения на этот счёт содержатся в заметке Р. Генона «Место атлантической Традиции в нашей Манвантаре»), хотя на самом деле всё ещё сложнее).

Итак, необходимо подчеркнуть, что одной только эрудированности в области мифологии вкупе с пассивным визионерством было недостаточно для того, чтобы Толкиен и Льюис стали тем, кем они стали. Нужна была ещё суровая школа знакомства с рядом тёмных и светлых личностей, связанных с тайными обществами. Благо недостатка в таких обществах британские университеты никогда не испытывали.

Среди множества литературных и филологических клубов «доинклинговского» периода, в которых состоял Толкиен (знаменитые TCBS в школе, «Углегрызы» в Оксфорде в 1925–1933 гг.), особое место занимают «Аполаустики» – клуб, созданный в Эксетер-колледже в 1911 году. На следующий год в него вступил двадцатилетний Толкиен (правда, он не проявлял там особой активности). «Аполаустики» (название происходит от греч. «наслаждаться») занимались, строго говоря, пустым времяпрепровождением, однако следует обратить внимание на то, какое направление хотели придать студентам некоторые из тогдашних преподавателей. Об этом свидетельствуют два факта: герб общества в виде квадрата и циркуля, вписанных в круг; и название университетской газеты, где особенно отличился один из «Аполаутиков» Генри Оллпасс – «Исида»⁷. Sapienti sat, и пусть даже многие студенты (особенно католики, включая Толкиена), не пошли этим более чем скользким путём, начало их знакомству с масонской сетью, опутавшей все британские университеты, было положено.

Следующим этапом, когда Толкиену и Льюису пришлось вступить в непосредственное взаимодействие с представителями тайных обществ, стало знаменитое литературно-богословское общество «Инклингов» (1933–1949). Как известно, именно в 1933 году Льюис («Джек») и Толкиен («Толлерс») возглавили существовавший с 1931 г. студенческий кружок и превратили его в неформальный клуб, где дважды в неделю обсуждались проблемы взаимосвязи христианской теологии и традиционной мифологии, а в выходные годы читались

6) Цит. по: Ветрогон Г. Просто христианство [2002] // http://plus.gambler.ru/tavle/lit/lit_8.htm

7) Гарт Дж. Ук. соч. С. 45.

и обсуждались сочинения участников (ранее никто из них не был профессиональным писателем). Всего насчитывалось около двадцати «Инклингов», хотя все вместе они вряд ли когда-либо собирались. По имеющимся сведениям, лишь трое из них были членами тайных обществ.

В первую очередь необходимо назвать антропософа и холиста Оуэна Барфилда (1898–1997), адвоката и старого друга (с 1919 г.) Льюиса, автора книги «Poetic Diction» (1928), в которой доказывалось, что самой ранней формой языка была «мифопоэтическая», воспринятая людьми от Старшей Расы; затем же с течением времени происходила деградация человеческого языка вплоть до нынешних «конвенциональных» языков. (Нетрудно заметить, что основные положения данной книги перекликаются с имяславческими работами Флоренского.) Толкиен, который уже в 1926 г. высказывал в печати подобные идеи, сразу же поддержал Барфилда (хотя и расхоронил с ним по вопросу возможности реставрации изначального языка), и к моменту знаменитого обращения Льюиса и написания «Мифопоэзии» (1931) его собственные выкладки уже прочно опирались на барфилдовский фундамент. Влияние Барфилда помогло Толкиену придать законченную научную форму своей врожденной склонности к «имяславию» и «платонизму» (под которыми в духе Флоренского мы понимаем здесь «магическое мировоззрение»). По крайней мере, в «Хоббите» (1936) присутствует прямая отсылка к «Poetic Diction»⁸. Судя по письмам Толкиена, Барфилд продолжал тесное общение с ним и с Льюисом на протяжении сороковых годов. В 1963 г. Толкиен и Барфилд встретились на похоронах «Джека», а в 1965 г. выдающийся антропософ написал книгу «К.С. Льюис в новом свете». В ней Барфилд подробно писал о противоречивости личности усопшего и неразгаданности того перелома, который произошёл с ним в тридцатые годы; со своей стороны, Толкиен присоединился к такой оценке. Наконец, когда Х. Карпентер работал над книгами «Биография Толкиена» (1977) и «Инклинги» (1978), престарелый Барфилд (ему было суждено прожить 99 лет) оказывал посильную помощь.

После начала Второй мировой войны 1939 г. в Оксфорд из Лондона была эвакуирована типография «Oxford University Press», а вместе с ней в жизнь «Инклингов» ворвался розенкрейцер, член «Золотой Зари» Чарльз Уильямс (1886–1945), автор 28 художественных произведений

8) Толкин Дж.Р.П. Письма / пер. С.Б. Лихачёвой. М., 2004. №15, 90, 109, 251, 278. О влиянии Барфилда на Толкиена и Льюиса см. также: The Inklings: Lewis, Tolkien, Williams and Barfield explore Theosophy and Reincarnation // <http://www.crossroad.to/Quotes/spirituality/tolkien-lewis.htm>

(включая семь романов), в которых были перемешаны оккультизм и церковность, глубокие мистические тайны и развлекательные сюжеты. Толкиену не нравилась мешанина из элементов герметизма, легенд о короле Артуре и византийского православия, которую так любил Уильямс. И хотя их отношения вплоть до смерти последнего в мае 1945 г. оставались ровными и приятельскими (Уильямс не меньше Барфилда помогал Толкиену работать над «Властелином Колец»), но они никогда не переросли в дружбу и открытость. «Мы очень нравились друг другу и с большим удовольствием вели беседы (преимущественно в шуточных тонах). Но на более глубоком (или высоком) уровне нам нечего было друг другу сказать», – вспоминал Толкиен позднее. Зато Льюис сразу же подпал под обаяние Уильямса, что вызвало недовольство Толкиена. И если такие мотивы повести Льюиса «За пределы безмолвной планеты» (1938), как захват Земли сатаной в глубокой древности, приходится объяснять влиянием Барфилда, средневекового платоника Бернарда Сильвестра и гностиков, то следующие две части «Космической трилогии» – «Переландра» (1943) и «Мерзейшая мощь» (1946) – были написаны Льюисом по образу и подобию романов Уильямса, которому гностическое миропонимание было абсолютно чуждо⁹.

Стоит обратить внимание на особенности мировоззрения четырёх ведущих «Инклингов». Ещё в 1971 г., при жизни Толкиена и Барфилда, когда не был издан даже «Сильмариллион», Р.Дж. Рейлли предпринял неудачную попытку свести их взгляды к некоей «романтической религии»¹⁰. На самом же деле лучше выделить две идейные связи «Барфилд – Толкиен» и «Уильямс – Льюис»: если для первой характерна ориентация на фундаментальное исследование мифологии и органическое употребление «мифопоэтического» языка, то для второй – пристрастие к эклектическому использованию мифов и сведений, полученных от тайных обществ, в литературе кажущегося «лёгким» жанра. С другой стороны, твёрдая приверженность Толкиена, а с 19 сентября 1931 года и Льюиса, христианству и их вера в Евангелие как в Абсолютный Миф отделяла их от членов тайных обществ Барфилда

9) Толкин Дж.Р.П. Письма. №99; Медоваров М.В. Дж.Р.П. Толкиен – христианин, консерватор, традиционалист. К 35-летию со дня смерти. Н.Новгород, 2009 // <http://mahtalca:narod.ru/literature/tolkien/tolkien.zip>. С. 23, 28. Нормального анализа льюисовской космологии до сих пор нет, по крайней мере, в России. См. достаточно наивные суждения: Ветрогон Г. Через Космос – к Небесам! (2001) // http://plus.gambler.ru/tavlei/lit/lit_3.htm; Ветрогон Г., Гумерова А. Диалог о гностицизме и Малакандре (2001) // http://plus.gambler.ru/tavlei/lit/lit_6.htm

10) Reilly R.J. Romantic Religion: a Study of Barfield, Lewis, Williams and Tolkien. Univ. of Georgia Press, 1971. 249 pp.

и Уильямса (справедливости ради отметим, что умер Уильямс – человек, знакомый с Йейтсом и Кроули – всё же как правоверный англичанин, а не как розенкрейцер). Таким образом, «Инклингов» объединяли не столько общие убеждения, сколько общая сфера интересов, а отношения между ними могут быть представлены в виде таблицы (объясняющей, в частности, причины отчуждения между Толкиеном и Уильямсом, при всём их взаимном уважении)¹¹:

	Христианство	Тайные общества
Мифопоэтический подход	Толкиен	Барфилд
Эклектическое, прикладное использование мифологии	Льюис	Уильямс

Здесь мы не будем касаться романов Уильямса. В данном случае нас больше интересуют мотивы, появившиеся в сочинениях Льюиса после знакомства с ним. Толкиен считал, что вплоть до 1944 г. «Джек» пытался построить собственную оригинальную мифологию, непохожую на концепцию Уильямса, хотя по форме его сочинения (особенно «Переландра») и начали испытывать влияние последнего. Однако уже «Мерзейшая мощь», в которой Льюис отошёл в сторону от своих первоначальных замыслов, вызвала неприятие у Толкиена – настолько резкое, что его сложно объяснить какой-либо одной причиной. В своё время я предложил ряд объяснений той критике, которой Толкиен подверг последнюю часть «Космической трилогии»: здесь имело место не только недовольство тем, что главный герой трилогии Рэнсом с завидным постоянством выражал «льюисифицированные» мысли самого Толкиена, но и опасение проблем на работе вследствие раскрытия Льюисом многих тайн¹². Обратим, в частности, внимание, на эзотерический диалог Мерлина и Рэнсома в «Мерзейшей мощи», в конце которого выясняется, что Рэнсом – Пендрагон наших дней. Влияние «артуровской» тематики Уильямса очевидно, но не менее важно и то, что данная характеристика вполне может относиться и к прототипу Рэнсома – Толкиену, которого видения Атлантиды стали посещать после семилетнего возраста, т.е. именно тогда, когда он написал свои первые строки – «зелёный большой дракон». Кошмар драконов преследовал Толкиена многие годы, отсюда и мотив драко-

11) См. также работу: Flieger V. A Question of Time: J. R. R. Tolkien's Road to Faërie. Kent – Ohio – L., 1997. Автор, выделяя общую для «Инклингов» сферу интересов, подчёркивает принципиальные различия между Толкиеном и его друзьями-гностиками.

12) Медоваров М.В. Ук. соч. С. 221; Алексеев С. Инклинги // <http://plus.gambler.ru/tavlei/lit/9.htm>

ноборчества в его произведениях.

Как бы то ни было, Оксфорд кишел масонами, и после «Мерзейшей мощи» они не замедлили нанести удар по Льюису. В 1947 и 1951 гг. Льюис был дважды забаллотирован на должность профессора (ранее, в 1944 г., Толкиен также не был избран ректором колледжа по причине своей принадлежности к католической Церкви). Формальным поводом послужило недовольство оксфордских учёных литературной деятельностью «Джека», что неудивительно, если посмотреть на содержание «Мерзейшей мощи». Антимасонская и антилиберальная направленность этой повести очевидна; но важно здесь то, что Льюис сделал доступными широкой публике некоторые обряды тайных обществ: прежде всего, поклонение змею Уроборосу, а также отрезание голов, которые становились говорящими терафимами.

Вообще, следует отметить, что чтением Морриса и Томпсона и общением с Уильямсом и Барфилдом интерес Толкиена и Льюиса к оккультным доктринам не ограничивался. Толкиен высоко оценил романы Д. Линдсея «Путешествие к Арктуру» (1920) и Дж. О'Нила «Земля под Англией» (1935); в 1944 г. к «Инклингам» на чай не раз заходил Э.Р. Эмерсон – автор романа «Червь Уроборос». Добавим сюда дружбу Толкиена с великим поэтом, классиком англо-американской литературы У.Х. Оденем, который был убеждённым противником тайных обществ, но знал очень многое о них от У.Б. Йейтса (пояснения к этому имени, думаю, будут излишни). Наконец, Толкиен в письме сыну в 1944 г. упоминает как о чём-то обыденном, что Льюис собрался писать книгу о «сынах Каина и Сета», что само по себе заставляет задуматься всех, кто знаком с традиционализмом. А в период с 1944 по 1950 гг. Толкиен и Льюис планировали совместно написать капитальный труд «Язык и человеческая природа» в духе идей Барфилда (добавим сюда скрытую отсылку к тайному – енохианскому? – языку Атлантиды в «Мерзейшей мощи») ¹³. Этот план сорвался по причине окончательного распада «Инклингов» к 1949 г. и изнурительной работы Толкиена над «Властелином Колец», а Льюиса – над «Хрониками Нарнии».

Не имея возможности даже вкратце перечислить все мотивы этих произведений, которые можно объяснить только знакомством названных писателей с доктринами тайных обществ, обращу внимание на два обстоятельства. Первое – это общие взгляды Льюиса на мифологию, по которым ещё нет обобщающего исследования. Говоря в общих чертах,

13) Толкин Дж.Р.П. Письма. №26, 92.

он подписался бы под словами А.Г. Дугина: «Полнота истины обретается в сфере древних мифов и религиозных верований, которые напрямую обращались к вечному и неизменному Началу». После 1931 г. Льюис всегда рассматривал языческие мифы через призму христианства и наоборот, оставив свидетельства об этом в своих романах, повестях, рассказах, богословских трактатах. Посетив Грецию в 1960 г., он молился Христу «sub specie Apollonis». И если в России просто нет нормальных исследований о Льюисе, и преобладает полностью ложное его восприятие как умеренного протестанта и достаточно рационалистического мыслителя, то на Западе протестантские фундаменталисты давно распознали в нём своего злейшего врага. Они обвиняют его в приверженности католическому и православному богословию (в их понимании, это «сатанизм»), в особом почтении к Платону, в идее множества миров, в «теистической эволюции» вместо строго креационизма. Льва Аслана из «Хроник Нарнии» протестантские фундаменталисты отождествляют не с Христом, а с Аполлоном, не забывая напомнить и про особо трепетное отношение Льюиса к дионисийскому культу¹⁴. Второе важное обстоятельство – познания Льюиса и Толкиена о подземных жителях, которые могли быть ими почерпнуты только из эзотерической литературы. В «Серебряном кресле» (1953) под видом детской сказки говорится о таких вещах, как потомки Лилит, Царица Подземелья, подземные саламандры и великаны, что свидетельствует о знакомстве Льюиса с преданиями об Агартти. А в какой степени является авторской новацией учение писателя об Отце-Времени, который спит в подземной пещере и просыпается перед концом света, превращаясь в Вечность («Последняя битва», 1956) – это ещё не выяснено.

Здесь можно привести аналогичное суждение о подземном мире у Толкиена: «Глубоко, глубоко, глубже самых глубоких гномьих пещер, живут под землёю безымянные твари, исподволь грызущие Основания Мира. Даже Саурон ничего не знает о них. Они гораздо старше его... Я был там, но говорить о них не стану, ибо не хочу, чтобы вести из того мира омрачали солнечный свет» (слова Гэндальфа). Продолжая тему подземных царств, обратимся к словам Сарумана о «коронах семи королей и посохах пяти волшебников». Если пять толкиеновских «вол-

14) Van Nattan M., Van Nattan S. C.S. Lewis – the devil's wisest tool // <http://www.balaams-ass.com/journal/homemade/cslewis.htm> etc.; Collins M.A. Trouble in Narnia: the Occult Side of C.S. Lewis [2006] // <http://www.crossroad.to/articles2/006/narnia-trouble.htm>; Kjos B. Narnia // <http://www.crossroad.to/articles2/05/narnia.htm> etc.; Kjos B. Tolkien's Lord of the Rings: Truth, Myth or Both? [2001] // <http://www.crossroad.to/articles2/rings.htm>

шебников» (Майяр, посланные в Средиземье) известны поимённо (и их часто соотносят с пятью христианскими патриархами), то никто из комментаторов Толкиена не смог насчитать в Средиземье семь королей – при любых подсчётах их оказывается либо меньше, либо больше. Не является ли тогда данная фраза отсылкой к королям Агартти (притом, что не надо забывать и сопутствующую символику: семь звёзд Большой Медведицы – Серпа Валар; сочетание 7 и 5 даёт 12 и т.д.). Как бы то ни было, пока основной корпус писем Толкиена и Льюиса не будет опубликован без купюр (что в ближайшие годы невероятно), дальнейшие рассуждения на эту тему будут голословными.

Что касается «Властины Колец» (опубл. 1954–1955), то я уже писал о наличии в нём нескольких выпадов против либерального масонства (и шире – против некоторых других учений). Это средневековая символика молота как дьявольского орудия, это символика Глаза (Ока Гора) и Белой Руки, и, не в последнюю очередь, фразеология Сарумана: «Мы скроем наши замыслы в глубине сердца, оплакивая, быть может, зло, совершаемое попутно, но твёрдо придерживаясь высших, конечных целей – Знания, Закона, Порядка (Knowledge, Rule, Order)». Сюда можно добавить мотив ритуального сожжения царских останков из «Неоконченных сказаний» и лозунг «завоевания Солнца» Ар-Фаразоном в «Потерянной дороге»¹⁵. Нельзя оставить без внимания и глубокие познания Толкиена в астрономии (исследованные С.А. Беляковым)¹⁶, и особое место, которое занимают в толкиеновской мифологии Полярная звезда (и вообще Малая Медведица – Серп Валар, Valacirca), Арктур (Morwinyon), Сириус (Niellune/Helluin), а также созвездие Ориона (Telumehtar/Menelvagor), не говоря уже о Венере (Earendil). Характерно, что многолетнее затягивание с публикацией уже готового текста «Властины Колец» было вызвано не в последнюю очередь «научным сообществом», которое не хотело, чтобы и Толкиен пошёл по стопам опального Льюиса. Последний противился публикации своего положительного отзыва на «Властины Колец» и писал Толкиену: «Даже если и ты, и издатель оба согласны с моим мнением, подумайте хорошенько, стоит ли его использовать. Меня сильно и очень даже сильно не любят, и моё имя может принести вам больше вреда, чем пользы»¹⁷. Так и вышло: Толкиен после выхода первого

15) Медоваров М.В. Ук. соч. С. 162, 214, 222.

16) Беляков С.А. Отражение астрономических познаний Толкина в его творчестве // Палантир. СПб, 2009. Зима. №57. С. 4–16.

17) Цит. по: Алексеев С. Ук. соч.

тома своего романа ценой невероятных усилий удержался на рабочем месте, а Льюис в том же году был вынужден уехать в Кембридж. Оден и Барфилд к тому времени перебрались в США. История «Инклингов» и их отношений с тайными обществами завершилась.

В последние годы несколько раз в Интернете (прежде всего, англоязычном) проходили дискуссии о принадлежности Толкиена к масонству¹⁸. Как правило, сами масоны отвергают такую возможность. В одном из таких споров некий американский масон низших степеней обратил внимание на то, что в первой главе «Хоббита» употребляется словосочетание «widows' sons». Его оппоненты отметили, что «дети вдовы» упоминаются во множестве народных сказок и несколько раз в Библии, а потому в лучшем случае можно говорить о заимствовании из общего источника. В ходе полемики в Интернете не раз было замечено, что многие католики были масонами в нарушение папского запрета, однако ортодоксальная религиозность Толкиена, его преклонение перед заветами св. Пия X – борца с масонством и церковным либерализмом – позволяют сделать вывод о том, что писатель никогда не входил в ложи. Что касается Льюиса, то в 20-е годы он теоретически мог недолгое время побывать в тайных обществах; однако даже если это так, то основные идеи Льюиса сформировались лишь в 30-е и 40-е годы, после его «обращения». Правда, один из анонимных пользователей Интернета объявил, будто ему пришло письмо от анонима А., который, в свою очередь, из третьих рук получил сведения, что Толкиен и Льюис якобы были приняты в «Golden Dawn», но очень скоро изгнаны по причине «некомпетентности». Судя по всему, эта информация носит провокационный характер и всерьёз её рассматривать ни в коем случае нельзя.

Весьма неожиданным может показаться тот факт, что в спорах об «Инклингах» и масонстве (как в России, так и в США) иногда прибегают к аргументу об использовании Толкиеном масонских символов, которые на самом деле встречаются сплошь и рядом не только у «вольных каменщиков» и в других тайных обществах, но также в мифах и эпосе, в Библии и средневековой литературе. Сюда можно отнести и анализ Толкиеном символики пентаграммы в поэме «Сэр Гавейн и Зелёный Рыцарь», и вышеупомянутых «Семь королей» (а ведь были ещё и

18) Например, на форумах: <http://www.thetolkienforum.com/showthread.php?18050-JRR-Tolkien-True-Blue-Roman-Catholic-%97-or-Closet-Freemason> etc.; <http://forum.barrowdowns.com/showthread.php?t=14486> etc.; <http://www.abovetopsecret.com/forum/thread26884/pg1> etc.; <http://answers.yahoo.com/question/index?qid=20080515075823AAa0f6g>

«Трижды три королей!»). Между прочим, американский исследователь иллюминатов У. Пенре, помимо проведения крайне натянутых параллелей между Валар и шумерскими богами, обратился к теме двух столпов на вратах Мории. Эта тема была подхвачена и российским масоном Н. Ласточкиным, который прямо возвёл солнечно-лунный дуализм, столь ярко выраженный в толкиеновской мифологии (Два Светильника, Два Древа, Две Башни, две ветви Царского Рода), к библейским и масонским представлениям о столбах Яхин и Боаз¹⁹. Однако совершенно очевидно, что солнечно-лунный дуализм присущ любой мифологии, является универсальным архетипом, и говорить о заимствовании из Ветхого Завета и масонства в данном случае нет необходимости. Что касается Врат Мории, то абсолютно идентичного масонского изображения просто не существует; совпадают лишь ключевые элементы – два столба в арке и семь звёзд. В случае с «Властелином Колец» семь звёзд символизируют семь гномьих Праотцов и семь гномьих Колец; на другие значения этого символа указывалось выше, и повторяться здесь нет необходимости. И если Э. Ллойд верно отмечает факт использования символики семи звёзд розенкрейцерами, то отсюда следует лишь то, что Толкиен мог знать об этом, как знают и современные исследователи, но для этого совсем не обязательно быть членом каких-либо тайных обществ! Тем более нелепыми выглядят ссылки некоторых авторов на символы, использованные в фильме «Властелин Колец» – такая аргументация вообще не может приниматься в расчёт.

Ю. Эвола в своё время также указывал, что не любое упоминание элементов из герметических или гностических доктрин обязательно связано с членством в тайных обществах; более того – даже активные медиумы и визионеры не всегда проходят надлежаще оформленную инициацию, что уж говорить о пассивных визионерах типа Толкиена и Флоренского. Эвола даже противопоставлял способности медиума и инициацию²⁰. Конечно, это противопоставление не является абсолютным.

Свидетельство тому – существование писателей и поэтов, которые

19) Penre W. J.R.R. Tolkien and C.S. Lewis – The Occult Overtones In Their Writings [2005] // <http://www.illuminati-news.com/tolkien-occult.htm> (Некачественный перевод на русский язык см.: http://www.teurgia.org/index.php?option=com_content&view=article&id=352:2010-04-16-05-13-15&catid=11:2009-12-21-14-33-20&Itemid=48); Ласточкин Н. Документальная эзотерика. Ч.6. Прекрасный рыцарь колец // <http://schwalbeman.livejournal.com/11402.html>

20) Эвола Ю. Гитлер и тайные общества [1971] // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/Article/evola_hitl.php

имели инициатический опыт иногда без всякого членства в тайных обществах. Мне представляется удачным термин «инициатическая литература», который использовал такой умеренный критик традиционализма, как свящ. А. Задорнов. Он задался вопросом: зачем такие серьёзным учёным, как М. Элиаде и А.Ф. Лосев, писали художественные произведения? Задорнов отвечает: не для развлечения, не для розыгрыша, не для пробы сил и подражания классикам, не для пропаганды и популяризации каких-либо «научных идей», но лишь ради одной Идеи – Идеи, которую можно и нужно прожить, а не усвоить внешним образом. Согласно Элиаде, только такая «инициатическая литература» имеет право на существование. Задорнов отмечает: заслуга Элиаде и Лосева в том, что они умели видеть Миф даже в современном мире и поняли его спасительность²¹.

Но всё сказанное может быть с полными правом отнесено и ко многим другим писателям и поэтам; если говорить об Англии – то речь пойдёт о целой плеяде от Морриса и Томпсона до Толкиена и Барфилда (Уильямс и Льюис занимались в принципе тем же, но с большей долей публицистичности и «рациональности» и меньшей – «визионерства»). Толкиен, несомненно, знал, что такое инициация (откуда и как – до конца ответ пока не может быть найден). Вспомним слова Гэндальфа после его воскрешения и преображения: «Я прошёл через огонь и глубокие, глубокие воды. Я забыл многое из того, что мнил знать, и вновь научился многому из того, что забыл». И это не единственная параллель между Толкиеном и тем же Элиаде. Упомяну хотя бы об их отношении к проблеме времени. «Исторический взгляд на вещи – не единственный» и «Все исторические трагедии имеют трансисторическое значение» – многие ли смогут отличить, где чьё высказывание?

Однако ситуация с «Инклингами» отнюдь не тривиальна. Всегда были люди, более других чуткие к «анамнесису», к всплывавшим в сознании обрывкам видений. Всегда существовали тайные общества. Но лишь в XIX и особенно XX веке то, что раньше было достоянием немногих, стало просачиваться в широкие массы, в том числе и через художественную литературу. Феномен «Инклингов» стал возможен на стыке нескольких тенденций. Почти наверняка можно утверждать, что Толкиен и Льюис (в отличие от Барфилда и Уильямса) никогда не были членами тайных обществ, однако очень хорошо разбирались

21) Задорнов А. Предание или «традиция»? (Традиционализм в его отношении к «религиоведению») // Богословский вестник. 1999 (2000). Т. 2. Вып. 3. С. 117–118.

в этой тематике. Врождённый интерес к эзотерике и визионерство, подпитываемые соответствующими книгами и влиянием друзей, но в то же время ограниченные рамками христианской религии – вот что определило специфику их творчества. Случайных символов и фраз в их произведениях нет: в отличие от их современных подражателей, Льюис и тем более Толкиен знали, что они пишут и зачем. Это и позволило им стать классиками «инициатической литературы» XX века.

«Инициатическая литература» – явление сложное и неоднозначное (о возможностях её влияния на массовое сознание можно судить хотя бы по культуре Толкиена, принявшему извращённые формы, совершенно не предусмотренные самим автором). Наверняка можно сказать только одно: невозможный в прежние века поток литературы, приоткрывающий то, что было всегда скрыто, вкпе с неслыханными открытиями историков и археологов – глубоко закономерен. Р. Генон совершенно справедливо писал: «Сам факт того, что многие останки забытого прошлого именно в нашу эпоху вновь появляются из земли, отнюдь не случаен. Не желая делать никаких предсказаний относительно того, к чему могут привести эти открытия, важность которых сами их авторы часто совершенно не осознают, укажем лишь, что в этом следует видеть «Знаки Времени». Не должно ли всё то, что исчезло в ходе Манвантары, вновь обнаружиться непосредственно перед её концом?»²². Можно вспомнить также слова Р. Дебре: «Вопрос в том, почему наше самое архаическое прошлое всё мощнее вторгается в нашу современность?»²³. Проблематика творчества «Инклингов» вынуждает ставить подобные вопросы с максимальной возможной остротой, тем более что поле для исследований здесь весьма обширно²⁴.

22) Генон Р. Место атлантической Традиции в нашей Манвантаре / пер. А.Г. Дугина (любое изд.).

23) Цит. по: Парвулеско Ж. Португальская служанка / пер. В.И. Карпца. СПб., 2009. С.303 и др.

24) Небезынтересны, например, исследования в области алхимических познаний Толкиена: Rose S., Weidner J. Tolkien at the End of Time: Alchemical Secrets of “The Lord of the Rings” // <http://www.sharronrose.com/SharronTolkien1.htm> etc.; Shelton M. Alchemy in the Middle-Earth: The Significance of J.R.R. Tolkien's “The Lord of the Rings” [2003]. Последняя книга написана с суфийских позиций.

APPENDIX

FAQ «INTERTRADITIONALE»

1. Что такое Интертрадиционал?

Интертрадиционал – это добровольный международный союз мыслящих и творческих людей, солидарных в неприятии профанной потребительской современности и в стремлении к реинтеграции Традиции, то есть традиционных ценностей и принципов посредством новых революционных решений.

2. Что такое «традиционные ценности»?

Это – единое, благое, прекрасное и священное, ныне ставшее разменной монетой в мире двойных стандартов. Мы выступаем против глобального супермаркета, готового продать любую ценность в виде дешевой штампованной копии, и призываем к возвращению изначальной подлинности.

3. В чем заключается «изначальная подлинность»?

Мы считаем, что жизнь каждого отдельного человека и человечества в целом – во все времена и в любых формах – неразрывно связана с сакральным началом, истоком, осью, первопринципом – «Архе». Связь с Архе – Традиция – золотой нитью проходит через историю, и является самым важным достоянием человека.

Мы используем «Архе» не как сакральное Имя, но как условное понятие, принятое в традиции европейской философии.

4. Что такое «Архе»?

«Архе» – это животворящий исток. Это одновременно Первопричина и Последняя Цель, между которыми лежит все Мироздание (Природа) как проявление Первопричины и путь к Последней Цели. Это – концентрированный образ и сущность Абсолюта, о котором повествуют все мифологии и религии, а также различные идеалистические

философии.

Архе вдохновляет творцов на созидание, учёных на познание, жрецов на прославление. Архе наделяет материю движением, а формы – жизнью.

«Архе» было центром философского внимания со времен Античности. У Платона это мир Абсолютных Идей, у Аристотеля – «руководящий принцип», у неоплатоников – Нус (Мировой Ум), у гностиков – София-Премудрость. В новой философии это Абсолютный Дух (Гегель) и Мировая Воля (Шопенгауэр).

Архе сверхличностно и супрационально, и потому выше человеческих суждений о личностном и безличностном, рациональном и иррациональном. Архе может проявляться как на личностном уровне (например, при духовном стяжательстве), так и на безличностном (например, в соблюдении законов Природы).

5. Является ли ваше понимание Традиции пантеистическим?

Наше мировоззрение – холистское, что свойственно всем созерцательным традициям. Однако, мы не отождествляем Субъект (Архе) с Объектом (Природа, Космос), как это делает натурал-пантеизм и большинство языческих учений. Солнечная система не есть клетка в теле Бога. Космос – это сон Бога, в котором одни сюжеты более абстрактны, другие – более конкретны. Сон по себе не может быть Архе, являясь только его Представлением, несущим отпечаток божества.

Это также, по-нашему мнению, снимает противоречие между креационизмом и манифестационизмом. Проявление сущности в формах одни традиции описывают как творение форм сущностью, а другие как воплощение сущности в формах подобно карнавалу с бесконечной сменой масок. Но формы изначально не оторваны от первопринципа – их отношения представляет собой сложную иерархию взаимосвязей, на которую можно воздействовать теургической методикой.

Поэтому, Традиция в понимании Интертрадиционала противопоставляется как материализму и натурал-пантеизму с одной стороны, так и радикальному креационизму, постулирующему принципиальный разрыв форм и их Творца, с другой стороны.

6. Какое место отводится человеку в этой модели?

Архе создает Представление, пытаясь познать себя. Человек соучаствует в Представлении, пытаясь познать себя как часть Архе через частные представления. Поэтому Бытие есть совместный диалектический про-

цесс познания Творца и Твари. Каждый человек является семенем Архе, которое может прорасти путем духовного стяжательства и интеллектуального развития и, таким образом, соединиться с Архе. По сути, это то, что христианские мистики называли «теозисом».

7. Что такое «Традиция»?

Если Природа – это процесс осуществления Архе, то принцип, стоящий за этим процессом – это Традиция. Традиция – это эманация Архе в формы, и одновременно познание этого процесса как структуры взаимосвязей и соответствий. Традиция как принцип воплощается в разнообразных исторических традициях, которые последовательно развиваются в культы, культуры, и, наконец, цивилизации. Человек создает культурные формы согласно Традиции как инструменты, конструкции, обеспечивающие соответствие Архе как структуре

8. Является ли Интертрадиционал религиозной организацией?

Интеллектуальная деятельность Интертрадиционала осуществляется на перекрестии религии, науки, философии и искусства.

Объектом изучения Интертрадиционала является Архе как сакральное формообразующее начало, единое в мультиверсуме религий и мифологий, а также его конкретные проекции в том или ином нарративе. Метод Интертрадиционала сходен со сравнительным религиоведением, но наши исследования ведутся с позиций, противоположных академическому материализму.

9. Как Интертрадиционал относится к официальным религиям?

Интертрадиционал выступает за плодотворный диалог как с официальными религиями, так и с неофициальными и оккультными учениями. Мы скептически относимся к эклектике и смешению традиций в духе «New Age», но выступаем за поиск точек соприкосновения традиций в целях духовного познания, прежде всего самих себя с позиций других традиций.

10. На каких концептуальных понятиях базируется Интертрадиционал?

Философско-идеологическим фундаментом Интертрадиционала является *Интертрадиционализм*.

Революционно-политической теорией Интертрадиционала является *Энархизм*, из которой вытекает форма общественного устройства

Археократия.

11. Что такое «Интертрадиционализм»?

Концепция «Интертрадиционализма» вырастает на базе синтеза антибуржуазных социал-революционных теорий и классического традиционализма, которые органично дополняют друг друга, и составляют полноценную новую идеологию.

Если социал-революционные движения предлагали «левый путь» (по сути, «путь левой руки» в традиционном понимании), то традиционализм был его антиподом – «путем правой руки». Социал-революционеры принимали Модерн и развивали его, традиционалисты же радикально отвергали Модерн как аномалию традиционной истории. По аналогии с адекватной значимостью пути левой руки и пути правой руки в рамках Традиции, мы используем диалектический подход, синтезируя левый антикапитализм и правый традиционализм в Интертрадиционализм.

12. Как соотносятся социал-революционные теории с Традицией?

Если проанализировать с позиций традиционализма разнообразные социал-революционные теории 18-19 вв., такие прогрессивные и анти-традиционные на первый взгляд, то становится очевидным, что они стремились утвердить новую сакральность по ту сторону материализма и капитала, то есть реинтегрироваться в Традицию на новом витке спирали истории. Сама логика социал-революционной теории органично вписывается в учение об элементах и космических циклах. Новый цикл европейской истории открылся с пришествием Христа. Спустя более тысячи лет после «Золотого» и «Серебряного» веков на смену средневековой синархии Воды и Огня (церковь и аристократия) пришла власть Воздуха (третье сословие), которая учредила парадигму Модерна. Посредством присущего ему мастерства в умножении форм, третье сословие создало сферу Капитала, это очищенное от форм игровое поле абсолютного умножения. Но за стихией Воздуха неизбежно грядет Земля, которая, по мнению социал-революционеров, должна была обозначать власть пролетариата, утвержденную через Революцию – окончательное смешение и разрушение прежних форм, которое откроет новый цикл. Пролетариат не мог быть субъектом власти, и был просто использован как природная стихия, сметающая прежнюю элиту для обоснования новой – брахманов и кшатриев Революции.

13. Как вы относитесь к марксизму и прочим

рудиментам коммунизма XX века?

Мы отвергаем реальный опыт марксизма XX века как псевдо-мессианскую попытку заполучить «конец истории», и возвращаемся к истокам социал-революционной теории, принимая во внимание такие концепции, как: 1) анархо-коммунизм Кропоткина, 2) феодал-социализм Карлейля, 3) ситуационизм Дебора и Ванегейма, 4) русский космизм, 5) радикальная антиэкономика Паунда, Батая, Бергфлета и др.

Мы берем материю марксизма (субстанцию) и преобразуем ее духом (эссенцией) Традиции, таким образом превращая свинец пролетариата в философское золото новых жрецов. Мы считаем, что коммунизм сможет выжить только в одухотворенном Традицией виде, только если во главу идеологии будет поставлена новая сакральность, возвращающая миру традиционные ценности. Пока коммунистический рационализм не будет поставлен на службу высшему Мифу, он так и будет проигрывать мировому Капиталу.

14. В таком случае, чем замещается экономика как субстанция истории? Что управляет миром, если не товарно-денежные отношения?

В эпоху виртуальных технологий Капитал выявил свою откровенно магическую природу, практически уподобившись сфере архетипов, то есть матрице всех мифологий и религий. «Знаки и символы управляют миром – а не слово и не закон» – говорил Конфуций, и сегодня нам необходимо переосмыслить эту максиму.

Мы призываем к перераскрытию древних непреходящих символов, подавленных холостыми знаками современности. Мир растворяется в симулякрах – нужно наполнить пустые формы новым, то есть давно забытым, смыслом.

15. Но что остается от марксизма, если вы лишаете его самой субстанции?

Остается диалектический метод, который был использован Маркомс в качестве философской основы его экономической парадигмы и оправдания преодоления Традиции. По аналогии с «диалектическим материализмом» Интертрадиционализм можно охарактеризовать как «диалектический традиционализм», где вместо экономического бинера «базис и надстройка» мы используем онтологический «Центр и Периферия».

Наконец, в качестве врага по-прежнему остается монстр Капитала, природа которого уходит намного глубже экономики..

16. Какова позиция Интертрадиционала по отношению к Модерну вообще?

В отличие от классических традиционалистов мы рассматриваем Модерн как нечто органичное Традиции, сама суть которой – холлизм, безальтернативная тотальность. Сама приставка «интер-» в Интертрадиционале постулирует всепроникаемость Традиции, приобретающей новые и новые формы в бесконечной манифестации Единого и Вечного. Вместо того, чтобы вставать на непродуктивные реакционные позиции и изобличать иллюзорность Модерна, тем самым утверждая его в реальных формах, мы принимаем Модерн объективно, и трактуем его ходы как завуалировано традиционные. Модерн – это всего лишь карнавал на периферии Традиции.

Наша задача заключается в экстраполировании Традиции на «антитрадиционный» мир, чтобы расшифровать ее непреходящий символизм, заключенный в «безбожных», казалось бы, формах. Мы должны перекодировать Матрицу, как это однажды удалось деятелям Нового Времени.

17. К чему может привести это «перекодирование Матрицы»?

Традиция должна возрождаться через Язык, который мы понимаем как проекцию Архе. Мы считаем, что предсказанные религиозные войны XXI века будут битвами за Смысл, за новый Логос, за наше право семантического преобразования пустых форм современности. Грядет время новых героев и новых магов.

18. Является ли смена вех «эволюцией»?

Эволюция – это процесс раскрытия Архе, актуализация его потенциала. Идеи, отклоняющиеся от Пути, смещаются в периферию и гибнут во Зле, то есть в хаосе борьбы за существование.

19. Признаете ли вы «прогресс»?

Мы рассматриваем историю как Спираль, то есть как цикличное повторение непреходящих принципов в постоянно изменяющихся формах. Конец цикла характеризуется накоплением стабильности и устойчивости, то есть тенденцией к консервации цикла. Прогресс – это нарастание реакционной асимметрии и сложности, противостоящий торможению Спирали. Это – витальный импульс, рывок из Хаоса, кото-

рый восстанавливает Путь согласно Архе, и тем самым раскрывает новый виток Спирали.

Поэтому мы полагаем, что «конец истории» – это только завершение ее линейного понимания. Как сказал Р. Генон, «конец мира никогда не есть и никогда не может быть чем-нибудь другим, кроме как концом иллюзии».

20. Как вы понимаете «индивидуализм» и «гуманизм»?

Мы понимаем индивидуализм не как социал-дарвинистскую попытку утвердить себя в мире отсутствующего Творца или в континууме абсолютной Материи, но как волевой выбор собственного пути от периферии мира к Абсолютному Полюсу, то есть к Архе. Только в связи с ним наше фрагментарное существование обретает полноценный смысл.

Модерн абсолютизировал Объект (Космос), то ли потому что Бог мертв, то ли потому что его никогда не было. За Субъекта в таком мире принимается Человек (Наблюдатель) – отсюда произрастает ро-мантический культ сверхчеловека как «полноправного правителя Объекта». Но мы понимаем волю ницшеанского сверхчеловека как нечто приближенное к Мировой Воле, даже через отрицание ее. Ибо человек – не данность, но задание.

21. Как вы, в таком случае, оцениваете расизм?

Интертрадиционал отрицает социал-дарвинистские расистские теории 19-20 вв. как пережиток Модерна, где традиционализм с его духовными идеалами цинично использовался в угоду текущим политическим интересам.

Вместе с тем мы утверждаем важность сохранения уникальности этнических и цивилизационных общностей во всех проявлениях, включая расовые. Нет ничего общего между плодотворным культурным обменом и беспорядочным смешением, обесценивающим духовное наследие.

22. Как может концепция Интертрадиционализма быть применена на практике?

Интертрадиционал выступает за преобразование Науки – за полномочие «спекулятивного метода» метафизики наравне с количественным подходом академического материализма. Частное должно воссоединиться с Целостным – модернистский разрыв между субъектом и объектом должен быть преодолен. Традиционные науки обязаны быть восстановлены в статусе, особенно в нашу эпоху виртуальных технологий, где логи-

чески заверченный высокий символизм сможет найти свое прямое приращение.

Кроме того, идеология Интертрадиционализма составляет философский фундамент политической теории Энархизма, которая в свою очередь лежит в основе Археократии.

23. Что такое «Энархизм»?

Энархизм – это политическая теория, предполагающая преобразование общества согласно его сакральным основам (мифологии или идеологии), то есть представлениям об Архе. Термин происходит от греч. “en arche”, и означает буквально «в начале» – это первые слова книги Бытия. Энархистское «В Начале» – это не просто «сначала, сперва», это именно постулирование пребывания «В Начале», то есть в непосредственной связи с Архе. По сути, это синоним «примордиализма», предполагающего реставрацию Золотого века и райского состояния человека.

24. Какая разница между «Энархизмом» и «анархизмом»?

Мы считаем, что термин «анархизм» семантически некорректен, так как он подразумевает отсутствие политической власти (кратии), но никак не морального начала, напрямую связанного с Первопринципом (Архе). Энархизм принимает многие постулаты анархизма, перетрактывая их материалистические и антропоцентрические принципы в понятия Традиции.

25. Как вы относитесь к идее всеобщего равенства?

Бытие пребывает в естественном неравенстве, то есть в иерархическом порядке приближения к Архе. Только исходя из естественного неравенства возможна диалектическая борьба и единство противоположностей. Только так возможен выбор сильного помочь слабому.

Мы считаем, что социальное равенство может быть достигнуто только в рамках замкнутой страты и только через волевой выбор ее членов. Таковой стратой нам представляется союз энархистов – новый орден воинов-жрецов.

26. Что это за новый орден воинов-жрецов?

Это новая духовно-интеллектуальная элита археократического общества, которая ценой самоотверженности служит благополучию большинства. Миссия ордена заключается в предотвращении отчуждения конструктов, т.е. утраты связи между культурными фор-

мами и Традицией, что извращает конструкты в идолоподобные паразитирующие конструкции. Орден блюдет изменения текущего цикла, принимая необходимые меры для сохранения соответствия Архе.

27. Означает ли это, что энархисты отвергают отмену частной собственности, то есть то, на чем стоит коммунизм?

Энархизм выступает за сохранение права частной собственности, но с жестким ограничением ее в пользу общественной. Общее познается только с позиций личного, и наоборот, и этот баланс нельзя нарушать, так как диалектика неизбежно найдет иные формы проявления.

28. Какие конкретные задачи стоят перед орденом энархистов?

Основной род деятельности энархического ордена составляет: — просветительство, то есть распространение традиционного учения об Архе и противостояние экстремизму религиозного, идеологического, финансового и другого рода, то есть «закрытым системам».

— подвижничество в борьбе с транснациональным капиталом в целях учреждения Археократии

— разработка стратегии развития человечества в соответствии с раскрытием Архе; вовлечение всего мира в общий проект, согласованный с судьбами отдельных народов и цивилизаций.

29. Что такое «Археократия»?

Археократия – это тип общественного управления, основанный на Архе в качестве идеала и традиционных ценностях в качестве средств. Археократия постулирует тождество «Архе» (первопринцип, Сакральное) и «кратии» (власть как прямая проекция Сакрального). Археократия как «власть Сакрального» противопоставляется технократии как «власти рукотворного» (т.е. идолов).

Будучи универсальной системой управления, Археократия выступает за сохранение различий между общинами, народами и цивилизациями («единство в разнообразии»), и против нивелирования, порождающего систему отчуждения («сколько социумов, столько и социализмов»).

30. Является ли археократия кастовым или сословным обществом?

Археократию можно трактовать как «структурированная анархия», где самоорганизация коллектива осуществляется в полном соответствии с раскрытием Архе. В таком обществе еще нет четкого разделения на сословия, а есть лишь распределение трех кардинальных функций (брахман, кшатрий, вайшья) согласно текущей ситуации. Сословия зарож-

даются только на уровне межобщинных отношений, в масштабе Империи (гроссраума) с единой армией, единой медицинской системой и т.п.

31. Какие уровни предполагает археократическая структура?

Археократическая социология выражается в трех уровнях:

1. Община (культура, локальная централизация, совет граждан, моноэтнический традиционализм)
2. Империя (цивилизация, гроссраум как союз общин, континентальная деми-централизация, совет общин, полиэтнический интертрадиционализм)
3. Мир (альтернативная глобализация, глобальная децентрализация, конвенциональный совет империй)

32. Чем отличается археократия от теократии?

Археократия – это радикальная субъективная власть, где каждый член общины является носителем Закона и Мифа, и полноправным гражданином Абсолютного Центра. Теократия – это узурпация Центра выделившимся сословием жрецов с автоматическим вытеснением всех других в периферию.

33. Какова позиция Интертрадиционала в отношении к глобализации?

Интертрадиционал принимает глобализацию как факт свершения Модерна, и видит возможность преодоления ее экономической природы в бесконфликтном прорастании археократических общин сквозь решетку транснациональных корпораций и псевдо-политических границ. Эти общины самодостаточны и связаны друг с другом в единую глобальную сеть.

34. Обладает ли Интертрадиционал исторической преемственностью?

Мы рассматриваем деятельность Интертрадиционал как продолжение Консервативной Революции, зародившейся посреди Великой Войны (между Первой и Второй Мировой). Нынешняя эпоха глобализации открыла новый полигон, изменив правила игры в цивилизацию, и поэтому нужно разрабатывать новую стратегию в вечной битве.

35. Как вы трактуете Мировую Войну?

Вторая Мировая Война была апогеем Модерна, и одновременно воплощением последней битвы, о которой говорится практически во

всех мифологиях и религиях. На ней завершился «закат Европы», предсказанный Шпенглером, и Новая Европа по-прежнему находится в зачаточном состоянии, выражающемся в ее политической инертности.

36. Цели и перспективы Интертрадиционала

В наши цели входит, прежде всего, дальнейшая разработка философии Архе и ее активная пропаганда, способствующая подготовке условий к археократическим революциям. Особое внимание уделяется критике глобального капитализма и общества потребления с позиций Традиции.

Интертрадиционал открыт к сотрудничеству с другими религиозными, общественными и творческими организациями, разделяющими наши идеалы.

1. What is Intertraditionale?

The Intertraditionale is a voluntary international union of thinking and creative people, united in their rejection of profane consumerist modernity and in commitment to reintegrate the Tradition, i.e. traditional values and principles by means of new revolutionary solutions.

2. What is "traditional values"?

These are the values of the common, the good, the beautiful and the sacred, what nowadays have become little else than commodities in the world of double standards. We oppose the global supermarket, which is ready to sell any value as a cheap stamped copy, and plead to reclaim primordial authenticity.

3. What is "primordial authenticity"?

We believe that the life of any man and mankind in general – in any times and any forms – is inseparably connected with the sacred source, axis, principium – the Arche. Connection with the Arche – The Tradition – is woven into history like a gold thread, and is the most significant possession of humanity.

We use "Arche" not as a sacred Name, but as a conventional notion, accepted within the European philosophy.

4. What is "the Arche"?

The Arche is the life-giving source. It is both the Prime Cause and the Ultimate Goal, and between them lies the universe (Nature) as the manifestation of the Prime Cause and way to the Ultimate Goal. It is the concentrated image and essence of the Absolute, which is the basis of all the mythologies and religions, as well as of different idealist philosophies.

The Arche inspires the authors to create, the scholars to perceive, the priests to glorify. The Arche endues the matter with motion, and all the forms – with life.

The Arche was the center of philosophical attention since Antiquity. Plato assumed it as the world of Absolute Ideas, Aristotle – as "the governing principle", Neoplatonics – as Nous (Universal Mind), Gnostics – as Sophia Wisdom. In the new philosophy it is the Absolute Spirit (Hegel) and the Universal Will (Schopenhauer).

The Arche is suprapersonal and metarational, and therefore is beyond human considerations about the personal and the impersonal, the rational and the irrational. The Arche can manifest both on the personal level (e.g. at spiri-

tual practice), and on the impersonal (e.g. at controlling the laws of Nature).

5. Is your understanding of The Tradition pantheistic?

Our world view is holistic, which is typical for all the contemplative traditions. However, we do not identify the Subject (the Arche) with the Object (Nature, Cosmos), as is the case of natural pantheism and the majority of pagan teachings. The solar system is not a cell in the divine body. Cosmos is but a dream of God, where some pieces are more abstract, others are more concrete. The dream itself is not the Arche, but only its representation, bearing the divine imprint.

In our opinion, it also solves the contradiction between creationism and manifestationism. Manifestation of the essence in forms can be described by some traditions as creation of the forms by the essence, while the others perceive it as the embodiment of the essence in forms like a carnival with an infinite changing of masks. Relations of the principium with the forms are a complex hierarchy of interconnections, which can be affected in a theurgical manner.

Thus, The Tradition in the Intertraditionale's understanding is opposed to both materialism and pantheistic naturalism on one side, and radical creationism, postulating fundamental chasm between the forms and their Creator, on the other side.

6. What is the place of man in this model?

The Arche creates the Representation, trying to perceive itself. The man participates in the Representation, trying to perceive himself as a part of the Arche through private representations. Thus the Being is a joint dialectical process of perception by Creator and Creature. Every man is a seed of the Arche, which can grow by spiritual practice and intellectual development and thus connect with the Arche. In essence, it is what the Christian mystics called "theosis".

7. What is "The Tradition"?

If Nature is the process of the Arche's manifestation, then the principle behind this process is The Tradition. The Tradition is the Arche's emanation into forms and in equal measure perception of this process as structure of correlations and analogies. The principle of The Tradition manifests in various historical traditions, which consequently develop into cults, cultures and, finally, civilizations.

8. Is the Intertraditionale a religious organization?

Intellectual activity of the Intertraditionale is exercised on the junction of re-

ligion, science, philosophy and art.

The object of the Intertraditionale's studies is the Arche as the sacred forming source, the one in the multiverse of religions and mythologies, as well as its specific projections in one narrative or another. The methods of the Intertraditionale are similar to those in comparative religion studies, but our research is conducted from the position contrary to that of academic materialism.

9. What is the Intertraditionale's position towards the official religions?

The Intertraditionale advocates for the productive cross-disciplinary dialogue with both the official religions and the unofficial and occult teachings. We are skeptical about eclecticism and the blending of traditions in the vein of the New Age, but we advocate for the search of the contact points of the traditions for the purpose of deeper perception of, first of all, ourselves from the position of the other traditions.

10. What are the Intertraditionale's conceptual bases?

The Intertraditionale's philosophical and ideological basis is Intertraditionalism.

The Intertraditionale's revolutionary and political concept is Enarchism, which underlies the form of social government, Archeocracy.

11. What is "Intertraditionalism"?

The concept of "Intertraditionalism" is developed on the basis of synthesis of antibourgeois social-revolutionary theories and classical Traditionalism, which naturally complete each other into a fully valid new ideology.

While the social-revolutionary movements offered the left way (in essence, "the Left-Hand Path" in traditional understanding), the traditionalists advocated for its antipode – "the Right-Hand Path". Socialists accepted Modernity and developed it further; traditionalists radically rejected Modernity as an anomaly within the traditional history. By analogy with the adequate value of the Left-Hand Path and the Right-Hand Path within The Tradition, we use a dialectical approach, combining left anti-capitalism and right traditionalism into Intertraditionalism.

12. How do social-revolutionary theories correlate with The Tradition?

If we analyze different social-revolutionary theories of 18-19 centuries, so seemingly progressive and anti-traditionalist, from the traditionalist point of view, it is obvious that they attempted to establish new sacredness beyond materialism and capital, i.e. to reintegrate into The Tradition on the new turn

of the history spiral. The very logic of social-revolutionary theory is naturally interpreted within the teaching of the elements and cosmic cycles. The new cycle of European history opened with the Christ's advent. After more than a thousand years of "Golden" and "Silver" ages, the medieval synarchy of Water and Fire (church and aristocracy) fell to the new rule of Air (the third class), which established the paradigm of Modernity. By means of its inherent skill of multiplying the forms, the third class created the sphere of Capital, this playing ground of absolute multiplication, purified from any forms. But after the element of Air inevitably comes the element of Earth, which, according to the social-revolutionaries, must mean power of the slaves, the proletariat, established by the Revolution – the final blend and collapse of former forms, destined to open a new cycle. The proletariat could never be the subject of the new power and was simply used as a force of nature to sweep away the old elite to accommodate the new – Brahmins and Kshatriyas of the Revolution.

13. What is your opinion of Marxism and other rudiments of 20th century's communism?

We reject the actual Marxist experience of the 20th century as a pseudo-messianic attempt to obtain "the end of history", and we return to the origins of social-revolutionary theory, taking into account such concepts as: 1) Kropotkin's anarchist communism, 2) Carlyle's feudal socialism, 3) Debord's situationism, 4) Russian cosmism, 5) radical anti-economics by Pound, Bataille, Bergflet etc.

We take the Marxist matter (substance) and transform it with the spirit of The Tradition (essence), this way turning the proletarian lead into the philosophical gold of the new priests. We believe that communism can only survive by being spirited by The Tradition. Only if new sacredness can be the ideological core, returning the traditional values to the world. As long as communist rationalism does not serve the higher Myth, it will still lose to global capitalism.

14. In this case, what replaces economy as the history substance? What rules the world if not the commodity-money relations?

In the present age of virtual technologies Capital has manifested its true magical nature, practically akin to the archetypes' sphere, which is the matrix of all the mythologies and religions. "Signs and symbols rule the world – not word or law", said Confucius, and today we have to rethink this maxim.

We plead to rediscover the ancient indelible symbols, repressed by the low signs of Modernity. The world dissolves in simulacra, so we need to fill

the empty forms with the new, long forgotten, meaning.

15. But what is left of Marxism, if you deprive it of its very substance?

We still have the dialectical methods, which were used by Marx as the philosophical basis of his economical paradigm and justification of the overcoming of The Tradition. By analogy with "dialectical materialism" we can characterize Intertraditionalism as "dialectical traditionalism", where instead of the economical binary "basis vs. superstructure" we use the ontological "Center vs. Periphery". Finally we still see the monster of Capital as our ideological enemy, as its nature goes much deeper than economy.

16. What is the Intertraditionale's opinion on Modernity in general?

Unlike the classical traditionalists we see Modernity as something seamless to The Tradition, whose essence is holism and non-alternative totality. The prefix "inter-" in the Intertraditionale postulates pervasion of the Tradition, which continuously assumes new forms in the infinite manifestation of the All. Instead of taking the unproductive reactionary position and unmasking Modernity's delusiveness, which only realizes it into the virtual forms, we accept Modernity objectively and interpret its moves as "traditional in disguise". Modernity is but a carnival on The Tradition's periphery.

Our task is to extrapolate the Tradition onto the "anti-traditional" world in order to decipher its indelible symbolism, contained in seemingly "godless" forms. We have to recode the matrix, just as the agents of Modernity once succeeded in doing.

17. What can this "recoding of the matrix" lead to?

The Tradition must be revived through the Language, which we see as the Arche's projection. We believe that the foreseen religious wars of the 21st century will be battles for the Meaning, for the new Logos, for our right of semantic reformation of Modernity's hollow forms. The time of new heroes and new magi is coming.

18. Does this change mean "evolution"?

Evolution is the process of the Arche's manifestation, i.e. actualization of its potential. Ideas, which are strayed from the Way, dislocate into Periphery and perish in Evil, i.e. in the chaos of the battle for existence.

19. Do you acknowledge "progress"?

We perceive history as Spiral, i.e. the cyclical repetition of indelible principles in constantly altering forms. End of cycle is characterized by accumulation

of stability and fixity, i.e. by tendency to conserve the cycle. Progress is augmentation of reactionary asymmetry and complexity, resisting the Spiral's inhibition. It is the vital impulse, a jerk out of chaos, which restores the Way according to the Arche, and thus starts a new turn of the Spiral.

Therefore we believe that "the end of history" can only be a completion of its linear perception. As R. Guénon said, "The end of the world never is and never will be anything else than the end of the illusion".

20. How do you interpret "individualism" and "humanism"?

We perceive individualism not as a social-Darwinist attempt to gain a foothold in the world of the absent Maker, but as a volition of choosing a personal way from the world periphery to the Absolute Pole, i.e. towards the Arche. Only in connection with the Arche does our fragmentary existence obtain completeness.

Modernity has absolutized the Object (Cosmos), whether because God is dead, or because he never existed. The role of the Subject in such a world is played by the Man (Observer) – here originates the romantic cult of the Superman as "the sovereign ruler of the Object". But we perceive the will of Nietzschean superman as something approximate to the Universal Will, even through its denial. For man is not an order, but an ordeal.

21. In this case, what is your position on racism?

The Intertraditionale rejects the social-Darwinist racist theories of 19-20th centuries as a remnant of Modernity, where traditionalism and spiritual values were cynically used in favor of the present political interests.

However, we state the importance of preserving the uniqueness of ethnical and civilizational communities in all manifestations, including racial. There is a huge difference between a productive cultural exchange and the chaotic blending, resulting in depreciation of the spiritual heritage.

22. How can the concept of Intertraditionalism be used in practice?

The Intertraditionale advocates for reformation of Science. We believe that the "speculative methods" of metaphysics is as valid as the quantitative approach of academic materialism. The Partial must reunite with the Whole – the modernist breach between subject and object must be overcome. The traditional sciences must be restored in status, especially in our epoch of virtual technologies, where the logically complete high symbolism can find its direct application.

Besides, the ideology of Intertraditionalism is the philosophical fundament of the political theory of Enarchism, which in turn can be taken as the basis of Archeocracy.

23. What is "Enarchism"?

Enarchism is a political theory, considering reformation of a society according to its sacred outlines (mythology or ideology), i.e. its perception of the Arche. The term comes from Greek "en arche" and means literally "in the beginning" – these are the first words of Genesis. The Enarchist "In the Beginning" is not merely "at first", it is a clear postulation of being "IN the Beginning", i.e. in direct connection with the Arche. It is in fact synonymous to "primordialism", assuming the restoration of the Golden Age and the Edenic state of man.

24. What is the difference between "Enarchism" and "Anarchism"?

We regard the term "Anarchism" as semantically incorrect, as it considers the absence of the political power (kratia), and not the moral core, directly connected with the Principium (the Arche). Enarchism accepts many postulates of Anarchism, re-interpreting its materialist and anthropocentrist principles through the notions of The Tradition.

25. What do you think of the idea of common equality?

The being dwells in natural inequality, i.e. in hierarchical order of approximation towards the Arche. The dialectical battle and unity of polarities is possible only within this natural inequality. Thus the choice of the stronger to help the weaker is possible.

We believe that social equality can be reached only within a closed stratum and only by volition of its members. Such a stratum, in our opinion, is a union of Enarchists – a new order of warrior-priests.

26. What is this new order of warrior-priests?

It is the new spiritual and intellectual elite of the archeocratic society, which at the cost of selflessness serves the welfare of the majority. The order's mission is to prevent the constructs' alienation, i.e. the loss of connection between cultural forms and The Tradition, which distorts the constructs into idol-like parasitizing constructions. The order observes the changes of the present cycle, taking the necessary measures to preserve correlation to the Arche.

27. Does it mean that Enarchists reject the abolishment of private property, i.e. the Communist basics?

Enarchism stands for the preservation of the right of private property, but with a strict limitation in favor of the common. The common is perceived from the positions of the private, and vice versa, and this balance should not be disturbed, as dialectics would inevitably find other forms of manifestation.

28. What concrete tasks does the Enarchist order have?

Primary activity of the Enarchist order consists of:

- outreach activities, spreading of traditionalist teachings of the Arche and resistance to the extremism of religious, ideological, financial and other kinds, i.e. “closed systems”
- dedication in battle with transnational Capital for the purpose of establishing Archeocracy
- elaboration of strategy of human development according the Arche’s manifestation; involving the whole world into a common project, concerted with the fates of distinct nations and civilizations.

29. What is “Archeocracy”?

Archeocracy is a type of social government, based on the Arche as the ideal and the traditional values as the means of its achievement. Archeocracy postulates identity of “Arche” as the Sacred principium and “-cracy” – government as direct projection of the Sacred. Archeocracy as “power of the Sacred” is opposed to technocracy as “power of the hand-made” (i.e. idols).

Being a universal system of government, Archeocracy stands for the preservation of differences between communities, nations and civilizations (“unity in diversity”), and against leveling, creating a system of alienation (“as many societies, so many socialisms”).

30. Is Archeocracy a society of castes or estates?

Archeocracy can be interpreted as “structured anarchy”, where self-organization of the collective happens in full accordance with the Arche’s manifestation. In such a community there is no clear fraction into estates, just distribution of the three cardinal functions (Brahman, Kshatriya, Vaishya) pursuant to the given situation. Estates appear only on the level of cross-communal relations, on the scale of Empire (big-space) with one army, one medical system etc.

31. What levels does the archeocratic structure assume?

Archeocratic sociology manifests on three levels:

1. Community (culture, local centralization, council of citizens, monoethical traditionalism)

2. Empire (civilization, big-space as union of communities, continental demicentralization, council of communities, polyethnic intertraditionalism)
3. World (alternative globalization, global decentralization, conventional council of empires)

32. What is the difference between Archeocracy and theocracy?

Archeocracy is a radical subjective government, where each member of the community is a carrier of Law and Myth, a citizen of the Absolute Center. Theocracy is usurpation of the Center by the segregated estate of the clergy with automatic expulsion of the others into the periphery.

33. What is the Intertraditionale’s position on globalization?

The Intertraditionale accepts globalization as a fact of Modernity’s completion, and sees a possibility of overcoming its economic nature in a conflict-free emergence of archeocratic communities through the grid of transnational corporations and pseudo-political boundaries. These communities are self-sufficient and interconnected in one global network.

34. Does the Intertraditionale succeed some historical organization?

We see the Intertraditionale’s activity as the continuation of the Conservative Revolution, originated amid the Great War (between First and Second WW). The present epoch of globalization opened a new battlefield, altering the game of civilization. Therefore we need to develop a new strategy in the eternal fight.

35. How do you interpret the World War?

The Second World War was the apogee of Modernity, and at the same time the last battle, of which virtually all the mythologies and religions speak. It was the end of “Europe’s fall”, predicted by Spengler, and the New Europe is still in the embryo stage, which is represented in her political inertness.

36. Goals and perspectives of the Intertraditionale

Our goal is first of all the elaboration of the Arche philosophy and its active propaganda, contributing to the preparation of the conditions for the archeocratic revolutions. Special attention is given to the critique of the global capital and the consumer society from the perspective of The Tradition.

The Intertraditionale is open for cooperation with other religious, public and creative organizations, sharing our ideals.

www.intertraditionale.org

Максим Борозенец – главный редактор
Олег Фомин – зам главного редактора
Валентин Чередников – консультант
Катерина Корниенко – дизайнер

Maxim Borozenec – chief editor
Oleg Fomin – deputy editor
Valentin Cherednikov – consultant
Kateryna Kornienko – designer